

Ирина и Сергей
ТЕЛЮК

ПРОЩАНИЕ

Автобиографический роман
на два голоса

Ирина и Сергей Телюк

ПРОЩАНИЕ

Автобиографический роман

на два голоса

Зебра Е / Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ТЗ1

Неразделимые

Лев Аннинский

Под общей редакцией Сергея Телюка

Оформление
Александр Шукин

*В оформлении книги использованы картины Ирины Телюк
обложка «Парящие»;
I форзац «У моря» (эскиз);
II форзац «Прощание»*

Подписано в печать 28.03.2013.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 35.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Телюк, Ирина. Телюк, Сергей
ТЗ1 **Прощание.** Автобиографический роман на два голоса /
Ирина Телюк, Сергей Телюк. — М.: Зебра Е, 2013. — 560 с., ил.

ISBN 978-5-906339-24-9

© И. В. Телюк, наследники, 2013 г.
© С. Ю. Телюк, 2013 г.

Не припомню уже, где именно впервые увидел их вместе... на каком краю страны широкой, куда заносила нас неустанная ДИМСИ (организация «Детских и молодёжных социальных инициатив»): в Вятке ли снежной, или на ясном Геленджикском берегу, а может, уже и в легендарном Гданьске, — но помню, что увидев их вместе, сразу осознал неразлучность этой пары. Она и он. Неразделимо.

Впрочем, у неё были некоторые преимущества быть замеченной. Стать и обаяние приковывали взгляд. Но взгляд наткнулся на такую доверчивую серьёзность её лица, на такую открытую доброту, что ни о какой игре или кокетстве не могло быть и речи.

В нашем общении как-то естественно на первое место вышел Сергей; что же до Ирины, то я, честно сказать, придерживался некоторой дистанции, боясь увлечься. С Сергеем же никакой дистанции не чувствовал (хотя по возрасту годился ему и ей в отцы): мы были втянуты в обсуждение одних и тех же проблем... точнее, одной проблемы, тогда определявшей эмоции: принять или не принять расстрел Белого Дома и распад Державы, и как понять, что сулит нам всем объявленная демократизация. К суждениям Сергея я с любопытством прислушивался, вникал в них и его тексты. Ирина же тихо красовалась поодаль в обрамлении своих изящных картинок.

И, тем не менее, начну с того, что я написал о ней. О её картинках. Когда поставив рядом меня и Шурочку (так в дружеском кругу называли мою жену Александру), Ирина исполнила наш парный портрет в Гданьской Ратуше. Почему-то именно эта деталь задела моё воображение, и я отреагировал.

ИРИНА ЗАЩИТНИЦА

Размышления перед полотном Ирины Телюк, изобразившей московскую семейную пару в Гданьской Ратуше.

Вопрос: причём тут Гданьская Ратуша? Какими судьбами оказались в её стенах муж и жена, явно нездешние? Почему не нашлось у Ирины Телюк для их парного портрета какого-нибудь нейтрального фона?

Ответ: потому что никакого нейтрального фона Ирина Телюк вообще не знает. Её мир заполнен, заселён, обжит до состояния, когда любая деталь вызывает цепочку культурных ассоциаций.

Но, в отличие от гипернаблюдательных постструктуралистов, Ирина Телюк исходит не из чувства хаоса, в котором непоравимо перемешаны детали, судьбы и души, не из абсурда невменяемого времени, всё уже пережившего и всё пережевавшего до состояния сто раз переваренной жвачки, и не из ужаса пропастей и разрывов, пронизывающего наличную реальность у многих современных художников, — а из того, что в этом хаосе космос «спрятан». Он даёт о себе знать: теплотой тона, композиционным строем, юмором фактуры. То есть качеством живописи.

Хаотическая тень Конца Света, покрывшая Землю при Всемирном Потопе, композиционно укрощена тем, как правилен и прочен силуэт ковчега, как спокойна фигура праотца Ноя.

Безумная ярмарка тщеславия, обуявшая художников, которые тащат свои полотна на Выставком, подсвечена улыбкой: хаос на картинках приручён, он всегда может быть приручён. Он приручаем по природе.

Даже самая горько безнадежная картина Ирины Телюк — «Незрячие» — компенсирует безнадегу не только ритмами: ритмом шагов, ритмом палок в руках слепых, но и стрелкой «Выход», показывающей, что люди идут «не туда». Смысл: они-то идут неправильно, и для них в это мгновение «выхода нет», но в принципе выход — есть!

Теперь я возвращаюсь к семейной паре на фоне гданьской росписи. Полотно разделено на тёмную и светлую половины. Семейный союз никогда не воплощается у Ирины Телюк в очевидных объёмах; фигуры разделены; их общение требует нравственного усилия; это усилие требуется и от зрителя, на помощь которому приходит геральдика = иероглифика, заполняющая фоны.

Муж представлен на фоне то ли травяных орнаментов, то ли рыбок, парящих в эфире. Имя героя — Лев — может только добавить юмора к фигуре этого травоядного мыслителя.

Жена — на своей автономной тёмной половине — сцеплена с каким-то воинственным средневековым «крулем». Смотрит она не на мужа, а в сторону. Дисконтакт?! Отнюдь! Она настороже: не грозит ли мужу опасность? Её зовут Александра, что расшифровывается: защитница мужей.

Вот и Ирина Телюк в моём сознании — защитница. Защитница мужей, защитница человек, защитница людей — в мире, где люди ждут Всемирного Потопа, несут показать друг другу картинку-оберёги от бессмыслицы, а то и шествуют вслепую, оберегаемые стенами, дверьми и надписями, какими бы абсурдными они ни казались.

Июль 2008 г.

* * *

Финал моего «живописного» этюда, как я ясно вижу, перечитывая его сегодня, — обращён уже не только к защитнице мужей, но и к тем, кого ей предстоит защищать (к мужам, да и к мужьям!), которым перевернувшаяся эпоха предлагает определиться заново — среди стен рыночной Демократии, возведённых на обломках стен военной Диктатуры.

Поколение, оказавшееся среди этих новых стен (и проходов, и обходов, и линеек, и лазеек) помог мне понять Сергей Телюк.

В него я и стал вчитываться, сводя в своём осознании перемен концы с концами. Особенно когда он процитировал моего старого собеседника (а в студенческие годы — добровольно избранного мэтра) Вадима Кожина.

СЕРГЕЙ КОНЦЫ С КОНЦАМИ

Вадим Кожин: «В случае перестрелки их убивают первыми...»

Говоря это, Кожин, собственно, не имел ввиду персонально Сергея Телюка, но Сергей Телюк цитирует его вполне обоснованно, и именно применительно к себе — в связи с признанием, что ему, Сергею Телюку, не близки крайности ни в демократическом, ни в патриотическом, ни в каких-либо ещё направлениях. Тут интересен даже не сам факт такого отказа от крайностей, сколько интонация загадочного удовольствия, с каким это нам сообщено.

В случае перестрелки интонация может смениться отчаянием либо яростью, но вечное *ожидание* перестрелки, которая висит в воздухе и никак не начнётся, — рождает то самое невыносимое состояние души, при котором в инженерере, обученном при социализме строить мосты и тоннели, пробуждается поэт.

Что ему строить: мосты с одного конца света на другой (да ещё надо решить, какие: четырёхрядные или двухрядные), или тоннели, ныряющие с простреливаемой поверхности жизни в её потаённую глубину (да ещё надо решить, выйдешь ли оттуда, а может, лучше остаться на поверхности и ползти, по-солдатски маскируясь), — вот это всё надо учесть, чтобы понять интонацию, в которой работает Сергей Телюк.

В качестве пробы интонации я возьму прозаический фрагмент, смахивающий на анекдоты «Агента Нулёва», — благо, в прозе Телюка, по пронизательному наблюдению одного из критиков, подкупает простота «жизня-бытья», вроде бы побуждающая «не ломать голову» над тем, в каком жанре это написано, а просто читать, смеяться и радуясь.

Вот эпизод из цикла «Занимательные истории... Однажды в XX веке».

Середина века. С фронта возвращается с наградами отец. Сын спрашивает: «За что награды?»

«Да так... Ползли к Берлину, стреляли, обмороживались... Мало ли... Всего не упомянешь...»

Тут собрана интонационная гамма, которая позволяет понять и Телюка-поэта. На первый простодушный взгляд — придуривание на грани издёвки: неужто пять лет войны, увенчавшиеся штурмом Берлина и триумфом Победы, — так-таки и укладываются в словечко «ползли»? Можно подумать, что рассказчик провоцирует нас на возмущение! А ведь на самом деле тут зарыта такая «тоннельная» правда, без которой триумф и впрямь может обернуться издёвкой. Ведь и ползли, и стреляли, и обмороживались. Только сказано об этом так, будто правда пропущена через ложь, и именно через ложь пронзает, а заодно пронзает и саму эту ложь («всего не упомянешь»), делая её горькой частью пережитой правды.

Зная этот «тоннельный» интонационный ход, можно читать стихи поэта, то есть вставлять на «мост», качающийся над реальностью, которая... притворяется ложной.

*Иные лидеры по праву
искусно вешают лапшу...
Её не стряхивай, прошу,
им это удалось на славу!*

То есть, лапшу на ушах надо оставить, потому что это часть реальности, и чтобы реальность понять, надо для начала принять и распробовать «лапшу».

*Проронишь слово — болтовня.
Всё в данном смысле неизменно,
лишь понимание бесценно...
И не смотри так на меня.*

Последняя строчка, возвращающая нас из бесценно-головоломного самоохмурения в ситуацию элементарности, делает стих в своём роде изысканным. Собеседник (или, наверное, собеседница?) смотрит на замечтавшегося творца с трезвым изумлением: уж не сбрендил ли ты, дружок?

А он:

*Там, за лёгкой дымкою тумана,
не страшны ни горе, ни беда...
Дни текут, что вешняя вода.
Смотришь — и не ведаешь обмана.*

Делает вид, что не ведаёт обмана... Имитирует самообман... Строить из себя такого простодушного, такого упоительного, такого сомнамбулического счастливица, — чтобы в складках этого бреда спрятать, вернее, засечь элементарную вещь: как проползти под пулями.

Иногда в неуловимо имитационном бреде проскальзывают цитаты общепризнанной высокой лирики. Из Маяковского: «Повсюду громадьё... И трезвый взгляд ни капельки не нужен». Из Твардовского: «Грядущая за далью даль не больше, чем обыкновенье». Из Окуджавы: «Надо бы к портному... Но он всё медлит. Ах, какой чудак». А это откуда, угадайте: «Душа внимает, расправляя складки, и увлекает — вроде бы навек! — туда, где вольно дышит человек, где ни к чему бесовские повадки...»

Оставим в покое Лебедева-Кумача, куда интереснее тут отзвуки «Бесов».

*Уж коль сорокой вышло родиться,
то не фи́га тут вороной каркать!*

Вам это ничего не напоминает? Это упоение поэтического пролёта над каркающей реальностью. Кто же в русской классике рядился в такую белую ворону, оставаясь в перьях родимой сороки, — под пером гениально смоделировавшего этот казус романиста?

Да капитан Лебядкин, изваянный Достоевским! Можно воевать с кармазинно-красивой значительностью Тургенева, верящего, что мир гармоничен, а можно вползти в красоту под видом самодельного поэта, тоже в эти химеры верящего, но так, чтобы мы, читатели, почувяли обманный морок, накрывающий и его, и нас всех.

Блок это понял, когда уловил черты капитана Лебядкина в упоительных поэзах Игоря Северянина, тоже вроде бы воспевав-

шего «эстетную изящность» реального мира, а на самом деле простодушно унюхавшего его фальшь.

И ещё, когда «Столбцы» Николая Заболоцкого читались у Павла Антокольского, жена последнего, актриса Зоя Бажанова пригвоздила присутствующих возгласом:

— Да это же капитан Лебядин!

Висело в воздухе! Надо было только это простодушие смоделировать — подобно Достоевскому, выдумавшего своего капитана.

Сергей Телюк выдумывает лирического героя, от лица которого можно говорить городу и миру столь простодушно-откровенные вещи. Допустим, праправнучка Козьмы Пруткова во время Московского Фестиваля молодёжи и студентов в 1957 году согрешила с гостем-эфиопом. Кто родился от этого греха? Человек, в сознании которого мир освободился от громадьё лжи, и сознание оказалось обнулено, но этот обнулённый младенец остался агентом нашей бесовской прогниченности.

Агент Нулёв — вот кто уполномочен говорить правду, которая ползёт в зарослях, выросших за века истории! Не будем же роптать! Будем счастливы! Подлость — это ведь тоже жизнь, если другой не дано.

*А тут что ни день — ожидаешь подлянку:
то слева, то справа устроят гулянку,
то снизу долбят, нарушая уют,
то сверху водою внезапно зальют.*

Быт так коммунально жуток, а мы так счастливы!

*Не будешь ведь вечно со всеми ругаться...
Куда незлобивому сердцу деваться?
Бывает «на пиво» друзей созовёшь
и песни в культурной среде поёшь.*

Когда бишь родился персонаж, так хитроумно моделирующий нашу счастливую дурь? В середине 50-х? Самое время!

СЕРГЕЙ

Размышления о поколении обманутых вкладчиков

Самое время — между кончиной генералиссимуса, от чьего военного тиранства стали тихонько оттаивать обмороженные советские люди, — и концом этой Оттепели, что было ознаменовано подавлением Пражской Весны. Между траурным салютом 1953 года и пристрелочными очередями 1968-го, как между двумя перестрелками, замыкается лебядкински мирное пятнадцатилетие, и появляется на свет поколение, к которому принадлежит Сергей Телюк.

«Преемственность поколений» ставит ему судьба заманчивой задачей, когда из тоннеля выводит на мост.

Чтобы осознать преемство, надо для начала отделить себя от тех, кого сменяешь, принимая страну.

От нас, отцов — спасёньшей военного времени, названных впоследствии «шестидесятниками» и оглашённых банкротами за свой запоздалый идеализм.

От старших братьев, выросших в послевоенной скудости под фанфары фальшивого оптимизма, укрывшихся от домогательств «системы» в котельных и бойлерных.

Счастливицам послесталинского пятнадцатилетия дала судьба вырасти «среди прочих химер» — ибо ничего иного и не могли знать они, «родившиеся в СССР».

Что можно было вынести из этой химерности — если отсчитывать от позднего протрезвления? Вроде бы проклясть должны были и ложно-счастливое детство, и фальшиво-бравурное отрочество с официальными праздниками. А что вспоминают? Не поверите: спорт и лепку в кружках! Вокально-инструментальные ансамбли! Литобъединения, на каждом шагу зазывавшие в рай соцреализма!

Знали они, что всё это — химеры?

Знали! И даже учились имитировать эту химеричность... Но притом и брали, что могли. Пока судьба очередной перестрелкой не отчеркнула старт следующему за ними поколению, появившемуся на свет между прицелом пражского вторжения

и канонадой Афгана; те уже не маршировали в пионерских колоннах, а поползли под пулями душманов, и вернулись на костылях, и возопили: «Не хотим!» От тех, младших, тоже надо было мысленно отделить себя этим, оставшимся между историческими перестрелками. Они, можно сказать, остались *последним советским поколением*, в которое вложилась Система, сберегавшая их для грядущих испытаний. Да испытание вышло не таким, как мечталось.

Собственно, настоящее испытание им было уготовано как раз тогда, когда они вошли в ответственный возраст, — в 1991 году.

Сергей Телюк с замечательной точностью описывает этот момент:

В дни августовского противостояния у Белого дома мне звонили ребята из Литвы, поставившие переносные телевизоры «Шлялис» для перепродажи:

— Держитесь, мы с вами! — воодушевлённо доносилось из трубки.

Приятно вспомнить. Только вот «держаться», главным образом, пришлось потом, и — поодиночке.

Почувствовали нюансы? Нюанс коммерческий — с поставками переносного товара. Нюанс душевно-политический, то есть привкус химеричности во всём этом спектакле. Да кто ж на самом деле играл в нём настоящие роли? Вчерашний партийный функционер, картинно вышедший из партии. Да ещё заезжий музыкант по имени Слава. Бывшие «шестидесятники», безуспешно пытавшиеся отыскать у социализма «человеческое лицо» и от отчаяния объявившие социализм вне закона. А рядовые участники этой атаки? Те, что кинулись ложиться под танки? Мальчишки, гавроши, новобранцы, остервеневшие от Афгана, волонтёры той новой России, которую потом пришлось из обломков собирать на руинах химерического Советского Союза! А рухнул он через считанные недели после их праздничного стояния у Белого Дома. Они, молодые волонтёры начавшихся 90-х, и собрали свою дань на развалинах. Они постсоветскую

жизнь восприняли как единственно нормальную. Они себя в ней реализовали.

А эти — которым в трубку кричали: «Держитесь!» За что им было держаться? За советскую почву, которая ушла из-под ног? За переносные «Шальвялисы», которыми вознаградило их наступающее «Смешение времён»?

«Приятно вспомнить», — провожает это смешение Телюк в своей коварно-благодушной интонации. «Держаться» им придётся, и довольно скоро. И «поодиночке».

Собственно, поэт, решившийся держаться, сам выбирает путь сопротивления. Поэзия — это и есть сопротивление одиночек. Если, конечно, вихрь очередного смешения времён не сбивает сопротивляющихся в марширующие колонны или атакующие цепи.

Поколение, путь которого я стремлюсь почувствовать в связи с текстами Сергея Телюка, вроде ещё не выковало когорту стихотворцев, которые в конце концов найдут поколению имя. Но таланты уже звучат. Телюк как истинный джентльмен готов уступить в этом деле первые места трём дамам. Это Анна Гедымин, Елена Исаева и Инна Кабыш. Путь обозначен?

«...Друг друга лишь трогая, не различая тропы, я тихо твержу: «Осторожно! Возмездие рядом! В малиннике — змеи, любимый! На стеблях — шипы...»

Возмездие? За что? И оно рядом?! И уже наступает! А как же народ, шедший *зарю навстречу*?

«А раз народ, великий и могучий, идёт зарю навстречу не с Христом — неважно всё: шеренгой или кучей — тогда я не с народом. Я с листом».

С листом — это «поодиночке».

Где-то меж этими точками лежит маршрут, в который вписывает себя поколение Сергея Телюка.

Автор «Смешения времён» не просто нащупывает интонацию для такого самопознания, с непроницаемым простодушием Агента Нулёва он предлагает сюжетную ставку: «ваучеры».

Что это такое: «ваучеры», в 1991 году мало кто знает.

Некая неустойчивость присутствовала и в окружавшем нас мире. Иногда казалось, что среди всеобщей «ваучеризации», сре-

ди мошенников и их клиентов, среди «пирамид» и аналогичных финансовых структур, обещавших баснословные прибыли, нормальных людей вовсе не осталось. Даже печальные Октябрьские события 1993-го прекрасно соответствовали изложенному. Только разница была в следующем: одни не могли поделить власть, а другие продолжали рассчитывать на мнимые дивиденды, коими их одурачивали с обеих сторон. Если честно, то, не будь человеческих жертв, происходившее выглядело бы грубым фарсом.

Интересно, кто же клюнул на этот фарс?

«Шестидесятники»? Да ни в коем разе! Им эти коммерческие рельсы были явно не по маршруту. Они вовсе не «общество потребления» намеревались выстроить на руинах затоптанного ими социализма, они Мировой Демократией бредили.

На рельсы коммерции прочно встали те самые «гавроши» с баррикад 1991 года, которые получили страну в свои чистые руки и кинулись в финансисты: они на дурацкие «ваучеры» не польстились — метили выше!

Польстились — те, что были «между» теми и этими. Между коноводами Смуты 90-х и жеребятами, которым предстояло вырасти в коноводов... то есть вырасти в коней, на спинах которых, по выражению Бисмарка, въезжают в Историю удачливые политики. Это ИХ время наступало.

А эти... Эти честно обманулись, вложившись в химерические ваучеры «перестройки». Да и эпоха, канувшая в вечность, успела в них вложиться. Вложились — и обманулись. Как и они в ней.

Поколению обманутых вкладчиков оставались только «приятные воспоминания». И сопротивление «поодиночке».

«Дружок, припомни, как юнцами мы не оглядывались вспять. И нынче нечего пенять: не сходятся концы с концами».

И тотчас — сатанински-лукавый вопрос, без которого Телюк не был бы Телюком:

А может, так и надо?

Декабрь 2009 г.

* * *

Надо соединить их в моём сознании так, как они уже соединились в реальности.

Я попытался — открыв их книгу «Предчувствие Руси». Ту самую, в которой Сергей обронил фразу: «Кто хочет, пусть спорит, а я обойдусь».

ИРИНА • СЕРГЕЙ НЕ ОБОЙДЁМСЯ

В первый год Великой Отечественной войны в свердловской эвакуации, в переполненном беженцами первом классе, учительница преподавала нам урок из истории родной страны.

Записала на доске аршинными буквами:

«Урарту».

Господи, какое «Урарту»? Причём тут «Урарту»?! Где его искать, это «Урарту»? Как связать его с Москвой, откуда мы уехали, с Ленинградом, где учительница чудом спаслась от гитлеровской бомбардировки, со Свердловском, который нас приютил?

Явилось и объяснение: Урарту — древнейшее государство, случившееся на территории Советского Союза, и значит, наша Родина.

За четыре года Советский Союз отстоял себя от фашистского нашествия.

Ещё через сорок лет — распался.

«Урарту» перестало быть актуальным. Дюжина обрётших независимость государств принялась писать свои собственные истории, каждая — от своей точки отсчёта. Мог ли я в свои семь лет представить себе, что эта «морочка», эта стая «химер», эта «дорога, ведущая в никуда», — станет головной болью у поколения наших детей?

Сергей Телюк — как раз из этого поколения.

Выросши, они получили в наследство пёструю карту, с которой вслед за «Советским Союзом» кануло в Лету, то есть

слетело в «молву», в числе прочего, и государство «Урарту», и вопрос: откуда мы, кто мы — приобрёл несколько фантастический характер.

Почувствовав этот зов предков и не обнаружив их в ясном порядке Мировой Истории, Сергей Телюк стал собирать историю русских по крохам, осыпавшимся с пиршественных столов историков мира. Нет ли чего у Геродота? У Фукидида? У Ксенофана или у Страбона? У Цицерона или у Аристотеля?

Нету?!

А у Карамзина? У младшего Вернадского? У Рыбакова?

Собирая эти крохи, эти обрывки, эти легенды и сказы в целостное «Предчувствие Руси», С.Телюк решил сохранить ссылки. И посочувствовал читателю, которому после порции стихов придётся прогрызать абракадабру комментариев. Ничего не поделаешь, другого пути нет, — улыбнулся поэт.

Есть чему улыбнуться.

...К V веку термин «скиф» стал довольно неточным, означая в целом северного варвара. Позднее он иногда употреблялся для обозначения славян. В этом смысле он, возможно, обозначал антов...

Это — из Г. В. Вернадского. У других не легче. Где там венеды, где анты, где скифы, где росомоны, где склавены, где германцы, где готы, а может, остроготы... Карл Великий хоть знал, кого бил, и в Константинополе знали, кого проклинали, а мы разве знаем, где Русь, а где склэйвы, где коморовские, а где киммерийские...

И всё это мы?!

Дерутся беспощадно и втёмную племена, роды, армии, ополчения... Поэт через тьму тысячелетий всматривается в эту катавасию, и вдруг его (и меня, его читателя) окатывает, как горячим душем в знобящей тьме, мысль о том, что мы наследуем *им всем*, что в древних междоусобиях ковалось общее достояние, и не границы государств держали эту круговерть в пределах вечно меняющейся логики — а меняющаяся от погоды граница леса и степи, извилистые берега рек, где русла

то непереходимы, то, напротив, зазываючи, и гость ли, враг ли идёт через брод, не угадаешь.

Скорее всего — враг. Который потом может стать другом. А может не стать. Граница, как правило, — «ботаническая». Лес — степь. Граница, может быть, станет линией фронта. А может, не станет. Это — лейтмотив:

Чу! Слышен топот коней.

*Теушпа, вождь киммерийский, насытившись грабежами,
через перевалы Карпатские гордо уходит назад,
в раздольные степи, в безлесье, где нет надоевших засад...*

Засады — раздолье для коварных лесовиков? Если так, то степняки, воюющие в открытую, предстают здесь как объекты сочувствия...

Впрочем, и лесовики — такой же объект сочувствия:

«Повадки, когда степняк окрылён, привычны для здешних мест с давних пор — спешили в леса остатки племён, коль им не хватало сил на отпор».

Так чащоба — спасение?

Вовсе нет.

«Болота, чащобы, мошка, холода — ни весточки, словно ни с кем не встречались...»

Так с кем душа? С кем из дальних предтеч она встречается?

Да и с теми, и с другими! И наложницы, взятые в плен у врагов, становятся фаворитками. И дети их, полукровки, возмужав, возглавляют выросшее их племя. И вождь, поставленный перед выбором, традиционно решает, куда вести новых родичей в этих «необозримых протяжённостях» земли.

Разве что всю ситуацию — глобальную — переменить?

*Разительная прямота
набегов кочевых племён
всегда немисливо люта —
в резне степняк был изошрён...*

*Европа что — не им чета:
не лезли люди на рожон,*

*в лесные уходя места
и создавая там кордон.*

Кордон? Значит, прощай протяжённость, безначальность, безграничность и... безответственность! Вместо беспорядочности химерческих маршрутов — магическая истина: *порядок*.

Память — дочь порядка. Хорошо, если анты окажутся у рубежа Византии и попадут в какой-нибудь «константинопольский манускрипт», — вот тогда и память сохранится в той степени, в какой обнаружится в этой буче «порядок».

И Карл Великий, огнём и мечом искоренявший врагов, отлично знал, кого и за что искореняет: «Порядок известен в его обиходе любому воздать по заслугам готов».

А если без этих стражей порядка — где-нибудь поглубже в веках?

«К примеру, в древности, в Элладе — Перикла вспомним времена — там, при определённом взгляде, суть поразительно стройна».

Так что без того или иного «порядка» не обойтись. Иначе ни стройности не будет, ни строя.

Как же Сергей Телюк справляется с этой задачей?

Да так, как повелось издревле:

«Издревле жить в мире непросто. Так было всегда. Чуть что — пыль клубится, дела — словно сажка бела...»

Этот приснопамятный словесный оборот выдает в Телюке советского подростка, умеющего отвечать на вопрос: «Как дела?» в ситуации, когда дважды два запросто могут оказаться стеариновой свечкой (почему свечка? Да потому что при каждом историческом катаклизме прежде всего гасло в домах электричество).

Что остаётся поэту, обретшему голос к исходу века, который одарил человечество мировыми войнами? Согласиться с Державиным: «Я — червь»? Или попытаться отыскать в собственной душе вопреки любой дикой ситуации — неумирающую надежду?

«Видение химеры пройдёт — и ты поймёшь себя...»

А опора?

*...тот самый союз под названием Русь.
Кто хочет — пусть спорит, а я обойдусь...
Я верен сколото-славянскому роду.
Я внутренне чувствую эту породу.*

Вот именно. На породу и пращуров наши уповали.

«...И князь улыбнулся окутавшей мгле — что может быть лучше на этой Земле? Верны ему вкуче двенадцать племён; прелестны двенадцать молоденьких жён, где каждая — дочь одного из вождей (похвальна традиция здешних людей!)...»

Оставим князю его 12 жён — традиция есть традиция, и, вернувшись к современному поэту, воздадим должное его Единственной.

Я имею ввиду художницу Ирину Телюк, чьи ксилографические иллюстрации к легендам и сказам о Руси Праславянской замечательно выявляют их дух и смысл со своей, изобразительной стороны. Мускулистый штрих. Мощные и вместе с тем по-своему изящные фигуры ритмично заполняют площадь листа. Динамика противоборства не разрушает, а напротив, подкрепляет единую драму, единое действие, единый смысл происходящего. Независимо от того, сшибаются ли люди в смертном поединке или набегают (отбегают) в дружном строю. Независимо от того, кто там «свой», а кто «чужой», ибо лица людей даны лаконично, и все они — участники единой драмы. Независимо от того, «чья возьмёт».

И если павшего погребают, — образ его, светящийся во мраке, отлетает ввысь, храня то «предощущение дороги», без которого в этой фатальной закольцованности судеб — *не обойтись*.

Июль 2010 г.

* * *

Что продиктовало мне эти финальные слова о погребении павших? Смертные диагнозы врачей, упавшие одновременно на Сергея и на меня, и предсказавшие вдовство нам обоим? Предчувствие...

Не защитили нас наши защитницы.

Или это мы их не защитили?

ИРИНА ПРОЩАНИЕ

С сердечной теплотой берусь за перо. И с глубокой тяжестью на сердце. Слишком мало времени прошло с момента прощания. Слишком остра боль памяти. А ещё потому, что овдовели мы с Сергеем почти одновременно, — висела беда над обоими. О смерти Ирины я сказать моей жене не рискнул — боялся расстроить. Самой-то ей оставалось быть на этом свете — считанные дни.

Теперь они обе — там. Может, перекинутся знаками таинственного потустороннего бытия? На этой стороне — встречались, общались, перекидывались суждениями... О её работах, о Серёжиных стихах, о моих статьях... И о той родословной повести под названием «Ветви», которую мы с Шурой уже близили к концу... Да конец опередил наши тексты.

И, конечно, мы смотрели работы Ирины: живопись, графику. И в ходе поездок по городам России, организованных с помощью ДИМСИ (организация, возросшая на пепле комсомола), Ирина вела кружки рисования, приобщая к кисти и перу одарённых детей. И в рамках Московского Союза художников (Ирина активно участвовала в работе организации — была секретарём выставочной комиссии секции монументально-декоративного искусства). Мы знали её листы и полотна, следили за её поисками, хотя по соображениям такта не отваживались на беспепелляционные суждения.

Однажды всё-таки я на суждение решился. Дело в том, что мы с женой оказались её, Ирины, моделями — на парном портрете. Вступая в диалог со своим изображением, я хотел избежать такой тривиальности как признательность за честь оказаться на полотне (Пушкин этот сюжет исчерпал своим «зеркалом», которое «льстит»).

Я как-то исхитрился избежать признания, что речь идёт о нашем с женой портрете, — спрятался за «место действия». А место было довольно экзотичное: Гданьск — прямо-таки в Городской Ратуше.

В подзаголовке я выдал место действия.
Далее я развивал свой авторский сюжет...

Ещё одно моё суждение о работах Ирины относится к её иллюстрациям к праславянским стихам Сергея Телюка...

Дневник

Я читаю её дневник, любовно подготовленный к печати Сергеем. Дневник этот может встать в ряд свидетельств о времени... Не о том, канувшем в века, о котором оставила исповедь другая художница — Мария Башкирцева, а о времени нынешнем, едва взвившемся в послевоенном оттаивании — и уже готовом отступить перед теми, кто идёт следом.

Я ограничусь далее краткими комментариями к дневнику Ирины Телюк — к тем точкам её исповеди, которые кажутся мне существенными для понимания её судьбы, — и судьбы её поколения, пришедшего в этот мир на переломе от сталинской к послесталинской эпохе (а лучше сказать: от военного времени и его инерции в делах и душах — к осторожному оттаиванию в мир). От ситуации осаждённой крепости — к контактам с миром (в судьбе Ирины это Китай, Румыния...). От комсомольской юности — к оттепельной молодости. От лихих стройотрядов студенчества — к профессионализации...

Работа, работа, работа...

Любовь. Творчество. Жизнь

Родословие

В родословном древе, созданном Ириной и Сергеем, — сто двадцать листочков-клеточек, с двадцатью примечаниями. Из этих двадцати — шесть я откомментирую сам. Вот они:

4) Убит на фронте в 1914 году;

7) Погибли на Великой Отечественной войне 1941–1945 годов;

8) Умерли в детском возрасте;

11) Покончил с собой...

И ещё, чтобы отбить кладбищенский озноб:

5) ...жили до 80–90 лет;

6) ...отпраздновала столетие со дня своего рождения...

Природа заряжает этих людей на долголетие. История косит их без пощады.

Спрашиваю: какой характер должен выработаться в этом кровавом покосе?

Вот эпизод, отвечающий на мой вопрос:

Серёжа за ужином по-доброму смеялся над тем, что я заварку из чашки (холодную) вылила обратно в заварочный чайник. А я вспомнила маму, как она даже лишнюю спичку не зажигала, если горела конфорка — брала уже использованную, и зажигала от неё. Некоторые считают, что это шутка — «экономить на спичках». Но всё зависит от благосостояния...

А вот в 1932–33 годах (когда на Украине был страшный голод, неурожай, смертность) брат Семёна Никаноровича — не знаю, как зовут, надо уточнить — оставил на вокзале своих двух детей, дочь и сына, на лавочке, сказав, что пошёл купить гостинец. Так хоть была надежда, что их подберут и отправят в детдом (кстати, что и случилось, но только они попали в разные детдома и встретились уже взрослыми семейными людьми после смерти родителей)...

В 1945-м мои родители познакомились. Мама вышла замуж за папу и уехала от родителей навсегда. Но очень любила и жалела их, помогала, как могла, в том числе и деньгами. Последний раз видела отца в 1953-м (?), проездом из Китая. А бабушка приезжала после его смерти в Москву, где они с мамой не могли насмотреться друг на друга, ходили вместе из комнаты в комнату, сидели рядышком, взявшись за руки, прогуливались около дома. Бабушки, впрочем, как и мамы с папой, уже нет в живых...

Вот к каким воспоминаниям привела экономия заварки...

Последняя фраза замыкает этот эпизод дневника лучше, чем это сделал бы опытный историк. Или психолог. Или литератор.

Автор дневника — и историк, и психолог, и литератор.

Но прежде всего, конечно, художник: живописец, график, колорист...

Школа

Решила посмотреть по видео техники Пластова и Осьмёркина. Смотрела и училась, как лепится форма, объём, решается освещённость, разделение на холодные и тёплые тона. У старых мастеров мазков не видно (тем паче с экрана), зато у них очень чётко, даже в некоторых случаях пестровато, ломаются плоскости...

Именно «плоскости» ломаются и срачиваются у меня при просмотре работ Ирины. Может, оттого, что наш с женой двойной портрет она разнесла на две «плоскости». Вся эта «пестроватая» реальность мыслится ею как диалог плоскостей — человеческих общностей, сюжетов, осознанных и завершённых жестов.

Как быть, если эти плоскости не гармонируют, а спорят между собой?

Вспомнила ещё один интересный момент из вчерашнего чтения. Когда Л. Пастернак пришёл к Л. Толстому с иллюстрациями «Войны и мира», для уточнения деталей, автор, плохо помнивший свой роман, высказал мысль о развитии сюжета (правильную и для живописи), обобщив: «Всё развёртывается само собой, одно следует из другого с естественной закономерностью самой жизни». И ничего ни прибавить, ни убавить...

Толстой помогает осознать высший закон художества: всё происходит как бы «само собой» — при условии, что художник понимает естественный ход самой жизни.

Вот этот-то ход самой жизни всем существом своим и стремится понять художница Ирина Телюк. Хотя жизнь иногда заставляет замирать перед выбором.

Выбор

18 ноября 1995 года. Суббота. Выборы — через месяц. В «Новостях» — бюллетень для голосования.

За кого будем голосовать? Мы не знаем программ большинства партий, но, из информации, получаемой по TV, из прессы, разговоров с людьми — думается, за Гайдара, Явлинского, Черномырдина или Борового. Впрочем, последний («Партия экономической свободы»), по-моему, не прошёл, хотя он нам симпатичен как человек и как умница. Мне даже иногда кажется, что если бы Серёжа обратился к нему за помощью в издании книги, то он помог бы.

Если за Гайдара — то по привычке, он олицетворение демократии за последние годы, но не лидер (я имею в виду не данные, а манеру держаться, общаться).

Если за Явлинского — то, скорее, по слухам о его удачных реформах у Немцова в Нижнем Новгороде.

Если за Черномырдина — то за его стабильность, чтобы не было потрясений и кардинальных перемен. Пусть работают, ведь если придут новые люди, то им придётся всё заново набирать себе, прежде чем о нас думать. А у теперешних — уже всё есть.

А в общем, за Россию — за её, а значит, и нашу свободу!

Хотя хотелось бы, конечно, чтобы центристы объединились против крайних, но не получится — никто не хочет уступать...

О, первокрещенье наше в купели демократии! О, сладостные плоскости, ломающиеся в дебатах! О, томление гражданственности перед выбором! И Гайдар хорош, и Немцов хорош, и Явлинский с Черномырдиным... Вот тотчас бы и решила!

И фиг с ним?!

Но тут вылезает из сценического окна «деус» и обрушивает электоральную пирамиду:

Серёжа вчера записал интервью с Никитой Михалковым. Сегодня ещё раз посмотрим: умный, интересный, оригинальный режиссёр, человек. Радовались его шуточкам и открытиям типа: «Русским может быть тот, у кого чего-то нет, но не так нет, чтоб было, а ТАК НЕТ, чтобы и... (фиг) с ним»...

До выборов неделя. Вчера в аналитической программе «объясняли», что Явлинский — левый (?), а Черномырдин, Гайдар — правые. КРО — центристы. Совсем запутали...

Никита не запутывает — он рубит: если у нас, русских, ничего нет, то и не надо! У нас так изначально. У нас так бытийно. Всему миру сопереживаем, всем чужим мнениям отзываемся, а на себя плевать хотели!

Хорошо, честно сказано. Русский авось: на печке доедем, на жар-птице долетим! Широка страна моя родная! Неиссякаемый лейтмотив русского безграничья-безответности: «А если что не так, не наше дело!» И Никита, и Булат, и ещё целая армия философов-мудрецов — обожают разглагольствовать на эту тему (сам грешен). Но нужно одно уточнение. Это наше самоощущение — «если нету, то и фиг с ним» — должно быть (и является) предметом непрерывной саморазъедающей рефлексии. Без этой рефлексии (о том, что «нет и не надо») нет и не надо нам ни русской судьбы, ни русского характера. Печь, на которой мы победоносно сидим или демонстративно лежим, сотрясается от эмоций...

От каких эмоций?

От тревоги, преследующей нас на протяжении тысячелетней истории (и на протяжении безграничья нашего, где кто только не гулял), — тревога эта и прикрыта, уравновешена, заклата нашим молодецким наплевизмом.

Чутким сердцем Ирина ловит эту непреходящую опасность.

Защитить будущее!

Серёжа закончил четвёртую строфу «Сказания о Невриде». Ему ночью приснилось название всех частей: «Сказания о праславянах»...

А пока Серёжа пишет пятую строфу, с энтузиазмом. Читая с большим наслаждением. Представляются лесные дебри,

оборотни, скифская конница цепью идёт по тропам в неизведанные края Невриды. Интересный, экзотический, а, главное, познавательный материал...

Материал не столько познавательно бесспорный — (Сергей Телюк нередко даёт волю фантазии, и я его понимаю), сколько интуитивно-спорный (и потому так притягивает). К ста двадцати листкам семейного родословного древа прибавляется сто двадцать тысяч деревьев — история народа, вынесшего из этих зарослей такую загадку, как русский характер! Иллюстрируя историософские штудии Сергея Телюка, Ирина Телюк проникается его тревогой:

Сергей, увязывая свои исследования для сказаний с набегами — с VIII в. до н. э. по XIII–XIV вв. н. э. (киммерийцы, скифы, готы, сарматы, татары и др.), — пришёл к выводу, что в этом и есть наши корни. Более двух тысяч лет находится под угрозой набегов, грабежей, рабства — это и породило широкий русский характер, дескать, эх, трава не растёт сегодня и плевать на завтра! Жить одним днём!

И сколько бы великих писателей, философов, историков ни пытались бы сформулировать русскую идею, — без учёта прошлого это невозможно!

В прошлом и загадка, и разгадка нас самих, и нашего будущего!

Будущее — оно брезжит загадочно из дебрей прошлого. Из складочек дневника наследницы этих неуловимых богатств. Из арсенала воительницы.

Вечер прошёл в разговорах за бокалом шампанского и у TV. Серёжа периодически возвращался к диалогу Гайдара и представителя Зюганова (коммунистов). Как был озлоблен и просто агрессивен юрист-коммунист! Страшно доверять таким властью. Фанатизм не уступает ни логике, ни разуму, ничему.

Это запись 1995 года. Впереди — ещё 15 лет тревог, забот, мыслей, полотен, листов, записей.

Соотечественники

20 июля 1998 г., понедельник, ~ 12:00.

Что побуждает делать записи? Возможно, накопленное бремя впечатлений за какой-то отрезок времени (большой или маленький), которые жаль забыть, жаль растворить в небытии. Людям, которые не имеют такой памяти, какой обладал, например, Владимир Набоков («Другие берега»), приходится делать отдельные зарисовки.

Так и сейчас. Последней каплей, перегрузившей память, был утренний разговор Серёжи с Андреем Андреевичем Вознесенским.

Андрей Вознесенский и Никита Михалков, Николай Старшинов и Александр Аронов, Татьяна Бек и Анна Гедымин, Лола Звонарёва и Евгений Весник — в дневниках Ирины, вроде бы сплошь заполненных заботами быта и мелочами повседневности, — возникают фигуры «первого ряда» текущей культурной истории, штрихи, которые будут интересны будущим портретистам. Иногда присутствие знаменитого имени очерчено одной фразой, иногда — онемением после единственной фразы.

22 марта 1998 г. (воскресенье). Вчера умерла Уланова...

Двадцать дней молчания после этой фразы.

Потом — течение дел и забот возвращает к дневнику. И гигантская очередь в музей имени Пушкина оживляет вкус к полотнам. «Сезанн в русском авангарде»! Гардероб переполнен, пускают, когда освобождаются номерки. Полсотни работ: из Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Бостона, Вашингтона... Пять портретов мадам Сезанн... Юбка! Полосатая юбка!

Каждая полосочка — это картина! Мадам Сезанн с общих позиций некрасива, но как красива живопись (и овал, и глаза) — и всё-таки как мадам Сезанн красива! А её портрет [1890 год] в жёлтом кресле!.. [Мне очень захотелось, как бы в ответ Се-

занну, написать портрет Ани Гедымин, у которой тоже дома большие жёлтые кресла — и маленькая Аня действительно смотрелась бы миниатюрно.] Кажущиеся незаконченными два [1885 и 1886 года] её портрета. И последний портрет — 1892 года — с распущенными волосами...

Живительное, оживляющее искусство!

Одна запись приводит меня в настоящий восторг:

19 ноября 2003 г. (среда). 22:55. Наши забил гол: сборная Уэльса — сборная России, 0:1!!! Если мы выиграем, то попадём в финальный турнир чемпионата Европы по футболу, если нет, то — мимо!

Браво, Ирина! Не помню уже, мимо или не мимо полетели наши мячи в ворота противников, — но жизненная энергия, выплеснувшаяся в этой записи, попадает точно в цель.

У постелей больных

Это — лейтмотив её дневника последних месяцев. Попытки помочь обессиленным, укрепить дух обречённых. И притом — ни слова, ни звука о себе, о смертельном диагнозе, о том, что сама обречена. Не догадывалась? Как знать. То ли это спасительное неведение, то ли железное самообладание.

Вчера, 23 февраля, позвонила Анатолию Владимировичу Кузнецову, поздравила с Днём защитника Отечества. Голос бодрый, обрадованный, как всегда доброжелательный... ухудшились зрение, движения рук (последние два для художника — трагедия).

Самой остаётся — полтора года жизни.

Всё забываю записать стишок, который «декламирует» игрушечный бычок с сердечком в «руках-копытцах», подаренный мне Серёжей на Новый 2009 год — Год Красного Быка:

*Если грустно одному,
Не с кем поиграть,
Позови меня: «Му-Му!»,
По спине погладь...*

Десять месяцев жизни остаётся.

Об Анатолии Владимировиче Кузнецове... была у него дома (на Соколе) на дне рождения — 73 года. А. В. ослабел. Периодически уходил от стола пить и закапывать (в глаза) лекарства, потом 15 минут отлёживался. Позже сказал: «Выпивайте скорее, я долго не продержусь».

Ей самой — сколько остаётся держаться?
О себе — ни слова...
Впрочем, есть слово.

Люблю

Последнее, потрясшее меня, послание Ирины Сергею — из больницы. Через 10 дней после запоздалой, безнадёжной уже операции. Короткая эсэмэска:

Я тебя люблю. Ирина.

Если знать обстоятельства, когда это написано, — можно подумать, что, смертельно обречённая, она просит о защите.

Но если знать её характер, то понимаешь, что не о защите просит она, а своей любовью хочет поддержать Сергея, не дать ему отчаяться, — защитить его.

Неразделимые!

Ноябрь 2011 г.

Лев Аннинский

Часть первая

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Сергей Телюк

Стихи в ближайший номер не требуются

*Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на выраже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.*

Александр Аронов

Александр Яковлевич Аронов скончался в 2001 году, в один из знаменательных для любителей поэзии дней — 19 октября. На его долю пришлось два инсульта, а между ними — трансмуральный инфаркт. В итоге не выдержало сердце — передвигаясь по комнате, он внезапно обмяк на руках у Тани...

Таня, хрупкая женщина со стойким характером, была третьей женой Александра Яковлевича, но сам он говорил: «Я женился пять раз, правда, дважды — повторно».

Так вот и жили они с Таней, двумя собаками, двумя котами и одной кошкой — в Марьино, в однокомнатной квартире на шестом этаже многоэтажки. Общих детей они не имели, но у Таниного сына Максима Суханова (известного актёра театра и кино) росли дочки Василиса и Соня, которых Саша, трогательно и беззаветно любя, называл внучками. Впрочем, об этом и многом другом я узнал позже, а началось всё с нашего знакомства в начале сентября 1990 года...

В июле вышеупомянутого года у меня произошло знаменательное событие — долгожданная, венчающая многолетние усилия первая публикация в центральной печати. И случилось

так, что в этом же номере «Собеседника», на левой стороне «моего» разворота, оказался материал Александра Аронова по впечатлениям от поездки на электричке «Москва–Петушки» с почитателями творчества Венедикта Ерофеева. Об этом совпадении я вспомнил в конце августа, когда стал готовиться к новым хождениям по редакциям.

Про Аронова мне было известно лишь то, что он поэт, журналист и автор текста общеизвестной песни «Если у вас нету тети...», ставшей лейтмотивом фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы...», а также, что Александр работает в «Московском комсомольце», где, в том числе, ведёт рубрику «Турнир поэтов»...

Я позвонил ему из фойе близлежащей к редакции станции метро «Улица 1905 года», представился и, сказав, что наши публикации оказались на одном развороте, попросил разрешения показать свои стихи.

И тут — о чудо! — последовал желанный, но всё-таки неожиданный вопрос:

— Вы сейчас можете подъехать?

— Да, конечно! — искренне обрадовался я.

— Хорошо. Заказываю пропуск...

За столом, находящимся слева от входной двери и заваленным бумагами, сидел мужчина с чёрными взлохмаченными вьющимися волосами. «Ну прямо Пушкин», — подумалось мне, хотя я несколько раз видел Аронова до этой встречи.

Мы поздоровались.

Кабинетик был маленьким. В нём одновременно могли находиться не более четырёх-пяти человек. Это стало очевидным, когда в процессе завязавшегося общения к нам вошёл ещё один посетитель, пришедший по протекции. Извинившись передо мной, хозяин кабинета внимательно просмотрел стихи молодого человека. И, сочтя их длинноватыми для данного издания, отправил автора восвояси. После чего, ответив на телефонный звонок (из реплик следовало, что стихи в ближайший номер не требуются), он внезапно вышел...

Вернувшись минут через десять, Александр дал мне прочитать следующий напечатанный текст:

Сергей Телюк — инженер-строитель, москвич. Стихи его неторопливы. Надо бы отвлечься от раскалённой газетной площади вокруг, сосредоточиться на его вдумчивой мелодии — и тогда стихи Сергея одарят вас в благодарность чем-то нужным именно сегодня.

— Пойдёт? — спросил он.

Я, до конца не понимая происходящего, утвердительно промычал что-то в ответ. И будто сквозь сон услышал:

— В завтрашнем номере выйдет ваша подборка в «Турнире поэтов»...

С более быстрой публикацией я не сталкивался.

Друзьям я разрешал пользоваться этими обстоятельствами изредка, исключая «группен-секс» (как говаривал Александр Аронов) и другие крайности, поскольку мне самому ничто человеческое было не чуждо. Хотя по части выпивки и прелестного слабого пола я вёл умеренный образ жизни.

За исключением Наташки... Именно с ней — несмотря на то, что без женщин я не оставался ни до, ни после — мы обоюдно сходили с ума: она могла терять сознание во время коитуса или кончать в трусики, прислушиваясь ко мне под аккомпанемент грохочущего метрополитена, а я делал «стойку» от одного её взгляда. Нас неумолимо влекло друг к другу, словно разнозаряженные частицы. Фантастика!

Жаль только, что всё изменяется. У Наташки, ревновавшей меня даже к утреннему (пока она спала) стихотворчеству, появился ещё кто-то. У меня — тоже...

Да, о творчестве. Я продолжал заниматься им бескорыстно, по велению души. Средства же к существованию и выплате займа на покупку дачи, оставленной Веронике «на вырост», давала мне работа главным инженером отдела капитального строительства Центрального научно-исследовательского института связи, находившегося близ метро «Перово».

Но денег в меняющихся экономических условиях постоянно не хватало. И при возрастающем дефиците товаров, приходилось заниматься, так сказать: по-старому — спекуляцией, а по-новому — коммерцией.

Ибо шёл 1991 год...

«Человек предполагает, а Бог располагает». Эта старая истина, неоднократно находившая подтверждение в моей жизни, осенью 1990-го — звучала судьбоносно...

Воодушевление в связи с первыми публикациями улетучилось — наступила чёрная полоса. Вернее сказать, серая, ввиду того, что распад брака (на тринадцатом году) с моей первой женой Ириной был делом очевидным.

Учитывая относительно молодой возраст, время для «работы над ошибками» у нас оставалось.

Искренне я переживал только за десятилетнюю Веронику, ведь желание воспитывать на лжи — нелюбовь между родителями не могла остаться незамеченной! — отсутствовало напрочь. И, надо сказать, что в этом плане, кажется, всё обошлось. Уже будучи взрослой, дочка однажды удивлённо воскликнула: «Вы же с мамой — разные люди!»

А тогда, после мирных переговоров накануне Ноябрьских праздников, мы, придумав легенду для ребёнка, что мне надо пожить одному, отправили её в гости к тётке. Я же позвонил Володе Глинскому, однокашнику по институту, и в одночасье на его «Жигулях» переехал из «Беляево» в «Коломенское». Развод оформили позже, в феврале следующего года, однако в ту осень я стал холостым 34-летним обладателем однокомнатной квартиры в первом из известных домов, прозванных «парусами», с видом на Новинковский рукав Москвы-реки и Нагатинский мост.

— кровавые события в Чечне — можно было предотвратить, если бы, придя к власти, не заниматься оголтелым дележом;

— приватизацию — можно было сделать по-человечески, если бы не отдавать её на откуп мошенникам, ведь государство этот процесс якобы не контролировало, и в итоге деньги направились, в основном, не на счета народонаселения России (пусть в виде дотаций и пенсионных накоплений), а на счета вовремя подсуетившихся персон;

— опошление всенародной идеи и не оправдание доверия на таком уровне — тоже чего-то да заслуживают.

В общем, создаваемая и к сегодняшнему дню созданная на обмане народа новая система, по своей сути близкая к используемой в недалёком прошлом при КПСС — помните реплику Бармалея из известного фильма Ролана Быкова «Айболит-66»: «Сейчас мы вас будем убивать, грабить, обижать и унижать»? — рассчитана в первую очередь на удовлетворение потребностей пресловутого меньшинства населения. Это не удивительно, но, учитывая беспредельную заботу нуворишей русского пошиба о собственном благополучии, по вполне понятной причине чревато...

Бог ему и его последователям судья!

Весной 1992 года, всё-таки отчасти благодаря демократизации, я бросил заниматься инженерным делом, посвятив ему без малого четырнадцать лет своей жизни (из них десять, работая на строительстве), и по приглашению давнего знакомого, поэта и философа Юрия Гончарова, некоторое время работал в газете «Литературные новости» Эдмунда Феликсовича Иодковского. Сначала мы собирались в его квартире, а потом обосновались в маленькой комнатке правого от центральных ворот флигеля небезызвестного Дома Ростовых.

Тогда же в редакции «Огонька» я познакомился с отвечающим за поэзию в этом журнале Алексеем Зайцевым, который и предложил в ожидании публикации заняться переводами с украинского стихов Миколы Холодного, на тот момент более востребованными... Правда, вскоре Алексею представилась

Чудная ты страна, Россия.

В дни августовского противостояния у Белого дома мне звонили ребята из Литвы, поставлявшие переносные телевизоры «Шилялис» для перепродажи:

— Держитесь, мы с вами! — воодушевлённо доносилось из трубки.

Приятно вспомнить. Только вот «держаться», главным образом, пришлось потом, и — по одиночке.

На рубеже 1991–1992 годов Москва будто вымерла: вечерние зимние улицы обезлюдели до такой степени, что хоть аукайся между безмолвно стоящими домами. Прилавки магазинов опустели, даже хлеба на всех не хватало, а наиболее рачительные сушили сухари, по-видимому, вспомнив на генетическом уровне первую половину XX века. Не очень-то радовали и введённые карточки (ну прямо бред какой-то!) на продукты и предметы первой необходимости.

Вероятно, в том числе и за это, досрочно уходя в отставку, 31 декабря 1999 года публично извинялся Б. Н. Ельцин? Простите, мол, люди добрые...

Я лично не в обиде, но:

возможность уехать работать во Францию, и он, возвращая материал для моей подборки, попросил о передаче другим авторам (что я и сделал) ещё трёх: Натальи Ванханен, Генриха Сапгира и моего однокашника по литобъединению «Весы» Вячеслава Васина. А по поводу переводов — свёл меня с опытной журналисткой и переводчицей Натальей Высоцкой из «Литературной газеты», где уже через пару месяцев состоялась их публикация.

Но коммерцию я не оставлял, так как, несмотря на относительное сопутствие удачи в делах, приходилось иногда есть овсянку, сваренную на воде.

В мае 1992 года вдруг позвонил Владимир Пустовитовский (опять-таки однокашник по «Весам») и предложил:

— Поехали с нами на «Грушу»!

Не знаю, что руководило им в тот момент. Для меня же, в моей не ахти как устроенной жизни, его приглашение символизировало дружески протянутую руку. Тем более что до этого не приходилось выезжать на бардовские мероприятия за границы Московской области — а тут предстоял путь куда-то под Куйбышев, по-моему, тогда ещё не переименованный обратно в Самару.

В условленные день и час (Грушинский фестиваль проходил в первые июльские выходные) наш поезд отправился с Казанского вокзала...

Ещё при сборе на платформе станции метро «Комсомольская» я обратил внимание на женщину из нашей компании. Её облик в целом, включая по-кошачьи широко открытые (при знакомстве) внимательные глаза, и вызывающие, просто притягивающие взгляд короткие чёрные шорты в белый горошек — были мне приятны.

— Ирина, — представилась она.

Но совпадение с именем моей первой жены несколько не насторожило — напротив, я почувствовал иного, возможно, душевно близкого человека. Что и подтвердилось в дальнейшем.

Сблизили же нас реальные походные условия.

Сперва — пребывание около суток в плацкартном вагоне поезда дальнего следования (с песнями, шутками и лёгкой выпивкой)...

Потом — ожидание электрички и проезд в направлении Жигулёвского моря до станции назначения (часа два — как в бочке селёдки, среди себе подобных: галдящих, поющих, в общем, радующихся жизни людей)...

А в завершение — спуск под крутую гору, лавируя между соснами, и разбивание палаток на указанном организаторами месте.

«Груша», хотя и подчинялась приблизительно известному распорядку, поразила меня масштабностью. Здесь не могло проводиться, скажем, факельное шествие только потому, что собралось не три (подобное бывало в Подмосковье), а — тридцать три тысячи любителей...

Даже палаточный городок был, скорее, мегаполисом — со своими улицами и площадями, различными киосками и бочками с питьевой водой, милицией и дружинниками. И главное — сценой для заключительного концерта в форме гитары, установленной на одном из Мастрюковских озёр, при этом зрители располагались на горе, прилегающей к его берегу. По ней-то мы и спускались от электрички...

В своей двухместной палатке Ирина предполагалась четвёртой среди молодёжи — её 18-летнего сына Андрея с одноклассницей и одноклассником. Я и бард Роман Исаков, будучи людьми понятливыми, потеснились. С этого, пожалуй, всё и началось.

Милая моя, солнышко лесное...

А далее «припев нашей песни» не соответствовал знаменитой песне Юрия Визбора. После приезда в Москву, встретившись буквально на следующий день, мы с Ириной, естественно, оказались у меня дома.

О чём я никогда не жалел.

Ирина (как выясилось Волкова, урождённая Горячева) была тоже разведена и жила со своим сыном в трёхкомнатной смежно-изолированной квартире в самом начале Большой Черёмушкинской... И месяца через три, когда стало ясно, что нам трудно жить друг без друга, я переехал к ней.

Творчество — дело заразительное, особенно если к этому есть влечение.

Через какое-то время Ирина показала тетрадочку со своими стихами, и — попросила их прокомментировать.

По большому счёту, разговора не могло получиться. В увиденном не хватало самого главного — отражения индивидуальности. Чего я никогда не переносил, ведь погрешности в технике исправимы, а вот неталантливость — вряд ли...

Но так как данный вывод относился только к поэзии, поинтересовавшись, я узнал, что она пыталась по какому-то учебнику научиться рисовать и даже писать этюды.

На мой неискушённый взгляд увиденные работы показались любопытными. В них-то и брезжила самобытность, особенно в авторском ощущении цвета. Теперь предстояло многому учиться.

Короче, в дальнейшем, подобно мне, Ирина бросила инженерное дело. И, достигнув профессионального уровня, вступила в Московский союз художников. При этом она окончила два профилированных учебных заведения, и её учителями были: в Заочном народном университете искусств — Наталья Кон-

стантиновна Смирнова; в Академии живописи Натальи Нестеровой — Сергей Александрович Алимов, Анатолий Владимирович Кузнецов и Вадим Алексеевич Кулаков.

Пути Господни, как известно, неисповедимы.

К нам пришёл Чуча, вернее, дело было так... Как-то в августе 1993-го, возвращаясь домой за полночь, мы с Ириной шли по Малой Тульской в направлении Загородного шоссе, к трамвайной остановке. И вдруг под одним из фонарей увидели полуторамесячного котёнка, который, отстав от встречной парочки, увязался за нами. Маленький, буквально с мою ладонь, в окружении различных предприятий и офисов, он казался заброшенным сюда случайно — пожалев, мы привезли его в свой «спальный» микрорайон и выпустили у подъезда...

Котёнок, почти не раздумывая, стал карабкаться по ступенькам на крыльцо. Я, не выдержав умилительной картины, отнёс его на площадку первого этажа.

И вот эта кроха первой вошла в лифт и, выйдя из него налево, уселась около нашей квартиры...

Когда придумывалось ей имя, никто ещё не знал, что перед нами кот, который вскоре станет полноправным членом семьи и проживёт у нас около пятнадцати с половиной лет.

В начале следующего года, сразу после Рождества, я женился на Ирине. А едва дождавшись Крещения, двадцать первого января, мы обвенчались в Церкви Ризоположения на Донской, недалеко от метро «Шаболовская».

Венчание, конечно, дело захватывающее. Бесмысленно описывать торжественный, крайне увлекательный, длившийся не менее часа церковный обряд — надо быть одним из главных его участников, чтобы прочувствовать нюансы.

Последовавшее ощущение можно сравнить с заполнением неких пустот, как, например, если бы взять стакан с ягодами и залить его жидкостью — понятно, спорное восприятие, но именно этого внутренне мне и не хватало.

К Церкви мы добирались на заранее пойманном на Большой Черёмушкинской левом микроавтобусе, а обратно — на 26-м трамвае, в окружении друзей, не пожелавших рассаживаться по попутным машинам.

Дома нас ждали составленные в большой комнате накрытые столы, за которыми в общей сложности, плечом к плечу, разместилось человек тридцать (близкие друзья, «походники», соседи и даже одноклассники Андрея, один из которых записывал всё, включая венчание, на видеокамеру).

Эти насыщенные событиями сутки почему-то напоминают мне подаренный тогда же хрустальный графин в виде пушки. Ось его горлышка проходила не перпендикулярно дну, как обычно, а — под углом порядка 60°.

Естественно, в разгар застолья сосуд неоднократно падал, разливая содержимое на скатерть, ведь ставить его пытались вертикально...

Но зато потом он долго красовался за стеклянными дверцами серванта.

Некая неустойчивость присутствовала и в окружавшем нас мире. Иногда казалось, что среди всеобщей «ваучеризации», среди мошенников и их клиентов, среди «пирамид» и аналогичных финансовых структур, обещавших баснословные прибыли, нормальных людей вовсе не осталось.

Даже печальные Октябрьские события 1993-го прекрасно соответствовали изложенному. Только разница была в следующем: одни не могли поделить власть, а другие продолжали рассчитывать на мнимые дивиденды, коими их одурачивали с обеих сторон. Если честно, то, не будь человеческих жертв и нервотрёпки, происходившее выглядело бы грубым фарсом.

Мы тоже не оставались в стороне от событий...

Ваучеры, выданные нам Государством, сдали в «МН ФОНД», имевший лицензию Комитета по управлению имуществом. И, получив взамен СЕРТИФИКАТЫ АКЦИЙ, стали терпеливо ждать ежегодной выплаты от общей прибыли. А вышло недоразумение: оказалось, что Государство, раздавая лицензии подобным организациям, не отвечало за их деятельность, и — до сих пор неизвестно, ни где этот Фонд, ни на чьи счета капают денежки...

Похожая история ожидала нас и с Европейским финансовым Альянсом. Правда, тут происходил сознательный эксперимент (была не была!), так как афера подозревалась с самого начала. И, делая посильный для нашего бюджета вклад, мы условно на время забыли о нём и обещанных нам 950% годовых (при вкладе же на 24 месяца предполагаемые дивиденды могли возрасти до 1500%). Конечно, Альянс испарился, не расплатившись.

В августе 1995-го «Московский комсомолец» сотнями, если не тысячами, перечислял подобные конторы, в отношении которых шли проверки и возбуждались уголовные дела.

А что Государство? Оно якобы оказалось ни при чём...

Не уверен, особенно — насчёт ваучеров. Ведь подавляющее большинство населения России (включая пенсионеров) понятия не имело о прибыльности или не прибыльности пред-

приятий. И оставлять несведущих людей один на один с конторами типа «МН ФОНД» было равносильно преступлению.

Кроме того, при дележе нашего общего социалистического наследства не учитывалась стоимость используемых природных ресурсов. Уж она-то точно принадлежала всем!

Но даже самое откровенное шельмовство — ещё не повод для уныния.

На очередном Празднике «Московского комсомольца» в Лужниках, на поэтическом выступлении, мы с Ириной познакомились с рязанской поэтессой Ниной Красновой, обосновавшейся в Москве. Она читала свои любовно-эротические стихи и бойко исполняла частушки собственного приготовления...

Там же, под трибунами главной футбольной арены, с нескрываемым удовольствием «тусовался» и знаменитый Лев Ошанин, помнится, в красной бейсболке...

А вёл «Выездной турнир» поэт Сергей Мнацаканян.

В итоге на одной из подобных отдушин в Центральном Доме литераторов, на рубеже 1994–1995 годов, я повстречал знакомого мне по «Весам» Анатолия Полякова. И с его помощью оказался в редакционно-издательской фирме «РОЙ», арендовавшей один из кабинетов на пятом этаже старого здания «Молодой гвардии» на Сущёвской...

Сам Толя оттуда вскоре ушёл, а я — остался.

Вторая попытка возрождения «Истоков»

Галина Вячеславовна, конечно, рисковала — не без колебаний и не без неоднократных разговоров с потенциальными членами редколлегии в 1996-м она решила влезть в долги и начать собирать материал к новому выпуску...

Редактированием и составлением сборника вместе с ней занималась её подруга, давнишняя сослуживица по «Молодой гвардии» Елена Николаевна Ерёмкина. В инициативную группу, ставшую ядром редколлегии, кроме меня входили Валерий Дударев, Нина Краснова, Валерия Сычёва и Андрей Шацков (правда, он подключился позднее).

Работа закипела...

Но тут вдруг пропали первая вёрстка и деньги, предназначенные для расчёта с типографией.

Выручил в сложившейся ситуации Андрей Шацков. Именно при его посредничестве нашлись люди, которые дали необходимую сумму на издание.

Да, наличность в таких делах, конечно, главное...

А вот, например, Владимир Райберг бесплатно выполнил художественное оформление этого и двух последующих номеров «Истоков» (в дальнейшем использовалось оформление Ирины и Павла Чикиных, бессменных верстальщиков альманаха).

Существенную помощь оказывали: Алексей Дидуров, Николай Дмитриев, Кирилл Ковальджи, Геннадий Красников, Виктор Липатов, Сергей Мнацаканян, Александр Трофимов, Юрий Чернов, Александр Щуплов... И, конечно же, Николай Константинович Старшинов, который часто гостил в редакции, и неоднократно участвовал в наших творческих встречах, хотя уже ходил с тростью.

И это — малая часть бескорыстных помощников!

«Истоки» стали не только изданием молодых: мы ввели соответствующие разделы, в которых печатались авторы независимо от возраста и даже места жительства (из ближнего и дальнего зарубежья). Регулярно проводились «истоковские»

Обычное дело: когда наверху новоиспечённые властители «делят пирог» — внизу народ голодает. А уж о духовной пище в такие периоды и говорить не приходится.

Время перемен...

В начале 1990-х в издательстве «Молодая гвардия» закрыли альманах «Истоки». Что поделаться, оказалось — в новых экономических условиях издание, публикующее молодых авторов (до 35 лет), не то чтобы не рентабельно, но требует слишком кропотливой работы.

Кроме авторов «Истоков» на все четыре стороны был отпущен и редакционный коллектив.

И вот он-то, коллектив, на общем собрании решил для продолжения выпуска альманаха и попутного издания книг создать редакционно-издательскую фирму (РИФ) «РОЙ». С одной стороны, символическое значение слова «рой», на мой взгляд, не требует дополнительных разъяснений; а с другой стороны — возглавила всё это главный редактор «Истоков» Галина Вячеславовна Рой.

Предпринимались две попытки возрождения издания. Первая — в 1994-м вышли «Истоки», в которых собранные повести, рассказы и стихи в большинстве своём были связаны с понятием «афганская война». Вторая — в 1997-м, к которой я имел непосредственное отношение.

Автор, мне близкий

вечера в Центральном Доме литераторов, на которых, бывало, Малый зал набивался битком.

В июне 2007-го, спустя месяц после смерти Галины Вячеславовны Рой, «второй попытке возрождения» исполнилось ровно десять лет. За это время увидели свет 19 выпусков, а за всю более чем 35-летнюю историю альманаха — 42: до начала 1990-х — 22, в 1994-м — «афганский» — 1, остальные — НАШИ...

Любит — не любит —

вот ведь какие проблемы...

Анна Гедымин

В начале 1996-го, когда материал для первого из выпусков возрождаемых «Истоков» ещё только-только начал собираться, мы стали проводить творческие встречи с участием наших авторов. Выступали редко и непланово до осени следующего года. А потом я от имени Галины Вячеславовны Рой (разумеется, с её согласия) подал заявку директору Центрального Дома литераторов Владимиру Акимовичу Носкову и после непродолжительных переговоров в его кабинете получил официальное разрешение на проведение в Малом зале цикла литературно-музыкальных вечеров «Альманах «Истоки» представляет...»

В тот период среди «наших» поэтесс, кроме Нины Красновой, блистали три почти ровесницы: Анна Гедымин, Елена Исаева, Инна Кабыш. Они выглядели совсем хрупкими, но у каждой из них была непростая судьба современной женщины.

Самой беззащитной казалась Анечка, своим трепетным видом как бы утверждавшая это...

Позже выяснилось, что дома у неё даже имелась коллекция игрушечных мышек, привозимых друзьями с разных концов света. Между тем, она упоённо писала стихи и при участии мамы Марины Львовны и отца Юрия Юрьевича воспитывала сына Данилу, зарабатывая на жизнь нелёгким журналистским трудом.

Я же её запомнил ещё со времён посещения литобъединения «Весы», возглавляемого Анатолием Викторовичем Викторовым,

где Анна выделялась своим незаурядным талантом. В первой половине 1980-х наши жизненные пути разошлись. И вот теперь, встретившись вновь, мы возобновили знакомство, перешедшее в дружбу.

В конце июля 2003-го мне представилась возможность публично высказаться по поводу творчества Анны Гедымин на устроенных в Сопоте (Польша) Институтом восточнославянской филологии Гданьского университета и Российским центром науки и культуры в Варшаве литературно-образовательных чтениях «Образ женщины в русской культуре на рубеже тысячелетий».

И я с удовольствием привожу текст этого выступления, правда, с купюрами:

Следуя заявленной теме нашей конференции, я обращаюсь к публикациям женщин-писательниц в альманахе «Истоки». Но разговор сведу только к одному имени — Анны Гедымин. Во-первых, потому что, как говорится, нельзя объять необъятное, тем более в регламентированном выступлении... Ведь альманаху «Истоки» более тридцати лет... Во-вторых, потому что стихи Анны Гедымин мне созвучны, близки. Хотя среди авторов альманаха немало и других поэтесс, даже известных, таких, как Римма Казакова, Тамара Жирмунская, Елена Исаева, Инна Кабыш, Нина Краснова, чьи публикации не просто интересны, но значительны. Ещё оговорка, третья и последняя: цитировать буду стихи, опубликованные в «Истоках» в 1998–2000 гг. — в выпусках 4(26), 6(28) и 8(30).

Итак, Анна Гедымин — московская поэтесса, которая в свои двадцать с небольшим ярко заявила о себе, в том числе и публикациями в центральной прессе, ещё в начале 1980-х.

* * *

В малиннике — змеи.

*Любой наполняющий миску,
Корзинку иль что там,
незвано пришедший извне,*

*Охотником будучи,
сам подвергается риску, —
Становится жертвой
с малиною наравне...*

*...Когда мы бредём с тобой,
за руки взявшись и взглядом
Друг друга лишь трогая,
не различая тропы,
Я тихо твержу:
«Осторожно! Возмездие рядом!
В малиннике — змеи, любимый!
На стеблях — шипы...»*

Вот, оказывается, что «на сердце и в голове»...

А как же иначе?! По-другому и не может быть, когда автор — женщина. И вопрос только в том, умеет ли она передавать читателю сугубо личные чувства и мысли.

Вслушаемся:

*Даже когда заскулит в трубе
Ветер — сильней зверья,
Ты не подумай, что по тебе
Стонет душа моя...*

Умеет. И причём по-мастерски филигранно. И без каких-либо шаблонов.

И не только о любви, ведь она к тому же современная независимая женщина, с мировоззрением, которому свойственны свои плюсы и минусы.

*День уйдёт — и над мостовой
Зазвучит оркестр духовой.*

*Каблуки пойду надевать —
Танцы бабкины танцевать.*

Как памятник временный,
пристроенный к Москве на живую,
Как зыбь на воде,
отражающей купола...

Из тех строф и строк, которые здесь представлены, надеюсь, видно, что Анна Гедьмин придерживается классических традиций...

Завершу стихотворением «Честолюбивая молитва» из одноимённой книги Анны Гедьмин, выпущенной совместно московскими издательствами «Academia» и журнала «Юность» в 2003 г.

*Музыка! Ты пришла, наконец...
Листва шелестит, маня...
Кончено, теперь я тоже — творец.
Боже, прости меня!*

*И наплевать, что злой, как оса,
И от власти хмельной,
Ангел возмездья уж полчаса
Носится надо мной.*

*Милый, придётся чуть обождать,
Постой дудеть на трубе,
Пока не кончится благодать —
Я не дамся тебе.*

*Ваш Главный слепил меня из интриг,
Швырял из блеска во тьму,
Но вот за этот звучащий миг
Я всё прощаю Ему.*

*И пусть перелесок уже в огне
И пёстр от змеиных лент,
Пойми: если что-то зачтётся мне,
Так этот самый момент!*

*Не то что звезда, а метеорит
Сверкнул на исходе дня...
И, может, ваш Главный чуть пожурит,
Но всё ж — помилует мя.*

Кстати, по просьбе автора, я был составителем вышеупомянутой книги...

в конце рабочего дня, а ведь разница в возрасте у нас была не-большая — но стоило ей заговорить, как она явно помолодела минимум лет на десять.

Когда мы остались одни, я достал свои ксерокопии публикаций и книги...

— А что? Хорошие стихи, — сказала Татьяна Бек вслух, выборочно ознакомившись с ними, и написала рекомендацию.

После праздников, в середине мая, по завершении творческого вечера Александра Аронова в Музее Маяковского я переговорил с ним о насущном...

И вскоре получил требуемое не только от него, но и, почти одновременно с этим, от Сергея Мнацаканяна.

Итак, собрав необходимые бумаги, я пришёл в означенную маленькую комнатку на Большой Никитской, 50/5, хотя это трёхэтажное здание, находящееся наискосок через улицу от ЦДЛ (Центрального Дома литераторов), принадлежало, как я узнал позже, Московской городской организации Союза писателей России...

— До летнего перерыва не успеют рассмотреть... — сказала Алёна Аршалуисовна Аршаруни, полная и радушная хозяйка кабинета.

Когда в декабре мне отказали, она же посоветовала при повторном обращении взять рекомендации у кого-нибудь повесомее.

А в апреле следующего года Галина Вячеславовна показала мне «информашку», присланную в «Истоки» из уже упомянутой Московской городской организации Союза писателей России, в которой говорилось о грядущем в мае двухдневном так называемом «Семинаре молодых».

По традиции ещё советских времён, по результатам отбора на подобных мероприятиях в Союз принимались «молодые» (до 35-ти лет) авторы. В новых же условиях, чтобы не было «пропущенных» в связи с крайней нерегулярностью — видимо, из-за нехватки финансов, — возрастной ценз не устанавливался.

Как-то так получилось, возможно, под влиянием начавшегося возрождения «Истоков», а, может быть, прислушавшись к доводам Ирины, но весной 1996-го я решил вступать в Союз писателей. Подумалось, ведь многие мои знакомые это уже сделали!

Из возникших после упразднения СССР писательских организаций я выбрал Союз писателей Москвы, просто потому, что подавляющее большинство известных мне авторов состояли в нём.

Определившись в основном, я тут же столкнулся с проблемой отсутствия рекомендаций. Но, поразмыслив хорошенько, пришёл к выводу: эта беда — не беда.

И начал с соответствующей просьбы к Сергею Мнацаканяну, тогда ещё малознакомому мне организатору поэтических выступлений на Праздниках «Московского комсомольца» в Лужниках, впрочем, уже публиковавшему мои стихи в этой газете.

Далее последовало ожидание...

Чтобы не терять времени, за второй рекомендацией я решил обратиться к члену правления Союза Татьяне Бек, в 1993-м сделавшей вступление к подборке верлибров украинского поэта Игоря Калинца (переведённых мной для «Литературной газеты»). Дозвонившись до неё с первой попытки, я услышал в трубке энергичный голос. Татьяна Александровна обнадёжила меня, заверив, что всё будет хорошо — ей известно как это пишется! Мы договорились о встрече через три дня на кафедре Творчества Литературного института, где она преподавала.

Наше очное знакомство состоялось 30 апреля... Наверное, такой грустной и усталой выглядит любая немолодая женщина

Теперь не вспомнить всех, кого я обзванивал по поводу вышеизложенного, но среди них были однокашники по «Весам»: Пётр Дегтярёв, Пётр Катин и Андрей Шацков. С последним-то, предварительно договорившись, мы и решили рискнуть...

Не знаю, повезло нам или нет, но мы с Андреем оказались на одном семинаре, возглавляемом Александром Бобровым, а помогали ему Лариса Баранова-Гонченко и Геннадий Иванов.

Сам процесс не таил никаких неожиданностей. Мы и в литобъединении, садясь «вкруг стола», не менее обстоятельно разбирали приносимые стихи, а в завершение своё мнение высказывал Анатолий Викторович Викторов. Существенное же отличие в данном случае заключалось, пожалуй, в продолжительности: с перекурами, и даже перерывом на обед...

После первого дня, понимая, что и здесь немаловажна протекция, я всё-таки, как истинный оптимист, надеялся на лучшее. А Андрей, обычно настроенный более пессимистично, прощаясь со мной напротив ЦДЛ, сказал:

— Если не примут, пойду завтра морды бить.

Что при его внушительных габаритах и склонности, по тем временам, к горячительным напиткам звучало убедительно.

Поздно вечером он сообщил мне по телефону, что «познакомился в «нижнем» кафе со знаменитейшим русским поэтом Владимиром Фирсовым» и что возможны варианты...

На следующее утро, перед началом, к нам заглянул Владислав Артёмов, которого я знал по журналу «Москва» (где уже печатался), так как им возглавлялся отдел поэзии. Будучи на параллельном «фирсовском» семинаре помощником, он был прислан вести переговоры с Бобровым...

Между окончанием обсуждений и публичным объявлением списков рекомендуемых в Союз предусматривался перерыв часа на полтора. Недолго думая, мы с Андреем направились в ЦДЛ, где он и представил меня Фирсову.

Владимир Иванович восседал в тёмных очках, кожаном пиджаке, с перстнем на левой руке и отображением величия на лице. В процессе же общения всё вдруг упростилось: мы пили водку, читали стихи и непринужденно разговаривали. После я неоднократно сталкивался с его добродушием и доброжелательностью.

Этим отличалась и жена мэтра, Людмила Васильевна, оказавшаяся властным человеком, но зато — прекрасной хозяйкой: по-другому, видимо, невозможно, ибо непредсказуемы влечения внутреннего мира православного русского поэта...

Шацкова, чьё родство душ с Фирсовым угадывалось с первого взгляда, приняли сразу, а меня — через несколько дней.

И я нисколько не жалею о состоявшемся знакомстве с секретарём Московской городской организации Союза писателей России Владимиром Бояриновым и об участии в дополнительном однодневном семинаре Владимира Дмитриевича Цыбина. На нём присутствовали в основном его студенты из Литературного института, правда, были ещё предупреждённый мной Пётр Дегтярёв, также не прошедший с первого раза, и внезапно объявившийся Валерий Дударев.

Позднее Римма Фёдоровна Казакова, возглавившая Союз писателей Москвы в 1998-м, и один из секретарей этой организации Валентин Дмитриевич Оскоцкий порознь ненавязчиво звали меня к себе...

И хотя у нас различные сочетания не возбранялись — я не стал этого делать, не находя резона в одновременной принадлежности двум сходным Союзам. Ведь мне никогда не были близки крайности ни в демократическом, ни в патриотическом, ни в каких-либо иных направлениях. А для лояльного человека политическая ориентация творческой организации, по моему разумению, имеет значение разве что в редких случаях, связанных с порядочностью и здравомыслием...

Через Вячеслава Васина до меня дошло высказывание Вадима Валерьяновича Кожинова о таких благожелателях, как я: «В случае перестрелки их убивают первыми».

*Не надо стоять виновато
навытяжку перед судьбой.
Расплата подходит, расплата
за всё, что случилось с тобой.*

Вадим Черняк

В середине февраля 1997-го я навещал Александра Аронова. В какой-то момент раздался телефонный звонок, и он — прервав беседу — вышел из комнаты. Ещё через пару минут позвал меня на кухню и, протягивая трубку, произнёс:

— Черняк...

Вскоре, откликнувшись на приглашение Вадима Григорьевича, мы с Ириной побывали у него в гостях, в снимаемой на первом этаже квартире в Весковском переулке, близ метро «Новослободская».

Изящный и рассудительный хозяин оказался почти антиподом Аронова...

Но, несмотря на различия, они дружили с незапамятной «Магистральной». И даже соавторствовали под именем Ивана Макаровича Гныпы. Правда, Александр Яковлевич как-то признался мне, что идея создания персонажа пришла ему на ум в связи с желанием помочь однокашнику по литобъединению с творческим раскрепощением.

Не мне судить, насколько это удалось, поскольку я почти безоговорочно доверял чуткому поэтическому слуху Черняка. И считаю его своим учителем наравне с Викторовым, Ароновым и Влодовым.

Вадим Григорьевич предпочитал жить отдельно от родных, излишне не обременяя собой ни старшего сына Сергея (от

первого брака), ни вторую жену Елену с их общим сыном Алексеем. В январе 1999-го череда переездов закончилась, и Черняк обосновался в однокомнатной квартире, находящейся в стандартной одноподъездной девятиэтажке середины 1960-х в начале 5-го Монетчиковского переулка, рядом с метро «Павелецкая». При этом образ его существования не претерпел заметных изменений, по-прежнему львиная доля времени отводилась литературному труду и шахматам...

Иногда к нему навевались друзья, реже — сам ездил в гости. А своё 70-летие решил отпраздновать почти тик-в-тик, в первый день января в ресторане Дома журналистов, ведь факт рождения произошёл 31 декабря 1934 года в 23:50. И хотя из-за болезни на юбилей не смог придти Леонид Аронович Жуховицкий, зато, кроме немногочисленных близких родственников, собрались Анатолий Головков, Павел Гутионтов, Александр Саханов и, разумеется, Андрей Чернов. Это был прелестный вечер воспоминаний и, по-моему, последний выход юбиляра на люди...

Осенью 2006-го в больнице, когда уже казалось, что выздоровления не последует, Вадим Григорьевич признался:

— Творчество — это самое главное, чем стоило заниматься в жизни.

«Отмирание клеток мозга», как он говорил о своей болезни, длилось ещё около полутора лет. Слава Богу, что его жене Елене и любимому сыну Алексею хватило душевных сил в такой непростой ситуации.

Ага! так вот где собака зарыта!

Когда-то телевизионный центр предполагалось возводить не в Останкино, а в районе Новых Черёмушек. И там заранее, в 1958 году, появилась улица Телевидения, сама по себе короткая, протяжённостью не более полутора километров. А в 1971 году, в связи с изменением планов, ей дали другое название, в честь советского государственного партийного деятеля Николая Михайловича Шверника (1888–1970 гг.), который к данной улице никакого отношения не имел.

Но в 1962–1975 годах на этой улице в доме № 11, корп. 4, кв. 41, в обычной хрущёвской пятиэтажке, снесённой в конце 1998-го, был прописан у матери и фактически проживал Владимир Семёнович Высоцкий (кстати, именно там, в одной из двух комнат, первоначально жила вместе с ним и Марина Влади).. И даже, как выяснилось позже из рассказа местного старожила — сантехника Владимира Ивановича Зуева, в «Песенке о слухах» упомянут тогдашний участковый, фактически трезвенник: «А вы слышали, Мамыкина снимают? За разврат его, за пьянство, за дебош...»

В ноябре 1997 года, нам позвонил Андрей Таль (художник, участник печально известной «Бульдозерной выставки») и, немного поговорив с Ириной об общих для них «малярских» делах, вдруг попросил её заняться переименованием улицы Шверника, неподалёку от которой мы жили, в улицу Высоцкого.

И тут же сообщил, что, оказывается, чуть ранее этим вопросом занимался сын Владимира Семёновича Никита, но в верхах ему отказали, ссылаясь на то, что инициатива должна исходить

снизу. До него та же участь постигла Юрия Любимова — из-за «малого срока», прошедшего после безвременной кончины Высоцкого, хотя в случае со Шверником — прошёл всего лишь один год. Да и в дальнейшем: с Ельциным — изменилось название улицы в Екатеринбурге в его честь аккурат за несколько дней до первой годовщины смерти; а с Солженицыным — вообще московскую Большую Коммунистическую улицу, берущую начало от Таганской площади, переименовали через четыре месяца после кончины Александра Исаевича.

Это я к тому, что закон у нас по-прежнему «что дышло: куда повернул — туда и вышло».

Но делать нечего — попытка не пытка...

До праздников Ирина успела: побывать на приёме у главного архитектора Академического округа, где ей объяснили, что с этим надо обращаться в Мэрию; и дозвониться, затратив немало времени, в комиссию по переименованию улиц города Москвы, где её отчитали за незнание законов.

Хамство, конечно, и враньё. Ведь нам (естественно, я не мог оставаться в стороне) было известно, что на тот момент не подлежали изменению только исторические названия улиц, находящихся, в основном, в пределах Садового кольца. Такое, собственно говоря, правильное ограничение категорически не позволяло поднимать вопрос по поводу Большого Каретного переулка или Малой Грузинской...

Впрочем, мы об этом и не задумывались.

Наступил 1998 год, в котором Высоцкому могло бы исполниться шестьдесят...

Мы с Ириной занимались сбором подписей жителей улицы Шверника. Андрей Таль с друзьями готовил проект оформления улицы в виде грифа гитары со скульптурами, символизирующими семь нот. Кроме того, нам вместе казалось уместным использование в новых условиях близлежащих кинотеатра «Улан-Батор» и сквера для всевозможных бардовских концертов, фестивалей...

В общем, всё шло своим чередом. И в июне я отвёз в приёмную Мэри три письма на имя Ю. М. Лужкова (от инициативной группы, от «Дома Высоцкого на Таганке» и, благодаря содействию Андрея Вознесенского, от Русского ПЕН-центра) с просьбой о переименовании улицы Шверника.

Прошёл месяц. В преддверии годовщины смерти Владимира Семёновича я обзвонил информационные программы TV с предложением темы. Откликнулся Борис Соболев из «Времечка» — снимали 23 июля (интересно, когда в завершение, часа через два, Борис прямо на улице стал допытываться у случайных прохожих о Швернике — кто он? — никто так и не смог толком ответить). Получившийся 4-минутный сюжет показали на следующий день.

И в «Московском комсомольце» Сергей Мнацаканян опубликовал материал под названием «Где же ты, улица Высоцкого?».

А в годовщину смерти около могилы общенародного любимца на Ваганьковском кладбище мы с помощью Нины Красновой и нашей соседки по лестничной площадке Иры Кочетковой дополнительно собрали множество подписей в поддержку...

Но дальнейшее от нас уже не зависело. Рассмотрение вопроса в Мэрии, отложенное на осень, состоялось 30 сентября 1998 года.

Заседание должна была проводить заместитель Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы Майя Фёдоровна Симонова, с которой я вёл предварительные телефонные переговоры. Её точка зрения сводилась к тому, что в столице память Высоцкого увековечена достаточно, и, кроме того, она утверждала, что кем-то собираются подписи в защиту имени выдающегося государственного деятеля Н. М. Шверника (последнее звучало бредом сивой кобылы: уж мы-то, включая «Времечко», изучили его биографию).

Позвонив накануне мероприятия, я спросил у Симоновой, можно ли привести ещё кого-нибудь, имея в виду гендиректора Русского ПЕН-центра Александра Ткаченко или TV. И получил отказ: комнатка маленькая, а комиссия большая...

Вновь мы столкнулись с враньём. Площадь «комнатки» № 308, в которую меня пригласили, была порядка сорока метров. Внутри находилось всего лишь десять человек.

На фоне собравшегося кворума (из него восьмерым было далеко за шестьдесят!), пребывавшего как будто в дрёме, председательствующая Майя Фёдоровна коротенько изложила суть дела. Надо сказать, всё говорилось с откровенно язвительной интонацией, подчёркивающей тщету чаяний инициативной группы. Когда же речь зашла о письме-поддержке писателей, то прозвучал следующий перл: «Ахмадулина... Битов... Вознесенский... ну и все остальные...» Потом, почти без паузы: «Отказать из-за противоречия закону!»

Я остолбенел. Но, быстро придя в себя, попросил дать мне слово. И попытался объяснить собравшимся, что, во-первых, «мы» — это несколько тысяч москвичей, проживающих по улице Шверника, а, во-вторых, «мы» просим вернуть улице старое, так сказать, историческое название, а затем, ввиду его нелепости, переименовать...

И тут в руках у Симоновой появилось письмо (явно домашняя заготовка), смысл которого заключался в том, что Некто просил назвать московские улицы прилагавшимися именами заслуженных людей... Из чего якобы следовало, что, «дав одной из улиц название «Улица Владимира Высоцкого», комиссия принизит достоинства вышеперечисленных...»

В репликах же я услышал и то, что «смешно звучит: Высоцкий жил на улице Высоцкого»; и то, что в названиях московских улиц ещё не отражены имена всех Героев Советского Союза; и многое-многое другое.

Резюмируя, Майя Фёдоровна обратилась ко мне: «А есть ли у вас деньги на переименование улицы? У Мэрии — нет».

Ага! так вот где собака зарыта!

Лично я таких денег, конечно же, не имел, но думается, что горожане нашли бы их с лихвой, ведь Владимир Высоцкий — коренной москвич.

«Вознесенский переулок не переименовать»

*Тьма ежей любого роста
мне иголками грозила.
Я на дух надел напёрсток.
Жмёт, конечно. Но красиво.*

Андрей Вознесенский

26 января 1998 года в «Московском комсомольце» под заголовком «Где улица Высоцкого?» появился материал, приуроченный к 60-летию со дня рождения знаменитого барда и актёра... Там всего-то была помещена известная фотография начала 1970-х, на которой были рядом ещё молодые и счастливые Владимир Высоцкий и Андрей Вознесенский, а под ней — короткое, эмоционально-недоуменное обращение последнего к власти имущим по поводу отсутствия в Москве улицы имени «всемирного Володи».

Тогда же я и Ирина, возглавляя инициативную группу, вели сбор подписей для ходатайства в Мэрию о переименовании улицы Шверника в улицу Высоцкого.

Почувствовав в авторе материала единомышленника, мы оставили для него «под зелёной лампой» в ЦДЛ приветственное послание, в котором вкратце объяснили, чем занимаемся и, на всякий случай (конечно же, не особо рассчитывая на контакт), сообщили свой домашний телефон.

Через пару недель, в один из февральских вечеров, откликаясь на телефонный звонок, я вдруг услышал:

— Здравствуйте, это — Андрей Вознесенский.

В его негромкий размеренный голос приходилось вслушиваться (давала знать болезнь горла)... Разговор как-то сразу, без паузы, пошёл о Высоцком и делах, связанных с переименованием... При этом мы называли друг друга на вы, но по именам: Андрей, Сергей (только в дальнейшем, вспомнив разницу в возрасте, я стал обращаться к нему — Андрей Андреевич)... А в завершение Вознесенский неожиданно предложил посильную помощь и продиктовал свой телефон в Переделкине.

Предоставленной возможностью я воспользовался в июне. К этому времени все документы в Мэрию, за исключением предполагаемого письма от Русского ПЕН-центра, были готовы.

— Хорошо, — сказал он, — пятнадцатого будет заседание. Переговорю.

— Андрей Андреевич, — осмелев, напоследок почти прокричал я в трубку, — а вы не могли бы дать материал в «Истоки»? О Высоцком. Или что-нибудь, на ваше усмотрение...

16 июня, заехав в ПЕН-центр, из рук гендиректора Александра Ткаченко (с которым мы были знакомы со времён его работы в журнале «Новая Юность») я получил обещанное.

А насчёт материала в «Истоки» Вознесенский просил перезвонить.

Созваниваться пришлось около месяца. Благодаря ангельскому терпению Зои Борисовны Богуславской, с которой я чаще общался, ввиду того, что в основном она первой подходила к телефону, наконец, мы договорились о встрече 21 июля в 16:15 в фойе ЦДЛ. Причём было сразу оговорено, что на наши дела отводится минут десять-двенадцать, так как следом подойдёт ещё кто-то.

Но зачастую жизнь вносит свои коррективы... Вознесенский, задержавшись в дороге, вошёл в здание, как мне показалось, стремительно. Его в то время внушительная фигура и внешний вид напомнили мне чем-то соседа по незабываемой Немчиновке, дядю Валю Сильвестрова: уверенного в себе добытчика, вечно загорелого, острого на язык охотника-огородника-рыболова-садовника и завязанного преферансиста.

Рядом с поднявшимся по ступенькам в центр фойе мэтром оказался и Виктор Ерофеев... Мы поочередно поздоровались, потом я отошёл в сторону...

Через непродолжительное время Андрей Андреевич, пообщавшись с собеседником, обернулся ко мне. Для публикации он дал четыре новых, не отлежавшихся стихотворения (при вёрстках правившихся чуть ли не четверостишиями).

Когда закончили с делами, я подарил Андрею Андреевичу свои книги — одна из них была с иллюстрациями Ирины. И, протянув «На виртуальном ветру» — его воспоминания, — получил автограф:

Ирине и Сергею — очень сердечно.

Так произошло наше знакомство...

И хотя улицу Шверника не переименовали в улицу Высоцкого, но на память о событиях осталось стихотворение Вознесенского из той, «истоковской» подборки конца 1998 года:

* * *

*Я — вселенский полудурок.
Бит Никитой и тоской!
Вознесенский — переулок
меж Никитской и Тверской.*

*Невезенья квинтэссенция,
он не трасса, а тропа.
Здесь на Пасху Вознесенская
просияла Скорлупа.*

*Здесь подруги и собратья,
власть в малиновом доме.
Мы к Чайковскому в объятья
попадаем по нему.*

*И красавица из местных,
не святоша, и не блядь,
в Вознесенской лавке крестик
сладко будет примерять.*

*С тьмой литературных урок
разберусь я вдругорядь.
Вознесенский переулок
не переименовать.*

Через несколько дней мне позвонили из Библиотеки с новым предложением. На этот раз приближался юбилей директора, по-моему, шестидесятилетие. И сослуживцы, по секрету от виновницы торжества, заказали «что-нибудь» в её честь, но только не панегирическое.

Недолго думая, я выбрал за основу известное стихотворение Даниила Хармса — получилось следующее:

В конце августа 1998 года произошёл обвал рубля. При неизменной зарплате цены за короткий период подскочили в два-три раза. Президент, правительство и «думцы» вешали россиянам очередную «лапшу на уши» — дескать, на то есть объективные причины. А сами на народные денежки повышали себе зарплаты, замораживали курсы валют в «думских» банкоматах, строили новые, шикарные офисы Сбербанка. В общем, в очередной раз дурили нашего брата по полной программе...

В эти самые дни, когда независимо от желаний приходилось переходить в основном на постную пищу, мне неожиданно позвонила Наталья Сверцова (радиожурналистка, автор «Истоков»):

— Подзаработать не хочешь? — спросила она.

— А в чём дело? — ответил я вопросом на вроде бы риторический вопрос.

Оказалось, что Центральной библиотеке № 202 имени Ю. А. Гагарина, находящейся рядом с метро «Юго-западная», для выступления на межведомственном фестивале срочно требовалось сочинить ироничный стихотворный текст на выбранную ими мелодию.

Поехав к заказчику, я записал имена и должности сотрудников, которые должны были упоминаться, а также, уточнил музыкальную составляющую («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»). После чего, приступив к работе, справился с ней в назначенный срок.

— Знаете?

— Не знаете?!

— Ну, конечно, знаете!

— Ясно, что вы знаете!

— Несомненно, знаете!

— Вы же знаете, что **У**?

— Вы же знаете, что **Ю**?

— Вы же знаете, что **ЛИ**?

— Что у Юлии Ивановны

Нынче день рождения?

— Это вам ведь не крестины,

Впрочем, и не именины,

Впрочем, что к чему понятно

И без обсуждения.

— Ну, вы скажете нам, **НА**?!

Ну, вы скажете нам, **ХА**?!

Ну, вы скажете нам, **ЛЫ**?!

Ну, вы скажете, нахалы,

И откуда только пруть?!

Нет бы, выйти с дифирамбом,

Или вот хореем-ямбом

(Или как-нибудь ещё)

Посвященье сочинить.

Кстати вспомнить внучку тут:

Анечкой её зовут!

Да и про внучка Илюшу

Что-то присовокупить!

А не то чтоб водку пить.

— Мы же возразим вам, **ПО!**
 — Мы же возразим вам, **СТОЙ!**
 — Мы же возразим вам, **ТЕ!**
 — Мы же возразим, стойте,
 Это вовсе не мура!
 Ваши происки напрасны —
 Наши помыслы прекрасны.
 С днём рожденья, дорогая
 Юлечка! Ура! Ура!
 — И ещё разок: УРР-А-А-А!!!

И хотя стихотворение было озаглавлено позже («Ко дню рождения Юливанны»), всё равно, даже тут, в самом начале, Юлия Ивановна Поварова — уже была Юлией Ивановной, Юлечкой — неунывающей современницей.

Дальше — я просто не смог не продолжить тему...

Но так как написанное, по возможности, повторяло не только ритмы, системы рифмовок, построчные разбивки, а, до какой-то степени, и внешние виды оригиналов — то я назвал это «вольными переводами с детского на взрослый». Припомнив же, что когда-то наши классики, импровизируя при «пересказах» заграничных стихов, употребляли предлог «из» — из Байрона, из Гёте... — я решил воспользоваться и этим.

Поясню примером:

ЧТО ТАКОЕ

ХОРОШО

И ЧТО ТАКОЕ

ПЛОХО?

(Из Владимира Маяковского)

К Юливанне
 внук пришёл,
 и спросила кроха:

— Доллар — это
 х о р о ш о
 или доллар —
 п л о х о? —
 Взяв на полке
 абрикос —
 угостить внучонка —
 Юливанна
 на вопрос
 отвечала
 звонко.

— Доллар?!
 Если его нет,
 или —
 есть, но малость,
 это — плохо.
 Скажут вслед:
 ах, какая жалость!

Если ж
 долларовый вклад
 в заграничном
 банке —
 скажут люди,
 что ты гад:
 жди от них подлянки.

Помни
 это
 каждый внук,
 каждый
 ребятёнок:
 вырастешь
 козлом,
 мой друг,
 если ты —
 козлёнок.

Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Знаешь меру —
х о р о ш о!
А не знаешь —
п л о х о».

В конечном итоге получилась подборка по мотивам стихотворений Зинаиды Александровой, Агнии Барто, Валентина Берестова, Бориса Заходера, Самуила Маршака, Владимира Маяковского, Сергея Михалкова, Даниила Хармса, Корнея Чуковского. Они как-то сами собой объединились в цикл «Кое-что о Юливанне», который мы с Ириной и, естественно, с её иллюстрациями, вскоре издали отдельной книжечкой, на память о дефолте...

Мне очень приятно...

Творчество — в смысле понимания — дело неблагодарное. Мало того, что в творчестве существуют различные направления, так ещё внутри них читатели вольны делиться по пристрастиям, а иногда по уровню подготовленности и даже грамотности.

В 1999 году, вскоре после выхода очередного альманаха, Галина Вячеславовна познакомила меня со следующим письмом (обращаю внимание: нижеприводимый текст дан в читательской редакции, а выделены всего лишь ошибки):

Главному редактору
альманаха «Истоки» Галине Рой.

Альманах «Истоки» попал в мои руки случайно. И я была рада этой встрече — сколько молодых имён! И пусть порой наивны, даже корявы дебюты начинающих — неуверенность первых шагов оправдана.

Хребет альманаха — вещи профессионалов стихи Р. Козаковой, А. Вознесенского, интересна проза Леонида Жуховицкого, выделяется ранней одарённостью публикация Катюши Сполитак.

И вдруг... словно обожгло. Претенциозный, беспощадный, грязный цикл Сергея Телюка.

После салдафонских воплей коммуниста-черносотенца Макашова, сеящих национальную вражду, раздался литературный писк Телюка:

*Ах, матушка, Россия! Любезная моя!
Да как же ты пригрела евреев у себя
и прочих супостатов — ведь проку ни на грош
от этих лихоимцев... Но нас не проведёшь:
мы родную сторонку очистим — спору нет —
держи кистень, товарищ, а я возьму кастет.*

На кого поднял руку околослитературный пигмей — на Илью Эренбурга, Василия Гроссмана, Михаила Светлова, великого Михоэлса, блистательного Ландау?

Отмойтесь от этой грязи, срочно дайте оценку зловонной «тедлюковщине», не доводя дела до суда за разжигание национальной вражды.

Я в Грозном потеряла всё, знаю уродливое лицо шовинизма и национализма, горько читать подобное в конце XX века.

Учитель русской литературы Говоркова Ек. Ив-на.

Ох-ох-ох... Где вы, советские времена?..

А ведь в этом же цикле, буквально в предыдущем стихотворении, нелюбезно говорится и о русских: «Не то чтобы глуп, но я с детства, лелея привычный изъян, // живу в ожидании чуда как небезызвестный Иван». Но подобные высказывания почему-то считаются в порядке вещей и, как правило, не замечаются читателями.

По просьбе главного редактора мне пришлось ответить Ек. Ив-не в разделе «Из нашей почты». На левой стороне разворота был помещён просканированный оригинал письма Говорковой, а на правой — следующее:

Уважаемая Екатерина Ивановна!

Спасибо Вам за добрые слова в адрес нашего альманаха.

Мне очень приятно, что Вы обратили внимание на моё творчество и даже процитировали одно из моих стихотворений. Но меня удивило то, с какой непосредственностью Вы, учитель русской литературы, отнесли к прочитанному. Возможно,

ужас пережитого Вами наложил отпечаток на Ваше восприятие стихотворения. Хотелось бы дать Вам некоторые разъяснения.

Итак, начнём сначала. Если я правильно понял, Вами прочитан предыдущий, четвёртый выпуск возрождённого альманаха «Истоки». Моя подборка в нём начинается с цикла монологов «Страна родная». Обращаю Ваше внимание на то, что это не просто цикл стихотворений, а цикл монологов (о чём сказано в подзаголовке), что позволяет передать в этих монологах разные точки зрения, порой и противоположные моему личному мнению. И поэтому Ваши претензии надо адресовать не ко мне лично, а к моим «лирическим героям» (к сожалению, Вы не прочувствовали, что к ним я отношусь не однозначно). Ещё раз подчеркну, что цикл монологов даёт автору возможность привести разные взгляды, убеждения, бытующие в повседневности, порой даже противоречащие друг другу, и нельзя ставить знак равенства между этими «голосами» и мнением, мировоззрением автора. Более того, хотелось бы отметить, что я негодую вместе с Вами по поводу смысла следующих строк:

*мы рѳдную сторонку очистим — спору нет —
держи кистень, товарищ, а я возьму кастет.*

Но тут уж, как говорится, из песни слова не выкинешь... Ведь если мы будем прятаться или убегать от реальности, то проблем от этого в нашей жизни не убудет.

По поручению гл. редактора альманаха Сергей Телюк.

Сегодня я бы к этому добавил следующую цитату из Александра Сергеевича Пушкина:

«Описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так как анатомия не есть убийство».

Да, кстати, название цикла было когда-то подсказано моим другом (больше других в «Стране родной» ему нравилось стихотворение «Какая неожиданность: в Москве опять зима...») Александром Ароновым — евреем по национальности.

И ещё мне вспомнилось одно Сашино наставление по части поэзии: не будь чересчур серьёзным — скучно.

по 1991-й) вообще издание чего-либо за свой счёт могло показаться удручающим, Николай Константинович по-прежнему оставался добрым, весёлым, жизнелюбивым человеком и заядлым рыбаком.

Однажды я поинтересовался у него:

— На какой слог падает ударение в вашей фамилии?

— Правильнее будет Старшинов, — последовал ответ, — но это не важно...

О том, что знаменитый актёр театра и кино Евгений Яковлевич Весник любит рыбачить, я узнал совершенно случайно. Это открылось 17 января 1999 года, когда по приглашению его жены Нонны Гавриловны мы с Ириной пришли к ним, по выражению хозяина, которому двумя днями раньше исполнилось семьдесят шесть, «попить водочки».

Я не раз бывал у них по редакционным делам и потому имел представление о месте встречи в известной «сталинской» высотке рядом с метро «Баррикадная». Небольшая двухкомнатная квартира как бы противоречила высоченным потолкам с лепниной и огромным общественным пространствам, где можно запросто устраивать турниры по мини-футболу, по крайней мере, на первом и пятом этажах.

Внутреннее же устройство обители выглядело гармоничным. Через маленькую прихожую вошедшие сразу попадали в холл, превращённый Евгением Яковлевым в кабинет с книжными шкафами, расположенными вдоль правой стены (где на видном месте, на одной из полок стояла фотография в рамке, запечатлевшая момент вручения мэтру Б. Н. Ельциным ордена «За заслуги перед Отечеством»), а левее них — большим письменным столом, поразительно заваленным бумагами, хотя относительно недавно, в минувшем 1998-м, вышло переработанное и дополненное второе издание мемуаров «Дарю, что помню». Из этого центрального места, сделав несколько шагов в ту или иную сторону, проходили в остальные помещения...

Мы сосредоточились в уютной, обжитой, чувствовалось, в основном благодаря хозяйке, кухне. И вот тут-то я увидел среди

Несмотря на всякое, в первую очередь всё-таки вспоминается теплота людей, с которыми мне довелось встречаться...

В главе о возрождении «Истоков», говоря о Николае Константиновиче Старшинове, я упомянул, что он ходил с тростью, точнее, с обычной, возможно, подобранной в лесу, палкой, изогнутой в её верхней части. К тому времени он уже не пил, по крайней мере, в 1996-м, по его словам, минуло двадцать четыре года, как окончательно завязал с этим делом. Жил с семьёй дочери от брака с Юлией Друниной в доме творческих работников, недалеко от кольцевой станции метро «Проспект Мира», в Протопоповском переулке (его соседом по этажу был поэт Андрей Дементьев, в 1990-е, как представитель государственной телерадиокомпании (РТР) в Израиле, живший за границей). Будучи «совой», Старшинов любил работать по ночам...

А в минуты откровений огорчался, что зять совсем не интересуется его творчеством и что его большая библиотека никому не нужна.

Но, тем не менее, семья дочери нашла возможность, и у нас в РИФ «РОЙ» в 1994-м и 1996-м вышли частями «Лица, лики и личины», содержащие в себе две трети его литературных мемуаров. Хотя для известного поэта-фронтовика, собирателя частушек и автора множества книг, бывшего заведующего отделом поэзии в журнале «Юность» (с 1955-го по 1962-й) и главного редактора альманаха «Поэзия» (с 1972-го

салатиков, пирожков и прочей снеди жареную, как выяснилось, речную подмосковную рыбёшку (плотвички, ёршики и т. д.), пойманную собственноручно хозяином дома и хранившуюся в морозилке с сентября.

Если говорить о Евгении Яковлевиче как о рассказчике: блистательный, божественный, гениальный, — это значит, ничего не сказать.

Невозможно определить какими-либо словами его интонации, мимику, жесты, особенно, когда всё происходило не-принуждённо, под водочку, настоянную на калгане... С добавлением по вкусу матерка, коего не гнушался народный артист СССР, невзирая на разную половую принадлежность присутствующих...

Именно во время этой встречи я узнал об источнике — няне из больницы, где ему довелось лежать — лаконичного ответа, неоднократно слышанного мной по телефону, при вопросе о его здоровье:

— Пиздец не лечится...

Что по настроению, по-моему, было вполне созвучно одному из следующих его «Триптихов», публиковавшихся в «Истоках»:

а). Жизнь начинается:

Очень много времени уходит на созерцание, осознание, образование; часенъко времени на работу, на созидание не хватает; ещё чаще и не очень хочется созидать, хочется красочного времяпрепровождения: веселья, комфортного куража, фейерверка любви, авто, еды, вина...

б). Жизнь созрела:

Побеждает то, что в большем количестве накоплено — или зло или добро, учение или сладостный самообман...

с). Жизнь кончается:

Хочется учить, подпитывать, показывать — нет сил, нет свободного от болячек времени... Ты не нужен... Ты — старый болван.

Время пролетело незаметно. Оглянувшись на пороге, я увидел немолодого трогательного человека, в клетчатой рубашке и купленном в Америке джинсовом комбинезоне «Lee», о котором ему давно мечталось. Но в облике ещё угадывался с детства любимый мной персонаж — авантюрный Богдан Сусик из «Трембиты»...

Несколько позже, позвонив поздравить Евгения Яковлевича с принятием в Союз писателей Москвы, я услышал явно шутовское и обнадеживающее:

— Лев Николаевич Толстой у телефона.

В одном из разговоров Александр Фатюшин вскользь коснулся своей работы дворником в ЦДЛ, видимо, в молодости, когда только переехал из Рязани... Услышав знакомую аббревиатуру, я автоматически поинтересовался насчёт наличия собственных стихов. И после утвердительного ответа, разумеется, предложил ему напечататься.

— А зачем? — спросил он. — Я любитель — пишу их для себя, правда, иногда читаю друзьям.

Неожиданно и приятно было услышать такое редкое высказывание...

Впервые же встретиться с ним «живьём» довелось в процессе однодневной поездки в Вязьму, в последнее воскресенье февраля 1999 года.

В фирменном автобусе, ожидавшем у ближних к театру «Сатиры» колонн Зала имени Чайковского, нам, относившимся к разным изданиям, видам искусств и Союзам, предстояло проехать порядка двухсот пятидесяти километров в одну сторону, дать подобие шефского концерта и вернуться. Собралось человек двадцать. Из них вспоминается только несколько: Ирина — моя вечная спутница; Нина Краснова — в данном случае вместе со мной представлявшая альманах «Истоки»; Валерий Дударев — поэт, организатор мероприятия, кстати, тогда ещё ответственный секретарь журнала «Юность», находившегося вместе с рестораном «София» в дореволюционном

здании напротив памятника Маяковскому; а также Феодосьевич и Владимир Цапин (очередной мой однокашник по «Весам») — его сослуживцы. Первоначально ожидалось участие Валерия Золотухина, но у него в последний момент что-то стряслось. И Володе Цапину пришлось срочно брать такси и привозить согласившегося помочь Александра Фатюшина, который жил в районе метро «Бабушкинская».

В итоге мы прибыли на место с опозданием...

Не в пример столице в Вязме температура оказалась не нулевой, а градусов на десять морознее. От вида огромного количества не таявшего снега с непривычки слепило глаза. Курились печные трубы над малоэтажными домиками на окраине, распространяя запах гари. Находившийся рядом с памятником Ленину местный Дворец культуры встретил нас прохладой.

Быстренько попив чайку с пирожками и бутербродами, мы разделились: Ирина с Феодосьевичем, набросив на плечи верхнюю одежду, отправились торговать книгами и журналами в фойе, все же остальные — за кулисы. Кроме Валеры и меня, сразу вышедших на сцену в качестве ведущих...

Холодный, полуотапливаемый зал мест на пятьсот-шестьсот благодаря зрительскому терпению был полон.

Выступление длилось чуть более двух часов. Как всегда выделялась Нина Краснова со своими бойкими частушками и темпераментным притопыванием на месте. Но когда на закуску к микрофону вышел её земляк Фатюшин, публика зашлась от восторга. Александр, видя такое дело, для начала рассказал пару смешных случаев с киносъёмкой, а потом стал травить анекдоты, периодически вопросительно — может, хватит? — оглядываясь на нас с Валерой.

В завершение, после традиционной раздачи автографов, нашу группу ознакомили с местными достопримечательностями, включая усадьбу Грибоедова в тридцати километрах от города, а потом, после не очень продолжительного застолья, отпустили восвояси. Благодаря неустанности Александра, в одночасье ставшего душой компании, обратный путь показался короче, хотя и въехали в Москву за полночь...

Через месяц с небольшим, в начале апреля, Фатюшин пригласил нас с Ириной в Филиал театра имени Маяковского, где он играл замоскворецкого купца Самсона Силыча Большова в «Банкроте» по Островскому... В дальнейшем мы видели все спектакли с участием Александра, но уже на Основной сцене... А наибольшее впечатление произвёл мерзавец, начальник тюрьмы, босс Вален (пожалуй, вообще его единственная отрицательная роль) в «Не о соловьях» из раннего Уильямса в постановке Ахрамковой... Здесь же пожилую женщину миссис Бристол играла Елена Мольченко, жена, с которой он как-то раз познакомил меня за кулисами... Кстати, когда мы смотрели «Наполеона Первого», я встречался с ним в антракте и никогда не забуду выходящего ко мне на встречу из комнаты отдыха, где актеры смотрели футбольный матч, самого Бертье в маршальском мундире и ботфортах...

Но, конечно же, прежде всего, припоминаются знаменитый хоккеист Сергей Гурин из легендарной мелодрамы «Москва слезам не верит» и почти былинный таможенник Афанасий Петрович Крыков из телефильма «Россия молодая»...

Наше знакомство продолжалось немногим более четырёх лет, вплоть до Сашиной скоропостижной смерти.

«Полонез» отправился точно по расписанию

В конце января 1999-го мы с Ириной впервые получили загранпаспорта.

Оформлялись они, в общем-то, на всякий случай, так как приблизительно за полгода до этого Лола Звонарёва, с которой я познакомился в редакции «Истоков», обмолвилась о возможной поездке в Польшу.

Сроки несколько раз переносились, последняя предварительная договорённость существовала на февраль-март 2000-го, но приглашения от Российского центра науки и культуры в Варшаве мы получили в ноябре 1999-го (я думаю, в связи с образовавшимся «окном»).

Из телефонных переговоров с представлявшими Центр ответственными за культурное сотрудничество Татьяной и Александром Хохловыми стало ясно, что кроме моего выступления они рассчитывают на выставку работ Ирины.

И началось. Всё делалось параллельно: покупка билетов и ваучеров (в нашем случае этот документ давал право находиться в Польше без виз в течение недели); изготовление буклетов, оформление работ и получение разрешения на их вывоз в соответствующей комиссии (по договорённости Ирина представляла графику, в основном, ксерокопии иллюстраций к моим книгам); поиск денег взаймы ввиду непредвиденности поездки и т. д. и т. п.

И вот в морозный день (градусов пятнадцать-двадцать) 12 декабря мы вышли из дома налегке, а троюродный брат Ирины Сергей Смыслов, вызвавшийся помогать на своей «Оке», уже приближался с нашим багажом к Белорусскому вокзалу...

Польский фирменный поезд «Полонез» отправился точно по расписанию. В трёхместном купе с умывальником кроме нас больше никто не появился. Проводник, на русском говоривший с явным акцентом, приветливо поздоровался, выдавая таможенные декларации (для заполнения) и пакеты с постельным бельём, фирменными полотенцами, миниатюрными кусочками мыла и губками для обуви. Из коридора доносилась польская речь, а мы ехали мимо заснеженной Немчиновки...

В этом подмосковном посёлке сразу за МКАД я до двадцати с небольшим проводил почти каждое лето в построенном отцом «сарайчике» на земельном участке у «тёти Маруси», одной из трёх его любимых тётушек. Там же, недалеко, на старом кладбище при Никольском храме в Ромашково, находятся захоронения моих родственников с 1917 года, включая прадеда, в конце XIX века перебравшегося с семьёй из-под Борисова в Москву.

Так начиналась моя первая поездка за границу.

И всё бы ничего, да в дороге у меня внезапно подскочила температура, чуть ли не до тридцати девяти. Это я потом, поразмыслив, понял, что к чему (аналогичная реакция организма уже случалась после первой автомобильной аварии, в которой мы с моим другом и однокашником по МАДИ Сергеем Мозалёвым после нескольких переворотов в «Запорожце» чудом остались в живых), а в тот момент, приняв жаропонижающие лекарства и с головой укрывшись под одеялом, мне пришлось бороться с ознобом до самого Бреста, куда мы прибыли часов в пять утра.

Белорусские пограничники и особенно таможенники тщательно, если не сказать скрупулезно, словно задавшись целью обязательно выискать нарушения, проверяли документы и багаж. После чего последовала ошущавшаяся в данном случае как облегчение смена колёс в депо, длившаяся порядка двух часов...

Польские таможенники казались не столь озабоченными. А пограничники — вообще прошли по вагону, подобно контролёрам, проштамповывая наши документы. И вскоре, наверное, минут через двадцать-тридцать, мы уже следовали в направ-

лении Варшавы. В конце пути поезд переехал по мосту через Вислу и нырнул в тоннель, ведущий к подземным платформам Центрального вокзала.

Встречавшие, знакомые по предварительным телефонным переговорам Татьяна и Александр Хохловы, перевезли нас на служебном микроавтобусе, по-моему «Форде», в уютную двухкомнатную Гостевую квартиру с просторными кухней, передней, отдельным санузлом, а также квадратной лоджией с видом на улицу Собеского. А находилась она в охраняемом жилом доме, принадлежавшем Торгпредству России.

Оставленные одни часа на три-четыре, мы наконец-то смогли перевести дух, пока за нами не заехали...

Прогулка с Татьяной по Варшаве имела оттенок нереальности, так как в происходящее верилось с трудом. В отличие от Москвы на улице не было ни снега, ни особого холода, если не считать пяти-шестиградусного мороза. Зелёная трава и даже местами цветы на газонах; не суетящиеся люди, одетые в куртки и обычно без шапок; машины, тормозящие перед пешеходом при первом же его шаге на проезжую часть; молодой человек, раздающий конфеты в костюме Санта Клауса, хотя до католического Рождества оставалось около двух недель — всё это вызывало интерес. Но самым впечатляющим оказался центр города — во время Второй мировой войны сильно разрушенный, а в мирное время любовно восстановленный по фотографиям, гравюрам и репродукциям (как тут не упомянуть о вечно перестраиваемой и доведённой местами до уродливости аналогичной части российской столицы!). В завершение всего мы побывали в гостях у Хохловых, где к концу вечера я почувствовал себя окончательно выздоровевшим, хотя предстояли смутная ночь и похмельное утро.

Назавтра, ровно в полдень, «Форд», ставший уже привычным, поджидал нас у подъезда, чтобы отправиться за Таней в Российский центр науки и культуры, размещавшийся в отведённых кабинетах здания Торгпредства, рядом с посольством России, на улице Бельведерской.

Мы посетили городок Весёла близ Варшавы, где познакомились с ксёндзом Стефаном Высоцким. В местном костёле нам представилась возможность увидеть нетрадиционные картины православного (я не ошибся!) художника и философа-теолога Ежи Новосельского — сцены из Крестного пути Христа. А на обратном пути состоялось моё выступление в Институте русистики Варшавского университета, возглавляемом Алицией Володзько-Буткевич, которая представила меня аудитории.

Благодаря вниманию и дружелюбию слушателей встреча удалась.

Относительно раннее возвращение «домой» пришлось кстати, так как, узнав о срыве планируемого на завтра выступления, мы решили потратить образовавшееся свободное время на посещение Кракова. И этому не могли помешать даже предупреждения друзей о том, что на польских улицах с русским языком надо бы поаккуратнее...

Утром на Центральном вокзале Таня помогла нам купить билеты.

Купе экспресса «Интерсити», в котором было шесть сидячих мест, от коридора отделяла застеклённая перегородка. Несмотря на входившее в стоимость билета одноразовое питание (чай, кофе, круассан, вафли — на выбор), постоянно предлагались всякие напитки и снедь. Люди разговаривали негромко, вполголоса. Виды, мелькавшие слева и справа за окнами, от российских отличались опрятностью. Чувствовалось, что здесь даже в мелочах любят приятную устроенность быта. В общем, чуть больше двух с половиной часов, потраченных на поездку, пролетели незаметно.

В Кракове оказалось морознее, хотя он находится южнее Варшавы (порядка 320 километров), но, как выяснилось, в предгорье. А сопутствовавшие бесснежие и пасмурная погода только усиливали эффект от улочек средневекового Старого города. При этом присутствовало ощущение участия в какой-то из сказок то ли Андерсена, то ли Гофмана, то ли братьев Гримм: трубач из башни Мариацкого костёла, приветственно

помахавший рукой, после того, как сыграл «Хейнал» — сигнал, ставший «звуковым» символом города со времён татарского нашествия; мужчина, по-рыцарски опустившийся на правое колено и застывший в молитвенной позе на дальних подступах к алтарю; центральная площадь с мерцающими огоньками свечей, наводнённая торговцами рождественскими подарками; пара белоснежных лебедей, летящая над Вислой, и замеченная нами со смотровой площадки Вавеля, у стен королевского замка...

Своеобычность этим не ограничивалась.

На обратном пути в зальчике ожидания появился пожилой мужчина в поношенной, но опрятной одежде. Поочерёдно наклоняясь к сидящим, он, как бы извиняясь, негромко просил милостыню.

А в купе кроме нас ехали: польская чета; мужчина, читавший немецкий журнал, и студентка, уткнувшаяся в оригинал Оксфордского издания «Истории Польши».

— What time is it now? — неожиданно спросила она, оторвавшись от своего занятия.

Я сидел напротив неё и, среагировав первым, машинально поднял левую руку, показывая часы, на которых было московское время... После секундного замешательства, мысленно отнимая два и одновременно вспоминая английский, я объявил средневропейское:

— It's seven o'clock.

— Спасибо, — с акцентом ответила сообразительная попутчица.

И мы улынулись друг другу.

В Варшаве нас встречал Саша, водитель «Форда».

Он же вместе с Александром Хохловым заехал за нами в полдень следующего дня — предстояла поездка в Сероцк.

Несколько слов о мистике.

Надо сказать, что с момента оформления загранпаспорта, в Москве, в свидениях (а для меня это — редкость!) я пери-

одически ощущал себя созерцающим с некоей лоджии неизвестную ночную городскую улицу. Когда же мы поселились в Гостевой квартире Торгпредства с видом на улицу Собеского, я с изумлением узрел её наяву...

И ещё, в первоначальных вариантах «Сказания о Сварожиче» упоминалось усвоенное в школе «слияние Буга с Вистулой», где с моей лёгкой руки праславяне одержали верх над киммерийцами. Каково же было удивление, когда я узнал, что Сероцк находится при слиянии Буга с Наревом, в свою очередь (оказывается, так принято в Польше) впадающим в Вислу. Ну прямо экскурсия «по местам боевой славы»...

Так вот до этого, несомненно, элитарного места — порядка пятидесяти километров на север от Варшавы. На берегах раскинувшегося здесь Зегжиньского водохранилища во множестве расположились яхт-клубы и более сорока пансионатов. В одном из них — бывшем пансионате ЦК «Нарев» — и должна была состояться персональная выставка Ирины.

Мы втроём, включая Сашу Хохлова, сразу же занялись развешиванием картин. Потом, закончив дело, пообедали и с подъехавшей к этому времени Таней прогулялись по городу. А через какое-то время стали подтягиваться гости: бургомистр, руководство департамента культуры области, главный лесничий заповедных лесов этой округи, пресса, местные художники и любители искусства (большинство из них пришли с жёнами). Посмотрев экспозицию, они эмоционально делились впечатлениями с Ириной. Далее шли торжественное открытие (на правах хозяина начинал его директор пансионата Веслав Вожняк) и фуршет...

Поздним вечером с охапками цветов, сытые, хмельные и довольные мы вернулись в Варшаву.

Наступил день отъезда.

Прежде чем отправиться на вокзал, Таня и Саша свозили нас в некогда королевский парк «Лазенки», где, как оказалось, находится многим известный по заставке «Интервидения»

(в бытность СССР) памятник Фредерику Шопену. И — вольно разгуливают павлины.

Вскоре мы все вместе присутствовали при беспардонном штурме «Полонеза» отечественными «челноками», чем-то схожим с посадкой на поезд во времена Гражданской войны...

Но в нашей действительности, к сожалению, ничего другого ждать не приходилось, ведь даже из обнародованного позже, в апреле 2008-го, недвусмысленного заявления фактически правящей Единой России следовало, что государственный курс ориентирован на достаток: в первую очередь — наличие банковского счёта (образование — на четвёртом месте, о культуре — вообще ничего не говорилось).

О б энергичной, неутомимой, старающейся держаться в центре литературной жизни Лоле Звонарёвой можно многое рассказать. На мой взгляд, одно из главных её положительных качеств — это умение знакомиться, а потом собирать вместе на каких-либо мероприятиях людей, чьи жизненные пути могли бы не пересечься.

Ирину и меня именно такое её деятельное участие свело с Владимиром Бондаренко, Игорем Виноградовым, Сергеем Георгиевым, Владимиром Дагуровым, Иваном Есауловым, Виктором Зуевым, Мариной и Нурисланом Ибрагимовыми, Николаем Ивеншевым, Сергеем Казначеевым, Алесем Кожедубом, Борисом Лукиным, Ириной и Александром Люсьми, Юрием Нечипоренко, Константином Паскалем, Татьяной Пономарёвой, Михаилом Поповым, Инной Ростовцевой, Еленой Устиновой, Ольгой Харламовой, Еленой Черниковой, Любовью Юкиной...

Стоп! Перечислить всех невозможно, ведь названа приблизительно только пятая часть. Но кое о ком я уже рассказывал (например, о Тане и Саше Хохловых), а о некоторых — речь впереди...

Теперь не вспомнить, зачем и почему на четвёртый день после встречи Нового 2000 года по зову Лолы мы выехали на некое мероприятие в Киров, толком не понимая его сути.

По ходу дела выяснилось, что предстояло участвовать в съезде волонтеров «Детских и молодежных социальных инициатив», возникших в 1995-м и уже ставших одной из крупнейших общероссийских общественных организаций. Приоритетом

деятельности ДИМСИ — таково условное сокращение названия — оказалось выявление и развитие творческих начал не только у детей, но и у взрослых, поскольку для вступающих существовал только нижний возрастной предел: восемь лет от роду. Возглавляли же «димсистское» руководство (в состав которого входила и Лола Звонарёва) научный руководитель, идеолог и директор Любовь Никитина, а также президент Сергей Тетерский.

Ещё при посадке в поезд мы столкнулись со старыми знакомыми: Александром Ананичевым (бардом из Сергиева Посада) и Александром Ермаковым (композитором и художественным руководителем песенно-инструментального ансамбля «Радуница» из Рязани), кстати, оказавшимися авторами гимна ДИМСИ; Игорем Нагаевым (писателем и главным редактором журнала «Детская литература», а по совместительству исполнителем оригинальных песен без музыкального сопровождения); Александром Щупловым (поэтом, критиком, журналистом, представившим в то время «Независимую газету»).

Не пришлось долго ждать и встреч с новыми для нас людьми: супружеской четой, Александрой и Львом Ивановыми-Аннинскими (она — филолог, он — критик, писатель, публицист); Валерием Воскобойниковым (детским писателем из Санкт-Петербурга); Виктором Луниным (поэтом и переводчиком); Белой Риго (поэтом, переводчиком, критиком, сценаристом, главным редактором популярного венгерского журнала для детей «Кладоискатель»).

В результате, начиная со следующего съезда ДИМСИ, проходившего осенью в Туапсе, я занялся переводами стихов Белы Риго... Всего получилось тринадцать... Двенадцать из них составили *вольный перевод* иронического цикла сонетов «Знаки зодиака».

Позже одноимённое название дали книжечке, проиллюстрированной Ириной и выпущенной в 2002-м, в год шестидесятилетия этого пышущего здоровьем гренадера. Издание осуществлялось по инициативе Татьяны Иосифовны Ворониной, опытной и неутомимой переводчицы, беззаветной

служительницы венгерской литературы (не будь в данном случае, скажем, её подстрочников — говорить было бы не о чем).

Когда Бела, посещая в очередной раз Москву, приезжал к нам в гости, он неожиданно попросил разрешения пользоваться рисунками к «Знакам зодиака» и подарить ему абсолютное авторство на понравившийся сонет «Рыбы». В отличие от жены, я — не согласился отдавать текст, в сущности, с иной подоплёкой, и для меня имеющий особое значение, т. к. Ирина родилась под этим созвездием (хотя со временем сделал это позже, в 2012-м, при публикации его юбилейной подборки в минском журнале «Нёман»):

*Под гладью вод, в прохладной глубине,
в подобье царства «щедрого» Аида,
неважно из какого ты подвида –
среди Рыб — со всеми будешь наравне.*

*Там дни проходят словно в полусне,
хотя за флегмой жизнь другая скрыта:
пусть море, озеро, бассейн, корыто –
не доверяй подводной тишине!*

*Но хладнокровию есть свой предел
(когда пора приходит нереститься) –
кто б страсть за этим предсказать посмел,*

*что Рыба может без ума влюбиться...
Вокруг неё уже бурлит вода.
— К столу! Уха готова, господа.*

Дело прошлое, но для сравнения приведу подстрочник:

*Отчасти в названии своём Рыбы носят смерть.
(Имена [бывают] столь удачны!)
Прохладные воды — проточные и тихо стоячие —
укрывают их под волнами.*

гостях. Независимо от места встречи (в московской квартире или на переделкинской даче), мы каждый раз с удовольствием окунались в атмосферу взаимного радушия и дружеского общения. И происходило — о, несравненный кайф! — нечто сродни творческому процессу...

Тогда становилось понятным и естественным, например, приглашение Александры Николаевны послушать законченную утром Львом Александровичем главку, которая написана для второго, дополненного издания «Бардов» (книгу выпустят в Иркутске, в «Издателе Сапронове», лишь спустя пять лет). И уже не казалось странным, что чтение происходило среди бела дня в соседнем двухместном летнем домике на турбазе под Туапсе, а сам текст возникал на экране специально взятого с собой из Москвы ноутбука.

И сразу вспоминается их игра в комедии дель арте, режиссированной Александром Щупловым на предыдущем «димсистском» съезде в Кирове, в январе 2000-го. Вот они вдохновенно, в соответствии с отведённой ролью бегущей волны — находясь боком друг к другу, — берутся за руки и, изображая ими живую синусоиду, одновременно перебирают ногами наподобие небезызвестных «маленьких лебедей»...

Их «волна» имела, по крайней мере, одно чудодейственное качество...

И мы с Ириной, пользуясь обстоятельствами, беззастенчиво подзаряжались её энергией.

Я упоминал, что в 1992 году работал в «Литературных новостях» Эдмунда Феликсовича Иодковского. Именно там однажды на редколлегии мне довелось впервые увидеть Аннинского. И только почти восемь лет спустя, во время поездки в Киров, мы с Ириной познакомились не только с ним, но и с его женой.

Их сочетание, подобное иногда чередующимся в диалоге вопросам и ответам («вопрошает» — она, «ответствует» — он), сразу привлекло моё внимание. Причём ни тот ни другой никогда не настаивали на чём-либо, а просто в такой форме высказывали своё понимание мироздания и действительности.

Внимательный и нередко тревожный взгляд Александры Николаевны как бы напоминал о том, что всё не так просто... А манера держаться — о достоинстве, с которым надо бы идти по жизни... (Вопрос — поставлен.)

Лев Александрович, напротив, словно рыцарь, не знающий сомнений. Иной раз, глядя на него, нетерпеливо ждущего своей очереди в разговоре, предвкушалось: он сейчас разъяснит. И в самом деле, всегда следовали чёткие суждения. (Ответ — дан.)

Но это всё — части одного целого, также включающего в себя жизнелюбие, которым они одаривали окружающих и в первую очередь — своих дочерей Машу, Катю и Настю.

Близкое знакомство с Ивановыми-Аннинскими делало любые умозаключения непринципиальными. Душевная гармоничность супружеской четы особенно была заметна у них в

*...Мне вспомнился Иуда.
Вот день. Ещё он наш.
Всё хорошо покуда.
А завтра ты предашь.*

Римма Казакова

— Зачем? Смысл? Вот я веду аналогичный «Клуб одного стихотворения», а талантов от этого не прибавляется.

Но иногда её мнение менялось. Например, высказав недоумение Лоле Звонарёвой по поводу дружеского одобрения моих творческих стараний — через какое-то время извинилась перед ней, отметив моё умение учиться. Прошло ещё несколько лет, и в середине осени 2005-го, заехав к ней домой на улицу Чайнова, близ метро «Новослободская», я получил материал для сборного послесловия к книжке «И отчалит кораблик, привет!..». В нём, в частности, Римма Фёдоровна отмечала:

Стихи Сергея Телюка — очень честные, чистые, достойные... За строками поэта стоит большая работа, дарящая в конечном счёте свои находки, свои открытия... Читать его стихи интересно, они дают и эстетическое удовлетворение, и необходимые плоды познания...

Надеюсь, понятно, что на межличностные отношения наши нередко разнящиеся суждения и вкусовые пристрастия никак не влияли. Ведь мы прекрасно общались, скажем, и за год до появления приведённой цитаты на Международном поэтическом фестивале в Варшаве, где, кроме нас, Россию представляли Олег Агринский (с которым я сблизился благодаря Анечке Гедымин вначале «истоковской» эпопеи), Максим Амелин (именно там я встретился с ним впервые) и Вячеслав Куприянов (ранее знакомый мне по различным литературным мероприятиям, в том числе связанным с журналом «Юность»).

Когда в середине августа 2006-го, после моего возвращения из двухнедельной поездки в Гданьск, в нашем телефонном разговоре речь зашла о внезапно скончавшемся Александре Щуплове, Римма Фёдоровна с грустью заметила:

— Я тогда звонила тебе...

Есть у меня безоговорочно понравившееся ей стихотворение, написанное в октябре 2005-го:

В 2000-м, 10 июня, исполнялось 45 лет со дня выхода первого номера «Юности».

Тогдашний главный редактор, Виктор Сергеевич Липатов, не придавал этому большого значения. Хотя был выпущен юбилейный номер, где сквозной врезкой проходила ретроспективная «Антология одной строфы» — цитаты-напоминания о ряде поэтов (125 имён!), напечатанных в журнале за минувшие годы. А в разных библиотеках прошли возглавляемые Валерием Дударевым выступления авторов...

Мне хорошо помнится, как после одного из них, состоявшегося в Дубне во второй половине июня, разгорячённая от внимания и выпитого на обратном пути Римма Казакова выпалила:

— Давайте дружить!

Уже стемнело. Наш автобус остановился для дозаправки где-то под Дмитровом. Ирина, Александр Ананичев, Игорь Михайлов (прозаик, критик, журналист), Леонид Шиманович (фотограф «Юности») и все остальные, высыпающие следом на улицу, весело стояли своим кругом на освещённом пятачке недалеко от бензоколонки.

И — никто не возражал против её предложения...

Познакомился же я с Риммой Фёдоровной в октябре 1998-го в ЦДЛ, на очередном вечере «Истоков». Приблизительно месяцев через пять, отказываясь от повторного участия, она заявила мне со свойственной прямоотой:

* * *

Римме Казаковой

*Стоит начаться осенним дождем —
сумрак, нахлынув, заполнит пространство.
Дворикам, улицам и площадям
прежде — представится, как самозванство.*

*Будет казаться, что в жизни всё так:
только унынье, да только ненастье,
да на душе лишь один полумрак
и никакого намёка на счастье.*

*Где тут спасительный дружеский круг,
если мерещится всюду Иуда?!
И — одиночество будто недуг.
И — отголоски грядущего чуда...*

Обстоятельства сложились благоприятно

С 2001-го, в начале августа мы с Ириной почти постоянно участвовали в литературных мероприятиях, проводившихся Институтом восточнославянской филологии Гданьского университета совместно с Российским центром науки и культуры в Варшаве. Генераторами этих событий были Лола Звонарёва и Татьяна Хохлова.

Литературно-образовательные чтения, посвящённые русской литературе в разных её аспектах, проходили, как правило, в Сопоте, однако первые для нас состоялись в Гданьске. Правда, ввиду того, что Чтения проводились в историческом центре города, в Главной Ратуше, нам пришлось ездить на них четыре дня подряд, ведь жили участники в ещё не снесённом двухэтажном отеле «Пяст» в Елитково, который принадлежал обосновавшемуся в Польше Игорю Давидовскому...

Место это просто замечательное. Оно находится на пересечении улиц Piastowska и Kapliczna, где в каких-нибудь ста пятидесяти метрах восточнее раскинулась бухта Балтийского моря, а на побережье, пару километров севернее, находится условно обозначенная граница между Гданьском и Сопотом. Вместе с городом Гдыня, расположенным ещё севернее, они образуют агломерацию, называемую Труймасто (Тригород). И если учесть, что именно в июле-августе вода в заливе прогревается и можно купаться, то легко представить общее настроение...

Тем не менее, напомним: главное, что объединяло участников Чтений, представлявших не только Польшу и Россию, но и другие страны — это любовь и страсть к русской литературе.

В отличие от научных конференций, предполагающих только слушания-выступления с последующим через два-три дня отъездом, здесь всё происходило несколько по-иному. После части дня, включающей в себя доклады и сообщения, вечером, уже встречаясь неформально, предоставлялась возможность обсудить любые вопросы, не затронутые докладчиками, рассказать о своих последних работах, договориться о совместных проектах.

В такой непринуждённой обстановке приятно неожиданно встретиться со знакомыми, скажем, с представлявшим тогда свою фотовыставку «Портреты писателей» выходцем из Литвы, живущим в Варшаве, Евгением Шустовым. Или позднее — с болгарским литературоведом, занимающимся русистикой, Ивайло Петровым, который запомнился по встречам в Варне во время моей поездки с журналом «Литературная учёба» в сентябре 2001-го. Хотя в последующие годы были и новые встречи — чего стоит один Ренэ Герра, смахивающий на нашего соотечественника и говорящий без малейшего акцента французский славист, коллекционер русской живописи.

И всё-таки вернёмся к упомянутому июлю-августу... С большей частью собравшихся мы с Ириной встретились впервые: с Аллой Большаковой — литературоведом, критиком и в то время кандидатом филологических наук; Ниной Перетякой — впечатляющей уравновешенностью представительницей Калининградского фонда культуры (неоднократно становившейся «палочкой-выручалочкой», так как, в основном, съезжавшиеся следовали по маршруту Москва–Калининград–Гданьск и обратно); Валерией и Юрием Дружниковыми — этой неразлучной супружеской четой, прибывшей из далекого калифорнийского Дейвиса...

Тут меня поджидал сюрприз.

Оказалось, Юрий Дружников до эмиграции был знаком с Александром Ароновым по работе в «Московском комсомольце». И я с удовольствием согласился послужить «связующей нитью» между ними.

Творчество Юрия Ильича затрагивалось, пожалуй, чуть ли не в каждом втором докладе. Сам же он приветливо улыбался при встречах и с удовольствием рассказывал анекдоты. Мне как бывшему инженеру-строителю-мостовику запомнился вот какой:

Прогуливается мужчина по Калифорнийскому побережью Тихого океана. Вдруг чувствует — за ним кто-то идёт. Оглянулся и видит — Бог!

Бог говорит:

— Я следил за твоей жизнью. Ты хорошо и честно зарабатывал деньги. Никого не обманывал. Веруешь!.. И я решил исполнить одно твоё желание. Что ты хочешь?

Человек подумал и попросил:

— Построй мост на Гавайи, в Гонолулу, тогда я буду ездить туда на машине купаться и отдыхать.

Бог стал возражать:

— Это сложно. Надо много денег, бетона, рабочих, времени... Попроси что-нибудь нематериальное.

— Хорошо, — согласился человек. — Объясни мне, чем женщина отличается от мужчины? Почему и как она мыслит? Что у неё на душе? И...

Тут Бог прервал его:

— А какой мост тебе нужен: двух... или четырёхрядный?

В общем, обстоятельства сложились благоприятно.

В свободное от Чтений время мы познакомились не только с Гданьском, но и посетили находящийся юго-восточнее него Мальборк (самый большой замок средневековья, резиденция Тевтонских рыцарей). А также неоднократно прогуливались вдоль побережья по многокилометровой пешеходной дорожке между Гданьском и Сопотом, купались в море, загорали на горячем песке.

С лёгкой руки Александры Николаевны и Льва Александровича Ивановых-Аннинских пристрастились к одной кафешке около «Пяста». «У Деда» (так мы называли между собой это заведение, подразумевая его хозяина, всё понимавшего, но

плохо говорившего по-русски) всегда в ассортименте имелся большой выбор выловленной поутру рыбы, которую быстро и качественно готовили.

Да, чуть не забыл, конечно, нельзя не сказать о великолепном польском пиве, которое довелось попить вдоволь... Когда в предотъездный вечер, после прощального ужина, Валентин Дмитриевич Оскоцкий поинтересовался у меня и Валерия Дударева, зачем-то остановившихся возле кафешки Деда:

— Ну что, ребята, ещё по кружечке?

Мы дружно ответили отказом, ведь и в самом деле — пресытились.

Ранее нечто схожее по своей нелогичности промелькнуло в поведении польского железнодорожного контролёра, с изумлением рассматривавшего наши с Ириной не прокомпостированные билеты Сопот–Гдыня: их, как выяснилось из разговора с ним, после покупки необходимо компостировать перед посадкой в поезд.

— Славяне? — спросил он в раздумье.

И, услышав утвердительный ответ, махнул рукой.

Такое ведь им и не снилось...

В 2001-м я выезжал за рубеж не единожды. Первая из этих поездок состоялась весной, а написанная мной по свежим впечатлениям «информашка» была опубликована в газете «Литературные вести» и журнале «Детская литература».

Вот она, фактически без изменений:

Поэтический фестиваль в Варшаве

В общем-то, отправляясь в Варшаву, мы толком и не знали, на какое мероприятие едем. Было известно лишь то, что благодаря содействию Российского центра науки и культуры в Варшаве (директор Нина Морозова) мы отправляемся в Польшу на некий поэтический фестиваль, который состоится с 19 по 22 апреля. Мы — это: Александр Ананичев, Валерий Дударев, а также автор этих строк.

На месте всё быстро прояснилось: поэтический фестиваль назывался «Международным днём поэзии», и одним из его главных организаторов был Польский комитет по делам ЮНЕСКО, а проходил он под патронажем жены президента Республики Польша — Иоланты Квасневской. Кроме нас, представителей России, на фестиваль собрались поэты из Австралии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Германии, Греции, Ирака, Литвы, Мексики, Норвегии, Пакистана, Сербии, Словакии, Украины и, конечно, Польши. При этом языковых проблем не возникало — участники, как правило, владели русским

языком, хотя официальная часть звучала на польском языке или переводилась на него.

Фестиваль, разумеется, не представлял собой всенародного праздника с выступлениями на площадях и площадках. Но открытие, проходившее в Доме литературы (аналог ЦДЛ), в котором от первой до последней минуты участвовала Иоланта Квасневская, показывали по телевидению. Приуроченный же к этому событию альманах «Поэзия сегодня», вышедший со стихами съехавшихся поэтов на польском языке, исчез с прилавков варшавских книжных магазинов на второй день. Кстати, главный редактор альманаха, известный польский поэт Александр Навроцкий, возглавлял инициативную группу по подготовке фестиваля и играл роль ведущего во всех мероприятиях, где был задействован наш «русский десант».

А выступать приходилось много, иногда даже с продолжительными переездами в радиусе до 50 км от Варшавы. И хотя каждая последующая встреча не походила на предыдущую и, как известно, нельзя объять необъятное, всё-таки я бы выделил из этого ряда поездку в поместье Петрикозы, в гости к знаменитому польскому актеру Войчеху Семену, где в изысканной обстановке и завершались литературные чтения...

И ещё. После одного из выступлений, в разговоре с польским поэтом, мне довелось услышать: «А я думал, что в России в традиционном стиле стихов уже не пишут!» Несомненно, в этом недоразумении содержится вопрос, над которым стоит задуматься.

К этому, пожалуй, можно добавить пару штрихов...

Помнится, на одном из варшавских выступлений я вдруг узнал, что заполнившие зал до отказа слушатели в основном школьного возраста — не знают русского языка. Естественно, у меня возник вопрос к организаторам:

— Для чего всё это затеяно?!

И ответ оказался неожиданным:

— Чтобы дети смогли непосредственно ощутить напевность русской речи...

Не правда ли, услышать такое от поляков дорогого стоит?

Пожалуй, не менее поразительно и знакомство с Евгением Шустовым, литовским фотохудожником, живущим в Варшаве. После одного из выступлений он отвёз нас (Александра, Валерия и меня) к себе в мастерскую. И там — колдуя с освещением и аппаратурой — сделал очень выразительные портреты. А в заключение всего на своей легковушке устроил экскурсию по ночной Варшаве.

Вскоре после возвращения в Москву у меня почти вдохновенно вышло следующее:

Варшавский мотив

Евгению Шустову

На стареньком польском «Фиате» —
 прелестном антиквариате,
 который ещё на ходу —
 в две тысячи первом году,
 в апреле, дорогой шершавой
 кружила ночью Варшавой
 четвёрка престранных друзей
 (я сам был свидетель, ей-ей):
 фотограф и бард, два поэта...
 Но тут разговор не про это.
 Искусство, хотя и роднит,
 но важен при том — колорит!
 Чтоб встретиться в Польше случилось —
 такое ведь им и не снилось
 чуть раньше, средь прочих химер,
 родившимся в СССР.

Это стихотворение положило начало циклу «Россыпи». В ноябре же 2001-го его пополнил «Варненский мотив»:

На Кавказе, на море прелестен закат.
 На Балканах, на море — не хуже рассвет.

*Ляжешь спать в Туапсе как бездельник и фат —
вдруг очнёшься на варненском взморье. Привет!*

*И столы уж накрыты, давно тебя ждут,
и радушные лица, куда ни взгляни,
и какие-то песни знакомые тут —
нашей русской глубинке отчасти сродни.*

*Нет, непросто забыть о своей нищете.
Но возможно порой не испытывать стыд
и, отдавшись влечению, по простоте
хохотать до упаду и плакать навзрыд.*

Кстати, тогда в соавторстве с Лолой Звонарёвой мной была написана ещё одна «информашка» для журнала «Детская литература», так же как и в случае с «Международным днём поэзии» проиллюстрированная фотографиями. Её я приведу в сокращённом виде...

Болгария скучает по русской культуре

В середине сентября 2001 года Варну посетила делегация писателей, журналистов, музыкантов из Москвы, которую возглавлял главный редактор журнала «Литературная учёба» Владимир Малютин, в неё входили: коммерческий директор журнала «Литературная учёба» Людмила Карханина, поэты Ирина Василькова, Валерий Дударев, прозаик Наталия Алексеева, исполнители авторских песен Александр Ананичев, Лидия Анискович, заместитель главного редактора журнала «Дидакт» Виктор Зиновьев, а также певица Анна Карханина, её аккомпаниатор Светлана Орлова и авторы этой заметки.

Гости прилетели в Варну не с пустыми руками, они привезли с собой: номера четвёртой книги «Литературной учёбы» за этот год, включившей в рамках «Болгарской тетради» в переводе на русский язык произведения семнадцати современных поэтов, критиков, прозаиков, великолепно оформленные компакт-ди-

ски русской и болгарской авторской песни «Славянский венок», свежие выпуски московских журналов «Дидакт», «Юность», «Детская литература», «Новый мир», альманахов «Кольцо А», «Истоки», «Мир Михаила Шемякина».

На торжественное открытие Дней русской культуры в празднично убранный зал русского генерального консульства в Варне пришли известные в городе люди — такие как мэр Варны, генеральный консул Польши, ректор Шуменского университета имени епископа Константина Преславского, руководители и члены местного отделения Союза писателей Болгарии, которых в этом приморском городе более двадцати. «В последние два года Дни русской культуры в Варне вновь сделались доброй традицией», — отметил в своём приветственном слове, обращённом к участникам и гостям, генеральный консул Российской Федерации в Варне Леонид Баснин, много сделавший для того, чтобы этот литературно-музыкальный праздник с участием россиян, половина из которых впервые ступила на болгарскую землю, стал реальностью.

Олицетворением музыкального образа России не один раз в те дни называли болгары молодую московскую певицу Анну Карханину, студентку Института современного искусства, талантливую исполнительницу классических русских романсов и народных песен, давшую в Варне первый в своей жизни сольный концерт. Председатель музыкального общества Варны и руководство Фестивального комплекса предложили организовать гастроль молодой российской вокалистки в следующем году...

Именно во время этой поездки я познакомился с упомянутым ранее Ивайло Петровым из Шумена...

таллиннского журнала «Вышгород», издаваемого на русском языке знакомой нам с Ириной со времён первых поездок в Польшу Людмилой Францевной Глушковской. Вела вечер главный инициатор данного выпуска Татьяна Иосифовна Воронкина, а мы с Борисом, как авторы этого своеобразного сборника (у него опубликовали эссе: одно — о Дюле Ийеше, другое — об Иштване Эркене; у меня — переводы двух стихотворений Домокоша Варги), участвовали в нём, придя со своими «вторыми половинками», равно как жёнами-сподвижницами, Фаридой и Ириной.

После выступлений, когда настал черёд свободного общения, Борис вдруг сказал:

— Знаешь, а мне понравились твои нынешние переводы.

И, чёрт возьми, приятно было услышать такое от человека, знающего толк в писательском деле.

В первых числах февраля 1997 года в переполненном Малом зале ЦДЛ состоялся творческий вечер Александра Аронова. Вёл его Леонид Жуховицкий.

В последующие годы я неоднократно оказывался невольным свидетелем трепетных дружеских отношений Леонида Ароновича и Александра Яковлевича, а если брать шире — и Вадима Григорьевича Черняка.

Но в тот раз, двумя неделями раньше означенного срока, я оказался в гуще подготовки к мероприятию. По просьбе виновника самого события мне приходилось то звонить в литературно-творческий отдел ЦДЛ относительно зала, уточняя всевозможные нюансы с Галиной Ильиничной Максимовой и Наталией Алексеевной Познанской; то обзванивать участников и приглашённых, согласно постоянно дополняющемуся списку.

Для меня это было дело новое, и я занимался им с удовольствием.

Из предполагаемых участников — никто не отказывался. И даже, скажем, Вероника Долина помогла мне найти Вадима Егорова, продиктовав его изменившийся домашний телефон...

Помнится, весной 1991-го, по-моему, Юрий Гончаров посоветовал мне отнести стихи в «Согласие» и объяснил, где на улице Бахрушина, близ метро «Павелецкая», находится редакция этого нового «толстого» литературно-художественного журнала. Вскоре после разговора, наведавшись туда, я выслушал вежливый отказ от вызывающего симпатию вдумчивого и интеллигентного редактора, немногим старше меня — прозаика и поэта Бориса Евсеева.

Но его имя я запомнил позже, в 1994-м, когда наши жизненные пути вновь пересеклись — на этот раз в «Литературной газете». Именно для неё, находившейся ещё в Костянском переулке и равноудалённой от метро «Сухаревская» и «Чистые пруды», в 1992–1994 годах я переводил с украинского стихи Ирины Жиленко, Александра Ирванца, Игоря Калинца, Микола Холодного. К моменту нашей встречи моё участие в ней подходило к концу, а Борис — оставался сотрудником газеты...

И только с третьего раза, как бы повинувшись настойчивым призывам судьбы, наше знакомство закрепилось. Начало этому положил телефонный разговор в августе 2001-го, когда я, по просьбе Лолы Звонарёвой, окончательно уточнял возможность поездки Бориса с журналом «Литературная учёба» в Варну. К сожалению, надежды не оправдались, но с тех пор мы стали часто видеться на различных литературных мероприятиях. А вскоре выяснилось, что у нас есть немало общих друзей и знакомых...

В декабре 2008-го в Культурном, научном и информационном центре Венгерской Республики устраивалась презентация вышедшего в конце минувшего лета «венгерского» номера

В мае же следующего 1998 года я воспользовался этим милым знакомством, получив согласие Вадима выступить на совместном литературно-музыкальном вечере альманаха «Истоки» и журнала «Поэзия» в Большом зале ЦДЛ. А через непродолжительное время он, готовясь к изданию своего нового сборника стихов и песен, прикидывал его стоимость в редакционно-издательской фирме «РОЙ», имеющей, как я отмечал ранее, непосредственное отношение к «Источкам». И хотя в итоге, несколько месяцев спустя, «Танцы на пашне» выпустили в свет благодаря спонсорам в издательском центре «Вентана-Граф», наши пути-дорожки стали пересекаться чаще. Более того, в 2004-м Егоров выступил на презентации моей книги «Предначертание», а в 2007-м, несмотря на занятость, вырвался на персональную выставку Ирины. Теперь, если учесть, что мы с ней небезразлично относились к творчеству бардов, нетрудно представить удовольствие, испытываемое от общения с одним (чуть ли не самым обаятельным) из лидеров этого жанра.

Правда, к лаврам Вадим относится спокойно. По его признанию, только в начале творческого пути он ощущал себя гением; позже — талантом; со временем — одарённым человеком, имеющим своего слушателя.

Вольно ему, счастливчику и ценителю мёда, философствовать, особенно после женитьбы на Весте, молодой, не менее обаятельной, чем он сам, исполнительнице бардовских песен!

Можно сказать, вновь благодаря Лоле Звонарёвой в середине мая 2000-го мы с Ириной познакомились с литературоведом, критиком и публицистом Валентином Дмитриевичем Оскоцким. Правда, это произошло в связи с 30-летием Александра Ананичева и устроенным по этому случаю творческим вечером в мемориальном музее-квартире Алексея Толстого (во флигеле шехтелевского особняка Рябушинского, где жил писатель с 1941 по 1945 год).

Мероприятие (на нём мне довелось присутствовать не только в качестве зрителя, но и участника) длилось порядка трёх часов. Оскоцкий был одним из тех, чьи выступления понрави-

лись: несмотря на известные обстоятельства, он остался профессионалом, высказав в мягкой форме некоторые, по-моему, справедливые критические замечания относительно творчества юбиляра. И когда после фуршета Лола попросила проводить Валентина Дмитриевича до метро, Ирина и я с удовольствием согласились...

Не спеша, разговаривая, мы вышли по Спиридоновке к Бульварному кольцу, добрались (на троллейбусе) до метро «Кропоткинская» и расстались на станции «Парк культуры». Оскоцкий поехал к себе на «Юго-западную», где его уже поджидали на «нашей», как он выразился, лавочке, около четвёртого вагона, а мы поехали к себе на «Академическую»...

Валентин Дмитриевич оказался очень симпатичным, полным жизненной энергии человеком с лучающимися глазами. В процессе общения выяснилось, что нам приходилось встречаться ранее — на редколлегиях «Литературных новостей» Иодковского. И даже им припомнился эпизод, в котором кто-то восторгался:

— С самим Александром Ивановым рядом сидел!

Рассказывая это, он заразительно (как ребёнок, от души и с удовольствием) смеялся.

В дальнейшем у нас установились тёплые и доверительные отношения, хотя с каждым годом встречаться приходится всё реже...

21 января 2004 года на презентации «Предначертания» в Малом зале ЦДЛ я получил от Александра Щуплова записку следующего содержания:

Сереза, сложился экспромт (Лунин — свидетель!):

*Эх, порвалась связь веков:
каждый жаждою влеком –
одни любят Телюков,
а другие — «Телеком».*

Да, это был приятный вечер, на котором, по отзыву одного из безвестных зрителей, выступления Ирины и мои оказались всего лишь вкраплениями в мозаике из дружеских слов, стихов и песен (спасибо барду Виктору Попову). Вёл же его поэт, прозаик, критик и переводчик Кирилл Владимирович Ковальджи.

Иногда казалось, что мы знакомы с конца 1970-х — начала 1980-х, хотя это не так. Просто в моём сознании Ковальджи неразрывен с тогдашним журналом «Юность» и организованным при нём литобъединении «Зелёная лампа», о котором я знал только понаслышке.

А запомнился он, скорее всего, года с 1995-го, по случайным встречам в ЦДЛ. Теперь точно не вспомнить, кто нас представлял друг другу (возможно — Анна Гедымин). Но с тех пор я радовался скромному присутствию Кирилла Владимировича в моей жизни. И, встречая его, старался настроиться на интеллигентный лад, мгновенно вспоминая высказывание мэтра:

— Главное — нет войны.

Свой художник

После женитьбы в январе 1994-го мы с Ириной стали ежегодно, в период с мая по октябрь, ездить на выходные и в отпуска в село Ильинский Погост под Егорьевском, возникшее приблизительно в начале XV века и позднее облюбованное поселившимися в некогда Гуслицкой волости (в районе Мещёрской низменности) старообрядцами. Там Ирине достались в наследство четверть дома дореволюционной постройки и три сотки земли.

Конечно же, сажая цветы и выращивая зелень, не требующую особого ухода, мы ощущали некое непринятие местными жителями. Но со временем они притерпелись к нашей непрактичности — сосед Владимир Иванович Шумов даже нет-нет да и презентовал из своих запасов то ведро картошки, то банку солёных огурцов, я уж не говорю о «шумовской» восьмидесятиградусной самогонке, без счёту выпитой в праздники под разговоры и хорошую закуску.

Во время одного из таких застолий вдруг открылось, что у них есть свой художник — Андрей Апухтин.

А познакомились мы с ним в 1995-м. Вернее, первой познакомилась Ирина, когда писала этюд с местной Церкви Воскресения Христа Спасителя, расположившись в кустах рядом с дорогой...

Попутно не могу не отметить, что колокольня при упомянутом храме и когда-то существовавший сарай на окраине села занимают немаловажное место в художественном фильме «Серёжа» (лучшем фильме 1960 года по опросам журнала «Советский

экран»). Это была дебютная полнометражная работа режиссёров Георгия Данелия и Игоря Таланкина, хотя в ней снимались Сергей Бондарчук, Василий Меркурьев, Ирина Скобцева.

Так вот, в одночасье рядом с Ириной оказался некий подвыпивший молодой человек. Постоял немного, раздумчиво наблюдая за работой. Потом, осведомившись, не знакома ли она с Апухтиным, вдруг убежал. И вскоре вернулся не один — за ним поспешал Андрей...

Удивительно было встретить талантливого живописца, с рождения живущего в сельской местности, чуть ли не в ста километрах от Москвы, и с любовью воспевающего в своих картинах окружающий его мир.

Да и с виду Андрей вовсе не унывал, а, наоборот, каким-то чудом выискивал в округе близких себе по душевному складу людей — поощряя, помогал им развиваться и одновременно с этим подзаряжался от них. Конечно же, он повлиял и на Иринино творчество, но в первую очередь это относилось к друзьям-художникам из Куровской и Давыдова — всего-то пару остановок на электричке — Андрею Шагарову (профессиональному футболисту) и Валерию Щедрину (известному российскому рекордсмену по пауэрлифтингу).

Андрей умел дружить. И дважды, не говоря о мелочах, помогал нам с Ириной принимать важные решения...

В августе 1996-го, когда я завершил первый вариант «Сказаний о праславянах», он предложил продать часть своих и Шагарова работ для издания книжки — через полгода в основном благодаря именно этой акции удалось собрать необходимую сумму.

А в середине лета 1997-го мы на указанном им месте и с его помощью начали строительство своего летнего домика, тем самым разрешив родственный конфликт со старшей Ириной сестрой Натальей.

Однако, имея семью, мало не забывать только о своём хлебе насущном. Особенно если канули в прошлое времена, когда

Андрей за ежемесячную зарплату работал художником-оформителем на каком-то местном советском предприятии. В новых жизненных условиях, потеряв финансовую стабильность, он был вынужден рыскать в поисках заказчиков и покупателей, включая московских перекупщиков с Арбата и набережной около ЦДХ. Стоило же мне заикнуться о привольном житье за городом, как последовал ответ:

— Приезжай-ка сюда весной, в слякоть... Или зимой потопа-ка печь два раза в день, чтобы дочка (Юля. — Авт.) не забля...

И хотя в селе уже готовились газифицировать дома в складчину, он говорил с грустью:

— Знаешь, меня не покидает ощущение, что живу на этом свете в третий или четвёртый раз... И стоит умереть, при новом рождении опять увижу дорогу на задворках Ильинки — пыльную, извилистую и в рытвинах...

Андрей, конечно, иногда пил, но перед нами в нетрезвом виде не объявлялся. А в июле 2001-го — поехал к друзьям в Могилёв, на свою персональную выставку, где и сорвался...

Об этом мы узнали из телефонного разговора с Сергеем Серебровым, обосновавшимся на Вокзальной улице по соседству с Андреем и трогательно относившимся к нему, а о дальнейших подробностях — от двоюродного брата Апухтина Сергея Артамонова, вместе с сыном перевозившего на легковушке тело...

Ведь в местной больнице врачи вкололи какое-то лекарство, и 29 июля Андрей скончался на 42-м году жизни, не выходя из комы, длившейся на протяжении последних четырёх-пяти дней.

Похоронен он в лесу, на старообрядческом кладбище Ильинского Погоста.

Произведения Андрея Апухтина находятся в частных коллекциях не только России и стран ближнего зарубежья, но и Австралии, Германии, Канады, Кипра, Франции, Японии.

Ранней весной 1947-го его демобилизовали, а уже в середине лета 1951-го как офицера запаса снова призвали — на этот раз на три с лишним года — строить аэродромы под Пярну...

Ни о войне, ни о прибалтийских непростых днях службы отец фактически ничего не рассказывал — чувствовалось, что ему это не доставляло удовольствия. Боевых наград — видимо, благодаря мне — не сохранилось, хотя, помнится, играл ими по малолетству (с тех пор у меня даже уцелел офицерский ремень, а вот фуражка, португепя и полевая сумка потерялись). Ещё помню отцовский эллипсоидный след от ранения в середине передней части бедра, вытянутый вдоль оси левой ноги сантиметров на пятнадцать и отличавшийся более насыщенным цветом кожи, похожей на заплату с расходящимися лучиками складок. А его двоюродный брат Алик вспоминал о шраме, оставшемся от раны в боку...

В 1948-м папа поступил и только в 1956-м, фактически сразу после службы восстановившись на последнем курсе, окончил Всесоюзный заочный индустриальный техникум стройматериалов, где до повторного призыва в Армию познакомился с моей мамой Татьяной Алексеевной (урождённой Ермиловой). Свадьбу сыграли в Новогодние дни 1952-го, в период отцовского приезда из Эстонии на побывку.

Мне, появившемуся на свет спустя четыре года — отчасти на смену первенцу Серёже, ввиду скоропостижной смерти последнего в младенчестве — отец долго казался Дядей Стёпой, по крайней мере, ощущался таковым при своей сухощавости и почти двухметровом росте. Родители занимались в основном своими инженерными делами (им, как и подавляющему большинству народонаселения СССР, в те времена, с которыми совпали мои детство и большая часть отрочества, предоставлялся один выходной), и некая разобщённость, свойственная такой ситуации, оставалась величиной постоянной, не сглаживаемой редкими исключениями. При этом безнадёгой в семейных отношениях, в общем-то, не пахло — просто везение заключалось в другом.

20 августа 2001-го Ирина и я находились на Ильинском Погосте. Неожиданно часа в два дня приехала на велосипеде Тоня, жена жившего неподалеку Виктора — сына соседа Шумова Владимира Ивановича. Она сообщила: звонила моя сестра Наташа (тогда, не имея «мобильников», мы на всякий случай оставили ей их местный телефон) с просьбой передать, что отцу в больнице стало хуже и надо разговаривать с лечащим врачом.

Тут же начались торопливые сборы, однако, когда дело дошло до помывки машины, в одну из ходок мне трижды подряд никак не удавалось набрать полное ведро воды из колодца...

Только потом стало известно: дурной признак оправдался — именно в это время скончался мой отец Юрий Пантелеймонович Телюк.

Он родился в Москве в 1925-м, 29 декабря. Бабушке (Аполлинарии Николаевне) предлагали оформить рождение сына январём, но она отказалась. И в итоге ещё не достигшего 18-летнего возраста юношу в начале 1943-го призвали в Армию (в войну не обращали внимания на дни и месяцы рождения). Означенный год был последним, в котором призывников отправляли на фронт, правда, отец стал младшим лейтенантом, скороспело окончив Ульяновское пехотное училище — то ли до участия в Курской битве, то ли после, ведь на виденной мной когда-то фотографии того времени на груди с виду желторотого и далеко не бравого курсанта красуется медаль.

Случилось так, что всё свободное время между делами школьными и дворовыми, занятиями лепкой и спортом, пребыванием в детских санаториях и пионерских лагерях — заполняла собой Немчиновка...

*Когда-то прадед мой бродячим скрипачом
по Польше, Белоруссии скитался.
Семью завёл, в Москве обосновался, —
обвыкнув, успокоился на том.*

*Был дед мой норовист, хотя и плен познал,
и в эшелоне чуть не сдох от жажды:
ему побег не удавался дважды,
и всё ж в итоге он домой попал.*

*Отец предпочитал не вспоминать войну.
(Защитники — подобны частоколу!)
Ушёл на фронт, едва закончив школу,
и стали дни сродни Бородину...*

*Срок миновал. Их на один погост снесли:
отец, и дед, и прадед нынче рядом.
Возможно, покажусь вам верхоглядом,
но мне не надобно другой земли.*

В этом стихотворении, написанном мной в январе 2005-го и вошедшем в цикл «На этом свете мы не повстречались...», я по незнанию допустил ошибку, придавшую пикантность первому четверостишию. Как выяснилось позже, «по Польше, Белоруссии скитался» мой прапрадед Алексей, получивший имя и осевший чуть юго-восточнее Борисова — в деревне Большая Ухолода.

Из семейного предания следует, что он, будучи бродячим скрипачом — всё-таки, скорее, поляком, чем евреем, итальянцем или мадьяром (отчасти об этом можно судить по сохранившимся фотографиям детей его сына Адама), — производил впечатление разорившегося дворянина с явным хорошим образованием. Родословная и жизненные пертурбации прапрадеда никому

неизвестны. Но, если следовать логике, то он при женитьбе предпочёл взять фамилию местной избранницы, скорее всего, в связи с какой-то причастностью к Польскому восстанию 1830–1831 годов.

Телюки же, вероятнее всего, пришли с юга — кажется, в Интернете я сталкивался со сведениями о миграции некой ветви Телюков из-под Астрахани в западную часть Украины и Белоруссию...

А вот мой прадед Адам Алексеевич, родившийся в 1860-м, действительно в конце XIX века, женившись, перебрался в Москву. И в дореволюционном справочнике «Вся Москва 1901 года» зафиксировано следующее:

ТЕЛЮКЪ Ад. Ал-ѣв. Прѣсн. ч.,
М. Тишинскій, д. Пашкова.

Из чего явствует, что на стыке веков он, выходец из крестьян, служил пресненским чиновником (вернее, обер-кондуктором поезда Москва–Варшава, что ныне соответствует должности начальника поезда) и снимал квартиру в Малом Тишинском переулке, неподалёку от сегодняшнего Белорусского вокзала, в несохранившемся доме № 9 (Г. В. Пашкова).

В 1910-м, с появлением на свет последнего ребёнка, закончилось формирование семьи прадеда. Кроме него и жены Марии Антоновны, рожавшей через каждые два-три года, в ней было десять детей: Михаил, Алексей, Пантелеймон, Евгения, Адам, Александр, Нина, Борис, Мария и Надежда.

Теперь вернёмся к подмосковному посёлку Немчиновка с расположенной неподалёку тогдашней третьей (из основанных до революции) железнодорожной станцией от Москвы: первая — «Фили» (1902), вторая — «Кунцево» (1874), четвёртая — «Баковка» (1894), пятая — «Одинцово» (1870) и т. д.

После открытия в 1870 году движения Москва–Смоленск Брестской железной дороги началось интенсивное освоение прилегающей к ней местности. В 1875 году московские предприниматели братья М. А. и С. А. Немчиновы получили в аренду на

дачное строительство «свыше тысячи десятин земли вблизи 16-й версты дороги». По их ходатайству в 1876 году рядом с увеличивающимися в числе дачами устраивают платформу, в названии которой присутствует фамилия арендаторов — «Немчинов-пост» (или «Немчиновский пост»). Вскоре оно упростилось до «Немчиновка» и закрепилось в 1939 году официально.

Существует и другая, на мой взгляд, маловероятная версия возникновения названия, связанная с находящейся на некотором отдалении деревней Немчиново, известной с XVI века (сейчас туда ходят рейсовые автобусы от Киевского вокзала).

Впрочем, как бы то ни было, а мои родственники со стороны отца не преминули воспользоваться сложившимися обстоятельствами.

По рассказам Надежды Адамовны, младшей из братьев-сестёр, судьбоносному решению предшествовал переезд в Кунцево. И только спустя какое-то время, оставив построенный дом старшему сыну, прадед с остальными своими домочадцами отправился на новое место...

В декабре 1917-го Адам Алексеевич умер своей смертью, не связанной с нахлынувшими эпохальными событиями. При нём в километре от станции, около пруда у истока реки Чаченки (правильнее — Чагинка), правого притока Сетуни, на пяти участках по тридцать соток помимо «родительского» были построены четыре дома: три — для сыновей Пантелеймона, Адама и Александра, один впоследствии достался дочери Марии. Все работы производились благодаря почти беспроцентной ссуде местного воротилы Лемона, имевшего владение в лесу (старожилами называемом Лемонским) на западной окраине Немчиновки, со стороны Ромашкова.

Прабабушка, урождённая Анискевич, считалась полькой, несмотря на несоответствующую девичью фамилию. Хотя Мария Антоновна была неграмотна, это не помешало ей успешно вести хозяйство и возглавлять семейство ещё в течение 26 лет, прожитых после смерти мужа.

О судьбе Михаила Адамовича, оставшегося в Кунцево, мне ничего не известно.

Алексей Адамович был кадровым офицером, участником Первой мировой. В Гражданскую войну воевал на стороне белых. Спасаясь от репрессий (знакомый чекист вовремя намекнул, зачем его вызывают в Манеж), переодевшись в солдатскую шинель, бежал в Эстонию. Потом он эмигрировал в Англию, далее — в Австралию. Женился на француженке и, не имея своих детей, дожил до преклонных лет, скончавшись в 1960-х.

Третий по старшинству из детей, родившийся в 1892-м Пантик — мой дедушка — также офицером участвовал в Первой мировой. Раненым попал в плен к австрийцам, откуда дважды безуспешно пытался бежать (при третьей неудачной попытке расстреливали). Когда Австро-Венгрия капитулировала, попал в Киев, на Украину, находившуюся под властью Директории, с февраля 1919-го возглавляемой С. В. Петлюрой...

Военнопленных транспортировали в битком набитых теплушках. Воды и пищи на всех не хватало. Но чудом оставшегося в живых Пантелеймона Адамовича подобрала и выходила украинская женщина из пригорода.

Восстановившись, несмотря на опасность, он продолжил свою дорогу домой. Недалеко от границы с Россией, схитрив, притаился под сеном на дне крестьянской повозки. В результате ему повезло: петлюровцы, прощупывавшие воз штыками и шашками, перебежчика не обнаружили...

На родине от собственного дома — на 4-й Запрудной, у пруда — пришлось отказаться по настоянию немчиновской администрации, в дальнейшем использовавшей строение под школу, семейное общежитие и, в конце концов, продавшей в частную собственность в 1960-х.

К этому моменту добровольного отказа Пантелеймон Адамович женился на Аполлинии Николаевне (урождённой Трубниковой). Расписались они в Кунцево 13.01.1923, а жить стали в Москве, в одной из четырёх комнат коммунальной квартиры, на первом этаже позднее снесённой угловой двухэтажки, в самом

начале нечётной стороны 3-го Новоподмосковного переулка (из этой 24-метровки, в которую со временем я прописался, и «получилась» в 1984-м однокомнатная квартира, расположенная в противоположной стороне города, рядом с метро «Коломенская», и пригодившаяся мне после развода). В 1924-м и 1925-м у них родились погодки Кира и Юра.

Месяца через три после ухода на фронт сына, в марте 1943-го Пантелеймона Адамовича призвали в Красную армию, где он в составе 106-го отдельного сигнально-пиротехнического взвода воевал на Брянском фронте. В наградном листе (присланном мне по электронной почте троюродным внучатым племянником моей жены Ирины, краеведом и начинающим историком Михаилом Рыбиным), при кратком, конкретном изложении заслуг 4.04.1944 инженером-подполковником Харитоновым отмечалось:

Пиромеханик Телюк П. А. (младший сержант. – Авт.), работая на факельных постах (284 АДНБ) южнее Корсаково в Орловской операции и на дым постах: западнее Киров в Брянской операции, южнее Новосокольники и севернее Пустошка (на оз. Лосно)... являл пример выносливости, стойкости и образцового выполнения заданий, несмотря на 50-ти летний свой возраст, в тяжёлых полевых условиях (особенно зимой).

т. Телюк достоин награждения медалью «За отвагу».

Летом 1952-го, приблизительно через полгода после бракосочетания мамы и папы, на шестидесятом году жизни дедушка умер от рака лёгкого (я не застал его и маминого отца в живых, что не преминул отобразить в названии вышеупомянутого цикла «На этом свете мы не повстречались...»). Бабушки не стало в 1978-м...

Тётя Кира замуж не вышла и, будучи сердечницей, скончалась от водянки в 1966-м. Наши с сестрой Наташей родители дожили до правнука Владика, сына моей дочери Вероники.

Кроме комнаты от бабушки с дедушкой мне достались в наследство буфет и столик, типа журнального, с изразцами на верхней поверхности и двумя выдвижными ящиками. По свидетельству дедушкиной сестры Надежды Адамовны эту мебель

купили у актёра Ленина при переезде его на новую квартиру вначале XX века. Как я узнал позже Михаил Францевич Ленин (настоящая фамилия Игнатюк) был одним из корифеев Малого театра, народным артистом РСФСР (1937) и награждён орденом с профилем «однофамильца» (1949). В 1951-м он умер на семьдесят первом году жизни в должности директора Малого театра и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Псевдоним, взятый актёром в 1902-м, в дальнейшем естественно провоцировал много шуток. Вот одна из легенд:

Рассказывают, что однажды прибежали посыльные в кабинет к Станиславскому и закричали:

— Константин Сергеевич, несчастье: Ленин умер!

— А-ах, Михаил Францевич!» — сокрушённо уронил голову на грудь и, еле сдерживая слёзы, прошептал Станиславский.

— Нет — Владимир Ильич!

— Тьфу-тьфу-тьфу, — застучал по дереву Станиславский, — тьфу-тьфу-тьфу!..

По другой версии, историю приписывают ошарашенной таким же образом приме Малого театра Александре Александровне Яблочкиной. Бедная женщина заломила руки и в безысходном горе запричитала:

— Боже мой! Михаил Францевич!

Тыкая перстом вверх, ей еле-еле и не сразу втолковали, что умер «ТОТ», а не «наш».

— Ну слава Богу! — почти умиrotворённо вздохнула Яблочкина.

Как большинство своих коллег, она свято верила, что жизнь коротка, искусство вечно, а всякое начальство — от Бога. И лет тридцать с гордостью говорила: «Мы, актеры ордена Ленина Его Императорского Величества Малого театра СССР».

Однако, продолжим...

Евгения Адамовна вышла замуж за Николая Фёдоровича Ларионова, управляющего имением кого-то из царских родственников в Барвихе или Раздорах. Родила трёх девочек (Веру, Ларису, Надежду) и одного мальчика (Глеба). Последние годы жила в Краснодаре с семьёй Нади, младшей из детей.

Адам Адамович, будущий крёстный моего отца и бывший гренадер Его Императорского Величества, в послереволюционной круговерти оказался командиром одной из застав в Кушке (самой южной точке Российской империи)... Вернувшись из Туркмении и радуясь завершению собственной борьбы с басмачеством, он прошёлся по Немчиновке с прибитым к спине красным ватным одеялом, распевая «Вставай, проклятьем заклеймённый...», однако, свой дом успел продать до наступления очередного этапа «большого пути». И вот как-то в поезде у него, задремавшего и находившегося подшофе, обчистили карманы. Не разобравшись, он набил морду заподозренному в краже контролёру — просто вырубил ударом кулака. В результате чего, после отсидки, оказался в Калуге, где повторно обзавёлся семьёй (т. к. в предыдущие годы однажды уже женился-разводился) и остался жить, тем не менее, частенько навещая родные пенаты.

Родившийся в 1899-м Александр Адамович, по сути, проходил срочную службу, участвуя в Первой мировой, и, поймав на Кавказском фронте, после его закрытия, в мае-июне 1918-го был переведён Реввоенсоветом РСФСР на запад кратковременным комендантом Минска. Его первый брак с балериной оказался неудачным (именно из-за неё Шура, не раздумывая, продал свой дом, а потом, узнав об измене, ушёл из купленной частично на вырученные деньги московской квартиры). Зато повезло во втором. И когда за бухгалтерские дела получил срок, жена Лида, стойко перенося невзгоды, жила вместе с их общим сыном Германом в Немчиновке, в буквально кишевшем клопами подсобном хозяйстве Поссовета, бывшем владении Лемона. После амнистии 1953-го (в связи со смертью Сталина) она последовала за мужем «на 101-й километр»: сперва — в Петушки, потом — во Владимир. Там у женившегося Германа родились двойняшки Надя и Саша.

Последние годы жизни Александр Адамович провёл в Немчиновке, где ему нашёлся уголок в «родительском» доме.

Нина Адамовна с детского возраста и до конца своих дней жила в Немчиновке. Выйдя замуж за односельчанина Николая Сергеевича Иноземцева, она занималась участком и хлопотала

по хозяйству в его доме, недалеко от Лемонского леса. Родила сына Николая, у которого, в свою очередь, родились Ирина, оставшаяся бездетной, и Игорь.

Кстати, недалеко от них частенько жил в доме тестя-врача знаменитый художник, основоположник супрематизма, автор «Чёрного квадрата» Казимир Малевич. А потом в почти граничащем с их участком поле, где в нынешние времена построен коттеджный «Посёлок Малевича», была захоронена его урна с прахом.

Борис Адамович женился на Анне Алексеевне (урождённой Петровой), дочери урождённой Друговой Натальи Фёдоровны, почётной гражданки дореволюционной Москвы. Для его избранницы это был второй брак. Первый её муж утонул, когда они с ним и сыном Павликом отдыхали в Крыму. Так что новообразовавшаяся семья с самого начала состояла из троих, ведь Борис Адамович, согласившись не усыновлять Павлика, относился к нему как к родному, наравне с родившимися позднее дочками Ниной и Аней.

Жили они, в основном, в Москве, за исключением периода с 1941-го по 1943-й, когда Анна Алексеевна с детьми вынужденно эвакуировалась в Башкирию (Ютаза, Бугульма). Но с возвращением домой всё встало на старые рельсы.

И хотя Немчиновка для семьи Бориса Адамовича была лишь местом отдыха, ему самому приходилось чаще своих домочадцев навещать «родительский» дом, оказывая младшей сестре посильную помощь. В 1950-х он, по договорённости с Надеждой Адамовной, при входе на участок, слева от калитки, построил свой летний домик, по советским законам зарегистрированный как сарай из-за недопустимости наличия на территории владельца двух жилых строений...

У Нины, старшей из дочерей Бориса Адамовича и моей крёстной, с детьми как-то не получилось, а у Анны родился сын. Нарекли его Павликом с лёгкой руки бабушки, Анны Алексеевны, тянувшей жребий из ушанки, где, кроме названного имени, находились «Александр» и «Борис».

Мужем Марии Адамовны был Борис Александрович Глинка, младший из детей (старшая — Лиля, средний — Глеб) из-

вестного литературного критика начала XX века Александра Сергеевича Глинки, писавшего под псевдонимом Волжский. Советская власть терпимо относилась к мэтру, принадлежавшему к московской ветви славной фамилии. Однако это не помогло его сыну. Через некоторое время после кончины отца, в начале 1942-го, он, будучи главным бухгалтером, за недонесение на подчинённого, рассказавшего анекдот про Сталина, был арестован. В результате чего Борис Александрович, приговорённый к расстрелу, после пересмотра дела (редчайший случай!) получил семь лет исправительно-трудовых лагерей, где через полтора года канул в вечность под Пермью.

Мария Адамовна осталась с двумя малолетками (старший — Лёша, младший — Саша) в своём доме на 2-й Запрудной. Её ждала борьба за существование в военно-послевоенные годы и воспитание сыновей сквозь давний собственный недуг (со школы — остеомиелит обеих ног). В 1962-м она, не без помощи Телюков, построила новый дом, сломав старый.

Алексей семьёй не обзавёлся, а у Александра и его жены Татьяны родились два мальчика: первый — естественно — Борис, второй — Валентин.

Надежда Адамовна унаследовала «родительский» дом, вернее, его половину, ибо другая была продана из-за надобности в начале 1930-х. Но несмотря ни на что к ней в гости, как в родовое гнездо, постоянно съезжались родственники — на выходные, праздники, именины, в отпуска или просто погостить. До известной степени и я тому свидетель.

В гражданском браке у Надежды Адамовны родился сын, которого она при регистрации назвала Александром, оставив ему нашу фамилию — Телюк. Правда, в кругу своих он звался Алик. Ведь у её сестры Марии чуть раньше, в том же 1940-м, родился мальчик, названный Александром (и даже отчества у них оказались одинаковые — Борисовичи).

Алик, его жена Галя и их сын Сергей дружно зажили в Немчиновке, на 2-й Запрудной, 3.

В общем, всё идёт своим чередом.

А в паре километров от них находится Ромашково, где есть каменная Церковь святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Первое упоминание о некогда стоявшей здесь деревянной церкви относится к 1627 году, когда она принадлежала Патриарху Московскому и Всея Руси Филарету (в миру Фёдор Никитич Романов-Юрьев), отцу Михаила Фёдоровича, первого царя из дома Романовых.

Светлана Аллилуева, дочь Сталина, в своих мемуарах писала:

Здесь моя родина... И когда умру, пусть меня здесь в землю положат, в Ромашкове, на кладбище возле станции, на горке — там просто, всё вокруг видно, поля кругом, небо... И церковь... старая, хорошая... деревья в ограде возле неё так буйно разрослись, и так славно она стоит, вся в густой зелени, и... продолжает служить Вечному Добру на Земле.

Там и находится основное захоронение близких моему сердцу Немчиновских Телюков, к которым я и себя причисляю.

ТЕЛЮК

Адам Алексеевич (1860–1917)
 Мария Антоновна (1865–1943)
 Пантелеймон Адамович (1892–1952)
 Аполлинария Николаевна (1894–1978)
 Борис Адамович (1904–1967)
 Анна Алексеевна (1900–1972)

ГЛИНКА,

урождённая ТЕЛЮК,
 Мария Адамовна (1907–1985)

ТЕЛЮК

Надежда Адамовна (1910–1999)
 Кира Пантелеймоновна (1924–1966)
 Юрий Пантелеймонович (1925–2001)
 Татьяна Алексеевна (1928–2008)
 Серёжа (1953–1954)

При жизни моих родителей появились на свет: внучка Вероника (16.02.1980 — от моего первого брака), внук Владислав (30.06.1986 — от Наташи, вышедшей замуж за Вадима Бесчеревных) и правнук Владик...

Однажды Вероника, с которой, казалось бы, совсем недавно занимался математикой и ходил на теннис, позвонив, предупредила о своём бракосочетании, грядущем в начале мая 2000-го. В мыслях об этом, запомнив из знакомства с женихом только то, что его зовут Сергей, я решил подарить им, помимо всего прочего, ироничное стихотворение, написанное в минувшем марте про кота Чучу. И немало удивился, когда гости бурно отреагировали на услышанное, уловив явные ассоциации, связанные с торжеством и фамилией (ну чем не провидение!) молодоженов...

* * *

Веронике и Сергею Мартовым

*Коту не лежит на месте с утра...
Какое «с утра»! Он с рассвета наглеет:
то тигром рычит, то козлёночком блеет —
знакомо — есть в марте такая пора.
Но я-то при чём здесь? Мы вместе давно —
я помню котёнка размером с ладошку,
теперь же он вырос и требует кошку
(не важно какую — ему всё равно).*

*Я, дверь отворив, предлагаю: «Беги».
А он, вдруг опешив, застыл на пороге,
как будто задумался на полдороге...
И лёг почему-то у левой ноги.*

Осенью же, 7 ноября, у Вероники и Сергея родился сын, названный Владиком. По крайней мере, для меня ставший не просто внуком и ровесником века: означенный факт заменил собой ныне отменённые празднования годовщин Октябрьской революции.

Почти через полтора года, в начале октября 2001-го, женился Андрей, сын Ирины. Мы, имея собственные виды на дальнейшее житьё-бытьё, решили не искушать судьбу и разъехаться с новообразовавшейся семьёй, так как на кухне становилось тесновато...

Где жить, для молодых — не имело особого значения, для нас — наоборот, в связи с поездками на Ильинский Погост, определённо был желателен Юго-Восток. В результате трёхкомнатную смежно-изолированную квартиру на Большой Черёмушкинской удалось разменять на две однокомнатные (на улице Юных Ленинцев, близ метро «Кузьминки», и на улице Михайлова, близ метро «Рязанский Проспект»)...

Дела ребят устроились, можно сказать, с последним звонком, ведь спустя сутки, в день нашего переезда на «Рязаночку», 17.04.2002 у Татьяны и Андрея родился сын — ещё один внук! — Саша.

та нам, небольшой дружеской компании, удалось единожды съездить к нему в гости. Папа Володи Николай Григорьевич возил нас на собственной «Волге», показывая достопримечательности, включая старинную загородную помещичью усадьбу и могилу Анны Петровны Керн. Мама Володи Татьяна Алексеевна кормила нас домашними пельменями. И я с неизбежной грустью вспоминаю тогдашнее жеребьячье торжество, ибо под воздействием отменной местной водки однокашники их сына не просыхали на протяжении двух-трёх дней...

Сергей Демидов также всегда находился поблизости. Мы познакомились в институте благодаря моему вхождению в состав профкома и обоюдному участию в факультетской самодеятельности: я — поддавшись юношескому увлечению — играл в ВИА (вокально-инструментальный ансамбль), Сергей — учившийся параллельно на вечернем отделении и работавший лаборантом на кафедре «Гидравлики» — сочинял музыку к волновавшим его стихам, талантливо исполняя получавшиеся песни под гитару. Он, будучи членом московского подразделения КСП (Клуб самодеятельной песни), приобщил меня к бардовскому движению, а весной 1978-го свёл со своим давним приятелем Юрием Гончаровым, через которого спустя четырнадцать лет я попал в газету «Литературные новости» Эдмунда Иодковского и даже, сам того не подозревая, подвигнул меня к написанию «Сказания о сколотах», положившего начало «Сказаниям о праславянах», подарив в 1995-м «Предысторию Руси» В. М. Гобарева...

В студенческий период моей жизни возникла и дружба, созвучная разве что известным романтическим отношениям «Трёх мушкетеров» или, скорее, «Трёх товарищей». Изначально между нами происходило, видимо, подспудное необходимое дополнение друг друга: Сергей Мозалёв — окончивший МАДИ с отличием — рассудительный и массивный; Владимир Щетинин — непоседливый и фигуристый; и, наконец, я — как уразумел позже — небезнадёжный лентяй умеренных размеров, живший неподалёку от места учёбы, в Лазовском переулке (позже переименованном в улицу Константина Симонова).

У выпускников Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ, основанный в 1930-м, с 1992-го имеет статус технического университета, сохраняя традиционное название) существует ежегодный день встречи — первая суббота апреля. Нами, окончившими дневное отделение альма-матер в 1978-м по специальности «Мосты и тоннели» и получившими квалификацию инженеров-строителей, этот сентиментальный факт нарочито долго не замечался, пока в 2003-м доброй половине однокашников не приспичило увидеться.

Но подобное положение дел не означало 25-летнее отсутствие дружеских связей, возникших за время обучения.

Я уже упоминал Владимира Глинского, помогавшего мне прорезать в преддверии развода в 1990-м, а сближение произошло на четвёртом курсе в связи с уходом-отсевом части сокурсников и последовавшей за этим реорганизационной перетасовкой.

С его женой Людмилой, тогда ещё Панкратовой, мы вообще знакомы с первых студенческих дней, так как сразу попали в одну группу. И, если откровенно, между нами существовали смутные симпатии, которые не переросли во что-то более значительное, хотя от дома до дома — по разные стороны Ломоносовского проспекта, куда я с родителями переехал в середине второго курса — было около получаса ходьбы...

Владимир Морозов никогда не пропадал надолго, несмотря на возвращение домой, в Торжок, после подмосковной отработки по распределению. Лет через пять после окончания институ-

«И явился нам Телюк...»

Всё вдруг сложилось в сентябре 1973-го, чуть ли не с построения перед началом самого первого семестра. Ощущение свободы, опьянявшее нас, недавних школьников, усиливалось с каждым днём, в результате чего мы стали частенько проводить время в кутежах и играх в преферанс (особенно на первом курсе!), только изредка вспоминая об учёбе.

С тех пор прошло много лет, насыщенных разнообразными событиями, в том числе неоднократными женитьбами. Но даже наши вторые жёны Галя (Ирина, первая жена Сергея, к сожалению, умерла в 30-летнем возрасте), Лена и моя Ирина — с удовольствием поддерживали дружбу домами.

*Тёлки-чёлки — топ-топ!
Елки-смолки — хлоп-хлоп!
Лики махоньких козят
Юзом по-небу сквозят.
Как от Вятки до Ухты –
У-ух ты!!*

*Юрий Влодов,
акростих*

В один из апрельских дней 1978-го благодаря Сергею Демидову я познакомился с Юрием Гончаровым, чуть ли не сразу же отведшим меня в ДК им. С. П. Горбунова, в литобъединение имени Алексея Недогонова (во главе него в то время стоял поэт и переводчик Валерий Краснопольский). В дальнейшем я изредка посещал и другие московские «лито», завершив этот отрезок творческого пути в 1992-м участием в коллективном стихотворном сборнике «Самое сокровенное» народной литературной студии «Высота» под руководством поэта Михаила Беляева.

Исключение составляли «Весы», в которые я по совету поэта и драматурга Виктора Коркия пришёл, был принят с первого раза и ходил по мере возможности, начиная с осени 1978-го. Именно там, на одном из проходивших по средам семинаров я услышал от возглавлявшего литературное объединение Анатолия Викторовича Викторова: «Кажется, вы будете писать...»

Кому как, а мне педагогический талант Викторова виделся бесспорным. Кроме тех, кого я уже упомянул ранее, моими однокашниками были ныне «вставшие на крыло»: Анна Саед-Шах, Андрей Добрынин, Александр Климов-Южин, Леонид Колганов...

Анатолий Викторович умел ненавязчиво раскрывать азы поэтического мастерства, причём каждому индивидуально,

по мере усвоения предыдущего материала. Оставалось только внимательно относиться к его советам, не ленясь исправлять ошибки и перелопачивать услышанное...

Выработанная привычка к самостоятельной скрупулёзной работе души и мысли пригодилась позднее, когда мне посчастливилось последовательно подружиться с поэтами и журналистами, в своё время одновременно имевшими отношение к «Московскому комсомольцу»: Ароновым, Черняком и Влодовым, — ибо при передаче мастерства они ничего не разжёвывали, а просто делились навыками на примерах из собственного творчества. Александр Яковлевич акцентировал моё внимание на игровой составляющей стихотворства; Вадим Григорьевич — на тщательном подборе слов; Юрий Александрович — на общем звучании и форме, включая знаки препинания.

Из них троих с Влодовым мы сдружились в последнюю очередь, хотя впервые познакомились в «Юности» в середине 1990-х и даже в 2002-м в его цикле эпиграмм и дружеских шаржей на современных писателей «Сто из сумасшедшего сада», большей частью опубликованном в четырёх номерах названного журнала (№№ 1, 2, 6, 7–8), есть следующее:

* * *

С. Телюку

*В НЛО открылся люк.
К люку руки тянем.
И явился нам Телюк —
Инопланетянин.*

В августе 2003-го, откликнувшись на предложение Анны Гедымин, я оказался в гостях у Юрия Александровича. Наша застольная беседа «на троих» на кухне однокомнатной квартиры в стандартной многоэтажке на Юго-Западе длилась несколько часов. И как-то само собой получилось, что легендарный московский поэт, привыкший эпатировать читателя и

слушателя, вдруг начал достаточно откровенно рассказывать о прожитом.

На следующее утро, пораскинув мозгами, я сообразил, каким образом можно подать услышанное. По телефону мы договорились о новой встрече у него дома и об условиях, при которых я должен был полагаться только на свою память, не пользуясь ни диктофоном, ни записной книжкой (это смущало рассказчика).

Из представшего бурного потока воспоминаний приходилось выбирать наиболее интересующий меня материал, после обработки выстраивать его в определённой последовательности, а также, неоднократно созваниваясь с Влодовым, уточнять нюансы, вплоть до интонаций участников событий. Конечно, в некоторых моментах не обошлось без собственной интерпретации, против которой Юрий Александрович не возражал. В итоге получилось «Однажды в XX веке»...

Леонид Аронович Жуховицкий, затрудняясь в определении вида данного произведения, высказался следующим образом:

Как назвать эту работу?

Я бы рискнул сказать так: Телюк в данном случае выступил как автор, а Влодов — как легендарный персонаж вроде Ходжи Насреддина, Заратустры или Ивана Петровича Белкина. А так как по роду деятельности и по характеру Влодову приходилось встречаться с целым рядом современных классиков, его байки имеют и бесспорную литературоведческую ценность.

Впрочем, читателю вовсе не обязательно ломать голову над тем, к какому жанру следует отнести один из разделов новой книжки Сергея Телюка. Лучше просто читать эти короткие рассказы о писательском житье-бытье, хохотать и радоваться.

Приведённая цитата взята из послесловия к моему сборнику «И отчалит кораблик, привет!..», вышедшему в свет в начале 2006-го.

Когда я, оставив книжку для Вознесенского «под зелёной лампой» в ЦДЛ, через несколько дней позвонил ему, первой к телефону подошла Зоя Борисовна:

— Да он с ней уже второй день носится, — сказала она.

И это в первую очередь относилось к выделенному Жуховицким «разделу».

Там же, в связи с записью в паспорте Ильи Сельвинского, упомянуты и крымчаки («Нас четверо»).

Весной, приблизительно в мае 2006-го, я подарил экземпляр «Кораблика» Александру Ткаченко. А незадолго до смерти, в октябре 2007-го, у него вышла книга повестей, притч, новелл об одном из коренных народов Крыма — «Сон крымчака, или Оторванная земля», которую он готовил к изданию больше года, возможно, загоревшись после прочтения влодовских историй...

Нагаева, похожего на просоленного шкипера, бородатого здоровяка под два метра ростом и весом более ста кило, настиг инсульт. Всё произошло неожиданно за чаепитием после представления очередного номера журнала «Детская литература» в подмосковном Дмитрове, хотя месяце за два до кончины, в конце марта 2004-го, на открытии юбилейной выставки монументалистов Московского союза художников Игорь Германович поделился со мной своими плохими предчувствиями, тревожными снами, предвещавшими уход из жизни. Я постарался перевести разговор в другое русло, но суть от этого, к сожалению, не изменилась...

Мы дружили последние без малого четыре с половиной года, но я с самого начала почувствовал в Игоре Германовиче человека, близкого по духу, по внутреннему «сложению». Мне нравилось в нём, в первую очередь, творческое отношение к жизни, будь то оригинальные исполнения песен в компании друзей, или многочисленные выступления перед читателями, или даже лицедейство в «димсистских» комедиях дель арте.

А самым поразительным было, конечно, отношение как главного редактора к своему журналу: он не допускал и мысли об ухудшении качества — только улучшение. Когда мы познакомились, я искренне восхитился его детищем, остававшимся в сложное время прекрасным изданием и по содержанию, и

по оформлению. Тогда ведь, в угоду сиюминутному благополучию, сплошь да рядом отказывались от полноцветной печати и хорошей бумаги, начинали публиковать состоятельных авторов (независимо от таланта) и вообще рьяно переходили на коммерческие рельсы, снижая при этом художественно-эстетический уровень.

Творческому человеку жить в материальном мире всегда непросто, но ему многое дано понять, поэтому он мудрее и терпимее... Таким был и Игорь Германович Нагаев.

К чему это я?

Грустно осознавать, что в новой России, по советским меркам достигшей совершеннолетия, отношение властей к большинству наиболее одарённых представителей творческих профессий можно определить следующей известной цитатой: «Лицом к лицу лица не увидать...»

Писатели — тоже не исключение... А ведь выделяются деньги, зачастую государственные, на издание авторов, выбранных по тусовочному принципу, делаются заказные хвалебные критические статьи, выдаются премии, после чего всё благополучно забывается, то бишь «оканчивается, не начавшись» — оказывается, для перечисленного поводов-то и не было.

От ежегодной повторяемости вышесказанного создаётся ощущение нарочитости — ну просто болото какое-то!

К чему это я?

Да так, вдруг вспомнилось об Александре Аронове. У него из трёх книг, изданных при жизни (всего-то 67 лет с небольшим!), две — «за государственный счёт», причём одна, тонкая, из библиотечки «Огонька»...

*Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.*

*Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,*

*Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться...*

*Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!*

*Согласен вдаль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться –
Но дай хоть раз ещё успеть
Остановиться, оглянуться.*

Аронова, можно сказать, не издавали, но присутствие его поэзии ощущалось в течение десятилетий. И тогда, в 1960-х, когда он был популярен (правда, неофициально) среди любителей поэзии не менее чем, скажем, его однокашник по небезызвестной «Магистрале» Евгений Евтушенко... И тогда, когда повсюду распевалась песня, ставшая лейтмотивом популярного фильма и написанная на его стихи («Если у вас нету тёти, её вам не потерять...»)... И тогда, когда использовали в прессе или обычных разговорах, порой даже не зная имени автора: «остановиться, оглянуться»...

Александр, как талантливый ребёнок (скажем, в день своего 65-летия он запросто разгуливал по редакции «Московского комсомольца» с привязанными к пуговице воздушными шариками и, радушно улыбаясь, всех угощал конфетами), не мог не нравиться...

Это он о себе:

*К нам пришёл Александр Аронов
И понравился сразу не всем.
Тем отдельных никак не затронув,
Он коснулся ответственных тем.*

*Иногда он бывает спокоен.
А пройдёт две недели, чудак,*

*«Боже мой, — говорит, — боже мой, — он, —
Как же так, говорит, как же так».*

*Часто бабушки на перекрёстке
Уважительно прячут внучат,
Когда книжки несёт он в авоське,
Что-то громко при этом шепча.*

*Он не то, чтоб решительней тигра,
И, пожалуй, внушительней слон.
Но зато оглушительно тихо
В тех местах, где отсутствует он.*

И в самом деле, без него становилось всё тише и тише, особенно — в связи с упоминанием неумолимо редющего на этом свете круга его друзей: Валентина Берестова, Виктора Берковского, Виктора Гиленко, Игоря Губермана, Евгения Евтушенко, Леонида Жуховицкого, Булата Окуджавы, Вадима Черняка...

И от этой безвыходности иногда хотелось скулить, подобно ароновской собаке с тринадцатого этажа:

*Что значат городские ночи?
Здесь, плотно выстроившись в ряд,
Пространства бывших одиночеств
Как стёкла в ящичке стоят.*

*И, между знаков зодиака
Захлёбываясь и дрожа,
Не потому ль скулит собака
С тринадцатого этажа?*

Ведь я тоже рождён в пятидесятых

*Здесь нелепое что-то возводится,
Здесь и в полдень какая-то темь,
Здесь деревня моя, как покойница,
Изменяется каждый день.*

Николай Дмитриев

Э тот эпиграф — о малой родине... О подмосковном селе Архангельское Рузского района. А начинается стихотворение следующими двумя строчками:

*Мне на родину ехать не хочется,
Мне как будто уже всё равно.*

«Как будто уже всё равно»?! В постсоветской-то действительности конца 1990-х — неужели так быстро приелись нововведения?

А вот, например, о чём писал Николай Дмитриев в «Истоках» 2001-го:

Мы... живём. Но как!

За Можайском в небольшой лощине легло 10000 человек. Там и обелиск стоит: «ИХ БЫЛО ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ». Так везде на моей родине: на каждой поляне, на каждом поле погибло такое количество русских солдат, которое можно сравнить с потерями в Бородинском сражении.

Этот край теперь — край вымирающих деревень и цветущих замков наглых «маркизов Карabasов» — нового российского жулья.

Но подвиги псковских и пермских десантников в чеченской войне, а также другие примеры свидетельствуют о том, что

жив народ, что понятие «Родина» для него — не пустой звук. Эти заметки («Нельзя превращать Россию в гигантский остров Пасхи!» — Авт.) я хочу закончить стихами:

Родине

*Ты уменьшилась, но вроде
Велика ещё пока,
Как в четырнадцатом годе.
В этом роде велика:
Где — пируют,
Где — крадут,
Где — головушки кладут,
До последнего снаряда
Защищая
свой редут...*

Да, поэт знал, о чём говорил...

Хотя, конечно, с «вымирающими деревнями» в Подмоскowie — явный перебор. И, если говорить о «процессе» вообще, то начат он был не в нынешние времена, а в период коллективизации. Но прав Дмитриев в другом: крайне пагубно кардинально нарушать преемственность поколений (к чему я бы добавил невозможность и приблизительно предположить разнообразие вытекающих из этого последствий). Тем более что в нашей стране на протяжении большей части минувшего двадцатого столетия проводился подобный, как известно, неудачный эксперимент — тут, обращаясь к любимому мной «Айболиту-66», напомним содержание одного из куплетов песенки «Нормальные герои», распеваемой Бармалеем и двумя его сподручными: «И мы с пути кривого ни разу не свернём, а надо будет, снова пойдём кривым путём!» — зачем опять наступать на одни и те же грабли?! В этом я согласен с Николаем и мне понятна позиция, перекликающаяся с темой едва ли не самого известного его стихотворения «В пятидесятых рождены...», последнюю строфу которого, думаю, уместно процитировать:

*С отцом я вместе выполз, выжил,
А то в каких бы жил мирах,
Когда бы снайпер папу выждал
В чехословацких клеверах?..*

Ведь я тоже рождён в пятидесятых...

Мы не дружили, но в последние девять лет его жизни нам приходилось довольно часто встречаться. И это благодаря познакомившей нас Галине Вячеславовне Рой, главному редактору «Истоков», к которым мы имели непосредственное отношение, входя в редколлегию. А я к тому же ещё был ответственным за выпуски альманаха и проведение вечеров «Альманах «Истоки» представляет...» в Малом зале Центрального Дома литераторов.

Николай всегда вёл себя подчеркнута скромно. Не стремился выделяться на общем фоне. Помнится, как после одного из «истоковских» вечеров в фойе его окликнула, видимо, знакомая дама преклонного возраста и стала выговаривать, что следует быть смелее, увереннее, решительнее... А он стоял с видом уездного учителя, случайно попавшего на бал, и учтиво выслушивал пожелания. Вообще, кроме опрятного внешнего вида и излучаемого внутреннего достоинства, я бы выделил взгляд Николая, направленный как бы внутрь самого себя. Хотя разговор мог идти и не о нём лично, а, скажем, о публикациях стихотворений членов возглавляемого им литобъединения.

Но за кажущимся, на первый взгляд, спокойствием имелась жёсткая, выношенная годами внутренняя позиция. Николай не хотел принимать российскую действительность, сложившуюся на рубеже XX–XXI веков. И пришёл он к этому, как и большинство из нас, через постперестроечное недоумение, через горькое осознание очередного мошенничества дорвавшихся до власти...

Его сердце не выдержало в одну из июньских ночей 2005 года.

И здесь мне хотелось бы особо подчеркнуть, что после лихих 1990-х, в начале нового тысячелетия нахлынула волна преждевременных смертей многих моих современников. И главной причиной оказались не сердечные болезни, а онкология...

Легче не становится

*Безрассудный, словно Вертер,
с горьким временем — обрез, —
если я тебе — не ветер,
на черта нам — в лодку без
вёсел...*

Александр Щуплов

Когда-то в начале нашего знакомства мы с Александром Щупловым случайно встретились в редакции альманаха «Истоки». Передо мной лежали стихи ещё не «родившегося» Агента Нулёва, и я раздумывал, как с ними поступить. Почувствовав мою нерешительность, Александр сразу же, с присущей ему активностью, включился в работу: стал «набрасывать» имена автора, придумывать его биографию...

Потом неожиданно предложил:

— Знаешь, у меня есть аналогичные стихи. Давай, объединимся...

Из этого, к сожалению, ничего не вышло — стихи всё-таки были разными. А вот часть биографии Нулёва, в которой говорится о согрешении его матушки (праправнучки Козьмы Пруткова) с гостем-эфиопом во время Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1957-м, появилась посредством щупловской подсказки.

И вообще Александр мог уподобляться кому угодно и чему угодно: литературному персонажу, ветру, парусу, пламени...

Главное — действовать!

Но больное сердце, как известно, не редкость для поэта, и от знания этого — легче не становится.

В конце июля 2006-го я и Ирина собирались в Гданьск, на международную литературную конференцию. Туда же приглашался и Саша, но он, в очередной раз почувствовав себя плохо, сдал заблаговременно купленные билеты. А позднее, буквально за день до отъезда, позвонил и поинтересовался, нет ли у нас на примете знакомого водителя, чтобы добираться на работу. К сожалению, мы ничем не смогли помочь.

Разговор продолжился. Тогда-то мы и узнали о выходе новой Сашиной книги «Стихи для тех, кто не любит читать стихи» — избранное за три десятка лет, выпущенное в свет благодаря активному участию Любови Никитиной, его однокашницы по Московскому государственному педагогическому институту. Прощаясь, договорились обязательно встретиться после нашего возвращения из Польши — недели через две.

Печально, что судьба распорядилась иначе...

Позже мы иногда созванивались...

В конце мая 2007-го, в день проведения очередного «истоковского» вечера в ЦДЛ, неожиданно скончалась Галина Вячеславовна Рой.

Накануне мы с ней по телефону допоздна утрясали список участников, а назавтра, ближе к полудню, с печальным известием позвонила Анна Гедымин. Однако по настоянию дочери Ани, проживавшей вместе с Галиной Вячеславовной, мероприятие состоялось — и посвящалось оно памяти бессменного главного редактора...

Но к тому времени Нина Краснова, Валерий Дударев, Андрей Шацков и я, принимавшие активное участие в возрождении «Истоков» в 1997-м, лишь изредка занимались делами, связанными с альманахом.

Позднее, спустя полтора года, Нина Краснова создала и взвалила на себя бремя главного редактора литературного альманаха «Эолова арфа», первый номер которого вышел в начале 2009-го.

Валерий Дударев стал главным редактором журнала «Юность». Ему предшествовали Валентин Петрович Катаев (1955–1961); Борис Николаевич Полевой (1961–1981); Андрей Дмитриевич Дементьев (1981–1992) и Виктор Сергеевич Липатов, умерший в январе 2007-го (1992–2007).

Благодаря инициативе Андрея Шацкого в 2006-м, в бытность его референтом министра культуры (А. С. Соколова), после

очередного перерыва и специально к 50-летию юбилею создания, был выпущен московский «День поэзии». Его главным редактором стал Сергей Мнацаканян, перешедший в 2001-м из «Московского комсомольца» в возглавленную Юрием Поляковым «Литературную газету».

В дальнейшем Андрей, уже в качестве главного редактора, сначала возглавил очередное издание упомянутого ежегодного поэтического альманаха (2007), а затем — уникальнейшего «Дня православной поэзии» (2008), выпущенного с приветствием Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и под общей редакцией председателя Издательского Совета Русской Православной Церкви протоиерея Владимира Силова.

Что касается меня, то я отошёл от редакционно-издательской деятельности и сосредоточился на творчестве, продолжая жизнь на вольных хлебах.

Позже мы иногда созванивались, общались по Интернету и даже пересекались на Днях поэзии, литературных вечерах в ЦДЛ или других мероприятиях, например, как случилось на открытии персональной выставки Ирины — в октябре 2007-го, в Московском Союзе художников в Старосадском переулке. Там после вступительных слов известных мастеров — председателя Правления Секции монументалистов МСХ Василия Александровича Бубнова и председателя Выставочной комиссии Секции монументалистов МСХ Вадима Алексеевича Кулакова — была устроена импровизированная авторская поэтическая переключка. Кроме Нины Красновой, Андрея Шацкого и меня, в ней участвовали Елена Муссалитина (мы познакомились двумя месяцами ранее в Сопоте, опять-таки не без помощи Лолы Звонарёвой), Олег Агринский, а также выступавший первым Виктор Лунин.

Кстати, центральные помещения здания (дом с классическим портиком, построенный в 1817–1819 годах), где всё это проходило, представляют собой три зала, и тогдашнее событие вместе с нами смогли отметить многие из тех, о ком я рассказывал (упоминал, подразумевал) ранее...

В моей жизни никогда не случалось такого сопровождаемого скорбью года, как високосный 2008-й.

На фоне частых смертей именитых представителей российской культуры (Александра Абдулова, Бориса Хмельницкого, Чингиза Айтматова, Михаила Танича, Риммы Казаковой, Нонны Мордюковой, Михаила Пуговкина, Александра Солженицына) один за другим ушли в мир иной не менее значимые для меня: Ирина, урождённая Иноземцева (проживавшая в Немчиновке внучка Нины Адамовны, сестры моего деда по мужской линии), Вадим Черняк, Юрий Дружников, Сергей Кудияров (сверстник, с которым мы познакомились благодаря Сергею Мозалёву ещё на первом курсе института, хотя и учились на разных факультетах).

И в конце ноября вдруг показалось, что кончина кота Чучи, нашего с Ириной полноправного члена семьи на протяжении порядка пятнадцати с половиной лет, — последняя...

Но спустя две недели, восьмого декабря, не стало мамы.

При отпевании она чертами лица напомнила мне спокойно стоящую девочку с опущенными вдоль туловища руками с довоенной фотографии.

В семье родившегося в 1898-м Алексея Гавриловича Ермилова и его жены Пелагеи Кирилловны, появившейся на свет на четыре года позже, было пятеро детей: Николай, Татьяна (мама — вторая по старшинству — родилась 21.01.28), Вален-

тина, Зоя и Алексей. Жили они в подмосковной деревне Рассудово, к северо-западу от одноимённой, основанной в 1899-м, железнодорожной платформы, в одном из двух одинаковых и рядом стоявших собственных домов, построенных в конце 1920-х для своих старших сыновей моим прадедом (местным жителем, имевшим с прабабушкой Марией шестерых детей — четырёх мальчиков и двух девочек).

Дедушка обучал токарному делу на Бадаевском пивоваренном заводе, близ Киевского вокзала в Москве. С 1930-х дорога в столицу занимала полтора-два часа пригородным поездом под тепловозной тягой. Правда, предшествовала этому ходьба по тропинке в поле и просеке в берёзовой роще. Минут пятнадцать, не более.

Бабушка хлопотала по хозяйству и следила за детьми.

И всё бы ничего — да началась война.

30 сентября 1941-го Алексей Гаврилович ушёл в армию. Однако, кроме того, что сборный пункт функционировал в отстоящем на шестнадцать километров Наро-Фоминске, мне больше ничего не известно. Он пропал без вести...

Пришлось побывать в горниле Второй мировой и его старшему сыну. Николай Алексеевич, будучи офицером, призывался (как и мой отец) дважды. При повторной службе, в первых числах ноября 1956-го, после недельной подготовки в Наро-Фоминске — в составе своей части оказался в Венгрии в связи с известными событиями. Эшелон, следовавший перед ними, пустили под откос в приграничном районе, и первое, с чем пришлось столкнуться — это сбор тел погибших военнослужащих. Мама говорила, что именно тогда в организме дяди Коли начался необратимый процесс, приведший к смерти от рака в январе 1975-го, в неполные пятьдесят. А ведь в год Венгерского восстания у него с тётёй Марусей в Рассудове родилась единственная дочь Люда...

Средняя из сестёр, Валентина Алексеевна (р. 1930), вышла замуж за кадрового офицера Георгия Михайловича Хårькова. За время кочевой жизни судьба забрасывала их, кроме Саратова и Львова, в Венгрию и Польшу. Георгий Михайлович дослужился

до подполковника. После чего они осели в Москве вместе с уже взрослеющими сыновьями Игорем и Олегом...

Зоя Алексеевна (р. 1931), сколько помню себя, жила в Апрелевке. Её муж Николай Александрович Бурьян, родом из села Фастовцы Черниговской области, погиб в автокатастрофе, по-моему, везя шифер на родину. Когда-то в школьные летние каникулы мы с мамой и их сыном Сашей гостили у его родителей:

Жаворонки в небе. Мазанки невдалеке.

Ноги босы, и по щиколотку в пыли.

*За любым плетнём предостаточно земли
с вишней и кукурузой, свиарней в уголке.*

Те давние впечатления пригодились мне при написании цикла «Думы об Украине». А вот с их дочерью Надей мы стали крёстными Владика, сына моей сестры Наташи...

Младший же из детей жил и работал в Москве. От двух браков (с Любовью и Татьяной) родились две девочки — Лена и Таня. Скончался Алексей Алексеевич в 2003-м, в 62-летнем возрасте, в Рассудове, в бревенчатой постройке, оставшейся от разобранного им унаследованного (после переезда жены и дочери старшего брата в Наро-Фоминск) ещё достаточно прочного родительского дома...

Мама часто вспоминала детские военные годы, отчасти проведённые в прифронтовой полосе. В их доме располагались на постой солдаты, ведь в каких-нибудь трёх с половиной километрах юго-восточнее, в деревне Кузнецово, где родилась и жила до замужества моя бабушка, находился штаб 33-й армии, ведшей кровопролитные бои за оккупированный в течение 66 дней (с 22.10.41 по 26.12.41) Наро-Фоминск.

Она даже проводила уроки патриотизма в Северном Бутове, в московской школе №1681, где рассказывала о пережитом: голоде и бомбёжках; расчистках от снежных заносов дорог; заготовке дров, перевозимых на подводах к поездом с последующей отгрузкой (работы проводились в темноте, чтобы не

заметили немецкие лётчики). Говорилось и о «лесных братьях», с действиями которых ей пришлось столкнуться в послевоенной Эстонии.

Да и последующие времена не особо способствовали ослаблению. А с приходом к власти Б. Н. Ельцина мои родители только недоверчиво улыбнулись: дескать, мы тоже были полны надежд в молодости...

Теперь, осиротев на шестом десятке и став ближе к небесам, я понимаю их.

Мне многое видится по-иному.

Часть вторая

ИРИЗДАТ

Ирина Телюк

І. Дневник

(3.11.1995–2.01.2010)

3 ноября 1995 г. (пятница)

(16:00–18:00, Москва, Б. Черёмушкинская, д. 2, корп. 1, кв. 159). Вчера наконец-то удалось завершить работу над иллюстрациями (или «картинками», как мы их называем дома) к поэме Серёжи «Сказание о сколотах». Работа заняла более полутора месяцев, и в результате получилось четыре картинки: по одной к каждой из трёх песен и общая карта действий, происходящих в Сказании. Серёжа уже отвёз в фирму, с которой заключён договор на издание (та же, что зимой-весной 1994/1995 годов делала макет «Книги первой»): сначала текст Сказания, затем две иллюстрации и карту, а сегодня фото (чёрно-белое, где мы вдвоём) и оставшуюся первую иллюстрацию. Я её переделала по замечаниям Натальи Константиновны Смирновой (моего педагога в Заочном народном университете искусств — ЗНУИ, факультет «Станковая живопись»), а именно: группу старцев, коленопреклонённого главного героя Колаксара, морды коней. И ещё я пришла (ранее) к заключению, что фигуры выразительны без лиц и один пробный рисунок пришлось переделывать.

Кстати, идея с вазой на первых планах всех иллюстраций полностью принадлежит Серёже. Я думала сделать по-другому — в виде иконок (с центральной фигурой посередине и житиём по кругу). Но отказалась от этого ввиду сложности сюжетов, недостаточности материалов и, главное, ограниченности во времени, ведь Сергей после «протяжек» в толстых журналах с обещаниями принять решение по публикациям до конца октября вдруг заторопился с идеей издания, чтобы на исходе

года книга «увидела свет» по старым ценам. [Расходы на книгу составляют по договору 500 \$ (~ 300 макет и 200 типография, при курсе 1 \$ = 4,5 тыс. руб.) + фото (50 тыс. руб. за три ч/б на «Цветном бульваре»; 30 тыс. руб. за три цветные на «Савёловской».)]

Сейчас я уже рада, что выполнила эти иллюстрации, хотя не знаю откликов друзей и реакции профессионалов.

Сначала не думала братья, а предлагала нанять опытного художника. Но когда Анатолий Поляков (РИФ «РОЙ») сообщил Серёже, что две «картинки» кому-то обошлись в 250 \$, мы принуждали. И так половину денег на издание придётся занимать...

Но, убедившись в поддержке друзей и знакомых, Серёжа решил делать книгу. Он договорился по телефону со своим «шефом» Сергеем Бочкарёвым — у него трудовая книжка Сергея — через две-три недели даст полтора миллиона; а я — с моей давней школьной подругой Валентиной Сидоровой, которая собирает средства на образование дочери Ксении, может быть даже в Европе, например, в Сорбонне. (И стал ненавязчиво агитировать меня, мол, посоветуйся с преподавателями и т. д.)

Я решила попробовать, не давая ему окончательно утвердительного ответа. Прочла «Историю...» В. Гобарева. Полистала книги (энциклопедии). Расписала каждую песню на возможные сцены, композиции. Хотелось сделать: центральную, по одной — сверху и снизу (это влияние Госзнаковских сказок Билибина), и по две боковых. Всего для каждой иллюстрации получалось по семь штук. Последняя песня — о Мадае — легла более-менее, а вот с первой и второй сразу возникли трудности (много схожих событий — битвы). Надо было думать о сокращении числа сцен до двух-трёх основных. И тогда Серёжа предложил просто гениальную идею с песочными часами — с перетеканием сюжетов между вазами сверху вниз... И понеслось.

Дело стало за техникой рисунка. Тут советы Натальи Константиновны, литература о книжной иллюстрации, включая

В. Фаворского, которые она мне дала, привели к выводу, что надо искать свой стиль — на грани примитивизма и стилизации. В этом отношении очень интересными оказались книги по средневековью («Эпоха средневековья в костюмах») и Древнему Египту, а также о Сергии Радонежском (её я подарила Серёже на день рождения, ещё работая в РосКЦИТО — Российском координационном центре информационных технологий в образовании).

Стиль икон близок и понятен. В ЗНУИ купила книгу «Иконы» и методичку по рекламе. Постепенно образовались карандашные варианты. И хотя перьев и туши не нашлось в магазинах, вновь помогли друзья и знакомые: Володя Щетинин (Серёжин друг по МАДИ), Ваня Пашков (мой нынешний сослуживец по Новому гуманитарному университету Натальи Нестеровой, студент — ведёт базу данных по зарплате преподавателей, а с октября 1994-го пробует в Останкино на ВКТ по своей журналистской специальности), да девочки с моей прежней работы — РосКЦИТО — Галочка Воробьёва с Ираидушкой Фировой при вечно непотопляемой Ирине Гавриловне Иголкиной. В туши всё стало выглядеть резче. Пришлось отказаться от лишних линий. Ввести больше условностей по мотивам икон (облака, земля, скалы, цветы, деревья, река, ров... да и фигуры тоже).

У Натальи Константиновны после очередной консультации возникли замечания с предложениями: мне, чтобы не было богохульства, — исправить ритуальный камень, напоминающий «Троицу» Рублёва с обратной перспективой, сделав его обычным, а Серёже — из тех же соображений в строке «молодое тело чутко...» заменить «тело» на «сердце». Что мы и сделали.

Сейчас всё уже позади. Только растёт нетерпение — скорее увидеть результат. Как всё будет смотреться и читаться? Ведь это не только первая большая форма у Серёжи и мой дебют как художницы, но и заявка на тему, на форму, на приоритет.

Уже боюсь ошибиться, кто вперёд — то ли Серёжа сам решил, то ли бард и его друг по МАДИ Сергей Демидов предложил по-

этическое переосмысление истории, т. е. написать целый цикл историй в поэтической форме.

Серёжа думает в будущем сделать главу о киммерийцах (т. е. до VII в. до н. э.), а в завершении всего написать о сарматах (III-II вв. до н. э.), чтобы закончить историю праславян целиком.

Далее, по его словам, можно условно разбить историю славян, россиян на: 1) наша эра до Рюрика; 2) от Рюрика до Романовых; 3) Романовых подробно; 4) советский период, может быть, даже на примере семей Телюк, Глинки и т. п.

Вот такие планы. Как сказала Наталья Константиновна Смирнова, на всю жизнь хватит и ему (Серёже), и мне (как художнику).

4 ноября 1995 г. (суббота)

(11:00) Вчера вечером Серёжа с большим удовольствием записал на видеомэгнитофон (видеоплеер?) «Сентиментальное путешествие в страну «Битлз». Сейчас в нашей семейной видеотеке уже около или чуть более 50-ти плёнок (для ориентации в них составлен каталог). Записи периодически смотрим сами (особенно старые фильмы), показываем гостям. Многие просят переписать. Некоторые, например, о художниках, я использую в своей работе-учёбе. Наши знакомые из деревни Ильинский погост (художник Андрей Апухтин) и Куровской (профессиональный футболист и художник Андрей Шагаров) брали посмотреть. А зам. декана ЗНУИ использует их для подготовки материалов.

Когда Серёжа смотрел о Битлах, то на слова Андрея Макаревича («Машина времени») о том, что вот только в 40 лет они попали на родину своих кумиров, сказал с грустью: «А мы не попадём, наверное...»

И ещё. Вчера же я записала т/фильм Алексея Габриловича «Футбол нашего детства», для Серёжи, большого футбольного болельщика московского «Динамо». Фильм не столько документально-познавательный (что мы ценим в домашней видеотеке), сколько ностальгический. И Серёжа буквально заставил меня

пересмотреть его концовку, где на поле выходят оставшиеся в живых футболисты и диктор поимённо перечисляет составы команд матча «Динамо» — ЦДКА (40-х годов), при этом вместо уже умерших игроков показывались пустые трибуны (эти кадры производят очень сильное впечатление). Серёжа волновался, глаза блестели. Ему очень хотелось, чтобы и я почувствовала трагизм ситуации. А мне больше всего было жалко его самого — за переживания.

(~ 22:00) Благодаря тому, что два Андрея (Апухтин и Шагаров) не приехали в Москву для совместного похода в Пушкинский музей, на выставку рисунков пяти веков Европейского искусства (якобы вывезенную из Германии), я и Серёжа, настроенные на духовное, поехали в ЦДХ. Походили там по залам с картинками художников, которым, по Пименову из предисловия к книге Л. Пастернака «Записки разных лет», не хватает требований к высокому профессионализму, где «иной раз теряется граница между настоящей непосредственностью и весьма посредственным дилетантизмом». Но всё же нам понравились две выставки: молодых художников Москвы (до 14.11.95) и, особенно, Сергея Андрияки.

Нас поразила как техника картин-акварелей Андрияки, так и его работоспособность при изумительно высоком уровне (множество работ датированы нынешним 1995 годом), кропотливость, точность, оригинальность в сочетании с русской традиционностью и, конечно, эмоциональность, любовь к русской природе, истории, Москве. Хотелось подолгу рассматривать, любоваться каждой работой, но выставка такая большая и весомая!.. И хотя ему — Сергею Андрияке — всего 37 лет, он уже 20 лет работает в технике акварели. Сравнивая его работы с известными мне художниками, отмечу: линейность рисунка схожа с линейностью Шишкина, гамма цветов (особенно осенних) схожа с гаммой Левитана — но это не они, хотя в доброй русской традиции.

Мы не удержались и приобрели каталог за 45 тыс. рублей (при моём окладе в 330 тыс. рублей это было существенным). Случилось так, что автор находился рядом, среди многочис-

ленных посетителей, ведь шли первые, ещё не обустроенные дни (2 ноября состоялся вернисаж, и пока отсутствовала книга для отзывов, а также при нас развешивались афиши по этажам ЦДХ). И Серёжа презентовал ему экземпляр «Книги первой» в обмен на автограф в каталоге. Андрияка оказался воспитанным — полистал книжку, одобрительно отозвался о её оформлении и поблагодарил. Чуть позже я подумала, что, может, стоило написать наш телефон — вдруг он прочтёт и ему захочется поделиться впечатлениями? Но Серёжа меня успокоил — не стоило.

До сих пор удивляюсь. На натюрморте до двух метров написаны как маслом атласная скатерть, на ней — фруктовые излишества (дыни, арбузы, лимоны...), подносы, ножи. Кажется, что его можно разделить на десяток изысканных натюрмортов. На Сергея больше всего произвела впечатление «Панорама города Берна 1991 г.», где, по его утверждению, морозный день, и «лежащий сухой снег осыпается с красных крыш» — эта светлая панорама очаровательна.

При выходе из ЦДХ в киоске приобрели букинистический экземпляр «Записок разных лет» Л. О. Пастернака 1975 года издания (ещё 40 тыс. рублей). Бюджет пострадал основательно, но какое удовольствие дома, в уюте, полистать, почитать наперегонки! Тем более что его сын Борис Пастернак — один из немногих поэтов, очень уважаемых Сергеем. И всё, что его касается, интересно. Да и в музее частных коллекций запомнились работы Леонида Пастернака: в кругу семьи, дебютантка, юбилейные.

Кстати, в ЦДХ, в киоске, видели сборник стихов Александра Аронова (он такой же подписал Серёже). А сегодня в тамошнем «Китайском ресторанчике» должен быть концерт Вероники Долиной, но мы решили не ходить. Серёжа устал (с утра на ногах), и обстановка незнакомая...

Пару дней назад Сергей купил деревянную рамочку для нашей не подошедшей для книги цветной фотографии и со словами «Я так давно мечтал об этом» поставил обрамлённое фото в книжный шкаф. Теперь мы «смотрим» на себя такими,

какими мы были в четверг 26 октября 1995 года — счастливыми, относительно молодыми, полными надежд и планов, строящими свой мир, каким мы его видим или хотим видеть.

Перед сдачей моих иллюстраций в издательскую фирму «Солист» Серёжа вдруг серьёзно стал настаивать на их подписи, или значке автора. Я сначала отмахнулась, но, просмотрев «учебники» Натальи Константиновны Смирновой (ЗНУИ), изучив опыт других художников, сдалась. Появились варианты:

И Т В И

Я остановилась на первом, т. к. он менее всего нарушает линию рисунков (что мне понравилось у Фаворского — W). Так они и «ушли» с моими первыми значками ИТ. Что, в общем-то, не так далеко от моей подписи в жизни

и на картинах маслом

ИТ
ИТ

Может быть, это пижонство? Но в этом есть свои маленькие радости. Тем более что я себя не отношу к художникам-профи и не претендую на строгое прочтение моих работ. Вот!

5 ноября 1995 г. (воскресенье)

(~ 22:00) К сожалению, человек предполагает, а Бог располагает. Подошло время занимать деньги — скоро платить за макет (остаток) и типографию. Сергей позвонил тёзке-«шефу», но (я как чувствовала) у того ЧП на работе (какой-то кабель порвали — штраф три млн.), да и машину надо чинить. Значит, сейчас помочь не может, хотя позже, возможно, получится... Будем надеяться! (Но я — не очень.)

Позвонила Валентине Сидоровой — послезавтра поеду, после того как навещу с Любашей Прунтовой внучатого племянника Андрюшу. Конечно, я занервничала из-за денег, начала ворчать. Серёжа замкнулся. А, собственно, что случилось?

Ведь пока, спасибо однокласснице, выход есть. Я очень (почему, сама не знаю) верю Валентине. Она одна из немногих, кто (как мне кажется) понимает, что мы делаем. Ещё раз спасибо ей за это.

А на улице — зима. Снег лёг сразу с первого числа и так и не сходит, только подмораживает ночами, днём же — слякотно. Вышли с тенниса — снег под ногами искрится, дышится легко, темно (правда, сейчас уже круглая луна).

Грех жаловаться на погоду. Лето — тёплое и длинное. Почти два месяца провели на Ильинском Погосте за работой (поэма, этюды, грядки, консервирование) с интересными разговорами с друзьями, заглядывавшими на огонёк — то Наташа Шумянцева (Петрова) с дочкой Танюшкой, то Апухтин с Шагаровым. Да ещё разнообразил всё двоюродный брат Лёша (Скороходов) — своей «развесёлой» жизнью. А осень! Впервые за мои сознательные 40 лет — сухая, тёплая, до +10°, +15° в октябре, солнечная, голубонебая и жёлто-шуршащая...

И вот зима. Успеешь соскучиться по снегу, искоркам под фонарями. Да и настроение неплохое: у Серёжи такой прогресс за два года — я же в теннисе топчусь на одном месте, игра больше от настроения, чем от техники получается (либо нет). Лучше всего, конечно, в паре с тренером Борисом. С Серёжей — местами, в зависимости от наших стараний. За полтора часа напрыгаешься так (и «намахаешься» тоже), что дойти до метро ещё хватает сил, но хочется поскорее сесть. А вот на «Академической» вставать и передвигать ногами проблематично, но, расходившись, с орешками, не спеша, доходим до дома. Сегодня радовались, как удобно с новой обмоткой прилипает к руке рукоять ракетки. Обмотка, как вычитал с этикетки Серёжа, фирмы, что поставляет их для Агасси. Не знаю, на сколько нас хватит, но сейчас мы уже на пределе, оплачивая теннис за троих — вместе с Серёжиной дочкой Вероникой — это 210 тыс. рублей в месяц (+ 30 тыс. за мячи). Ничего, если что — встанем на лыжи.

Чуча-кот лежит рядом на диване и подставляет сонно животик для поглаживания. Серый, полосатый, пушистый, беспородный Чуч. Все мы Чучи. Кот — Ушастый Чуч, я — Глазастый Чуч, Серёжа — Большой Чуч. Андрей — Маленький Чуч — сейчас за стенкой, в своей вчера убранный комнате общается с Олей. Они молоды — у них многое впереди. А у нас? Мы нашли своё место, но успеем ли реализоваться? Надо больше работать.

И не важны выборы в очередную Думу. Конечно, мы пойдём и проголосуем, скорее всего, за Борового, а может, за Гайдара, Явлинского или Черномырдина. Ведь им всем не до нас. Как, впрочем, и нам не до них...

6 ноября 1995 г. (понедельник)

(~ 20:00) Кажется, начинаем входить в рабочий ритм. С утра ещё раскачивались, но уже к 11–12:00: Сергей — в гостиной перепечатывал «Остервенело лают вдогонку наглые псы...»; я — в спальне готовилась к работе (чистила палитры, разбирала этюдник, с лета лежавший под диваном, и мыла баночки с растворителями). В голове уже третий день маячил натюрморт с цукини. Когда я их достала из корзины со шкафа, два кабачка пожелтели и стали такими колоритными: яркие полосы, изогнутые формы и шарообразные носы. Вспомнила о крынке, подаренной Серёжиным другом-однокурсником по МАДИ Володей Щетининым, и решила не тянуть с удовольствием — изобразить и её. Правда, связи между ними — никакой. Меня опять тянет к красивости, но будем это считать учебным натюрмортом (после двухмесячного перерыва).

Пока готовилась, Сергей закончил печатать и дал почитать «глазами» то, что до этого воспринимала только на слух. На страничке было ещё два других стихотворения (про дебильтё и «Пробуждение», написанные в октябре). Я перечитала предыдущие, а затем — прочла последнее. «Ну что?» — с нетерпением и надеждой спросил меня Серёжа, как будто я могла раскритиковать его в пух и прах. Но мне этого пока делать

не приходилось, т. к. его стихи мне близки. И чем дольше мы вместе живём, говорим, смотрим — тем ближе наши ощущения от окружающего мира.

К чему мы стремимся? К гармонии. Гармонии во всём: в самих себе — со своей душой, работой, семьёй; в окружении — с друзьями, родственниками; в спорте. Гармонии духовной и физической. Гармонии с природой. А для этого надо её и их понимать, знать и, конечно, уважать. Может быть, мы так безоговорочно принимаем новую жизнь, потому что она даёт нам возможность в этом разобраться?

Гармония, а не крайности — вот что может радовать в жизни. Крайности всегда отсекаются природой, они не жизненны. Только в комнатных условиях выживают кошки с короткими лапами или без шерсти, а лесные адаптированы: подшёрсток от морозов, пятна и полосы для маскировки — всё, чтобы вписаться в природу. Так почему же люди (здоровые и этикие цари природы) сами для себя устраивают крайности — фашизм, коммунизм, национализм, революции, перевороты? Серёжа высказал эту мысль, увидев по ТВ торжественный вечер к 78-й годовщине Великой Октябрьской революции, с очередным докладом Зюганова перед стариками-фанатами (которые в жизни и представить себе не могут ничего лучше застолья к 1 мая и 7 ноября, с утопическим лозунгом: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям»). В этом докладе Зюганов грозился не отдать своего золото-красного цвета. «Золото» — непонятно. А вот «красный»! «Варшавянка»: «...кровью мы наших врагов обагрим». Красный — цвет крови. Власть завоёвывать — с кровью, удерживать — опять-таки с кровью. Все те, кто не такие как они — враги, а значит — проливать их кровь! Серёжа говорит, что исторически красные знамёна (чуть ли не со средних веков) — это белые, на которые брызгала кровь обезглавливаемых вождей врагов, отчего полотна становились красными. А потом в Америке эта идея была вывернута наизнанку: красным стало знамя от крови рабочих, что было взято на вооружение большевиками. И под

знамёнами погибели, а не жизни людей: одних — оболванивали; других — изгоняли или уничтожали; а третьи, то ли по глупости, то ли из страха — на протяжении 70-ти лет исправно ходили на демонстрации солидарности со своими палачами — в моральном и физическом смысле.

Пока есть время, Серёжа пишет на «видео» хоккейный матч сборных СССР и Канады 1972 года (интересно, что в российских архивах эти плёнки уже уничтожены, и добывать их пришлось через Канадское телевидение). В то время, оканчивая школу, как вспомнил Серёжа, они спорили о том, кто выиграет и с каким счётом. И после первых пропущенных шайб он подумал: «Ну всё, поехали...» А я? Я тогда уже училась в МИЭМ, на втором курсе.

А сегодня? Сегодня в «Вестях» показывали похороны Исхака Рабина (Израиль), убитого 27-летним студентом-экстремистом. Он считал, что высокая цель оправдывает его перед заповедью «не убий». Но что он защищал? Ему 27 лет, он мало пожил на той земле, из-за которой убил человека. Это уже фанатизм. Возможно, его дед или отец это сделали бы из мести. А откуда у такого молодого человека столько ненависти?

7 ноября 1995 г. (вторник)

(21:00) Провернула сегодня два больших дела: посмотрела маленького внучатого племянника Андрюшу, Танечкиного сына, которому 13 ноября исполнится два месяца, и съездила к Валентине Сидоровой за деньгами для оплаты типографии.

У моей сестры Наташи я познакомилась с родителями Виктора — Танечкиного мужа, бывшими строителями (папа на пенсии, мама ещё работает), что близко нам, т. к. Сергей — тоже бывший строитель, впрочем, как и его родители Юрий Пантелеймонович и Татьяна Алексеевна. Родители Виктора очень понравились — люди простые, искренние и с юмором. Маленький Андрюша тоже посидел с нами за столом — Танюшка кормила его из бутылочки, потом он спал. Все дружно решили, что Андрейка похож на моего Андрея. Вот только ямочки на

щёчках — у меня на левой щеке одна, а больше ни у кого в семье их нет. Зато у родственницы со стороны отца Любаши Прунтовой ямочки на месте, и очень симпатичные. Хотели посидеть часик, а просидели три-четыре. Посмотрели свадьбу по «видео». Ната дала мне тыкву для натюрморта.

К Валентине Сидоровой добралась уже к пяти вечера. Её дочка Ксения болела, температура до 39°. Мы поговорили на кухне, и я забрала деньги. Что бы мы делали без неё?

Вернулась домой — день прошёл. А ведь 7 ноября — день застолья Октября! Кое-где прошли демонстрации с флагами, показали Зюганова, Анпилова, который пообещал, придя к власти, сгноить врагов в лагерях! А накануне даже торжественное заседание показали, как раньше — с длинным докладом Зюганова, гимном СССР и концертом. Люди — при деле.

А мы — в своём мире. Утром по TV девушка читала свои стихи о Моцарте и Сальери. Сергею они не понравились. Спросила, почему. «Это не стихи — в них есть рифма, но нет поэзии». — «А что такое стихи?» — «Стихи — это некая ритмизованная форма, содержащая, кроме смысла, ещё и чувства, переживания».

8 ноября 1995 г. (среда)

(~ 19:40) Пришлось изменять композицию натюрморта: вместо глиняной крынки очень неплохо вписалась Наташина тыква. А в результате — до масляных красок дело не дошло, грунтовала картон по рисунку.

Серёжа сегодня с утра какой-то нахохлившийся, кутается в кофту (в комнатах прохладно). Сидит в кресле у окна в своей любимой позе — подперев щеку. Тишина.

Во время работы посторонние шумы мешают ему сосредотачиваться, и он прикрывает двери, оставляя щёлки для кота. А когда я прохожу через его комнату, он или не реагирует, или косится на меня, скоро ли я уйду.

Иногда — заглядываю ему через плечо. Сегодня, например, ко вчерашним трём строкам прибавилось ещё несколь-

ко — может быть, тех же, но с продолжением. Работая над стихотворением, Серёжа исправляет слова, зачёркивая их, и при чрезмерном количестве исправлений, отделив чертой, переписывает последний вариант всего стихотворения. Бывает, стихотворение своими вариантами занимает не одну страницу. Когда же считается, что работа закончена, с полностью выверенным текстом он, радостный, идёт ко мне со словами: «Хочешь послушать?» (промежуточные варианты не читаются). Усаживается рядом в кресло: «Готова?» Я киваю. Серёжа поднимает брови, вытягивает губы трубочкой и начинает читать, мелодично, медленно и очень торжественно. Закончив чтение, тут же интересуется: «Ну как?» И если следует: «Хорошо», — то начинается выпытывание, а что хорошо. Я, по степени занятости, отвечаю односложно или сразу указываю на непонятные места, слова, двоякий смысл и т. д. и т. п. Он впитывает каждое моё слово и порой просто жалко, что я так мало могу объяснить ему свои ощущения. Я пытаюсь вслушаться в себя. Чаще стихотворение тут же читается второй, а то и третий раз. Что я поняла, что я почувствовала — вот что интересует его. Но читать «глазами» пока ещё не даёт. Только перепечатав, зачастую на другой день, Серёжа протягивает мне лист, где уже выстроились такие же ровненькие, но написанные ранее строки других стихотворений. Я беру лист и иногда читаю не последнее, а всё с самого верха. Дохожу до нового — и читаю его сходу. Потом второй, третий раз... И опять говорю, что глаз режет. Изредка Серёжа объясняет, что имел в виду. Чаще, когда я выпытаю, что он хотел сказать тем или иным словом, выражением или целым стихотворением, он переводит мои вопросы мне же. Тогда я начинаю гадать, высказывать разные варианты, на что он твердит: «почти» или «не совсем» и т. п.

Большая часть его произведений мне понятна, и я, не требуя объяснений, иногда могу поспорить, не согласиться. И чем больше узнаю его, тем интереснее вникать в стихи, даже те, которые были написаны «до меня» — представляю ситуацию, толчок для их написания.

К творчеству Серёжа относится серьёзно. Любит оттачивать слова — по несколько раз справляясь в словарях (ударений,

толковых, иностранных слов, энциклопедиях), сравнивая с другими знакомыми случаями у поэтов-классиков.

При такой работе с книгами он от бессистемного заглядывания в них пришёл к кропотливому изучению кого-либо из авторов в «объёме» (как он выражается). При этом анализирует, систематизирует, выбирает особенности. С некоторыми своими открытиями или интересностями бежит ко мне, говорит громко и возбуждённо, жестикулирует, радостно улыбается. И это входит в привычку — делиться информацией: он мне — о поэзии, поэтах; я ему — о живописи, художниках. Так через «объёмы» у него прошли: Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев, Есенин — это кого я увидела и помню. Сейчас, кроме них, рассказывал мне о Корнилове, Северяnine, Б. Пастернаке, Мандельштаме, Ахматовой, Цветаевой — их отдельные сборники он проштудировал, радуясь каждой свежей, оригинальной рифме, мысли, поэтике, и нещадно ругая «проходные» стихи... В оценке поэтов Серёжа максималист. Современных классиков — Евушенко и Вознесенского — на сегодня не считает эталонными поэтами. Да, раньше у них встречались стихи высокой пробы, но теперь... Возможно, исписались, или обленились, или расплылись на нечто околопоэтическое...

После вечера Аронова в Доме Цветаевой, где вновь начал работать кружок поэтов-шестидесятников «Меридиан», у Серёжи не получилось подойти к Александру со словами радости и похвалы, т. к. ему понравились стихи про котов, дальние районы, дом, кухню и т. п. Особенно про котов — такие тёплые, свежие, непосредственные и в то же время поэтичные. Кстати, на этом же вечере (куда мы попали случайно, прочитав в «Московском комсомольце» объявление типа «кому делать нечего, приходите») Серёжа познакомился лично с Сергеем Мнацаканяном — зав. отделом поэзии «МК», подарил ему свой сборник.

Через некоторое время мы случайно узнали, что в «МК», в «Турнире поэтов» напечатали стихи Серёжи. Причём обнаружилось это весело: Валентина Сидорова после телефонного

разговора со мной попросила передать поздравления Сергеем с публикацией. — «Какой?» — И тут всё раскрылось. Да и Сергей Мозалёв (ещё один из их, включая Щетинина, неразлучной троицы однокашников по институтской группе), прилетев в Москву и купив первую попавшуюся газету (а ей была «МК», именно тот номер) в Шереметьево-2 на развороте наткнулся на стихи... Конечно, публикации дают хорошее настроение и заряд бодрости для работы. Все они — в «Литературной газете», «МК», «Смене», «Москве» — важные вехи, этапы. Изматывающие надеждами хождения по редакциям — дело необходимое, но морально тяжёлое. Не все это выдерживают. Пробовал Володя Пустовитовский — не смог. Даже забрать стихи — нужно мужество. Серёжа эти хождения относит к одной из сторон жизни поэтов. Так, с сентября (как начался сезон) он обошёл журналы со «Сказанием...»: «Новый мир», «Москва», «Октябрь». И так получилось, что в «Новый мир» Серёжа отнёс вторую и третью части, а в «Москву» — первую и вторую. Пока оба издания молчат. Единственное, в «Новом мире», когда узнали о готовящейся книге, просили не подводить их и не издавать раньше выхода публикации, если она будет. Но всё равно — молчат.

9 ноября 1995 г. (четверг)

До понедельника я дома, т. к. за вчерашнюю переработку мне дали на пятницу выходной, и я могу усиленно заняться творчеством. С утра взялась за воплощение этого в жизнь. Недолго думая, решила закрепить (или восстановить) успехи лета — сделать натюрморт с цукини и тыквой в виде проработанного этюда «А ля прима» (A la prima): беря цвет в полную силу, в свободной манере, широкими мазками, так, как в августе за день (не считая карандашной подготовки) был сделан этюд «Красная и чёрная рябина». Размер этюда значительно больше предыдущего, поэтому работу завершить не успела. Пока этюд выполнен наполовину — цукини, тыква и основа корзины. Окончание завтра, но навыки восстанавливаются (хотя после двухмесячного перерыва, из-за подготовки иллюстраций, был

страх, что они утеряны безвозвратно)! Главное — отдаться своим ощущениям и впечатлениям, делать не «головой», а «глазами». Когда стало смеркаться — где-то в 16:00 — пришлось прекратить писать.

После обеда засела за чтение Л. Пастернака. Много неожиданных моментов проявляется в том времени. Так, к 1890-му году передвижники стали тормозом в живописи — их преданность жанровости стала приносить ущерб развитию русской живописи и графики. Однако некоторые из передвижников осознавали это: так, например, Репин вышел из Союза. Интересно мнение Л. Пастернака об уровне русских художников в рисунке. Он считал, что за исключением Репина, Серова, Поленова, В. Васнецова — передвижники были дилетантами, их интересовал только «сюжет».

Вечером позвонил Саша Климов и пригласил нас в субботу к 17:00 в Малый зал ЦДЛ. Там будет презентация коллективного сборника, о котором мы читали в «МК» (тираж 300 экз., необычный формат), в нём и Сашины стихи. По цепочке Серёжа позвонил Володе Пустовитовскому, Славе Васину и ещё кому-то — но мало кто сможет: один — Володя — работает на рынке, другой — переезжает, третий — Толик Поляков — сидит с ребёнком. А я — пойду с удовольствием...

10 ноября 1995 г. (пятница)

Когда я дописывала этюд, Серёжа принёс на второе прослушивание (первое было вчера) новое стихотворение «Обычное дело — осенняя скука...», которое у меня проассоциировалось с воспоминаниями о детстве (кокетство, город, снега, тесто) за исключением колкого холода, т. к. в детстве всё связано с мамой — а это уют. Холод, видимо, при недостатке ласки. Может, у детдомовских, у сирот, у детей с жёстким воспитанием это так, но в моём прочтении стихотворения — слова о холоде в диссонансе с остальными. Правда, Серёжа сказал, что подумает над этой строкой. Затем перепечатал его на лист (следующим за «Остervenело лают собаки...») и поставил «ХІ.95».

Этюд с цукини и тыквой закончен. Как-то сразу стало нечего подправлять, и значит, этюд завершён, т. к. в том стиле, в каком я его делала, он выведен от начала до конца полностью.

11 ноября 1995 г. (суббота)

Утром Серёжа продолжал читать прозу Пушкина (затем прилёг на диван), а я делала зарисовки. С Чучей такой номер не прошёл — позировать он не умеет и не хочет. Очень трудно будет с ним, а ведь как он красив: его форма законченна и элегантна в любой позе, особенно на подоконнике — недаром говорят «кошка на окошке». Очень плохо у меня с рисунком, очень! Взяла учебники: надо дальше «рыть землю» и больше, и чаще... каждый день.

Расстроилась. Стала смотреть теннис по ТВ, «Кубок кремля» — так там сегодня вылетел последний русский: сначала Волков, затем Ольховский, Чесноков (в первом круге), Кафельников (в полуфинале, тоже мало радости) — всех выбил Вацек.

Пошли на вечер в ЦДЛ, и тут — неудача. Когда рассаживались, очень озабоченный Саша Климов дважды промелькнул по залу, на ходу пожав руку Сергею. Перед самым началом, положив несколько книжек на стол президиума сказал: «Сборники можно брать, если кому интересны мои стихи», — и ушёл. Потом объяснили, что у него горе — умер близкий человек. Серёжа сразу встал и пошёл за сборником, который называется «Сердце в мышеловке». Надо будет почитать.

На сами же «Поэтические прогулки в весёлой компании...» — остались. Надо отдать должное: все поэты начинали выступление со стихов Саши Климова, а затем переходили к чтению своих. Я записывала фамилии и для зрительной памяти делала наброски в блокнотике. Но при освещении сбоку это оказалось трудным занятием. Я ещё раз убедилась, что совсем не умею рисовать. Пыталась уловить хоть что-то характерное, но всё у меня получилось одинаковое, кроме усов и длины волос. Когда мы шли домой и обсуждали вечер, Серёжа сказал, что, конечно,

группой пробиваться легче, чем в одиночку. Но в одиночку — закаляется характер.

Я так поняла, что Саша Климов — лидер среди семи выступавших человек, в том числе двух бардов-исполнителей Ирины Ракиной и Александра Косенкова, которые пели песни на стихи участников. Одним из гвоздей программы была Лена Исаева, написавшая драму в стихах, которую поставили в театре (Серёжа сказал, что в недавнем «МК» было её стихотворение и сообщение о театре, чуть ли не «вахтанговском»). Она читала тихо и практически без эмоций. Далее читали: Сергей Гловюк, Наташа Богатова, Серёжа Строкань, Ирина Ермакова.

Вечер открывал Тимур Зульфикаров — очень мрачно, я даже испугалась, что мы попали на чернушное или политическое сборище (но — обошлось). А вели его две поэтессы: Наташа Богатова и Ирина Ермакова. Они дарили выступавшим цветы, и перед каждым объявляли, что «не стоит представлять всем известного поэта». Может, Серёжа действительно прав насчёт коллективного прорыва: на людях они хвалят друг друга, правда, возможно, в рабочей обстановке — критикуют? Хотелось бы верить, но — это вряд ли.

К сожалению, я не столь тонко оцениваю поэзию: слышу ляпы, но не успеваю за всем содержанием — лишь слышу музыку стиха, и прихожу в себя только в его конце. Т. е. я слышу первую и последнюю строки. Вот «глазами» могу разобраться подробнее. И стихи мной воспринимаются лучше, если они уже знакомы...

Я немного поворчала на Серёжу за то, что опоздали и не успели посмотреть книжные киоски. Отчего осталось ощущение неудовлетворённости.

Завтра Серёжа будет звонить Саше Климову (может, нужна помощь?). Он вспомнил, как в период их разводов они вместе ездили в Лужники: гуляли, смотрели спортивные мероприятия...

Да и наше посещение после одного из «Праздников «МК» Саши и Тани (его второй жены), живущих на «Пионерской», как-то сблизил нас. Хотя и видимся редко.

12 ноября 1995 г. (воскресенье)

(~ 11:00) Ещё немного о вечере (такими вечерами живёшь некоторое время, а вспоминаешь через годы). В результате совместных выступлений оказались спеты и прочитаны стихи Саши Климова: «Свеча», «Есть дни...», «Когда-то небрежной земли ученик...», «Когда я уйду в горизонт...»

Исполнительница Ирина Ракина смотрелась по-домашнему в длинном чёрном платье в талию, распущенными пушистыми, свободно лежащими волосами и с гитарой. По её собственному признанию, она была не «при голосе» — голос высокий, и низкие ноты шли тяжело. Волновалась, возможно, оттого, что у микрофона сидел оператор в наушниках и с диктофоном. Или от зрительского внимания: одно дело петь в узком кругу, другое — в заполненном зале. Немного закашливалась и комкала проигрыши, но в целом — неплохо. Больше всего радовались сами поэты, слушая песни: «Свеча» (сл. А. Климова), «А в основном...» и «Вот зима кончилась...» (сл. Е. Исаевой), «Север мучает...» (сл. Н. Богатовой), «Мне страшно с непокрытой головой...», «Шарманщик» и «Памятник» (сл. И. Ермаковой).

Бард Александр Косенков вместе с Леной Исаевой написали спортивную песню для передачи «Теперь уже не помнят стадионы», а с Сергеем Гловюком — песню «Лебедь белая, время тает...»

Закончились выступления чтением стихов, вернее, японских коротких форм (не знаю названия) поэтессы Йоко ... (уточню когда-нибудь), которые мне понравились («...жаба на груди меж двух Фудзиям...»).

В течение полутора часов было легко и не скучно.

А сегодня после завтрака мы взялись за вчерашний «улов»: сборники стихов Саши Климова-Южина и Лены Исаевой. По ходу чтения (каждый своего), перебивали друг друга высказываниями по поводу стихов и близлежащих тем.

Серёжа ещё вчера прочёл Исаеву («интересно пишет, но не всё равноценно»). Сегодня её читала я. Стихи очень чувствительные, лирические, с «искоркой» — как говорит Серёжа. Мне очень

нравятся, за исключением некоторых, где есть напыщенность, ссылки на Орфея, Христа и других библейских персонажей. Я думаю, что просто не хватает воображения, и от бессилия или желания («эго») показать начитанность — притягиваются за уши Чацкие, Эдипы, Афродиты и прочие...

С Сашей Климовым и легче, и тяжелее. Я перед сном наобум начала читать его стихи и вскоре сникла. Запутавшись в первой половине одного из них («мерцание скопца»), я решила, что переутомилась и на сегодня хватит. Каково же было моё удивление, когда утром Сергей, со свежей головой, читая сборник, сделал упор на это стихотворение — отметив, что и хороший поэт Саша Климов до конца не дотягивает. Его стихи густые (о чём и предупреждал Евгений Рейн в предисловии). А что касается упомянутого стихотворения, то оно, неясное вначале для читателя, блестяще завершено:

*Я мать своих детей...
Я господарь,
Я зародил, —
Ты народила.*

Такие стихи хорошо читать вслух. Эффектная концовка затмит невнятное начало.

Прекрасное стихотворение «Птенец», которое мы летом слушали у Саши дома, оказывается, посвящено Сергею Гловюку, выступавшему на вечере. В целом моему Сергею сборник понравился. А я-то как рада. Мне уже казалось, что Серёжа просто «ворчун-зануда» в стихах, т. к. всех критикует и отвергает. Об этом я с радостью и сообщила ему: «Я знаю уже двух современных поэтов, которые тебе нравятся — Аронов и Климов».

И ещё. У Наташи Богатовой в одном из вчерашних стихотворений, где она летает над городом, среди перечисляемых объектов есть «арки подворотен»... Серёжа отметил, что данное словосочетание из перечисления выпадает (или требует дополнительного разъяснения), т. к. летать над подворотнями нельзя — и странно, что она этого не почувствовала...

Вчера же, когда мы шли из ЦДЛ по скользкой горке от Садового кольца к «Баррикадной», Серёжа отстаивал короткую форму стиха, где всё должно быть чётким и отточенным, тогда как в длинной форме проскальзывают неточные слова, размытые сюжеты, от которых портится впечатление, забывается начало. Его не тянет на длинную форму стиха, хотя и пробует себя в поэмах-сказаниях, «но это другое»...

«Климов мне ближе многих, ведь мы с ним из одной «школы» Викторова. Только он более динамичен. Можно было бы устроить совместное чтение стихов с общей нитью: он одно — я два коротких в ответ. Так у нас было в Старом Осколе, где мы с одним московским поэтом наперебой читали стихи у костра. И, понимая, что говорим об одном и том же, чувствовали в этом какое-то соревнование». (Серёжа)

(~ 20:00) [Викторов, как мне рассказывал Сергей, руководитель литобъединения «Весы», вначале перестройки уехал в Израиль. До сих пор Серёжа вспоминает его с теплотой и благодарностью. Слушая в январе 1993 года Сашу Климова в том же зале ЦДЛ, на презентации его книжки из коллективного сборника «Триптих», Серёжа с Толиком Поляковым, отмечая высокий уровень стихов, подчёркивали: «Наша школа!!!»]

Ходили на теннис без Вероники, а она — на день рождения к подруге. Сегодня пришло много знакомых: Виктория Рукина, её подруга (забываю имя) с мужем Николаем — играли. А вот Валентину Ивановичу Кузьмину, другу Вики, поиграть не удалось, т. к. он, оказывается, не предупредил заранее о своём намерении тренера Борю, и ему пришлось уйти. Я играю с переменным успехом. Сегодня неплохо получалось с Борей, Николаем и Серёжей. Хорошо, что я не играла с женщинами — теряюсь. У Сергея большие успехи, начинает играть с азартом, свободнее. Усталые, но довольные вернулись домой.

А дома Андрюша с Олей никак не расстанутся: ни в будни, ни в выходные! У Оли последний класс — тяжёлый год.

Позвонила художнику Саше Бухарову — уточнила, когда будут его выставки: портрет — 15 ноября; «Джордж Вашингтон» — 28 ноября (уточнить: можно ли взять Polaroid?) в ЦДЛ.

Серёжа за ужином по-доброму смеялся над тем, что я заварку из чашки (холодную) вылила обратно в заварочный чайник. А я вспомнила маму, как она даже лишнюю спичку не зажигала, если горела конфорка — брала уже использованную и зажигала от неё. Некоторые считают, что это шутка — «экономить на спичках». Но всё зависит от благосостояния.

Мама иногда рассказывала. В 1933 году (ей было шесть лет) вместе с родителями, сестрой Таней и братом Иваном, продав дом-хату (то ли в Ахтырке, то ли в Сумской области — в общем, где-то на Украине) за ведро брюквы (я не ошиблась в цене — ведро, а брюква — корнеплод типа свёклы), без паспортов, которых у крестьян не было (ведь их выдавали с разрешения сельсовета), всё бросив, решили добираться на Дальний Восток — в Хабаровск. В маминых рассказах дедушка — Семён Никанорович Балычев — совершил подвиг. Когда приходили то ли белогвардейцы, то ли анархисты, то ли бандиты или ещё кто — его связали и повесили за руки. И так он провисел, пока его не сняли красные. В моём представлении это был героический казак в шапке, сдвинутой на бок.

А вот в 1932–1933 годах (когда на Украине был страшный голод, неурожай, смертность) брат Семёна Никаноровича — не знаю, как зовут, надо уточнить — оставил на вокзале своих двух детей, дочь и сына, на лавочке, сказав, что пошёл купить гостинец. Так хоть была надежда, что их подберут и отправят в детдом (кстати, что и случилось, но только они попали в разные детдома и встретились уже взрослыми семейными людьми после смерти родителей).

Мой же дедушка — Семён Никанорович — добрался с семьёй до Хабаровска, но его жена — моя бабушка Прасковья Ивановна — была на грани истощения, еле передвигалась (последняя стадия дистрофии?). Семёну Никаноровичу пришлось «выправлять» документы в дальней деревне (там было меньше бюрократии), где вместо жены уговорил представить-

ся соседку, которая при выписке паспортов и свидетельств о рождении детей, не помня всех данных, переврала годы и даты. В результате чего мама стала на год старше (не 1927 года рождения, а 1926-го — что позднее ей, в отличие от других женщин, нравилось, т. к. мой папа — Виктор Павлович Горячев — был старше её на одиннадцать лет, по-новому же, выходило, на десять). Дедушка устроился сторожем (достоверность должностей не гарантирую) на мясокомбинат — там давали кости. И ещё он работал сторожем-завхозом в школе, где они и жили. Голодали. Бабушка Паша — так её звали — болела. Моя мама, Анна Семёновна, рассказывала: «Помню, вечером мы, трое детей, сидели у котла, а мама варила, что-то мешала, мешала. А мы ждали. Мама сказала, чтобы мы спали, а когда будет готово — она нас разбудит. И мы, согревшись, заснули под монотонное помешивание. А мама мешала камни в котле...» Потом, окрепнув, Прасковья Ивановна ходила со старшей дочерью (Аней) по деревням, меняя что-то на еду или просто прося милостыню. В одной деревне была свадьба, и в неразберихе моей маме удалось стащить целую буханку чёрного хлеба!

И ещё, чуть позже, перед самой войной, мама поступила в училище связи. Когда война началась, их — 15-летних — отправили на лесоповал, на корчёвку. В слякоть ли, холод — они выходили на просеки и работали по колено в ледяной жиже без сапог, почти босиком. На день выдавали полбуханки. Мама отрезала четвертинку и, высушив, прятала в мешочек — для дома. А навещая родителей и сестру, отвозила им этот подарок. Ваня же, уйдя на фронт с сибирскими отрядами, в 1943 году был смертельно ранен под Сталинградом (будучи наводчиком зенитки) и госпитализирован в Саратов, где и скончался.

Я с сыном Андреем искала могилу моего дяди — Ивана Семёновича Балычева. Но на братской могиле мы нашли «И. С. Булычева», сфотографировали. Маму, решившую, что в фамилии сделана ошибка, это успокоило. Но папа справлялся повторно в архиве МО и получил ответ, что это не тот. Папа так и не сказал об этом маме.

В 1945-м мои родители познакомились. Мама вышла замуж за папу и уехала от родителей навсегда. Но очень любила и жалела их, помогала, как могла, в том числе и деньгами. Последний раз видела отца в 1953-м (?), проездом из Китая. А бабушка приезжала после его смерти в Москву, где они с мамой не могли насмотреться друг на друга, ходили вместе из комнаты в комнату, сидели рядышком, взявшись за руки, прогуливались около дома. Бабушки, впрочем, как и мамы с папой, уже нет в живых...

Вот к каким воспоминаниям привела экономия заварки.

[Найти листочек с древом мамы.]

13 ноября 1995 г. (понедельник)

Серёжа позвонил в «Октябрь», но там сказали, что «Сказание...» (первая и вторая части) не подходит. В «Новом мире» — пока молчат. У меня же сердце щемит, когда я слушаю эти разговоры. Серёжа старается быть спокойным в общении с очередными редакциями. Иногда перекидывает подборку из одного журнала в другой. Я молю Бога: пусть хоть иногда публикуют — для тонуса, чтобы не терялась работоспособность. Забирая рукописи в изданиях, Сергей иногда спрашивает: «Стихи вам не подходят по уровню или по тематике?» В последнее время говорят, что по тематике. В начале 1990-х говорили более открыто, мол, не хватает социальной направленности, «чернухи» — чем тогда и была забита вся периодика. Всё-таки как хорошо, что мы делаем эту книгу!

Я тут предложила Серёже в дальнейшем, после «Книги второй», сделать сборник избранного (как он хотел) с цветной обложкой или суперобложкой — что дешевле. А на неё вынести репродукцию картины маслом, которую я уже представляю в общем виде: Серёжа в кресле за чтением, писанием или машинкой на фоне окна с цветами и Чучей на подоконнике. Я даже сделала два наброска. Надо делать этюды с кота и Серёжи, но у меня всё упирается в рисунок. Разве что — попробовать в цвете. Представляется что-то (начита-

лась Л. Пастернака и импрессионистов) немного нечёткое, но живое: освещённые листы книги, окно, тёмный профиль Сергея и силуэт Чучи.

И ещё одна идея. Сначала пришла её половинка — написать парную картину с «Цукини и тыквой» в холодных, но светлых тонах. «Цукини...» были в гармонии родственных цветов (жёлто-зелёных). А если взять: крынку, яйца, хлеб — с салфетками пастельных тонов? Далее идея вылилась в четыре — по временам года — натюрморта: лето — красно-зелёный — ягоды, фрукты (контрастные цвета); цукини — осень; крынка — зима; а весна — надо думать, может быть, редиска или просто первая зелень, тонкая и свежая. У меня как раз есть четыре одинаковых формата — из тех, что привезла Наташа, Серёжина сестра. Завтра начну, если Серёжа успеет купить или найдёт яйца (желательно белые) и чёрный хлеб, в крайнем случае, возьму картошку.

После всех этих задумок решила посмотреть по video техники Пластова и Осьмёркина. Смотрела и училась, как лепится форма, объём, решается освещённость, разделение на холодные и тёплые тона. У старых мастеров мазков не видно (тем паче с экрана), зато у них очень чётко, даже в некоторых случаях пестровато, ломаются плоскости. Во всём нужна гармония — так говорит и к этому всегда стремится Серёжа, и я за ним.

За Осьмёркиным пошла запись о художнике-графике Сергее Харламове. Я её смотрю не в первый раз. Причём первым проявил к ней интерес Сергей — особенно к тем философским мыслям, к тому кредо, которые выдвигал художник. Я сначала интересовалась живописью и на графику не обращала внимания. После работы над иллюстрациями стала по-другому смотреть на графические работы и больше видеть. У нас, оказывается, есть работа Сергея Харламова в книге о Сергии Радонежском — икона с мощами. О ней также говорилось в передаче. Как всё в жизни связано, и — мир порой представляется с неожиданной стороны, открываются гармонии, которых ранее не замечала, проходя мимо них каждый день.

Сергей Харламов считает, что имя человеку даётся свыше. И он интересуется великими Сергиями: Радонежским, Есениным.

А я задумалась: какое имя было бы у меня по святцам? И что оно значит? И как у меня изменилась бы судьба с другим именем? Ведь даже папа, когда шёл регистрировать, хотел меня назвать Ольгой, а потом вдруг изменил решение и назвал Ириной. Да и дату придумал — записал восьмого марта, а когда я родилась на самом деле? Где-то около того... Одно утешает, что я всё равно «рыба». Да и место рождения со временем изменил: Порт-Артур (Китай) на Москву (СССР). И получается, что от моего действительного дня рождения ничего не осталось, и в живых, кто бы мог ответить на мои вопросы, уже никого нет.

Вчера искала в бумагах «древо» моей мамы, подобие которого я записала со слов тёти Татьяны Семёновны после маминих похорон в мае 1988 года (на отдельном листе, подобно тому, что сделал в своё время папа). И не нашла. Это ужасно. Плохая память. Возможно, когда стала набирать дневник воспоминаний отца на компьютере, я вытащила этот лист и переложила его в укромное место. Оказалось, очень укромное для всех. Так пропадает память поколений. Недаром о русских говорят: «Иван, родства не помнящий». Безалаберное отношение к предкам. Хочется, но не можется восстановить родословное древо моё. Хочется и изобразить любимых людей на портретах — теперь по памяти, по фото. И, может быть, я ещё сделаю всё это, мучающее меня словно невыполненный долг перед родителями. Но надо учиться рисовать.

Серёжа посвятил готовящуюся книгу «Сказание о сколотах» родителям и их поколению — видно, у него тоже было что-то подобное. А я чем могу? Тем, что рисую, пишу Ильинский Погост, церковь, дом. Хотелось бы написать и портреты родителей — вместе или отдельно. Вспомнить их характерные позы, любимые занятия.

Отец, наверное, с газетой, в очках, и взгляд поверх них. В синей рубашке, джемпере с пуговицами, за столом, в кухне, где можно и перекурить «Беломор».

Мама, может, лежит на диване в бирюзовом халатике с короткими рукавами и розочками. А рядом палочка, штопка на стуле и баночка из-под халвы с нитками, «грибок», подушечка с иголками, ножницы. Она штопает Андрюшины носки.

А вместе? Может, как они машут нам с Андреем из окна на Большой Филёвской улице? А мы, уже пройдя два дома, всё оглядываемся на уже просто светлые пятна — силуэты в окне и тоже машем, машем.

Может, поэтому и я всегда машу в окно всем, кто выходит из моей квартиры. Да и сама оглядываюсь на окна, откуда теперь уже мне машет Серёжа. И всё же есть связь с тем окном на Большой Филёвской. И опять всё упирается в моё неумение рисовать.

Ещё есть интересные варианты с деревней. Почему-то там и мама, и папа вписываются в сад очень гармонично: мама стирает на столике у терраски, папа и мама в беседке, мама в беседке, папа у дома на лавочке, на ступеньках террасы, на террасе.

14 ноября 1995 г. (вторник)

Сегодня первый из нерабочих вторников. Наталья Константиновна Смирнова сказала, что за третий курс ЗНУИ у меня осталось одно занятие. Следовательно, надо поусиленнее подготовиться — сделать хорошие выпускные работы. Поэтому в НГУ, где я работаю, взяла второй выходной, кроме четверга.

Сделала карандашную разметку и загнувала картон под зимний натюрморт: крынка, буханка, яйца, салфетки, доска. Пока ему сутки сохнуть — продолжила чтение Л. Пастернака: закончила вторую часть «Моих встреч» и начала третью, «Встречи с Л. Н. Толстым». Очень познавательно.

◇ Узнала о талантливом художнике Ник. Дм. Кузнецове, как пишет о нём Л. Пастернак, барине, гостеприимном хозяине, друге Репина, Поленова, Васнецова (ещё с Одессы). А родная дочь Маруся (от Гали-«наймитки», ставшей его женой), Мария Николаевна Кузнецова-Бенуа — звезда парижской оперы.

◇ О том, как Шишкин учил Л. Пастернака технике офорта, и ввёл ученика, превзошедшего учителя, в Училище.

◇ Об Н. Н. Ге, бывшего другом Толстого и моложе его на три года, считавшего Л. Пастернака своим продолжателем и написавшим его на картине с Л. Н. во время чтения рассказов.

◇ Особенно нов и интересен оказался рассказ о бессребренике Н. Ф. Фёдорове из Румянцевской библиотеки, который вёл аскетический образ жизни, был философом, встречался с Толстым, Соловьёвым.

◇ О встрече с Рильке; его женой стала скульптор, ученица Родена; Рильке первый сообщил Л. Пастернаку о молодом таланте его сына Бориса, представленного ему ещё в десятилетнем возрасте, и выходе в Париже его стихов на французском.

◇ О том, что Л. Пастернак своей бодрой улыбкой во время вступительных экзаменов случайно оказал помощь Н. Крымову после просмотра его работы «Юпитер».

◇ Об историке Ключевском и политэкономе Чупрове, на лекции которых сбегались все студенты Московского университета.

◇ Как по фотографии писал портрет Коковцева (председателя Киевско-Воронежской ж/д), после чего узнал, что слово «художник» — «худо» — «чудо».

◇ О художнике Ловисе Коринте, который и частично парализованный писал картины, прижимая палитру к груди.

◇ О художнике Максе Либермане, который затаил неприязнь к Л. Пастернаку за критические замечания при избрании его президентом Берлинской академии художеств.

Но особенно оказалась мне близка и интересна часть о Льве Толстом. С одной стороны о его ласковости, простоте — результате духовной работы над собой, в том числе над обузданием громадного темперамента; с другой стороны — такие странные цитаты с выставки передвижников (?!): «В натуральную величину, мне кажется, надо писать вещи важные, значительные по содержанию, исторические события и т. п.».

И — как судьба определяет пути: Л. Пастернака не приняли в Московскую академию художеств из-за того, что его соперником на единственное место была графиня Толстая — дочь Льва Толстого Татьяна. Но всё что ни делается — к лучшему:

Л. Пастернаку пришлось учиться в Мюнхенской академии художеств, после чего он оказался в Москве, где ему предложили преподавать в Училище. И вот он стал преподавателем у своей бывшей конкурентки. Правда, Л. Пастернак высоко отзывается о таланте молодой художницы, которая из-за оказания помощи отцу (вместе с сестрой и матерью вела переписку произведений и корреспонденции) редко посещала Училище.

Л. Пастернак полюбился Л. Толстому, он одобрил его работы по иллюстрированию «Войны и мира» и позже заказал ему иллюстрации к «Воскресенью».

Серёжа перепечатывал часть стихотворений для новой подборки в периодику, а позже ездил к нотариусу — оформив доверенность для поездки Вероники в Париж со школой.

15 ноября 1995 г. (среда)

(18:15) На вернисаж к Саше Бухарову решили идти в четверг, когда у меня свободный день.

Сегодня начала зимний натюрморт. С буханкой и доской как-то сразу пошло, а вот на крынке застряла — перетемнила. Завтра возьмусь за тарелку и салфетки, а к крынке вернусь в конце. Я поняла, что именно первое впечатление — верное. А чем дольше присматриваешься, тем хуже видишь цвет (глаз устаёт). В какой-то учебной литературе я прочла, что необходимо каждый час делать небольшой перерыв, или отвлекаться на что-то другое, или совсем откладывать намеченное, если не идёт сразу. Как бы моя задумка не осталась лишь мечтой. Завтра покажет. Главное не бояться брать цвета, но и не спешить. Анализировать.

Серёжа с утра подготовил подборку для журнала и уехал раньше меня. Мы решили в книге «Сказание о сколотах» дать контактный телефон — Серёжа прозвонился в издательство, где, кстати, сообщили, что на следующей неделе надо будет встретиться по поводу завершения макета.

На работе, за чаем (моим любимым, из бергамота), поговорили с Натальей Святославовной Бабкиной — можно сказать единственной «подружкой» в НГУ, т. к. ни с кем больше я тут не сошлась.

Оказывается, у Натальи Святославовны в детстве была склонность к рисованию. И отец отдал её в студию при Доме архитекторов, куда она ездила с бабушкой, пока та была в силах (со временем занятия пришлось бросить). Позже, проведя много времени в больнице (из-за травмы позвоночника в результате аварии), она, конечно, захотела стать врачом. Но не поступила в медицинский, и за компанию с подругой пошла в технический вуз — МИЭМ (тогда заочный машиностроительный). Так и проработала всю жизнь инженером. А недавно астролог, составлявший её гороскоп, сказал, что у неё нереализованные гуманитарные способности — и что всё надо менять. Как же всё бросить, если семья включает внуков и две работы? Не получается, и приходится жить, не реализуя свои способности. Жалко! Может, хоть на пенсии попробует? Дай Бог! А смогу ли я выразить себя?

Сергей проездил в журнал «Москва» без толку. Нужного человека не было. Приехал домой и слёг с горлом и слабостью. Померила температуру ему (36,4°) и себе (37,3° — ?).

Вспомнила ещё один интересный момент из вчерашнего чтения. Когда Л. Пастернак пришёл к Л. Толстому с иллюстрациями «Войны и мира» для уточнения деталей. Автор, плохо помнивший свой роман, высказал мысль о развитии сюжета (правильную и для живописи), обобщив: «Всё развёртывается само собой, одно следует из другого с естественной закономерностью самой жизни». И ничего ни прибавить, ни убавить...

16 ноября 1995 г. (четверг)

(~ 20:00) Мой учебный день — четверг — прошёл с большой пользой. С утра, часов с 10:00 до 14:00 занималась натюрмортом. Дописала тарелку с яйцами, салфетки, фон. Завтра подправлю крынку и блики. Объёмность и материальность более-

мене (крынка не в счёт), а вот с тональностью, выдерживать определённый колорит всей картины ещё трудно. Увлекаюсь цветностью, импрессионизмом.

Серёжа сегодня решил переработать одно своё стихотворение, посвящённое мне. Заменял слова более точными и пришёл ко мне читать, когда я дописывала «зимний натюрморт». И этот вариант я поняла сразу, в отличие от предыдущего, а, казалось бы, заменено всего несколько слов: «задохнуться, как от удушья» на «содрогнуться от невозможности» и «тщетных» на «рьяных».

Посвящение

И. В. Т.

Интуитивно, по звуку, на говор, словно младенца, не знающий слов, я уловлю позывные любимой из миллионов подобных миров. Это несложно. Прислушаться надо. Тихо войти в приоткрытую дверь. И ощутить за порогом тревогу, и нестерпимость грядущих потерь. И содрогнуться от невозможности в рьяных попытках себя оправдать за безучастность, за невнимательность, за неумение сопереживать.

А после обеда ходили в ЦДХ на выставку Александра Бухарова и его друзей.

Приятно рассматривать картины, когда знаешь художника, его работы. Но на этот раз Саша несколько удивил: он опять в поиске — решил совместить пуантилистический фон с гладкой реалистической живописью. Причём фон — даже не покрашенный грунт — создаёт воздух, словно разбавленный точками. К выставке он готовил семь портретов девушек: пять из них — в ЦДХ, два — на «Речном вокзале», в выставочном центре «Динамо». Названия картин в ЦДХ: «Понедельник», «Вторник», «Четверг», «Суббота» и «Воскресенье». Картины обрамлены «рамами» из фото натурщиц. «Понедельник» — озорная девушка, молодая женщина, подросток, сорванец с хвостиком и большими глазами. «Вторник» — с таксой, вытянутым лицом и ассиметричной причёской. «Четверг» — роскошная монголка со свечой, горящим шаром в руках. «Суббота» — русская красавица

с тяжёлой косой на голове, русыми волосами. «Воскресенье» — тучная брюнетка на фоне стилизованной шахматной доски.

Второй художник — Вадим Мещанинов — скорее плакатист. Его герои — агрессивны, вызывающи, то же и картины — броские, как аппликации, даже ярче фото, которые их обрамляют. Чувствуется динамика, темперамент автора.

Нам, кроме Саши, понравился Сергей Некрасов с его живописью под старину (картины: «Голова человека»?, «Московская Джоконда», «Что есть истина?» и «Московская Эйфелева башня»). И — очень неплохая графика на тонированной бумаге Алёны Ливень (карандаш, пастель). Но нежные цвета её картин дисгармонировали с фото, забивающими соседствующую графику.

Фоторамки выполняли: Вячеслав Краснопёров, Андрей Харитонов, Сергей Бабенко...

Выставка связана с французской фирмой и якобы со вторника (21.11.95) будет продолжена показом причёсок моделей прямо в зале. Затем она переедет во Францию (?). Дай Бог им удачи!

После зала Саши Бухарова (№ 15) ещё раз заглянули на выставку Андрияки. Увидела натюрморт с фонариками, оказывается, они называются физалисами: пять веток в керамической шарообразной вазе, приплюснутая тыква с полосками, три куска тыквы и серебряный нож — на коричнево-красной скатерти.

Некоторые картины рассматривали вблизи. При кажущейся небрежности линий получается точная передача — в работе чувствуется свобода и уверенность, ощущение цвета.

В субботу 18 ноября в 12:00 будет встреча с художником. Было бы интересно сходить (каталог репродукций стоит уже 60 тыс.).

Спустившись в фойе, мы обошли книжные киоски, но (имея в кошельке около 14 тыс. до зарплаты) просто полюбовались ими.

17 ноября 1995 г. (пятница)

Подправила зимний натюрморт.

Хотела поехать за зарплатой, но — деньги задерживают до вторника.

На работе читала «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой. Оказывается, у Л. Н. было 13 детей (но многие умерли в детстве). Последнего они родили в 1888 году, когда жене было за 40 лет.

Вечером позвонил Саша Климов, поговорил с Серёжей о похоронах отца. Серёжа предложил собраться у нас их компанией («Весы»). Хорошо бы это приурочить к выходу нашей книги.

У Андрея вечеринка (в честь дня студентов?): Дима Трунькин и две девочки. Надеюсь — без ночёвки.

Серёжа весь вечер спрашивает: «Ты меня любишь?» Я целую его нос, лоб, губы, глаза: «Конечно дорогой!» Через полчаса опять... Что-то у него на душе тяжело.

18 ноября 1995 г. (суббота)

Сегодня «домашняя суббота» — т. е. целый день мы не выходим из дома. Занимаемся делами, читаем, смотрим TV, разговариваем.

Я немного поработала: очередной набросок. Серёжа в кресле. Очень хочется написать хоть жанровый этюд: Серёжа за работой. Иногда кажется, что если начать цветом, то получится (в отличие от рисунка). Но это маловероятно.

Андрея с Олей отправили к 12:00 по бесплатному приглашению в Дом кино (на «Белорусской») на просмотр фильма — как оказалось «Шырлы-мырлы», с участием Угольников и др. Интересен отзыв Андрея, что если бы это был не коммерческий фильм, то было бы лучше (переигрывают).

Просматривая программу TV на следующую неделю, мы обнаружили интересную передачу в субботу и воскресенье (25 и 26 ноября) — премьеру английского фильма о «Битлз» (шесть серий) 1995 г. Серёжа очень обрадовался, ведь это его любимый ансамбль и он даже уже записал о них две плёнки с TV, а тут сразу шесть серий, да ещё отличного качества — Англия. Пришлось отказаться от намерений сходить на «Трилогию» в Театре на Юго-Западе. Свои два билета отдадим Андрею с Олей, а два других — Веронике с кем-нибудь (другом или подружкой). Правда, я извинилась перед Светочкой Довгер за отменённое

обещанное мероприятие, сказав, что не смогу пять-шесть часов высидеть в душном зале (я это выдумала из-за Серёжи). Но она поняла и — согласилась. Да и Серёже так будет легче.

Сегодня в Новостях показывали бюллетень для голосования — 17 декабря — в Государственную Думу. В нём более 40 (сорока) партий и объединений!!! Опять крайности, то одна партия, то — десятки (а не прошло ещё 20!). За кого будем голосовать? Мы не знаем программ большинства партий, но из информации, получаемой по TV, из прессы, разговоров с людьми — думается, за Гайдара, Явлинского, Черномырдина или Борового. Впрочем, последний («Партия экономической свободы»), по-моему, не прошёл, хотя он нам симпатичен как человек и как умница. Мне даже иногда кажется, что если бы Серёжа обратился к нему за помощью в издании книги, то он помог бы.

Если за Гайдара — то по привычке, он олицетворение демократии за последние годы, но не лидер (я имею в виду не данные, а манеру держаться, общаться).

Если за Явлинского — то, скорее, по слухам о его удачных реформах у Немцова в Нижнем Новгороде.

Если за Черномырдина — то за его стабильность, чтобы не было потрясений и кардинальных перемен. Пусть работают, ведь если придут новые люди, то им придётся всё заново набирать себе, прежде чем о нас думать. А у теперешних — уже всё есть.

А в общем, за Россию — за её, а значит, и нашу свободу!

Хотя хотелось бы, конечно, чтобы центристы объединились против крайних, но не получится — никто не хочет уступать.

Дочитывала воспоминания Л. Пастернака о Л. Толстом. Согласна, что талант в человеке предполагает непосредственность восприятия, почти детского — такого, как у Л. Н. при виде обезьянок в окне. И я стала анализировать Серёжины поступки. Радость при виде уснувшего в «калачике» кота Чучи, всепрощение его проказ, которые иногда просто выводят меня из себя (порча наших и чужих вещей: перчаток, сумок, книг, документов, одежды, обуви, посуды, обоев и пр.).

А в деревне Серёжа дружил с Лашкой, Лашей, Глафирой — собакой моей сестры Наташи. Рыжая, усатая, глазастая Лаша отвечала ему взаимностью. Он называл её Чучей. Да и всех живых тварей мы теперь зовём Чучами (даже букашек, любых зверей, бездомных и «домных» животных).

19 ноября 1995 г. (воскресенье)

Хорошая усталость после тенниса. Ванна. Отдых. Вика Рукина сегодня похвалила нас за техничность. Я удивилась. Но стараюсь же (может, это видно со стороны?). Хотя занимаюсь с 1987-го — когда после смерти папы врач посоветовал заняться спортом (т. к. на нервной почве стали болеть суставы).

Вот Серёжа молодец — он всего-то ракетку держит с 1993-го. За два года так научиться! Он очень упорный и обязательный.

Сегодня с утра продолжала читать Л. Пастернака, его отдельные заметки. У меня что-то проясняется со сложившимися в те годы группировками художников:

- передвижники;
- Мир искусства (Санкт-Петербург);
- Общество 36 художников (Москва);
- Союз русских художников.

Л. Пастернак помог мне решить вопрос с авангардом. «И в наше время живопись, пройдя через все «измы» и выродившись в простую бессмысленность — вроде наклейки газетной бумаги на холст или езды по холсту на велосипеде, — исчерпав всю свою энергию на подобные выдумки, должна будет встать и обязательно встанет на путь изучения и передачи правды в природе вещей и природы и тем самым выйдет из застойного тупика. Через стремление к заложенному в человеке от природы чувству правды, чувству природы, через портретное искусство, живопись, да и все виды изобразительного творчества выйдут на здоровую, правдивую и настоящую дорогу».

Это радует, что такой большой мастер, каким был Л. Пастернак, верил в выход искусства из тупика — ведь любая крайность это тупик (в чём мы убеждаемся не только в искусстве).

И, возможно, после 70 лет официального застоя (конечно, не отбрасывая отдельных достижений, хотя бы Осёмёркина, Пластова и др., но не принимая таких как Глазунов, даже Шилов — красавец, фальшь) в конце этого века, вернее, тысячелетия и вначале следующего — будет всплеск, прорыв. Ведь количество переходит в качество, но на новом витке развития цивилизации.

Мои соображения о рисунке были подтверждены в отдельной статье, где приводятся высказывания Микеланджело, Энгра, Делакруа и сами размышления Л. Пастернака.

[И ещё: писать натюрморты и пейзажи может и дилетант, но он не может сделать портрета!]

Говоря об английском художнике Тёрнере, Л. Пастернак называет его предшественником импрессионистов. Мне Тёрнер очень нравится — его воздушность, неоднозначность. И то, что о нём говорит Л. Пастернак, я полностью поддерживаю.

Вечером — КВН, чтение. Серёжа читает Пушкина. Жалует Чучу, намочившего на удлинитель, называет его шкодливым ребёнком и гладит.

Веронике отвезли «Что делать?» Чернышевского. Неужели его ещё изучают, даже как не лучший пример «окололитературиности»?

20 ноября 1995 г. (понедельник)

(~ 15:40) Кое-что интересное из книги Т. Л. Сухотиной-Толстой «Воспоминания» (для памяти, сравнения, проверки, уточнения, осмысления и т. д.).

«...Фета мы (дети. — И. Т.) не любили. Нам не нравилась его наружность: маленькие, резкие чёрные глаза без ресниц с красными веками, большой крючковатый сизый нос, крошечные, точно игрушечные, выхоленные белые ручки с длинными ногтями, такие же крошечные ножки, обутые в маленькие, точно женские, прюнелевые ботинки; большой живот, лысая голова — всё это было непривлекательно...»

«...Мои родители очень любили его. Было время, когда папа находил его самым умным из всех его знакомых и говорил,

что, кроме Фета, у него никого нет, кто так понимал бы его и кто указывал бы ему дурное в его писаниях...»

Читая про Агафью Михайловну, бывшую крепостную, горничную бабки Л. Толстого — прослезилась. До чего яркими бывают личности, невзирая на состояние и образование. Одно из качеств, ценимых мной — душа. Даже не всякая яркая личность имеет её в достаточной степени. А вот при их сочетании — человек необыкновенный. Иногда их даже называют странными. Так и Агафья Михайловна.

Как вспоминает Татьяна Львовна, в 1870 году Л. Н. стал серьёзно изучать греческий язык, а ему было уже за 40, точнее, 42 года. [И оказывается — мой Серёжа прав, что никогда не поздно учиться. Если уж сам Лев Толстой не ленился, то нам и подавно надо учиться всему. И живописи в том числе.] И с каким восторгом он это делал, как это его стимулировало!

«Как я счастлив, что на меня Бог наслал эту дурь. Во-первых, я наслаждаюсь, во-вторых, убедился, что из всего истинно прекрасного и просто прекрасного, что произвело слово человеческое, я до сих пор ничего не знал, как и все (исключая профессоров, которые, хоть и знают, не понимают), в-третьих, тому, что я не пишу и писать дребедени многословной вроде Войны я больше никогда не стану...»

Меня поразила Татьяна Александровна Ергольская, которая жила в Ясной Поляне и являлась ну очень дальней родственницей, после того, как отец Льва Николаевича овдовел — взяла на себя воспитание четырёх детей, отказываясь при этом выйти замуж за него.

(~ 22:30) С утра Серёжа, продолжая читать А. С. Пушкина, дошёл до «Дубровского».

Я делала набросок (20 × 30) жанровой композиции: Серёжа читает книгу, Чуча на подоконнике. Никак не удаётся Серёжина голова — ни в пропорциях, ни в похожести.

P.S. Серёжа в последнее время пристрастился к телеиграм: «L-клуб», «Угадай мелодию», «Проще простого», а теперь ещё и «Каракули». В первую очередь его привлекают ведущие:

Ярмольник, Фоменко, Гришечкин. Он с таким удовольствием смотрит и так радуется, что даже странно.

Я его упрекнула в таком растрачивании времени. На что он ответил, что подсознательно работа идёт — он обдумывает, вынашивает свои идеи. И что он согласен с Андриякой, его творческой манерой — он делает какие-то зарисовки, наброски, а уже потом творчески их перерабатывает, где-то изменяет, пропускает через себя.

Наверное, Серёжа прав — от усидчивости таланта не прибавится. От чтения книг о великих и следования их советам — не станешь способнее ни на йоту. И, наверное, пора становиться не хорошим художником (что поздно), а хорошей женой. Хотя у каждого своё понятие о хорошей жене. У одного — это значит женщина, хорошо выполняющая всю домашнюю работу. Для второго — следящая за своим видом, фигурой, модой. Для третьего — соратник в борьбе, компаньон в деле. А может быть, интересный человек, умный. Просто мать его детей.

21 ноября 1995 г. (вторник)

Сегодня у меня санитарный день, и я его провела на диване. Пробовала рисовать Серёжину голову — в наброске. Ничего не получается.

А Серёжа читает Пушкина. Уже прочёл «Пиковую даму» и «Кирджали» (повесть). В «Пиковой даме» Лиза не утопилась (как в опере), а благополучно вышла замуж.

И вообще — день прошёл нудно, при общей слабости.

В новостях сообщили о смерти фигуриста Гринькова, партнёре Гордеевой — чемпионов мира и зимней олимпиады 1994 года. В возрасте 29 лет случился сердечный приступ во время тренировки (на отборочных соревнованиях в Америке).

Когда я хотела продолжить записи и попросила передать мне папку с «мемуарами», Серёжа засмеялся. Я смутилась. Но он меня подбодрил: «Я бы и сам этим занялся, но не умею писать письма. Зато в старости будем читать и вспоминать!»

Ну вот, теперь я знаю, зачем пишу — чтобы в старости радоваться! Тогда может надо изменить тематику записей? Я

записываю то, что мне ново или интересно. Буду уделять место и семейной хронике.

Утром за завтраком смотрели программу Андрея Караулова, который брал интервью у министра спорта Шамиля Тарпищева. И просто удивлялись этому неумному косноязычному журналисту, который задаёт нетактичные и риторические вопросы, говоря от имени народа — манеры комсомольско-партийного лидера. Почему его держат на TV, ведь есть много талантливых и умных людей среди журналистов. Караулов всё пытался у Тарпищева про Чечню, и почему вдруг все стали играть в теннис, как Ельцин (!!).

Серёжа звонил с извинениями барду Андрею Чиркову, который приглашал его на прошедший вчера творческий вечер в «Известиях», а он — не пошёл.

Сегодня в издательской фирме обещали, что в среду макет книги «Сказание о сколотах» будет готов. До завтра!

Только что посмотрели фильм киностудии Довженко «За двумя зайцами». Я его не видела, а Серёже — нравится. В этом фильме он когда-то впервые увидел Олега Борисова. Крылатая фраза: «Барышни легли и просят» — как раз отсюда.

23 ноября 1995 г. (четверг)

Да, вчера не удалось внести записи в дневник: на работе всё время работала. Вечером увлеклась макетом, который, как первый вариант, принёс Серёжа.

О макете. Если оценивать в целом — ничего: т. е. ни хорошего, ни плохого, что-то серое, непонятного настроения и временной принадлежности (это всё про обложку).

После поисков, просмотра аналогов, учёта содержания — решили, что нужно что-то контрастное. Например, чёрно-красно-белая гамма с использованием стилизованного шрифта (под старину, ижица?). Может быть так:

- буквы чёрные на белом фоне;
- красная полоса с чёрными фигурами;
- бордовый общий фон с белыми буквами заглавия и чёрные фигуры;
- стилизованный шрифт в названии.

Фото на последней странице обложки уменьшить в полтора раза. На титуле шрифт стилизованный, как на карте.

Вот и все требования. Сегодня Серёжа отнёс замечания обратно. Фирма обещала всё исправить и к концу следующей недели выйти на типографию. Я волнуюсь и никак не могу переключиться на живопись: то пишу образцы оформления книг, то готовлю обед — всё думаю, что же не так, чего не хватает?

Когда Серёжа вернулся, то сказал, что, оказывается, они забыли о цвете и очень извинялись.

24 ноября 1995 г. (пятница)

Ура! Кажется, первый эскиз маслом с Серёжи получается не таким страшным, как я думала. Серёжа даже узнаваем. Завтра второй сеанс. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Что я решила: главное смело делить на цвета и тени, тёплые и холодные, не вдаваясь в детали. Надо продолжать в том же духе.

С обеда Серёжа поехал в Бутово к родителям, скрести полы. Взял старый спортивный костюм, тапочки. Боюсь, что за эти три дня у него будет большая нагрузка на спину, а ведь у него «слабый» (после травм) позвоночник. Завтра ему предстоит помогать Юре Гончарову переносить мебель от знакомого, живущего в соседнем дворе и уезжающего за границу. Правда, там будет несколько друзей, в т. ч. и Демидов. Потом, в 18:00, он хотел начать записывать «Всё о Битлз» — Англия, шесть серий 1995 года. И ему придётся поторопиться у Юры и улизнуть с неизбежного мальчишника (мы даже билеты в театр отдали Андрею с Олей, чтобы записать этот фильм). А в воскресенье — теннис. Ещё не так давно, в 1992–1993 годах, Серёжу по ночам, да и днём мучили боли в позвоночнике. Тогда он делал дыхательные упражнения и просил помассировать спину. После двухлетнего занятия теннисом (с осени 1993 года) мышцы спины окрепли, но при длительной и большой нагрузке может всё вернуться.

Сегодня на работе — день рождения у Натальи Святославовны Бабкиной. Поздравлю чем смогу (что мне самой интересно — Гойя «Капричос»). Будет чай, сладкое — это наши

маленькие радости. Наталья Святославовна очень порядочный человек, что в наше время редкость. И если учесть, что она спокойная и выдержанная, внимательная и просто добрая — это уже много. Ей трудно — хочется помочь всем дочкам, мужу, друзьям, родственникам. Всем уделить внимание — и она разрывается между двумя работами и разросшейся семьёй. Дай Бог ей счастья и здоровья!

26 ноября 1995 г. (воскресенье)

В субботу нам позаниматься не удалось. Сергей помогал перетаскивать мебель. А я после магазина созвонилась со Светочкой Довгер, и мы встретились во второй половине дня. Светочка приготовила вкусную курочку, грибочки, «синенькие» — ведь это её день рождения. Посидели, поговорили, посмотрели фильмы, что захватила Светочка (у неё теперь появился видеоплеер). Она осталась ночевать. Утром ещё один фильм. Светочка поехала домой, а мы — на теннис. И хорошо поиграли, только я потянула икру на правой ноге. Вероника уже играет с Борей, да и мы с Серёжей ей накидываем. Шли обратно и обсуждали, что будет проходить Вероника после «Что делать?» Чернышевского. Оказалось — Н. Некрасова. Я поинтересовалась у Серёжи его мнением о Некрасове. Оказалось, что он считает Некрасова чуть ли не первым фактически зациквившемся на социальности русским поэтом и демагогом, не соответствовавшим им же провозглашаемым взглядам и ведшим своевольный образ жизни...

Я расстроилась, что Светочке мало что понравилось из моих работ — только буханка с доской. И её нетерпеливость: «Когда я буду писать картины? Через 17 лет? Нет, нам столько не надо!» И как ей объяснить, что этому никто не учит, а надо просто всё самим попробовать. Света разговаривала с Надюшкой Новиковой (Цыганковой), она тоже ждёт моих работ. Вот сколько желающих.

Только что в программе «Воскресенье» (1 ОРТ) сказали, что в Чечне уже 26 тысяч человеческих жертв. И непонятно, когда это кончится. Там, в Чечне, готовятся выборы. Кандидаты: Завгаев, Хасбулатов и ещё три-четыре человека. В России же выборы

президента уже объявлены на 17 июля. Ельцин с ишемической болезнью сердца в больнице (второй раз за год). Как он собирается выдвигаться? Уже постарел. Кто выдвинется на выборы?

Вечером звонил Роман Исхаков, приглашал 3 декабря на вечер, где вместе с Михаилом Беляевым соберётся много поэтов, посещавших его студию. Но это воскресенье — «святой» день Вероники и спорта. Поэтому мы вряд ли пойдём на встречу.

Пошёл косяк на переезды: к Серёже обратился Слава Васин с просьбой помочь с переездом из сносимой пятиэтажки в близлежащий дом (уже завтра дают ордер) — это программа Лужкова по сносу пятиэтажек («хрущёб») в действии. Серёжа согласился, только просил предупредить накануне.

Конечно, Серёжа устал за эти дни — и полы у родителей, и мебель у Юры, и теннис — но (ура!) спина не болит. Устал, да, устал! Но не болит!

27 ноября 1995 г. (понедельник)

Дописала первый жанровый этюд: Серёжа с книгой. Когда начинала писать — боялась, в середине — нравилось, как проступают «части» этюда, в конце — уже хотелось всё сделать другому. Ошибки, проступившие в конце, особенно отчётливы: искажённая перспектива стола из-за его близости; нечётко обозначено разделение планов — пестрота цвета и т. д. Следует сделать десяток таких этюдов, чтобы всё прочувствовать, попробовать и понять, как делать.

Серёжа готовится к предпоследнему раунду с фирмой: второй макет и выход на типографию. В типографии надо отследить ряд требований: плёнки, цвет и плотность обложки, сигнальный экземпляр и протокол разногласий в три дня после получения тиража. Может быть, к вечеру появится второй вариант макета, с учётом замечаний. Тогда завтра — в типографию.

Стала продолжать чтение «Истории импрессионизма». Тот момент, когда Сезанн пишет письмо с протестом к жюри Салона и требованием повторения выставки отверженных. Как художник

Сезанн уверен в себе, в своём творчестве, отвергая претензии признанных художников-реалистов классических и идеалистических школ, романтиков. Золя новых художников называл не реалистами (т. к. к ним относили жанристов), а натуралистами — считавшими темой любое состояние природы, окружающего мира. И хотя Золя являлся другом детства Сезанна, он не писал о нём, считая талант его ещё не раскрывшимся до конца.

Из «Воспоминаний» Т. Л. Сухотиной-Толстой: «...Папа говорит, стыдно иметь, а не стыдно не иметь».

28 ноября 1995 г. (вторник)

(~ 20:30) Сегодня так и не выбрались в Пушкинский на выставку рисунка (пять столетий из коллекции ...?) — Германия), узнав, что она до 14 января 1996-го, а у меня горло побаливает (больно глотать). Решили отложить ещё на неделю, а пока полечиться — аспирин, мёд, полежать.

Что я и сделала. Потом немного порисовала Чучу на окне и в кресле. Интересна его поза: развалившись, сидя — вылизывая животик. Такое довольное лицо, ой, я его очеловечила, конечно — мордочка.

В 12:00 Серёжа пошёл за вторым вариантом макета книги и вернулся довольным, что все замечания учли и подобрали цвет для обложки — терракотовый. Даже в конце каждой песни изобразили птичку с картинки Третьей песни. И внесли в заголовки и на обложку стилизованный под кириллицу шрифт. Уменьшили фото в полтора раза, дали контактный телефон.

Я читала «Историю импрессионизма» (начальный период, 1865–1869 годы). Вначале только трое — Мане, Дега, Базиль — были обеспеченными, остальные испытывали нужду, особенно Ренуар и Моне (который резал картины, сбегал от кредиторов, топился, жил приживалкой у тётки, вдали от жены и ребёнка, за неимением холста писал на использованных полотнах, обдирая их). Но как чётко они осознавали свою правоту!

У Дега была (в 1859 году) набросана программа, на мой взгляд, очень интересная и поучительная для нашего времени, например:

— «Претворять академические штудии в этюды, запечатлевающие современные чувства.

— Рисовать любые предметы обихода, находящиеся в употреблении, неразрывно связанные с жизнью современных людей, мужчин или женщин, например, только что снятые корсеты, ещё сохраняющие форму тела, и т. д.».

— «Никогда ещё не изображали памятники и дома, взятые снизу или вблизи, так, как их видишь, проходя мимо по улице».

И составил список сюжетов, серий, например:

- музыканты и инструменты;
- булочные, натюрморты из хлеба;
- серия с видами дыма;
- серия траур;
- серия балерин, ноги, парикмахер;
- бесчисленные впечатления, ночные кафе, зеркала, лампы и пр.

Надо подумать про аналогичный план в нашей жизни, что для неё характерно и мне близко. Осмотреться. Начать с дома, быта. Тут и видеоманитофоны, всякая электроника — но с человеческих позиций. Допустим, люди смотрят TV (семья), но картинная плоскость — это экран TV. Далее улица: вывески, дети, киоски и т. д. Работа. Надо подумать.

Ещё из книги Джона Ревалда «История импрессионизма» (для размышления).

«...Вообще вопрос о тенях часто дискутировался в кафе Гербуа, — по существу, он является для художников одной из главных проблем.

Мане любил утверждать, что для него «свет представляется таким единым, что одного тона достаточно для его передачи и что предпочтительнее, даже если это кажется грубым, резко переходить от света к тени, чем нагромождать оттенки, которых глаз не видит и которые ослабляют не только силу света, но и окраску теней, подлежащую выявлению.

Но друзья Мане, все те, кто уже работал на открытом воздухе, а это значит — все пейзажисты группы, должны были возражать против его манеры просто делить предмет на освещённые и затенённые поверхности. Их опыт работы на природе говорил им другое. Мало-помалу они отказывались от обычного метода — передавать третье измерение, делая так называемый локальный цвет предмета более тёмным, по мере того как этот предмет отдалялся от источника света и погружался в тень. Их собственные наблюдения учили их, что те части предмета, которые находятся в тени, не полностью лишены света и не темнее остальных, но что они просто не так ярки. Будучи в меньшей степени пронизаны светом, затенённые части лишены, конечно, цветовых валёров, освещённых солнцем частей, но они так же богаты по колориту, в котором доминируют дополнительные цвета и в особенности синий. Наблюдая и воспроизводя эти цвета, стало возможным обозначать глубину, не прибегая к битюму, обычно употреблявшемуся для изображения теней. Тем самым вся картина автоматически приобрела более светлую тональность».

Серёжа строит мне глазки и спрашивает как всегда: «Ты меня любишь?» — «Да». — «А как?» — И я шлю воздушные поцелуи. «А ты мне спинку почешешь?» — «Конечно».

29 ноября 1995 г. (среда)

(~ 22:00) Сегодня тяжёлый день. Утром Серёжа обнаружил, что ударение в слове «сколоты» не на первый слог, как мы думали, а на второй. И пришлось думать, как быть. То ли оставить так и дать варианты ударений в послесловии или вначале, или все места, где есть слово «сколоты», проверить на ритмику. Серёжа решил попробовать исправить, где не совпала ритмика, а таких мест оказалось четыре. Причём в двух оказалось несложно — добавить междометия или союзы, а над другими двумя пришлось подумать. Новые варианты оказались не только не хуже, но даже лучше старых.

Собрав все бумаги, Серёжа поехал на фирму РА «Солист». При нём сразу исправить не удалось, т. к. тот, кто занимался компьютерной вёрсткой, был занят. Просил оставить и прийти за исправленным вариантом завтра, но деньги за типографию взяли и выписали общий счёт на 500 \$, по курсу 1 \$ = 4578 руб.

У меня болит душа, что сегодня я не работала, а лишь немного помогала Серёже — искала в мифологии и энциклопедиях слово «сколоты», потом читала вслух, а Серёжа проверял, когда же он ушёл, начала доваривать суп.

Интересна мысль Л. Н. Толстого, что оценка человека — это дробь, в знаменателе которой стоят его мысли о себе, а в числителе его добродетели. Т. е., чем человек большего о себе мнения, тем меньше его цена. (В книге это выражение такое: «...Каждый человек — дробь; достоинства — это его числитель, а то, что он о себе думает, — знаменатель».)

Вообще-то наступают сложные финансовые времена. Сегодня вечером Серёжа обзванивал друзей, знакомых. Расстроился, что его так легко вводят в заблуждение, а он верит... Далее. У Татьяны (знакомого бухгалтера Сергея) не работает телефон, т. к. после вчерашней аварии в Чертаново (пожар) отключили все телефоны, начинающиеся на 31. Володя Щетинин — как всегда, даст денег, может быть, тысяч 300 до конца января. Уже что-то, а надо бы набрать 1400 тыс. руб., и хорошо бы до апреля. В крайнем случае — ломбард (два кольца).

30 ноября 1995 г. (четверг)

А вот про мою сестру Наташу:

«Мамá (это Т. Л. Сухотина-Толстая о С. А.) в хорошем духе, как всегда она бывает, когда у неё какая-нибудь забота на руках. Папá совершенно справедливо это заметил, говоря, что, когда все в доме вырастут, ей надо будет заказать гуттаперчевую куклу, у которой был бы вечный понос».

Два желания Л. Н. Толстого:

«Чтобы он всех любил и чтобы все его любили».

(~ 21:00) Никак не могу собраться и сесть работать. Гладила, готовила, читала «Историю импрессионизма». Серёжа погладил свою «мелочь» и, созвонившись со Щетининым, поехал в город. Сначала в РА «Солист» за макетом, проверить последние исправления. Затем к Володе за деньгами. Какой уж раз он нас выручает! Как обещал, вечером Серёжа привёз 300 тыс. руб. — это на еду. Осталось достать на квартплату за две квартиры 200 тыс. руб.

1 декабря 1995 г. (пятница)

(~ 21:00) Взяла себя в руки. Немного пописала Чучу, на сколько его хватило; затем переключилась на себя. Как-то с Натальей Константиновной (Смирновой) обратили внимание на «минингиточку» — вязаную шапочку с обручами, розово-сиреневого цвета — уж больно живописна. А у меня из таких же ниток связан спортивный свитер: вот я и решила потренироваться в написании эскиза поясного портрета, в данном случае своего, в этой шапочке. Кстати, таких шапочек я ни у кого не видела, а сама связала таких всего три: себе, Гале Воробьёвой и дочке знакомой горнолыжницы из гостиницы «Белград». Очень туго идут эскизы. До сих пор непонятно, как же изображать разные планы дальше, когда сам портрет не проработан, как картина, а — в виде эскиза. Ведь когда пишешь картину, то первый план, более прорисованный и контрастный, чёткий в цвете; а второй — эскизной прописки. Но когда это всё эскиз — и первый план не прописан, то передать глубину можно только цветом! Настрой ещё не тот — надо отключаться и больше думать, обдумывать каждый мазок, но не тянуть, а передавать первое впечатление. Всё. Завтра встану — и сразу буду настраиваться на работу. Кота покормлю после себя, чтобы успеть приготовить этюдник, а там всё зависит от Чучи — сколько он выдержит позировать. Затем перейду к своему портрету-эскизу. Буду стараться.

Серёжа сегодня ездил к родителям «добывать» полы. Конечно, устал. А завтра — к Славе Васину, помогать перевозить мебель. Быстрее бы эти дела заканчивались!

Андрей всю эту неделю пропускал занятия на курсах, на моё замечание сказал (как обычно), что сам разберётся. К сожалению, разобраться у него не получается. Сейчас с Пашей, Олей и ещё одной девушкой отдыхают с сухим вином (вкусным). Вчера, после отдачи 300 тыс. руб. на еду за декабрь, у него осталось 170 тыс. руб. Я предложила, как и ранее, откладывать на летние ботинки, куртку, хотя бы по 40–50 тыс. в месяц. Но Андрей вспомнил о днях рождения, Новом годе и не стал. Однако я предупредила, что в следующем полугодии мы не сможем ему выделять деньги на вещи (джинсы, ботинки), как в этом году.

На работе начинается обсчёт зарплаты за ноябрь, и мой компьютер занят, поэтому я читаю Т. Л. Сухотину-Голстую и периодически выдаю справки преподавателям. Интересно, что Т. Л. писала портреты. И к ним приезжал Ге, который правил её работы, а, иногда, увлечшись, дописывал сам. Вот интересно — посмотреть бы, как делать подмалёвок под портрет!

2 декабря 1995 г. (суббота)

(15:30) Сижу, смотрю по TV Кубок Дэвиса: Россия — США. Ужасно переживательно, оттого решила разрядиться писанием.

Вчера были одиночные игры: Чесноков с Сампрасом (2:3); Кафельников с Курье (3:0) и общий счёт — 1:1. Сампраса вчера унесли с корта из-за судорог ног и руки. Казалось бы, сегодня наши д. б. посвежее, но пока проигрывают уже два сета, да так неудачно (всё на грани выигрыша). И в третьем сете уже проигрывают 1:4. Наши проиграли все три сета! Теперь практически нет надежд, т. к. завтрашние игры: Кафельников — Сампрас, Чесноков — Курье — очень сложны для нас. К сожалению, мы увидим только конец второй игры, т. к. пойдём на занятие по теннису. Самим играть интереснее.

Серёжа приехал от Славы уставший. Говорит, что люди, как муравьи, курсируют между старым и новым домами с сумками, тюками, а кое-кто переезжает (перевозят строители). Новая квартира почти такая же — двухкомнатная, но с большими кухней и коридором.

Пообедали и отдыхаем.

С утра я, настроившись на работу, за полтора часа дописала этюд с Чучей. Когда начинала, то ещё не знала, что получится. Только чувствовала, что с тенями надо быть осторожной — они должны получиться лёгкими и цветными, и лишь тёмные полосы и складки шерсти в тени обозначены (и то не везде) жжёной умброй. А т. к. Чуча сидит на подоконнике, т. е. против света, то он практически весь в тени. Светлые полосы в тени проложила немного высветленной белилами умброй с зеленью. На свету прозрачная светлая шерсть немного охлаждена кобальтом синим и фиолетовым. Хуже вышли фоны: как ближний — подоконник, так и дальний — деревья за окном. Но в целом терпимо для первого раза.

Переключилась на свой портрет с лыжами. Ждать похожести лица — глупо, но можно попробовать эскизно проработать поясной портрет. И не забывать про основную ошибку, мешавшую стать хорошей художницей Татьяне Львовне Сухотиной-Голстой — идти от общего, от пропорций, от больших объёмов, может быть, даже совсем не детализировать. Укрупнить по максимуму. Пусть будет расплывчато и неясно, но правильно на эскизном уровне.

Сплошные юбилеи: Никите Михалкову — 50; Шифрину — 50; Табакову — 60; Плисецкой — 70. Сегодня по TV будут повторять вечер в Большом театре, посвящённый Майе Плисецкой. Стоимость билета на вечер доходила до 700 \$. Майя Плисецкая на следующий день выразила возмущение этим. Но везде, где есть спрос, есть и перекупщики (так и на Кубке Дэвиса: билеты — более 100 \$). На это я говорю: «И по TV хорошо видно!»

3 декабря 1995 г. (воскресенье)

(23:30) Утром Серёжа говорил о новой части поэтизированной истории. Нашёл интересный сюжет, связанный с другим праславянским (северо-западнее скелотов) племенем — невры — и их борьбой со скифами. Продумал девять частей по 12–16 строф в каждой. Сидит сосредоточенный.

Я немного порисовала спящего Чучу (т. к. не могла писать себя — накрутилась). А затем... начался Кубок Дэвиса. Два сета встречи Кафельников — Сампрас удалось посмотреть до ухода на теннис (мы проигрывали)...

Зато сами наигрались вдоволь. У Серёжи сегодня отлично получалась проводка — он меня «измолотил» на задней линии, я — у сетки.

Придя домой досмотрели игры, и — о чудо! — Чесноков выиграл у Курье!!!

Звонил Саша Бухаров — у него скоро, с 19 декабря, персональная выставка в ЦДХ, а с 28 ноября уже выставлена совместная работа пяти художников (и его в том числе) — портрет Вашингтона. Открыта месяц. Обязательно пойдём 19/XII (хорошо бы купить кассеты для Polaroid).

Поштопала Андрюшкины носки со здоро-о-о-выми дырами (пять пар) и ещё осталось на потом... А теперь идём спать.

4 декабря 1995 г. (понедельник)

Утром исправляла набросок своего портрета — лицо и руки, но не очень получилось. Может быть, цветом что-то изменится...

Серёжа ходит сосредоточенный, всё размышляет о новом сюжете. Обложился энциклопедиями, историей Гобарева. Думает. А то вдруг вспомнил, что в комментариях к слову «Ольвия» выплыло словосочетание «первая колония» — его это смутило. Хочет вычеркнуть данное уточнение в тираже. Я считаю, что можно не исправлять.

На работе продолжала читать Т. Л. Сухотину-Толстую «Воспоминания». О пребывании её вместе с отцом в голод в Рязанской области. Тяжёлое впечатление. Насколько же у них болела душа за крестьян, если они всё бросили и ушли в люди, т. к. не могли просто сидеть!

6 декабря 1995 г. (среда)

Серёже в понедельник звонили «новосёлы»: Юра Гончаров — просил приехать передвинуть стенку, Слава Васин — помочь собрать «прихожую» и стол (ножки шатаются). Я удивилась этому и рассказала о своих передвижках мебели и переездах: на Шверника, 13–3–43, когда во время капитального ремонта, вечерами, освобождала сначала одну, затем другую (9 и 13 кв. м.) комнаты для перестилки паркета — упираясь спиной в трёхстворчатый шкаф на подстилке; и ещё здесь — на Б. Черёмушкинской, 2–1–149, когда съезжалась с мамой. По-моему, женщины более приспособлены к жизни, чем мужчины.

А стол! Это смешно. Я собирала свой стол по мере необходимости — на праздники и потом разбирала...

Серёжа устал от этой суеты. Не может сосредоточиться, нервничает. Переживает, что тихо в редакциях журналов — не берут. Я периодически (когда встречаю в литературе) зачитываю ему те отрывки, где талантливые люди не могут пробиться, преодолеть сложности. Очень часто при этом они терпят физические и материальные трудности. Да и известные люди вынуждены издаваться за свой счёт, например, Лев Ошанин, Михаил Матусовский (его вдова). Надо верить в себя, в свой талант, в удачу, в близких людей. Радоваться жизни каждый миг.

Вчера у нас был гость — Володя Щетинин. Позвонил вечером, часов в семь, спросил разрешения приехать. Я обрадовалась — хоть он отвлечёт Серёжу. Когда он приезжает — праздник.

Я просила Серёжу не касаться политики (т. к. Володя — за коммунистов, а Серёжа — за демократов), чтобы не спорить, не горячиться, а приятно провести вечер. Поужинали с шампанским (пять бутылок на четверых), Серёжа пошёл писать фильм о Джоне Ленноне, а Володя, Андрей и я — на кухне учились игре в карты. Володя выиграл, Андрей проиграл, я — в середине. Показала ему свои работы — натюрморты. Володя от восхищения (может быть, из уважения) поцеловал мне

руку. Может он и не тонкий знаток живописи, но всё равно было приятно.

Мозалёв прислал из Турции две фотографии — мы в его деревне. И ни строки...

О работе. Вчера, я считаю, удачно (могло быть и хуже) начала в цвете свой портрет с лыжами. Долго готовилась: ставила экран для фона (снега), разложила на полу репродукции картин Репина, Л. Пастернака, Борисова-Мусатова, импрессионистов. Всё рассматривала мазки, цвет кожи, освещение, выражение лиц: в чём секрет улыбки, задумчивости, горя... Вспомнила о выписанном рецепте красок для изображения человеческой кожи: разбелённая охра + чуть ультрамарина + чуть киновари или умбры. Наталья Константиновна говорила о возможности добавления сажи и т. д. Позавчера вечером были готовы лицо (в общем) и свитер. Андрей, правда, посмотрев, сказал, что лицо деревянное, но уже что-то, хоть не такое рубленное, как мои две первые одноцветные гризайли. Сегодня прописывала руки, палки и лыжи. Завтра — фон.

Вчера в «МК» прочли о смерти киноактёра Кайдановского — «Сталкер», «Свой среди чужих, чужой среди своих»... Жалко... Очень самобытный и яркий актёр. А ведь ему не было 50-ти лет. Третий инфаркт.

Звонила ведущая «Сказание о сколотах» из издательства РА «Солист». Два вопроса: что исправлять на что, и — подорожала бумага. Передала по возвращении Сергею — он немного расстроился из-за второго пункта. Но привёз 200 тыс. руб. (!) за реализацию где-то по его «наводке» «Юрия Долгорукого». «Бог видит, что мы нуждаемся, и помогает нам. Спасибо Ему!» — сказал полусуто-полусерьёзно Сергей.

Минуту назад Серёжа спрашивал меня, а за что я его люблю. Я сказала, что мне с ним уютно, душевно. Что я вся расслабляюсь, когда вижу его. А я и сама не могу этого чётко сформулировать.

7 декабря 1995 г. (четверг)

(~ 21:30) Сегодня Андрей подарил мне красную, даже бордовую розу — бутон!!!

Просто так. Когда был в гостях Щетинин, под воздействием шампанского я шутя разоткровенничалась о том, что мы стараемся не особенно докучать Андрею нотациями (хотя не без этого, но сдерживаем друг друга), т. к. Андрею предстоит нас хоронить, когда придёт срок. А потом в комнате, когда Володя с Сергеем были на кухне, Андрей предложил чокнуться бокалами, сказав, что любит меня, в чём я сомневалась, т. к. он всё время суров, сух со мной. Теперь мне кажется, что он стал относиться ко мне как-то внимательнее и бережнее. А тут ещё роза! Надо её зарисовать на память об этом разговоре.

Оле же он купил бледно-розовую розу, сказав, что мне, женщине — красная, а ей, в знак чистоты юности — розовая! Я рада за него! Что он всё чувствует.

Сегодня ещё радость: закончила первый поясной портрет маслом — свой, с горными лыжами. Получилось на три с натягом. Но ведь это начало! Серёжа советует «укоротить» его снизу ~ на 8 см. Пусть сохнет — там подумаем.

«Как могу!» — такие же слова, как Лоррен, я могу написать на своих картинах.

Просмотрела три плёнки с художниками: Серебрякова, Верейский, Гойя, Пуссен, Анненков, Эйк, Лоррен, «Третьяковка», Леонардо да Винчи...

Уже со смыслом рассматривала тени на лицах у глаз, носа, шеи; оттенки кожи. Очень интересен Гойя — такие сочные краски и не портят, а, наоборот, освежают лица! Надо попробовать!

Очень захотелось сходить в Пушкинский или Третьяковку, посмотреть живьём мазки, краски.

Серёжа вместе с Демидовым с 16:00 двигают стенку у Юры. Просили у Демидова «Портрет дочери Машеньки» художника Александра Смирнова. Отшутился...

Хочется попробовать зимний городской пейзаж на бульваре.

8 декабря 1995 г. (пятница)

Т. Л. Сухотина-Толстая «Воспоминания» — о Тургеневе:

«В письме от 21 октября (1 ноября) 1857 года, адресованном В. П. Боткину и И. С. Тургеневу во Францию, Толстой писал: «Слава Богу, что я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор. Это было не в моей натуре. Нельзя из литературы сделать костыль... Каково бы было моё положение, когда бы, как теперь, подшибли этот костыль. Наша литература, то есть поэзия, есть, если не противозаконное, то ненормальное явление... и поэтому построить на нём всю жизнь противозаконно».

Так ли уж прав Лев Николаевич?

И ещё, очень близко к тому, что я испытала со смертью папы и мамы, выразил Л. Н. Толстой по поводу смерти своего друга, художника Н. Н. Ге:

«...Испытываю и то, что Вы пишете, как бы раскаяние и позднее сожаление о том, что недостаточно любил его или, скорее, недостаточно проявлял свою любовь к нему, потому что любил я его всей душой...»

Именно так — «недостаточно проявлял свою любовь» — сейчас не исправить, а тогда, по-молодости, стеснялась выказывать свои нежные чувства к папе и маме.

9 декабря 1995 г. (суббота)

(~ 16:00) Сегодня рабочая суббота: перенос выходного на понедельник, ближе к 12 декабря — Дню конституции. Я на работе. Купила шоколадку и пью чай, почитывая «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой.

«...Вам совет: как можно меньше действовать. Чем труднее кажется положение, тем меньше надо действовать...» (Л. Н. Толстой)

Этот совет сродни пословице «Тише едешь — дальше будешь» или изречению «Спешить надо медленно».

Утром долго раскачивались, и только в двенадцать дня я решила писать розу Андрея. Очень трудно изобразить один

цветок, чтобы не впасть в красоту, тем более розу, т. к. роза тёмно-бордового цвета, то на светлом фоне очень плохо видны оттенки — взяла чёрный, и она заиграла. Правда, Андрей спросил потом, почему чёрный. И когда уже закончила, одевалась на работу, то показалось, что не хватает охры и кобальта. Взяла кисть и прошлась ещё раз — стало живее. Но всё равно тяжело смотрится, может, нужен был коричневый фон? Или синий ультрамарин?

Сергей поехал помогать Славе собирать стол и «прихожую».

Серёжа работает над новой исторической вещью. Даже не заглядываю. Пусть втянется, тогда сам заговорит. Не надо его торопить.

11 декабря 1995 г. (понедельник)

В субботу Серёжа помогал Славе переносить со старой квартиры на новую... вешалки с одеждой. Без чехлов, чемоданов, узлов, а прямо так. Оказывается, есть ещё более бесхозяйственные и ленивые, чем я. Раз пять они сходили туда-сюда. Я спросила Серёжу, а почему они не упаковали, не завязали, не завернули? Он пожал плечами...

Я вспомнила, как мы съезжались с мамой в феврале-марте 1988 года, как после работы, по вечерам, ездила на Б. Филёвскую упаковывать её вещи (мама уже жила со мной, на ул. Шверника, после операции, сбежав от Наташи, кстати, под тот Новый год я тоже была прооперирована — аппендицит). Сначала тонкое стекло, фарфор, хрусталь — в ящики и на такси домой, на Шверника. Затем хозяйственную утварь и книги в коробках из-под апельсинов — всего было 22 коробки по 10–15 кг; 6 коробок по 20 кг; 7 тюков-ящиков по 30 кг — я так и заполнила в агентстве по перевозке мебели. Затем всё укладывала у себя, да по мелочи таскала с Таней Стрельцовой на эту (Б. Черёмушкинская, 2–1–159) квартиру, в комнату, которую нам освободили прежние хозяева. Переезжали в начале апреля. Первоначально мама стерегла старую квартиру, а когда вынесли все стулья и ей не на чем стало сидеть (она была слаба

и худа после операции и из-за болезни), собралась — надела зимнее пальто, шапку, сапоги и с Андреем (ему исполнилось 14 лет) сама (!!!) пошла на новую квартиру. Я это проглядела, и только когда Андрей пришёл и сказал, что бабушка уже ТАМ, я спохватилась. А ведь до этого она гуляла только со мной под руку. Мы прогуливались под ручку в солнечную зимнюю погоду от подъезда дома к школе № 625 по её двору, мимо ёлочек, где фотографировались, и обратно.

На новой квартире комната — с балконом — ей очень понравилась. Она сама (!!!) вымыла окно в своей комнате в апреле, а я покрасила ей балкон белым — чтобы светлее и аккуратнее было. На нём она гуляла, сидя в пальто, дышала воздухом, радовалась берёзкам, воробьям, солнышку и мечтала прожить хотя бы до 70-ти лет. А оставался всего месяц. Я надеялась на чудо. Тем более что ей в апреле стало лучше — она с лёгкостью «бегала» из своей комнаты через всю квартиру на кухню, в бирюзовом халатике. Я её подстригала. Она радовалась, что рядом «голубой» дом (наш старый — Шверника, 15), её друзья — Екатерина Антоновна Евграфова, другие соседки. А Екатерине Антоновне я говорила о переезде, и она также хотела зайти к нам в гости. И собиралась неделю-две-три. Но маме становилось хуже. 18 мая, когда я приехала с работы, мама сказала, что ей тяжело вставать в туалет (до этого она хоть и лежала, но в туалет ходила сама, по стеночке, с палочкой). Мы с Наташей установили дежурство около неё: до обеда — я, в 13–14:00 приезжала Ната, и я ехала на работу. Эти полдня брала в счёт отпуска (24 дня — хотела растянуть на 48, по полдня). Вечером Ната ехала домой, а я оставалась с мамой. Часто я сидела просто на её диване в ногах, и мы разговаривали о жизни, её тянуло на воспоминания. Но, быстро устав, отправляла меня, а сама дремала, говорила «отдохну». Заранее мы попросили у тёти Иры Скороходовой судно из деревни. И оно, завёрнутое в газету, было спрятано под моим диваном — чтобы мама не нашла и не подумала что-либо. Мы до последнего старались поддерживать уверенность в её выздоровлении, что эти боли пройдут, что надо лучше соблюдать диету, ведь врачи говорили маме, что у неё болит поджелу-

дочная — на самом же деле она не болела, а отмирала: рак поджелудочной железы — это смертельный, неоперабельный рак, тем более что всё началось с шейки железы, а, как объяснил доктор, хирург, её не отрежешь.

Итак, с 18 мая мама уже не вставала. Екатерина Антоновна опоздала в том смысле, что пришла в субботу 21 мая, а как раз с 21 мая мама никого не узнавала, кроме меня и Наташи, на следующий день впав в беспамятство. Стонала. Мучилась. Приехавший по 03 врач даже не могла ей сделать обезболивающий укол с наркотиком, т. к. мама терпела до последнего, обходилась порошками, оставшимися «от папы». И хотя врач, женщина лет 50-ти, посочувствовала — позвонила старшему терапевту по скорой, тот сказал, что это первый вызов и пока рано давать сильный (наркотический) обезболивающий, мол, хватит анальгетиков с димедролом, новокаином... А было 24 мая 1988 года, вторник. Врач уехал. Мама, так и не приходя в себя, умерла у нас с Наташей на руках в 14:15. Я знала по книгам, что нельзя плакать над умершим — что он всё слышит и чувствует. Ната кричала в голос: «Мама, мама!» Я же обмерла и держалась за неё — тёплую. Мне казалось, что пока я держусь — она не похолодеет. Боялась оторваться. Ната вспомнила, что надо обмывать тело. И мы сразу стали заниматься всем, чем надо: я держала маму под мышки и, обнимая кольцом, положив её голову к себе на плечо, поддерживала, прижав к себе ещё тёплое родное тело. Мама была лёгкая, я могла бы спокойно взять её на руки, поднять. Мне не было ни страшно, ни других чувств, кроме ощущения её тепла, покорности. Как будто она доверилась нам, зная, что мы только хорошее можем сделать её телу. Одели в белый в серую полоску румынский костюм. Она в нём на фотографии в Румынии стоит на балконе (с белой сумочкой), с соседкой и котом — улыбается. Это был её любимый костюм. И повязали белый газовый платок. Когда приехали из морга забирать тело, то долго ругали, не хотели брать его одетое. А когда заплатили — сказали завернуть в простыни (2 шт.), чтобы не испачкать костюм. Думаю, что мы правильно всё сделали, т. к. в морге уже не мучили её тело...

Больше пока не могу писать об этом. Потом ещё как-нибудь...

Вчера — воскресенье — не работала. Ходили на теннис с Вероникой. У неё скоро заканчивается полугодие (теперь нет оценок в первой четверти), возможны четыре «тройки»: химия, русский (это, как она считает, наследственное, хотя странно, но и у меня было то же), биология и ...

Весь день созванивались, то со Светой Довгер, то с Володей Щетининым, то с Дашей Заводовской, то с соседкой Ирой Кочетковой — хотели в понедельник, т. е. сегодня, устроить пострижной день. Но люди предполагают, а Бог располагает...

Сегодня утром ~ в 10:00 Даша по телефону сообщила, что накануне вечером от инфаркта в 21:00 умерла сводная сестра её матери (Ольги Заводовской) — Света, 59 лет. Много курила. Много переживала за сестру, за дочь. Болела диабетом. Сама тянула семью. Десять лет строила дачу. Мария Павловна — их мать — жива. Страшно: пережила двух своих дочерей!

Света любила повеселиться, посидеть за столом, на кухне поболтать. Видела её редко. Как-то ещё у нас в ХНО на Щепкина, 22 — она приезжала за заказом. Я тогда удивилась, что у Оли — почти моей ровесницы — такая старшая сестра, но Оля сказала, что Света дочь от первого брака Марии Павловны. Другой раз, когда была у неё после ремонта, удивила кухня: стены под кирпич, раскрашены хозяйкой по линейке; тёмные коричневые рамы — нам всё ужасно нравилось в интерьере, это было стильно! Тогда же мы ходили к реке, гуляли. Потом разовые встречи мимоходом. Перерыв во времени — жизнь Оли у Юры.

Люди, как правило, не звонят, когда им хорошо. Я думала, что Оле хорошо с Юрой, хотя и обижалась, что она так резко отошла от меня (а ведь я их познакомила).

Однажды в начале марта 1993 года к нам на Октябрьскую (теперь Калужскую) площадь в Минвузовское здание (Ленинский пр-т, 6, каб. 313) зашла Оля Насадкина из Петрозаводского университета — программист, подруга Заводовской, и сообщила, что у Оли рак прямой кишки. Разговаривали мы в коридоре, т. к. в нашей комнате были другие командировочные. Я разнервничалась, потекли слёзы и поэтому не смогла сразу вернуться за свой рабочий стол. Умылась.

Ушли командировочные, и я обо всём рассказала Ире Фировой — реакция та же, затем Воробьёвой, Иголкиной. Все ужасно переживали. Ольга была необычным человеком: красивым, ярким, оригинальным, умным и глубоко несчастным, т. к. она постоянно сталкивалась с подводившими её людьми, неблагодарными или бесчувственными. Но у неё было очень высокое чувство гордости, собственного достоинства — оно было самым сильным в ней и не позволяло унижаться, заискивать, даже просить. Ей не везло с мужчинами — ни один не подходил по душевным и умственным качествам. А её как бы наоборот тянуло к личностям примитивным или чересчур занятым своими проблемами, которые просто пользовались ею (им льстила её дружба, любовь). Однако душевного, достойного человека она так и не встретила, хотя очень нравилась многим мужчинам, и молодым, и пожилым. Юра, как я его представляю, только отчасти удовлетворял её, он был более примитивным и, понимая это, был иногда жесток.

Со Светой мы встретились в метро и пешком шли до больницы. Она курила, задыхалась, жаловалась на сердце... Затем Олины болезнь, операция, похороны, поминки, годовщина в октябре 1994 года. И всё. Больше я её не знала. Но Ольга её любила, и я её тоже любила за это. Мне жаль их обеих. Они гордились своим «отцом» — Михаилом Беляковым — родным для Оли, приёмным для Светы, ведь он был генералом авиации, братом Александра Белякова, который летал вместе с Чкаловым и Байдуковым. Может именно эта гордость и жила в Оле — чувство избранности. Теперь она вместе с отцом в одной могиле на Новодевичьем кладбище...

Мы целый день между креслом и диваном, кухней и телевизором. Серёжа пишет на видео четвёртую серию о Битлах. Андрей с Олей в комнате.

Серёжа вчера записал «Моё кино», интервью с Никитой Михалковым. Сегодня ещё раз посмотрим: умный, интересный, оригинальный режиссёр, человек. Радовались его шуточкам и открытиям типа: «Русским может быть тот, у кого чего-то нет, но не так нет, чтоб было, а ТАК НЕТ, чтобы и ... (фиг) с

ним». Он за стабильность, за Черномырдина (блок «Наш дом Россия»).

До выборов неделя. Вчера в аналитической программе «объясняли», что Явлинский — левый (?), а Черномырдин, Гайдар — правые, КРО — центристы. Совсем запутали...

О главном! Серёжа прочёл первые семь строк про невра. Замечательно! Так густо: древний лес, настроение древности. И отличается от «Сказания о сколотах», и дополняет его. Только уточнить про ударения в словах, производных от «невы», «Неврида»...

Продолжается война в Чечне: год как ввели федеральные войска, а всё равно гибнут люди, даже после подписания Ельциным и представителем Чечни договора о статусе Чечни. Армия никак не выберется из военного болота. Конца этой авантюре не видно. А все 43 блока рвутся к власти, борются за голоса избирателей, т. е. наши. А через полгода — в июне 1996-го — выборы президента России. И опять марафон...

Конечно, многое зависит от выборов в Думу. Если останется Черномырдин или кто-то из «ОКОЛО», то у Ельцина много шансов на победу; если кто-то другой — то при старости Ельцина у него шансов меньше. Но нужен взвешенный, разумный политик, без левых и правых крайностей. Уже высказываются о своих кандидатах Явлинский, Жириновский. Называют даже режиссёра Говорухина (почему нет, Рейган в США был киноактёром до президенства и политики)...

Я же мечтаю только о Серёжином успехе. Никто не занимается его «раскруткой», как у известных личностей. Но надо хотя бы чаще бывать в редакциях. Общаться с коллегами.

И больше писать. Будем издаваться за свой счёт. Так всегда делали. Как, например, сегодня узнала, из передачи о философе, историке, политике Иване Александровиче Ильине (вынужденном в 1922 году эмигрировать из России — он чутко предвещал распад коммунистического строя), который издавал всё сам в Германии, Швейцарии.

12 декабря 1995 г. (вторник)

(~ 11:00) Сегодня нерабочий день — День конституции и день рождения Ираиды Павловны Скороходовой, сестры папы. Серёжа разговаривает с родителями по телефону о передаче «Моё кино» с Никитой Михалковым: о фольклорной сущности русского человека, о том, чтобы глаза были не больше рта, о том, что русский человек, живущий на границе Европы и Азии, это сочетание Обломова и Штольца. И мне даже кажется, что я и Серёжа ближе к Обломову (пассивные нонконформисты?).

Т. Л. Сухотина-Толстая, «Воспоминания». Вот что она ценит в людях, в частности, Марии Александровне Шмидт:

«...и все мы хоть немного приблизились бы в своей жизни к жизни Марии Александровны, то много радости и счастья прибавилось бы между людьми. Казалось бы, чем была замечательна эта незаметная, скромная труженица? А когда взвесишь все те качества, которыми она была богата, то и видишь, что встречаются они очень редко. Любовь к людям, любовь и милосердие к животным; покорность в болезни и горе; радость в труде, — вот её положительные качества. И при этом отсутствие самодовольства, лени, зависти, жадности, осуждения ближнего... Это ли не подвижническая жизнь?»

И ещё о своём отце, его исканиях (отрывок из его дневника от 4 марта 1855 года — под Севастополем):

«Вчера разговор о божестве и вере навёл меня на великую, громадную мысль, осуществление которой я считаю себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле... Действовать сознательно к соединению людей с религией — вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечёт меня».

Поздравила Ираиду Павловну. Она скоро (до Нового года) будет у нас в гостях. Привезёт журналы «Художник» (которые

выпросила для меня у тётки Клары). У неё всё те же трудности с Лёшей: хулиганит и пьёт. Жалко её.

Серёжа оттачивал первую строфу (искал более точные слова), думал о следующей. Я же читала «Воспоминания» о разделе наследства, земельный вопрос. Затем немного стирала, готовила, мылась...

Серёжа всегда помогает мне: чистит картошку, моет посуду. И так доволен, каждый раз спрашивает: «Я тебе помог?» И весь светится при этом — как ребёнок! Я тоже спрашиваю его, когда что-то ему делаю, или подскажу в стихах, или замечание какое, непонятное место. Серёжа всегда прислушивается и как считает нужным, так и делает.

Его очень притягивает история праславян. Читая её, сделал вывод, что все скифские вожди заканчивали свою жизнь гибелью в походах. Так было и в V в. до н. э. (о чём он пишет сейчас). И хочет ещё вернуться к VIII в. до н. э.

(~ 24:00) Серёжа записывал на видео жеребьёвку Чемпионата мира по футболу из Лувра. А мы с Андреем на кухне пили чай и смотрели юбилейный вечер Олега Табакова («Пять вечеров с Олегом Табаковым») к его 60-летию. Эффектное начало: отрывок из спектакля А. П. Чехова «Дядя Ваня» с Ефремовым, Мягковым, Невинным и самим Табаковым — который полностью подходит к юбилею (если повторят вечер и будет плёнка — запишем)...

14 декабря 1995 г. (четверг)

(~ 13:00) Вчера утром ничем не занималась, разве что немного хозяйством — но больше переживала, что Серёжа увиливает от позирования. Работала в Университете. Соловьёв в третий раз предложил мне вести базу «Зарплата». Я два раза отказывалась. В денежном плане было бы нам легче, но... Во-первых, каждый месяц одна неделя полностью будет выпадать из занятий живописью, т. к. надо будет с утра до позднего вечера сидеть на работе, собирать табели, считать и пересчитывать.

И летом тоже не уехать из Москвы, даже на месяц. Всё это отразится на моих занятиях. Во-вторых, очень «суетная» база: сплошное недовольство преподавателей из-за низкой оплаты. А я не смогу спокойно всё выслушивать, буду дома переживать, как бы претензии ко мне.

Я даже говорю Серёже, что, может быть, это меня Бог испытывает деньгами. Да и учиться мне ещё два года. Лучше не отвлекаться. Ведь я хочу писать картины, так зачем мне возвращаться к старому — чиновничьей работе? Хочется заняться творчеством — это главное в человеке. Тем более что материально можно потерпеть, а там видно будет. Решили отказаться. Да и я столько прочла за это время! Что я знала о художниках, о Леониде Пастернаке, о Льве Толстом? Теперь это мои: и знания, и кругозор, и мысли, и чувства — всё для духовного развития. И нельзя останавливаться. Надо расти, читать дальше. История и искусство, философия и религия — вот чему стоит посвящать жизнь (духовную). А лишний рубль не сделает меня более сытой или одетой. Может только сделать более развращённой богатством, излишествами.

Вчера дочитала «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой. Я сидела на работе, одна в комнате, было где-то около 19:00. За окном темно и тоскливо. И так это всё соответствовало ноябрьской трагедии в Ясной Поляне — Астапове. Я плакала. Т. Л. всё очень верно оценила, как дочь — не обвиняя ни Софью Андреевну, ни Льва Николаевича. Они стали разными людьми, при этом любившими друг друга за страдания, которые они доставляли друг другу. Как Отелло и Дездемона. И никто чужой (Чертков и др.) не вправе судить и внушать что-то об их отношениях. Это трагедия двух близких людей, которым плохо друг без друга, а вместе невозможно. Я даже Серёже сказала, что финал жизни Толстого мог бы стать темой для драмы. Со смерти младшего сына Ванечки — 23 февраля 1895 года — и до 7 (20) ноября 1910 года семья прошла все темы трагедий: и сумасшествие — нервное расстройство С. А., и ревность к Танеёву, и слежка и обыски жены у мужа, и тайные дневники, и хор доброжелателей с доносами, и временные идиллии-примирения, и «война» двух лагерей — мать + сыновья и отец + дочери,

множество завещаний, уход из семьи, попытки самоубийства и развязка — смерть Л. Н. от воспаления лёгких, и через девять лет смерть С. А., тоже от воспаления лёгких. Все эти события происходят с известными и великими людьми на фоне занятий искусством, литературой, музыкой, самосовершенствованием...

Может, трагедия от тупиковой философии Льва Николаевича? Надо бы в ней разобраться.

Последние слова гения к сыну и людям:

«Серёжа! Я люблю истину... Очень... люблю истину».

Всю жизнь девизом Л. Н. Толстого было:

«Узнаете Истину, и Истина сделает вас свободными».

В последней главе «Зарницы памяти» есть разные интересные мысли.

«Отец (Л. Н.) любил цитировать фразу из французского письма: «Простите мне длинноты, у меня не было времени написать короче».

«...В заключение отец (Л. Н.) цитирует Вольтера: «Искусство быть скучным — это сказать всё».

« — Какой вы счастливый человек, — сказал ему Сологуб, — вы имеете всё, что любите.

— Нет, — отвечает отец (Л. Н.), — я не всё имею, что люблю, но я люблю всё, что имею».

И ещё о Льве Николаевиче. Он мало понимал в живописи — ценил только содержание картин, не воспринимал цвет. Считал, что научный и артистический труд служит узкому кругу привилегированного класса и что он бесполезен для рабочих и крестьян...

Утром Серёжа «посидел», ёрзая, полчаса — я сделала плохой набросок. Но, как ни странно, он вдохновился и сказал, что может «посидеть» вечером или завтра утром, чтобы исправить его. И всё спрашивал, насколько он похож. Андрей сказал (как судья): волосы похожи, глаза — нет, нос и рот — изменить пропорции!

Хоть лёд тронулся. Зато пока он сидел, ему пришли нужные строки второй строфы «Сказания о неврах» (условное название). И все мы были рады. Не пообедав, поехал в РИФ «РОЙ». А я упаковалась в ЗНУИ к Н. К. Смирновой (шесть работ, книги по иллюстрации, макет «Сказания о сколотах»).

(~ 22:00) Вечером все собрались дома. Я — полная впечатлений. В Университете встретились с Наташей Зубовой и там же наконец-то познакомилась. У неё хорошие натюрморты, а сегодня принесла портрет. Очень хороши руки, лицо, блузка. Только чего-то не хватает: лёгкости, свободы и самобытности. Мой портрет-эскиз рядом, конечно, не смотрелся, но что-то в нём натуральное: нет торжественности и чопорности. Хочется простоты и естественности, душевности. Как ни странно, натюрморт с цукини понравился больше, чем зимний, с хлебом. Серёжин — где он в кресле с книгой — тоже понравился. «Розу» я не показала.

Продолжается выставка работ ЗНУИ в церкви Фёдора Студита. Завтра отвезу туда свою работу. Так как у Натальи Константиновны было много студентов, мы не поговорили, и макет я не успела показать. Зам. декана Евгения Михайловна вернула мне кассету № 36 с художниками и очень просила ещё парочку (завтра захвачу).

16 декабря 1995 г. (суббота)

Вчера отвезла в ЗНУИ этюд с церковью («Дорога к храму») для выставки и две обещанные кассеты. На работе от Натальи Святославовны Бабкиной узнала об увольнении Леонида Сергеевича Соловьёва — проректора НГУ, моего начальника. Что будет со мной? Неизвестно. Целый день болели мышцы и суставы ног, спины. Может грипп? Сейчас эпидемия — вируса А.

17 декабря 1995 г. (воскресенье)

День выборов в Государственную думу. Голосовала за Демократический выбор — Гайдара и Гусмана. Андрей — за Черномырдина. Серёжа — за Демвыбор (Гайдара) и полковника (?).

Вчера звонил Андрей Апухтин — приезжал по делам на Октябрьскую, но не заехал. Сказал, что пробует сам растирать краски из камней с... подсолнечным маслом, т. к. краски очень дорогие, а пишет пастозно (корпусно), да ещё мастерком (мастихином), да большие полотна.

Приезжала Даша Заводовская, постригла Андрея, похвасталась новой дублёнкой, сапожками и сумочкой! Молодец — самостоятельный, взрослый человек! Может, её жизнь заставила, ведь она уже без отца и матери? Или борьба за выживание? Нет, просто цельный, сформировавшийся человек. По сравнению с ней Андрей — ещё ребёнок. Хотя холостые молодые мужчины одинаковы до 30–35 лет.

Вечер прошёл в разговорах за бокалом шампанского и у TV. Серёжа периодически возвращался к диалогу Гайдара и представителя Зюганова (коммунистов). Как был озлоблен и просто агрессивен юрист-коммунист! Страшно доверять таким власть. Фанатизм не уступает ни логике, ни разуму, ничему.

18 декабря 1995 г. (понедельник)

(~ 15:30) Совершенно дурацкая ситуация: я сижу на работе, а начальника нет, вроде бы сняли. Сажу и жду, кто же скажет, что мне делать. Будут ли собираться учебные планы и вестись базы данных по ним, и преподавателям?

Вчера. После тенниса Вероника впервые приехала к нам, предлог — взять плёнки о художниках. Я боялась навязывать наш дом, но всё получилось само собой. Да и её мама дежурила на выборах и пришла аж в 3:30 ночи (или утра) сегодня. Мы смотрели по video о русских художниках: Поленове, Сурикове, Брюллове и Кустодиеве, разглядывали и обсуждали мои работы. Веронике особенно понравился наш сад-огород: «грядки с огурцами» и «хрен». Ужинали, смотрели результаты выборов до двух ночи. Утром оказалось, что впереди коммунисты России (Зюганов), ЛДПР (Жириновский), «Наш дом Россия» (Черномырдин), «Яблоко» (Явлинский) — более 5 %; чуть менее у Гайдара, женщин России, КРО. Ещё не окончательные итоги,

да и одномандатные как-то повлияют. Есть среди них и независимые. Так что мы правильно помогли Гайдару — есть шанс и у него оттянуть часть голосов к себе (для блока демократов).

Сергей потихоньку доделывает вторую строфу: осталась одна строка.

19 декабря 1995 г. (вторник)

(~ 23:00) Сегодня сумбурный день. Утром исправляла в карандаше Серёжин портрет (губы) и покрыла холст ПВА — для масла. Серёжа перепечатал вторую строфу и писал третью.

Потом всё пошло кувырком: сломался выключатель в туалете-ванне, замок в тамбурной двери... Всё стало плохо-плохо... Да ещё записала фильм из цикла «жёны гениев» не о Софье Толстой (как хотелось), а о жёнах Мольера и Моцарта. И ещё с утра Андрей всех завёл: оказалось, что мы спали с открытыми дверьми!!! Забыл закрыть...

Только в пятом часу собрались на вернисаж в ЦДХ, да ещё по дороге никак не могли купить плёнку для Polaroid, Серёжа нашёл лишь в метро на «Октябрьской» кольцевой.

И тут началась сказка! Я боялась идти по полученному по знакомству студенческому билету добавить НГУ («очное отделение», а я — сотрудница). Но Серёжа взял себе за шесть тысяч, и мне — бесплатный!!! В фойе стояли киоски выставки цветов, был вернисаж — толпа, музыка, кругом цветы.

Мы поднялись в 15 зал. Зал небольшой, метров 50. Потом я узнала, что его аренда обошлась в 500 \$ за две недели. Саша Бухаров и Сергей Некрасов — уже знакомые по выставке портретов с фото — были в зале среди зрителей: гостей, друзей, просто случайных людей. Семь ящиков картин очень насыщенно разместились на стенах и конусной пирамиде из картин в центре зала. Почти, даже чуть ли не все картины Бухарова я видела в его мастерской: подражание Босху, триптих «Рождение» — «Жизнь» — «Смерть», «Рыболов», «Кораблик с плотиной», «Кубок», «Крест с часами», серия «Маски», серия «Пресмыкающиеся», «Адам и Ева, яблоко, змий»... — названия

мои. Картины Некрасова интересны своей необычностью: яркие открытые цвета, стилизация, серия «Ангелы и чёрт в городе» (15 картин), графика, натюрморты...

К 17:00 зальчик был заполнен... Открытие. Выступление искусствоведа, директоров галерей «Три Т» и «?», самих художников. Шампанское. Поздравления художников: целовали, жали руки, говорили комплименты. Я сначала ступевалась и даже постеснялась подойти к Саше. Серёжа всё подталкивал меня. Первый подход был неудачным — успела сказать «поздравляю», и тут же его утащили. Во второй подход Серёжа снял нас в толпе, и я успела попросить сфотографироваться вместе у картины! Саша сказал: «Минуточку! Положу всё!» И унёсся с букетами цветов к столу. Вернулся не сразу, а успел пообщаться с тремя-четырьмя посетителями, но вернулся! И я предложила сфотографироваться у жёлтого пресмыкающегося, то ли хамелеона, то ли ящерицы. Сделали два фото — себе и ему, своё он тут же отдал знакомым, с автографом. Сделали ещё кадр на фоне триптиха по Босху — картины получились плохо, а мы — я и Саша — весело. «Вот всегда бы так смеялась!» — сказал Серёжа. Саша подписал совместную фотку: «Иришка, учись!» Сходили на лестницу, ведущую на третий этаж, к портрету Джорджа Вашингтона, написанному пятью художниками, в т. ч. Сашей и Серёжей (Некрасовым). Мой Серёжа всё искал точку, чтобы видно было и нас и Вашингтона. С нами ходила девушка, как оказалось при знакомстве — Галя. Серёжа подписал ей сборник стихов «Книга первая», поговорили о тяге к корням славян, об истории, о книгах и разбежались. Я утащила Серёжу на третий этаж посмотреть выставку реалистов — портреты (по-моему, Цибирняк, с 40-х по 70-е годы?), пробежали третий, затем часть второго этажа и ушли. По дороге анализировали виденное. Серёжа сказал, что признаёт мастерство Бухарова, но в работах мало чувства, больше разума. Я пришла к заключению, что авангард — это синтетическое искусство. Так, Саша пишет «из головы», или по фото, картинкам... но не с натуры, не пленер. Нам же — мне и Серёже — ближе натуральная гармония природы. В ней больше чувства. Может быть, картины так же как и люди, живут кто разумом, кто чувством.

Первые трамваи — туда и обратно — были наши. И мы уже этому были счастливы! Я забыла об утренних неприятностях! Отключилась на время, попав в мир картин. Серёжа сказал, что у меня очень довольный вид.

Позвонили в дверь Ире Кочетковой — соседке, позвали посмотреть макет, картины, фото. Она принесла маленькую Басю — кису! Немного осмелев, Бася носилась козликком по комнатам и коридору, а Чуча с удивлением следил за «девочкой»: она под диван — он за ней, хотя еле пролез; она под столик — он туда же и т. д.

Выборы прошли. К сожалению, наших голосов не хватило Гайдару: на сейчас всего 4,4 %; днём прошла байка, что у Гайдара 5,075 — но это была «деза». В Думе: коммунисты (Зюганов) — ~ 22 %; ЛДПР (Жириновский) — ~ 11 %; «Наш дом Россия» — ~ 9 %; «Яблоко» (Явлинский) — ~ 8 % и всё... По одномандатным — опять коммунисты. Но не может же вернуться всё вспять? Черномырдин после разговора с Ельциным спокоен, даже без перестановок в кабинете министров.

22 декабря 1995 г. (пятница)

Так пролетела неделя, что казалось, вела дневник каждый день, а на самом деле — два дня выпали.

Я за это время закончила эскизный портрет Серёжи. Даже немного похоже. Хорошего: использовала полуоткрытые цвета — зелёный (волконсит), ультрамарин, кадмий жёлтый, англ. красную, охру красную, марс коричневый — с белилами. Плохо: лицо немного гипсово-восковое, линия носа совпала с жилкой на лбу, и теряются глаза.

Надо сделать свой парный портрет.

Серёжа закончил четвёртую строфу «Сказания о Невриде». Ему ночью приснилось название всех частей: «Сказания о праславянах».

Помечтали, что, если написать о каждом веке с VIII в. до н. э. по VIII в. н. э., то получится 16 частей — целая книга (до Рюри-

ковичей). Можно издавать отдельными частями (как «Сказание о сколотах»), а затем поискать издательство и предложить ему одну книгу большого формата с цветными иллюстрациями.

А пока Серёжа пишет пятую строфу, с энтузиазмом. Читаю с большим наслаждением. Представляются лесные дебри, оборотни, скифская конница цепью идёт по тропам в неизведанные края Невриды. Интересный, экзотический, а главное — познавательный материал.

На работе завожу в базу данных учебные планы — уже готовы экономический и филологический факультеты. Многие болеют. Наталья Святославовна Бабкина уже четыре дня лечит дочь от гриппа. Эпидемия в самом разгаре: по Москве — более 250 тыс. Грипп трёх видов:

— с t° ~ 37–38 + насморк + горло + кашель + голова (простудный);

— с t° около 40 + боли в животе, рвота (желудочный);

— с t° около 40 + боли в суставах (ревматический).

Все формы тяжёлые. Температуру сбивать аспирином нельзя, а — парацетамолом и укусуным обёртыванием. Есть чеснок, лук.

24 декабря 1995 г. (воскресенье)

(~ 22:00) Уставшие после тенниса: я на — диване, Серёжа с Чучей — в кресле. Чуча спит и подставляет животик для глажения — почти человек. «Очеловечился», — говорит Серёжа. Котик спит жарко, и Серёжа всё старается сбегать Чучу ко мне на диван.

Вчера работали и дома, и на работе.

Серёжа дописал пятую строфу, а вместо седьмой строфы решил повторить первую. Ему осталась шестая. Пока всё увязано и интригующе. Чем-то (по живописности или «литературности», по мнению Серёжи) созвучно третьей песне «Сказания о сколотах».

Я занималась своим портретом: вчера в карандаше, сегодня — первая прописка. Рискнула на коричневой грунтовке.

Но, видимо, переоценила свои силы: как на белую грунтовку страшно класть первый мазок — он кажется инородным, не таким как задуман, темнее, и только с пропиской всё встаёт на место; так и здесь: на тёмном фоне любой телесный мазок кажется почти белым. Даже испугалась, что всё испорчено. Но после окончания первой прокладки стало всё выравниваться. Завтра — покажет.

Из Красноярска пришло письмо от Людочки, вернее, новогодняя открытка с обещанием письма. Я быстро написала ответ, завтра отправим.

Гайдар в новостях давал комментарии к программе на три месяца 1996 года, заявленной ком. блоком: вплоть до восстановления возможности нанесения первого атомного удара (!!!), а ещё — приостановить уничтожение оружия, ликвидировать конвертацию рубля, ликвидировать страховую медицину, установить контроль государства над экспортом ряда товаров...

Не хватило времени для окончательной стабилизации, на инертность — 2,5 года, а после замедления реформ (с отставкой Гайдара) срок ещё и сдвинулся.

Тяжело думать о возвращении к старому. Для нас с Серёжей наше время многое изменило: Серёжа пишет и издаёт книги, подумывает вступить в Союз писателей, я — учусь живописи за счёт времени, высвобожденного от работы. Ведь прежде, при восьмичасовой работе (от и до), это было бы невозможно. Я занимаюсь каждый день по два-три часа утром. Если в сентябре 1994 года я мечтала научиться писать хотя бы натюрморты, то запросы растут, и уже хочется написать и пейзаж, и самый сложный натюрморт — «человека», а может быть, и сюжетные картины. Главное — работать, желательно больше.

Андрей просил у своего начальника — Андрея Борисовича Родионова — подработку. Ему обещали три компьютера: за два заплатят, а третий — Алексея Козлова, сотрудника их фирмы (Андрюша говорил, что он известный саксофонист).

Вероника на теннисе не была — ездил на день рождения к маминной маме. А мы ей сделали и возили с собой этюд «Флоксы», в раме...

26 декабря 1995 г. (вторник)

(~ 23:00) Серёжа сидит в кресле и что-то нашёптывает — «добывает» последнюю строфу. Утренний вариант, которому он так радовался, вечером — не подошёл. И опять крутит толковый словарь и т. д. Перед обедом дал мне почитать черновик, но, то ли много правок, и я не поняла, то ли ещё что — я начала сходу критиковать: дескать, примитивная рифма, твои стихи тоньше... Не знаю, почему я так разошлась с одного прочтения. Может быть поэтому, а может быть ещё почему — Серёжа опять работает над ней.

Утром правила эскиз автопортрета: то красный английский, то ультрамарин или волконсит. Резковаты веки. Но для первых портретов (так в учебнике) допускается преувеличение в цвете, только бы не было пестроты. Заканчиваются некоторые краски: белила, охра светлая, волконсит, неаполитанская. Боюсь даже в магазины заглядывать — цены взлетели на всё (даже метро с 22 декабря с 1000 руб. выросло до 1500 руб.). Нужны и кисти. Серёженька, добрая душа, говорит: «Вот займу денег — и сходи, купи себе, что надо». И занял. Сегодня ездил к старой знакомой, сослуживице Татьяне Галинской — на выкуп книги дали 200 \$. Как будем расплачиваться в январе? Долги уже составляют 500 \$ + 300 тыс. руб.

Хоть с работой у меня сегодня положительные эмоции, несмотря на то, что Валентина Лукинична Белова (снятый декан экономического факультета) говорила о проверке моей работы. «Пусть проверяют», — мой ответ. Ведь что давали, то и набивали. Если есть предложения или замечания — давайте, всё исправлю. За учебными планами теперь следит Юлия Витольдовна Сумарокова. Я с ней уже немного работала (до того, как Белова её сняла), и неплохо. Женщина на редкость уравновешенная, что особо ценно. Соловьёва с Беловой прикрепили к новой работе: внедрение, вернее, разворачивание

на базе Центра обучения модульного обучения. Мне это непонятно. Но что-то такое делала Наташа Шумянкova.

А так — готовимся к Новому году. Составила раскладку на праздничный стол: куча салатов, селедка под шубой, мандарины и шампанское! Завтра начнём в НГУ с Натальей Святославовной Бабкиной, Юлей Беличенко и, может быть, с Наташей Шумянковой — чай с тортом в 17:00. В четверг, возможно, в РосКЦИТО. В пятницу (29) — юбилей Юрия Пантелеймоновича (Серёжиного папы), в субботу — по хозяйству, нарезание салатов и в воскресенье — Новый год, но после тенниса!

Андрей получил премию — 100 \$, обещал часть оставить себе на одежду. Посмотрим. Сейчас с Пашей и Шуриком... играют на компьютере.

28 декабря 1995 г. (четверг)

(~ 21:00) Сидим у TV и смотрим фильм к 100-летию кино, о братьях Пате.

Предновогодние дни полны суеты. Сегодня ездил в «Коньково» за подарком для Юрия Пантелеймоновича — купила спортивные «шаровары» (60 тыс.). Серёжа крутился по делам РИФ «РОЙ». Завтра юбилей у Ю. П. — 70 лет, и мы в 12:00 поедим к Серёжиным родителям (чтобы помочь). А в 10:00 к нам заедет Наташа Шумянкova с... кошечкой. Она с дочкой уезжает на каникулы в спортлагерь МИЭМ, а кошечку — к нам, тем более что она очень мучается без кота. Единственное, кошечка невоспитанная, не ходит в туалет. Надеемся, что она подружится с Чучей.

Серёжа закончил сказание о неврах. Очень сказочно, таинственно! Я перечитала раз пять. Потом читала Андрею. Мне очень понравилось. Андрей сказал, что читал книгу про невра — полуфантастика, мистика; что настроение есть. Серёжа уже думает дальше: о восьмом веке. Он уже варьирует настроение, выбирая тематику то воинственнее, то таинственнее, то любовное. Я верю, что у него всё получится. Он тоже чувствует свою правоту. Главное — верить в себя.

Читала про импрессионистов — они верили в правоту своей живописи, поэтому, даже непризнанные, осмеянные, терпящие нужду — делали своё дело.

2 января 1996 г. (вторник)

(~ 16:00) Джон Ревалд «История импрессионизма».

Из письма Ренуара: «...Так, в результате наблюдений на пленэре я перестал возиться с мелкими деталями, которые гасят солнце, вместо того чтобы зажигать его».

Советы Писсарро молодому художнику, которые как бы подытоживают концепции и методы всех пейзажистов-импрессионистов: «Выбирайте натуру, соответствующую вашему темпераменту. Подходите к мотиву с точки зрения формы и цвета, а не рисунка. Нет необходимости обрисовывать форму, которую можно выявить без этого. Точный рисунок сух и нарушает впечатление целостности, он уничтожает вес ощущения. Не обозначайте слишком точно контуры предметов; мазок, правильный по цвету и силе должен создать рисунок. При изображении массы не так трудно детализировать контур, как писать то, что заключено в нём. Пишите самое существенное в характере вещей, старайтесь передать это любыми средствами, не беспокойтесь о технике. Когда пишете, выберите предмет, посмотрите, что находится справа и что слева, и работайте над всем одновременно. Не пишите кусочек за кусочком, а пишите всё сразу, накладывая краску мазками правильного цвета и силы, учитывая, что находится рядом. Используйте мелкие мазки и пытайтесь фиксировать свои впечатления немедленно. Глаз не должен сосредотачиваться на одной точке, а должен видеть целое, наблюдая за отражением красок на всём, что их окружает. Работайте в одно и то же время над небом, водой, ветками, землёй, стараясь, чтобы всё продвигалось в равной мере, и непрерывно перерабатывайте, пока у вас не получится то, что нужно. Покрывайте холст с первого же захода и затем работайте над ним до тех пор, пока вы не увидите, что больше нечего добавить. Как следует наблюдайте за воздушной перспективой от переднего плана до горизонта, за отражениями

неба, листья. Не бойтесь накладывать краски, отделяйте работу постоянно. Работайте не согласно правилам, а пишите то, что видите и чувствуете. Пишите щедро и уверенно, так как желательно не терять полученное первичное впечатление. Не робейте перед лицом природы, надо быть смелым, даже рискуя обмануться и наделать ошибок. Нужно иметь лишь одного учителя — природу; с ней всегда надо советоваться».

6 января 1996 г. (суббота)

(~ 18:40) Серёжа проводил Веронику до метро. Она была у нас с вечера (обеда) четверга — с целью написания портрета: в четверг успела наметить в карандаше, в пятницу — исправить карандаш и проложить в цвете маслом, а сегодня уточнить цвета. Завтра подправлю глаза, губы, нос. Всё-таки писать заказ ответственно, и существенно влияет желание понравиться. Стараюсь оставаться свободной, но подсознательно не экспериментирую, как хотелось бы. Получилось, похоже, но всё-таки не очень «вылеплено», часть «прорисована».

Вернусь к 29 декабря — ко дню рождения Юрия Пантелеймоновича. Были тётя Нина, Алик с Галей, позже подъехали Наташа (сестра Серёжи) с Вероникой. Конечно, Юрий Пантелеймонович и Татьяна Алексеевна устали от подготовки. Стол буквой «Т», в лучших традициях объедания, был заставлен: от салата — до селёдки, от водки — до домашнего вина. Разговоры о Прибалтике. Т. А. рассказывала, как, будучи беременной (первым сыном Сергеем, который умер в годовалом возрасте), по дороге к мужнину месту службы пряталась со спутником под лавками на вокзале, где их искали бандиты; как в другой раз не растерялась при поимке, ударила мужа, как чужого прибалта, дав ему возможность скатиться в кювет и сбегать в гарнизон за подмогой — грузовиком с солдатами, схватившими бандитов при выходе их из парка.

Наташа, просто блестящая современная женщина — красивая, ухоженная, с причёской, на машине; но уставшая, да и недолголюбивающая родственников, застолий, — ушла спать!

Молодец. Я так не могу. Мне тяжелее всего обидеть человека своим пренебрежением.

Уехали с Наташей и Вероникой, да с мешком сахарного песка. Серёжа по карте ориентировал Наташу, куда поворачивать, чтобы заехать к нам. Чуть не въехали в замёрзшую лужу-море недалеко от дома.

Серёжа дважды подправлял текст о неврах и перепечатывал. Пока я была вчера на работе в Университете, он с Вероникой посмотрел серии о «Битлз» и вдохновился на работу даже о самих Битлах.

Я дочитала «Историю импрессионистов» Джона Ревальда. А сегодня записала фильм о Мане (Франция, 1980 г.)! Постепенно выстраиваются и представляются всё отчётливее его достижения: новизна, необычность и то, что казалось скандальным — тематика и её выражение, контрастность, отсутствие плавных переходов света-тени, отсутствие деталей. Именно это станет основой целого направления — импрессионизма.

Перед Новым годом заезжал Андрей Апухтин — он сказал, что они с Андреем Шагаровым выставили свои картины в салоне Куровской, и что мальчишки смеются над его цветами в вазе: «Вот это мазня!» Апухтин говорит: «Это и есть успех!» — не равнодушие, а активное восприятие, пусть отрицательное, но живое.

Я и думаю, что перед картинами импрессионистов были такие же вопли, смех.

Следует и мне писать, как я это чувствую, пусть не так, как принято воспринимать.

Новый год провели втроём, вместе с соседкой Ирой. Смотрели по TV фильм с участием звёзд эстрады в стиле ретро-шлягеров 1940-х и в четыре часа легли спать.

Всё это время у нас живёт Кэша — рыжая гладкошёрстная кошечка. Первые три дня — любовь с Чучей (не отходили друг от друга ни на шаг). Сейчас немного успокоились — ну просто идеальная семья, а какой колорит! Особенно когда спят

рядышком на кресле: на красном фоне — серое и рыже-белое, да ещё полосатое. Хорошо бы их запечатлеть.

Получили поздравительные послания из Красноярска, Хабаровска и Ростова-на-Дону.

17 января 1996 г. (среда)

Я под впечатлением вчерашнего вечера Анатолия Полякова в ЦДЛ. Этот вечер даже не был напрямую связан с выходом книги, т. к. прошло больше года, даже два с половиной (по словам Галины Вячеславовны Рой). Скорее это был просто поэтический вечер Толи.

Мы с Серёжей приехали пораньше с продукцией фирмы РИФ «РОЙ» — сборниками стихов разных авторов, выпущенными за последние два года.

Анатолий волновался: то микрофон не тот («сидячий»), то стаканов нет (для воды и шампанского), то народу мало (опаздывают). Мы сели во втором ряду у окна (в Малом зале), чтобы можно было снимать на Polaroid, но, как оказалось, напротив прожектора, освещавшего президиум. На столе лежали цветы, книги, но за стол так никто и не сел — все были в зале. Подходили знакомые, малознакомые и незнакомые люди. Только Лена Исаева принесла цветы и ушла домой, к сыну. Это поступок. Мы пришли без цветов — решили сделать подарок фотографиями. Появился довольный Андрей Шацков — прошёл между рядами к Рой и, обращаясь к Серёже, спросил: «Готов?» Серёжа сориентировался: «Я-то готов, а вот Толик где-то здесь, в холл вышел», — и увёл Шацкова обратно. Пока они пропадали, подходили слушатели. Рой тихо говорила знакомой, что видела в холле Старшинова — значит, он будет на вечере.

Николай Константинович Старшинов. Серёжа принёс его мемуары о поэтах «Лица, лики и личины». Я увлеклась его воспоминаниями, и многое из них читала Серёже вслух — анализ стихов советских поэтов, теперь уже классиков. Мне хотелось заинтересовать его, как мне казалось, профессиональной тематикой. Так и вышло — он прочитал книгу от корки до корки в электричках, по дороге в деревню и обратно. И был согласен

со многими суждениями автора о современных ему поэтах, особенно о Евтушенко и Вознесенском (что они эксплуатируют свои старые успехи, видимо, боясь скатиться с вершины своей популярности, идут на всякие популистские дела). Мне сразу захотелось (ввиду моей плохой памяти) чуть позже перечитать эту книгу. С большим удовольствием я подарила один экземпляр на день рождения Гале Воробьёвой, и ей тоже очень понравилось. Конечно, после всего этого было интересно увидеть автора, я уж не говорю о том, что он сам поэт (его стихи я пока не читала, но Серёжа уже приготовил для автографа его книжку «Участье», 1987 г., «Детская литература», 100 тыс. экз.) и к тому же первый муж Юлии Друниной. Мне очень понравилось его трепетное отношение к Друниной, к её второму мужу, его уважение к личностям.

Более я никого не знала. Серёжа познакомил меня с Галиной Вячеславовной Рой. Как она мне понравилась на фото в редакции — так же и в жизни. Только если на фото сложилось просто приятное впечатление, то в жизни — её обаяние, забота об авторах, сотрудниках (что не подчёркивалось), просто о людях, её простота в обращении и сразу же доверчивость к тебе — просто обезоруживают и не могут не вызвать тех же чувств, того же отношения в ответ.

Анатолий начал вечер стихами о детстве, ранними, начала 1980-х. Вернее, сначала шла ещё нигде не опубликованная «Звёздная баллада», а затем стихи о детстве: об улитках на дереве, стрекозах на шиповнике («бронзовки»), крокодила, которые едят калоши, соседской девочке и т. д. — тот сказочный мир детства, который всем близок. Читал он не очень уверенно, немного тихо, даже как-то равнодушно. В первый перерыв между стихами вышел Старшинов и вспомнил, как Анатолий прислал стихи на всероссийский конкурс и оказался одним из призёров. Похвалил его преданность традициям русских поэтов и покритиковал за «длинноты» и некоторую рассудочность, недостаточность темперамента, эмоциональности. Тут же вышел импозантный мужчина (с ручкой и листочками) — с седоватой бородкой, в голубом джемпере — и стал, чуть ли не по строчкам анализировать каждое стихотворение. При этом начал с

того, что на вечера таких-то поэтов он не пошёл бы, зная, что это такое, а вот на вечер неизвестного поэта А. М. Полякова пришёл и, как ему кажется, не обманулся, увидев здесь Старшинова, имеющего чутьё (нюх) к талантам. После чего спросил, сколько Полякову лет и, услышав, что около 40, сказал, что думал — 25, что очень свежи детские стихи и далее шёл полный разбор. Я про себя окрестила его «критиком». Позже его называли Альбертом по фамилии Кравцов.

Далее Толик читал стихи из циклов «Во всех временах» и «Графика».

Как оказалось, Шацков, Серёжа и Толик успели перед началом выпить на улице по стакану шампанского: Андрей позвал их к персональной машине, достал откупоренную бутылку шампанского, и — после допития её на капоте — демонстративно отпустил шофёра до утра (?!). Вообще-то Шацков вёл себя барином. Перед началом вечера, подойдя к столу со словами: «Это всё продукция вашей фирмы? Вы не видели продукцию нашей!» — вытащил из стопки одну книжку: «Очень симпатичная девушка, просто красавица, я бы ей издал бесплатно книгу за полтора миллиона». И всё в том же роде.

Так вот, во второй части Толик вдруг осмелел (если это можно вообще применить к Толику), голос стал звонче, разговор менее напряжённый. А когда «критик»-Альберт попросил на бис повторить стихотворение «Ноктюрн» — обрадовано засмутился, но повторил. В зале слышались реплики: «Замечательно! Чудесно! Здорово!» Читал стихи социальные: о трудностях материальной стороны жизни в настоящее время. Вспомнил студию «Весы», где он занимался, ребят по объединению, тех, кто был в зале (Серёжа, Марина Усачёва, Виктор Корнетов), кого не было (Сашу Климова, Славу Васина) и уехавших в Израиль (Леонида Колганова и руководителя Анатолия Викторовича Викторова). Дал слово присутствующим, с просьбой почитать стихи. Выступил Шацков, не помню, о чём говорил, затронул, вернее, козырнул знакомством с уехавшим Колгановым, прочёл для Толика стихотворение. Затем вышел Серёжа. Хорошо начал о «Весах», тепло отозвался о Викторове и ребятах. Вспомнил, как принимали его: голосовали Поляков, Усачёва и Васин (результаты

тат — 2 : 1, Васин почти всегда был против). Немного замялся, вспоминая фамилии других. Прочитал два стихотворения («Декабрь», «Я говорил, что не ревную...»). Выступил Виктор Корнетов, говорил искристо, энергично — немного чудно одетый, в красной рубашке на трёх пуговицах под пиджаком и с коротким бежевым галстуком (!). Серёжа сказал о нём, что он и раньше был такой же. Виктор защищал рациональность стихов Толика, привёл строку Лермонтова, что чувственность с годами сменяется мудростью, заменяется опытом. И опять выступил «критик» — поэт Альберт Кравцов. Второй этап он назвал уже зрелым и обещающим в будущем при таком развитии место в плеяде лучших русских поэтов-классиков... Вот как! Я сидела за Анатолием, к которому часто подходил фотограф «Молодой гвардии» (пожилой мужчина, постоянно снимавший зал, выступающих). После слов о «классиках» у меня мелькнула мысль, что и я приобщилась...

В третьей части вечера Толик читал стихи о любви (а может, наоборот, во второй) — я практически ничего не писала, т. к. была поглощена настроением вечера и эмоционально возбуждена. Серёжа потом говорил, что много новых неопубликованных стихов, что Толик изменился, вырос при оставшейся рассудительности в стихах. Запоздало появился один из приглашённых, как потом оказалось, в те времена — в начале 1980-х — зав. отделом поэзии газеты то ли «Литературная Россия», то ли «Новости культуры», где Толик был рецензентом по стихам. Зав. отделом понравились его обстоятельные рецензии, неформальный подход к каждому автору, абсолютный «поэтический слух» (сравнил с музыкантами), чутьё. Заинтересовался его личными стихами — почитав подборку, оценил мастерство и профессионализм. Дал ему рекомендацию в Союз писателей, которую зачитал на вечере. Я впервые слышала рекомендацию: целая статья-анализ, разбор стихов с положительным уклоном.

Выступила и одна из старых сотрудниц тогдашней «Молодой гвардии», работавшая вместе с Рой при подготовке «Истоков». Поляков был одним из участников сборника.

И, конечно, Рой. Очень тепло, по-матерински. Восторженно и с благодарностью. Не знала, что у Анатолия столько стихов.

Говорила о его помощи в создании поэтической серии, о том, что много ведёт работы по фирме и т. д.

После выступлений Толиных сослуживцев по науке в академическом институте, которые ещё больше не ожидали его признания профессионалами, началась самая, как сказал Толик, «весёлая часть» — фуршет.

Появилось шампанское (три бутылки), две коробки конфет. Все стали фотографироваться и обмениваться автографами на своих сборниках.

У стола всех перекрывал Андрей Шацков. Старшинов, покурив, сидел на третьем ряду и к нему поочередно подходили люди. Я набралась храбрости, тоже попросила автограф на двух книгах, кстати подошёл Серёжа, и я их сфотографировала. Николай Константинович сказал несколько слов о новой книге воспоминаний о прозаиках. Поговорили, и я решила сделать общую фотографию. В первый ряд к Рой, Анатолию и Старшинову встал Шацков (уже прилично выпивший, потом на следующий день Рой с Поляковым объясняли это тем, что у него нелады в семье...). Я всё старалась «зацепить» Серёжу, стоявшего с краю, но он упорно был в стороне. Пять фото отдали Рой, т. к. желающих было намного больше, и она раздала: знакомой по «Молодой гвардии», Полякову, наверное, Старшинову, одну утащил Шацков и кому ещё — не знаю. У нас с вечера осталось две (общая и Старшинова с Серёжей). Одну, когда Толик стоял у микрофона, мы подарили ему. Цветов было много — охапка (букетов пять-шесть). Все возбуждённые общением, шампанским, клялись ещё обязательно встретиться, повторить вечер... Никто почти не расходился. Стояли в толпе. Переходя друг к другу, перекочевали в коридор. Мы не смотрели на часы. В фойе разговорились со Старшиновым о его новой книге. Он стал рассказывать о Переделкине, о рано умершем писателе Константине Воробьёве. Он очень высоко ценит прозу Воробьёва — считает самой сильной военной прозой о защите, обороне Москвы, Волоколамском направлении. Потом вспомнил прозу о 1930-х, о крестьянстве... Вспомнил Веру Ибнер, её жестокость, нетерпимость, выступления против многих талантливых писателей и поэтов. И только теперь,

как сказал Николай Константинович, понял, почему она это делала — боялась Сталинских репрессий...

Мы оделись и пошли к метро «Баррикадная». Был тихий вечер с лёгкой оттепелью, но падали редкие хлопья снега. Николай Константинович рассказывал. У него хорошая память, он помнит наизусть множество стихов современных поэтов. Работая в многотиражке, запоминал почти все стихи, проходившие через его руки, особенно те, которые ему нравились. Мог бы провести несколько концертов-выступлений только по стихам. Николай Константинович перешёл к графоманам. Я вспомнила главу о поэтах-графоманах, по-своему талантливых, более похожих на частушечников, но обижающихся на такое отношение. Нас догнал «критик», подхватил Старшинова под руку, а Николай Константинович шёл с палкой (не с инвалидной, аптечной, а настоящей, без ручки, кривоватой — дугой), он всё заглядывал сбоку и подначивал: «Вы лучше расскажите про то, как вы частушки пели». И Старшинов улыбался, вспоминая. Рассказывал о Переделкинском стороже, который бегал за водкой и учитывал не бутылки, а граммы, кто, сколько выпил. Рассказывал о том, как лечился от алкоголизма в Кремлёвке, где его поместили в отделение «Дефектов речи» (так благозвучно называлось отделение алкоголиков). И несколько раз подчеркнул, что скоро будет 24 года, как он бросил пить. «Критика» волновало, как он себя чувствует в компаниях. «Я заражаюсь общим настроением, — был его ответ. — Правда, потом, когда перебирают, становится неприятно. А так — ничего особенного». Дойдя до метро, «критик» сказал, что ему на Пресню, близко, и, пожелав успехов Николаю Константиновичу, затем нам, пожав руки мужчинам и... поцеловав мою — удалился. В метро Николаю Константиновичу надо было на кольцо, и мы пошли его проводить на «Краснопресненскую», разговаривая по дороге обо всём — от поэзии до быта. Оказалось, что Николай Константинович живёт на «Проспекте мира» (кольцевая) и направо по трамвайной линии, в доме, где магазин детской книги. Это дом творческих работников (назвал известные имена соседей). С ним дочь (от Юлии Друниной). Пожаловался на зятя, совершенно не интересующегося его книгами: «Я уверен, что он не прочёл

ни одной». Мы бросились уверять в обратном. Но он стоял на своём. Рассказал о большой личной библиотеке, которая скоро будет никому не нужна. Внучка собирается замуж и возможен в этом году уже правнук. В метро мы долго стояли, и мне хотелось как-то уважить этого симпатичного человека. Я ещё раньше рассказала ему, как мне понравилась его книга, что я дарю её подругам, а теперь хотелось как-то продолжить знакомство в дальнейшем, но я так и не смогла найти точек соприкосновения. Николай Константинович сел в поезд, а мы остались.

28 января 1996 г. (воскресенье)

Книга уже дома: десять пачек по 50 штук — вот такая проза. А поэзия: всё смотрим с четверга, 25 января — и всё не наглядимся на тоненькую книжечку терракотового цвета, но такую родную, будто мы её с Серёжей родили (за полгода). Теперь наш «детёныш» начал самостоятельную жизнь, у него свои отношения с миром, с людьми. Уже почти сто человек держат эту книжечку в руках, смотрят картинки, читают слова, собранные в строки и строфы.

25 февраля 1996 г. (воскресенье)

22 февраля в музее В. В. Маяковского прошёл вечер-презентация Редакционно-издательской фирмы «РОЙ». Галина Вячеславовна Рой поручила мне оформление зала, а Серёжу пригласила выступить на вечере, семь минут. Для подготовки оформления зала съездили с Серёжей и осмотрели его. Очень уютный, диванный, с кирпичными стенами Театр поэзии. Рой попросила сделать на ватмане плакат («Презентация РИФ «РОЙ») и оставить место для автографов, а уже накануне — 21 февраля — добавила ещё строки одного ветерана Давида Бутовецкого:

*Пегас осёдлан, ногу — в стремя,
В грядущий век зовёт Вас время.
Летите же, ровня строй,
Благословляет Вас РИФ «РОЙ»!*

Уже в конце вечера он своей рукой ещё приписал:

*Ах, калина, ах, малина,
Сладка — славная,
Полюбилась нам Галина
Вячеславовна!*

*Мы оттуда роем, роем,
Разлетелись кто куда,
Осчастливленные РОЕМ
На года,
года,
года.*

Были и другие авторские надписи на плакате, например, Нины Красновой:

*А наше издательство «Рой»
За поэта стоит горой!
И поэты стоят горой
За своё издательство «Рой»!*

Ещё сделали две вывески с названием фирмы, адресом и телефонами. И не зря, т. к. были звонки — предложения на издание двух книг и помощи от банкира (?). Хорошо бы банки сманить на издание Серёжиной книги, пусть с рекламой.

Потом пришла мысль украсить стены картинами, но у меня их мало, и я обратилась за помощью в ЗНУИ. Там это восприняли как надо, но очень ответственно: пошли смотреть зал, а мне поручили отбор, подписи и аннотацию. Три дня мы возились, но к вечеру всё сделали. Моих две работы («Январское солнце» и «Цветы у окна»).

Мы с Серёжей обзвонили 40 человек. Пришло 30 человек: сестра моего папы Ираида Павловна Скороходова, моя сестра Наташа, моя троюродная сестра, вернее, племянница Любаша Прунтова, Андрей с Олей, Серёжина тётя Нина с подругой, мой однокашник по институту Володя Теплицкий, мои подруги Света Довгер и Ирочка Фирова, бард Роман Исхаков, Даша За-

водовская, Аня Лазорева с подругой, Сергей Мозалёв с дочкой Светой и её подругой, Женя Яковлев, сослуживец Сергея, поэт Саша Климов, теннисисты — Люда с мужем Валерой и друзьями, Виктория Рукина. Кажется, все.

Серёжа Лосев, мой сослуживец по НГУ Натальи Нестеровой, дал телефон своей мамы Натальи Сергеевны Вартанян, чтобы передать его Рой для подготовки сообщения по радио. И не обманул, предупредил маму: 24 февраля по «Радио-1» 12 минут + 25 февраля по «Маяку» ещё 5 минут — вышло отлично! Я даже предложила Сергею самостоятельно договориться о передаче, но он сказал — до осени.

Было много выступающих: Николай Старшинов выступил дважды — в начале рассказал о работе с РИФ «РОЙ» (частушках) и в середине почитал свои стихи; Андрей Шацков, Толя Поляков, Дмитрий Быков, Серёжа, Слава Васин, Нина Краснова, Лена Исаева и др. Обещали через неделю дать переписать диктофонную запись.

30 марта 1996 г. (суббота)

Вчера Серёже исполнилось 40. Не отмечали (говорят, плохая примета отмечать эту дату), но 9 марта собирали его друзей вместе с моими.

Серёжа закончил четвертую часть Сказаний — об Ольвии в V в. до н. э. Отшлифовывает её, но уже отдал мне для работы над иллюстрациями. И вот второй день голова, хочешь-не хочешь, работает в нужном направлении: подбираю книги, справочники и т. д. Уже мечтаем, как сделаем книгу — какая обложка (тёмная, можно чёрную с золотыми буквами и орнаментом), пять иллюстраций и три карты. Потихоньку уходит «Сказание о сколотах»: много раздали, но и кое-что продали в «Гилее», Славянском обществе, да Щетинин десять штук взял для работы. Думаем, что если найдём спонсора, то надо делать тираж одну-две тысячи, если не найдём — то опять 500 штук.

Сегодня в гостях была Вероника (поздравила с днём рождения и подарила орудие труда — набор: ручка и карандаш) и неожиданно заехал Андрей Апухтин (был на набережной, на

вернисаже). Показала три работы: «Январское солнце», «Последнее дерево» и «Март за окном». Первая и третья понравились. Опять говорил, что не надо учиться, что я уже стала самобытным художником (?), что надо только работать. Можно попытаться выставиться на вернисаже, таких работ он не видел: они и не декоративны, и стилизованы, к чему стремятся профессионалы после длительного обучения. Я ему говорю о плохом рисунке, а Андрей в ответ, что не надо — он придёт сам, и приводит в пример Гогена. Говорит, надо писать на улице — но мне холодно, да и стесняюсь. Рисовать и писать на улице хочется, но это, скорее всего, будет в деревне, т. к. из окна уже всё перерисовала и переписала, даже соцарт в виде стройки на фоне «шайб» («Последнее дерево»). Пробую портреты: Дашу рисовала полтора дня — четыре с половиной рисунка — и только стала что-то ощущать, чувствовать. Ещё порисую так два-три раза и, может, перейду к цвету. В январе у Андрея Апухтина был кризис (мини-запой), но всё равно он работает и на себя, и на продажу (конъюнктуру). В салоне Куровской куплены три его картины, да и Шагаровские работы пошли уже на два-три миллиона. С одной стороны, Апухтин беззащитный, его жалко за одиночество, но, с другой стороны, он уверен в том, что делает — увлечённо ищет, сейчас «период Лентулова».

Серёжа действительно увлёкся сказаниями и уже воспринимает эту работу как дело жизни, какой-то этап, даже миссию.

19 апреля 1996 г. (пятница)

18 апреля в актовом зале Московской городской телефонной сети (МГТС) прошёл музыкально-поэтический вечер издательства РИФ «РОЙ», который был устроен по инициативе бывшего Серёжиного сослуживца, а теперь начальника УКС МГТС Сергея Якушина. Я нарисовала афишу. Народу было немного: от МГТС — человек 20 вместе с выступающими от местного литературного объединения, которым когда-то руководил Владимир Дагуров. Читающих было меньше, чем в музее Маяковского, но у каждого оказалось больше времени на самовыражение, чем все и воспользовались.

Открыла выступление Инна Кабыш, за ней — Дмитрий Быков, оба энергичные. Быков в своём амплуа нигилиста-анархиста, с новым сборником «Военный переворот», вызывающе к зрителям, не покупающим книгу по дешёвке, за 5000 руб. (при зарплате 200–300 тыс. руб.). Не помню последовательности, но далее выступили В. Васин (стихи о дочке, детях...), А. Поляков (со «Звёздной балладой», ...), Молчанов (усатый, с ироническими стихами), В. Дагуров (с одним стихотворением), Николай Старшинов, Серёжа (с «Мадаем» — песнь третья), Елена Исаева (сборник стихов уже распродан), А. Добрынин, после болезни (читал шуточные стихи), два раза Володя Теплицкий прерывал чтение стихов бардовскими песнями — сначала чужими, затем на свою музыку, слова Пастернака, Чичибабина... С 17:00 до 19:30 — два с половиной часа — много, все устали. Мы пригласили наших завсегдаев, но пришли Света Довгер, Галя Воробьёва, Сергей Демидов (отказавшийся играть и петь, лишь — посмотреть на Теплицкого), Любочка Прунтова со знакомой, Виктория Рукина с Людмилой со знакомой и тётя Нина со знакомой.

Серёжа выступал во второй части, когда уже притупилось внимание, но он прочёл, что наметил («Телефон зазвонил...», «Апрель в Москве», «Торжок...», «Безымянный ручей» и «Мадаем»). Читал уверенно, даже с кое-каким выражением. Потом тётя Нина сказала, что Серёжа лучше всех. Очень затянули члены лит. студии «Импульс» АО МГТС. Галочка подарила Серёже гвоздики, а мне... — розы. Было очень приятно. Светочка поехала к нам с ночёвкой. Позвонили Щетинину — он забыл о концерте!!! Просто забыл!!!

Ещё: вчера приехал Мозалёв из Турции — «домой» в командировку.

Я делаю иллюстрации к новой книге «Сказаний» в карандаше: уже скопировала «Ольвию» и «Сварожича»; сейчас бьюсь над «Невридой» и «Мадаем» (кони, волки); животные — самое трудное в изображении. Хочется писать маслом, но пока не могу.

Андрей пострадал ночью от хулиганов — ему разбили лицо. Прикладывает примочки и лежит.

27 апреля 1996 г. (суббота)

В пятницу (26 апреля) был хороший день. Хороший не в смысле погоды, а по настрою. Серёжа должен был звонить в «МК» Сергею Мнацаканяну насчёт рекомендации в СП. Уже два раза С. М. переносил всё на неделю (и раза три, чтобы передать ему материалы). Это не главное. Вчера С. М. был «свежая голова» и не мог, Серёжа расстроился — я видела. От отчаяния, что всё затягивается и до лета он может не успеть собрать рекомендации и подать их в СП, решил позвонить Татьяне Бек. Хотя Серёжа не знает её лично. Но других вариантов не было. Татьяна Александровна в «Литературной газете» делала вступление к стихам украинского поэта в Серёжином переводе — это и стало предложением для обращения. Неожиданно дозвонился сразу. Бек сняла трубку сама. Оказалась энергичной, добродушной и отзывчивой — заверила, что всё будет хорошо, что она знает, как написать, и во вторник (30 апреля) ждёт на кафедре Творчества в Литературном институте. После двухмесячных ожиданий забрезжила надежда на результат, может, тогда и с Мнацаканяном будет легче. Опять надежды. Я очень обрадовалась. Стали делать подборку для Т. А. Бек (копии публикаций, книги).

У Серёжи жизнь забурлила. Недавно он встретил однокашников по литобъединению Викторова. У Серёжи Короткова и Елены Ершовой (супругов) возникла идея осенью в ЦДЛ организовать вечер участников этого объединения. Мне подумалось, что такие «крепкие» поэты могли бы запросто составить совместный сборник и назвать его «Весы» — как и литобъединение. Два дня Серёжа обдумывал мою идею, а в субботу позвонил Г. В. Рой. Она замысел поддержала, даже пообещала поучаствовать, но попросила связаться с Поляковым, обговорить детали и стоимость с человека. С Поляковым оказалось «глухо». Сначала он наотрез отказался, мол, нас ничего не объединяет. Затем, узнав об участии всех на равных паях и помощи каждого кто чем может (мы брались сделать бесплатный набор), он констатировал, что ему никто не заплатит за работу, ведь у Рой денег нет. После длительных переговоров Поляков предложил эту книгу включить в альманах «Истоки», который собираются

возобновить, в первый же номер — сентябрь-октябрь. Всё будет бесплатно. Сергей согласился и взял на себя организацию (обзванивание, сбор материалов). [Был момент, когда говорили на повышенных и официальных тонах, вплоть до угрозы обратиться в другое издательство — так А. П. упирался.] Сейчас Серёжа уже всех обзвонил: Андрея Добрынина, Александра Климова, Виктора Коркия, Сергея Короткова и Елену Ершову, Петра Дегтярёва, Вячеслава Васина, Петра Катина. Ещё пока не охвачены: Анна Гедымин, Анна Саед-Шах, Валентина Якушева. Анна Саед-Шах дала добро через Дегтярёва. А Климов сказал, что он даст материалы, присланные Колгановым из Израиля. Серёжа мечтает переслать этот сборник Викторovu в Израиль — ему будет приятно.

Свою подборку — из 15 стихотворений и главы из «Сказания о Невриде» — мы подготовили (я печатала и набирала на работе). Осталось самое трудное: написать воспоминания.

4 мая 1996 г. (суббота)

30 апреля Серёжа встретился с Татьяной Бек. Я посоветовала ему купить цветы, но не официальные. Он купил три ветки белых ромашек (хризантем). Всё прошло быстро: на кафедре Творчества буквально за 10–15 минут проглядела публикации. Первой попалась «Люблю близость этой старой, больной женщины...» Так несколько удивлённо сказала: «А почему бы и нет?» Далее полистала сборник, остановилась на страничке с «Торжком...» Спросила о работе. Серёжа сказал, что не работает четыре года, что он строитель. Татьяна Александровна заметила, что это сейчас хорошо оплачиваемая специальность. И потихоньку, потихоньку написала рекомендацию. Серёжа дописал внизу № её билета. И попрощались. Внешне, когда он вошёл, увидел женщину в возрасте, но когда она повернулась и энергично заговорила — сразу помолодела.

Сегодня были в Немчиновке, Ромашкове — ходили на могилы родственников Серёжи и к тётке Наде — Надежде Адамовне Телюк, тётке Серёжиного отца Юрия Пантелеймоновича (там же мы виделись с её сыном Аликом и его женой Галей).

20 мая 1996 г. (понедельник)

16 мая (четверг) ходили на вечер Александра Аронова в музей В. В. Маяковского. И т. к. Сергей Мнацакяня ещё не дал рекомендацию в СП, Серёжа подошёл с той же просьбой к нему. Аронов всё взял и просил позвонить в понедельник — 20 мая. А в пятницу, очередную с марта месяца, Мнацакяня (уточнив, как дела с другой рекомендацией) сказал — приезжай... Комплект документов был готов, но как же Аронов? Пришлось снова ждать, ведь неудобно напрасно беспокоить человека. Александр встретился с Серёжей в понедельник в «МК» и при нём написал рекомендацию — даже довольно пространныю и хорошую. Он отметил не только «умные» стихи, но и просветительское значение «Сказания...», из которого впервые узнал о сколотах. Много правок, да и подчерк неразборчивый... На всякий случай Серёжа перепечатал текст на отдельном листе, как приложение. И тут же всё отвёз секретарю СП. Но она сказала, что до лета рассмотреть уже не успеют, а затем перерыв — полгода, до ноября-декабря, а может быть и... января 1997 года!!!

Зато заботы с плеч долой. Да и у Серёжи после завершения этой эпопеи настрой на сказания опять боевой.

В четверг была в ЗНУИ у Н. К. Смирновой. Показала свои пять иллюстраций к «Сказаниям о праславянах» (VIII–V вв. до н. э.) в карандаше. В целом ей понравилось. Показала и другой преподавательнице. Порадовали реплики: «замахнулась на Фаворского», «очень смело», «другой уровень». Но были и замечания: слишком интеллектуальный невр-бог, и лики Сварожича со Скилом не вписываются в рисунок. Надо подработать.

Показала два майских этюда из деревни («цветущая слива» и «черноплодная рябина»). Наталья Константиновна похвалила — намного лучше прошлогодних («хрен», «грядки» и т. д.).

Всё собираемся к Демидовым на день рождения Марины — 40 лет. Приготовили этюд «Станция «Ильинский Погост» с

опушки «Поповского леса» (VIII. 95), вставили в морёную раму. Ничего. Но Демидов уже второй раз переносит...

Андрей прошёл тестирование в МИПе, не без помощи Светочки Довгер. Результаты будут позже.

31 мая 1996 г. (пятница)

После размеренных зимних и мартовско-апрельских дней весь май оказался суетливым. Долго держал нас в напряжении Серёжин сбор рекомендаций в СП. А теперь добавились всякие хлопоты по деревне.

Уже трижды были на Ильинском Погосте. Второго мая копали + сажали (даже с Андреем, чем он нас балует один-два раза в сезон: копает первого мая и помогает вывозить банки в сентябре). 10 мая сажали и занимались (Серёжа читал «Историю Руси до Р. Х.» для продолжения сказаний, я писала этюды: «Цветущая слива» и «На задах»). 17 мая досаживали кабачки и огурчики под плёнку и работали (Серёжа начал Сказание о IV веке до н. э., я писала этюды: «Беседка в сирени» и «Терраса весной»). Дорога в деревню стала стоять существенно — 11 тысяч рублей в одну сторону, за поездку на двоих — 40 тысяч рублей.

А с деньгами плохо. Опять в долгах, и не на дело какое, а на еду не хватает. Нет и мысли что-либо купить для себя (Серёже нужно что-то зимнее, типа пальто, да и обувь, брюки, сумку — всё снашивается). Надо купить кровать, чтобы отдать Андрею диван, а то его — детская — разваливается. Живём одним днём. Должны Сидоровой 200 \$, родителям Серёжи — 500 тыс. руб., а ещё целых полтора месяца впереди. Моих 370 тыс. руб. не хватает даже на моё питание. Я подталкиваю Серёжу спрашивать в редакциях о работе, хоть как моя — на полдня или иногда. Но он пока не спрашивает. Ждёт, когда решится вопрос с СП. Но ведь это теперь отложено до декабря или даже января 1997 года. У меня резко падает настроение, когда нет денег. Да и Андрей спит до обеда (14–15 часов), работы не ищет, а на этой получает чуть более меня. И то я на еду собираю в мае по 350 тыс. руб., а на июнь по 400 тыс. руб., т. к. были перерасходы.

У Андрея нет никакой обуви, вообще — единственные осенние ботинки с дырой на подошве. Прошу его подработать на обувь, ведь если его зачислят в МИП, времени будет ещё меньше, а осень и зима не подождут — злится: «Что ты мне мораль читаешь?!» Серёжа советует, чтобы я не разговаривала с ним на эту тему: мы — предупредили.

Вчера я возила Н. К. Смирновой в ЗНУИ последние этюды и весенний натюрморт «Зелень и редиска». Наталья Константиновна хвалила за «Зелень» и сказала, что можно продавать — смело. Есть, правда, огрехи: лишний столб, однообразие тени — на доме, бликов и света — на сирени и смородине (но это можно подправить). Осталось ещё ~ 5 занятий на V курсе. Далее «Преподавательский», который стоит 500 тыс. руб. Ещё в планах рисунок, частные уроки. Больше надо смотреть чужие картины — но на выставках бываю редко.

После ЗНУИ была у Сидоровой: пили кофе с тортом «Сюрприз» и болтали обо всём. В конце я разговорилась о красках — как интересно их подбирать и открывать для себя цвета. Получилось, что расхвасталась — даже неудобно. Валя послала «любимому поэту» коробочку с рыбой под соусом, дала мне пакет гречки (они якобы не едят?) и коврижку.

Дома оказалась после 21:00, а там уже за столом на кухне Щетинин с Серёжей и Андрей с Олей. Разговор ни о чём, Володя с Серёжей неприятно заспорили о выборах... Просила перестать портить всем вечер — с трудом затихли. Даже на следующий день утром Серёжа спрашивал, не очень ли он резко говорил. Я считаю, что все мы взрослые и спорить бесполезно. Щетинину скоро в отпуск с дальнейшим переходом на другую работу, к мужу сестры. Но ездить придётся далеко (в Загорск), зато оклад с двух миллионов возрастёт до четырёх и более. Жалуются, что много денег уходит на дом в Щербинке (по миллиону в месяц?!), который ему достался по завещанию родственника. У каждого свои заботы. Я уговаривала его, как и всех, принять участие в покупке картин Апухтина, Шагарова, моих. Но он отмахнулся сам и других не хочет приглашать.

Апухтин в наш последний заезд на Ильинский Погост показал готовый пейзаж в саду — очень хорошо (много цвета, экспрессии, необычно). Но у него нет красок: на одну такую работу уходит три тюбика белил, он же сделал пять работ, из которых две оставил, а три — соскрёб! Говорит, получилось не то, что хотел выразить! Не знаю, что у нас получится с затеей продажи картин. Но я — оптимистка!

В это воскресенье, 2 июня, поедем (если будет хорошая погода) на праздник в Захарово. Но я думаю, что столько продать, сколько в прошлом году (~ 50 сборников), не удастся.

Вчера днём Серёжа ездил домой к Аронову. Помогал чинить проводку — он очень искренне относится к Аронову, говорит: «Это большой ребёнок». У них дома два кота и одна кошечка. Старшие — очень большие и пушистые — сидят на шкафу, а молодой котик носится!

Мы всё-таки спасли кошечку. Вернее, украли её у Лёши, подбрав у нашей рябины, за бочкой — ослабленную голодом, с пораненными ушками от проволоки, которой она была привязана к дереву.

С пятницы до понедельника мы её откармливали, стараясь не выпускать на улицу, а в понедельник увезли в сумке в Москву. В электричке ей стало плохо от жары, от нервного напряжения + слабость, она тяжело дышала, как собака, открыв пасть и высунув язычок. Я даже испугалась, ведь взять воды для питья не догадалась. Решила положить кошечку — беленькая с зелёно-жёлтыми глазками (как потом выяснилось из английского фильма «Кошки», ангорской породы) — на деревянное сиденье. Она распласталась на прохладном дереве. Я её гладила всю дорогу, успокаивала. Умница, освоилась, привыкла к шуму, хлопанью дверей. Даже в метро сидела спокойно — не мяукала. А в трамвае даже смотрела по сторонам и через дверь на улицу.

Чуча сразу влюбился, с чего тут же схлопотал лапой и шипением. Со среды приходится давать ему таблетки «Антисекс». Но — слабо действуют.

За неделю кошечка в доме освоилась. Мы всё думали, как её назвать: Ляля, Лиля, Нини... Да так и не придумали. Я к ней обращаюсь: Кися. Спит с нами, такая белая, что на постельном белье незаметна. Выделили ей миску и ящик. Она сразу сообразила, что и как. Единственное — много ест и часто ходит: Серёжа сегодня утром с 5:30 до 6:00 стойчески вынес три (!!!) ящика.

Я утром никакая, т. к. «сова». Я готова всех убить, кто мешает мне спать. Целый день хожу разбитая, не могу сосредоточиться для занятий. Но вот вчера Андрей сказал, что Оля заберёт кошечку — её мама решила сделать подарок друзьям. И мне уже жалко отдавать эту ласковую белую царевну-кошку. Как там её будут любить? Конечно, так как Серёжа — не будут. «Серёжа очень чувствительный», — сказала вчера Валя. Так оно и есть, может, поэтому он и поэт.

3 июня 1996 г. (понедельник)

В воскресенье 2 июня ездили на Пушкинский праздник в Захарово. С нами ездил ещё Пётр Дегтярёв. Серёжа остался очень доволен днём. Там встретили Леонида Тризну. Так и стояли с книжками: три поэта и я. Я в основном «зазывала», показывала, собирала деньги. Удалось продать 20 «Сказаний» и 15 сборников «Книга первая», всего на 150–200 тысяч рублей. Теперь можно заплатить квартплату за май (моя — 114, и Серёжина с доплатами — 140).

Подходили очень разные люди. В основном женщины. Или пожилые люди интеллигентного вида. Один очень долго и подробно читал сборники, отбирал, что взять. Потом спросил о Серёже — какая у него строительная специальность (оказалось, что он тоже строитель). Купил два тома Тризны, сборники ребят. Подошла пара: очень пёстро одетая, как иностранцы, у женщины одни эмоции (без слов), мужчина оплачивал всё — она набрала на 55 тысяч...

С утра было холодно (~ 11°), к полудню стало теплее, на солнце было жарко. Посидели в ожидании электрички — перекусили, выпили «Букет Молдавии» с нарзаном.

5 июня 1996 г. (среда)

4 июня были у Светы на годовщине смерти Сергея Довгера.

На обратном пути встретили Иру Фомину и рассказали ей о кошечке. Уже десять дней она у нас (не высыпается), а со вчерашнего дня ещё хуже — стала требовать кота. Ира зашла посмотреть Лялю (кошку). Я показала ей свои работы и рассказала о готовящейся распродаже картин. Она опять зажглась «Сухим букетом на шкафу» и я ей отдала его за 50 тысяч рублей (деньги принесла сегодня).

ПЕРВАЯ ПРОДАННАЯ КАРТИНА!!! Серёжа сразу сказал, что надо отложить, но вряд ли, ведь нам столько жить, а денег нет! Да ещё в выходные в деревню ехать! (А за квартиру 260 тыс. уже получены.)

В понедельник (я работала) Серёжа был с Ароновым в «Меридиане» на концерте Игоря Губермана. Там познакомился с Натальей Стремитиной — русской писательницей, живущей в Австрии. Ему вечер понравился. Видел Юлия Кима.

18 июня 1996 г. (вторник)

16 июня прошёл первый тур выборов президента. Это вторые выборы президента России. Претендентов было 11: Ельцин, Зюганов (от КПРФ), Жириновский (от ЛДПР), Явлинский (демократы), Лебедь, Горбачёв, Брынцалов (от себя, «богача», с женой Наташей), Шакун (чудак-реакционер, мямля), Фёдоров (офтальмолог), Власов (штангист), Тулеев (от КПРФ, 12 июня снявший свою кандидатуру в пользу Зюганова).

Мы все — я, Серёжа и Андрей — голосовали за Ельцина, а мэра — Лужкова. И всех, с кем встречались, тоже уговаривали голосовать за них, а точнее объясняли свою позицию.

В результате: Ельцин ~ 35 %, Зюганов ~ 32 %, Лебедь ~ 15 %, Явлинский — около 7 %, Жириновский — около 5 %, остальные не набрали даже 1 %.

Второй тур должен пройти 7 июля.

Сегодня наконец-то сняли Павла Грачёва, а Лебедю дали должность советника по безопасности...

Все дни предвыборного марафона было беспокойно или, точнее, мы испытывали чувство внутреннего дискомфорта. Плохо сосредотачивались. Однако Серёжа закончил «Сказание IV века» — о македонском полководце. Будет сегодня перепечатывать.

По просьбе Г. В. Рой Серёжа занимался подпиской альманаха «Истоки», но оказалось, что напрасно, т. к. подписка ничего не гарантирует, можно не набрать подписчиков — и от неё отказались.

Серёжа продолжает сбор подборок «весовцев», уже многие (человек семь) сдали, осталось четыре-пять человек. Саша Климов предложил устроить вечер в ЦДЛ не в Малом, а в Большом зале. Рой согласилась на начало декабря. Теперь отступать нельзя — надо издавать «Истоки».

Что-то вторую неделю плохо себя чувствуем, простужены: слабость, горло, насморк... Правда, Наташа Шумянкova говорит, что это «ходит» инфекция. Вот сейчас лежим с головной болью по комнатам, выпив аспирина (UPSA).

Деньги кончились, а зарплату задерживают до конца недели. В пятницу или, в крайнем случае, в субботу надо ехать в деревню, ведь там нас ждёт Апухтин. Обещал сделать рамки и дать следующие картины на продажу, с которой пока тихо. Во-первых, я ещё не покрыла картины лаком и не сфотографировала. Во-вторых, часть из них без рам, а денег нет — замкнутый круг!

Всё же я всех предупреждаю о распродаже: сестру Серёжи, соседку Иру, Фоминых, на работе — старой и новой...

Сегодня закончила очередной этюд: аптечные ромашки на красном фоне — что-то тревожное и пёстрое, то, что внутри.

2 июля 1996 г. (вторник)

Завтра, 3 июля, второй тур выборов.

Но всё по порядку. 21–24 июня были на Ильинском Погосте. Апухтин просил фотоаппарат, чтобы снять свои картины. Пока

принёс картину по этюду Шишкина и раму для шагаровского «Инея». Выходные прошли душевно, если не считать, что, когда мы приехали, насос не качал воду. Починил его Леонид Соколов, которого привёл Апухтин. Леонид — местный философ, изобретатель, мастер на все руки. Но замкнут, даже немного диковат. Хотя пока пили чай-кофе, все, даже он, как-то разошлись... Позже Андрей Апухтин зашёл один, — мы (я, Ната и Андрей) посидели, поболтали о снах, о случаях, пока Серёжа смотрел футбол. Андрей рассказывал о картине, написанной зимой, в период «запоя», о состоянии в нём и т. д. Также рассказал сон о том, как он двигал вещи, переносил лося и жёг взглядом. И ещё о колдуне, у которого он ночевал и, проснувшись ночью, видел, как тот колдует. Было хорошо.

В субботу 29 июня, как и накануне, шёл дождь, переходящий в ливень. Температура не более 12°. Чтобы не пропадать дню, я пошла на вторую студенческую выставку художественных училищ, институтов и академий Москвы и Санкт-Петербурга на Гоголевском бульваре, 10 («Дом художника»). В 12:00 я была первым посетителем, далее пришло ещё три человека. В пяти комнатах — работы. Старательно натянутые, талантливые. Уже прошло четыре дня, но почему-то перед глазами стоят миниатюры на городские темы. Всего лишь этюды современных строений, но с каким настроением и чувством! Автор этих работ — Игорь Шевцов («Улица города» — 1995, х. м., 30 × 20; «Пасмурный день» — 1995, х. м., 20 × 25; «Улица в Алеппо» — 1995, х. м., 17 × 23; «Вид из окна» — 1995, х. м., 15 × 20; «Домик на академической даче» — 1995, х. м., 29 × 36). Тон, свет, проработка, цвет, колорит — всё на месте. Не знаю, зачем, но интересно проследить за его развитием в искусстве. Вот имена других студентов, показавшихся мне наиболее интересными: Елизавета Залепина («Портрет православного регента Алексея» — 1994, х. м., 50 × 70; «У зеркала» — 1995, х. м., 60 × 80; «Наташа» — 1996, х. м., 55 × 75); Андрей Огнев («Флоксы» — 1995, х. м., 60 × 50; «Тихое утро» — 1995, х. м., 70 × 60); Александр Крестовский («Сказание о невидимом граде Китеже» — 1996, х. м., 109 × 77; «Смальта» — 1996, х. м.,

100 × 80); Сергей Серёгин («Этюд. Голова мужчины» — 1996, х. м., 35 × 45; «Букет» — 1996, х. м., 70 × 80; «Поцелуй» — 1996, х. м., 110 × 60); Тимофей Иванов («У окна» — 1993, х. м., 100 × 73; «Москва XVII» — 1996, х. м., 80 × 60); Дмитрий Евтушенко («Автопортрет» — 1995, х. м., 45 × 35; «Портрет Оксаны» — 1995, х. м., 130 × 175)...

И много-много других работ, которые мало чем отличаются от уровня ЗНУИ. Что само по себе радует, ведь это значит, что, если талант, то он везде талант. На осмотр выставки ушло немало времени, и я решила зайти или в Пушкинский (зал импрессионистов), или в Музей частных коллекций (Л. Пастернак).

Шёл дождь (через дорогу — уже золотые купола храма Христа Спасителя).

Ближе был Музей частных коллекций. Я прошла по студенческому. Там оказалась выставка... «Французская живопись XIX–XX веков»!!! Из собрания Пушкинского музея: Альбер Марке, Морис Утрилло, Хоан Миро, Клод Моне, Пьер Огюст Ренуар, Анри Эдмон Кросс, Камиль Писсарро, Поль Сезанн, Винсент Ван Гог, Эдгар Дега, Эдуард Вюйяр, Керр Ксавье Руссель, Одилон Редон, Пьер Боннар, Морис Дени, Кес Ван Донген, Поль Гоген, Анри Матисс и др. (Среди посетителей, в основном, одни иностранцы.) А т. к. временем я была не ограничена, то смотрела медленно, стараясь вникнуть в каждый мазок, в содержание. Поэтому я сначала просто смотрела, наслаждалась, обходила зал, а по второму кругу уже записывала подробности. Голова начала кружиться уже на Матиссе. Чтобы развеяться, пошла на второй этаж, далее на третий, но там успела лишь в зал Л. Пастернака и... меня попросили закруглиться, т. к. «музей закрывается». Попала домой лишь в 18:00.

А в воскресенье 30 июня пошли на праздник «МК» в Лужники. Сначала к 12:00 к проводившему Турнир поэтов Мнацаканяну. Там уже было полно народу. Вдоль левого бокового прохода нервно ходил Аронов, а в зале сидел Петя Дегтярёв. Перетаскив свободные кресла из президиума к боковой стене и поставив столик, мы сели, выложив книги. Петя Дегтярёв выступал 12-м, Серёжа записался 53-м и прошёл через час. Ребята после выступления Пети отправились искать Демидова

с машиной трёхтомников Юза Алешковского. Аронов, вызывая интерес окружающих, то и дело подписывал сборники, но после возвращения ребят стал собираться, оставив книги нам... Мы посидели ещё — до Серёжиного выступления. И когда Мнацаканян представил его то ли «вступившим», то ли «вступающим в СП», Серёжа вызвал интерес, отмеченный более напряжённой тишиной. Прочитал хорошо, и мы вскоре ушли на аллею книголюбов. Однако основная торговля уже кончилась. И мы, мало-мало попродав, пошли на площадку бардов. Послушали Иващенко с Васильевым («Иваси») и других... В целом всё прошло мило. Даже погода соответствовала — из-за облаков иногда выглядывало солнышко.

В последнее время всё шло под спортивным знаменем: Уимблдон и чемпионат Европы по футболу в Англии. Правда, «нашим» не повезло (Кафельникова выбили в первом круге; а сборная России по футболу проиграла всем, правда, в нашей четвёрке оказались финалисты чемпионата Чехия и Германия).

Завтра выборы президента из пары Ельцин — Зюганов. Всё зависит от явки на избирательные участки: если больше 60% — то победит Ельцин, если меньше — то, вероятно, Зюганов. Предсказывают разницу в 3–5%. Завтра. Напряжение растёт. (А мы со Светочкой пойдём разгружаться в Третьяковскую галерею.)

16 июля 1996 г. (вторник)

За это время Серёжа закончил Сказание о III веке до н. э., причём короткой строкой (первая часть). Я после разговора с Ольгой Всеволодовной Колобовой готовлюсь к поступлению в... Академию живописи Натальи Нестеровой. Т. к. я сотрудница, то оплата будет минимальная или «0», как О. В. договорится с Н. В. Нестеровой. Где-то 20 сентября — просмотр работ, далее экзамены, в т. ч. по рисунку.

Андрей поступил в МИП, правда, не на кафедру Олега Михайловича Петрова. Но после зачисления, может быть, переведут на неё.

18 июля (четверг) Серёжа с Андреем будут подрабатывать грузчиками. Демидов сосватал: перевозка и разгрузка книг — 100 тыс. руб. в день.

Демидов недавно выступал (в прошлые выходные, где-то 7 июля) по TV в программе «Гнездо глухаря», но мы были в деревне и не смогли записать.

Я всё оформляю работы для комиссии в Академию живописи и продажи — в общей сложности на 300 тыс. руб.

6 августа 1996 г. (вторник)

(~ 22:30) Серёжа что-то шепчет в спальне (я смотрю «Дядю Ваню» по TV со Смоктуновским и Бондарчуком). Он уже закончил обе части «Сказания» по III в. до н. э. и взялся за «Короткое сказание», пропустив II в. до н. э. Его труд близится к завершению. И начнётся мой труд по иллюстрированию. Серёжа молодец — если в настрое, то может заниматься с утра до вечера, как сегодня. Даже из дома не выходит. Только перерыв на еду и немного футбола, если, конечно, играет «Динамо». Сидит, пишет в кресле у столика, но книги везде — и на полу, и на стульях, и на телефонном столике: учебники истории, Рыбаков, Гобарев, Даль, Ожегов, энциклопедии и т. д. И всё одновременно в работе, в закладках. Если в первых сказаниях мне читалась каждая строфа, то теперь — только целиком.

Пока идёт работа над «Сказаниями», чтобы не отвлекаться от темы, лирику не пишет, хотя видно, что хочет. Говорит, что должно пойти что-то новое после такой большой работы.

Сегодня к нам заехал из Ильинского Погоста Апухтин. Никак не сдвинем продажу его больших работ. Потом заезжал Демидов с другом. Я его друга окрестила «экспертом» — он пересмотрел все мои работы (ему понравились «Цветы у окна» и «Фонарики»). Но я их не продаю. Демидов вдруг купил этуод Апухтина на холсте «Забор» (за 120 тыс. руб.). И сегодня мы смогли дать Андрею на краски 50 тыс. руб. Уже собрали на книгу: 50 + 150 + (120 — 50) = 270 тыс. руб.! Завтра Фирова хочет взять в Венгрию шагаровские берёзки за 70 тысяч рублей.

Итого будет 340 тыс. руб.! Но надо набрать пять миллионов рублей. Как это сделать? Наших денег (квартира + зарплата) хватает только на жизнь. Может, что-то продадим ещё?

В субботу были на дне рождения у Демидова (3 августа) и его дочки Лизочки. По ошибке (!) сели не в ту электричку — вместо Голицынской в Усовскую, и опомнились уже в Ромашкове. Ждать час не хотелось. Пошли пешком через Немчиновку на Трёхгорку. Пока шли, вычислили место, куда приезжал Малевич, да ещё один попутчик сообщил, что до Переделкина здесь, в Немчиновке, была дача Фадеева. Очень хорошо прогулялись по бетонке через лес. Только в самом дачном посёлке проблуждали почти час по схеме Демидова — пересчитали все колодцы и дома новых русских. Опоздали. В беседке уже был перерыв на перекур. Посидели за грузинским вином и овощами, грибами, курицей, креветками, пивом до девяти вечера. Познакомились с родственниками. Сходили «в поля» с весёлым Демидовым и детьми, собаками. Затем самовар с пирогами, тортами, арбузом и дыней и т. д.

У Демидова новый проект — книга о куклах: Бог создал человека по своему подобию, а человек куклу — по своему. Его интересуется всё, что с этим связано, и если что-то попадётся — «тащить» к нему.

А у Сергея — проект Феликса, нового знакомого (с праздника «МК»), который хочет выпустить поэтический альманах с оригинальными авторами. Кстати, Серёжины стихи ему понравились. Только просит больше, а у него их сейчас мало, т. к. он пишет сказания. Серёжа сватает ему других, чьи подборки он собрал для «Истоков» Рой.

19 августа 1996 г. (понедельник)

К десяти утра носили апухтинского Тышлера в Экспертный отдел ГТГ. С таким же успехом могли прийти и к 11:00 (как предлагали на выбор). «Тусовка» там своеобразная: в «предбаннике» все стены заняты — не прислониться, столько народу. У каждого одна, чаще две-три и более картин. Все с русской

живописью. Я думала, что она вся в музеях и частных коллекциях, под замком. Не тут-то было! Я сидела на банкеточке у двери к эксперту. Мимо меня пронесли: двух-трёх Айвазовских, двух Шишкиных, двух Головиных, Левитана, Саврасова, С. Коровина, Серова. Я так поняла, что был день русской живописи у известного и признанного эксперта ГТГ — Владимира Александровича Петрова. С виду ещё молод, энергичен, немного лысоват, невысок, в голубой рубашке. Но с особой энергетикой. До его прихода всё и все будто спали — и девушка-секретарь с журналом регистрации, и кассир за столиком с приборами-определителями фальшивых денег, и прочие эксперты-женщины весьма богемной внешности, выходившие к знакомым посетителям поздороваться. Также периодически выходил эксперт по рисункам и акварелям, но их было мало — у всех живопись. Посетители также очень разные: пожилые художники вдвоём принесли несколько работ — все аккуратно проложенные белой бумагой (одна работа Левитана), обвязанные отдельно, а потом ещё раз обвязанные все вместе, с любовью и бережностью; два новых русских в костюмах и ботинках по моде и с большими картинами; хозяин художественного магазина со старого Арбата — деловой, энергичный, с тремя большими картинами в покрывалах (две — диптих Головина, видела их краешки: кружева зелени, усадеб); молодой полноватый мужчина с пакетиком, в котором картина (не помню, чья), всё входил и выходил, возвращался, был недоволен, то ли хотел её продать экспертам, то ли оценить, чувствовал себя не в своей тарелке. К 11:00 появились посетительницы: две с ребёнком, одна экстравагантная, с оголённым плечом, в шляпке, на шпильках с бантиками на пятках, в сопровождении пожилого мужчины с брюшком.

«Раздача слонов» началась с возвращения подделок под Айвазовского и ещё кого-то. То, что нам сразу не вернули нашего Тышлера, уже обнадёживало. Но и после выноса десятка справок с фото ничего нам не говорили. Только в конце, когда осталось человек пять, вышла секретарь и, вернув фото, дала телефон эксперта по Тышлеру — Нины Антоновны Куреевой, готовящей монографию в ЦДХ на Крымском валу. Эксперты не отвергли, но

и не дали заключения. Мы даже обрадовались. Серёжа изменил свои планы и никуда не пошёл, и мы вернулись домой к 13:00. Я стала звонить Куреевой, но её не было, а ответивший мне эксперт посоветовал ещё до неё обратиться к... жене Тышлера Флоре Яковлевне Сыркиной — искусствоведу, эксперту. Ф. Я. уже в возрасте, и звонить лучше вечером, но не позже 19:00. Пока не дозвонилась.

Серёжа сейчас общается с Ароновым: они стали телефонными друзьями, оба часто сидят дома одни и находят, вернее, компенсируют отсутствие коллег разговорами по телефону. Сегодня Сергей слушал по телефону одно из Сашиных стихотворений про кино, оно ему очень понравилось и даже растрогало почти до слёз. Оно скоро, в октябре, будет опубликовано в журнале. Сегодня они успели созвониться три или четыре раза.

Серёжа никак не сосредоточится на последнем сказании: то я болею, то деревня, то Тышлер. Ему так хочется писать стихи, но перестраиваться с исторической темы ещё рано — надо закончить II в. до н. э.

Вчера Андрей вернулся с Олей из трёхнедельного отдыха на Оке, в палатке, с Пустовитовскими и друзьями из Жуковского. Загорелые, молодые и счастливые. Как хорошо!

28 августа 1996 г. (среда)

Главное: вчера Серёжа закончил «Сказания о праславянах. Исторические повести в стихах». На восемь глав — восемь веков — Серёжа затратил более года. Последним было написано сказание не о I в. до н. э. («Короткое...»), а о II в. до н. э. — так ему хотелось вставить кусок о Керкинитиде (Евпатории), но вышло очень мало, лишь одно упоминание. Теперь впереди большая работа по организации книги: доработать примечания, продумать макет, сделать иллюстрации (моя головная боль), добыть деньги.

Самое хлопотливое, пожалуй, добывать деньги. Пока из нашей «распродажи» картин выходит следующее:

Продано:

1. И. Телюк. «Букет сухих цветов» — 50 т. р. (И. и С. Фомины).
 2. И. Телюк. «Осенний натюрморт» — 150 т. р. (Катя, сосл. Светы Довгер).
 3. И. Телюк. «Самовар и букет красной и чёрной рябины» — 120 т. р. (Оля, сосл. Наты, сестры Серёжи).
 4. А. Шагаров. «Берёзы» — 70 т. р. (И. Фирова).
 5. А. Шагаров. «Иней» — 150 т. р. (Н. Бесчеревных).
 6. А. Апухтин. «Старый забор» — 120 т. р. (С. Демидов).
 7. А. Апухтин. «Розовая весна» — за трудовую книжку Апухтина.
- Итого: 660 т. р.

Пока не продано:

1. А. Апухтин. «Букет» — (700 т. р.).
 2. А. Апухтин. «Пушистый снег» — (500 т. р.).
 3. А. Апухтин. «Голубая весна» — (400 т. р.).
 4. А. Апухтин. «Сосновый лес» — (200 т. р.).
 5. А. Апухтин. «Натюрморт с земляникой, ножом и стрекозой» — (150 т. р.).
- Итого: (1950 т. р.).

Всего получится около трёх миллионов рублей, а надо пять.
Вывод: работать, работать и работать.

Работать хорошо, а для этого учиться. Учиться в Академии, ЗНУИ, везде.

Сегодня я с помощью Серёжи носила работы в Академию живописи Натальи Нестеровой. Долго отбирала, заказывала рамки, потом их морили. После разговора с деканом АЖ Еленой Павловной Кабковой, сказавшей, что приносят по 10, 12–15 работ, я отобрала следующие:

1. «Январское солнце».
2. «Март за окном».
3. «Зимний натюрморт: крынка с яйцами».
4. «Весенний натюрморт: зелень и чеснок».
5. «Летний натюрморт: яблоки».
6. «Цветы у окна».
7. «Портрет Сергея».

8. «Автопортрет».
9. «Чуча»,
10. «Ирисы».
11. «Фонарики».
12. «Самовар и чёрная и красная рябина».
13. «Деревенские крыши».
14. «Картофельное поле».
15. «Церковь Воскресения».
16. «Вечером у колодца».
17. «Вид на деревню с церковью и козами».

Но комиссия не состоялась, мы только протаскались на «Сокол» (Новопесчаная улица) с двумя сумками и тюком — Елена Павловна уехала в 14:00 на «Нагатинскую». Мы прождали до 16:00 — Кулаков не пришёл. Так и уехали.

Вечером приехала Серёжина сестра Наташа с Вадиком, привезла приятельницу Ольгу с сыном — смотреть картины. Смотрели Андрея Апухтина — ничего. Ната посоветовала показать свои — и Оля «запала» на «Самовар...». Я была расстроена комиссией и продала его за 120 тыс. руб.

А вот А. Аронову на 62 года подарим «Деревенские крыши» — 30 августа Сергей поедет поздравлять его в редакцию «МК».

Завтра Серёжа встречается на «Преображенской» с П. Дегтярёвым, А. Климовым, А. Добрыниным, и пойдут к Феликсу подписывать какие-то документы для выхода стихотворного сборника (обещают в октябре). Там у Серёжи подборка неопубликованных стихов.

Андрей уже две ночи не спал, чинил компьютер для работы и починил — молодец, заказчик остался доволен. Скоро — 1 сентября — в институт!

3 сентября 1996 г. (понедельник)

Провела день в городской больнице № 55 — на чистке, или, попросту, аборте. До сих пор нахожусь под впечатлением от наркоза: после укола в вену прошло пять-шесть секунд, и со-

знание провалилось, но взгляд зафиксировался на потолке со стыками бетонных плит и двойными лампами света. Далее одно мгновение, за которое я потеряла телесность и как бы попала в иное измерение, где формы и размеры не имели значения, их не было — всё менялось от моего взгляда. Казалось, что физических ощущений уже никогда не будет (да они и не нужны, т. к. всё совершается со скоростью мысли). И, как назло, именно здравых мыслей у меня не было, т. к. все усилия мозга были направлены на осознание окружающего, которое никак не поддавалось какой-либо систематизации, анализу и пониманию. Только одно вертелось в голове — что всё, имеющее «физику», здесь бессмысленно, включая живопись. Даже пронеслась мысль, что это конец, и возникло безразличие ко всему, что осталось там, в материальном мире... И когда меня очень долго будили, давали нюхать нашатырь и били по щекам, я не хотела возвращаться в этот мир. Сначала не могла пошевелить руками или губами, чтобы на просьбу проснуться дать им понять, что я слышу. Они (две сестры) тормозили меня, пытаясь привести в чувства. Командовали: встать — в ответ я только смогла приподнять голову, т. к. тело не слушалось, было «не моё». Спрашивали имя — отвечала про себя и удивлялась, что они не слышат. Они требовали назвать имя — я губами говорила: «Ирина». — «Рита?» — «Нет, Ирина». Они не понимали. Требовали их «видеть», но передо мной стояли какие-то чудовища с двумя головами, и я не знала на какую из них смотреть. Мне не хотелось идти к этим чудовищам. Я хотела просто лежать, чтобы меня не трогали. В конце я стала чуть лучше ориентироваться, смогла сползти с операционного кресла-стола в кресло-каталку и опять отключилась. У палаты сестра спросила, где моя кровать? Я помнила, что слева, и подвигала правой рукой (пальцы ещё не слушались). Но когда каталку подвезли к кровати, она оказалась изогнутой как гамак в саду и, более того, я сказала, что это не моя кровать, т. к. в сознании стоял образ «прямой» кровати. На что соседка по палате сказала, что это «её» кровать. Меня стали перетаскивать, вернее, просить перейти, но тело ещё не слушалось: ноги путались, цеплялись за порожки каталки, волочились, и я еле-еле перевалилась на

кровать, и осталась «сваленной» в неудобной позе — полубоком, голова перпендикулярна телу. Вся я стала реактивной, как будто ракета: под каждым пальцем — бьющая струя энергии, припечатывающая страшной перегрузкой всё тело к кровати. Открывание рта соответствовало — как у робота — опусканию нижней челюсти, с трудом. И страшный голос: скрип, скрежет. Всё плыло, искривлялось, затем волновалось, далее прыгало в глазах. Только около часа дня я стала ощущать всё своё тело, его эластичность, мягкость (если считать, что забрали нас после 10:00, то прошло более двух часов) — после долгого отсутствия в самой себе.

Я рассказала об этом путешествии в подсознание, в параллельный мир, Сидоровой — она узнала в них отрывки из рассуждений философов о других мирах, и сказала о моём правильном понимании, повторяющем и подтверждающем некоторые их мысли. И рекомендовала записать, что я и сделала. [Но вывод: надо лучше предохраняться, тем более что выбор теперь большой.]

Я второй день лежу дома. Вчера болела голова до самого вечера. Сейчас уже голова прошла, только — низ живота.

Серёжа поехал за рамкой, которую я заказала ещё в четверг и не смогла получить, в книжные магазины и — к Аронову в «МК».

24 сентября 1996 г. (вторник)

Уже позади все осложнения после чистки: и воспаление матки, и закупорка трубы, и сон на четвереньках. Благо после приёма (два дня) антибиотиков труба сама открылась в субботу 14 сентября в 17:45 — судьба! Или Господь Бог помог, или ангел-хранитель, в общем — пронесло...

Серёжа, дописав «Сказания», стал выплёскивать стихи, сдерживаемые целый год-полтора. И прорвало! Да ещё вынужденное воздержание за последний месяц придало эротическую окраску. Тут и вагонная незнакомка, и вторгающийся фаллос, и жен-

ские фигурки в стихотворении «Кстати, о женщинах». Кстати, его Серёжа написал вчера и прочитал мне, когда я пришла с экзамена, измученная и обессиленная пятичасовой борьбой за натюрморт. И тут Серёжа встретил меня с горящими глазами и после первых вопросов об экзамене спросил: «Хочешь ли прочитать кое-что?» Уж больно хитрые глаза — заинтригуют кого угодно. И не зря! После «Сказаний», Колаксара, Мадая и др. вдруг попки и прочее. И сразу новая идея о «Книге второй. Метаморфозы», куда войдут всякие стихи: и чернуха, и сатира, и эротика — всё, что не вошло в «Первую» и новое... Вот так! Ещё книга о праславянах не сделана, а уже новые планы. Здорово!

Я на прошлой неделе села за карты к праславянам, но из-за гостей (был Апухтин, впервые с ночёвкой) и экзаменов — пока спланировала только одну.

Об экзаменах. 23 сентября в 10:00 в Электрическом пер., 10А прошёл первый экзамен — живопись: натюрморт. Я писала маслом, а большинство — гуашью (одна девушка акварелью). Две постановки натюрморта: с гитарой и без. Я выбрала без, т. к. гитара была бутфорской. «Мой» натюрморт был с пятью тканями, кофейником, химическим стаканом, кувшином, банкой, помидором, яблоком — на фоне холста с подрамником.

Я сначала немного растерялась, но решила работать как обычно: выдавила краски, выбрала кисти. После первой прокладки цветом ко мне подошёл В. А. Кулаков, только появившийся (около 12:00). Посмотрел и порекомендовал разобраться со светлыми и тёмными тонами: группа тёмных — и группа светлых предметов. Я видела, что это так, но ведь ещё натюрморт не закончен... К 14:00 почти всё встало на свои места, и ко второму подходу отношение Кулакова изменилось: «Теперь другое дело»... А я была недовольна, т. к. не успела одинаково проработать поверхности.

26 сентября 1996 г. (четверг)

24 сентября — рисунок гипсовой головы. Я выбрала гипс, похожий на тот, по которому «тренировалась» дома, но и он

оказался сложен для меня. Хорошо, что Елена Павловна Кабкова помогла мне — подправила губы, волосы, глаза, овал; далее я «раскрасила» как могла.

В 15:00 заехал Серёжа — помочь отвезти этюдник и краски. А я осталась на собеседование.

Просили принести работ десять. Я взяла: два вида из окна, редиску, «Атрибуты искусства», «Цветы у окна», два портрета, церковь, картофельное поле, фонарики, колодец, ещё что-то... Разговор зашёл о том, что живописи надо будет переучиваться (основательно менять сложившуюся манеру), а рисунку учиться заново. Мне интересно научиться классической живописи, а не самодеятельной, и обязательно — рисунку.

На собеседовании было четыре человека: Елена Павловна Кабкова, Вадим Алексеевич Кулаков, профессор ... (мультипликатор) и Серёжа, помощник.

На собрании после собеседования объявили оценки («пятёрок» не было): у двоих — одни 4, у шестерых — 4 и 3, а двое с оценками 3-. У меня: живопись — 4, рисунок — 3, собеседование (дом. работы) — 4. Приняли! Во вторник 1 октября будут вручать студенческие билеты в ЦДХ, на выставке студентов первого и второго курсов Академии живописи Натальи Нестеровой. Но я буду учиться «вольным слушателем» — без студенческого и без зачётки — только специальным дисциплинам: живопись, рисунок, композиция, натура, физиология человека... Все остальные дисциплины — не мои.

Делаю карты, вернее, их прообразы: набила текст и сделала первую корректировку. Вместе с Сергеем выбираем масштаб, ограничения, какие надписи и пр.

6 октября 1996 г. (воскресенье)

Сегодня событие: лёд тронулся — продали Апухтинских картин на один миллион рублей. Приезжали Вера и Володя Рац с дочкой Наташей. С Верой мы готовили на похоронах у тёти

Сергея Довгера, где я обмолвилась о книгах, картинах. И показала фото своих (нарциссы и фонарики), которые ей тогда понравились. Но собрались посмотреть только сейчас. Удачно. Выбрали самые большие, и дорогие: «Букет цветов» (за 500 тыс. руб.), «Выпавший снег» (за 400 тыс. руб.) и четыре этюда на 100 тыс. руб. (при этом им два этюда подарили на память и подписали книгу «Сказание о сколотах»).

Очень приятные люди. Тонкие, понимающие в живописи, простые в общении. Хотелось бы продолжить знакомство. Они оставили телефон, просили звонить, если будут другие картины.

Мы, радостные, что надежда на издание книги крепнет, пошли погулять. На улице было тепло (+ 13–15°), стояла солнечная золотая осень, позднее бабье лето. Купили «МК» со статьёй Аронова (у Серёжи стало традицией читать и созваниваться с Александром о своём впечатлении), кагор, помидоры, мороженое — и были счастливы. Всё хорошо получается, помогает Господь Бог!

А Серёжа уже всю сочиняет стихи. Сейчас идёт «социум» с иронией — «Монологи». Редактирует очередной вариант набранной книги. На работе я вношу его правки и распечатываю, и, кроме того, сделала наброски всех восьми карт.

Времени у меня в обрез, ибо с 1 октября — учусь. Расписание пока не устоялось.

1 октября было открытие — вернисаж выставки студентов Академии живописи Натальи Нестеровой (АЖ). На открытии выступал батюшка, благословивший выставку, сама госпожа Нестерова, Елена Павловна Кабкова, декан Вадим Алексеевич Кулаков и другие. Среди гостей были: певица Ирина Понаровская, артисты из Театра на Таганке, из консерватории Гнесиных, Академии танца. 2 октября — сбор в АЖ на Белорусской (Электрическом пер., 10 А). Разбирали мебель, принимали поздравления от студентов-старшекурсников, декана — большое застолье.

3 октября — первое занятие. С утра бегала за холстом (90 × 70 = 85 тыс. руб.) на Октябрьскую. И к 10:30 — на Электри-

ческий... Накануне Вадим Алексеевич сделал две постановки натюрмортов, и вот я вкуче с девятью студентами начала работать. Сделала углём (впервые) набросок и разметку. Получилось немного грязно (но под маслом будет не видно). Зато вся композиция разместилась на холсте. В пятницу не учились — я ходила к врачу Татьяне Васильевне Федяевой за направлением на УЗИ (22 октября), а вечером — на работу.

В субботу решали с Вероникой задачки по алгебре и геометрии, т. к. в воскресенье ей к репетитору.

Завтра понесу палитру, краски, растворители — начну цветом писать натюрморт.

Кстати, познакомилась с Марком из Нижнего Новгорода — студентом АЖ со старшего курса. Объяснил, что и как, манеры преподавания Кулакова, Алимова. Сам без жилья (снимает). Очень общительный и доброжелательный.

8 декабря 1996 г. (воскресенье)

Прошло два месяца с последней записи. Ничего существенного не произошло, хотя много нового и интересного в ежедневной суете. Попробую вспомнить, но по-порядку — не смогу, а по яркости впечатлений — только то, что было совсем недавно.

7 декабря «вынужденно» попала в ЦДХ, ГТГ, т. к. обложка к картине на выставку не была готова. Е. П. Кабкова в среду стала собирать студенческие работы на выставку в гостинице «Россия» и на вечер НГУ — семь работ, в том числе и мой первый студенческий натюрморт с тарелкой. Пришлось бежать заказывать обложку в мастерской Лицея (в четверг). А когда за ней пришла в субботу (в пятницу работала и не смогла), она ещё не была готова. Пришлось погулять два часа... Попала на ряд выставок, но расстроилась из-за закрытия зала 20-х годов на третьем этаже.

Первая выставка: «300-летие Российского флота»

1. Р. Г. Судковский, 1850–1885. «Очаковская пристань», 1881, х. м. (~ 2,0 × 3,0).

2. А. К. Беггров, 1841–1914. «Петербургская биржа», 1891, х. м. (~ 80 × 60).
3. Ф. А. Васильев, 1850–1873. «Прибой волн», х. м. (~ 2,0 × 3,0).
4. То же. «Прибой у Крымских берегов», х. м. (~ 30 × 30).
5. Н. Н. Дубовский, 1859–1918. «Пустынный берег», 1890, х. м. (~ 70 × 90).
6. М. В. Добужинский, 1875–1957. «Пётр Великий в Голландии», б. на к., гуашь (~ 30 × 40).
7. А. П. Боголюбов, 1824–1896. «У Схевенингетеа» (Голландия), б., чёрн. акв. (25 × 40).
8. К. Ф. Богаевский, 1872–1943. «Феодосия», 1930, б. на к., акв. (~ 30 × 50).
9. То же. «Судакская крепость, 1931, б. жёлтая, акв.
10. То же. «Каффа (Старая Феодосия)», 1927, х. м. (~ 1,0 × 2,0).
11. С. В. Малютин, 1859–1937. «Берег моря. Алушта», 1892, этюд, б. на к. (~ 30 × 40).
12. К. А. Коровин, 1861–1939. «Морской берег в Дьеппе», 1892–1893, этюд, х. м. (~ 30 × 40).
13. То же. «Порт в Марселе», 1895, х. м. (~ 70 × 50).
14. То же. «Гаммерфест. Северное сияние», 1894–1895, х. м.
15. А. А. Иванов, 1806–1858. «Вода и скалы», б. на к., м. (~ 40 × 50).

И это всё из понравившихся картин. К сожалению, каталог за 45 т. р. я не купила, дорого.

Вторая выставка: «Купреянов Николай Николаевич, 1894–1933. Графика».

Раньше, возможно, я быстро «пробежала» бы или медленно рассматривала бы картинки.

Сейчас — анализировала композиции, изучала возможность пятен и линий для создания иллюстраций, образов.

Всё это идеал — к чему нас призывает Сергей Александрович Алимов. Выставка — школа для графиков, где представлены все виды — от рисунка, литографии и т. д. Другие посетители тоже неслучайные — и я их теперь понимаю: пожилая пара художников, молодой студент, наверняка художник — как и я плыли-дрейфовали от работы к работе.

Третья выставка: современная живопись из собрания двух иностранцев (?).

Ничего значительного. Узнала эскиз Анатолия Зверева, работу Оскара Рабина да картину Натальи Нестеровой (о ней у меня есть запись передачи с TV).

21 ноября вечер в музее В. В. Маяковского «О Ходасевиче». Собственно сам вечер не состоялся, т. к. четыре объявленных профессора не явились. Стихи читали зрители — желающие, у кого был на руках сборник стихов. Нас пригласил А. Аронов. Он же и читал много стихов, в том числе своё о Ходасевиче. На вечере был Володя Теплицкий, встретили там и Владимира Райберга — художника, поэта — он в своё время подарил Серёже рисунок с пожеланием (из иллюстраций к Ницше), и я восхищалась его графикой.

Но ещё раньше Райберг в числе бардов был у меня в гостях на Б. Черёмушкинской, пел стоя — чем и запомнился. Он выступал на TV. Жаль, что не видели.

2 ноября у нас в гостях была Лена Лебедева из Могилёва, художница и преподавательница в детской художественной школе. Подарила работу гуашью для книги. Все дни в Москве проводила в музеях.

За ней следом заезжал Михаил из Могилёва — рериховец, оккультист, спиритист и пр. Весьма своеобразный человек, но он помогает Апухтину — и это нас радует! Подарил нам художественные книги и альбом со значением — всё о высшем разуме...

Работа над книгой. Карты сделаны в карандаше. Рисунки не идут. Не могу сосредоточиться, т. к. нет времени.

Серёжа написал в противовес «Сказаниям» ряд стихотворений, я бы сказала, экстравагантных, вызывающих.

Учёба моя: перестройка мышления — самое тяжёлое. Чувство композиции, его развитие — через беседы с Кулаковым о работе, абстракции. Идёт туго, наверное, мозги окостенели. Пишу мастехином второй натюрморт — нравится, ещё не знаю, как буду далее сочетать с кистью. Портрет идёт медленно. Очень интересна пластическая анатомия.

Серёжа готовит подборку в «Истоки». Привёл кучу друзей: А. Аронова (книга в альманахе), С. Мнацаканяна, В. Коркию, В. Пустовитовского, Р. Исхакова, Н. Бибаеву и многих из бывшего литобъединения «Весы». Безгонорарное и даже с выкупом: за 150 строк — 30 сборников по 10 т. р.

10 декабря 1996 г. (вторник)

Забыла рассказать о посещении мастерской Льва Фёдоровича Дьяконицына.

Я зашла к киоскёрше ЦДХ, ГТГ за вторым томом «Истории постимпрессионизма» (160 т. р. — ужас!) и там столкнулась с Л. Ф. Он давно приглашал в мастерскую на «Кропоткинской», а тут как раз до вечера в музее Маяковского оставалось ещё два часа, и я согласилась. Мы шли пешком через Крымский мост, по Остоженке. Перед самым метро дом: на четвёртом этаже, в мансарде, семь мастерских, в т. ч. Л. Ф.

Большая, метров 60, комната с окнами по двум стенам. Антресоли с картинами, в том числе начатыми, работ 20. Тематика: натюрморт, портрет, ню, цирк, животные и т. д. Все работы яркие и оригинальные. Предложил как студентке Академии живописи грунтовать холсты и делить пополам. Я не умею, да и некогда — отказалась.

Сегодня зашла в ЦДХ посмотреть выставку:

1. Осенняя выставка московских художников. На третьем этаже. Более 200 участников. Среди них даже попались знакомые (Л. Дьяконицын «Чёрные крылья палитры», 1988). Хорошие работы. Уровень А. Апухтина и чуть выше (ниже).
2. Небольшая выставка: Владимир Фёдорович Стожаров (1926–1973) — пейзажи Важгорта, Галича, Чухломы, р. Мезени.
3. Выставка молодых художников. Некоторых я видела в Доме художника 29 июня 1996 г. — Дмитрий Евтушенко как студент.
4. Русская школа реализма и импрессионизма 30–90 гг. XIX века. Просто замечательная. Жаль, что распродажа, что работы, скорее всего, уйдут за границу, и мы их не увидим. [П. И. Суворов, П. Н. Крылов, М. Н. Соколов, Т. Г. Гапоненко,

М. В. Куприянов, Ф. М. Каплан, И. В. Сорокин, В. П. Ефанов, А. П. Суворова, М. А. Короткова, С. П. Викторов, М. Д. Короткова, А. Н. Былинский, И. В. Шевандронова, Ю. А. Звёздкин, Ю. В. Гусев, В. Н. Чулович, П. Н. Богачёв, В. И. Инчин, А. Н. Суховецкий — все с высшим художественным образованием и, как правило, преподают в Суриковском, Репинском и др.]

15 декабря 1996 г. (воскресенье)

После пристального рассмотрения состава художников на Осенней выставке нашла в своей видеотеке А. Кириллова, И. Ларионова (буклет), Э. Вейдеманиса.

Вчера, 14 декабря, были в Малом зале ЦДЛ на вечере, где в первом отделении Александр Климов-Южин читал свои стихи (новые и из сборника «Сердце в мышеловке»). Мне понравилось «Кинешма» (очень понравилось !!! из новых)...

Во втором отделении выступала поэтесса, преподаватель рисования в художественной школе, автор эротического романа «Остров Лесбос» Ольга Добрицына. Стихи с надрывом, с постоянными повторениями — мне не близко, а Серёжа сказал, что она просто не знает, что это плохо.

Я вспомнила стихотворение Инны Кабыш про варенье. Это — моё.

С отзывом выступил Александр Смогул и ушёл пить водку в подвальчик ЦДЛ.

17 декабря 1996 г. (вторник)

Вчера, когда я часов в девять вечера пришла с работы домой, Серёжа сообщил, что звонил в секретариат СП Москвы и что он не прошёл.

Сегодня поехал за документами.

28 марта 1997 г. (пятница)

В четверг 27 марта Серёжа впервые ездил домой к Николаю Константиновичу Старшинову, который подарил ему свои

две последние книги с дарственными надписями («Я с тобой говорю» — 1997 г., «Лица, лики и личины» — 1996 г.). Затем они ездили в магазин: забирали остатки тиража непроданного второго тома «Лиц, ликов и личин». Серёжа сказал, что дома у Н. К. такой же творческий беспорядок (беспредел), как и у нас. И чтобы я не переживала.

26 марта (среда) вывезли из типографии тираж (500 экз.) книги «Сказания о праславянах». На этот раз очень аккуратно сделан: и краска ровно легла, и рамки не перекошены. В целом мы довольны. Теперь приятный период раздачи книг друзьям и знакомым.

Вчера на занятиях в Академии живописи я уже отметила её выход с однокурсниками, В. А. Кулаковым и С. А. Алимовым. Алимов назвал эту книгу дорогой для него, что у него дома таких немного. А Кулаков сказал, что у него уже целая библиотечка моего мужа.

Вчера же Сашу Аронова положили в больницу с ишемической болезнью сердца. У Серёжи «зависли» его лекарства, которые передала знакомая.

1 апреля 1997 г. (вторник)

31 марта А. Аронова выписали под расписку Тани (жены).

Серёжа в воскресенье созванивался со Старшиновым, чтобы поделиться своими свежими впечатлениями о его книгах. Сначала разговор был вялый, но после упоминания Евтушенковской антологии «Строфы века» оживился. Я подарила её Серёже 29 марта, на день его рождения, и мы только накануне обсуждали и с интересом штудировали перечень, комментарии к интересующим нас авторам. И пришли к ряду выводов, в том числе — что Евтушенко делал памятник себе любимому на века, но памятник вышел не ему, а его ячеству. Комментарии, как правило, сводятся к «я и тот-то» (поэт)... Если так не получалось, то употреблялось всё что угодно, любой бред.

Ещё интереснее подбор поэтов: чем ближе к нам во времени, тем чуднее. Некоторые, не любившие Е. Е., не вошли. Но вошли нужные или родственники (отец). У вошедших, но не любимых

Е. Е. выбраны не лучшие (если не худшие) стихи. А для значимости — каждому определённое количество страниц. И, конечно, себя любимого — по этому показателю — поставил на уровень между Цветаевой и Ахматовой. Ай да Е. Е.!!!

Во всём этом с нами оказался согласен и Н. К. Старшинов. Более того, он поделился с Серёжей планами об издании настоящей антологии силами Союза писателей России, вернее, его региональными частями, где кое-где есть деньги, и, если они все сбросятся, то может хватить.

Кстати, из этого разговора Серёжа понял, что членам некоторых отделений Союза писателей России платят по 300 т. р. Но у Московской организации Союза денег нет. А Сергей хочет туда.

Сегодня купила две книги: Борис Пастернак «Об искусстве» (12 т. р.) и «Очерки истории культуры славян» (34 т. р.) — на деньги от продажи «роевских» книг, в том числе о Вереysком.

2 апреля 1997 г. (среда)

До обеда сижу дома, жду Андрея Апухтина с картинами. В субботу мы с ним договорились, что он подберёт и по частям привезёт работы для продажи. Но сначала устроим мини-выставку на вечере друзей 5 апреля, куда и его, конечно же, пригласили. Вечер без повода, т. к. все поводы прошли, когда не было денег (8 и 29 марта — наши дни рождения и выход книги «Сказания о праславянах»). В субботу деньги появились, когда 29 марта были у Серёжиных родителей в Бутове, и Серёжа получил подарки: 150 т. р. от родителей на джинсы и 100 \$ от его сестры Наташи. Вот и средства. Составили список приглашённых на 21 человек, меню (около 600 т. р.). В списке мои и его друзья (уже известно, что смогут Демидовы, Глинские, Щетинины, Фирова, Воробьёва, Шумянкoва; не смогут Сидорова и Даша Заводовская...) и, возможно, знакомые Серёжи: Коркия с женой и Черняк с сыном...

Почти у всех, кто будет, имеются этюды Апухтина — и им, и ему будет интересно пообщаться. Да и реклама Андрею в распродаже работ не помешает. Есть целый проект: на вырученные деньги купить краски, затем сделать авторские работы, с них — слайды у Сергея Бондаренко, а затем в типографии

РАН — буклет работ Апухтина, а может, и выставку (всё зависит от собранных денег).

И ещё есть задумка. Серёжа сейчас помогает Галине Вячеславовне Рой (РИФ «РОЙ») в выпуске альманаха «Истоки» — вместо неожиданно ушедшего из-за ссоры с ней Анатолия Полякова. Уже подготовлен макет первого номера, об этом далее. А сейчас собираются материалы для второго выпуска. Андрей Шацков («великий якутский поэт» — так он в шутку назвал сам себя в музее Маяковского) как практический человек предложил обратиться к главе Московской области с письмом о материальной поддержке в издании второго номера. [И вообще А. Ш. считает «Истоки» рентабельным изданием при предоплате авторами стоимости экземпляров тиража. Мечтает создать, взяв в свои руки, акционерное общество закрытого типа. Мечтать-то он мечтает, да кто же ему даст — ведь это любимое детище Г. В. Рой.] Так вот, в заготовке письма к Тяжлову я прочла об участии в этом сборнике «молодых талантливых поэтов, прозаиков и художников Подмосковья» — словом, то, что подходит и к Апухтину. Но тут большое «но». Как может в «Истоках», в основном, текстовом сборнике, участвовать живописец (если он не график)? Значит, нужна художественная вещь (повесть, рассказ...) о нём. Кто? Такой же подмосковный литератор. Кто? И тут мы вспомнили о соседе Шагарова в Куровской — капитане в отставке — с его чудесными рассказами. Дать заказ от Апухтина и Шагарова + его собственный рассказ — и всё передать в «Истоки». Дело за связью с этим капитаном...

О книге «Сказания о праславянах». На книгу в 500 экз. ушло около 700 \$. Деньги были получены от продажи работ Апухтина и Шагарова с сентября 1996 г. по февраль 1997 г. и несколько моих — работы приобрели друзья и знакомые, а также знакомые друзей и знакомых.

1. Екатерина Николаевна Матюхина (с кафедры И7 МИП, через Свету Довгер) — мой натюрморт «Цукини» (150 т. р.).
2. Сергей Демидов — апухтинский «Забор» (120 т. р.).
3. Ира Фирова — шагаровские «Берёзы» (70 т. р.).

- 4–5. Наташа — сестра Серёжи — Шагаров «Зима» (150 т. р.), а её сослуживица — мой этюд с самоваром «Чёрная и красная рябина» (150 т. р.).
6. Рац, семья (друзья Светы Довгер) — с удовольствием купили самые большие картины Апухтина: «Букет» (500 т. р.) и «Выпавший снег» (400 т. р.) — они есть у нас на фото — и ещё четыре этюда Апухтина (на 100 т. р.). Просили им позвонить, если появятся новые работы.
7. Света Довгер — большую картину Апухтина «Сосновый бор» (200 т. р.), много этюдов Апухтина и Шагарова (3 + 3 на 125 т. р.) и мою картину-натюрморт «Весна. Зелень с редиской и чесноком» (150 т. р.).
8. Роксана Павловна (зав. кафедры культурологии НГУ и Ак. финансов при прав. РФ) — этюд Апухтина (40 т. р.).
9. Лена Федюхина — два этюда Шагарова (50 т. р.).
10. Люся (с кафедры И7 МИП, через Свету Довгер) — этюды Апухтина и Шагарова.
11. Цепалева (бывшая Серёжина сослуживица, бухгалтер) — натюрморт Апухтина со стрекозой (100 т. р.).
- 12–13. Надя Новикова — мой зимний натюрморт «Крынка...» (150 т. р.), её соседка — мои «Яблоки» (150 т. р.) и много этюдов Шагарова (6 × 25=150 т. р.) и Апухтина (7 × 25=175 т. р.).
[Всего: 115 \$ + 448 т. р.] и ещё
14. её друзья — Шагаров «Луна на болоте» (100 т. р.).
15. её друзья — Апухтин «Голубой снег» (300 т. р.).
16. Галя Воробьёва и Выштынецкий — этюды Апухтина (125 + 130 т. р.).

Кроме того, этюды Апухтина подарили в типографии (где делали книгу — 4 шт.) и многим знакомым: Вадиму Черняку, Сергею Бондаренко, Владиславу Артёмову (журнал «Москва»), Татьяне Бек, Галине Рой, Николаю Старшинову... Работы очень интересные и, как нам кажется, эти люди их поймут и оценят. Это тоже какая-никакая реклама для Андрея Апухтина.

С согласия Андрея две работы («Осень» и «Розовый снег») подарили знакомым, помогающим ему с «трудоустройством».

Из 12 пачек книг, полученных в типографии (по 40 шт. в каждой), две пачки отдала Г. В. Рой, а одну — Апухтину, ведь там, на четвёртой странице обложки, сведения о нём. Теперь раздаём друзьям, сотрудникам, знакомым и, конечно же, всем тем, кто принял участие в благотворительной распродаже. Думаю, что им будет приятно иметь и работу художника, и книгу.

О самой книге не знаю, что и сказать. Мы так долго её вышивали, делали, что когда первый раз увидели (сигнальный экземпляр), то, если честно, немного расстроились. Хотелось и бумагу получше (хотя бы как заказывали), и обложку потвёрже (200 гр.). Но, подумав, успокоились — во всём есть свои плюсы и минусы.

Об Андрее, сыне. Еле сдал сессию (за первый семестр МИП). Математику. Помогала «тётя» Света Довгер. Она подружилась с Курнаковой (преподаватель математики): её сын учится с Андреем в одной группе, да и вообще она оказалась приятной женщиной с трудной судьбой. И Света не кривит душой, когда делится с ней нашими общими переживаниями. Андрей много раз сдавал всякие контрольные и экзамен. Сдал уже вне сессии и остался без стипендии. Кстати, физкультура, прогулянная им в первом семестре, тоже вышла за сессию, пока он делал рентгены, собирал справки, писал реферат о йогах. А ещё, сокращённый с работы от Родионова, остался без денег. Работать особенно не рвётся (не ищет), а от физической — отказывается, говорит, что его «квалификация» выше. Сидит у нас на шее. Вернее, у Сергея, т. к. моей зарплаты в 450 т. р. в месяц хватает только на моё питание. Деньги же за Серёжину квартиру идут на питание Андрея и на оплату платежей за эту, нашу квартиру (около 160 т. р.). С января (после сокращения Андрея) мы были вынуждены отказаться от занятий теннисом, хотя Сергею с его травмой позвоночника они просто необходимы. Рассчитываем на лето — когда сменятся жильцы, и мы получим деньги, а Андрей сдаст сессию (в июне) и пойдёт работать. Решили содержать его до окончания первого курса. В дальнейшем пусть решает сам, что и как.

Сбор 5 апреля 1997 г. (суббота)

Гости:

1. Демидовы — 1.
2. Бондаренко — «—».
3. Щетинины — 2.
4. Глинские — 2.
5. Черняк — 2.
6. Коркия — «—».
7. Любочка — 1.
8. Даша — «—».
9. Андрей, Оля — 2.
10. Фирова — 1.
11. Апухтин — 1.
12. Воробьёва — «—».
13. Ира (соседка) — 1.
14. Шумянкова — 2.
15. мы — 2.

Было: 17 человек.

Меню:

I. Питьё:

1. Вермут = 2 б. × 20,0 + 3 б. × 22,5 = 107,5.
2. Водка = 4 б. × 16,5 = 66,0.
3. Вода = 4 б. × 7,0 = 28,0.
4. Боржоми = 14,0.

Итого: 215,5 т. р.

II. Еда:

Закуска.

1. Салат «оливье».
2. Салат «свёкла».
3. Салат «рыбный».
4. Крабовые палочки.
5. Красная рыба.
6. Салями.
7. Сыр.

8. Салат из салата.
9. Лечо, помидоры, огурцы, капуста...

Горячее.

10. Ножки.
11. Картошка.

III. Десерт.

1. Кофе, чай.
2. Конфеты — В. Г. Черняк.

Овощи.

1. Картошка — $5 \text{ кг} + 5 \text{ кг} = 20,0$.
2. Морковь — $2 \text{ кг} = 5,0$.
3. Горошек — $0,3 = 3,0$.
4. Огурцы сол. + св. — $2 \text{ кг} + 1,5 \text{ кг} = 12,2 + 4,9 = 17,1$.
5. Колбаса вар., б/жира — $0,8 \text{ кг} = 17,3$.
6. Майонез — $10 \text{ пач.} \times 150 \text{ гр.} = 16,0$.
7. Свёкла — $2 \text{ кг} = 5,0$.
8. Орехи грецкие — $0,5 \text{ кг} = 8,6$.
9. Чеснок — $1-2 \text{ головки} = 1,0$.
10. Яйца — $15 \text{ шт.} = 11,2$.
11. Сайра (сельдь, лосось в нат. соку, масле) = $5,6$.
12. Крабовые палочки — $2 \text{ пач.} \times 250 \text{ гр.} = 14,0$.
13. Красная рыба — $1 \text{ кг} = 19,9$.
14. Салатом — $1 \text{ кг} = 20,0$.
15. Сыр — $0,5 \text{ кг} = 12,0$.
16. Салат — $2 \text{ шт.} \times 12,0 = 24,0$.
17. Ножки — $15 \text{ шт.} \sim 2 \text{ кг} \times 26,0 = 52,0$.

Итого: 251,7 т. р.

18. Кассеты для «Поляроида» — $2 \text{ шт.} \times 62,0 = 124,0$.
19. Шпроты — $2 \text{ б.} \times 3,5 = 7,0$.
20. Оливки (2 б.) и маслины (1 б.) = $19,4$.
21. Кубики грибные = $3,5$.
22. Сметана — $0,5 \text{ кг} = 6,2$.
23. Лечо — $2 \text{ б.} \times 5,5 = 11,0$.
24. Яблоки = $3,5$.

25. Хлеб = $9,0$.
- Итого: 183,6 т. р.

Всего: 650,8 т. р.

12 апреля 1997 г. (суббота)

Сбор друзей уже позади. Всё было очень сумбурно, особенно с неугомонным Демидовым («а некоторые уже картошку едят», «а у меня плохое фото вышло»...), да и Глинский очень «расслабился». Курящие уходили на кухню, где добавляли водочки.

Зато пообщались с Вадимом Григорьевичем Черняком (показывала работы Апухтина и свои), а также с девочками: Ирой Фировой (которая всё провозглашала тост за творческую семью), Наташей Шумянской (наконец подарила ей этюд «Картофельное поле»), Любочкой Прунтовой (она была расстроена, возможно, из-за мамы), Людмилой Глинской (обменялись: этюд «Ромашки» на браслет из бисера). Перед уходом Черняк подарили Лёше (его сыну) этюд Апухтина на выбор.

Вадим Григорьевич, рассматривая альбом с фотографиями работ, сокрушался, что нет слайдов. Я удивлялась — а зачем? Как потом мне объяснил Серёжа: со слайдов можно делать репродукции для журналов (в т. ч. «Сельская молодёжь», к которой Черняк имел отношение). Но я считаю, что ничего стоящего нет. Хотя В. Г., обратив внимание на «Церковь...» и «Колодец», поинтересовался «чем-нибудь ещё в этом духе».

Андрей Апухтин очень переживал каждое его упоминание (как он потом объяснял), сжимая под столом кулаки. Общались с Демидовым и др. И хотя он собирался вообще не пить, ребята спровоцировали его на три рюмки. С девочками было спокойнее и душевнее. Они были ближе к нашим планам и мыслям. Да и с Вадимом Григорьевичем было легче, чем со «старыми приятелями по МАДИ». Всех фотографировали на память — и отдельно, и вместе, и, в зависимости от активности, у всех оказалось от одной (Апухтин, Любочка) до трёх (Демидов) фотографий.

Демидов играл на гитаре (уже после просмотра фильма о нём в «Гнезде глухаря»), за которой Андрею (нашему) пришлось бежать к Паше Зеленцову в голубой дом. Немного попел и Андрей (наш). Все постепенно разошлись. Последняя группа «мадивцев» долго дискутировала о воспитании детей. Почему-то Демидов выяснял этот вопрос у нашего Андрея с Олей. Его оппонентом была Людмила Глинская (с самым большим опытом — две девочки).

Ещё приятным событием этого дня был приезд Вероники с поздравлениями, папе с днём рождения: подарок — деловая книжка-портмоне и конверт со стихами собственного сочинения. Серёжа был тронут необычайно, но отказался читать вслух, а показал только некоторым избранным, в т. ч. В. Г. Черняку. Конечно, это был удивительный и радостный сюрприз. Это дорогого стоит!

Андрей Апухтин у нас ночевал. Мы до двух ночи мыли и убирались, и потом все — не исключая Апухтина с его бессонницей — крепко спали.

А утром — звонок Володи Морозова (тоже «мадивец»), приехавшего по делам из Торжка. Серёжа уехал к Г. В. Рой, я — в больницу к Свете Довгер. По возвращении застала Морозова у нас + Щетинин, за беседой: воспоминаниями практик, сборов и мечтами вслух о будущей встрече в Торжке, куда мы давно обещали съездить летом. Разошлись в 4–5 часов вечера.

А вчера приехал из Турции Сергей Мозалёв («мадивец»), и будет встреча числа 16–17 апреля. Где? Скорее, у нас.

Каждый вечер рассматриваю картины Апухтина, пока они ещё на стенах, не куплены: «Закат», «Синий день», «Ясный день зимой», «Тишина» (на мешковине), «Проходной двор», «Дерево. Весной» и последняя, которую привёз сегодня, написанную с подаренных роз — «Букет роз» («Щетининско-глинский букет», или «Латиноамериканские розы»). Больше всего мне нравятся «Синий день» (хотя Андрей считает его замученным, грязным) и «Тишина». Все эти названия придуманы мной и условны — для обозначения картин, т. к. автор их никак не называет. Всех, кто хотел купить, обзвонила, предупредила, но пока тихо, прошла одна неделя. Что с ними будет? Надеюсь, не пропадут зря.

Вчера с племянницей Танечкой ходила на суд. Рассмотрение её иска на алименты на сына и себя отложили до 14 апреля 1997 г. Это тянется с января. Как всё некрасиво и бесчеловечно. Ребёнок хорошенький, жизнерадостный, доверчивый. Ему надо хорошо питаться, матери тоже надо есть. А ведь бабушка Наташа в детском саду на ставке 370 т. р. при затратах на еду в Москве на одного человека — по данным «МК» — 450 т. р. Что же им делать? Даже просто человек не может не помочь, а тем более отец её ребёнка не имеет права устраняться от ответственности за их жизнь! Остаётся надеяться.

16 апреля 1997 г. (среда)

В воскресенье ездила к Светиной маме Екатерине Петровне за вещами для выписки Светы из больницы № 13. Е. П. лежала с приступом высокого давления. В понедельник Светочку выписали домой. Теперь всё позади.

Вчера заглянула в ЦДХ, ГТГ: выставка соискателей Государственной премии за 1996 год в области искусства. В субботу Апухтин сказал, что на ней в качестве соискателя присутствует Абакумов. Но, увы, не оказалось! А жаль, хотелось ещё раз взглянуть на его радужные работы. Там из живописцев представлены П. Оссовский и В. Сидоров, а также Ш. Бедоев (?) и И. Кислицын (?). Никто из них не произвёл впечатления, просто: «АХ!» [У О. — претенциозно, у С. — разбелёно, у Бедоева — и то и другое, а у К. — вычурно и заумно. Все работы более «от головы», чем «от сердца».] Но графика Б. И. Жутовского — просто очень! Портреты, лица — от Хрущёва до Роста (?) — понравились, интересна сама техника (углём или соусом?) на ватмане...

Из литераторов выдвинуты Рейн и Казакова...

Ещё раз зашла на выставку коллекции Костаки. Ранее нам с Леной Косяченко понравились «светлый пейзаж» и «графический лист» — это оказались К. С. Малевич «Пейзаж под Киевом» (1930 г., х. м.) и И. А. Пуни «Фонарь. Петроградская сторона» (1916–1919, б., тушь).

Из ЦДХ прошла через вернисаж «Под крышей», встретила художника О. Ерофеева. Стоит с хорошими натюрмортами («Кувшин, красная драпировка, жёлтые груши») и недописанными «Берёзками». Никто не покупает, а жаль — это единственная живопись на вернисаже. Подарила ему «Сказания». Бегло проглядел, вроде понравилось.

Во вторник, 15.04.97, Серёжа ходил с Г. В. Рой на обсуждение второй книги Н. К. Старшинова «Лики, лица и личности», изданной в РИФ «РОЙ». Инициатор — Сергей Михалков. Всё происходило в конференц-зале «Дома Ростовых», за столом с напитками разной крепости. Собрались уже пожилые литераторы: кто отметил и ушёл, кто слушал, кто хорошо попил. С. Михалков выглядел почтенно и — лучше Юрия Пантелеймоновича, хотя папа Серёжи младше него.

О книге отзывались хорошо.

Затрагивался вопрос об «Антологии» Е. Евтушенко. Согласились с выводами Старшинова. Михалков предложил считать «Антологию» частным изданием.

Серёжа подарил четыре книги: один экз. — организатору (женщине), которая обещала Рой их периодически приглашать; один экз. — бывшему главному редактору «Нового мира» Владимиру Карпову; а два экз. — писателям из брянской писательской организации.

Сегодня Серёжа и А. Шацков собираются идти подавать рукописи на семинар (?) молодых литераторов (Серёжа понесёт «Книгу первую» и «Сказания о праславянах»), который хотят возобновить и проводить как раньше. Отобранных по результатам семинара будут рекомендовать для принятия в Союз писателей России.

19 апреля 1997 г. (суббота)

Серёжа ненадолго поехал к Сергею Мозалёву — повидаться и подарить «Сказания о праславянах» (С. М. приехал из Турции на пару недель).

На неделе он заезжал в СП Москвы и подарил «Сказания» секретарше. Она вспомнила его заявление в СП, но оставила всё, как говорила, до осени, с пожеланием найти рекомендуемых повесомее. Неужели всё как прежде? Нужен блат? Влиятельный покровитель? Неужели такие замечательные поэты как Александр Аронов и Татьяна Бек не заслуживают доверия?

С Андреем совсем плохо: в институте бывает редко. Чаще по вторникам (математика), в другие дни реже. Сегодня две физики — мимо! Дома не занимается. Зато много спит днём (до 15:00) и гуляет вечером и ночью с Олей, друзьями. Наверное, опять бросит институт. Не работает, не подрабатывает. Денег не даёт уже с февраля. Решили с Серёжей терпеть до июня: окончит первый курс, а дальше — как хочет, но без нашей помощи. Если бы ещё вёл себя уважительно, а то получается, что Серёжа его кормит, я готовлю, оба мы всё покупаем, а приходится выслушивать грубости до хамства — это уже от молодого мужчины в 23 года!

Вот уж никогда не думала, что мой сын, знающий, как мне было тяжело растить его одной, когда вырастет, не будет помогать и сядет на шею... Одно утешает — что хоть не алкоголик и не буйный, как мой двоюродный брат Лёша. Конца всему этому не видно! Когда это кончится? Ведь мне уже 45 лет. Я хочу ещё заниматься живописью и рисунком, а вместо этого все деньги, сэкономленные на еде и одежде с обувью, вместо того чтобы пустить на краски — трачу на сына-переростка, который вырос потребителем. Понимает только «дай», и все ему должны. А он никому ничего не отдаёт — ни душевно, ни материально. Очень тяжёлый человек. Типичный эгоист.

В мои 23 года, в 1975-м, я уже два года жила без опеки и средств родителей, училась в институте на пятом курсе, имела сына с больными ногами (бегала по врачам, на массаж, гипсование левой ноги, спецобувь...), а муж, когда Андрею исполнилось десять месяцев, попал с гангренозным перитонитом в больницу, далее — повторные больницы, санатории! Но никогда у меня и в мыслях не было сидеть на шее у папы и мамы, ведь папа ещё помогал бабушке в деревне, ежемесяч-

но посылая ей деньги, а летом по выходным возил продукты, давал деньги на дрова, ремонт крыши, забора, помогал, чем мог, физически. Имея перед глазами это, да ещё трогательную любовь мамы к далёкой бабушке из Хабаровска, которой тоже помогали деньгами, я за всю свою жизнь не повысила голоса на маму! И это нормально, это никакая не заслуга, это человечески единственно возможно!

А от Андрея претерпела много (хотя всегда мечтала, чтобы он был моим защитником, а не нашла этого ни в ком, кроме Серёжи). Претерпела и крики, и кидание в меня телефоном, и пьяные сцены, хлопанье дверьми, ломание ногой платяного шкафа, попытку глотания таблеток («Склиф», милиция)... Но более всего — грубость в ответ на замечания и просто в разговоре, будто сверхчеловека отвлекает от важных дел букашка. Он так же относится и к Сергею, хотя живёт за его счёт (и еда, и квартплата). Короче, плюёт в колодец, из которого пьёт или рубит ветку, на которой сидит. Мечтаю — только бы дали квартиру для Андрея в 1999-м, по нашим чекам. И чтобы он съехал и не трепал нам нервы. А на чужих долго не поездишь! Жизнь его научит!

6 мая 1997 г. (вторник)

Сидим, смотрим «Хронику пикирующего бомбардировщика»: мальчик играет в самолёт из стульев. Серёжа вспомнил, как играл в домик из четырёх стульев и одеяла сверху.

29 апреля были с Серёжей на вернисаже персональной выставки моего преподавателя по живописи Вадима Алексеевича Кулакова. Серёжа долго искал около ЦДХ кассету Polaroid, а я слушала выступления солидных художников от Союзов: международного, России, Москвы... Сами картины понравились: всё рассматривала мазки, плотность, тональность, орнаментальность (особенно в натюрмортах)...

Схожу посмотреть работы В. А. ещё разок.

Наконец-то появились деньги за квартиру, и Серёжа выделил мне 50 \$ на краски, я купила всяких, мастихин и кисти (и ещё

колготки к летнему сезону, а то тут в электричке обманули — подсунули в упаковке дрянь, даже до коленок не надеть). Теперь можно работать дома и в деревне.

1 мая были на кладбище: убрали могилу, посадили анютины глазки.

2–3 мая ездили в деревню. Погребли листья, обрезали вишни и сливы, кусты сирени и смородины. Немного покапали, посадили зелень. Прогулялись вдоль леса, посмотрели на апухтинский дом (действительно, у них нет земли). Встретили Андрея с Леной. Посмотрели избушку, что он собирается разбирать. Мы решили купить её и поставить в саду, если сможем.

Тут звонили, интересовались, где можно купить «Сказания». Это хорошо! В магазине «Гилея» уже 10 шт. продано, взяли ещё 5 шт.

Только что разговаривала по телефону с зам. декана ЗНУИ, она предложила участвовать в передаче о ЗНУИ по радио 101. Затем будут готовить отдельные передачи о художниках, если те будут дарить свои работы в их галерею. Я согласилась. Возможно, при рассказе об иллюстрациях к «Сказаниям» удастся сделать рекламу и для них.

По поводу проекта с буклетом Апухтина. В этом направлении: сегодня отвезла на продажу Наде Новиковой три его картины («Розы», «Опушка соснового леса», «Солнечная зима»). Остальные отвезём 9 мая.

7 мая 1997 г. (среда)

Сегодня ещё один удачный и насыщенный день. Где-то около 11:00 позвонил Андрей Таль и пригласил, как обещал неделю назад, посмотреть свои работы. К 12:00 мы с Серёжей были у него на Шверника, 9/4, на восьмом этаже. Сели в два кресла, напротив старого мольберта. Андрей показывал работы, ставя их с большой аккуратностью и любовью: библейские мотивы (Вифлеем) — два варианта; Золотой век («ДНК» из очков и чёрного крыла, портрет деда с белыми и чёрными крыльями); сон; цикл «Барокко»; «Исход»; линогравюры; «стены Назарета»; «Портрет учителя» и многое другое, а также книгу о «бульдо-

зерной выставке», журналы «Творчество» и «Художник». Договорились продолжить в следующий раз. На память Андрей подарил нам буклет с пожеланием встречи. Попрощавшись с ним и его мамой, разбежались: я — в ЗНУИ и на работу, а Сергей — в редакцию и типографию.

Удачный день и в том, что Серёжу взяли на семинар, который состоится ~ 19–20 мая. Они с Шацковым попали к Боброву, охарактеризованному Г. В. Рой как славянофилу со взрывным, неуравновешенным характером (или несдержанным, когда плохое настроение, и — нормальным, когда всё хорошо). Мы в ожидании...

19 мая 1997 г. (понедельник)

Во вторник 13 мая ходили в Малый зал ЦДЛ на вечер Татьяны Бек в связи с выходом новой книги «Облака»... Зал был полон. Вёл мероприятие издатель «Облаков» Шаталов, относительно молодой, возраста Сергея, человек с серьгой. Ранее я не видела Т. Б., и у меня было представление о ней, как о сдержанной, сухой женщине. Но она оказалась приятной и умной, и при всей неправильности черт — очень обаятельной. Кто-то из выступавших назвал её женщиной ахматовского плана, не только внешне, но и внутренне. Чёлка, прямые волосы, очки, чуть крупноватые нос и рот. Необыкновенно живые глаза и ум. Я залюбовалась её энергией, тактичностью. Так, в Большом зале начался параллельный вечер Эдуарда Радзинского, и его голос по динамикам перекрыл чтение первого стихотворения — Т. Б. пошутила, что трудно переговорить Э. Р., что он накануне звонил и сожалел о совпадении их выступлений, беспокоясь за отсутствие зрителей. И Т. Б. отметила, что им удалось «поделить» зрителей.

Первые тринадцать стихотворений Т. Б. читала из книги начала 1990-х «Смешанный лес».

Потом выступили Евгений Рейн и Иван Клинг (мальчик лет 10). Задавали вопросы из зала: кто любимый поэт? В ответе Т. Б. сослалась, что читает по роду своей деятельности многих, но «добровольно» — Евгения Рейна, Александра Межирова, Олега Чухонцева, Александра Кушнера, Владимира Корнилова...

Александр Шаталов прочёл своё стихотворение начала 1980-х, посвящённое Т. Б.: «Звенят за окошком трамваи...»

Выступил и Алексей Алёхин (?) с тезисом: «Основное свойство каждого стихотворения — время и место». Сказал, что в стихах Т. Б. отражена история современника, как и в прозе Юрия Трифонова. С этим согласилась сама Т. Б., загадав тоже Трифонова.

Затем вышла Нина Краснова: в жилетке, красной рубашке из-под неё, брюках и с распущенными волосами. Несколько простоватый вид, школьный разбор стихов Т. Б. — всё смотрелось очень мило и искренне. Публика из зала интеллигентно хихикала, но это было лучшее выступление.

После неё Т. Б. читала последние стихи: 14 стихотворений — они, через одно, встречались аплодисментами. Лирика — любовная, но с мужским умом («Пригрезилось ли, было ли...», «Ночь, Таврида татарская...», «Дух бодрящий укрепила...», «Я любила тебя намного сильнее, чем надо...», «Мне в моём одиночестве...», «Храм, парящий над озером...», «Не думая о месте, и о...»...). И чем-то напомнившая мне стихи Сергея.

Завершил и всё смазал Альберт Краснов — это имя нарицательное всех графоманов — со своим посвящением «Зелёный шум».

По окончании Серёжа подошёл к Т. Б. за автографом. Она, увидев, узнала его и поздоровалась, хотя её обступили и другие зрители, не считая телевизионщиков. Серёжа подарил ей «Сказания», и я сфотографировала их, затем — Т. Б. с её студентами. Почти все разошлись. Мы ещё поздоровались с Ниной Красновой, обменялись книжками. Затем Серёжа передал привет от Г. В. Рой Александру Шаталову. Я также щёлкнула их вместе — нам на память, и одного Шаталова — ему.

24 мая 1997 г. (суббота)

21–22 мая Серёжа участвовал в семинаре молодых литераторов при СП России.

Работало несколько семинаров. Сергей попал к самому жёсткому и нежелательному — Александру Александровичу

Боброву с помощниками Геннадием Ивановым и Ларисой Барановой-Гонченко. Другие семинары вели Н. К. Старшинов и В. И. Фирсов, которому помогал Владислав Артёмов. В «нашем» семинаре принимали участие человек 15, в т. ч. и Шацков (которого предупредил о готовящемся мероприятии Сергей). Андрей постарше, но т. к. семинары не проводились около десяти лет, возраст участников увеличили до 50. Пришли и Пётр Дегтярёв с Петром Катиным. Многих предупредила Г. В. Рой. Сергея заслушали в первый день. По привычке он, выступая со своим мнением о каждом, говорил о плохих стихах. Когда очередь дошла до него, руководители «отыгрались». Хотя и отметили оригинальность стихов, и что он живёт в литературе. Они не поняли «Сказаний» — что за жанр? Серёжа объяснял, что это на стыке жанров — повести в стихах. Кто-то почувствовал новизну темы и предположил желание автора застолбить её.

Обсудили человек семь. Сергею понравились стихи одной поэтессы, но не те, что она читала, а те, которые отметил рецензент в её первой книге.

Первый день Сергей закончил дома, отказавшись продолжить его с руководителями в кафе ЦДЛ. А. Ш. удачно просидел в нём допоздна...

Во второй день обсуждения продолжились. Результаты объявляли в 16:30. С 14:00 они сидели в кафе, пили водку. Сергея не назвали среди получивших рекомендацию в СП. Прошли Шацков и Катин.

Сейчас Серёжа немного успокоился. А Андрею Шацкову неудобно, и он пытается помочь Сергею...

30 мая 1997 г. (пятница)

Серёжу всё же включили в список дополнительного семинара Московской организации — к Цыбину. И вот — два дня, вчера и сегодня, — он туда ходил. Конечно, многое сделал Фирсов, благодаря которому Сергея опять стали прослушивать. Более того, его книги очень понравились, а «Сказания» были отмечены, как образец оформления книги, изданной за свой счёт.

Ему даже не пришлось читать все отобранные стихи: из девяти он прочитал всего три, т. к. его хорошо представили — как имеющего «много» книг и публикаций.

Серёжу рекомендовали в СП! В понедельник отнесёт заполненные документы, и через три недели обещали «корочки».

В этом же заходе рекомендовали Петра Дегтярёва и Валеру Дударева, жену Юрия Лозы и других — всего 12 человек. В общей сложности, учитывая все семинары (включая прозаиков), рекомендации получили 72 человека.

11 июня 1997 г. (среда)

Вышел журнал «Москва» № 6, с подборкой стихов Сергея. Мы купили 20 экз. × 10 т. р. для друзей и знакомых. Уже отдали Валере Дудареву («Юность», «Витрина»), в РИФ «РОЙ»...

Вышли первые экземпляры «Истоков» — очень неплохо, и много знакомых имён. Правда, очень медленно брошюруют: в первую неделю — 4 экз., во вторую — 5 экз.

Сегодня разговаривала с Г. В. Рой по поводу использования студентов АЖ НГУ Н. Нестеровой в «Истоках» и других сборниках РИФ «РОЙ». Она предложила 1–2 п. л. (16–32 стр.) для графики, отобранной на «показе» в июне С. А. Алимовым. Безгонорарно, с предварительным выкупом экземпляров (за 1 п. л. — 50 экз. ~ по 15 т. р.). Алимов и Кабкова приветствуют. Осталось опросить студентов старших курсов [у наших: я и Толик — за, Лена и Саша — против, Артём — не знаю]. Поговорю ещё с референтом Н. Нестеровой О. В. Колобовой, может, хотя бы часть оплатит университет.

6 июня ходили в театр Станиславского, что на Тверской, 23, на премьеру спектакля Евгения Казанцева, в главной роли — Максим Суханов (сын Татьяны, жены Александра Аронова). Играл здорово. Серёже понравилось второе действие — с перевоплощениями в раю, аду, чистилище. Я выбежала к сцене, когда все дарили цветы, и, вместе с тюльпанами передав «Сказания о праславянах», поздравила с премьерой и гос. премией. Татьяна взяла у нас программку, чтобы Максим оставил на память свой

автограф. Сегодня по TV, в новостях, показывали вручение гос. премий — мелькнул Максим.

Надя Новикова помогла продать одну из семи картин и один этюд на сумму 250 т. р., которые мы отдали Апухтину в субботу 7 июня.

Строим мастерскую: уже лежат бетонные шпалы вместо фундамента и есть брёвна на обвязку — всё это благодаря Андрею Апухтину. Спасибо ему!

9 сентября 1997 г. (вторник)

Вот и осень. В воскресенье мы вернулись из Евпатории, где отдыхали с 19 августа. Пролетело и ещё одно лето.

Домик в деревне потихоньку строится. Серёжа на шпалах сделал обвязку из брёвен. Затем нашли местного мастера Геннадия, который должен был «распускать» остальные брёвна на пластины — для утеплённой комнаты. Да вышло, что и собирать стены, делать рамы и двери договорились с ним же — недорого, как своим. А как он красиво работает топором, напевает, вымеряет верёвочкой, отбивает мелом, подрубают — со стороны кажется, что всё легко и просто! И если бы я не помогала Серёже делать обвязку — подпиливали и сбивали, — то, вероятно, так бы и думала. Надеемся, в следующем году сделаем терраску, пол, потолок, и — можно жить летом в деревне!

Это лето было тяжёлым по части отношений с моей сестрой Наташей: на выходные и в будни, с четверга до среды, к ним повадилась ездить Люся. В одной комнате тесно: я и Сергей, Танечка с Андреем, Наташа, да ещё Люся! В Наташиной комнатке во дворе Люся не ночует. Мы просили её хотя бы в выходные ночевать там или не приезжать. Она в ответ стала хамить — мол, вы меня не приглашали, я к тётке Наташе. А наша Наташа повела себя странно: стала нападать на Сергея. А потом Люся приказала Тане (хотя она была в комнате, а мы на терраске) собирать Андрея, который никак не засыпал, и они ушли к подруге, компаньонке Наты на предмет выпить, снявшей на лето дом на нашей улице.

И началась «война». Ната поделила утварь, при этом мамину — забрала себе. Да и ради Бога — лишь бы жить спокойно! Я себя сразу почувствовала увереннее, теперь хоть знаю, что и где моё, и могу брать... Пожив июнь и июль, Ната увезла Таню с Андреем в Москву. И на этом прекратились все её «военные» действия — от показательных субботних хождений к компаньонке Наты с кастрюлями по улице (когда мы приезжали) до наигранной — в моём присутствии — сцены с криками: «Не приставай к моей дочери!» (когда дочь находилась на улице!), на что мне тут же взбрело в голову ответить тем же: «А зачем ты пристаёшь к моему мужу?»

Правда, возникло одно подозрение, основанное на совместном спанье Наты и обнажённой Люси, слёз Танечки...

Всё это их дело, но — без нас. Съехали и съехали!

Мы же ездили каждые выходные и приценивались к рамам, доскам, рубероиду, шиферу.

Побывали в гостях у Валеры в Давыдово!

Валера Щедрин — известный российский рекордсмен по пауэрлифтингу. Полтора года назад у него был инсульт. Сейчас восстанавливается, поняв, что калечил себя спортом, похудел со 150 кг примерно до 90 кг. Вегетарианец, верующий (старообрядец), лечится травами, соль не ест. Посмотрели документальный фильм о нём. Очень уважаем людьми. Его летом утвердили директором спортивного комплекса. К тому же Валера увлёкся живописью. Андрей Апухтин от него в восторге!

На работе смогла продать одну картину Апухтина «Розы» за 200 т. р. (обещали 250 т. р., но 50 т. р. заиграли). Андрей нам много помогает и с книгой, и с домом. Мы будем ему с денег за квартиру потихоньку давать на краски. Так, перед отъездом буквально впихнули (он отказывался) 300 т. р.

Окончила первый курс АЖ на все четвёрки (по живописи, рисунку, иллюстрации, композиции). За лето смогла подготовить две большие работы: «Мадай» по «Сказаниям о сколотах» и «К нам пришёл Александр Аронов», да ещё этюды из Евпатории (6 шт.).

Теперь о Евпатории. Говорят, что это лето — одно на 35 лет, такое холодное и дождливое. Но всё равно очень отвлеклись: я читала о Домье, а Серёжа — Илью Эренбурга «Люди, годы, жизнь». И у него появились идеи о новой работе — стране «непуганых идиотов» (из Ильфа). Мы её назвали Пофигения, с деньгами «фигами» и т. д. — составили целый перечень «правил» жизни в этой стране...

Ходили купаться на дикий пляж, за Майнаки, где я сделала два этюда. На пляже санатория «Прибой», с очень симпатичным дежурным, который до сих пор считает Москву своей столицей, я написала этюд «Бархатный сезон» — с Серёжей под ивой (читающим И. Эренбурга). Гуляли по старому городу, где много прелестных уголков: и татарские улочки без окон, и дом Дувана, и текие дервишей (которое с 1994 года несколько отреставрировали, и где мной написан одноимённый этюд), и, конечно, набережная Терешковой перед мечетью и собором Николая Угодника (жаль, что она вся была загромождена прилавками и от этого потеряла свой прежний облик).

Но гвоздём отдыха — 27 августа — была поездка в Чуфут-кале и Бахчисарай. Последний всё только портит — так перестроен, переделан. Но пещерный монастырь! Несколько жалких фото — это всё, что осталось от сказки. Хочется там побыть подольше. Может, ещё удастся туда попасть. Да и с хозяевами нам повезло: Лена Яковлева с сыном Павлом — доброжелательные и дружные. И ещё у них есть кошка Маруся — преданная хозяйке, но боящаяся Пашу и игнорирующая, вернее, избегающая нас.

В холодные дни со сплошной облачностью мы писали лодки у яхт-клуба, сидя в останках шашлычной, под навесом. Это место превратилось в помойку, где бомжи и алкаши чувствовали себя уютно, распивая портвейн и «отдыхая» на стойке. Нас же привлекала тень в солнечный день и крыша — в дождь. «Бомжатник» — так мы его называли — стал нашим пристанищем на пять дней, пока я писала этюды с лодками и набережную. Сначала бомжи нас гоняли, затем стеснялись, потом привыкли, и даже похвалили мою работу, идя на дело по продаже стиральной машинки «Малютка» (на бутылку), хотя уже пропили чемодан одного из них.

Мы питались овощами (рагу из кабачков, капусты, картошки + салат из помидоров) и арбузами с персиками. Всего (с дорогой в плацкарте, проживанием по 30 т. р. за двоих на 17 дней, питанием) истратили 400 \$.

Теперь с \$ вышли «по нулям», и нам представилась возможность пожить до 1 февраля 1998 года на свою зарплату. Попробуем.

Андрей ходит на второй курс. Не работает, но благодаря «тёте» Свете сдал математику на 4, а физкультуру в срок и получает стипендию в 250 т. р.

24 сентября 1997 г. (среда)

В 16:00 вечер Саши (так мы его зовём между собой) Аронова в «Библио-Глобусе». Утром я отработала свои четыре часа, чтобы туда попасть, и приехала с работы, а Серёжа — прямо из редакции. Мест было 18, люди стояли и сидели на столах. Вот некоторые заметки с этого вечера.

Первым выступил Владимир Александрович Шаров (прозаик, как представил его А. А.): «поэт Аронов похож на свои стихи...»

Вторым — Леонид Аронович Жуховицкий. «Я прочитал сегодняшнюю колонку «МК» и понял, что А. А. ещё не в маразме... А. А. — необычное явление в литературе... Самый странный шестидесятник... Он сравним с Велимиром Хлебниковым, Николаем Глазковым, Иненом Мятлевым... Я всегда соблазнял девушек с помощью его стихов. Например, «Весёленькая история» (читает)... У А. А. останутся все стихи, у него нет «временок-общезитий» (из стихотворения Е. Евтушенко)...»

Третьим читал стихи А. Аронов...

Четвёртым — Виктор Наумович Гиленко. «Стихи А. А. актуальны и теперь (читает «Живи внутри мгновения...»)... Лучше хорошее говорить в лицо, в глаза, а не перед портретом... Я

когда-то бывал на Б. Грузинской, где А. А. жил с папой, мамой и присутствующим здесь братом... Теперь дома нет (читает стихи: «О доме», «В гостях»)...

«А теперь я перехожу к следующим абзацам моих размышлений», — как говорил один из наших преподавателей. А. А. — отличный журналист. Его колонка — хитрость, продолжение стихов. Хорошо бы издать лучшие колонки отдельной книгой...

Об А. А. можно говорить целый день... Саша — солнечный человек, молодой, ещё «тёмный», а не седой, как я. Трудная жизнь не сломала его, как некоторых... У А. А. обострённое чувство совестливости... Он один из лучших поэтов, пишущих на русском языке...»

Пятым вновь читал стихи А. А. (среди них были стихи, посвящённые его отцу, который был вторым басом в духовом оркестре, и отцу Тани (жены), который был убит, кажется, в 1941-м)...

Включили магнитофон. На плёнке пели песни на стихи А. А. Исполнители — Слава Тищенко («Перетянул, перетерпел...») и Сергей Никитин («Если у вас нету тети...»).

После музыкальной паузы Аронов продолжил чтение стихов...

По окончании стали фотографироваться на Polaroid:

1–4) Жуховицкий, Аронов, Гиленко.

5–6) Аронов, Ниточкин.

7–8) Аронов, Шацков.

9–10) Серёжа и Олег Асиновский.

19 октября 1997 г. (воскресенье)

Решила провести хронометраж звонков А. Аронова, чтобы показать «тесноту» общения.

Сегодня воскресенье, поэтому можно проследить весь день. У телефона Серёжа.

1 звонок в 11:00 (мы встали в 10:00 и сидели на кухне, завтракая овсяной кашей). Сообщил, что у него болят зубы [я подумала, что на нервной почве, перед завтрашним выступлением в «МК»].

2 звонок в 11:13 (мы там же). Сообщил, что звонил в редакцию «МК» и заказал машину на завтра к 16:00 — на вечер в «МК».

3 звонок в 13:20 (я сколачивала подрамники, Серёжа резал для них уголки из оргалита). Поинтересовался погодой на завтра, просил посмотреть по ТВ.

4 звонок в 13:22 (мы занимаемся тем же). Спросил, по какой программе ТВ смотреть ближайшие новости с погодой.

5 звонок в 13:37 (Серёжа ест жареный арахис, я делаю набросок с него). Сообщил, что по ТВ погоду не передают, а показывают «бутылочки» (?).

6 звонок в 14:21 (Сергей был у ТВ и смотрел погоду для Аронова, я убирала мусор от сбивания подрамников). Сообщил погоду, только что переданную по ТВ, далее рассказал, что его сегодня в «МК» уже отругали за частые звонки в справочную с уточнением погоды, про которую ему вчера подробно объяснили. И ещё: Таня пойдёт в магазин — покупать ему такие же красивые очки, как у неё, но если его 6–8 диоптрий не будет, то он наденет её (с 2–3 диоптриями — чтобы выступать завтра в актовом зале «МК» красивым).

7 звонок в 14:25 (Сергей не успел отойти от телефона, я уже приготовила холсты для натяжки на два подрамника — к триптиху об Аронове под названием «К нам пришёл Александр Аронов»). Обсудили, как кто читает. Вчера он слушал Михаила Козакова по пятому каналу (Ленинград, то бишь Санкт-Петербург), как он читал И. Бродского. Сказал, что Козаков выделяет каждое слово в стихотворении, и Бродского не слышно.

Обсудили, какие стихи будет читать завтра Саша, и то, что Таня как всегда будет ему помогать — суфлировать, если он что-то забудет (говорили минут 10–15). И вообще, он больше жениться не будет. Он был женат пять раз, на трёх женщинах.

8 звонок в 17:35 (мы обедали-ужинали на кухне). Сообщил, что Таня пошла гулять с собакой, и ему одиноко.

9 звонок в 18:00 (Серёжа мыл посуду после обеда-ужина, я пошла в комнату — проверить холсты на сухость после обработки желатином). [Трубку сняла я, и меня спросили о моём здоровье, то же сделала и я, затем крикнула Серёжу]. Сообщил, что выпил ещё одну таблетку аспирина. А Серёжа посоветовал для успокоения заваривать валериану. Саша сказал, что она у него есть в виде жидкости.

22 ноября 1997 г. (суббота)

Вчера Серёжа закончил «Сказочку». Правда, это не страна Пофигения, как мы её представляли себе в Евпатории, а что-то менее конкретное, зато более живое. Всего 50 строк. По совету Аронова он сжал вступительную часть, а остальное ему даже понравилось.

Серёжа периодически по телефону утешает Андрея Шацкова — «великого якутского поэта», «самого печатаемого в этом году поэта» (по его же собственным словам). Неплохой, добрый парень, но «испорченный» комсомольской работой, жаждущий быть на виду — сначала в трудовом коллективе, теперь в поэзии.

Серёжа всё пытается ему объяснить, что работа со словом — это такая же работа, как у любого другого человека, требующая терпеливого труда. Ведь не из всех инженеров выходят гении: радио — как Попов, атома — как Кюри и т. д. Так и не из всех поэтов вырастают Пушкины и Пастернаки. Надо получать удовольствие от самого процесса написания, а рассудит время. И то, что он печатался в газетах (к примеру, в «Железнодорожнике») и даже в журнале «Москва» (познакомившись с зав. отделом поэзии Артёмовым через Серёжу), — это не успех. О заказных статьях вообще нечего говорить — ценно, когда люди сами находят что-то интересное, новое в твоих стихах и пишут об этом...

1 декабря у Шацкова будет день рождения. Даже в «МК», публикуя его стихи, Сергей Мнацаканян, перепутав, отметил, что 1 сентября у «сорокалетнего» Андрея (хотя ему далеко за 40) был день рождения. Я давно не встречала такого «кокета»

(от слова кокетка). Праздновать день рождения Андрей Шацков собирается в Малом зале ЦДЛ, на своём творческом вечере, с морем шампанского.

Конечно, поэты хотят, чтобы их стихи принимались на ура. Но у каждого поэта свой круг читателей, т. к. одним по вкусу одно, а другим — другое. Поэтому нельзя нравиться всем подряд.

Я забрала у Серёжи черновики «Сказочки», уже одна папка черновиков полна — будет интересно в старости покопаться в них.

Мой Андрей ленится с учёбой в институте, прогуливает. Что будет в сессию? Даже «тёте» Свете ответил резко, так, что она обиделась, повернулась и ушла. Мне стыдно за него. Если бы не «тётя» Света, Андрей бы уже не был студентом. Сможет ли она, если захочет, помочь ему в эту сессию?

У меня на работе непонятная обстановка после того, как муж Н. Нестеровой взялся наводить порядок в университете. Он считает, что все наши участки лишние: мой, Валентины Лукиничны Беловой и многих. Хочет нажимать кнопки на своём компьютере — и всё получать. Но кто будет загружать данные? Не думает. Серёжа меня успокаивает, чтобы я заранее не переживала: что будет — то будет.

В Академии живописи мы уже пишем двух натурщиц — Таню и Карину — сидящими вместе. Я решила не брать большой холст, а взяла 70 × 90, и всё разместилось удачно, даже практически за один день проложила мастихином все цвета. Мне понравилось заниматься подбором тонов, чтобы они сближались, сливались — получается интересно. Зато с рисунком — плохо.

24 ноября 1997 г. (понедельник)

Второй раз за триместр (с 1 октября) попала на рисунок. Женя Шахотько, ассистентка Кулакова, сегодня от меня не отходила, т. к. я слабее Лены и Саши (Толика не было). Надо много рисовать, что я и собираюсь делать.

Серёжа планирует в 1999 году издавать вторую книгу стихов. Есть уже 41 стихотворение (правда, два не хочет брать) и сказочка. И мне надо готовить рисунки, штук 6–10, в стиле обложки.

Сегодня Серёжа вдруг заговорил о современном русском языке. Дидуров считает, что безграмотный, упрощённый, «блин», язык — и есть новый русский язык. Серёжа возмущён. Человек ленится читать, работать над собой. Даже дикторы делают грубейшие ошибки. А уж литераторы должны любить язык, любить с ним работать, подбирать точные слова, а не что «ляжет».

Сплошные звонки Аронова. Готовится к вечеру в конце декабря. Зачем-то диктует Серёже список приглашённых. И постоянные вопросы и разговоры: сколько времени, какая погода, о планах на завтра и что идёт по телевизору; о том, что нет Тани или она пришла; об опечатках в «МК»; чтение новой колонки...

Серёжин папа в санатории, и Татьяна Алексеевна сейчас живёт одна. Серёжа стал чаще звонить маме по вечерам. Они очень нас поддержали деньгами — мы потратились на строительство в деревне, — дали два млн. рублей. И мы живём «припеваючи».

1 января 1998 г. (четверг)

(15:20) За это время (с 24 ноября) уже прошёл вечер Аронова — 14 декабря 1997 года в ЦД Журналиста. Вечер был необычный, стихи читали все, кроме Саши. Много — Таня (наизусть, с выражением). Пела. Я все выступления кратко законспектировала, только не записала то, что было «за рамками» вечера.

Мы решили не оставаться на банкет — там все свои, из Магистрала. Когда спускались по лестнице, встретили одного из литераторов, который будет издаваться в РИФ «РОЙ» в следующих «Истоках» (январь 1998), — Жана Григорьевича Гордина... С подачи Аронова он попал к Рой и в знак благодарности предложил А. Аронову транспорт для вечера. Чем тот не отказался

воспользоваться. И вот Ж. Г. с женой — ждут после вечера (мы им составили компанию минут на 40). Я почувствовала себя неудобно за Сашу, особенно когда повеселевший Аронов проходил мимо — к столу.

На выходе мы увидели Сашу и Таню с цветами, садившимися в «Волгу» с водителем. Я, испугавшись, что они могут уехать без Ж. Г., бросилась к ним и (о чём очень жалею) стала объяснять, мол, их ждут, а они уже уезжают. Потом выяснилось, что это машина Ж. Г., а я поспешила и погорячилась. Но вдруг мне расхотелось ходить на вечера Аронова. Вот так!

За это время Валеру Дударева в «Юности» назначили ответственным секретарём! У него с Серёжей много близких взглядов на поэзию, работу со словом: не шапкозакидательство и мания величия, а — делать своё дело.

26 декабря Серёжа вместе с «командой» РИФ «РОЙ» ездил в Солнечногорск на творческий вечер поэта-инвалида, уже 32 года парализованного, Виктора Гаврилина. Собирались долго и нервно. Серёжа с Валерой Дударевым решили для веса пригласить ещё Нину Краснову и Римму Казакову. Но неожиданно Гаврилин, да и Рой, стали возражать. Виктор категорически просил придумать любой предлог, чтобы их не брать. Сначала мотивировал тем, что будут представители левых, красных литераторов — журнала «Наш современник» (Куняев, Бобров...), что может выйти эксцесс. Затем — что нет мест в автобусе и т. д. Закончилось тем, что Сергей и Валера хотели в знак солидарности с Риммой отказаться от поездки, т. к. Казакова и Краснова были уже готовы ехать.

Г. В. Рой сказала, что нельзя сдавать позиции фирмы, выпустившей книгу Виктора Гаврилина. И ехать надо всем: Сергею, Валере, Елене Николаевне, Лере.

Так и вышло. Поехали все, кроме самой Рой. Правда, надо отдать должное, Бобров прислал ТВ из программы «Подмосковье». Гвоздём были «Роевцы» — им первым дали слово. После затянувшегося вечера администрация города Солнечногорска, понимающая вес своего поэта, устроила ужин, где распоряжа-

лась жена Виктора. Он даже выпил — жена ему вливала в рот и клала закуску. Сергей не успел как следует перекусить, т. к. дали обратный транспорт... Их довезли до «Речного вокзала». Я волновалась из-за слякоти, снега, дождя. Да ещё Аронов звонил Сергею и всё удивлялся, что его нет. С «Речного» Серёжа позвонил домой, что он в Москве. И я успокоилась.

Что ещё? У меня 24 декабря прошёл очередной, но в этот раз рабочий (без развески) просмотр в Академии живописи. Представила два натюрморта, два портрета натурщиц (один двойной), композицию по живописи к Ветхому завету под названием «Ноев ковчег», рисунки с натурщиц, а также иллюстрации к «Пиковой даме». Всё не имеет значения, разве только «Ноев ковчег», который не дописан. Боюсь испортить то, что получилось, т. к. не знаю, хватит ли мастерства доделать. Всё оценили на 4, а «Ноя» — на 5.

У Андрея очередной завал зачётов перед сессией: химия, физика, математика и электротехника! Надеюсь на очередное чудо в образе «тёти» Светы и Олега Михайловича Петрова!

Перед Новым годом повидались с Серёжиными родителями — 29 декабря на дне рождения Юрия Пантелеймоновича. Но кроме нас никого не было. Татьяна Алексеевна задала подарками: мне — две пары колготок, Сергею — тёплые спортивные брюки, Андрею — носки. И сумку продуктов: капуста, курица, лук, чеснок, облепиха, домашнее вино, икра чёрная!

Они себя стали в последнее время хуже чувствовать. Правда, Юрий Пантелеймонович занялся «дыханием йогов» и говорит, что ему помогает...

Ещё появилось новое дело. По звонку Андрея Таля (художника-соседа, с которым мы подружились в мае 1997 года) занялась переименованием улицы Шверника в улицу Высоцкого. История такова: сын барда выходил с инициативой в верхи о переименовании, аргументируя всё тем, что его отец жил здесь с 1962-го по 1976-й (Андрей Таль, занимаясь творчеством само-

стоятельно, чтобы не попасть под закон о тунеядстве, работал в то время почтальоном в нашем отделении связи и даже в сопровождении двух КГБ-шников носил почту Владимиру Высоцкому в дом № 11, корп. 4, кв. 41). Однако Никите Высоцкому отказали из-за того, что инициатива должна исходить снизу.

В моём лице инициатива «снизу» почти сразу зашла в тупик:

— в «Академическом» округе главный архитектор Татьяна Фёдоровна Любимова сказала, что это компетенция комиссии по переименованию улиц Мэрии;

— в комиссии по переименованию улиц, куда я с трудом дозвонилась, меня отчитали за незнание законов РФ о том, что улицы не подлежат переименованию. На что А. Таль сказал, что это ложь!

После новогодних праздников поищу депутатов района, что посоветуют они.

Справка: в ул. Шверника была переименована ул. Телевидения в 1971 году. Николай Михайлович Шверник (1888–1970) — государственный и партийный деятель, Герой Соц. Труда. Занимал руководящие гос., парт. и профс. посты. Урна с прахом — в Кремле. Ул. Телевидения появилась в 1958 году в связи с предполагавшимся строительством телецентра, позднее перенесённым в Останкино.

~ с 7 декабря 1997 года, с увольнением (уходом) из Ак. живописи и Худ. гимназии Елены Георгиевны, её функции секретаря или администратора факультета Академии живописи передали мне (без оплаты), как я говорю — в качестве общественной нагрузки. И оказалось всё очень сложно: дела и бумаги запущены, план учёбы не выполняется, у студентов (которых всего-то 13 человек и два в ак. отпуске) задолженности за предыдущие триместры, а некоторые вообще не посещают лекции... Придётся разбираться.

2 января 1998 г. (пятница)

Серёжа занимается продолжением «Сказаний» — Германарихом, пользуясь рукописью Иордана по изданию АН, что

любезно принёс преподаватель нашего Университета историк Владимир Георгиевич Александров.

Я читаю мемуары Валентины Ходасевич (художницы, племянницы поэта). И вот кое-что интересное с профессиональной точки зрения.

Размышляя о встречах в Мюнхене с немецким живописцем бароном Гуго фон Хаберманном (1849–1929) где-то в 1910–1911 гг., Валентина Ходасевич пишет:

«... Про рисунки натурщиков и натурщиц сказал, что я решаю контур и светотень как две разные задачи и одно часто не соответствует другому, потому что я мало думаю о целом. Посоветовал попробовать выразить всё только линией или, наоборот, только светотенью.

... О моих чёрных контурах, которые я вводила в пейзаж, он сказал, что это трюк, и я им скрываю своё бессилие дать форму тоном, а не контуром. Вот и получается — раскрашенный рисунок.

... А многое так никогда и не пришло ко мне. Нужно уметь чувствовать, видеть и не видеть и точно понимать, что для чего, и заранее знать, что должно получиться. Правила имеются для грудного возраста, и лучше, если сможешь обойтись без них. Создавай для решения каждой задачи новые правила — свои собственные... Так я думаю теперь.

... Но как найти себя? ... Теперь думаю: надо очень много работать — и натолкнёшься на себя (если в тебе есть художник)».

Вот ещё, но уже не профессиональные наблюдения, а жизненные, мне очень близкие, хотя ей было 17 лет, а мне — 45:

«... А что же хорошего от моего многомесячного пребывания в этом дивном городе [Париже] — центре искусства? Основное: я окончательно чувствую, что, если выживу, буду художником. Другого пути для меня не может быть. Правда, никакого диплома у меня нет, а зачем он? Вместо него я знаю, что довольно много знаю и не пропаду! А диплом... его даст мне сама жизнь, когда и если он понадобится. А жизнь будет всегда учить: тукнет — и пожалуйста, ещё

кое-чему научилась; тукнет — и опять что-то поняла, и так до сих пор».

Опять профессиональные выводы:

«... Творчески видеть, понимать, отбирать и осваивать интересующие тебя явления окружающего мира, уметь найти главное, а остальное отбросить, уметь увидеть и отобразить свои мысли и чувства, передать то, что хочется, рисунком, краской, композицией, а не копировать то, что физически видит ваш глаз, — вот что должен развивать в себе художник на протяжении всей жизни.

И нет конца поискам и экспериментам, а ведь это поиски себя и создание своего мира, в реальности которого, в случае таланта и удачи, ты можешь убедить и других людей...»

3 января 1998 г. (суббота)

Серёжа к циклу «Страна родная» дописал ещё два стихотворения.

Я продолжаю чтение Валентины Ходасевич. Вот советы Гончаровой, данные ею В. Х. в Париже:

«Никогда не надо насиловать себя и если не получается — оставить эту работу и начинать заново, на новом холсте. Через какое-то время посмотреть, и станет ясно, на чём споткнулся, а бывает, что и недооценил или показалось...»

31 января 1998 г. (суббота)

Время прошло бездарно — в суете с ведомостями студентов, табелями по оплате, учебными планами...

Что было живого?

Составила письмо по переименованию улицы Шверника на разные адреса: в Мосгордуму, Ю. М. Лужкову, в Прав. Москвы, в Комиссию по переименованию улиц, А. А. Вознесенскому (он выступил с заметкой в «МК»), в Союзы писателей (Москвы, России, Московского отделения СП России). Размножаем тра-

фаретку для сбора подписей — всем, кто может помочь, хотя бы по 10, 20, 30 штук.

Андрей Таль готовит две творческие акции: одна — ассамблея (?) скульпторов на нашей улице — «7 нот — 7 скульптур»; другая — виртуальная улица Высоцкого в Манеже, с фото якобы переименованной улицы и т. д.

В АЖ (Академии живописи) мы готовимся к студенческой выставке 17 февраля — у меня, скорее всего, будет две работы: «Александр Аронов» и «Ноев ковчег». Хожу, подыскиваю обкладки подешевле, хотя может, придётся покупать импортные, по 98 руб. за метр. Для графики готовлю паспарту, стёкла и рамы. Взяла в бухгалтерии аванс 800 руб. И уже израсходовала: 124 руб. = 4 рамы + 4 стекла; 44 руб. = 2 листа картона для паспарту (~ 53 × 82). Всего: 168 руб. (пока).

Сегодня Серёжа прочитал мне первую строфу про Германириха. Хочется скорее узнать, что дальше. Затягивает (как он говорит).

Вчера звонил Саша Галуцкий. Скажем так, что его бизнес — искусство, точнее, выставки, экспозиции. Впервые Саша появился на нашем горизонте через Аронова с предложением партнёрства во владении галереей в Ахене. Мы поспрашивали кругом, но не нашли желающих. Второй раз (6.11.97) по его приглашению встретились в галерее «Варшавская», на вернисаже художника Николая Гусева (?), где ещё познакомились с Евг. Мих. Момотом и Лолитой.

И вот — третий раз: вчера Саша предложил участвовать в русско-немецкой выставке в Доме дружбы им. Гёте (на Ленинском проспекте). Да ещё привлечь кое-кого из знакомых художников. Я подумала об Андрее Апухтине, Андрее Тале, Лене Лебедевой, В. А. Кулакове, С. А. Алимове, даже Саше Бухарове. Но у меня самой работ мало, т. е. две выставочных — остальные студийные (учебные). Есть ещё месяц. Надо сделать!!! Можно: Серёжу с Чучей как я думала, или зиму из окна спальни...

Андрею 29 января уже 24 года. Ребята, его друзья — Шурик, Дима, Паша, Оля и её подруга — устроили ему праздник: варёную картошку с тушёной, солёными огурцами, вином и водкой. Подарили спортивный костюм и двухкассетник. Провозглашали тост за родителей, т. е. меня, говорили хорошие слова. Мы смогли подарить 100 тыс. руб. (теперь, после деноминации — 100 р.), чтобы он сам себе что-либо купил или проел.

Серёжиной маме Татьяне Алексеевне исполнилось 70 лет! На юбилей, 21 января, Юрий Пантелеймонович даже сбежал из больницы (куда он попал после того как попарился — и пошла горлом кровь). Были Ната с Вадимом и Владиком, двоюродный брат с женой, друзья из Киева.

С 7 по 21 января у нас жил Сергей Смыслов из Евпатории (ему 36 лет). Приехал в Москву искать работу. Из-за не российского гражданства — не берут. Нашёл одно место в офисе по трубам с окладом 300 \$ (за комнату у Пустовитовских ему надо платить 130 \$ + еда + регистрация + дорога → мало остаётся семье). Но у них там работы вообще нет.

7 февраля 1998 г. (суббота)

В ночь с 5 на 6 февраля умер Николай Константинович Старшинов.

10 февраля 1998 г. (вторник)

Сергей был в Малом зале ЦДЛ на панихиде по Н. К. Старшинову. Затем отпевали в церкви и похоронили на Кунцевском кладбище.

Вчера беседовала с Сергеем Александровичем Алимовым. Начали с рисунков, моих иллюстраций к «Пиковой даме» А. С. Пушкина. Перекинулись со стилизации на неумение.

Рисунок «Лиза» неплохой, в духе Тышлера, но рука Лизы — как клешня. Нет техники! С. А. рассказал, что он знал Тышлера!

Как-то раз Тышлер пригласил его с другом в ресторан, причём в любой, на выбор. А ещё Тышлер советовался с С. А. после того как пропали его абстрактные работы — стоит ли их повторно сделать с сохранившихся этюдов? С. А. ничего плохого в этом не видел, и посоветовал.

С. А. очень образно рассказывает. Я пожалела, что он не пишет мемуары.

На выставке в ЦДХ Алимову хочется представить побольше студенческих работ по книжной графике, но мест ограничено: 100 на живопись и графику, на гимназию и Ак. живописи вместе взятых. Поэтому в первую очередь пойдут работы из альманаха «Истоки».

Вышел альманах «Истоки»! С иллюстрациями (в т. ч. моими) и стихами (в т. ч. Серёжиными, цикл «Страна родная»). Как раз к выставке! Вывезли из типографии первые 300 экз. к нам домой. Наших там — 90 экз. (24 — Н. Нестеровой, 23 — студентов, 43 — наши). Часть «наших» уйдут на подарки: Алимову, Кулакову, Бояринову в СП, друзьям и родственникам.

22 февраля 1998 г. (воскресенье)

Открытие выставки состоялось в среду 18 февраля. Но суета началась раньше. В четверг 12 февраля обивала натюрморты рейками. У меня взяли пять работ живописи и две книжные иллюстрации. Из пяти работ: три натюрморта («зелёный», «с кувшинами», «с гипсовой головой») и две композиции («Ковчег» и «К нам пришёл Александр Аронов...»). Композиции я отдала в мастерскую, чтобы вставили в багет (получилось дорого — 950 руб.). А натюрморты обила рейками, часть которых поморила, часть — покрасила. Графику заключила в рамки, под стекло, в паспарту... В понедельник 16 февраля вместе с Серёжей две композиции и две графики сразу отвезли в ЦДХ. Серёжа уехал, а мы со студентами и Ел. Павл. Кабковой остались ждать, когда разгрузят машину со всеми работами из мастерской, и с 14:30 до 16:00 простояли в проходной служебного входа в ожидании грузового лифта. (На улице

был мороз 22°!) Сами разгрузили, подняли, перетаскали. Во вторник 17 февраля Кулаков и Алимов составляли экспозицию из 43 работ (всего в зале № 13 — 135 работ, следовательно, из них детских — 92)...

Мы с Серёжей задержались у входа, ожидая Татьяну Суханову (жену Аронова), которая опоздала. В зале уже выступили Кабкова и Кулаков. Я дежурила у стола и не видела ничего — только слушала. Да ещё всё время общалась с друзьями и знакомыми. Мы их угостили джином с тоником (купив 20 баночек), затем фотографировались у моих работ на Polaroid, всем на память, и каждому подарили «Истоки». Валентин, знакомый Вики Рукиной, снимал на плёнку (надо переписать). Было суетно, все были возбуждённые. Когда основная масса разошлась, мы с дождавшимися окончания друзьями пошли домой, где и отметили открытие вернисажа. Светочка осталась у нас на ночёвку. Вот и всё.

Вчера звонила Наташа Шумянкova (Петрова), которая бывала с Людой Кузнецовой (тоже однокурсницей по МИЭМ) в ЦДХ. Особых впечатлений нет. Задала два странных вопроса: с какого расстояния смотреть мои работы и по какому принципу отбирали. Думаю, если бы ей понравилось, то она сказала бы.

Сегодня туда собирался Володя Теплицкий с Галей.

21 марта 1998 г. (суббота)

(~ 12:00) Серёжа занимается в большой комнате — хочет написать стихотворение для Владимира Ивановича Фирсова, который, после того как Сергей подарил ему ручку, написал ей хорошее стихотворение, посвящённое Сергею...

За последние год-два у Сергея изменилось отношение к старшим: и к родителям, и к профессиональным поэтам — стал более внимательным. А отсюда — стал больше их понимать. А когда понимаешь, то начинаешь и больше любить.

Серёжа удивился Г. В. Рой, которая не поняла ёрничества в «Сказочке» и просила убрать посвящение 81-й годовщине

Вел. Окт. Соц. рев., считая, что «Сказочка» — шаг назад в его творчестве.

Сергей был обескуражен. Позвонил Аронову — прочитал ему. Но Саша сказал, что это движение вперёд, даже сравнил с Алексеем Толстым (Козьма Прутков).

Решив сделать подинамичнее первую часть, Серёжа выбросил из неё две строки, имеющие вводное значение. Я предложила в названии добавить слово «Дурацкая». Подумав и «посоветовавшись» с Ожеговым и Далем, он остановился на «Дуралейской сказочке». Так я вчера и перепечатала один лист в трёх экземплярах. Рой вечером (в телефонном разговоре) уже не возражала взять «Сказочку» для «Истоков», вместе с циклом «Страна родная».

Письмо о переименовании улицы Шверника в улицу Высоцкого по совету секретаря Союза литераторов ещё раз переделали — укоротили. Да и поддержку она посоветовала ограничить Пен-клубом и семьёй Высоцкого. Теперь поставим свои подписи и — вперёд.

Я не пишу маслом уже два месяца и не рисую — застой. Отговорок много: бумаги по факультету + решила на операцию + выставка. Сдала анализы. Плохая ЭКГ. Операцию откладывают. Будут лечить сердце (?!).

Сейчас поедем с Серёжей в музей на Делегатскую, 3. Там выставка ЗНУИ — четыре мои работы: портрет Сергея; первый вариант «Мадая»; март за окном; н-т с пластинкой. Три первые работы — до «академического» периода. Н-т — с первого курса АЖ.

В прошедшую субботу, 14 марта, ездили на Ильинский Погост к Апухтину и плотнику Гене. Жена Гены не пустила нас к мужу и отказала в строительстве мастерской, т. к. Гена спивается.

С Андреем пошли к нашему соседу В. И. Шумову, который обещал помочь.

Пока мы были в мастерской Апухтина и любовались его новой манерой (гобеленной: портрет врача Саши, пейзажи,

композиции...), В. И. узнал про материал. Через него мы договорились о продолжении строительства мастерской прямо с весны. 23 марта Серёжа поедет к новому плотнику поговорить о деле.

Андрей Апухтин стал писать прозрачно и пятнами — то более, то менее заметными, с просвечивающей фактурой грубого холста.

Много портретов и натюрмортов. А если пейзаж, то с фигурами людей, животных. Лицами. Сюжетные композиции, даже библейские.

Я прошу его привезти несколько работ для буклета, а он всё отвечает, что рано. Уговариваю — дескать, пора, ведь с 1980-го 18 лет прошло... Отнекивается: «Зачем?» И продолжает делать халтуру для продажи...

С сестрой не общаемся с лета. Неожиданно на 8 марта был звонок с поздравлением. Что бы это значило? Неужели как с гуся вода? Без извинений, как будто ничего не случилось!

Я с большим наслаждением прочла воспоминания Ирины Одоевцевой «На берегах Сены» — о богеме начала XX века. Надо искать её же «На берегах Невы».

Это Ирина Игоревна Гейдель снабжает меня. Сейчас дочитала книгу Б. Носика «Анна и Амадей», которую И. И. подарила мне на день рождения — про любовь Ахматовой и Модильяни. Буду читать И. Бунина «Окаянные дни». Сколько я не знаю!

22 марта 1998 г. (воскресенье)

Вчера умерла Уланова...

10 апреля 1998 г. (пятница)

31 марта мне делали лапароскопию по удалению кисты правого яичника в 31 ГКБ. Всё было по Зоценко.

28 марта с 15:00 до 17:00 я сидела в приёмном покое с вещами на госпитализацию — якобы с разрывом кисты, якобы

по «скорой» (за 100 руб.). Заняла место в 313 палате 2-й гинекологии. И я была такая не одна... Некоторые, заняв место, ушли ночевать домой...

29 марта — завтрак, часть обеда, без ужина + 2 клизмы, т. к., возможно, в понедельник — операция.

30 марта — не пить с утра до 15–16:00. Забегают различные врачи: две заведующие, два лечащих врача, ординаторы, сёстры. Все спрашивают: кто ты, с чем ты, когда поступила?

Говорят: не есть!.. Но не смогли. Сказали: завтра! Но не ужинать, утром — опять не пить! Назавтра снова: кто вы, с чем вы, когда поступили? Ждите... В 15:00 можно кушать — сегодня ничего не выйдет. Через 15 минут бежит ординаторша: «Телюк? Не ели? На операцию!» С одеялом — на каталку, в коридор!

Ура! Поехали! По коридору — лифт — переход — лифт — операционная. Стол занят! Сажу на табурете, жду! Ложусь. Сергей Вячеславович Штыров: помогайте, надувайте, дышите!

Проснулась на каталке рядом со столом, где идёт следующая операция. Лифт не работал — не было света! Наконец — в палате. В среду — 1 апреля — отлёживалась.

2 апреля в 11:00 выписываюсь — встречает Серёжа! (с 200 \$, которые отдала со «Сказаниями» лечащему врачу.)

4 апреля с Сергеем снимали швы. Отдали три картины: две Апухтина и одну мою.

Ещё 22 марта были проездом из Крыма в Красноярск Павлик и Павел Галушко — с визитом вежливости на 1,5 часа. Обменялись подарками, сувенирами.

Перед 8 апреля Саша Аронов особенно нервничал — у него готовился вечер в театре-клубе «Русский дом». Диктовал фамилии и телефоны приглашённых, чтобы Сергей страховал.

Сергея не было, и Саша продиктовал мне своих детей (неродных — своих у него не было и нет)...

Я не смогла пойти в «Русский дом», т. к. была слаба, чтобы выдержать два вечера подряд. Выбрала 9-е, с выступлением Серёжи, который 8-го ходил один (среди выступавших были Виктор Берковский и Валентин Берестов, а ведущим — Леонид Жуховицкий)...

9 апреля. Первый вечер «Истоков» в Малом зале ЦДЛ.

Серёжа заезжал за книгами в редакцию и встречал гостей на «Баррикадной». Я ехала сама к 18:30. От нас были: Фирова, Вика с Людой, Андрей с Олей, Серёжина тётя Нина с подругами, Наталья Константиновна Рыбалтовская (главный бухгалтер НГУ) с мужем. Видела Володю Цапина и Володю Щетинина с Леной.

Серёжа сидел в президиуме с Ниной Красновой, Володей Райбергом, Валерой Дударевым, Андреем Шацковым. За отдельным столиком — Галина Вячеславовна Рой, она же вела вечер.

Помянули Николая Старшинова как одного из основателей и членов редколлегии «Истоков».

Начало: под аккомпонимент-фонограмму пел Анатолий Шамардин в «лучшем» стиле советской эстрады. Целых три песни. Опоздавшая Фирова, заглянув в зал и увидев его, решила, что не туда попала.

Далее шло чудесно: Краснова, Исаева, Кабыш, Телюк, Дударев... — сильная часть.

Лена Исаева искала место (её подруга заняла его у окна, откуда далеко выходить), и я позвала её к себе. Она села рядом, сказав: «А я вас не помню...» Я представилась женой Сергея Телюка, что хожу на все вечера с ним. Пока сидели рядом, показала «Истоки»: «голубые» и «розовые». Она просила достать ей по экземпляру. Я обещала — в перерыве или в конце. Но Лена выступила в первых рядах и ушла в середине вечера. Я только успела снять её на Polaroid, но вышло плохо — темно, одно размытое пятно вместо лица, и два плеча (слева Добрынина — синее, справа Кабыш — красное). Фото отдала ей...

Передо мной сидела Аня Гедымин, опоздавшая к началу. Очень волновалась, что её долго не вызывали. Я была не в курсе программы и написала Рой записку, что Аня в зале, волнуется. Рой покивала головой и после бардов объявила её...

Мне понравились те, о ком Серёжа больше всего хлопотал (я, кажется, начинаю слышать стихи).

Лена Исаева. Читала спокойно, меланхолично. Стихи в основном грустные, рассудочные. Запомнилось «Меня не любили поэты... Меня инженеры любили, биологи, моряки». Читала наизусть, тихо, ровно. Сказала, что нет весёлых стихов.

Андрей Добрынин. Читал и маньеристские, и лирические стихи. Зал живо реагировал: хмыкал, смеялся. У Андрея уже большой опыт выступлений. И, как он сказал Серёже, есть стихи для выступлений, а есть — для чтения «глазами» (личные, лирические). Запомнились про корейца...

Нина Краснова. Рассказала о Солоухине и Старшинове — как об учителях. Прочла стихи (что в «Истоках»), свои упражнения в словах (как у Вознесенского). Я сначала её не узнала без красной рубахи, жилетки, брюк и шали. Но причёска та же: чистые распущенные волосы. Простая, немного грубоватая.

Кстати, Андрея Добрынина я также не узнала, хотя у нас в альбоме есть его фото вместе с Серёжей, где он в смокинге, с «бабочкой». В жизни он крупнее и колоритнее.

Инна Кабыш. Читала наступательно. Начала со стиха «Кто варит варенье в июле...» В красной блузке, с гладкой причёской и рыжей чёлкой (длинные пряди). Все дружно хлопали. Утончённая, интеллигентная.

Аня Гедымин. Маленькая. Живая. Подвижная, как мартышка. Но красива. Нервное, утончённое лицо, всё время в чувстве. Реагировала на аплодисменты: «Буду долго читать, если будете так хлопать». Читала про «Париж, чуть вверх и вправо...» Очень женственно, образно.

Всех их Серёжа уговаривал читать больше. Они, по его мнению, основа всего остального. Это уже сложившиеся поэты.

Далее.

Серёжа. Очень хорошо читал. Энергично. С озорством. Не монотонно. Выглядел нестандартно и симпатично. Чувствовалось «мужское начало». Меня взволновало. Я влюбляюсь в него опять и опять.

Читал из цикла «Страна родная» и два лирических. Закончил словами: «... но хочется снова и снова». Хлопали. Приняли хорошо. Зал реагировал: хмыкал и смеялся.

Андрей Шацков. Боялись (я и Серёжа), что он будет «тянуть одеяло на себя». Вышло в меру: то ли слова Серёжи подействовали на него, то ли осознал силу «обоймы». Хотя многие его упоминали (особенно барды, которые пели песни на его стихи)! Был с подругой. Одет строго: в чёрном костюме, белой рубашке,

но в водолажке. Читал немного. Вышло нормально, но в конце всё испортил: устроил фуршет с шампанским для своих друзей (человек 10) и желающих. Рой и мы не участвовали.

Сегодня Серёжа получил выговор от ЦДЛ за фуршет без разрешения! И предупреждение, что подумают о дальнейшем... Это после стольких усилий Сергея по «выбиванию» зала!

Серёжа расстроен.

Кстати, мы с Серёжей предложили Рой давать отчёты о вечерах в номерах «Истоков», с упоминанием выступавших, присутствующих гостей и т. д. Сказала — подумает.

Володя Райберг. На удивление удачно вписался в вечер, с шутками. Упомянул, что в «Истоки» его привёл Серёжа, а Рой «уматерила» (на что Рой обмолвилась: «Но не обматерила», — а Володя добавил: «А было за что...»). Спел романс про яблоки; закончил эффектно песней «7:40». Хлопали. Понравился Андрею (моему сыну).

Виктор Попов. Певца из театра Камбуровой запомнила на прошлом вечере. Пел про Баха, закончил повеселее: «Любите друг друга». Рыжий. Ира Фирова купила его кассеты, надо будет попросить послушать.

Катюша Сполитак. Нечего в 10 лет выступать в ЦДЛ. Не искренне. Выдрессирована папой: движения, интонации. Плохое пение (нет слуха). Единственное, что — ребёнок. Ну и выступать надо с детьми. Мне не понравилось.

Это самое яркое из запомнившегося на вечере. Другое хуже и не интересно.

12 апреля 1998 г. (воскресенье)

Вчера был сбор Серёжиных друзей: Володя Щетинин с Леной, Людмила и Володя Глинские, Сергей Демидов, Сергей Смыслов (мой троюродный брат из Евпатории), Андрей с Олей, Серёжа и я.

С 15:30 до 23:00 сидели за столом, курили на кухне. Андрей и Демидов пели. Все говорили. Ели и пили.

Сегодня Серёжа уже обговаривал с Рой вечер 12 мая в Большом зале ЦДЛ. Собирают основной состав: Исаеву, Кабышу, Гедымин, Рожкову, Телюка, Шацкова, Дударева. Пригласили барда Вадима Егорова, который дал согласие и др. Рой почему-то не хочет приглашать Климова-Южина.

В пятницу Аронов звонил Берестову. Валентину Дмитриевичу было плохо — он задыхался. Приехал врач. Отвезли в больницу. Аронов переживает, что это всё из-за его вечера 8 апреля...

Очень тяжело с Ароновым. В пятницу и субботу он звонил особенно часто. Сергей то мыл полы, то чистил ковёр и палас на полу, то ходил по магазинам (готовились к вечеру). Я же на кухне варила овощи, резала салаты и разговаривала с Сашей. Аронов был очень раздражён, что Серёжа занят, ворчал, что ему самому нечем заняться, что у него нет мацы (в субботу еврейская пасха). Довёл меня до того, что, когда вернулся из магазинов Серёжа и позвонил телефон, я наотрез отказалась брать трубку (раз Сергей уже дома).

Болит низ живота, пупок. Быстрее бы всё заживало! Из меня сильно льёт и раньше на неделю!

19 апреля 1998 г. (воскресенье)

Сегодня светлый день Воскресения! Пасха! Поедем к Серёжиным родителям в Бутово с маленькими сувенирами: крашеными яйцами и книгами. Книги по интересам: Веронике — с автографом Анны Гедымин (который взял Серёжа 9 апреля, на вечере в ЦДЛ); остальным детям — просто детское; женщинам — женские романы; мужчинам — философское; родителям — мемуарное.

На прошедшей неделе, в среду, умер Валентин Берестов. Аронов назвал его своим учителем. Серёжа вчера, в субботу, был на панихиде в ЦДЛ вместе с Андреем Шацковым и Сашей Климовым-Южиным. Затем зашли в кафе помянуть...

Берестова я видела на ароновских вечерах, где он то выступал, то вёл их. Жаль, что я не успела сфотографировать

его: боялась быть навязчивой, думала, что вот познакомимся поближе, тогда... Но «тогда» не случилось.

Последнее время В. Б. плохо себя чувствовал и не бывал на вечерах Аронова, а 8 апреля — когда я не смогла пойти с Сергеем — пришёл.

Ему 1 апреля исполнилось 70 лет. Аронов всё подталкивал Серёжу позвонить, поздравить. Но Аронов не знал точной даты рождения, и Серёжа не посмел звонить наобум, т. к. не в таких близких отношениях.

Саша Аронов звонил в пятницу и встревоженно сообщил, что В. Б. плохо и чтобы Серёжа позвонил ему, что у него врач, а жена так волнуется, что назвала Сашу Борей...

Но опять-таки, когда человеку плохо и рядом врач, беспокоить просто бесцеремонно! Затем Саша сообщил, что В. Б. забрали в больницу, и ему в воскресенье вроде бы стало лучше. Но вдруг в среду Серёжа звонит мне на работу после 15:00 и сообщает (узнав от Аронова), что Берестов умер.

И сразу нахлынуло сожаление, что не сблизилась с таким интересным человеком, не узнали его мир! Он производил доброе и прекраснородушное впечатление. Но около него всегда было много молодёжи, и не хотелось навязываться (хотя Серёжа успел подарить ему «Истоки» и «Сказания», но не узнал его реакции).

Вчера был Мозалёв, приехавший на неделю из Турции. Зашли и Щетинин с Леной. Попили пиво. Сергей Мозалёв порассказал о своей жизни: встаёт в 5–6 утра! Иногда бегаёт! На работе с 7:00 до 19:00, порядка 12 часов. Дома ~ в 20:00 ужинает с Галей и сыном. Сына — спать, а сами смотрят видео (наши фильмы). Вовсю общается по Интернету с дочкой Светой, оставшейся в Москве (когда она приезжает из института на работу и подключает свой компьютер).

11 мая 1998 г. (понедельник — выходной)

Самое яркое впечатление от прошедших дней (с 19 апреля).

9 мая отложили отъезд в деревню на вечер, чтобы попасть на выставку Александра Тышлера (она до 10 апреля). И не пожалели.

В кассе, кроме билетов, купили каталог «Александр Тышлер и мир его фантазий» и буклеты, Веронике и себе.

Оказалось, что его жена — искусствовед Флора Яковлевна Сыркина — уже пришла. Я захватила с собой, на всякий случай, фото его предполагаемой работы. На втором этаже все залы полностью были заняты юбилейной выставкой, т. к. А. Т. исполнилось бы 100 лет.

Мы не успели начать осмотр, как вышла Флора Яковлевна и поинтересовалась, кто её спрашивал. Мы с Серёжей представились: Серёжа — как поэт, работник РИФ «РОЙ», я — как студентка Академии живописи. Ф. Я. поинтересовалась, что я изучаю, какой вид. Я уточнила — живопись. Ф. Я. рассказала, что на западе (и она слышала, что в Америке) в любом возрасте принимают учиться. Что одна женщина поступила там в 83 года! — Я уточнила, что мне 46, и что я на II курсе.

Флора Яковлевна мне очень понравилась: по человечески, внимательно, терпеливо выслушивала нашу болтовню, с небольшой, почему-то усталой улыбкой. Я сразу выпалила, что у нас есть работа, предположительно Тышлера, и показала фото. Я думала, что это произведёт впечатление, но ошиблась. Совершенно спокойно, без любопытства Ф. Я. взяла плохой снимок Polaroid, подошла к окну, где светлее, сказала: «Это маловероятно. Сейчас много подделок». Но что она готова взглянуть, хоть завтра. Мне пришлось объяснять, что нас завтра в Москве не будет, но 11 и позже могли бы. В ответ Ф. Я. очень неопределённо сказала, что будет занята разбором выставки. И опять решение об экспертизе повисло...

Зато Ф. Я. оживилась, что может нам рассказать об Александре Тышлере, если мы, конечно, хотим. Мы, переглянувшись, согласились. [Утром, не рассчитывая на длительную экскурсию, мы планировали в 14:50 уехать на Ильинский Погост.] Я только очень жалела (в который раз), что нет диктофона.

Ф. Я. спросила, видели ли мы фильм об А. Т., и что в 12:00 он будет здесь демонстрироваться в полном объёме. Я обрадовалась, что не только видели, но и записали... Вдруг Ф. Я. возмутилась, что это незаконно. Я попыталась успокоить её, что это мы для себя (хотя почему нельзя писать с TV?). Ф. Я. спросила:

с чего начать рассказ? В первом зале — театральные работы... С них и начали. Я поняла, что это будет долго, т. к. Ф. Я. рассказывала о каждом экспонате подробно, сообщив, что готовит «толстую» книгу, монографию, и если всё сложится благополучно, то будет искать спонсора, издателя. Остаётся надеяться, что в будущей книге Ф. Я. вернётся к тем фактам, что она нам успела рассказать. Я, слушая её, ругала себя за плохую память и, пытаясь запомнить хоть что-то самое яркое, понимала безнадёжность своего желания.

Ф. Я. — небольшого роста (я смотрела вниз и ощущала себя гигантом рядом с этой изящной и кокетничающей своим возрастом женщиной, называвшей нас «дети мои»). Ей никак не подходит слово «бабушка», а тем более «старушка», скорее женщина в возрасте, т. к. с годами не потеряла обаяния и шарма. Кокетливое жабо-рюша (что-то синее, красное) при строгом тёмном костюме и обязательная сумочка под мышкой, безукоризненная укладка и весенняя розовая помада. Очень внимательные глаза — как будто она ими слушает, возможно, читает тебя: кто ты, что ты? Возраст может быть и 65, и 75, и 85. Не задавалась целью уточнить. Говорит не торопясь, с достоинством, без слов-паразитов, но не заумным искусствоведческим, а доступным языком.

Ф. Я. начала с рассказа о работе над Шекспиром: «Король Лир», «Ричард III». Промелькнули эскизы и к «Чапаеву», и в молдавском театре. Всё объяснялось до мелочей, и даже указывались ошибки в макетах декораций...

Сначала мы слушали вдвоём, затем подошли ещё две девушки, затем женщина, затем ещё, ещё... И в 12:00 нас прервали — пора смотреть фильм. Все перешли в небольшой зал, а Ф. Я. обещала продолжить позже. Ведь она объявила ещё в самом начале: «Я пришла сюда специально, чтобы вам всем всё рассказать!»

После фильма мы нашли её в третьем зале на банкетке с, как мы его условно окрестили, «журналистом». Он что-то писал в блокнот, задавал умные вопросы, уточнял даты, фамилии и т. д. Но где диктофон? — Это вряд ли журналист, или — очень несовременный журналист.

Мы успели осмотреть всю выставку, около шести залов. Вернуться, ещё раз осмотреть и посидеть на банкеточке.

Время поджимало (мы опаздывали уже и на вечернюю электричку). Я решилась прервать «интервью», т. к. просто уйти было обидно, хотелось поблагодарить, взять автограф. Я считала, что мы правы, т. к. были первыми...

Серёжа выпросил ручку у дежурной зала (нашу забыли в сумке в камере хранения), и я, решительно извинившись, подошла к Ф. Я.

Ф. Я. спокойно переключилась на автографы, спросив кому подписывать. Я назвала «дочку» Веронику Телюк, а затем нам с Серёжей.

Надписи были такие:

- 1) «Веронике Телюк на добрую память от автора. Ф. Сыркина. 9.V.98»,
- 2) «Ирине и Серёже Телюк на память о Тышлере. Ф. Сыркина. 9.V.98».

Отдельно запомнился рассказ о сдаче спектакля по Шекспиру, где на просмотре чиновник, похвалив актёров, сказал, что декорации никуда не годятся. На что А. Тышлер ответил: «Я вам не верю. Человек, носящий такой галстук, не может разбираться в искусстве».

Мы с Серёжей пришли к выводу, что эти слова могут стать крылатыми!

5 мая я побывала в ЦДХ, зал 46а (?), на юбилейной выставке Сергея Алимова — 60 лет.

В среду, увидев С. Алимова на занятиях, поздравила с днём рождения и подарила ему вдогонку ко второму тому Н. Старшинова — первый том, а также воспоминания жены Верейского.

Увидев книгу Старшинова, Алимов заулыбался: «Я так хохотал, читая его второй том!» На что В. А. Кулаков заметил: «А у меня нет такой!» И я пообещала, что и В. А. на день рождения (14 мая) подарю две книги Н. Старшинова.

Полная книга Старшинова из трёх частей вышла в 1998 г. в «Молодой гвардии». Хотим найти и купить.

В апреле Вадим Алексеевич Кулаков перенёс тяжёлую операцию на сердце — вживили «реаниматор», запускатель сердца при его остановке. Достаточно быстро, за неделю В. А. встал на ноги и выписался к 1 мая, а 5 мая первый раз пришёл на занятия — ещё бледный, слабый, но с жадными до студенческих работ глазами. Я, Нина, Лена и Арчил сидели за мольбертами, когда В. А. тихо вошёл и поздоровался глухим голосом. Сумка через плечо, знакомый пиджак, модная теперь «небритая» борода. Сильно поседевший, осунувшийся лицом.

Стал суетливо ходить меж мольбертов с постоянным подтруниванием над собой и осторожными, наводящими вопросами о студенческих работах.

Лена после вступительных разговоров первая повела его к своим натюрмортам (с тен. ракеткой, зеркалом). Состоялся трудный разговор, из которого вытекало, что почти всё надо доделать или переделать. [Я в первый раз пишу подробно о разговорах на занятиях живописи, чтобы выплеснуть радость, что у меня что-то выходит, а не очернить, например, Лену, которую В. А. очень часто хвалит, и это нетипично, что он её в этот раз «учил».]

К его приходу у меня тоже был готов н-т с зеркалом. И я вслед за Леной успела его показать...

Кулаков некоторое время молчал и затем довольно спокойно сказал: «Вот, это картина, хотя цвета не такие, как в жизни, но они передают н-т. Мне нравится — и всё».

Особой похвалы «в лицо» от В. А. редко кто дожидался. Это и понятно, ведь мы учимся, и главное — ошибки. И если он не говорит, что плохо — уже хорошо, а если ему понравилось — то предел мечтаний.

Я, конечно, сравниваю с октябрём 1996-го, весной 1997-го, когда В. А. много и долго вдалбливал мне, что надо создавать среду, чтобы была связь между предметами, и чтобы они не были сами по себе. Что как художник я могу отбрасывать ненужное (детали), а брать только нужное. Что каждая вещь, предмет — будь то кувшин, дерево или чашка — имеет свой портрет, и надо это передать. Увидеть пластику каждого и композицию целого. Соотношения цветов и тонов, что «выгоднее» в данном

натюрморте оставить или отбросить за второстепенностью, показать главное, не сбиться на фоне, втором и т. д. планах. Учиться видеть в жизни красоту в простом.

Тогда всё это сразу охватить я не могла — через маленькие «победки», с крушениями и шишками, я прихожу к главному: полностью расслабляюсь, отрываюсь от действительности и получаю наслаждение от самого процесса — к чему В. А. и призывал всегда: «Пишите и получайте удовольствие!»

Завтра — 12 мая — большой день: вечер в Большом зале ЦДЛ журнала «Поэзия» и альманаха «Истоки». По моей инициативе и, следовательно, на мою голову добавилась выставка художников, условно — участников альманаха «Истоки», в фойе ЦДЛ на втором этаже. Это повод: для ребят — показаться, для Елены Павловны — отчитаться перед Н. Нестеровой, для меня — наверное, кому-то помочь, т. к. выставлять мне самой особенно нечего, зато можно привлечь в суматохе, например, Андрея Апухтина, чьи четыре работы (два пейзажа, портрет соседской девушки, портрет травника Саши) мы с Серёжей вчера притащили из Ильинского Погоста.

Апухтин принял известие, по-моему, с радостью, сделал обкладки к работам, но сам не приедет, т. к. 13-го в 8:00 у него дела с проводкой газа — вот невезуха! Может, будет Саша, чей портрет мы привезли.

Всего работ для выставки надо: 30 живописи и шесть стендов графики.

Участвует Владимир Райберг с 21 графическим листом и почти все студенты, кроме Стёпы Лукьянова, который отказался (очень занят, не успеет оформить)...

После больницы повторила ЭКГ. Результат ещё хуже, чем в первый раз, до больницы. Предстоят: уколы (25 шт.) + суспензия форте (нитроглицерин) по 1 т. × 2 р/д.

Серёжа ведёт разговоры-переговоры о выступлении с Вадимом Егоровым, и говорил с его женой — любительницей живописи, театра, литературы.

Вадим более спокоен (или выдержан): выпросил, кто будет и что будет, и обещал участвовать, но просил освободить его до 19:30.

30 апреля похоронили (кремировали) Светиноного папу — Владимира Ивановича — рак печени, поджелудочной железы.

Серёжа закончил «Легенду о Германарихе» — первую из «Книги легенд». Я уже отпечатала. Отдаст экз. Валере Дудареву для «Юности», а если не подойдёт — то в «Дружбу народов»... Следующая — об Атилле...

Заняли деньги до августа 1998-го: 300 \$ — Г. Воробьёва, 700 \$ — С. Мозалёв.

14 мая 1998 г. (четверг)

Вот уже и прошёл вечер в ЦДЛ, а вместе с ним и выставка художников в фойе Большого зала ЦДЛ. Но — по-порядку.

Утром 12 мая в 10:00 мы с Серёжей тащили по Москве большие свёртки картин: Серёжа нёс «Аронова» и «Ковчег», а также сумку с графикой по «Мёртвым душам» с двумя этюдами («Яхт-клуб» и «Майнаки»). Я тащила четыре картины Апухтина: два пейзажа, портрет Саши-травника и портрет девушки, а также сумку с молотком, гвоздями, клейкой лентой, ножницами. Было солнечно. На 38 трамвае от «Ул. Шверника» доехали до «Зацепской пл.», перешли Садовое кольцо и сели на троллейбус «Б» в сторону ЦПКиО. Доехали до бывшей «Площади Восстания», а там пешком до Б. Никитской, направо и третий дом — № 53, ЦДЛ. Елена Павловна Кабкова с мужем уже разгружали машину со студенческими работами. Рабочие ЦДЛ принесли пять щитов: два для Райберга и три — для нас. И ещё высоченную лестницу — метров пять — привязывать верёвки под потолок. На верхотуру лазил Арчил, ниже помогал Толик, я держала лестницу и регулировала высоту развески картин. Елена Павловна показала, как вешать (в один и два ряда), и занялась графикой на стендах. Райберг сам приколот работы

булавками и ушёл. Серёжа, съездив за пачками «Истоков» в редакцию, тоже примкнул к развеске картин. Толик ушёл ~ в 12:00. Появилась Лиза Колонова, позже Оля Самовская и уже в 13:00, когда всё висело, — Саша с графикой к «Мёртвым душам», которой не суждено было висеть. В 14:00 поехали домой переодеваться и обедать. Долго не было 26 трамвая, и когда мы добрались домой, то до выхода оставалось 50 минут. Я бросилась варить оставшиеся десять пельменей и обжаривать цветную капусту. Позвонила одноклассница Таня Ивашкина (бывшая Деева), просила захватить её на «Академической». Договорились о встрече в метро в 16:45.

Я не видела её более десяти лет, но узнала сразу, ещё издали: высокая, стройная, с короткой стрижкой и прежними большими глазами. Прибавилось только морщин. Обменялись улыбками и Серёжиной «Книгой первой» — на журнал их дамского клуба.

На «Баррикадной» ждала Вероника — вся спортивная. В ЦДЛ уже приехали Г. В. Рой и К°.

Я сразу пустилась объяснять картины — mini-экскурсия. Далее всё пошло быстро, как вспышки кадров кино: Ира Фирова, Светочка Довгер, Наташа Зубова (только на выставку), Наташа Шумянкova с дочкой Таней, подходил муж Натальи Констиновны по поводу стихов брата (я отвела его к Серёже); подошёл Саша Галуцкий (галерейщик), которого я не узнала сразу, а вычислила лишь потом; пришёл весь бледный и сияющий В. А. Кулаков и поздравил с выставкой; подбежал Сергей — позвал к Вадиму Егорову, показать выставку (я не успела, а только познакомила его с Кулаковым — и Егоров решил самостоятельно ознакомиться с картинами) и т. д.

Я вошла в зал, когда уже отчитал свои стихи первый из выступавших — В. И. Фирсов, так я его и не увидела. Далее, чередуясь, пошли поэты и барды, авторы журнала «Поэзия» и альманаха «Истоки».

Виктор Чичёв (?) — бард, поэт, военная тематика, стихи про Илью Муромца и татарское нашествие — очень профессиональные, отчасти националистические...

Игорь Зуев — поэт, пытался оригинальничать...

Геннадий Георгиев — что-то порой несколько грубоватое, резкое, но с претензией...

Александр Жуков — бард, поэт, издатель...

Наталья Рожкова — поэтесса в мини-юбке, с кудрями и красным обручем — под девочку. Прочла скороговоркой семь коротких стихов. Особенно понравившиеся Аронову (см. «МК») строки — «Хорошо бы проснуться и знать, что никто не подложит подлянки...» И традиционная концовка: «Я старше Лермонтова стала, но ничего не поняла...»

Михаил Шотов (фамилию плохо разобрала) — поэт, редактор журнала «Свет, природа и человек»...

Вадим Егоров — бард, один из самых лучших, здравствующих в н/вр. Просто ностальгия по молодости: «Я вас люблю, мои дожди...». Я пела вместе с ним. Оказывается, помню все слова, хотя пели ещё с Катей Степановой (ныне Гоголевой) в Высотке на Котельнической набережной в 1969–1970 гг., после того как я услышала её в Губкинском ин-те на бардовском вечере. Мы сидели на подоконнике вдвоём и пели.

«Патриаршие пруды» — новые для меня стихи: «Бери, сказал мне Бог, и больше не проси...» Читал с выражением, жестикулируя то ли от волнения (что вряд ли — с его опытом выступлений), то ли для убедительности, но при этом умудрялся держать в руках гитару.

Спел о любви: «Я скучаю по тебе...» Вступил в полемику со Львом Толстым, который ~ следующее сказал о поэзии: это то же, что идти за плугом и приплясывать. Так Вадим Егоров прямо и гордо заявил, что он пахарем не станет, а из-за любви к приплясыванию...

Самое яркое артистическое выступление. Профессионализм высокого класса. Одет просто: в клетчатой рубашке, ветровке...

Николай Дмитриев — хорошие стихи. Первое — о двух ящиках: с родившей кошкой и TV. Второе — «Когда на братскую могилу я приношу свою тоску...»

Юрий Куксов — зам. гл. ред. газеты «Подмосковье». Вызывающе резок, кичится своей работой в экспедициях. С ехидством

и радостью сообщил, что «нашим жёнам отомстим, конечно, с жёнами чужими...» Видно, не везло с женщинами...

Александр Дорин — муж Натальи Рожковой, о чём с гордостью всех тут же известил, зав. отделом поэзии альманаха «Реалист»...

Владимир Дагуров — читал «мурашки», и это, пожалуй, последний автор, которого зал воспринимал...

Далее стали кричать из зала (старушка за мной): «По два стихотворения!» Я на неё несколько раз оглядывалась, чтобы не шумела.

Всё испортил пародист, совсем не умеющий читать ни чужие стихи, на которые пишет пародии, ни свои — Александр Кодышинец (?).

А для меня самое интересное началось только теперь.

Валерий Дударев — поэт, отв. секретарь журнала «Юность», Серёжин друг. Читал спокойно и не торопясь свои четыре стихотворения...

Владимир Васильевич Крылов — ветеранские стихи...

Анна Гедымин — зачаровывающие, внятные звуки голоса («Отмокаю на Волге...», «Твой голос морозен — в пору надеть тулуп...», «А у сына твоё выраженье лица...»). Она запомнилась. Потом меня многие о ней спрашивали...

Сергей Телюк — громко и напористо, нагнув голову к микрофону, который для него был низок, прочитал пять стихов из цикла «Страна родная» + два лирических («Во чреве метрополитена...», «Южное солнце кичливо...»). На первые зал реагировал...

Владимир Райберг — долго и нудно пел про яблоки, день травы и 7:40, которую скоро возненавижу за затынутость...

Александр Щуплов — сам выглядел блестяще в светлом сером костюме и прочёл два блестящих стихотворения («В год посещения Воландом Москвы...», «Безрассудный, словно ветер...»)

Андрей Шацков — высоким для его комплекции голосом прочёл три стихотворения...

Виктор Попов — бард (театр Камбуровой). Пел песни на тексты А. Шацкова да так, что просто невозможно было узнать стихи, настолько хороша мелодия. Далее, обливаясь потом, с полной отдачей — на стихи А. Ахматовой...

Людмила Катанова — бард, с красивым низким грудным голосом и внешне очень приятная: три песни (Володя Пустовитовский, сидевший передо мной на первом ряду, даже предложил — размечтался! — собраться с ней у нас, ещё раз послушать)...

Нина Краснова — это Нина Краснова (по типу: нырки — это нырки; из к/ф «Бабник»). Чего стоят одни начала и названия стих-ний: «Я Есенина люблю за есенинское, а Вознесенского...», «Жмоту». А уж частушки (акапелла) с приплясыванием — вот вам, ешьте! Мне понравилось — я ей потом об этом сказала в фойе...

Владимир Тепляков — задорные («это вам не Байрон хренов...», «Пока верхи лялякали...») и даже чуть не матом про Музу, что «глазки подвела»...

Андрей Чирков — при бабочке, во фраке, с толпой тёток с цветами, целованием ручек...

Завершали вечер Николай Пашков и эстрадное выступление Анатолия Шамардина.

13 мая я до обеда отлёживалась. Потом на работе, да и дома «сбирала» отзывы о вечере. Мы насчитали, что от нас было 20 нами замеченных (не считая студентов и незамеченных) друзей и знакомых.

Наташе Шумянской-Петровой всё понравилось, а Наталье Константиновне Рыбалтовской (НГУ) понравился портрет Аронова и т. д.

Сегодня я с Сергеем в десять утра была в ЦДЛ — демонтаж выставки. Смогли приехать Лена и Саша — Толик всё отвозил. Я и Серёжа подарили ЦДЛ мою картину «Н-т с пластинкой» 1996 года. Наталья Алексеевна Познанская — отвечающая за подобные мероприятия в ЦДЛ — сказала, что их не балуют подарками. Вроде осталась довольна, поблагодарила.

Взяли свои и апухтинские работы и потащили в Черёмушки тем же маршрутом: «Б» — «Октябрьская» — трамвай № 26 — ул. Шверника.

Сегодня в ЦДЛ вечер Окуджавы, ведёт Жуховицкий. Вход по пригласительным билетам. Билетов у нас нет.

22 июня 1998 г. (понедельник)

Серёжа сегодня уже в очередной раз созвонился с Вадимом Егоровым. Сначала звонки касались предполагаемого издания книги В. Е. в РИФ «РОЙ» (Серёжа уговорил Рой и макетчиков отказаться от своего «интереса», сделав книгу тах дешёвой), но после того как нашёлся спонсор, взявшийся оплатить 5-тысячный тираж, мы порадовались, что есть ещё добрые люди, поклонники талантов. В. Е. обещал обязательно доподарить оставшиеся четыре кассеты (к двум уже подаренным ранее) с автографом и поддерживать добрые отношения. Мы видели его выступление 20 июня по ТВ в концертном зале «Россия», на Вечере памяти Визбора.

Серёжа сделал все нужные выписки для следующей за Германарихом легенды из книги «Свод древнейших письменных изданий о славянах» (I т.), т. к. уже пора её (а она у нас почти девять месяцев) отдавать Владимиру Георгиевичу Александру...

Сегодня Серёжа отвёз в мэрию Ю. М. Лужкову письмо с инициативой переименования ул. Шверника в ул. Высоцкого. Теперь будет отслеживать его путь. Письмо подкреплено справкой о Швернике; письмами от музея Высоцкого (за подписью Никиты Высоцкого) и Пен-клуба.

С письмом от Пен-клуба помог А. Вознесенский: 13 июня Серёжа ему дозвонился, и он обещал 15 июня на заседании Пен-клуба решить этот вопрос. И, действительно, 16 июня Сергей забрал у А. Ткаченко (председателя) письмо со всеми подписями. Сергей набрался смелости и попросил А. В. дать в «Истоки» материал о Высоцком или что-либо другое. А. В.

просил перезвонить 21 июня. Но когда Сергей ему дозвонился, решения ещё не было, и всё перенеслось на 23 июня. А потом А. В. опять куда-то уезжает.

Из-за звонка А. В. 21 июня нам пришлось ехать в деревню в пятницу — 19 июня. Отвезли А. Апухтину 200 руб. за проданную картину, заплатили свою страховку за 1/4 дома (ок. 50 руб.), за свет 1997/1998 г. (ок. 36 руб.), оставили деньги Вите Шумову (т. к. Владимир Иванович приболел с ногой, значительная часть которой ампутирована) на шифер, паклю, конёк (ок. 1200 руб.). И в субботу 20 июня вернулись домой к 21:30. А к полуночи поднялась гроза, которая перешла в ураганный ветер. Я помню аналогичную бурю в детстве в деревне, когда срывало крыши и выворачивало деревья. В городе это не менее страшно, да ещё мы оказались почти в эпицентре (около Профсоюзной). Молнии блистали практически без перерыва. Ветер гнул деревья, мимо окон проносились ветки, мусор, хлестал дождь.

Утром узнали о результатах, да и Андрей сходил на улицу посмотреть: ул. Шверника затоплена, «ракушки» разломаны, а одна оказалась надетой на столб для выбивания и сушки. Много выкорчеванных с корнями деревьев. Упал кран на Профсоюзной и т. д. По ТВ передали, что погибло десять человек и 120 госпитализировано. Лужков говорит, что виноват Гидрометцентр — не предупредил, а Гидрометцентр утверждает обратное.

Сегодня по дороге на работу видела на Тульской упавшие щиты с рекламой, а на бульваре у «Алмаза» — много поваленных лип. Хотя часть сучьев отпилена, собрана в кучи, брёвна сташены с проезжей части.

Р. С. Вадиму Егорову мы подарили мой этюд из серии «Евпатория»: «У яхт-клуба в ненастье». Ему с женой понравилось. Татьяна (его жена) сказала, что я настоящий художник... Хотя это оценка непрофессионала, всё равно приятно.

Кстати, Серёжа, прочитав обе подаренные ему книги Вадима Егорова, предположил в нём душу Пьеро — минорно-трагическую, что потом подтвердилось в одном из стихов В. Е. И если бы я стала писать его портрет, то именно в таком ключе.

Сейчас у нас очередная сессия. 30 июня — просмотр. Готовлю композицию на свободную тему — «творчество» (портрет Серёжи в низком кресле, с Чучей...).

У нас в гостях была Аня Гедымин — часов с 20–21:00 до 23:30. Она вычитывала свои стихи в «Истоках», заодно беседовали. Аня закончила вечерний МГУ (журфак). Рассказала, как все девушки были влюблены в Волгина (литератора, исследователя Достоевского). Она своей подруге дала совет — прийти на лекцию с цветами и сесть к нему на колени, тогда он обратит на неё внимание, но подруга сделала только первую половину.

Аня вспомнила Черняка, который, работая в отделе поэзии («Сельской молодёжи» ?) не взял её стихи. И она пошла к главному — жаловаться на него, что печатают плохие стихи (прочитав несколько), и показала свои. Тот распёк Черняка, за что Вадим Григорьевич в опубликованной позже её подборке сделал в каждом стих-нии правку, из-за чего пропали рифмы.

Аня сразу узнала Аронова на портрете. Вспомнила, как они всё собирались его женить...

30 июня 1998 г. (вторник)

Сегодня был просмотр работ в Ак. живописи. Я со второго перешла на третий курс. Выставила пять работ маслом: н-т с зеркалом, н-т с красным бантом, модель, композиции «Ковчег» и «Творчество» (или «Серёжа и Чуча»). Книжные иллюстрации к «Пиковой даме» — пять работ, к набоковскому «Приглашению на казнь» — три работы (соус, сангина, белила). Рисунка — нет, лишь наброски. Соответственно, оценки: живопись — 5+, рисунок — 3, композиция — Кулаков — 5, книжная иллюстрация — Алимов — 5.

Вадим Алексеевич всё твердит: по работе и результат (про меня и Нину Чистякову). В. А. каждому нашёл хорошие слова, и — на что обратить внимание.

Затем в мастерской Кулакова все вместе — с Сергеем Александровичем Алимовым, Ильёй Хрящёвым, Женей Шахотько и студентами — устроили посиделки, перепляски. Очень даже

чудесно плясал С. А., особенно типа краковяка (?), а В. А. — и быстрые, и медленные.

С. А. вспоминал своего преподавателя живописи, общего с В. А. (Ашота Саакяна (?), или как-то похоже). Он ставил им натюрморт из персиков, груш и т. п., а студенты всё это съедали. Затем он поставил консервированные фр. — компоты и пр. Так они делали дырочки и выпивали, а фрукты сморщивались. Тогда он принёс рыбу, и они писали, зажав носы.

20 июля 1998 г. (понедельник)

(~ 12:00) Что побуждает делать записи? Возможно, накопленное бремя впечатлений за какой-то отрезок времени (большой или маленький), которые жаль забыть, жаль растворить в небытие. Людям, которые не имеют такой памяти, какой обладал, например, Владимир Набоков («Другие берега»), приходится делать отдельные зарисовки.

Так и сейчас. Последней каплей, перегрузившей память, был утренний разговор Серёжи с Андреем Андреевичем Вознесенским.

Что «накапало» до этого? Попробую разобраться.

Внешние факторы. Погребение 16 июля в соборе Петропавловской крепости, через 80 лет после расстрела, останков царской семьи. Вдруг поменявший своё решение, вернее, одумавшийся (под воздействием Лигачёва) и прибывший на погребение Ельцин. Надежда: неужели теперь всё пойдёт по-другому?! Но ведь после покаяния в содеянном — не начало ли нового витка, не приведёт ли отпущение грехов к новому греховодству?

Следующая «капля»: пожалуй, Елена Павловна подала заявление об уходе из-за распада художественной гимназии (расценки были увеличены с ~ 300 до ~ 800 руб. в месяц с ребёнка на новый 1998/1999 уч. г.). Нестерова ещё не подписала заявление, надеется, что Е. П. «отойдёт», остынет и останется хотя бы зам. декана Ак. живописи по выставочной работе. Но я, со-

звонившись с Е. П., узнала о решительном настрое на уход (м. б. есть др. место?). Кулаков сказал — будем работать в любых условиях, пока не разгонят.

«Каплей» стала и встреча с «Золотой кистью» в ЦДХ, куда я пошла со списком студентов, участвовавших в выставках 1996 и 1998 годов — получить для них справки об участии... Пообщалась в выставочном отделе (с подачи Натальи Михайловны Августинович, жены Сергея Александровича Алимova) с Мариной Михайловной Милешниковой, которая обещала через неделю справки выдать. И не удержалась: 5 руб. по студенческому — и я в ЦДХ, на втором этаже, в большом зале, где разные техники, разные художники.

И уже распределённые места:

Гран-при — Георгий Лиховид. «Клетка для птиц», «Птицы и старые предметы», «Кот и птицы»;

1 место — Дмитрий Кедрин. Виды Италии;

2 место — Виктор Оленников. «Волхонка», «В деревне», «Ирисы»;

3 место — Павел Хлебников. «Поздняя осень», «Над святым источником», «Осень в Сергиевом Посаде».

Трое последних — плюс-минус классическая живопись. Кедрин — импрессионизм с Тёрнером. Оленников — почти монохромная, Хлебников — тёмная живопись. Лиховид — разновидность Шемякина, современное направление. Все очень профессиональны. Понравились ровным высоким уровнем.

У остальных же в целом очень неровные работы, даже одного автора «шарахает» и в стиле, и в качестве.

Интересными оказались: Клара Голицына, Мария Годына, Алексей Беляков, Галина Тихомирова и ещё пять-шесть человек.

Позавчера, когда мы были в деревне, Андрей Апухтин познакомил нас с четой из Шатуры — резчиками шкатулок и т. д. Это они устраивали выставку в Шатуре (куда Андрей взял у меня две работы «Модель»).

Апухтин показал новые «синие, зелёные» работы: сирень, портреты, натюрморты. Боюсь, что эта техника может стать

«штампом». Каждая работа отдельно — очень хороша. Но вместе — рябит. Надо использовать не только разные композиции, но и тона, и плотность, и освещённость — а они все идентичны.

И последняя «капля». Сегодня Сергей договорился взять подборку для «Истоков» у Андрея Вознесенского в ЦДЛ. Там у Андрея Андреевича с кем-то назначена встреча ~ в 16:30, а с Сергеем — в 16:15. За эти 15 минут, кроме деловых разговоров об «Истоках» и «улице Владимира Высоцкого», хочется подарить Серёжины книги, поговорить о последней поэме Вознесенского, которая была в субботнем номере «МК», взять автографы на видеомах и мемуарах, забросить вопрос о моей картине в подарок, предложить раскрутить совместно проект вечеров «На улице Высоцкого»...

Вряд ли это возможно. Хорошо бы хоть увидеть его, т. к. есть вариант простой передачи через администратора.

Кстати, в проекте переименования улицы Высоцкого есть очередной шаг: отдел культуры поддерживает нас перед комиссией по переименованию.

21 июля 1998 г. (вторник)

Сергей вчера встречался с Андреем Вознесенским в ЦДЛ в 16:15, недолго, пока не подошёл Виктор Ерофеев.

Сергей взял у А. В. его подборку из четырёх стихотворений, от которых дома пришёл в восторг! Особенно от «лягух»...

*Эти сольвейговские лягухи
в соловьиных мечтах ночных
заползают девицам в уши.
Те беременеют от них.*

После неоднократного прочтения «Я — вселенский полудурок...» поняли, что это стихотворение было навеяно нашей общей работой по переименованию улицы Шверника в улицу Высоцкого. И что последняя строфа кричит об этом:

*С тьмой литературных урок
разберусь я вдругорядь.
Вознесенский переулочек
не переименовать.*

Это заметила и Нина Краснова. Стихотворение «Старый Антверпен», по-видимому, новое, т. к. когда Сергей ему звонил зимой, он предупредил, что уезжает в Антверпен.

И ещё, маленькое:

*Тьма ежей любого роста
мне колючками грозила.
Я на дух надел напёрсток.
Жмёт, конечно. Но красиво.*

Сначала решили, что не «дух», а «двух» — что это опечатка. Но Нина Краснова объяснила, что словом «дух» обозначают мужской орган. И сразу стало понятно, что это по типу пословицы «Испугали ежа голой ж...» — хулиганство гения.

23 июля 1998 г. (четверг)

Позавчера утром Серёжа обзванивал информационные программы TV, а когда ушёл в редакцию, вдруг позвонили из «Времечка», Борис Соболев: «Приедем снимать».

Срочно обошли дом Высоцкого № 11, корп. 4. Нашли несколько человек, которые помнят Владимира Семёновича, его мать, детей.

Соседка снизу из кв. 38 — Евгения Михайловна Курносова...

Сантехник Владимир Иванович Зуев — очень колоритная фигура. Помнит даже, как Высоцкий был в Кащенко, где в специальном корпусе «отдыхали» по собственному желанию артисты, в т. ч. Людмила Зыкина. А когда приехала Марина Влади, то её младший сын (около трёх лет?) в первый же день полез на дерево и сломал руку. Владимир Иванович также вспомнил эпизод, когда Владимир Высоцкий подъехал на такси,

а они собирались на шашлыки и позвали с собой — но он отказался: «Я с подружкой!» (имея в виду Марину Влади). И, купив мороженое, сел обратно в такси... И вообще, по его словам, Высоцкий никакой не «алкаш»: он не пил на троих, а только — культурно, под шашлыки, с гитарой (раньше за домами был овраг, где часто сиживали, иногда допоздна — подходили даже дежурные милиционеры)...

Борис Соболев всё интересовался, какую песню он здесь написал. И Владимир Иванович вспомнил об участковом Мамыкине («Песенка о слухах»).

Снимали 23 июля с 12:00 до 14:15. Сначала на улице, у остановки автобуса. Потом у дома, подъезда, на этаже, в квартире соседки снизу. Затем вокруг дома, опять на улице. У прохожих спрашивали: кто такой Шверник? Никто толком не ответил...

30 июля 1998 г. (четверг)

(~ 15:00) Лежу, читаю «На виртуальном ветру» Андрея Вознесенского из серии «Мой XX век». Воспоминания о Борисе Пастернаке, который отучил его от юношеского нигилизма своим отношением к Александру Твардовскому как к крупнейшему поэту. Кажется, Серёжа это сейчас тоже понимает.

Когда мы познакомились и, пожалуй, до начала общения с Ароновым Серёжа очень категорично относился ко всем поэтам. Ему никто не нравился, кроме Пастернака и Ахматовой. И то — Пастернак не весь, а выборочно. Серёжа говорил, что Ахматова более ровный поэт.

Я всё время удивлялась, а иногда и возмущалась, что Серёже мало чего нравится в современной, да и прошлой поэзии (хотя Пушкина он признавал, считая его вне критики, но Лермонтову уже доставалось за всё: и чернушник, и зануда, и т. д.).

Оказавшись в кругу профессиональных поэтов и присматриваясь к их стихам, Серёжа стал уважительнее относиться к авторам, учитывать не только уровень и точность подбора слов, но и условия и возможности работы.

Кстати, книга «На виртуальном ветру» была куплена Серёжей после того, как он начал созваниваться с Вознесенским по поводу переименования улицы Шверника в улицу Высоцкого. Читая книгу, Сергей узнавал Андрея Андреевича всё лучше. (Когда он впервые разговаривал по телефону с А. В., то назвал его Андреем, как принято в творческой среде. Но потом уточнил возраст по евшушенковской антологии. И, попутно удивившись тому, что Вознесенский оказался старше Аронова, теперь обращается к нему «Андрей Андреевич».) Из книги Серёжа сделал вывод, что А. В. не задавала, не чопорный, не чванливый, а простой, доступный, воспитанный человек.

При их первом личном пересечении в ЦДЛ 20.07.1998 Сергей взял автограф (хотя он их берёт не всегда, а когда человек ему приятен). Андрей Андреевич написал (со слов Сергея, который всегда боится обидеть меня): «Ирине и Сергею очень сердечно» и далее каракули подписи и даты. Вообще у А. В. очень непонятный подчерк. Сергей с Ниной Красновой угадывали правки в его подборке, и Сергей ставил подходящие по смыслу и рифме варианты, чтобы позже уточнить по телефону...

Но оказалось, что А. В. уже переделал строфу и продиктовал что-то другое. Серёжа за день внёс правку макетчикам «Истоков» и оставил в ЦДЛ очередной вариант вёрстки (вместе с документами по В. Высоцкому — копиями писем Н. Высоцкого и Пен-клуба). Договорились созвониться утром 24 июля. Но в назначенный час А. В. сказал, что у него много народу и лучше созвониться в понедельник, и к этому добавил, что хочет поделиться впечатлениями о книге (при встрече Сергей подарил ему «Книгу первую» и «Сказания о праславянах»).

В субботу ходили собирать подписи на Ваганьковское кладбище к могиле Высоцкого, накануне просмотрев сюжет во «Времечке». Об этом ниже.

В понедельник 27 июля Сергей, как всегда, в десять утра звонит Вознесенскому. Автоответчик. Сергей молча кладёт трубку. Перезванивает через некоторое время: А. В. берёт трубку, но не сразу.

Разговор об очередных правках в стихах, т. к. они новые. В т. ч. и в «хулиганском» — «колючки» поменялись на «иголочки» — Сергей в восторге от этого и других исправлений...

Но сначала А. В. извинялся, что сразу не снял трубку, оказывается, его «достаёт» одна поклонница, которая то объясняется в любви, то ругается и в курсе переименования улицы (она всю плёнку в автоответчике «заговаривает»).

Затем А. В. перешёл к Серёжиной «Книге первой». Я смотрела на Сергея, как он напряжённо слушает, подавшись вперёд с кресла, как будто решается его судьба. Затем говорит: «Спасибо!» — и улыбается, довольный и счастливый.

Коротко мнение А. В. было пересказано Серёжей так: мол, длинная строка, с которой он работает, сродни звучанию виолончели, и что «чёрт с ним двустопным ямбом (?) и двумя ударениями в строке!»

Сергей, объясняя мне последние слова, лихо махнул рукой (глаза блестели) и добавил, что тогда короткая строка — скрипка...

Я люблю тембр виолончели, и мне тоже понравилось это сравнение.

Теперь о «Времечке». Так как наш видеоманитофон сломан, Сергею в 23:30 пришлось идти записывать передачу к Ире и Сергею Фоминым, а я осталась дома.

Шло четыре минуты, всего понемногу: Серёжа (с подписью: «С. Телюк, поэт, местный житель»); хроники о Швернике и его «ордене Сталина»; Владимир Иванович Зуев (сантехник); Александра (соседка с первого этажа); Евгения Михайловна (87-летняя соседка «под») — и всё.

Зато когда мы собирали подписи на Ваганьковском, каждый второй был в курсе, ведь утром передали по «Эху Москвы»... В воскресенье по «Маяку» — что чуть ли не «уже переименована»... А несколько дней спустя — в «Книжном обозрении»... По слухам Лужков уже дал распоряжение... Только мы пока ничего не знаем и удивляемся. Везде пишут и говорят «инициативная группа» — это я и Серёжа! Кто бы знал! Андрей Таль всё взвалил на нас. По его художественной части сдвигов нет. Сам он отдыхает под Псковом (или Новгородом). А реально

нам помогали Ира и Сергей Фомины с друзьями — собрали две с половиной страницы подписей; мама Таля — Римма Станиславовна — пришла на протезах на съёмку, два часа терпела (нашла сантехника Владимира Ивановича); Нина Краснова — на Ваганьково взяла лист и пошла в народ; Ира Кочеткова — стояла с нами пять часов на кладбище, собирая подписи. Да ещё Аня Гедымин — отредактировала текст письма.

Само письмо сочинила и написала я — с уверенностью, что это лишь «рыба», что группа умных единомышленников подчистит, отнесёт и пробьёт...

Но группа не возникала. И тогда Сергей позвонил Никите Высоцкому с просьбой дать нам письмо в поддержку, а тот обещал подписать всё, что мы принесём (!).

25.01.1998 в «МК» я увидела фото Высоцкого и Вознесенского с вопросом «Где улица Высоцкого?» Мы вышли на А. А. через ЦДЛ, написав и оставив ему записку — от «инициативной группы». По-моему (и по-Серёжиному), Вознесенский до сих пор считает, что «нас» много: поклонники, фэны — группа. Не разуверяем. Так, например, он спрашивал, как после урагана могила на Ваганьково, всё ли цело. На что Серёжа ответил, что после урагана ещё не был, вернее, с тех пор как познакомились в 1992 году, мы были там всего один раз, не считая недавнего посещения.

Я задумываюсь, зачем это делаю. Ведь я не такая уж и поклонница Высоцкого, хотя жила фактически одновременно с ним на Шверника (15–1–16) с 1966-го до 1981-го — да и теперь живу рядом, на Б. Черёмушкинской 2–1–159, — но никогда живьём его не видела, только по TV.

И всё-таки Высоцкий — свой. И если получится, значит, подтвердится поговорка: «Если нельзя, но очень хочется, ТО МОЖНО».

И ещё. После Ваганькова, 25 июля, собирались к памятнику на Страстном к 22:00. Но устали и пригласили Нину Краснову к себе отдохнуть. Помянули Высоцкого, и Нина уехала...

26 августа 1998 г. (среда)

(~ 21:00) В стране «обвал» рубля. Ещё в понедельник 1 \$ стоил 6,5 руб.; вчера уже — 7,8 руб.; сегодня с утра — 8,26 руб., но Центробанк заявил, что торги недействительны. И с ГКО бардак: то ли заморозили на 2–5 лет, то ли частично (10 %) оплатят, а остальное в долг, как объяснили, это связано со страховым фондом, медициной, лечением, скорой помощью, зарплатой врачей — т. е. всё отразится на нас.

16 августа мы с Серёжей ездили в гости к Ане Гедымин в Переделкино, где она отдыхала в Доме творчества. Посмотрели комнату с диваном, письменным столом, кроватью. Погуляли по «улице» мимо особняков и музеев Чуковского и Пастернака. Полюбовались на дачу Вознесенского, с кошкой на балконе.

Серёжа на заказ сочинил поздравление библиотекарше Юлии Ивановне Поваровой по мотивам Даниила Хармса.

Две недели с перерывами трудились в деревне: стеклили, красили, убрали в домике. Покрасили в жёлтый цвет, с тёмными окнами. Я паклей заделывала щели, а Серёжа забивал «лишнее» окно в комнате. Последнюю неделю жили одни, т. к. тётя Ира увезла Лёшу с Шуриком в Косино — показать Лёшу врачу. Но врач не идёт, говорит, что много вызовов (уже третью пятницу), а сам ждёт, что Лёша умрёт после операции — рак кишечника (?). Ужасная, скотская ситуация! Все мучаются: Лёша пьёт (у него боли) и ругается с тётей Ирой. Тётя Ира терпит, Шурик — просто пьёт.

31 октября 1998 г. (суббота)

Общее. Курс \$ ~ 16,5 руб. Поэтому остальное ясно. Цены на всё выросли в 2–3 раза при той же зарплате.

У руля — премьер Примаков и К°. Не хватает на еду, до «квартирных» (в феврале 1999 г.) придётся голоднуть. Основная еда — картошка, каши (на завтрак), пустые щи и супы. Балуемся

свинными обрезками (остатки мяса на костях, сухожилиях). Иногда по одной сосиске (куриной) на человека. Едим больше хлеба с маргарином «Rama». Радуемся в дни зарплаты пиву (одна–две бутылки) и 300 г сыра Российского. Редко скумбрия или 0,5 кг шампиньонов на 10 руб. — на три ужина. Яйца. Хотя у меня прибавление в зарплате с 550 до 1050 руб. за должность зам. декана или администратора Академии живописи и у Сергея до 500 руб. — но выросли и квартплаты: моя — $\Sigma = 200$, а Сергея $\sim \Sigma = 150$. Проезд — по 2,50 за метро.

Вот и весь баланс. Андрей питается сам.

Сергей после Хармса, досочинив за сентябрь–октябрь ещё восемь стихотворений, решил издать миньон с моими рисунками. Хотел назвать «Подражания в честь Юлианны», но я уговорила короче: «Кое-что о Юлианне». А чтобы не обижать авторов, всё это решено назвать «Вольными переводами с детского на взрослый».

Правда, Сергей Александрович Алимов «боится» за Чуковско-го, семья которого имеет адвоката по охране авторских прав. Но кто-то сказал, что при маленьком тираже, без прибыли, это неважно.

Иллюстрации показала Алимову. Он дал дельные советы, конкретно по уже сделанным рисункам, чтобы улучшить.

И вот на прошедшей неделе Серёжа отвёз тексты и иллюстрации Ирине и Павлу Чикиным — компьютерщикам. Ребята — муж и жена — обещали всё сделать бесплатно. (И вообще хорошего уровня макетчики, судя по дизайну книги «Сны».)

Далее предстоит типография, где ещё неизвестно, сколько будет расходов.

За сентябрь написала автопортрет. Руки не очень вышли. Надо с Кулаковым подправить.

Сейчас на III курсе пишем: натюрморты, Олю Орлову, композицию по Рождеству Христову. Делаем иллюстрации к Мольеру («Мещанин во дворянстве») и Шекспиру («Сон в летнюю ночь»).

Ушла Елена Павловна Кабкова. Вместо неё теперь я помогаю В. А. Кулакову, который решил обновить преподавательский

состав, усилить по профилю — пригласил Андрея Таля и Марию Александровну Реформатскую (из МГУ).

Некоторые с IV курса хотят получить диплом уже в этом году, что необходимо утрясти с ГОСТом и учебными планами.

У меня очень плохо с рисунком. Рисовать надо больше, а времени на это остаётся всё меньше.

19 октября был вечер альманаха «Истоки» в Малом зале ЦДЛ. Народу — полный зал. В президиуме Римма Казакова. По ТВ я её представляла монументальной, крупной, а в жизни — хрупкая женщина. Вела вечер Галина Вячеславовна Рой. Сведущими (из-за состояния здоровья Г. В.) были Валера Дударев и Серёжа.

Из старшего поколения выступили (кроме Риммы Казаковой) Тамара Жирмунская и Лола Звонарёва. Они друг друга знают давно. Критик, редактор Лола Звонарёва говорила о трудностях н/вр. Кстати, после Серёжиного выступления со стихами «про Юлианну» Звонарёва предложила Серёже напечатать два стихотворения.

Петушились молодые — Бардовский и Казаков. Ровно и по-разному слушались А. Гедымин, А. Добрынин, В. Дударев, Н. Краснова, С. Телюк. Из бардов удивил И. Симановский. Не в своей тарелке Сокольский (экс-муж Светличной). Из знакомых читали Пустовитовский и Райберг.

1 сентября 1998 г. погиб сын Владимира Райберга — Игорь Сорин (упал с балкона седьмого этажа). В. Р. поставил кассету со стихами сына, и зал слушал стоя, а девочки-поклонницы — плакали.

30 сентября 1998 г. на заседании комиссии Мосгордумы нам отказали в переименовании улицы Шверника в улицу Высоцкого. Комиссия — человек 15, в основном, старше 60. Председателя комиссии не было, а вела заседание Майя Фёдоровна Симонова, всё превратившая в фарс. Сергея пригласили одного, не разрешив взять ни Андрея Вознесенского, ни ТВ. В присланном письменном ответе: «вернуться к этому вопросу после 2000 года... в новостройках...» А «улица Шверника» (оказывается!) — уже историческое название.

10 ноября 1998 г. (вторник)

(13:15) В прошлый четверг, 5 ноября, вместе с немногими желающими студентами (всего восемь человек, включая меня и Машу Люкшину, правнучку Флоренского) ходила в музей-квартиру Флоренского на Зубовском бульваре. Мама Маши провела нас по трём комнатам музея, как по трём разным периодам жизни Флоренского. Эта квартира принадлежала, вернее, была куплена Флоренским для матери, которую он перевёз из Тифлиса поближе к себе (а жил он в Сергиевом Посаде). Поэтому в музее вещи из Тифлиса, много фотографий предков, друзей, наставников (основные же вещи — в доме-музее в С. Посаде).

Удивила своей эрудицией в знании святых и философов первокурсница Лиза Усанова. Хотя я знала, что она верующая, т. к. она училась церковному пению, да и сейчас поёт... При этом Лиза очень восторженная девушка!

Вчера, 9 ноября, с Серёжей были в гостях у Ани Гедымин. Мне очень хочется написать её портрет. Но ещё не знаю, как подступиться к нему. Поэтому с интересом поехала в гости — иногда квартира, дом, подсказывают вариант, характер портрета. Говорили обо всём, что в голову пришло: о курице, которую мы не стали есть; о детях; о старых приятелях Ани и Сергея; о «Весах»; о Цапине... Досидели (с 15:00) до 21:00. Попробовали Бордо (сухое французское вино, 11°, кисловатое, с пробковым вкусом).

А 8 ноября ездили к родителям Серёжи. Юрий Пантелеймонович был весёлым, всё шутил и представлял. Татьяна Алексеевна испекла пирог (кекс), печенье (хворост и лимонное). Ели картошку со свинными отбивными. Пили домашние настойки: мужчины — крепкие, мы — сладкие.

7 ноября думала над композицией «Рождество Христово». Попробовала сделать этюд. В среду надо показать Кулакову.

12 ноября 1998 г. (четверг)

Вчера, 11 ноября, в 19:00 с Серёжей ходили на вечер Вознесенского по его же рекомендации и подсказке, что ещё есть дешёвые билеты. Действительно, стоимость билетов — от 18 до 40 руб. — доступна. Мы давно не были ни в театре, ни на концерте, и Серёжа, поехав, сразу купил два билета по 25 руб. во втором амфитеатре: ряд 7, места 24, 25.

В фойе встретили Нину Краснову с тремя гвоздиками. Так как в партере были свободные места, мы пересели туда (поближе). Зрение у меня «похудело», и я с девятого ряда не смогла разглядеть черты лица подробно. Но по общему впечатлению: то ли сутуловатый, то ли короткошей — почему-то ассоциирующийся с образами Арлекино или Пьеро, в белом, с изломанной линией рук. Кстати, руки зачастую были в карманах или выпархивали вразлёт — то вместе, то поочередно. Много шёпота, изредка — громкие ноты. Нечёткая дикция, возможно, предполагавшая знание стихов зрителями. Иногда паузы или замедления в чтении (то ли память подводила, то ли для лучшего восприятия). Я многого не поняла и пожалела, что не ходила раньше — не с чем сравнить. Нина Краснова уже завсегдатай вечеров Вознесенского в Зале Чайковского. Из пяти вечеров она была на четырёх.

Начался вечер с импровизаций пианиста-джазиста. Затем Святослав Белза рассказал о поэзии А. Вознесенского и его поисках новых форм, о месте А. В. в обществе и т. д.

Потом на сцену вышел Андрей Андреевич и прочитал выборочные места из новых поэм (об урагане в Москве и Super Star).

Далее читались стихи как по его собственному выбору, так и по запискам и выкрикам из зала (из старых прозвучали: «Вальс при свечах», «Гойя», «С любимыми не расставайтесь...», «Ну что тебе надо ещё от меня...»).

Читались стихи и персонально:

- для подводника (стихи о венке на море);
- для сотрудников Политехнического;

- для издательства «Вагриус» (начавшего издавать пяти-томное собрание сочинений А. В.);
- для Зои Богуславской;
- для пианиста-джазиста;
- для нас с Серёжей (ребят из группы, занимающейся переименованием ул. Шверника в ул. Высоцкого);
- и т. д.

Было много цветов — от огромных букетов (на что он прочёл стихи о васильках, подаренных Марку Шагалу на даче в Переделкино, над которыми М. Ш. плакал) до одной розочки.

Под конец все последние ряды бросились вперёд за автографом, а первые ряды, наоборот, медленно выползали со своих мест и шли общаться с Зоей Богуславской...

Мы взяли с собой сборник стихов 1991 года и последние «МК» с поэмами. Подписали у А. В.: «МК» — для себя, а сборник — для Вероники. И поспешили в фойе, т. к. всех просили побыстрее взять вещи из гардероба, чтобы не задерживать сотрудников.

Внизу у выхода столкнулись с улыбчивым Церетели, который общался с молодой женщиной.

Очень устали, т. к. всё происходило после работы и длилось до 22:00 + дорога + мороз [– 12°].

Серёжа сегодня позвонил Андрею Вознесенскому, поблагодарил за интересный вечер, за тёплые слова в наш адрес и за помощь. А. В. просил держать в курсе дела.

Серёжа обещал передать ему «Истоки» со стихами А. В. и копию письма-отказа из Мэрии.

11 и 12 ноября Серёжа был на семинаре по приёму в СП России. Но теперь этот семинар лишь рекомендует, а далее — через комиссию. Помогал продавать книги (Фирсова) и агитировал за альманах «Истоки».

Среди принятых был Саша Климов-Южин. Он давно этого заслуживает...

15 ноября 1998 г. (воскресенье)

(~ 18:00) Всё же целый час пришлось отстоять в очереди в ГМИИ им. Пушкина на выставку «Сезанн и русский авангард», т. к. она через три дня закрывается. Просто надо раньше вставать, а не к 11:00 приезжать к музею, который открывается в 10:00. Гардероб переполнился, и очередь встала. Пускают, когда освобождаются номерки. А как уйти от Сезанна быстро? Да если ещё из 50 его работ 18 привозные — из Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Бостона, Вашингтона, Форт-Уарта? Причём из них пять — портреты Мадам Сезанн.

Сначала всё осмотрела подробно.

— Первое удивление: ранние чёрные работы (если 30 лет можно назвать ранними) — это «Сцена в интерьере» и «Девушка у пианино».

— Затем отметила, что часто оставлен нетронутым грунт. Холст. Краски матовые, не корпусно, но и не лессировка.

— Очень много зелени и не везде хороша, приятна зелень с домами («Пейзаж в Овере»). Вообще хороши золотые и оранжевые в сине-зелёном обрамлении («Марсельский залив»). И сама зелень самодостаточна («Дорога в Понтуазе»).

— Удивительна! Восхитительна! — полосатая юбка мадам Сезанн («Мадам Сезанн в полосатой юбке»). Каждая полосочка — это картина! Мадам Сезанн с общих позиций некрасива, но как красива живопись (и овал, и глаза) — и всё-таки как мадам Сезанн красива! А её портрет [1890 год] в жёлтом кресле! [Мне очень захотелось, как бы в ответ Сезанну, написать портрет Ани Гедымин, у которой тоже дома большие жёлтые кресла — и маленькая Аня действительно смотрелась бы миниатюрно.] Кажущиеся незаконченными два [1885 и 1886 года] её портрета. И последний портрет — 1892 года — с распущенными волосами. Все они в Америке.

— Зато у нас в ГМИИ самый лучший автопортрет в каске [1873 год], хотя интересны и другие автопортреты [1881 и 1885 годов].

— Гора Св. Виктории в четырёх экземплярах. Мне ближе «Вид со стороны Лов» [1906 год]. Наверное, из-за сближения тонов синего, зелёного и охры (может, сиены).

Такое впечатление, что на пленере основной цвет Сезанна зелёный, синий («Мост над прудом» — напомнил чугунный в Ильинке).

— У «Садовника Валье» очень хороша и проста поза. Хотя портрет не сделан.

— В натюрмортах всё знакомо: композиция — мелодия белого; орнамент и ажур пересекающихся линий предметов. Неповторяемость, острота краёв.

— Такое впечатление, что Сезанн и не старался делать что-либо похожим или красивым [к чему многие художники, особенно дилетанты, стремятся]. Но как запоминаются крестьяне в шляпах, синих блузках, с трубками [1890, 1892 и 1896 года].

— Почему-то «Пьеро и Арлекин» названы «Масленицей».

— И ещё по «Букету цветов в вазе» 1877 года, видно, что С. занимался тоном!

— На сладкое — два шедевра:

первый — из Эрмитажа «Большая сосна близ Экса» [1897 год];

второй — из Музея современного искусства Нью-Йорка «Тающий снег в лесу Фонтенбло» [1879–1880 года].

Когда я смотрела последний шедевр, то удивилась знакомому ощущению — видела! И действительно, мне хотелось самой сделать подобный пейзаж по виду из спальни, в пасмурный день в конце зимы (попытаться передать гамму оттенков серого цвета, с узором веток, деревьев, дорог), ведь уже и холст был заготовлен, но — пошёл на н-т с красным бантом весной. Может быть, ещё сделаю.

Если бы даже привезли только «Тающий снег...», то уже выставка состоялась бы.

Из РУССКОГО АВАНГАРДА: сделала открытие Роберта Рафаиловича Фалька. Так мне близка его живопись в «Женщине в белом платке» [написана в возрасте 37 лет] и «Портрете Р. В. Идельсон» [написан в возрасте 43 лет], впрочем, вместе с парижским «Автопортретом» Сезанна! Мне казалось, что я

сама сделала эти работы, так понятен каждый мазок, цвет, тон, композиция. Я вспомнила слова Кулакова, рассматривавшего в июне «Портрет Серёжи с Чучей», что «это похоже на ОСТовцев».

[Анализируем, что общего: плотность, тона пониженные, спокойные, подробно прописана вся поверхность, отсутствие контрастов, статичность поз].

Понравился Сергей Васильевич Герасимов с двумя портретами: «Горожанка (мещанка)» [написан в возрасте 41 года] и «Крестьянин в картузе» [написан в возрасте 40 лет].

Интересно, что работы Фалька и Герасимова написаны ими около и старше 40 лет — почти мой возраст. Может, это сходство возрастного мировоззрения?

Вот, пожалуй, и все впечатления, если не считать, что час ожидания на морозе (когда уже не чувствуешь ног) так же будет незабываемым.

22 ноября 1998 г. (воскресенье)

(23:20) 20 ноября в 22–23:00 была убита Галина Старовойтова, депутат Госдумы, борец за демократию, за сплочение демократических сил. Похороны 24 ноября.

Нагнетание национально-патриотической истерии. Баркашов с месяц назад выступил против «жидов». И Дума не дала отпора. Сегодня мемориальную доску на доме Александра Галича, висевшую примерно месяц, залили чёрной краской. Ищут врага! Возможно, это повторение 1937 года или «дела врачей».

20 ноября — выездной вечер альманаха «Истоки» в Центральном Доме Культуры Железнодорожников. Г. В. Рой плохо себя чувствовала и не приехала, вёл вечер Серёжа. С ним за столиком сидели Лола Звонарёва, Нина Краснова, Андрей Шацков.

Почти в конце пришёл Валера Дударев.

Решено было послушать новых и молодых поэтов.

— Вечер начали с Владимира Райберга, опоздавшего на полчаса. Публика, почти вся, пришла на него, вернее, послушать запись Игоря Сорина. Но В. Р., взяв кассету, не взял магнитофон. Пришлось ему читать свои стихи и петь песни.

— Очень запомнилась Татьяна Куприянова из Суздаля. Странная внешне: с ремешком на волосах, с рюкзаком за плечами, обветренными лицом и руками — пропагандист русского фольклора на ВОЛХОВЕ (дудка) и гусях! У неё театр на 30 человек в Суздальском монастыре.

— После гуслей удар приняла на себя Аня Гедымин. Читала необыкновенно, почти шёпотом, но чётко выговаривая слова губами. Стихи из «зелёного» сборника «Истоков». У меня мурашки по спине. И девочки-фэнши И. Сорина слушали. Умение настроить на свою волну у Ани изумительное. Почувствовав, что гусли отвлекли, Аня сначала просто разговаривалась о дороге на вечер, о сумасшедших «наших», которые пишут стихи в метро... Убежала сразу после выступления (дома ребёнок).

— Нина Краснова прочитала интимные стихи — к удовольствию юных слушательниц. А когда пела частушки, приплясывая, о мужских именах, все прихлопывали. На выходе из ЦДКЖ курили молодые люди и, узнав Нину, спросили, где её ещё можно услышать. Мы написали адрес ЦДЛ, пригласив на 22 января 1999 года, и угостили их солодкой.

— Серёжа читал «Дуралейскую сказочку». Читал хорошо, с энергетикой. И после строки «... можно в рифму?» — все затихли, и пронеслось (как мне показалось) громовое «...ять». Все засмеялись при словах о «великом, блин, русском языке». Закончил стихотворением «Москва, ты боль моя, ты рана, ты наказание моё!»

— Был и Саша Климов, обиженный, что его не печатают. Читал два стихотворения, с характерным подвыванием. Немного похудевший. Шацков говорит, что у него бывают запои.

— Владимир Тепляков — в рыжем свитере и сам весь в золотистых тонах. По залу всё время (за редким исключением) слышался шёпот — и В. Т. поблагодарил девушек (их ~ 85 %) за то, что они очень внимательно слушают. Что они не похожи на тех, из истории, которые, попав на вечер поэзии, спросили: что, дескать, здесь только стихи или ещё что-то будет? И получили ответ: «Ща, кувыряться будут...» Так вот, тут — подытожил он — больше ничего не будет.

— Александр Ананичев, с высших литературных курсов. Высокий, стройный, в тёмном, с гитарой. Серёжа сказал, что он, возможно, «муж Лолы Звонарёвой». Не удивлюсь: Лола красивая, энергичная, элегантная, умная женщина, доктор исторических наук.

— Запомнилась Лола Звонарёва с интересной статистикой, что средний возраст писателей по Москве и Ленинграду в советское время был 62–65 лет!!!

— Симпатичная и непосредственная Арина Сорокина. Читала стихи о Сорине, о любви. Курносая, с длинной чёлкой, смешливая — излучала энергию молодости, задора.

— Александр Розанов, румянощёкий, низкорослый, с маленьким ртом, склонный к полноте, произвёл в этот раз негативное впечатление (может, даже под градусом): гитару ронял, не ориентировался со стульями и переигрывал перед «девочками». Фенька.

— Как ни странно, нервная, вернее, нездорового вида (с серым лицом и блестящими глазами) Александра Ремизова хорошо прочла интересные стихи.

Многие другие сразу не запомнились.

Шли с вечера все вместе: Серёжа, я, Нина Краснова, Валера Дударев. Ели солодку, кстати, купленную мной, т. к. по опыту знаю, что после суетного вечера и нервного напряжения хочется есть.

Вот так прошла презентация третьего номера «Истоков».

И уже новые идеи: библиотека «Истоков» по темам. Можно о кошках, о любви. Рой вроде бы одобрила.

Валера Дударев в своей статье об «Истоках» ввёл понятие «истоковец».

12 декабря 1998 г. (суббота)

Сегодня День конституции и день рождения Ираиды Павловны (папиной сестры). Я навестила их с Лёшей (сыном), у которого рак. Он очень похудел и уже не встаёт, не ест. Только поёт. Мы с тётей Ирой посидели, поговорили на кухне. Она вспоминала, как каталась в Уфе на... охотничьих лыжах, которые купила по

ошибке вместо беговых; как ребята ей помогли в уборке дома. И в какой момент они испортились, начали пить? Шурик как поехал на Кавказ — летом после Лёшиной операции, — так и не звонил больше. Тётя Ира собирается в деревню, навестить Кешку: он там на цепи один, дом сторожит. Жалко. Тётя Ира оставила соседям деньги ему на хлеб. Я немного добавила.

8 декабря из типографии вышла книжка «Кое-что о Юливанне». Макет бесплатно сделали Чижины. За это им достался экз. № 1 (из тиража в 100 экз.), с благодарностью. Остальные почти все расписаны по друзьям-знакомым. Обложка зелёного цвета.

Книжка была готова к вечеру Шацкова в ЦДРИ. Где и началась раздача «слонов» с «Юливанной»: Фировой, Вике с Людой, Наталье Константиновне...

Вечер шёл полтора часа — презентация кассеты «Стояла осень в лебедях». Пели барды: В. Попов, Сокольский, Катанова и др. Фирсов и Бояринов заболели и не смогли прийти. Небольшой фуршет с шампанским, коньяком, конфетами и икрой. Всё несколько однообразно, на мажорной ноте.

1 января 1999 г. (пятница)

(17:15) 14 декабря 1998 года были на премьере спектакля «Юдифь» Лены Исаевой. Она пригласила Сергея, а с ним и я попала. На «Чистых прудах» в театре «Русский дом», дебютировал Центр драматургии и режиссуры под руководством Алексея Казанцева и Михаила Рощина.

Театр небольшой, похож на «Театр на Юго-западе»: в одной комнате и сцена, и зрители; костюмы из подручных средств; правда, актёры собраны по принципу антрепризы.

При входе (кстати, бесплатно) мы пытались подарить Лене гвоздики (розовые, кустовые). Но она побоялась сглазить и сказала: «Потом». Я удивилась, что Лена была не в вечернем туалете, а по-рабочему — в брюках и свитерочке. Зальчик был полон. Фамилии актёров незнакомые: Вера Воронкова, Александр Груздев, Константин Чепурию, Александр Ровенских и др. Хлопали мало, но все были довольны.

Позже прочла в «Культуре» заметку о Лене Исаевой и центре. Серёжа отдал заметку Лене, когда ходил по её приглашению на встречу с членами литобъединения Бауманского института.

Предновогодние дни прошли в суете. Серёжа ходил по типографиям с заказами РИФ «РОЙ», я готовила Академию живописи к сессии, мы оба оформляли документы в ОВИР, т. к. Лола Звонарёва предложила поездку в Польшу — с выступлениями и выставкой. Хотя денег нет, но если постараться, то можно найти. А там — что Бог даст!

Новый год встречали с Андреем, соседкой Ирой и Вадимом Григорьевичем Черняком. Он остался на праздник один и приехал к нам, с ночёвкой, конечно.

Мы с ним поговорили о живописи. Ему понравился портрет Сергея, похвалил, что я сделала большой скачок.

Оказалось, что Черняк знал Сергея Александровича Алимова. Они вместе были много лет назад в Улан-Удэ. Вадим Григорьевич тепло отзывался о С. А., его интеллигентности, любезности, коммуникабельности. Просил передать ему привет. В час ночи Ира ушла спать. Андрей тоже ушёл к друзьям. После двух по ТВ смотреть было нечего, т. к. шла сплошная самодеятельность, в лучшем случае «капустники». Решили укладываться спать.

В 10:00 встали, позавтракали и проводили В. Г. домой.

В ЦДХ опять открыты залы советского периода 1920-х — 1950-х годов (после двухлетнего закрытия).

9 января 1999 г. (суббота)

Мы всё ещё отдыхаем на Рождественских каникулах (до 10 января включительно).

Год начался печально. 3 января умерла тётя Маша — Мария Сергеевна Мусатова (жена троюродного брата моего папы). Три семьи родственников — Саша и Маша Мусатовы, Юра и Наташа Прунтовы и мои родители, Виктор и Аня Горячевы, — состав-

ляли тёплую компанию друзей, которые с юности проводили все праздники вместе. Теперь в живых осталась только тётя Наташа Прунтова. Она уже плоха — глубокий склероз. Видя себя в зеркало, говорит, что кто-то ходит по квартире... 6 января были похороны тёти Маши: отпевали в Выхино, на Николо-Архангельском, но хоронить повезли в Соболево (за 80 км).

7 января умер Лёша Скороходов, мой двоюродный брат, сын тёти Иры. После частых и сильных запоев летом обнаружилась непроходимость, оказавшаяся злокачественной опухолью. 10 января прощание. Затем кремация и похороны урны на Ильинском Погосте.

Звонит сестра: «С Новым годом!» Затем — после встречи на похоронах тёти Маши, узнать, не простыла ли я (т. к. промокла). Посулила мне в дар к Рождеству «тройку», от которой я отказалась, т. к. не могу ответить тем же. Дорогих подарков не принимаю, чтобы не быть в долгу и чтобы никто потом не упрекал, что, мол, одевает меня и обувает.

Сегодня Серёжа помогал переезжать Вадиму Григорьевичу Черняку. Он продал двухкомнатную квартиру на «Профсоюзной» и купил с доплатой однокомнатную на «Павелецкой».

Последнее время Серёжа занят венком сонетов к «Легендам». Но пока он вживается во время и в новую форму...

А я пытаюсь писать «Рождество». Идёт очень тяжело. Что-то проглядывает, но смогу ли я вытянуть это «что-то» из холста?

Вчера заезжал Теплицкий, который занялся сочинительством музыки и пытается куда-то продвинуть её, но так, чтобы не украли (а денежки текли). Думает податься в Англию, в известную записывающую фирму, хочет всё сразу и сейчас.

17 января 1999 г. (воскресенье)

Сразу о самом ярком. Только что вернулись из гостей, от... Евгения Яковлевича Весника и Нонны Гавриловны. Серёжа

периодически (уже вторые «Истоки» подряд) возит Е. Я. для вычитки триптихи. И на прошедшей неделе Е. Я. с Н. Г. пригласили Серёжу «попить водочки» (слова Е. Я.). Серёжа отнекивался, т. к. в будни некогда, да и ни к чему. А 15 января у Е. Я. был день рождения, и Серёжа согласился в воскресенье — 17 января — созвониться часов в 11:00 и к обеду приехать, но со мной. Скорее всего, Серёже просто одному не хотелось ехать, хотя он меня уверял, что приглашали двоих.

В 11:00 Серёжа созвонился, и договорились на 15:00. По дороге мы ломали голову, что купить, кроме цветов: бутылку с первого раза нехорошо, поэтому решили торт. Правда, они ужасно дорогие — 65 рублей! Зато «Птичье молоко». И вот мы на «Баррикадной». Высотка — напротив. Пятый этаж. В подъезде охватывает робость: над тремя лифтами декоративное панно (наверное, раньше было с подсветкой), большие холлы, двери. Всё солидно, но несколько обветшало. Звоним в дверь. Открывают. Сам Евгений Яковлевич в... джинсовом комбинезоне «Lee» и клетчатой рубашке. Длинная прихожая. Разделись, обули свои домашние тапочки, подарили цветы, мой этюд «ABSOLUT» (на фоне двух зеркал — стеклянная посуда: бутылки, штофы, рюмки), отдали торт — всё под «зачем это?» и «не нужно было». Е. Я. объявил, что Н. Г. плохо себя чувствует и лежит, а он нас не дождался (мы приехали в 15:15) и пропустил рюмочку.

Коридор налево — в кухню, а прямо — холл, в котором стоит большой письменный стол, заваленный бумагами, книгами (это кабинет Е. Я.). Кругом книги (в шкафах, на полках) и всякие сувениры (клюшки с подписями, значки, вымпелы) — рассматривать было неудобно... Из холла — две двери в комнаты, куда мы не заглядывали.

Стол был накрыт на кухне, метров восемь. Всё очень уютно, обжито, чувствуется рука хозяйки, дух семьи. На столе салатики, селедочка, пирожки с капустой, картошка, жареная рыба (речная, подмосковная, пойманная Е. Я. осенью и с сентября замороженная в морозилке).

Е. Я. и Серёжа уединились в холле-кабинете — поработать над правками триптихов, а Н. Г. осталась со мной. Я растерялась и

начала рассказывать о себе: как мы с Серёжей познакомились, где работаю и как учусь рисунку и живописи, даже обещала пригласить в ЦДХ на выставку.

Нонна Гавриловна оказалась очень симпатичной и внешне, и в общении. Стройная, невысокая, аккуратно покрашена, с правильными чертами ухоженного лица, в сложном наряде: длинный блузон с жилетом. Поговорили о сердечных болезнях. У неё аритмия, стенокардия — я поделилась своей ишемией, «точками для головных сосудов» и о проч.

Н. Г. стала звать мужчин. Е. Я. сперва ответил, что работают...

Когда сели за стол, Е. Я. предложил выпить водочки, настойной на калгане. Я спросила, что он собой представляет. Е. Я. сказал, что они сами его собирали под Костромой, под кустами прячется, что «коммунисты приказали собирать, когда появится пятый лист». А у местных жителей существует легенда или поверье, что корешки, которые выкапывают (они в виде людей: с ручками, ножками, головой в цилиндре), все разные, и что это умершие люди таким образом возрождаются. Настойка на калгане, с корешками на дне, была в бутылке из-под «Смирновской». И беседа потекла, как всегда, без цели и плана, цепляясь за случайные мысли, слова, ассоциации.

Е. Я. вспоминал расстрелянного отца... Ему недавно позвонили из органов и предложили посмотреть архивы, почитать допросы отца, найти его прах. Е. Я. ответил: «Обманете, как всегда!». На что чекист сказал, что он должен гордиться своим отцом, который, согласно протоколам, на все вопросы отвечал: «Мерзавцы!» Е. Я. предположил, как же его били, чтобы так отвечать!

Вспоминал бабушку — красавицу-еврейку (угощавшую его орехами), и дедушку — высокого стройного блондина, белоруса (по другой ветви дед был чехом). Вспоминал по поводу отказа в выезде в Израиль, т. к. он еврей лишь на 25 %, по отцу, а это не считается. Но что Е. Я. особенно удивило, так это его однофамилец Весник — тот смог уехать, т. к. его мать была еврейкой. У них национальность — по матери, у нас — по отцу.

Затем Е. Я. перешёл на евреев в Америке. Один еврей с одесским акцентом просил его написать (при этом Е. Я. изо-

бражал и акцент, и гримасы — он актёр и в жизни), что — «не Вестник, а Весник, чтоб мне так жить!» — и кучу всего, всего. Они (евреи), человек 100–150, его замучили. Е. Я. рассказывал, что многие артисты говорят, будто выступали в Америке, хотя ездили по синагогам. По приезду в Америку у него спросили, а где ваш директор и продюсёр? Но на их оплату у Е. Я. нет денег, как у всех русских артистов старой закалки. Он привёл пример демократии в Америке: ни один негр, задирающий, обзывающий тебя, не может быть привлечён, т. к. это свобода выражения — ты же даже не можешь «дать ему в морду» (при этом Е. Я. повышал голос, стучал кулаком по столу).

Е. Я. попросил Н. Г. рассказать о случае с индианкой. Н. Г. вспомнила, как в ресторан, где они завтракали (по 8,5 \$) зашла нищая индианка (в обносках), которую у нас швейцар не впустил бы и в фойе гостиницы. Спокойно поела (за 14 \$), а затем устроилась в дорогой номер гостиницы. И никто ничему не удивился. [Это, пожалуй, единственный рассказ, который инициировал Е. Я.]

Ещё выпили (мы с Н. Г. тянули одну рюмку до конца). Е. Я. заговорил о том, что не любит официальных застолий. Были раз на гос. приёме — все набивают сумки, карманы казённой едой. На тусовках, не успеешь оглянуться, стол пустой. Даже на его юбилее (в прошлом 1998 году ему исполнилось 75 лет) — и там все тащили со столов, а когда охранники окликали их, говорили, что они друзья Е. Я. и им можно!

Вообще же Е. Я. отказывается от «Огоньков», «крутых» тусовок, дешёвой эстрады, терпеть не может эту «проститутку» Распутину, которую он послал...

Много эмоций от положения России, в которое её загнали коммунисты, этот «трёхъяичный» Зюганов (ему досталось такое определение из-за походки), Макашов и др.

Е. Я. цитировал «триптихи». Рассказывал о своих планах, книгах, трёхтомнике. Заговорил об «Истоках» — что он уважает Галину Вячеславовну (но припомнив, что Рой из «Молодой гвардии», тут же добавил, что она бывшая коммунистка и переметнётся обратно!). Вспомнил и о Евгении Евтушенко: «Зарабатывал я немного, но достаточно, чтобы кормить Женю».

Е. Я. стал рассказывать о театре. Как он с Папановым обсуждал «Ревизора», роль городничего в первой сцене с Хлестаковым. Е. Я. восхищали слова городничего: «О, тонкая штука! Эк куда метнул! Какого туману напустил, разбери, кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось...» Повторив этот внутренний монолог городничего несколько раз с чувством, человеческой интонацией (выделяя: «эк куды метнул» и «не куды пошло»), Е. Я. сказал, что обращал внимание Папанова на черту в характере городничего, отмеченную Гоголем: «очень неглупый, по-своему, человек...» Именно эту характеристику Гоголя Е. Я. и взял за основу при трактовке образа. [И нельзя было изменять выше указанную цитату, как это позволил себе Папанов: «Не знаю, что и делать!» — это, по словам Е. Я., партийные слова.] А в конце, когда Папанов чуть ли не в голос кричит, топает, шумит — Е. Я. тихо, почти шёпотом, с болью, произносит гениальные слова Гоголя:

«Чему смеётесь? Над собой смеётесь!..»

И на секунды за нашим столом оказался несчастный, раздавленный городничий.

Е. Я., заметив, что я пристально смотрю и слушаю (хотя я как обычно слушала) спросил: «Я вам кажусь идиотом! Что-то я разболтался!» Я смутилась, стала отрицать, объяснять свои ассоциации по его рассказам. Но он в свою очередь стал объясняться, что Н. Г. ругает его за болтовню (дескать, сам не слушает) и что только с гостями можно выговориться. Е. Я. действительно говорил много, увлекательно, азартно и интересно. Е. Я. сидел на «своём» месте у окна — слева, Н. Г. — справа, мы — посередине.

Е. Я., обращаясь ко мне, сказал: «А вы мне нравитесь. Ваши рисунки в книжечке [«Кое-что о Юливанне»] даже лучше стихов. Не обижайтесь, Сергей!» Я стала объяснять, что это Серёжины стихи вдохновили меня — я старалась достичь Серёжиного уровня.

Очень чувственно Е. Я. рассказывал о Б. Н. Ельцине, утверждая, что он хороший, честный мужик, а если словами Евтушен-

ко, то «оголец с нашего двора»... Когда Б. Н. вручал Веснику орден, Е. Я. спросил: передали ли ему, вернее, не замотали ли его книжку с автографом? На что Б. Н. промычал: «Ни-и-и...»

По словам Е. Я., Правительство и Дума смешали Ельцина с г...

Кстати, о г... Когда Е. Я. с Н. Г. были на рыбном базаре в Турции (?), то спросили: «Почему у вас много рыбы, а у нас её нет?» На что рыбак ответил по-русски (Е. Я. спросил у меня разрешение на откровенность): «Срать меньше надо». [В то время под Одессой прорвало канализацию в море, пляжи были закрыты.]

Е. Я. сказал, что человек — самый злой враг природы, ничего хорошего он ей не сделал. Чтобы с ней быть в гармонии, ей надо подчиняться.

Прощались. Е. Я. поблагодарил нас, мы — его и Н. Г. Е. Я. предложил подарить свою книгу с надписью [Евгений Весник. «Дарю, что помню». ВАГРИУС. М., 1998 г., изд. 2-ое, тир. 5000 экз.], что и сделал в своём роде: «Ирине и Сергею на память о попытке... ?? Е. Весник. 15/1 — 99 г.» И на странице рядом: «С Новым годом! Автору 76 лет». Обнял в прихожей правой рукой Сергея, левой меня, и поцеловал. Я обняла и чмокнула Н. Г. Е. Я. спросил, не соглашусь ли я иллюстрировать книгу его триптихов. Я, конечно, согласилась, если потяну...

Н. Г. проводила нас к лифту, но мы пошли по лестнице пешком.

1 P. S. (Смешное-хулиганское.) Когда Е. Я. лежал в больнице, врач сказал, что при болях, чтобы сходить в туалет, пусть попросит дополнительную клизму. А когда он обратился с этим к старой ворчливой няне (всё это было нам показано в лицах), та ответила: «Пиздец не лечится!» Это стало крылатым выражением Е. Я. и его друзей. По телефону на вопрос о самочувствии они отвечают: «П..., не лечится!»

2 P. S. Е. Я. заговорил о своей программе на радио и пригласил поучаствовать в ней Сергея, чтобы он, отвечая на каверзные вопросы, рассказал об «Истоках». [Может и получится!]

3 P. S. Спросил, есть ли у нас дети. — Я ответила: «Двое: у Серёжи — девочка, у меня — мальчик». — «А общие?» — «Нет!»

— И у нас нет! У Н. Г. двое своих, и у меня свои. Молодцы. Сын предлагает помощь, деньги. Я отказываюсь. Правильно, Нонна? (Н. Г. кивает.)

4 Р. S. Е. Я. в «МК» печатает свои рассказы (?) от лица животных, в разделе «Охота». И предложил Сергею поддержать его, написав стихи о заглохшем соловье, у которого пропал голос из-за газов. Вот соловей тужится, сипит [Е. Я. это показывает], просит у людей помощи.

Восторженно отзывается о Павле Гусеве: умнейший мужик, благодаря рекламе и посл. стр. «МК» делает деньги и тратит их на нужные вещи. Павел Гусев был женат на артистке Малого театра... (Е. Я. назвал фамилию). Она очень тепло говорит о Гусеве («большой умница»). Я добавляю, что он недавно (~ в 1994 году) венчался с другой. Но Е. Я. ничего не знает об этом и не слышит меня.

24 января 1999 г. (воскресенье)

Татьяна Врубель с мужем Игорем Калугиным подарили Серёже книгу со своими переводами Чеслава Милоша...

Я, просматривая содержание, в котором отмечены галочкой работы Т. В. и И. К., наткнулась на строки, по понятным причинам, обратившие на себя моё внимание: «Задница девушки, мимо идущей...» (перевод Т. Врубель). Сказала об этом Серёже и стала читать вслух:

* * *

*Задница девушки, мимо идущей,
Круглая задница, слепок из света,
Для горемык — астрономов, пьющих
Прямо на куче песка, — планета.*

*Если ж уставятся в небо, такая
Овладевает ими тревога,
Что понимают, вновь поникая,
Как это недостижимо и много.*

*Задом виляя, сплывает явление
Ясной Венерой в зрачке телескопа.
Вешнюю зелень зыблет волнение
Под светом Венеры после потопа.*

Варшава, 1943/44.

Серёжа разочаровался последовавшими за первой строками, говорил, что надо бы по-другому... Я ему предложила сделать свой вариант, наподобие его же стихотворения «... хочется снова и снова...» Серёжа зажёгся (это было ещё 21 января 1999 года), и, посидев утро субботы, сегодня выдал следующий результат:

*О, задница женщины... Как грациозно
фланирует передо мною красотка —
ни взгляда назад, в мою сторону — чётко
стучат каблочки... Тут, пожалуй, серьёзно
задуматься стоит нам с вами, друзья:
не видит, но знает она про меня!*

Да и название сразу нашлось: «По мотивам одного стихотворения Чеслава Милоша». И автоматически объединилось с двумя другими стихотворениями в цикл: «На заданную тему...»

31 января 1999 г. (воскресенье)

По делам лицензирования Академии живописи попала домой к Вадиму Алексеевичу Кулакову. Удивительно быстро В. А. набросал концепцию факультета, описание практики (не как есть, а как д. б.)... Прочитав текст, сели пить чай с В. А. и Галиной Петровной (сын спал).

Очень уютно в гостиной. Много старинных гравюр и живописи. Очень интересная ваза (кувшин) наполеоновского времени, с двумя рельефами полководцев.

Поговорили о собаках, котках, варенье и грибах (опятах), которые они замораживают для поста. Затем — о детях...

После чего мы продолжили читку написанного.

Уходя, я обратила внимание на натюрморты в прихожей, про которые В. А. сказал, что это работы Г. П. Очень нежные, тонкие колебания цвета, нюансы. Не загромождённые. Правда, Г. П. тут же посетовала, что времени не хватает — много уходит на хозяйство и кормёжки-готовки. И ещё — что она всю жизнь пыталась не подражать В. А.

Очень мне у них понравилось, уютно, тепло, чувствуется высокая духовность и в то же время простота общения.

Серёжа закончил первое стихотворение из венка сонетов. Сегодня занимался с самого утра (как я уехала в 11:00) и сейчас, хотя уже 22:30, сидит в спальне, что-то читает вслух, пишет, правит.

13 февраля 1999 г. (суббота)

11 февраля состоялся просмотр работ Академии живописи Натальи Нестеровой по итогам осеннего семестра 1998/1999 учебного года. При сём присутствовала комиссия неизвестно зачем нами же созданная в составе:

— Сергей Александрович Гавриляченко, преподаватель Суриковского, проректор учебно-методического объединения по художественному образованию,

— Никита Всеволодович Медведев, помощник председателя правления МОСХ, лауреат премии Москвы,

— Анатолий Владимирович Кузнецов, член МОСХ (секция театра и кино), заслуженный художник России, преподаватель ВГИК.

«Помощник» Н. Нестеровой выдал очередной «перл»: пройти аттестацию нашему факультету (без лицензии на шесть лет, а только с V курсом, без выпускников IV?!). Отсюда и комиссия...

Показ был замечательным: две мастерские казались большими, а все работы — необычными.

Саша Власова принесла композицию с собаками в кафе и мельницей; Лиза Колонова — эскиз автопортрета с городом; Ира Фетисова — несколько работ по Рождеству, в т. ч. и роды Марии, а мне понравилась её «Молитва» (она напомнила мне

то ли Климта, то ли Бакста, а Кулакову — молодого Пикассо); Оля Самовская — «Трёх старух, идущих на поминки» и gobеленовое «Рождество»; Стёпа Лукьянов пришёл с «Девой» и принёс «Ночной тир». Я с бумажной волокитой не успела дописать «Рождество». Кулаков отобрал из моих работ: «зеркало», «Сергея», «Рождество» и недописанный н-т (в запасе остался автопортрет, н-т с фонариками), да ещё Олин портрет.

Была и Натали Нестерова — с улыбкой телеведущей, декольте поппивы, украшениями новой русской. Никита Медведев назвал её сексуальной.

После собрания, когда студентов осталось мало, а члены комиссии, поговорив ни о чём, не поняли, зачем собрались, — дружно решили ехать к Кулакову (и комиссия, и оставшиеся студенты).

Купили: чай, две буханки, полкило чесночной колбасы и колбасного сыра, кильки и шпроты, три селёдки и шесть бутылок водки (две — мы, четыре — комиссия).

Сидели до 22:00. Я находилась по левую руку от Сергея Александровича Алимова (он ухаживал: делал бутерброды с селёдкой и подливал газировку).

С. А. так интересно рассказывал о художниках, о своей жизни, и у него такая великолепная память. Кажется, мои подначивания писать мемуары сработали. Да и две книги Старшинова, которые ему очень понравились, его вдохновили.

С. А. вспоминал свои отношения с Хитруком после выхода «Истории одного преступления». Хитрук (которого С. А. называл «известной личностью», а когда я уточнила — согласился) всегда единолично выдвигался на премии, не беря в соавторы ни Алимова, ни других последовавших за С. А. художников. Из киностудии С. А. ушёл в никуда. И только тогда почувствовал свободу, когда оказался за письменным столом с листом бумаги. Уходя, оставил разработки персонажей «Фильм, фильм, фильм...», которые использовались следующим художником и вошли в мультфильм.

После выступлений, фестивалей, известности С. А. всё бросил и начал с нуля. Занялся книжной графикой, иллюстрировал — освоил новую область и добился в ней успеха.

Многое ещё вспомнили вместе. С. А., стоя, произнёс тост за тех, кто сказал «не бить» его, когда он впервые появился в художественной школе, в классе, где уже был Кулаков и др. И трое ребят вступились за него (в их числе и Вадим Алексеевич). Затем, после окончания школы, жизнь их развела: Кулаков учился в Суриковском, Алимов — во ВГИКе. Опять сошлись, будучи секретарями СХ. И в Академию Н. Нестеровой Алимova пригласил В. А.

Когда ушёл С. А. (к нему в гости приехал немец) и часть студентов, я стала мыть посуду и убирать со стола, а Ира Фетисова помогала мне.

Кулаков начал показывать свои новые работы Никите Медведеву, советоваться, что подправить к выставке, ведь скоро юбилейная — 60 лет! Было интересно слушать и смотреть. На работе по библейскому сюжету (с головой Иоанна Крестителя) В. А. частично изменил фон (вместо однотонного, сделав узорный), повернул голову танцовщицы (была в профиль — стала 3/4).

Никита советовал убрать тени от танцовщицы и подноса и оставить лишь справа, за сидящими. В. А. хочет перекрасить коричневый фон в красный.

Когда Ира Фетисова попросила Кулакова научить её тому, что умеет он сам, В. А. ответил, что может научить Нину Чистякову и меня, а она — уже не переучится. После этого Ира совсем расстроилась и просила меня делиться с ней хотя бы тем, что мне нравится в её работах.

Я сама себе ещё толком ничего не могу объяснить, а уж ей и подавно.

За столом Кулаков предложил выпить за меня, помощницу, сказал, что на факультете стало спокойнее и что я (пусть это писать и не скромно, но приятно) — стала живописцем. Вообще друзья Кулакова и Алимova оказались приятными людьми. Никита на вопрос «Чаю?» ответил: «Лучше водочки!»

Сегодня была в ЦДХ на выставке «Москва — С.-Пб». Работ — более тысячи. Кулаков оказался прав, что зал монументалистов очень интересный (пожалуй, самый интересный!). В том же

зале, где работы Кулакова («Светлый день» и «Будни»), рядом висела большая сине-чёрная картина «Сумерки в Тутаеве» Н. Медведева. На ней — сутулые старухи бредут через мостки к храму. Очень передаётся состояние. Замечательная картина! И только дома я сообразила, что это же Никита Медведев, с которым только позавчера сидели у Кулакова! Ещё там же — работы Юрия Шишкова (который вывел нас на Гавриляченко), Анатолия Кузнецова, Жени Шахотько (два натюрморта и «Лиза»), Галины Кулаковой («Маки в саду»), Константина Константиновича Александрова («Стожки»), Льва Дьяконицына (н-т «Яблоки и кувшин»). Зато Гавриляченко — «Проводы казака» и «Пушкин в деле 1829 года» — рисованная историческая живопись, хочется сказать просто: «порнуха».

(Кулаков как-то говорил, что ребята должны радоваться тому, что их преподаватели — не просто педагоги, а действующие художники, и что в детстве (в школе) они выискивали работы своих педагогов и язвили по их поводу.)

Вчера меня отправили в отпуск за свой счёт, для экономии денег Университету. А сегодня с утра звонят из художественной школы: «А не займётесь ли вы выставкой в ЦДХ, а то мы не умеем и ничего не знаем?». Я ответила, что до 1 марта не работаю, но сообщу Кулакову.

21 февраля 1999 г. (воскресенье)

Сидим: я обдумываю композиции к иллюстрациям «Легенд» (для «Книги второй»), Серёжа в кресле пишет венок сонетов — смотрим чудесный фильм Никиты Михалкова «Утомлённые солнцем», смакуем каждый кадр. Мне это напоминает карнавал Феллини. Грымову никогда не понять, чем красота отличается от красоты.

В четверг 18 февраля попали на вернисаж **Шемякина** и **Пронина** в гостинице «Славянская». Шемякина не было (Пронин — был, такой респектабельный, заросший бородкой по моде, в мягких брюках).

Картины — не те, что я люблю сейчас: чтобы были в тоне, весомость линий, композиций, узорность не в смысле орнамента, а в смысле продуманности контуров, абрисов...

Работа Шемякина была традиционной для него, карнавальная, у Пронина — просто узоры без чувства, как говорит Аня Гедымин, сумасшедший дом.

...Зато после ма-а-а-леньких пирожных (по два) осмотрели гостиницу — чужая, по последней моде вся зеркальная, стеклянная и ковровая. Прогуливаются рекламные девицы, все люди кажутся, а может так оно и есть, заетыми. Очень неуютно, холодно. Чужое.

В пятницу были на вечере очередных «Прогулок под луной...» (в Малом зале ЦДЛ, под руководством Александра Смогула), один из двух поэтов — Саша Климов-Южин.

Ехали обратно — обсуждали стихи. Серёжа говорил, что впервые слышал от Климова признание, что он считает себя поэтом XIX века. Серёжа его уважает за то, что Саша понимает своё место, роль, стиль и делает стихи на хорошем уровне. Слушали внимательно, в конце просили почитать ещё несколько прежних стихотворений.

Перед вечером, встретив Андрея Шацкова, решили пойти в буфет на втором этаже, выпить кофе.

Шацков стал рассказывать, как устроился подработать в отпуск: вёл концерты от какой-то организации национально-патриотического (?) толка. Но когда Шацков пришёл за деньгами (600 \$), то фирма оказалась запечатанной!!! Что делать? Подать в суд или плюнуть? Первое — маотно, второе — жалко денег! Вот такие у него проблемы.

У нас материально тоже не шибко. Не хочется плакаться, но меню одно: утро — каша (в основном геркулесовая); обед — суп; ужин — картошка или макароны, не всегда с чем-либо ещё.

Семейный бюджет складывается из моих ~ 900 рублей и Серёжиных ~ 500–600 рублей (всеми остальными доходами гасим долги). В «МК» вчера опубликованы данные о черте бедности в Москве: мужчины — 2000 руб.; женщины — 1500 руб.

Конечно, когда моя квартплата (~ 200 руб.) + Серёжина (150 руб.) + проездной на метро (120 руб. за 1 шт.), то на еду остаётся мало, а на одежду и прочее — ничего. Строительство домика идёт уже второй, вернее, третий (с 1997-го) год.

Мы пообносились. Сделали паспорта за границу — а одеть особенно нечего. Ехать в Польшу: Серёжа — в джинсах, а я и не знаю, в чём. Какая разница.

4 марта 1999 г. (четверг)

(18:00) За эти дни очень устала, поэтому сразу не записала свои впечатления по поводу...

В последний день зимы, в воскресенье 28 февраля, наконец-то доехали до города Вязьмы. За поездку остались как плохие, так и хорошие впечатления. Сначала о плохих.

Мы приехали к «загрузке» в автобус к 7:00 (встав в 5:00!!!) в редакцию журнала «Юность», как и договаривались с Валерой Дударевым. Но самого Валеры ещё не было, он проспал и приехал в 7:30. Загрузив газеты и журналы, сели в автобус и поехали к Бородинской панораме, куда к 8:30 должны были подойти все остальные (Золотухин, Фатюшин, Цапин, ансамбль, Нина Краснова и др.). Все собрались, кроме Золотухина. Причём Валера звонил ему домой, а там сказали, что он ночевал в другом месте. Ждали его час!!! Программа дня рухнула. В 9:30 отъехали. Пасмурно. Снежно. В Москве ~ 0°. Но в Вязьме ветер и казалось, что холоднее (ну все -10°). Я замёрзла, поехав в куртке. За городом снега много, но ближе к Вязьме (230 км) снега меньше. Ещё в автобусе для ознакомления всем раздали книжки о Вязьме.

На центральной площади, за памятником Ленину, — Дворец культуры. Перед памятником — Храм.

В комнате «ТЮЗ» устроили чай и гардероб. Но чай пить было некогда, т. к. опоздали на час. И я пошла сразу к столам — раскладывать книги, альманахи и т. д. Серёжа остался в комнате. Попили чай, а потом принесли и мне два пирожка и несколько бутербродов (на тарелочке). Пирожки я скормила

другому «торговцу», от «Юности», а бутерброды съела сама. И так, за столом, просидела два часа. Слышала отдельные отрывки, обрывки голосов, музыки.

Раздали бесплатно «Пионерскую правду» и «Домашнее чтение», после вечера — «Юность». Продали: «Юливанну» ~ на 30 рублей, «Истоки» и мемуары Старшинова — на 90 руб.

Поехали на экскурсию по городу, вернее, к женскому (который бывший мужской) монастырю — посмотреть Одигитрию (трёхглавую шатровую церковь). Там же сфотографировались с Фатюшиным. Далее — в усадьбу Грибоедова (30 км).

По дороге нас отчитали (экскурсовод-представитель ДК?), что со сцены не поблагодарили администрацию, мэрию, что сам Никита Михалков был у них, а таких артистов к ним в очереди — полно.

При этом она сама забыла поблагодарить со сцены артистов, которые бесплатно согласились выступить в воскресенье, проехав 230 километров туда и столько же обратно, встав в 5:00 и вернувшись лишь к 2:00 (1 марта). Видно, ужин — салат, бутерброды с рыбой и ветчиной, кусок мяса с картошкой, апельсин, чай с конфетами и 50 гр. водки — это предел её представлений о благодарности людям. За что она имеет право читать нотации.

Я до сих пор, а уже прошло четыре дня, не отойду от поездки.

Кстати, вся публика (кроме двух тётей, ушедших с выступления группы) очень тепло принимала, особенно Краснову и Фатюшина. Нина пела частушки, а Фатюшин рассказывал смешные случаи со съёмки и анекдоты.

Обменялись телефонами. Пришлось тащить домой две пачки «Истоков» и остатки книги Старшинова от «Багратионовской» до «Академической», далее — пешком, по скользкой дороге! Серёжа останавливался раз пять. Устал. Лишь бы позвоночник не заболел!

Потом Серёжа рассказывал о своём выступлении. Начал об «Истоках», а когда дошёл до своих стихов, то не смог настроиться, остановившись на середине первого же стихотворения («Я отпрыск XX века...»)... И стал читать «Юливанну». Зрители

захихикали, реагируя на стихи, и хлопали после каждого. «Юливанна» — выручила. После его выступления подходили покупать (дети просили у родителей) именно «Юливанну». Вот так!

1 марта началась учёба. Я составила список дел из 21 пункта от расписания до покупки скелета, т. к. всех, в том числе и меня, отправили в отпуск «за свой счёт», и многое осталось не сделано.

Да ещё студентка Лиза с IV курса приехала с каникул от мамы из Голландии и решила 1 марта отметить день рождения, договорившись с Кулаковым использовать его мастерскую. Она наготовила еды (вернее, её бабушка): два салата, холодец, солянка и прочее.

Посидели небольшой компанией — III и IV курсами. Алимов болел и не был с нами. Вадим Алексеевич вспомнил, как они с Сергеем Александровичем первый раз пили водку на практике в художественной школе. Была плохая погода, но выпили — и всё стало замечательно, даже их 45-летний педагог, идущий с этюдником, вернее, «тащивший за собой этюдник» с пленера (которого они дразнили, кажется, «Андрияка — гад, собака!»), показался им хорошим старикашкой, который старается!

За каникулы В. А. написал «Ураган в Москве», «Свидание». В насыщенных тонах. В первой — летают деревья, крыши, куски храмов и т. д., даже хотел человека, но потом решил, что это уже другой сюжет.

Но скоро мне пришлось уйти, т. к. не предупредила Серёжу (лишь Андрея), а потом — устала.

Алимов в каникулы был на фестивале в Сербии (?), причём, в паре с Хитруком, с которым общался дней десять. Вернувшись — заболел.

Настроение не очень уверенное. Президент постоянно болеет. Дума всё под себя гребёт, правительство — занимает. Макашов призывает к погромам. Зюганов собирается делать заявления, обращения к народу — и от имени народа. Банкиры и их замы, руководители — тащат: кто миллионы, кто тысячи \$ (при этом никто их не может привлечь)... Неразбериха.

27 марта 1999 г. (суббота)

(~ 21:00) Сегодня переход на летнее время...

Уже несколько дней (~ со среды) НАТО бомбит Югославию. Россия резко выступает против агрессии. Каждые три часа по TV новости. Уже есть погибшие среди местного населения. Говорят, что из десяти погибших только один — солдат.

Американское посольство закидывают яйцами и чернилами, жгут флаги.

Все партии выступают с осуждением и своими предложениями — от посылки добровольцев (ЛДПР, Жириновский) до «выждать время» («Наш дом — Россия», Рыжков) и «это допустимо» («Яблоко», Явлинский).

Выслали из России представителя НАТО и т. д.

16 марта в Малом зале ЦДЛ прошёл вечер «Истоков» (пятый, считая Большой зал). Г. В. Рой ещё была в больнице, и ведущими были Серёжа с Валерой Дударевым. Вечер открыл Вадим Егоров. Он приехал намного раньше (за полчаса). Настроил микрофоны и попросил присмотреть за гитарой. У него было параллельное выступление в Большом зале, где шёл бардовский вечер, посвящённый памяти Галины Старовойтовой (демократа, убитой киллерами в прошлом, 1998 году), поэтому Вадим и попросил поставить его первым. Егоров был одет в свитер с орнаментом. Спел мною любимую «Друзья уходят...», читал стихи о художниках (я это приняла на свой счёт), о «танцах на пашне» (по Льву Толстому) и др. Жаль, что у нас не было денег, очень хотелось купить для Егорова цветы.

Выступал основной костяк — вся редколлегия. Не было Ани Гедымин (из-за ребёнка). Зато был Саша Климов-Южин, который обиделся, что его назвали просто Климовым, хотя он «четыре года уже Климов-Южин». Пришёл, отчитал и ушёл. Серёжа обиделся на это нетактичное поведение. Хорошо читал Слава Васин. Серёжа читал очень близко к микрофону, с энергией, было резковато. Нина Краснова читала «круговерти»,

подражая Вознесенскому. Попов пел на стихи Шацкова и др. В конце много молодых и незрелых.

После Егорова вышел Иодловский — старый и седой, стал вспоминать, какими они были ниспровергателями, зачитал кое-что (с матом).

Среди зрителей были: Светочка с Юрием Васильевичем, Танечка Шумянкova, Людмила Глинская, Сергей Мозалёв со Светой, Володя Щетинин с Леной, с работы — Наталья Константиновна с сыном. Сидели до ~ 21:30. Немного пофотографировались на фотоаппарат Мозалёва. И разошлись.

Серёжа сегодня получил последние фото для всех, кто попал на плёнку.

Утром 17 марта, когда я была уже в мастерской, Серёже позвонила Лена Исаева которая пригласила на свой вечер в ЦДЛ. И т. к. у меня было плохое настроение (из-за того, что я получила всего 54 руб. — зарплату за остатки февраля), я решила пойти. Оказывается, Танечка и Наташа Шумянкoвы тоже были приглашены и пришли с чайной розой. Лена читала много стихов, все про любовь. Её представил Смогул, ведущий все вечера «Прогулок...» Лена представила несколько ребят из лит. кружка Бауманского института, который она ведёт.

Когда я слушаю её стихи, я чувствую её незащищённость, одиночество. Правда, Серёжа считает, что она (в отличие от Ани Гедымин) не до конца откровенна в эмоциях.

И последняя новость: спустя восемь месяцев мы поставили... бачок в туалете (который сломался ещё в июле, и пришлось всё это время пользоваться ведёрочком). Ура! Все очень счастливы: Серёжа, я, Андрей.

16 мая 1999 г. (воскресенье)

(~ 13:00) Прошло более полутора месяцев с последней записи. Мало что изменилось.

НАТО всё продолжает бомбить Югославию. Разрушено: более 50 мостов, телецентр, все нефтяные предприятия. Периодически совершаются «ошибочные» бомбёжки, и так 12 раз: то карта старая (1991 года), и поэтому разбомбили китайское посольство; то, приняв трактора за танки, — колонну беженцев из Косова; то больницу, то автобус и т. п.

В нашем Отечестве: сняли премьера Примакова, а и. о. — Степашин («Первый милиционер»).

У Зюганова и К° не прошёл в Думе их долгоиграющий агитаттракцион с импичментом. Все они друг друга стоят.

Дома. Узнала, что Андрей расстался с Олей Орловой. Оля «перешла» к Толику Юсипову... Толик — это отдельный разговор: один из моих студентов, из моей же группы, т. е. с моего III курса. Он не из тех, с кем я хотела бы общаться. Я избегаю таких поверхностных людей. Пожалуй, «таких» я не так много встречала в жизни [к ним бы я отнесла Наташу Кромину (по МИРЭА); Ёлкину (забыла имя) по ХНО; да ещё пару-тройку человек — извиняюсь, забыла про В. Г. Волкова (отца Андрея)].

Букет из «очаровашки», «своего парня» с завистливым, пакостным (пока по мелочам) нутром. Все стремятся к благополучию, но не все за счёт других, обмана и подлости.

Толик бросил художественное училище из-за преподавателей — мол, «хорошие» ушли, остались одни «плохие». В результате — нет аттестата.

Монахи Оптиной пустыни, куда он пристроился (от скуки, т. к. в Бога не верит), упросили Н. В. Нестерова — ректора Нового Гуманитарного университета — взять «юношу» на образование в 1996 г.

Учится бесплатно (вернее, числится). С октября 1998-го по май 1999-го на III курсе им не выполнено ни одной работы! Его лозунг на I курсе: «Я не художник, я — дизайнер».

Вчера (в субботу, когда я оформляла к выставке в ЦДХ свою графику, а он появился якобы писать натюрморт) я ему сказала: «Толик, если тебе не нравится Кулаков, живопись, сам процесс учёбы — уйди!» На что он ответил, что Кулаков ему нравится,

но учиться некогда, т. к. надо зарабатывать деньги. Ему нужна не учёба, а диплом.

Я как-то: «Толик, но ведь Нестерова тебе ещё и приплачивает по 1000 руб. и может платить больше, если что-то будешь делать в Университете. Этого достаточно, чтобы питаться и учиться. На что он говорит: «Разве это деньги! Я учу английский язык на кафедре Шехтера и взял дополнительно преподавательницу, которой надо платить 300 руб. в час! Я считаю, что современному человеку нужно: водить машину, работать, знать компьютер и иностранный язык».

«Мы говорим на разных языках!» (Брюсов). Я не понимаю его, он — меня. Мне так и хотелось спросить: а Совесть разве не нужна? А образование? Порядочность? Любовь к делу? Преданность? Наверное, нет.

За перевозку работ студентов с них же берёт деньги на бензин, хотя везёт и свои работы тоже.

Чтобы купить рейки для окантовки работ к выставке, опять берёт деньги на бензин, но «уходит» от поручения, если понимает, что ему не светит...

Пытается взять с сестры 5 тыс. \$, за то, что она отдаёт ему однокомнатную квартиру за 27 тыс. \$, а он отказывается от половины трёхкомнатной квартиры за 52 тыс. \$ (выходит, из этой суммы его — 26 тыс. \$, и, следовательно, по совести он был бы ей должен 1 тыс. \$) и т. д. Наверное, не стоит о нём вообще так много писать. Пусть уезжает в Англию, Турцию за своим «маленьким бизнесом». Нам будет легче, т. к., по его словам, честно не заработаешь, а нечестно — пристрелят. Киллер это делает за 500 \$! И если Оля ему пара, то нам, т. е. Андрею, она — не пара! (На Новый год Толик просил Инну, которую до этого безуспешно звал замуж, не мешать ему ухаживать за Ольгой и, взяв такси, отправил Инну домой — добрый, отзывчивый, внимательный!). Проехали!

За это время дважды (!) были в театре по приглашению Александра Фатюшина: первый раз — в филиале театра имени Маяковского на «Банкроте», второй — в самом театре на «Наполеоне». Оба раза зашли за кулисы. Впечатлений —

масса! Подарили цветы, книги, а в филиале — фотографировались.

Серёжа очень рад, что Александр — простой, без выпендривания, человек. Обаятельный. Я теряюсь рядом: в первый раз стала говорить, как мне понравился «пляс» его героя, а во второй — поздравила... «С чем?» — спросил Фатюшин. Я ничего лучшего не нашла, как сказать: «С нашим приходом!»

Сергей пригласил его на выставку Академии живописи в ЦДХ 19.05.1999.

Готовлю ко второй коллективной выставке в ЦДХ следующие работы, отобранные Кулаковым:

- автопортрет,
- портрет Сергея: Серёжа и Чуча,
- натюрморт с зеркалом,
- натюрморт с «фонариками»,
- натюрморт.

Алимов велел оформить все три работы по «Приглашению на казнь» Набокова.

Занимаюсь организацией самой выставки: уже третьего куратора дали от ЦДХ, все списки отправлены, афиши заказаны, всё оплачено.

Этикетки напечатаны. УХ!

Сергей, увязывая свои исследования для сказаний с цепью набегов — с VIII в. до н. э. по XIII-XIV вв. н. э. (киммерийцы, скифы, готы, сарматы, татары и др.), — пришёл к выводу, что в этом и есть наши корни. Более двух тысяч лет находиться под угрозой набегов, грабежей, рабства — это и породило широкий русский характер, дескать, эх, трава не расти сегодня и плевать на завтра! Жить одним днём!

И сколько бы великих писателей, философов, историков ни пытались сформулировать русскую идею, — без учёта прошлого это невозможно!

В прошлом и загадка, и разгадка нас самих и нашего будущего!

Серёжа закончил десятый сонет из Венка... С учётом того, что 15-й сонет уже есть, осталось четыре и две легенды — и книга готова! И опять я буду мучиться с иллюстрациями.

14.05.1999 Вадиму Алексеевичу Кулакову исполнилось 60 лет! На Кузнецком, 20 — выставка.

На открытии — все его друзья, родные, студенты, коллеги. Видела: Галину Петровну (жену), двух сыновей, Алимова, Медведева, Лукьянова, Александрова, Кузнецова, художницу Наталью Нестерову, нашего ректора (Н. Нестерову со свитой), актёров Юрия Назарова и Юрия Соломина и др.

Выставка отличается от предыдущей камерностью, более интимна — этим и интересна. Великий МАСТЕР!

15 июня 1999 г. (вторник)

(23:00) Поводом для сегодняшних записей стал выход очередного номера (при Серёже — четвёртого) «Истоков»: «Накануне XXI века» — пушкинский номер. Мы с Серёжей радуемся (наконец-то!) новому, к тому же приличному дизайну Павла Чикина. Несмотря ни на что и вопреки вкусам Галины Вячеславовны Рой, вышел настоящий «толстый» журнал! Добавить бы побольше фото (авторов, или репортажей встреч с поэтами и писателями) и рисунков — было бы ещё лучше! В этом номере Серёжа снял свою «Юливанну», чтобы поместить кого-то от Лолы Звонарёвой. Но в номер попали его реплики о Пушкине и ответ на письмо учительницы литературы о «телюковщине».

Я сразу стала листать и читать Нину Краснову (о книге Вознесенского «На виртуальном ветру») — она очень его захваливает, я бы не смогла написать такие слова живому поэту. Но в этом Нина! Далее — Серёжу (в первую очередь), затем Исаеву, Весника, Пустовитовского, Астафьева... Других прочесть не успела.

Прошла наша выставка в ЦДХ — с 17 по 31 мая. Начал делать экспозицию Кулаков, а закончила Валентина Георгиевна (куратор, искусствовед). Я сняла часть своих работ (натюрморт

и один лист графики), но оставила: два портрета («Серёжа и Чуча» и «Автопортрет»), а также небольшой натюрморт.

Оказалось, что открытие выставки некому вести (т. к. В. Г. не разрешает дирекция, а Наталья Михайловна, жена Алимова, не может ввиду того, что относится к международному союзу). Пришлось мне — кое-как справилась.

Вывод: пора заканчивать с тёмной живописью.

2 июня Серёжа взял меня с собой на открытие дома Ганнибал в Захарово, в числе представителей различных изданий, в т. ч. «Истоков».

А дело было так.

Два «Икаруса», с литераторами в одном, в 9:30 отъехали от «Нашего современника» в Захарово, далее — Одинцово.

В Захарово встречали дети в русских костюмах с хлебом-солью, баранками и песнями.

К дому подходили по вымощенной новой дороге (в первых рядах — Куняев, Фирсов и мэр Одинцова А. Г. Гладышев). Там уже музицировали дети постарше. Ждали архитектор, строители, автор проекта, экскурсовод... Речи. Самая интересная — руководителя раскопок: дом на сохранившемся фундаменте, по которому и воссоздали типовой облик. Серёжа отметил, что дом совсем небольшой, видно, что Ганнибал была небогата. При раскопках находили: от перстня и медных скобяных изделий до кусков цветной штукатурки. Всё делалось на деньги одинцовцев и их усилиями. Автором проекта оказалась пожилая женщина, очень скромная, почти не выступавшая. В ответ поэты читали, а барды и певцы пели: Куняев, Фирсов, Шацков... Попов...

Прошли по пустому дому. На стенах, обтянутых тканью, экспозиция детского творчества.

Все заспешили к пруду, где установили новый памятник Пушкину. Вдоль дороги... сидели дети с этюдниками и писали красками (просто идиллия), а вдоль берега расхаживали замёрзшие девушки в платьях XIX века и юноши во фраках и цилиндрах.

Сели в автобус и — в ДК Одинцово, где полный зал местной интеллигенции: учителя, библиотекари, дети, родители, пенсионеры, работники культуры. Пошёл смешанный (или смешной) концерт: номер местный — номер гостей. Вели Андрей Шацков и местная ведущая.

А. Г. Гладышев сказал, что дом начали строить 27.02.1999, а закончили 27.05.1999 — за три месяца!

Станислав Куняев сказал, что мы говорим языком Пушкина. Серёжа долго возмущался, да ещё несколько дней нервно вспоминал эту фразу. Мы говорим своим языком. А Пушкин говорил, вернее, заговорил языком своих современников, а не надуманным литературным (о современниках и писал — этим он и дорог). Серёжа считает, что и мы должны говорить языком современников, а не съезжать для красоты в архаику.

В. И. Фирсов прочитал сидя (в отличие от других) «Горькие строки...». Его зам. — И. Зуев — спотыкался, повторялся, а потом махнул рукой и поздравил присутствующих с юбилеем.

Всем понравилась Катанова с дорогами Испании. Ей долго хлопали и подарили букет. Надо отметить: всем дарили гвоздики и книги.

После гитары — Сергей. Но собрался: «Захарово», «Москва», «Про туберозу», «Что такое хорошо...» Хлопали, кое-кто хихикал в конце.

Камерная певица Ирина Морозова.

Юрий Кузнецов в розовом пиджаке, слегка выпивший, читал «... мы верим в Пушкина...» и «Тегеранские сны» (шуточное). Все оживились. Может, вслед за Сергеем он тоже решил разбавить «серьёз» других авторов?

Хорошо и свежо выступила Елена Щепотьева — я её видела впервые, и она чем-то напомнила мне Аню Гедымин. Её в 1999-м приняли в СП. Читала о царевне-лягушке и о настоящих поэтах.

Далее Попов, Шацков, оперный певец...

В конце — угощение (а мы хотели сосиски брать с собой): шампанское, салаты, рыба, кр. икра, мясо в горшочках, кофе.

Всю дорогу общались с «великим китайским поэтом» Гоуманом. Я подарила ему «Юливанну». Оказалось, он пишет водяными красками на рисовой бумаге. Привёз в Москву для

выставки часть своих работ. Он за столом пил минералку со своим партнёром.

Зато наши пили, ели и пели от души. Корреспондент, общаясь с соседками, всем мешал. Было уютно, сытно. Все казались добрыми и хорошими. Куняев и Кузнецов уехали раньше, и мы не отдали им «Юливанну», хотя и подписали.

Кузнецов подарил мне (очень ненавязчиво) две свои книги с автографом.

А уже 3 июня в театре кукол имени Образцова были на премьере «Пиковой дамы» у Алимова. Мне очень понравилось: колесо судьбы, жизни; снег, Герман, старуха, инвалидная коляска, Казанский собор и многое, многое др. Серёжа опоздал, но и его пустили. Очень хороша музыка. Сергей Александрович встречал нас, своих студентов, для которых отвели два последних ряда. Но мы все перебрались на первый и второй ряд. Были друзья С. А., в т. ч. и В. А. Кулаков с сыном.

Зато в воскресенье, в день рождения Пушкина, в Захарово самые яркие впечатления — Зюганов и туалет.

«Главный коммунист» неожиданно вырос перед нами, и все напряжённо молчали, пока не обменяли книжки на визитки.

В туалет же я дважды занимала очередь по 35 человек (с двумя посадочными местами).

Жара была + 32°, мы сбежали в тень, т. к. вначале стояли на солнце. А к домику Ганнибал — очередь, как раньше в мавзолее (и уже поставили забор, с милицией).

9 июля 1999 г. (пятница)

«Ира! У нас больше не будет собаки. Таня пошла её усыплять...» — слова Аронова и гудки в трубке.

Я встречалась с историком В. Г. Александровым у памятника Долгорукому. Жара за 30° в тени. Взяла второй том славянских хроник. Серёжа думает об окончании книги легенд. Венок сплетён. И дело за VII и VIII веками. Нужны имена, факты. Прошла неделя, и уже составлен план по VII веку. И т. д.

Я шила, вернее, сшила занавески в домик: на терраску — из Сидоровских; в комнату — из Татьяны Алексеевны; на кухню — старые кухонные. Тюль тоже Татьяны Алексеевны. Завтра повешу... А Серёже — покрывать пол «базой» и лаком. Потом предстоит переезд с мебелью: старыми диванами («комби» из мамино зелёного ~ 1960-х, и Серёжиного красного), столами (круглым и кухонным) и коробками да детской кроватью Андрея.

22 июля 1999 г. (четверг)

Серёжина мама Татьяна Алексеевна сообщила по телефону, что умерла Надежда Адамовна — тётя Юрия Пантелеймоновича, старейшина семьи Телюков. Т. А. говорит, что тётя Надя весь день пела. (Когда мы были у неё на Пасху, она и тогда пела.) Умерла ночью.

Юрий Пантелеймонович сейчас в больнице (из-за жары ему было плохо даже на даче).

Решили пока ему не говорить, а то сбежит из больницы...

В субботу похороны. Мы с Серёжей (я позвонила ему в редакцию) решили ехать проститься.

2 августа 1999 г. (понедельник)

Серёжа выбрал сюжет для VII века — о Само. И уже сочинил первую и вторую строфы.

В основном он сейчас занимается «Книгой второй». Появились сложности у макетчиков с разделом про Юливанну (из-за окошечек, которые я оставила для текста)...

Были попытки организовать свою редакцию, но с СП не получилось из-за их однобокости («отбирать авторов только из СП России»), а другой вариант — поэтическая газета с Фирсовым и Шацковым — не состоялся из-за Фирсова (когда надо было идти оформлять, он не мог, дважды пытались)...

В нашем домике в это лето нам пожить не удастся, т. к. полы прибывать (на 1 этаже) решили весной, чтобы доски высохли,

а я уже занавески повесила, да и вещи упаковала, приготовила половики и пр. Пришлось всё распаковывать.

Нина Краснова подарила нам свою очередную книжку «Храм Андрея на виртуальном ветру» с замечательной надписью Серёже, цитирую:

Славному «истоковцу» Серёженьке Телюку, с которым мы плывём в большую литературу на одном корабле, в одной команде! Каждый со своим бесценным грузом!

Нежно любящая тебя любовью сестры и желающая тебе того же, чего и себе: семи футов под килем, попутного ветра в паруса, достижения главной жизненной цели, несмотря на все трудности и препятствия (шторма, подводные рифы и т. д.)

Нина Краснова, член экипажа «Истоков».

29.VII.99. М. «Истоки».

P.S. Моя книга о нашем с тобой любимом поэте, моя Песнь Песней!

Я быстро прочла её в электричке. Конечно, я, да и Серёжа, никогда бы так не написали: «роман века», «роман-энциклопедия» и другие чрезмерности. Но. Это в стиле Нины Красновой.

Заезжала Аня Гедымин. Я её порисовала — плохо. Расстроилась и сама, и она (по-моему). Серёжа утешал. До её портрета далеко.

31 августа 1999 г. (вторник)

Вот уже дома. Как-то незаметно пролетели три недели в деревне. Основательность деревенской жизни (без суеты) была нас из колеи.

Спали меньше, чем в Москве. Вставали не позже восьми часов, а то и в шесть. Будил Чуча: выпустить на улицу с рассветом, потом впустить, дать поесть — это всё на Сергее. На

мне еда, огород. Завтрак с самоваром, впрочем, и обед, и ужин тоже. Питание — с нашего огорода, да угощал сосед Владимир Иванович (кабачки, патиссоны, огурцы, картошка, лук). Из леса — грибы. Утром яйца + кофе. В обед — суп (иногда салат) и компот или кефир. На ужин что-либо жарила или тушила из овощей (с салатом). Чай с вареньем из антоновки.

Серёжа дописал легенду об Ардагасте. Затем стихотворение «Намба сри» — для возможного заглавия следующей книги. Начал последнюю легенду для «Книги легенд».

Почти ежедневно бывал Андрей Апухтин. Принёс для чтения стопку альбомов: импрессионизм, Сергей Герасимов и др., а Серёже — китайскую поэзию. Читали вечерами.

Две недели шли дожди. Я писала этюды то с терраски, то из домика-мастерской. Заезжала Наташа Шумянка с цветами и вазой в подарок к новоселью, а я даже стопку не догадалась налить, хотя в шкафчике имелось, но т. к. это так редко бывает «когда есть», то просто забыла о ней. Поговорили о Танечке, о молодёжи, о себе (часа три). Стемнело, и Наташа пошла к сестре, которая ежегодно снимает маленький домик в Митрохино.

Последняя неделя выдалась солнечной — и я вышла на пленэр. У Поповского леса повторила два этюда 1995 года (частично изменив их). Подходили из интерната мальчишки. Один из них стащил краску — кобальт фиолетовый. Очень жалко. Выбили из колеи. Предлагала через других мальчишек обмен на варенье. Не получилось. Принесла им яблок, и мы разошлись.

Много белых грибов. Сушили их на кухне у печки.

За это время сняли премьеру Степашина (ни за что) и назначили Путина. Все думцы готовятся к выборам в декабре: ищут союзников, объединяются в блоки. Нам более приятны Явлинский со Степашиным. В Правом деле с Хакамадой и Немцовым не нравится Кириенко (но с ними Гайдар).

Лужков с губернаторами оттянул у Зюганова аграриев — все ищут крепкую основу.

К политике мы охладели.

Ельцин стал неприятен, очень похож на Брежнева последних лет. А как восхищались! Где ты, 1991 год?!

7 сентября 1999 г. (вторник)

В воскресенье 5 сентября были приглашены в 57-й павильон ВВЦ на день открытых дверей газеты «Книжное обозрение» в рамках XII Московской международной книжной ярмарки. Пригласила Лола Звонарёва, постоянный автор газеты. Впервые вручали золотой аттестат попечителя книжного дома России — мэру Оренбурга. Затем главный редактор вручал дипломы газеты, в т. ч. и Лоле Звонарёвой — профессору Современного гуманитарного ун-та, доктору исторических наук (как было написано в нём). Диплом получили ещё многие, но из знакомых — Владимир Львович Гопман (преп. НГУ Н. Нестеровой).

Были и интересные выступления.

Владимир Глоцер, очень яркий товарищ или господин с длинной (с проседью) курчавой шевелюрой до плеч. Лола мне пояснила, что он работал с Маршаком и Чуковским. Сейчас он разыскал вдову Хармса в Аргентине и летал к ней за интервью.

Рой Медведев поделился своим удивлением, как японцы знают русскую литературу — не только писателей и поэтов первого и второго уровня, но и современных.

Рассмешил психолог Борис Хигер: я да я. Ходячая реклама. Что больше него — 3200 экз. за один раз — своей книги никто не продавал. Провёл эксперимент в зале, угадывая по имени и физиономии характер людей (на 90–100%).

Академик Евгений Челышев, пушкинист, член РАН.

Валентин Лавров, детективщик.

Гвоздь программы — Александр Александрович Зиновьев. (В тёмном костюме и тёмной рубашке.) Серёжу больше всего насторожило его заявление о том, что он закончил свою литературную деятельность и счастлив этим, т. к. это тяжкий труд, которым он занимался для зарабатывания денег (?!). По образованию он математик. Писал не психологические, а социологические романы и повести, где были не герои с именами, а идеи и клички. На вопрос о политике, он ответил, что не под чьим флагом не выступает, кроме как под своим: «Я — государство!» Текущий момент он оценивает как глобальную операцию (начиная с 1991 года) ЦРУ, ФБР и других врагов России по её

развалу. Что была великая Россия, с которой считались все, в т. ч. и Америка. Сейчас её нет.

Последней выступившей, кого мы видели, была РИММА КАЗАКОВА. Читала стихи про любовь и про внучку. Стояла в чёрном на сцене, раскинув руки, что запомнил Сергей. Ушла за кулисы, и Сергей сразу не смог подойти. Мы ушли бродить по ярмарке. Узнали, где можно купить Сергею второй том «Свода древнейших письменных источников о славянах», что он вчера и сделал... Но нет первого тома.

Когда вернулись, всё закончилось, Римма сидела с Лолой в зале, на первом ряду. Мы подошли — Сергей подарил «Юливанну». Они встали и потихоньку пошли: Римма Казакова вблизи оказалась женщиной в возрасте (широкая, сутулая спина, тяжёлая поступь, осторожные шаги). Но при этом с макияжем, причёской и прозрачными чёрными вставками в вечернем платье.

Там мы встретили Нину Краснову с пожилым писателем Кириллом Ковальджи (печатался в РИФ «РОЙ» и «Трёх берегах»), который подсел к ней.

Серёжа созвонился с ней позже. Оказалось, что Нина «довезла Казакову до дома, где попили чаю, и — вот только вернулась».

10 октября 1999 г. (воскресенье)

20 сентября по «наводке» Вадима Алексеевича принесла на выставком (Кузнецкий мост, 11) две работы: «Ковчег» и «Серёжа и Чуча». В. А. — председатель, и ещё десять членов комиссии, из которых я знала М. В. Лукьянова (председателя секции плаката) и Н. В. Медведева. У меня взяли «Ковчег» и 50 руб. (которые совершенно случайно оказались в моём кошельке — на продукты). 21–22 сентября проводила приёмные экзамены в АЖ. 24 сентября состоялось открытие выставки. Были работы и других студентов: Елены Косяченко, Ольги Самовской («Деревенский вечерок»), Иры Фетисовой (н-т и «Пасха»), а также абитуриентки Марии Грибиной (эмали). «Осенняя выставка московских художников» — это моя первая профессиональная выставка такого уровня. Она продлится три недели, до 14 октября.

Начался очередной учебный год — мой четвёртый год обучения. К его началу я сделала себе и всем подарок — закупила кое-какую мебель для мастерских: ширмы, плакатницы, натюрмортные столики, мольберты, планшеты. Заказала осветительные стойки, ищу скелет для пластической анатомии.

Этот год надо посвятить рисунку как слабому месту и композициям.

Сегодня было открытие воскресного подготовительного отделения: восемь академических часов (4 живопись + 4 рисунок). Первый набор: пять девушек и женщин. Во вступительном слове Кулаков очень толково и честно объяснил возможности, принципы и задачи живописи.

В 14:00 уже были у Мозалёвых — на дне рождения.

16 октября 1999 г. (суббота)

(~ 23:00) Вчера были в ЦДЛ на открытии 66 сезона. Уговорила Аня Гедымин: узнала, пустят ли меня без пригласительного билета — «да, одного человека можно провести по членскому билету СП».

Хотя Аня и говорила, что надо пораньше занимать места, но мы не ожидали, что уже в 18:30 (начало в 19:00) мест не будет: на всех креслах Большого зала если не сидели сами хозяева, то лежали вещи, обрывки газет и т. п. Хорошо, что знакомый Ани успел занять на последнем ряду банкетку, на которой мы все и разместились. Долго не начинали. Я успела разглядеть публику: от свитеров до декольтированных вечерних платьев с боа, от глубоко пенсионного возраста до малолеток дошкольного, много студенческого возраста. Вносили стулья, банкетки.

Вёл вечер Аркадий Вайнер, толстый в сером костюме с незастигивающимся на животе пиджаком, вернее, не вёл, а был его бенефис, «вечер воспоминаний», между которыми выступали артисты. Среди них до ухода мы успели послушать бардессу Галину Хомчик (исполнительницу песен Булата Окуджавы, Новеллы Матвеевой, Юлия Кима) и астролога Тамару Глобу (утомившую всех и вся противоречиями, выплеснутыми на нас

за длительное выступление — такое, что под конец зрители стали захлопывать её, а девушка с цветами, не выдержав, вышла на сцену и ждала, стоя у микрофона). И последняя капля: аукцион ненужных «лотов» (билет в кино — 10 \$, скидка в ресторан, чёрные ящики — 100 и 200 \$...) — потом мы ушли... Пробовали посидеть в кафе, но нашлись умнее нас — те, кто засел там сразу и надолго (видели Климова и Смогула). Кофе пили под лестницей, заедая бутербродами с сыром. Далее изучили стенд с расценками ресторана ЦДЛ, решив, что это недорого (по мнению Ани) — киевская котлета (взятая за единицу) стоила там 37 руб. [но шашлык из... КЕНГУРУ (!) — 250 рублей]. Встретили Юрия Полякова, которому Сергей подарил «Книгу вторую» и пригласительный билет на наш вечер.

Подробнее наиболее яркие места вечера.

В толпе на входе Серёжу и меня тормознули контролёрша и дежурный Смогул. Пока Серёжа доставал из внутреннего кармана билет СП, Саша Смогул, узнав Сергея, извинился за своё зрение (очки с толстыми линзами)... Тут же Серёжа подарил ему «Книгу вторую», на что Александр, мгновенно отреагировав, предложил устроить вечер в его цикле «Прогулки под брызги фолернского...», где-нибудь в январе-феврале в Малом зале ЦДЛ. Серёжа даже растерялся, но не стал отказываться и сказал «посмотрим».

Никого из известных я не видела ни в фойе, ни в зале, ни на сцене. Мне как-то иначе представлялось открытие сезона, примерно как в театре: в зале соберутся писатели, старейший всех поздравит, кто-то расскажет о планах, о летних впечатлениях, о будущих совместных проектах — как это принято в клубах. А был просто халявный концерт для всех.

Отдельно о Вайнере. Рассказал, как он присутствовал на партсобрании СП, которое проходило в этом же зале и на котором исключали Булата Окуджаву — за то, что его подборка была опубликована (хотя и без его ведома) на Западе. Вёл собрание «всем известный писатель», имя которого он называть не стал, но сказал, что никто не догадывался, что у него в этот день погиб сын.

В одном из отступлений заговорил о государстве, которое по идее существует для граждан: чтобы милиция — защищала от бандитов, врачи — лечили, школы — учили... В итоге же «на нашей шее» сидит огромный штат бездельников, которых мы кормим, а они ещё и обворовывают всех нас. Не помню как, но прошёлся и по Чубайсу...

Галина Хомчик последней спела песню Кима, который, оказывается, болен и лечится, как она сказала, по-моему, в Израиле, и что 17 ноября будет благотворительный вечер бардов (Никитины, Егоров и др.) в пользу Кима. Мы все загорелись сходить на него.

Тамара Глоба произвела впечатление неуверенной в себе гадалки. То сказала, что Новый год надо встречать серьёзно, то, чуть позже, — что радостно. Обещала удачу, но если человек слаб — то неудачу. [Значит, если будет удача, то она угадала, а если нет, то тоже угадала, просто ты слабак.] Будущий всемирный язык — русский (чему все очень обрадовались и оживились). В 1999 году родится спаситель, который будет не жертвой, а героическим деятелем. 5 февраля 2000 года произойдёт затмение, которое совпадает с предсказанием Нострадамуса, и что-то будет. Объявила, что заканчивается (ещё буквально три года) цикл невезения России, и начнётся возрождение, а у Америки всё наоборот — у них будет своя перестройка (зал просто стонал от радости). Далее много учёных терминов, понятно, что идёт эра Водолея, а 2000-й — год Дракона (т. е. мой год).

Параллельно сценическому действу у нас на банкетке текла своя жизнь, мы переговаривались — было весело. На нас оглядывались и цыкали соседи.

Вот такое было открытие.

Аня на своём авто уехала с каким-то знакомым, а мы с Серёжей прогулялись мимо Патриарших до «Пушкинской».

17 октября 1999 г. (воскресенье)

В субботу были в Северном Бутово у Серёжиных родителей. Юрий Пантелеймонович сбежал в самоволку из госпиталя, но позвонила сестра из больницы и попросила вернуться, т. к.

проверка. Ю. П. очень осунулся, глаза ещё больше впали, побледнел. Сидел тихо, не отшучиваясь, как обычно. Изредка глаза вспыхивали, блеском, но на долю секунды. Татьяна Алексеевна усердно не замечала его состояния, стараясь всё свести к обычному. Наверное, мы так посидели за столом последний раз, правда, без вина, т. к. никому (кроме нас) было нельзя: Ю. П. и Т. А. по здоровью, Наташа за рулём.

По дороге домой я поделилась (не могла не поделиться) своими наблюдениями. Казалось, что в Ю. П. осталось так мало сил, что он и до Нового года не дотянет. Серёжа сказал, что в больнице он всё время так выглядит. Дай Бог!

24–25 ноября 1999 г. (среда-четверг)

(~ 00:01) 7 ноября — праздник, были у родителей Серёжи. Юрий Пантелеймонович выписался, и все сидели за столом: Ю. П., Т. А., мы, Наташа, Вадим и Владик. И всё как обычно: салаты, вино, селёдка; Наташа приготовила мясо, пироги. Пообщались, и Наташа со своими заспешила домой, а мы ещё посидели, поговорили по душам...

11 ноября вечер «Истоков» вела сама Г. В. Рой. Целый год её не видела (она болела, не выходила из дома и немного осунулась, поседела, постарела). Вечер был не очень... Кроме Гедымин и Агринского, особенно никто не запомнился. Да, ещё, конечно же, Ковальджи. Виктор Попов спел одну песню и передал время девушке, которую привёл (также из театра Камбуровой): красивый сильный голос, хорошая игра на гитаре и тексты, сама обаятельная и привлекательная. Я с Фировой вышла раньше — поговорить в кафе, но оно было на спецобслуживании, и мы рискнули пойти в бар ресторана ЦДЛ, пропустить по бокалу шампанского. Засиделись, Серёжа пришёл за мной (оказывается, вечер закончился, и он специально задержал поэта и гомеопата Олега Владимировича Агринского). Мне уже было хорошо. О. А. согласился принять меня в ближайшее воскресенье 14.11.1999 (натошак).

Серёжа в этот раз не выступал.

(10:...) 14.11.1999 я действительно побывала на приёме у Агринского (м. «Цветной бульвар», Б. Каретный, 19). Целый час, а может и более он выпрашивал не только о болячках (бедро и сердце), но и всякую всячину... Что люблю есть — сладкое, мясо или рыбу? Срываюсь ли? Боюсь ли темноты, высоты? И т. п. Затем пошёл «полистать книги» и вернулся с двумя микроскопическими горошинами — «рассосите». И всё — до декабря. Здорово!

17.11.1999. Смогул пригласил на «Прогулки...» в ЦДЛ. Я немного запоздала. Выступал один нудный поэт, фамилию не помню, но лицо примелькалось в поэтических тусовках. Во втором отделении — бард Владимир Бережков. Это было интересно. Я ранее его не видела и не слышала, да и песни у меня не на слуху. Пришла его аудитория, очень тепло принимали. Артист! Пел — это не то слово, вернее сказать, изображал. В сборниках бардовских песен мелькала его фамилия. Вечер не пропал зря.

Параллельно готовились к вечеру Сергея в ЦДЛ 23.11.1999: более чем за месяц сделали у Чикиных приглашения и их раздавали (порядка 200 билетов). Серёжа приглашал всех знакомых и малознакомых, а также с кем ранее общался по работе, поэзии, учёбе и т. д.

О вечере сообщили и Аронову, Черняку, Вознесенскому, Казаковой, Фатюшину, Егорову, Веснику, Ю. Полякову. Но они, конечно, не пришли. Хотя была Нонна Гавриловна, жена Весника.

Заранее готовили фуршет: водка и джин-тоник, бутерброды с колбасой и солёным огурчиком (в последний момент), конфеты «Родная сторона» (выпустил «Красный Октябрь», как чувствуя выход нашей книги), орехи, вафли, оливки с анчоусами, sprite. Таскали целую неделю (всего на 987 руб.): я — еду, Серёжа — питьё. Для нас дороговато, конечно, но удовольствие большое, а поэтому и не жаль! Выкарабкаемся.

Сергей почти каждый день репетировал венки сонетов. Сначала для динамичности — по его словам — очень частил, но с каждым разом читал всё размереннее и выразительнее, не теряя энергетику. Стихи (лирику) при мне не репетировал, т. к. с ними выступал уже неоднократно и выработал манеру.

Перед вечером, 20.11.1999, Андрей Шацков сообщил, что 21-го, в воскресенье, будет собрание нового Союза писателей Подмосковья, который организовали Фирсов с Шацковым из расклада, что председателем станет Фирсов, а замом — Шацков (что они потом и сделали). Сергея упорно сватали в секретари по печати, но он отказался, мотивируя это, во-первых, тем, что его устраивает Союз, в который он вступил; во-вторых, тем, что пора объединяться, а не разъединяться; в-третьих, тем, что он хочет заниматься не организационной работой, а только творчеством. Если понадобится, то он поможет в конкретном деле, но не более.

Несмотря на это Сергея выбрали куда-то в его отсутствие, на что он сказал Шацкову, что заниматься этим не хочет и что это не его («Без меня меня женили»). Серёжа очень разозлился и долго ворчал, кому-то звонил и всё хотел поговорить с Шацковым серьёзно. Но впереди маячил «вечер» и было не до выяснения отношений.

Помогать в организации события вызвались многие:

— конечно, Андрей — тащить тяжести, следить за магнитофоном и разливать, следить за порядком;

— конечно, Света — продавать книги у входа (кстати, она наторговала на 160 рублей, а если учесть, что всего в семейном бюджете осталось 60, то это была существенная поддержка), накрывать и убирать;

— Оля Орлова, Вика Рукина с Людой также следили и накрывали на стол;

— Фомины дотащили одну из тяжёлых сумок с бутылками и др.

Было много цветов. Ни на одном из вечеров поэзии я столько не видела — домой увозили целую охапку. И сейчас они стоят в двух вазах: гвоздики, розы и герберы — красный букет, а в другой — хризантемы белые и жёлтые, кустовые и шаровые. Очень красиво.

Наталья Константиновна Рыбалтовская принесла смешанный букет в красивой, праздничной упаковке, а Светочка — хризантемы, ромашки и т. д.

В целом всё было хорошо.

Подробнее так. Собирались долго и начали в 18:45, правда, в момент, когда Сергей сказал: «Ну, начнём!», Андрей оказался в буфете с Дашей Заводовской (долго не виделись и вышли поговорить). Я бегала туда-сюда, узнавала, что нажимать для записи. И начало пропустили. Вернулась, когда Демидов запел «Всё искусство на крови...» И тут я включила магнитофон. Далее есть запись, поэтому цитировать не буду. Отмечу лишь общее.

- 1 часть — венок сонетов;
- 2 часть — лирика;
- 3 часть — «Страна родная»;
- 4 часть — «Юливанна»;
- 5 часть — «Дуралейская сказочка».

Во второй части было прочитано 14 стихов:

- «Скажи, мой друг...»;
- «Я думал...»;
- «Как беспощаден птичий гомон...»;
- «Дворовая мозаика»;
- «Декабрь неспокоен...»;
- «В Крыму»;
- «Ко дню рождения N. N.»;
- «Мой друг, он в Турции...»;
- «Моей жене»;
- «В метро»;
- «Кстати, о женщинах»;
- «Калейдоскоп»;
- «Тайна»;
- «По утренней прохладе...».

31 декабря 1999 г. (пятница)

(~ 21:30) [Дописываю про вечер.]

Демидов пел между «частями» стихов и был в ударе.

Серёжа читал уверенно. Красиво стоял, засунув правую руку в карман брюк, в чёрной рубашке, кожаной жилетке.

Отчитал как-то быстро, и дополнительно (хотя и не хотел) прочёл «Сказочку». Родственники, присутствовавшие на вечере (т. Нина, т. Аня), были шокированы и потом жаловались Татьяне Алексеевне, уговаривая, чтобы «Сергей больше не читал её на выступлениях». Это мне передала Т. А. перед поездкой в Польшу.

В конце Сергей всех пригласил к столу, который мы быстро накрыли скатертью и поставили угощения. Андрей разливал. Все сразу раскрепостились. Мои студентки не отходили от стола. Светочка с Юрием Васильевичем и Дашей сидели на первом ряду; чуть дальше — мои однокурсники Володя Теплицкий с Леной и Андреем Ананьевыми; напротив — Серёжины однокурсники: Мозалёв, Щетинин с Леной, Оля и Валера Акесоло-Алонсо; друзья-поэты: Аня Гедымин, Нина Краснова с корреспондентами «Книжного обозрения», Саша Климов-Южин, Андрей Шацков, Олег Агринский, Виктор Попов, Наташа Рожкова, Толя Поляков и др. Зал был полон, из присутствовавших мы знали треть...

Началась суета со сборами в Польшу. Мы сначала отказались от поездки до февраля–марта 2000 г. (по денежным соображениям). Но звонила Лола Звонарёва: что нас там очень ждут, что мы у них уже запланированы на декабрь. Пришлось искать деньги (благо Ирочка Фирова предложила, узнав о наших проблемах). Одолжили 300 \$ до апреля.

Я решила попробовать обратиться за помощью к Наталье Нестеровой, ректору Университета, где я работаю в Академии живописи зам. декана, т. е. не как частное лицо, а как сотрудник Университета. Для этого я попросила прислать из Российского центра науки и культуры в Варшаве (РЦНК) официальный запрос на участие в организации моей выставки в Польше. И через референта — Ольгу Всеволодовну — получила добро от Нестеровой, но при условии, что перейду к ним в штат (я была совместителем с МГАПИ).

Пришлось 5 декабря, за неделю до отъезда, просить Светочку поставить в известность о моём уходе из МГАПИ Олега Михайловича Петрова. О. М. уезжал в командировку в Томск, но по телефону — согласился. Мы договорились, что я увольняюсь с 9 декабря и переносу трудовую книжку в НГУ, что я и сделала.

Серёжа в это время занимался покупкой билетов (туда и обратно), ваучеров (вместо виз). Последние два дня — 10 и 11 декабря — я занималась оформлением своих работ в паспорту. Картон для паспорту мне помог достать друг Андрея, который работает в фирме «Графика-сервис». Он принёс часть заказа домой, а за остальным Сергей ездил на «Речной вокзал». Рифлённый картон на подложки я сделала из тары от сигарет, купленных по пять рублей на «Киевской» (всего 12 коробок).

Несколько раз общались с Польшей, с Хохловыми, по телефону (потом оказалось, что наговорили на 550 руб.). Серёжа узнавал о нюансах поездки, а я уточняла у Александра Хохлова, что надо для выставки. Оказалось, что выставку задумали совершенно самостоятельным мероприятием, в то время как я считала, что буду оформлять залы, где пройдут выступления. К тому же я объяснила, что работы — это графика, иллюстрации к произведениям Сергея и классических русских писателей. Александр Хохлов просил привезти клеммы для развески. Я их долго искала (по два рубля) и нашла на Никольской. Купила 120 штук.

Чемодан взяли у Фоминых, красивый, на колёсиках. Сумка — с Серёжиными книгами.

[Ещё я сделала с помощью Алимова, Андрея и Паши Зеленцова буклет на русском языке (100 экз.). Правда, он почти не пригодился, т. к. на открытии выставки были в основном поляки. Потом мы его всем дарили на Новый 2000 год!]

И вот пришла пора выходить. Приехал на «Оке» Сергей Смыслов с женой Светой — провожать нас. Они взяли тяжёлые вещи и поехали с Андреем на Белорусский вокзал, а мы, налегке, своим ходом на метро. Поезд «Полонез». Трёхместное купе, но ехали вдвоём. Как оказалось, проводник не додал полотенце, мыльце и щёточку для обуви, чай попросили сами (хотя положен с булочкой бесплатный — один раз). В купе уютно, коврик, умывальник, мусорница, верхнее спальное место со страховочными ремнями, бар-шкаф с зеркалом и подсветкой, гардероб с лесенкой, вешалки — всё ново. В туалете — туалет-

ная бумага, полотенце, салфетки для сидений — всё не как у нас. За стеной польская речь. Рано утром, часов в пять, — граница. Смена колёс заняла два часа. Таможенницы Белоруссии просмотрели все мои рисунки, взяли разрешение комиссии на вывоз и куда-то ушли. Потом пришли, но без бумаг. Я попросила Сергея узнать о бумагах. Они куда-то сходили и в конце концов бумаги вернули, сказав, что не нашли искусствоведа.

Мы едем по Польше!

11 января 2000 г. (вторник)

(~ 22:00) Новогодние и Рождественские праздники позади. Позади и поездка в Киров (Вятку). Но всё по порядку.

Итак, мы едем по Польше!

Снега нет. Кое-где в ложбинках — маленькие белые полоски. Домики, чем дальше от границы, более «прибалтийские», западные.

И вот Варшава. Встречные электрички расписаны «граффити», заборы вдоль дороги — тоже. На перроне, на лавочке около больших сумок (типа «челнок», белые в клетку), сидит грустная женщина — внутренним чутьём понимаю, что из России. В Варшаве три остановки поезда. Нам нужна — за Вислой, после тоннеля (Центр). Нас встречала Татьяна Хохлова. Вокзал — по типу нашего метро: платформы с эскалаторами, далее в духе Шереметьево-2 (открывающиеся двери...). Микроавтобус. Шофёр Саша. Погрузились и едем: вокруг вокзала много палаток-магазинчиков, современные (1970–1980 гг.) дома, гостиницы, магазины и т. д. Улицы неширокие, одно-двухрядные, много пробок на перекрёстках. Машины, в основном, маленькие, юркие. Проезжали посольство России — за нетипичным для Варшавы глухим (может, даже бетонным) забором: ощущение монолита, парадности, чопорности.

Перебил разговор с Аней Гедымин, первый в этом году. Поговорили: она поведала о «Переделкино», я — о Кирове (о нём — после Польши).

Вот что рассказала Аня. В её заезде были, в основном, дети с мамами и бабушками. Она чаще всего общалась с Инной Кабыш — ближе по возрасту и интересам. Но план «по написанию стихов» не выполнила, т. к. общение было очень тесным. Очень энергичная и общительная Инна не отпускала Аню от себя или, может быть, сама от неё не отставала. Дети их также были вместе. Сын Инны постарше...

Аня обрадовалась, узнав, что мы общались с Виктором Луниным (Левиным) и Сашей Щупловым.

Лунина она очень любит — умный, талантливый, симпатичный и везучий: когда он ещё был молодым человеком, ему чуть ли не случайно предложили срочно сдать рукопись для издания в «Детгизе», а ведь тогда по десять лет ждали своей очереди. Виктор хороший переводчик с английского, скрупулёзный и работоспособный. Он приезжал к Ане после рождения Данилы.

Щуплова с его темпераментом она также знает давно. Сталкивалась с его нападками и издёвками, но реагировала на них соответствующим образом. После чего он зауважал её. Александр в своё время работал в «Молодой гвардии», где на общем фоне выглядел ярко (его любил Старшинов). Он был всегда удачлив и, наверное, впервые оказался у разбитого корыта после несостоявшегося назначения главным редактором «Книжного обозрения» (на эту должность, вопреки мнению всего коллектива, был назначен другой).

Снова о Польше. Дом, куда нас привезли — это две «скалы», соединённые перемычкой на самом верху: одна «скала» заселена сотрудниками торгпредства и другими русскими служащими, вход на территорию через проходную. Нас поселили на пятом этаже в квартире-гостинице, обходящейся Российскому центру науки и культуры в Варшаве (РЦНК) 25 \$ в день с человека.

Татьяна Хохлова предупредила, что заедет за нами и отвезёт в центр города, погулять.

С дороги мы перекусили, отдохнули, распаковались, переоделись. Я заметила, что в городе многие ходят без головных уборов и решила идти без шляпки (в которой приехала).

На том же автобусике, который привёз нас с вокзала, мы поехали к Старому Месту — мимо парка с памятником Шопену и по центральной улице с множеством архитектурных памятников (костёлов, усадеб, дворцов, просто доходных домов).

Первое — площадь перед Замком (где, кстати, проходила выставка живописи эпохи Шопена) с колонной Зигмунда III (1644 г.). Сильный холодный ветер не располагал к длительному созерцанию, хотелось быстрее переместиться на более уютные улочки. Вышли на базарную площадь с домами-«сиамскими близнецами», вырастающими друг из друга и отличающимися лишь «одеждой». В центре площади — герб Варшавы (русалка со щитом и мечом) и фонтан, волна изпод которого регулярно набегаёт на зрителей. Художники на площади пишут и продают свои работы-сувениры. Первый увиденный близко костёл, перестроенный в стиле неоготики, привёл в восторг. У входа стояла женщина неопределённого возраста, молча просила милостыню. Внутри темно, тихо, почти безлюдно. Далее по улочке до крепостной стены и вдоль неё — к Висле. Холодный ветер с реки. Сухо, чисто. Красивые старые домики, много кирпича, черепицы, плуща, камня и готики.

Вернулись на площадь Замка. Потом пошли по центральной улице с заходами в книжный магазин (за картой, путеводителями по Варшаве, Кракову), художественный салон, костёлы и фотографированием. Санта Клаус угостил нас карамелькой. Прошли переулок (как наш Старый Арбат) с бутиками и салонами. Заглянули в продовольственный магазин около бывшего дома Хохловых. Там вкусно пахло копчёностями и было безлюдно. Микроавтобус подобрал нас и доставил домой, предварительно заезжая за продуктами в супермаркет, где корзинки с колёсиками можно взять, только вложив монету (1 zł) в ручку с прорезью. Купили творог (очень свежий), сосиски (ничего), мёд, т. к. у Сергея накануне была температура 38°, хлеб — всего на 13 zł (1 \$ ~ 4,2 zł, 1 \$ ~ 26 руб.).

Жили в двухкомнатной квартире с длинным коридором вдоль неё. Большая гостиная со стеклянными дверями и балконом (но с двумя кроватями, наверное, для большего числа гостей).

Кухня с полным набором посуды. Спальня (тёплая, в отличие от гостиной), ванная в конце коридора. Все удобства.

Вечером были приглашены к Хохловым. В 19:00 за нами зашёл Александр, и я показала ему то, что привезла.

Дома Саша Хохлов похвастался (по праву) своей уникальной коллекцией пивных открывалок из бронзы или похожих цветных сплавов разной величины [от «кувалд» почти 30 см до мини] и конфигурации.

Очень необычной оказалась техника работ самого Александра. Мы с Сергеем думали о сушёных травах, верёвках, а оказалось — женские колготки, разрезанные и натянутые на подрамник с задником-холстом, подкрашенным в нужный цвет. По композиции это натюрморты, пейзажи, абстракции.

На следующий день (14.12.1999) у нас планировалось выступление в Варшавском университете (~ в 12:00). Татьяна Хохлова, ориентируясь на мои интересы, предложила утром в 9:00 съездить в Весёлое, что у Старой Милосты, посмотреть фрески и картины Ежи Новосельского в костёле, который восстановивался по инициативе ксёндза Стефана.

Ежи Новосельский взялся расписывать храм на условиях, что и весь остальной интерьер со всеми деталями сделает он сам. Что и произошло.

Трудно передать увиденное. Ощущение, что это православные иконы, фрески — тёмные, в белых рамах. Непропорционально большая алтарная часть для нефа. Очень интересные асимметричные витражи и светильники.

После костёла пошли в строение рядом, где расположена обогреваемая (в отличие от костёла) молитвенная комната, также украшенная иконами (фресками) Ежи Новосельского.

Через переход попали в дом, где устроены комнаты, столовая для паломников. Кстати, там более двух лет живёт шофёр нашего микроавтобуса Саша (первоначально его поселили на несколько дней), который уже стал своим: подвозит, помогает по дому, чистит территорию.

В доме нас встретил ксёндз Стефан: поприветствовал, подарил буклеты и календари, но, извинившись, уехал на наме-

ченную встречу. Без него мы попили чаю, кофе и поспешили дальше.

По дороге (30 км) видели голубые мешки вдоль проезжей части. Оказалось, что в них мусор, который в лесу по найму собирают безработные.

В Варшавском университете нас встретила профессор Алиция Володзько, женщина строгая и добрая одновременно, интеллигентная, умная, знающая и любящая русский язык и русскую литературу.

В аудитории собралось много студентов (человек 80–100) и несколько преподавателей-русистов. Алиция Володзько предупредила Сергея, что они воспринимают его не только как поэта, но и как носителя русского языка.

Если А. В. готовили так же как Сергея (т. е. ничего конкретного о слушателях, об интересующей их информации), то просто удивительна способность профессора понятно объяснять ситуации. Ответы на вопросы (о поэзии в целом, о современной поэзии, об авангарде... об отношении ко всему) Сергей чередовал со своими стихами, и всё это комментировала А. В.

Сначала Сергей читал «Венок». А. В. прокомментировала его как классическую, традиционную форму с современной начинкой. Далее Сергей читал «Страну родную». Я очень боялась «монолога антисемита», который Сергей не планировал читать, но не смог вовремя остановиться. А. В. прокомментировала их как интересные современные стихи с сарказмом и сатирой. И попросила ещё почитать детские из «Юлианны», что Сергей и сделал.

Студенты следили за чтением «Юлианны» по строчкам книжки, которую мы им раздали (50 шт.), и в конце подошли за автографами. Я совсем забыла о фото и вспомнила об этом лишь когда осталось человек десять, а А. В. уже ушла.

13 января 2000 г. (четверг)

(~ 22:00) P. S. По дороге обратно Татьяна Хохлова спросила, куда нас отвезти — домой или погулять в центр. Мы выбрали

второе. Прошли опять тем же маршрутом, что в первый раз. Было холодно и очень ветрено. Решили ехать домой. В автобусе (1 билет стоит 0,5 \$!) тихо, доехали до своей остановки. Смеркалось, но мы сделали снимок нашего дома. В среду — Краков...

15.12.1999. Поезд «Интер Сити» — в 10:15. Ехать 290 км, время в пути — 2,5 часа (!), почти как в деревню, до которой 90 км. Стоимость двух билетов — 270 zł (~ 35 \$).

Купейный сидячий вагон. Большие окна и стеклянная дверная стена, поэтому можно разглядывать дорогу со всех сторон. Наши места — напротив, у двери. Рядом с Сергеем сидела молодая парочка (скорее студентов) с рюкзаками, поляки. В моём ряду — один мужчина у окна. Парочка тихо перешёптывалась. Поезд шёл быстро, но без качки. «Стюард», иначе и не назовёшь, в форме, белоснежной рубашке, улыбчивый молодой человек, галантно предложил на выбор чай, кофе, сок, воду и вафли в шоколаде. Всё на подносике, на коленях — но совершенно спокойно, не «расплескаешь».

В Кракове на перроне никто нас не встретил. Мы подождали — и пошли по городу. Мимо старого театра с анютиными глазками на клумбе. Вышли к Мариацкому собору, костёлу. Обошли всю площадь. За торговыми рядами к Рождеству выстроены палатки с сувенирами, подарками, игрушками. Разного «калибра» «гнезда» из соломы, прутьев с белыми младенцами. Венки из хвойных веток с лентами, колокольчиками. Игрушки на ёлку (ангелочки с различными музыкальными инструментами). Много поделок из дерева и глины. Среди палаток — столики для любителей пива.

Круг замкнулся, и мы вошли в Мариацкий костёл. Ощущения совсем другие, чем в православном храме. В костёле всё тянет вперёд, не хочется сворачивать в боковые нефы. Делаю усилие и сворачиваю вправо. Немыслимой высоты перекрытия, не пропорционально человеку. Много лепнины, золота, дерева. В православном храме хочется свернуть влево-вправо или поворачиваться вокруг оси в центре, а купол высокий, но не кажется чрезмерным, больше камня, чем дерева.

Прихожане в костёле ходят по-деловому, даже приклоняют колени по-деловому. В православном — все как заторможенные, стоят и кланяются.

Пошли в сторону Вавеля, сворачивая к костёлам. Но, к сожалению, плёнку заправили плохо, и фотографий не осталось. Некоторые костёлы стояли открытые, но совершенно пустые — из прихожан никого не было. Мы входили, проходили «от и до», стояли, рассматривали витражи из цветов — тюльпанов, анютиных глазок и др. В торце — Создатель с поднятой рукой, вернее, распростёртой дланью. Более поздние костёлы — барокко с «финтифлюшками», «излишествами», гнутыми линиями, вазочками, шишечками и пр.

И как итог — выходим к площади (небольшой), через которую видна громада замка на холме со всеми полагающимися стенами, башнями различной конфигурации, со стеблями обвивающего плюща (летом — с листьями). По долгому подъёму слева обходим стену и через арки-ворота попадаем во двор крепости замка. Народу, кроме нас, один-два человека. Пересекли двор, через арку попали во внутренний дворик замка-палаццо с колоннами по второму и третьему этажу и арками на первом. Музей закрылся только-только, мы опоздали на 10–15 минут. Теперь мы знаем, что в Кракове надо идти сразу в музей Вавеля, а затем гулять по городу.

В глубоких сумерках возвращаемся на площадь Мариацкого собора, прогулялись по рядам, и — к поезду.

Обратно с нами в купе ехала польская студентка (всю дорогу листавшая журнал), у окна — немец (читавший статью о наших выборах в Гос. Думу), а также студентка из Англии (изучавшая «Историю Польши»). Столь же галантный «стюарт» и те же 2,5 часа молчания, за исключением одного вопроса английской студентки к Сергею — о времени. На что Сергей ответил по-английски и получил «спасибо» по-русски.

На вокзале нас встретил шофёр Саша.

16.12.1999 в 9:00 едем в Сероцк для организации выставки.

17 января 2000 г. (понедельник)

(~ 23:00) У нас новость: в пятницу позвонила Татьяна Алексеевна — их просят срочно приехать за машиной «Москвич», бесплатно выделенной Юрию Пантелеймоновичу как ветерану

ВОВ! Дело в том, что эту машину они передают Сергею, чтобы он возил их на дачу. Возникает куча проблем: учиться водить, где-то хранить и т. п. Серёжа собирается с февраля на курсы вождения [когда получим деньги за квартиру].

Р. Р. S. Продолжаю о Польше.

В этот раз нас сопровождал Александр Хохлов. У него так ловко всё получалось с развеской, что после того как я расставила работы вдоль стен мы управились до 13:00: Серёжа помогал одевать кляймеры и вдевать в них шнур, Александр, взбираясь на стремянку, вязал к трубам, я выравнивала.

Обедали вместе с директором дома, где была галерея — Веславом [Wiesław Woźniak]. Галерея «Арт-Банк» имеет зал размером ~ 80 кв. м, где и разместились моя выставка графики (30 работ).

Открытие выставки было назначено на 17:00. После сытного обеда с оригинальной закуской Т РТАР (татарское блюдо), представляющей собой сырой (свежий) фарш с маринованными овощами — огурчики, морковка... — мы прогулялись по окрестностям Сероцка. Спустились к реке и пошли вдоль по улице с домами, обнесёнными условными заборами, ландшафтной планировкой участков и без садов-огородов. Вышли на центральную площадь, к костёлу. В этом месте река Нарев широка и сливается с Бугом. Видна была стрелка, да ещё при солнечном заходе с розово... пастельными тонами — попробовали снять. (Что-то получится?) Холодный ветер. Обошли Сероцк кругом, по центральной улице вернулись. И ещё ждали до 17:00 — сидели в фойе, в баре.

И вот немногочисленные гости ходят вдоль стен, учтиво спрашивают и даже выслушивают объяснения на малопонятном для них русском языке. Все они поляки (бургомистр с женой, редактор местной газеты или издательства с женой, философ с женой, главный лесник с женой и ещё кто-то).

В центре, на столе — таком широком, что не было слышно людей напротив — стояла декорация: курица, два петушка поменьше (чучела), корзинка с яйцами, свечи, крынка, горшок и всякая деревенская атрибутика. Всё это назвали то ли

деревенской вечёркой, то ли дружкой. Каждый мужчина сказал тост — по рангу. «Резануло» то, что после пива подали... водку и что в отсутствии официанток разливал младший по должности (им оказался наш шофёр Саша).

Запомнился главный лесник — персонаж «Ревизора»: ну очень колоритная фигура.

В 21:00 были дома.

В пятницу 17.12.1999 — отъезд. С утра успели на рождественский базар — купить сувениры друзьям и родственникам. Оказалось, что в Кракове базар интереснее, т. к. там больше фольклорных, национальных, просто оригинальных вещей. Пришлось отовариться всякими подсвечниками, игрушками, колокольчиками, сердечками и т. п. Себе купили составную «зебру» (солонка и перечница) да оставили одного летящего ангелочка из Кракова (сидящего ангелочка решили подарить Ане Гедымин). Ещё понравилась керамика, пепельницы с различными надписями, типа: «Не кури, а то попа отвалится». Эта достанется Демидову, другие — Андрею и Фировой.

Чемодан (спасибо за него Ире и Сергею Фоминым) собран плюс сумка — с подарками и едой в дорогу. В 14:10 — поезд. Последняя прогулка за 40 минут до отъезда, мимо памятника Шопену, к павлинам и уткам на аллеях!

И сразу — «на землю»: на вокзале вдоль нашего поезда (у трёх вагонов) цугом стоят тележки «челноков». В остановившийся поезд я влетела первая, т. к. предупредили, что «челноки» грузятся долго и основательно. Пока грузчики кидали через окна тюки, мы передавали стаканы — на посошок... Татьяна Хохлова посоветовала запереться «на ботинок» — за цепочку, в натяг. Это помогло, когда ночью пытались открыть купе снаружи.

О «челноках». На три вагона — один, точнее, одна старшая, или «Мафия». Каждый везёт столько, что на двоих-троих берут два купе: одно забивают под потолок, а в другом оставляют сидячие места у двери. Таможенники и пограничники разговаривают о деньгах только с «Мафией». Заранее есть ставки, но при переборе — доплата из кулачка челнока (~ 30 \$). Одну «челночницу» «Мафия» отругала за 50 \$ — т. к. подвела всех (могут поднять таксу). Ночью, после границы, стрелочник пытался также по-

лучить своё, угрожая отцепить два вагона (мы были в предпоследнем) — обошлось. «Мафия» после границы распрощалась с челноками, выполнив свою миссию (её звали только при ЧП).

Таможенник к нам не зашёл, с одним чемоданом мы не представляли интереса.

В Москве за вагоном бежали грузчики с криком: «Наши!» Меня смели от двери, и повторилось метание тюков, но в обратном порядке.

Мы дома!

Встретили Новый год — 2000! Салат оливье, бутылка шампанского, конфеты. Пришла соседка Ира. Смотрели TV аж до четырёх утра: самое эффектное зрелище для меня — «ёлочка» из Эйфелевой башни! Мы кричали «ура!». Кругом тоже кричали! На улице трещали петарды, взрывались хлопушки.

С 4 по 10 января мы были в Кирове, думали, что его переименовали в Вятку, ан нет!

Поезд № 32 отходил от Ярославского вокзала в 19:43. Андрей не смог проводить — тащили книги еле-еле, успели за пять минут до отправления! Да ещё из 18 вагонов мы — в восьмом. Рядом ехали Аннинские, Нагаевы, Щуплов. В купе у них гармонист наяривал старые песни, пока не пришла железнодорожная милиция и не запретила «шуметь» и пить.

5 января в 8:25 мы — в Вятке. Холодно. Накануне были морозы до -25° . К нашему приезду потеплело до -15° . Я (в пальто) жалела о шубе, оставленной в Москве. Выгрузились: книги везли все. Много журналов «Детская литература». Собрались из нескольких вагонов — взрослые, дети. Много! Ничего не понятно, думали мероприятие для взрослых — оказались на фестивале общероссийской общественной организации «Детские и молодёжные инициативы» (ДИМСИ).

20 января 2000 г. (четверг)

На арендованных автобусах доехали до «Северной больницы» — это один из военных профилакториев, где разместили всех делегатов. Мы поселились на третьем этаже.

В 15:00 — экскурсия по Кирову-Вятке. Музей Васнецовых. В двух корпусах. В новый не попали, т. к. там был концерт. В старом оказались на выставке книг. Зал редких книг:

— Евангелие, подаренное вятскому князю Ю. Долгоруким (из Троице-Сергиевой лавры);

— Библия Острожская, отпечатанная Иваном Фёдоровым. Острог, 1581 г. (Кировский областной краеведческий музей);

— Иллюстрация. Апостол Марк Евангелист. После 1603 г. Бумага, гуашь, золото (Кировский областной художественный музей);

— Гравюры Василия Иконникова (сцены Евангелиста). Москва, 1764 г. (Личная коллекция);

— Иллюстрации Василия Кореня — резчика библии на досках. Раскрашена другим. Повторена современным художником — В. Пензин (Книга Бытия и Апокалипсис).

— Библия 1692–1696 гг. Бумага, ксилография, акварель. (Кировский областной художественный музей).

Иллюстрации известных художников: Бернадского, П. Викторова, Александрова, Бореля, Ф. Васильева, Маковского, Клодта, Ремизова (Ре-Ми), Бенуа, Чехонина, Сомова, Лансере, Кругликовой...

На втором этаже — ближе к современности: Кардовский, Клементьева, Фаворский, Кравченко, Гончаров, Митурич, Козлинский, Сарьян, Пиков, Кибрик, Харламов.

Детская литература, иллюстрированная Васнецовым, Чарушиным, Рудаковым.

В результате мне очень захотелось Библию Василия Кореня, с рисунками, напоминающими лубок!

Всё бегом. Оттуда — в музей Грина. Экскурсовод тихо предупредила, что сейчас будет врать, т. к. именно этот дом (в отличие от других трёх) не является домом, где он жил!!! А то, что здесь музей, оказалось ошибочным решением одного из авторитетов: указать именно на этот дом, а остальные снести!

Музей открыт в 1980 году. Грин, вернее, Гриневский жил в Вятке с 3 до 20 лет. «Из третьестепенных писателей — я первый».

30 января 2000 г. (воскресенье)

6 января. Открытие фестиваля ДИМСИ. Затем экскурсия по городу — получилось только в Успенский собор.

Интересно, что икона Спаса вывезена из Вятки Иваном Грозным и ввезена в московский Кремль через башню с воротами, которую впоследствии назвали Спасской.

После обеда — встреча в городской библиотеке для нашей группы: Игорь Нагаев, Виктор Лунин (Левин), Валерий Воскобойников, Александра Николаевна Аннинская, Телюки. Другая группа должна была ехать в администрацию города. Но т. к. администрация неожиданно оказалась на рождественских каникулах, то они приехали в библиотеку: Лев Аннинский, Бела Риго (Венгрия), Александр Ермаков, Александр Ананичев, Евгений Усанов, Людмила Семина («Маяк»), Ян Новогловский (Польша).

Из интересного в выступлениях.

Игорь Германович Нагаев. Его отец — из Вятских мест, написал 12 романов («Киров», «Пламенные революционеры», не успел закончить роман о Шалапине). Брат И. Г. — художник, оформил последнюю на сегодня книгу Михалкова.

Валерий Михайлович Воскобойников. За 60 лет жизни написал более 60 романов. В конце 1980-х и начале 1990-х собрал группу за восстановление Храма. Написал рассказы о 29 православных святых.

Бела Риго — редактор журнала. Учебник «Детская литература», «Книга о Пушкине» (переведена Татьяной Ворониной), «Школа для фей» (читала Лола Звонарёва).

Лев Аннинский. Читал рассказ из книги «Три барда» — о том, как, возможно, первым записывал Булата Окуджаву на магнитофон (300 метров плёнки).

Александр Николаевич Ермаков играл на баяне и пел с Александром Ананичевым о Березняках, о России, «Цветы на подоконнике...» (слова Есенина).

Евгений Усанов — директор художественного музея Александра. Устраивает встречи: в последнее воскресенье мая — для поэтов; последнее воскресенье сентября — для детей.

Виктор Владимирович Лунин (псевдоним В. В. Левина) — диплом Андерсена. Перевёл все песни Битлов. Рассказывал о поэте Северном, Андрее Анпилове (который пишет похоже на Сашу Чёрного).

В 17:00 оказались в арткафе на встрече с местной интеллигенцией и вернисаже Татьяны Тимкиной (акварельные портреты и пейзажи).

4 февраля 2000 г. (пятница)

(~ 21:00) О Кирове-Вятке продолжу потом, т. к. более свежие впечатления перебивают, и от них надо избавиться.

Во-первых, 23 января в ГТГ на Крымском валу удалось (наконец-то) попасть на выставку «Михаил Ларионов и Наталья Гончарова. Шедевры из парижского наследия. Живопись». Их передала в Россию бывшая с 1962 по 1964 гг. второй женой Ларионова Александра Клавдиевна Томилина — т. е. они поженились, когда ему было $62 + 19 = 81$ год! Ларионов: 1881–1964 гг.

Не стала переписывать все работы — хотелось купить каталог (но он стоил ~ 300 руб., и, конечно же, таких денег нет; хоть продать бы один натюрморт за 500 руб., тогда можно будет купить ещё и каталог графики в ГТГ в Лаврушинском переулке за 180 руб.).

Что бросилось в глаза:

— работ Н. Г. больше, чем М. Л. Они ярче и более мощные что ли, нет, не ярче, а именно мощнее. Очень интересны в народном стиле львы, птицы и люди. Впечатление, что это где-то подспудно в вышивках, резьбе, поделках, почти Дымково, почти деревянная пластика, монументально и интимно одновременно.

28 января побывала на консультации в мастерской у Кулакова, с композицией по мифам и легендам Древней Греции:

— на «Арго» напали псоголовые (в масле на холсте);

— картон, композиции с гарпиями.

Были втроем: Лиза Колонова, Оля Самовская и я.

В. А. писал. Нечто такое: в восьмигранном подрамнике крупно фигура молодой женщины в пёстром платье, абстрактной расцветки, с яркими геометрическими фигурами и линиями, на фоне пейзажа с домами и деревьями. Фон не яркий и не пёстрый. Женщина ещё не вся прописана, лицо обозначено светлым, расплывчатым пятном, но платье уже ожило на ветру, облегалo формы — порыв счастья, силы, будущего, светлой надежды.

Я пришла первой. Постучала в окно мастерской на первом этаже. В. А. выглянул из-за занавески и махнул рукой в сторону двери. Ключом открыл входную железную дверь в предбанник, через другую я попала в коридорчик с вешалкой. Скинула пальто и шляпу. У В. А. руки были в масляной краске. На стене коридорчика висели записанные холсты, но снятые с подрамников (как в «Золотом ключике»). Я даже проверила: нет ли за ними дверцы? Нет!

Развернула работу. В. А. снял свою с мольберта и поставил мою. Палитра была под рукой. И началась правка: цвет фигур не такой фиолетовый, а более красный, малиновый, парус серый (а не зеленоватый) и т. д. Большой кистью В. А. уверенно смешивал краски, пробовал тон, подправлял и уверенно правил холст.

После очередного стука в окно пришли девочки.

После меня Лиза развернула большую работу с менадами, паном.

Оля — картон в цвете с медузой Горгоной, Афиной, Пегасом... и ещё фото другой работы.

Пили чай с вафельным тортиком. В. А. показал свои новые работы, да так много! Натюрморты с инструментами (два варианта): красные ручки на столе как орнамент на скатерти, причём первый — с настоящими опилками, специально прилепленными к холсту. Интересная композиция «Деревенских посиделок» за столом — фигуры женщин. И другие (плохо с памятью). Показал альбомы любимых художников: В. Васнецова — почти гризайль, но живописно, монументально, красиво. Ещё одного армянского художника (?), у которого натюрморты с инструментами и армянские зимние (без листьев) пейзажи с кустиками, ветками деревьев и др., всё изящно и в пастельных тонах серого, охристого...

Случайно попало фото, которому В. А. очень обрадовался.

Про фотографию, когда её видят искусствоведы, говорят: «Ты видел Самого Бойса?» (Если не перевираю фамилию.) Кулаков был у него в мастерской, и тот подарил ему книгу о себе с... волком. Мы спросили, чем знаменит Бойс. Из ответа поняла, что европейская слава — от его неожиданных поступков. Сделать фонтан в доме Наций (?), где по трубам течёт мёд! — т. к. пчёлы коллективные трудолюбивые насекомые.

Прожил с волком неделю в одной комнате, сняв это на камеру. На фото из альбома испуганный волк сторонится непонятого объекта — это Бойс завернулся в ткань (рогожа, возможно, шепель?) с головой.

Затем поговорили о Глазунове, которого В. А. назвал «бесноватым». Ну кто ещё может отхватить у церкви её территорию для себя? Нам было жалко, что нет фильма о Кулакове, его зафиксированных мыслей о красоте в живописи (против мещанской красоты у некоторых студенток первого курса). Показал работу Васнецова, где изображён мальчик с железной кружкой — но как красиво написано.

Кстати, В. А. рассказал, что на вопросы художников, почему он пишет двумя цветами, Васнецов отвечал: «Бог не дал таланта на цвета, но двумя я так напишу!»

Я вернулась счастливая. Хотелось писать. Много и хорошо. Пробовать, дерзать! Вот это энергетика таланта В. А., которой не только он сам живёт, но и нас зажигает!

Сергей как-то зашёл в «Юность», к ребятам. И они выдали ему несколько писем душевнобольной женщины к писателю Василию Аксёнову. В них перемежалась правда с большим воображением, великое и смешное, возвышенное и будничное: советы для президента Ельцина, низкое качество хрустящей картошки, агенты, продающие марки на почте, вокзальные истории, родственные интриги, девственные и сексуальные впечатления, политика, история...

Дали как материал.

И через пару дней появилось стихотворение про агента Нулёва. Так вот!

7 февраля 2000 г. (понедельник)

В среду 2 февраля мы, сговорившись с Аней Гедымин, пришли на вечер Инны Кабыш и Дмитрия Быкова.

Зал был полон. У всех разговор о недавнем нападении двоих на Д. Б. (у подъезда — ударили гаечным ключом по голове).

Инна с женственной причёской (заколотыми кверху волосами), в чём-то чёрном. Изящная, как всегда. Дима в рубашке (трикотажной), расстёгнутой на горле. По афише начало в 18:00, а начали почти в 19:00. Быков извинился за задержку (неотложные дела). Он же открыл. Читали по очереди. Кабыш прочла посвящение Ряшенцеву и после вызвала его выступить. Ряшенцев сидел за нами. Сказал, что не готовился. Что к молодёжи всегда был расположен, правда, не встречая ответа. Называя Инну и Диму мастерами, просил относиться к этому серьёзно. «Димка — один из умнейших людей Москвы». Чухонцев, прочитав Быкова, сказал ему, что Быкову надо печатать романы в стихах.

Далее Ряшенцев пояснил, что как «дворовый» мальчик он никогда не любил таких как Дима, считая их пижонами, но его стихи ему нравятся.

Про Кабыш Ряшенцев сказал, что Инна пришла в поэзию сразу и надолго, что про неё пишут книги и статьи, что к уже имеющимся в его представлении четырём женским именам добавилось ещё одно.

Далее читались стихи, причём Быков извинился за длинноты.

[Сергей, спустя несколько дней, проанализировал его стихи и пояснил мне отличие от стихов собственных, которое заключается в том, что «развязка» (ударная строка) у Димы ставится после длинного перечня надуманных, изошрённых и т. п. событий, метафор. Сергей же использует жизненные, прозаические ситуации и широко употребляемые слова.]

В общей сложности по принципу диалога было прочитано Димой — 20, а Инной — 26 стихотворений.

4 февраля была на консультации у Алимова с рисунками к Булгаковскому «Собачьему сердцу», в мастерской на «Киевской». Пришли: Ира Фетисова, Лиза Колонова, Оля Самовская и я.

Я чуть опоздала (на пять минут), Сергей Александрович уже смотрел сценографию — четыре Олиных листа в карандаше к «Левше». Взялся показать, как работать гуашью. Показал все этапы, начиная с общих прокладок цветов большой кистью, затем поверх — основные фигуры более тонкой колонковой с длинным ворсом и черенком, заканчивая «прорисовкой» мелких деталей. Всё ярко. Оля пыталась возразить, что казаки в зелёной форме, но А. С. сказал, что в театре свои законы. Оля ушла и не взяла «показной» рисунок Алимова. А я его утащила (на память).

С. А. всем подарил по пачке бумаги (для набросков).

Сидели, пили чай с пирогом Иры и шоколадкой Оли.

С. А. по просьбе Фетисовой ещё раз повторил историю, как они пробивали свои первые мастерские. Когда Фурцева им отказала, дошли до Косыгина. А когда обычный бюрократ не захотел рассматривать их письмо, они ему указали на подпись... И всё дали — рядом с Большим Театром.

8 февраля 2000 г. (вторник)

(~ 23:00) Позвонил Сергей Демидов — увидел в «Книжном обозрении» ругательную заметку на «Книгу вторую. Страну родную». Автор — Анна Зверева. Возможно, это псевдоним. Сергей в заметке не нашёл никакой критики, просто реплика: «Ну не нравишься ты мне!» Возможно, статья заказная, возможно, начинающего. Зато хорошая реклама в 11 тысяч экземпляров. Спасибо!

Сергей ходит на водительские курсы.

14 мая 2000 г. (воскресенье)

(~ 11:00) Вчера были на вечере Александра Ананичева в музее Алексея Толстого, посвящённом его творчеству, а заодно и 30-летию.

Сергей выступал в конце, читал стихи, которые написал уже этой весной: «Коту не ложится на месте с утра...», «Приметы

весны — 2000», «Моя дорогая, апрель на дворе!..» и более раннее «По утренней прохладе, вдруг...»

Выступающих, кроме самого Саши, было на три часа... Запомнилось выступление Оскоцкого, который остался профессионалом (критиком) даже в поздравлении. Кроме пожеланий и перспектив Оскоцкий остановился на:

— форсировании Сашей патриотической, христианской темы. Что любовь к Родине — не крики на площади, а душевные слова;

— стихотворение о танке в Польше несколько не соответствует истории. Что Россия трижды подавляла национальные восстания, и хотя современный настрой может вызвать иные ассоциации, но всё надо рассматривать во времени.

Интересными показались исследования об Илье Муромце.

И, конечно, юмор. Редактор журнала «Ералаш» Сергей Георгиев читал короткие истории об орлах и воробьях, крокодилах и др. Первые рассказы особенно запомнились:

— орёл прибыл к месту службы, а ему говорят, что нет мест для орлов, и один день пусть поработает воробьём. Что делать? Просто сидеть на ветке и чирикать. Орёл подумал и согласился. Отработал день и пришёл проситься в орлы. А ему говорят: ну кто же теперь будет считать тебя орлом, после того как все видели, что ты сидел на ветке и чирикал;

— воробушек сказал родителям, что хочет быть орлом, за что родители его отшлёпали. Затем хочет быть филином — реакция та же. Тогда, успокоившись, воробушек залезает под крыло мамы и говорит: я знаю, откуда берутся орлы и филины, просто их вовремя не отшлёпали;

— два крокодила хотели совершить кругосветное путешествие, но боялись, что всех распугают и ничего не увидят. Тогда они решили переодеться тушканчиками и, сделав это, пошли — и всё равно все кинулись врассыпную. «Я и не знал, что тушканчики такие злые и страшные», — сказал один крокодил.

Лола попросила нас проводить Оскоцкого до метро, когда мы собрались уходить после фуршета. Проходя коридорами музея А. Толстого, зашли в гостиную-столовую (где, кстати,

висит натюрморт (!) Брейгеля). Осмотрели другие комнаты: портрет работы П. Корина «А. Толстой», шкафы с литературой XIX в., женские портреты и пр. Валентин Дмитриевич сознался, что здесь впервые — как и мы.

Очень симпатичный: глаза светятся, даже лучатся — живые; смеётся заразительно и от души, как ребёнок, с удовольствием. Свободное пальто с застёжками-петлями, палочка. Шли медленно. Первоначальное неловкое молчание прервал В. Д., спросив, не читали ли мы недавно в «Новом мире» рассказы Солженицына, в одном из которых явно просматривается фигура А. Толстого. Рассказ двойной. Первый этап: один читатель присылает А. Т. письмо, описывая свою жизнь, трудности, лагеря и прося денежную помощь. Второй этап: А. Т. на встрече с другим писателем восторгается мощным русским языком просителя. Собеседник интересуется: о чём просят-то? — А. Т.: Неважно! Какой язык! — Собеседник: ну и как, ты помог? — А. Т.: Неважно! Вот какому языку надо учиться!

Далее В. Д. и Сергей говорили о служении писателей властям, о продажности, о заказных работах. В. Д. сообщил, что вышло много архивных документов, в т. ч. и материалов по писателям, в двух томах.

Нужно выпросить у Демидова об этих книгах — это материалы для литератора.

В троллейбусе по дороге к «Кропоткинской» В. Д. спросил меня, чем я занимаюсь, имею ли отношение к литературе. Сергей же вспомнил о работе в «Литературных новостях» у Иодковского, где он участвовал в выпуске первых десяти номеров и, кажется, встречал В. Д. на совещаниях, как и Аннинского с А. Ивановым. На что В. Д. (уже в метро, при шуме поездов) рассказал Сергею — при этом азартно смеясь — детали я не слышала, но суть была такая: кто-то восторгался, что «с самим Александром Ивановым рядом сидел!»

Ранее В. Д. рассказал о драматурге Марке Розовском, который приглашает его на свою постановку «Истории лошади», а В. Д. боится сравнения с ГАБДТом Товстоногова и потому не идёт. Правда, Розовский утверждает, что у него есть моменты даже посильнее... В ответ я рассказала о работе комиссии по

премиям, в которой принимает участие В. А. Кулаков: как их председатель, режиссёр театра Маяковского — Гончаров — во вступительном слове просил членов комиссии быть принципиальными и объективными. А на следующем заседании, в его отсутствие, заместительша выдвинула его на лауреатство. Прошёл. Хотя спектакли театра именно с постановочной точки зрения оставляют желать много лучшего: при хороших артистах — не захватывают. Дали ему премию за... вклад в искусство! В. Д. долго смеялся!

Ещё В. Д. говорил о нетерпимости А. Ананичева к католикам — он отказывался в Польше заходить в костёлы, на что В. Д. сказал, что «в костёле ещё находится и сердце Шопена!» Теперь Ананичев задумался и стал более мягок, хотя к А. Меню ещё не изменил своего отношения.

На «Парке культуры» мы расстались. В. Д. уехал в поезде до «Юго-Западной», где на лавочке у четвёртого вагона (на «нашей» лавочке, как он выразился) его ждали. Цветы В. Д. передал мне, я предлагала передать их супруге, но он сказал, что она на даче. Сейчас тюльпаны, крупные и ароматные, стоят в вазе. На прощанье В. Д. галантно поцеловал мне руку.

Вчера же была очередная попытка сдать на права. Но видно что-то не сработало в цепочке звонков и просьб, и хотя мы заплатили 150 \$ ещё 10 мая, пришлось сдавать со всеми. И после удачной эстакады — опять полоса разгона не дотянула на две секунды (а может и дотянула, но не докажешь...). Теперь очередные разговоры — через восемь дней, где-то 23 мая. Но 20 мая Серёжины родители хотели уехать на дачу, и всё опять усложняется с оформлением машины и доверенности.

12 апреля по приглашению Саша Фатюшина были на премьере спектакля «Дети Ванюшина». Саша играл главную роль.

Хотя спектакль разбавили степом, многого этим не достигли. Мы шли со спектакля по бульвару, и Сергей анализировал: кто виноват? Саша играл замечательно. Даже не нужна была попытка самоубийства, чтобы усилить трагизм его положения.

Достаточно было «ухода» Ванюшина наверх, откуда он читал свой монолог.

Нет общей установки — то ли режиссёра, то ли постановщика. И ещё — увлечение костюмами и декорациями, что на примере театра на Юго-Западе вовсе не обязательно. Главное — создать атмосферу.

Вместе с Сашей была занята и его жена Елена Мольченко, исполнявшая роль дочери Ванюшина.

16 июня 2000 г. (пятница)

(~ 22:15) 30 мая Сергей получил права. В четверг поехали в Бутово за машиной. Она простояла в гараже с конца января, и аккумулятор сел. Серёжа с Юрием Пантелеймоновичем и соседом (не взяв, вернее, отправив меня домой) пошли в гараж. Через некоторое время, может, полчаса, может, час, подогнали «Святогор» к дому. Ю. П. поворчал, что Сергей ведёт неровно и рывками. Татьяна Алексеевна предложила оставить машину у них под окнами, т. к. было поздно — около 23:00. Но Сергей решил ехать. Я села рядом. На первом же светофоре заглохли, а на первом посту ГИБДД нас оштрафовали на 100 руб. за не прикрученные номера. Но потихоньку доехали. Всю пятницу я, Наташа (сестра Сергея) и Т. А. сомневались, сможет ли Сергей их отвезти. Но он сам не сомневался, и в субботу к 16:00 мы были опять в Бутово (заправившись накануне). Я взяла на себя роль штурмана: читала карту, знаки и т. п. Дважды (руководствуясь интуицией и наставлениями Вадима — мужа и штурмана Наташи) говорила вопреки советам Ю. П., и получалось верно. Трудно было ехать по просёлку с ямами и кочками. Да ещё и с грузом — TV, едой, рассадой и т. п. (даже черканули днищем)...

Разгрузились, сели отмечать. На радостях Сергей с Ю. П. хватанули неразбавленного. Потом мы с Сергеем пошли прогуляться к его бывшему дому — навестить каштанчик. Но там шёл ремонт, и деревце — уже с руку толщиной — сломали. Серёжа очень расстроился: кому помешал каштанчик у калитки? Когда уезжали утром, он специально ещё раз проехал

мимо дома, чтобы убедиться, что действительно каштанчик сломан. Был мрачен.

Возвращались спокойнее.

А на следующие выходные была вылазка на Ильинский Погост по Старо-Рязанскому шоссе вместе с Андреем, прихватили кое-что из вещей и стол. Чучу на поводке держал Андрей. Чуча забился в ноги и там дрожал. Возвращаясь, прихватили Апухтина.

У нас заканчивается очередная (четвёртая) выставка в ЦДХ. На этот раз — без детей. Очень интересная. Я выставила «Завтрак» (Сергей, я и Чуча на нашей кухне) + н-т + «Модель».

На открытии подошёл художник Александров и похвалил (за тон).

23 августа 2000 г. (среда)

Академию живописи перевели на «Белорусскую» (Электрический пер., 10А). Пытаюсь навести порядок и уют, но не дают плотников. Вот и сижу с разобранными шкафами.

Сергей пишет медленно, но верно. За две недели в Ильинке — три стихотворения, уже есть стихотворения и о предках, и о «сегодня».

Возможно (билеты есть, но задерживают зарплату и отпускные в НГУ Н. Нестеровой), поедем на слёт ДИМСИ в Туапсе с 31 августа по 15 сентября.

Мне не пишется. Заставляя себя, выдавила: композицию «На даче» и два этюда о Польше (с фото).

Сижу, читаю письма Ван Гога брату Тео. Нахожу подтверждение своим мыслям, что без натуры и рисунка — никуда: «...И с каждым днём я всё больше убеждаюсь, что люди, для которых борьба за овладение натурой — не главное, не достигают цели». А какая у меня цель? Если я начинала лишь с желанием писать «красивые» натюрморты, то теперь цели изменились: хочется писать хорошие вещи, а что именно — натюрморты, пейзажи,

композиции, портреты — всё равно. Скорее всего, то, что волнует. Но надо учесть, что сейчас моя жизнь связана, а где-то и подчинена Серёжиным планам. Поэтому его так много в моих работах, и они, именно эти работы, получаются лучше. Может быть, смысл всего моего творчества — отражение жизни Сергея? Ван Гог назвал себя «крестьянским художником», т. к. чувствовал себя именно там «в своей тарелке». А я чувствую себя «в своей тарелке» дома. Значит, я «домашний художник»?

И далее: при равнодушии к моим работам, наверное, как когда-то чувства Ван Гога, так и мои чувства описаны одним словом — «вывернусь». Главное — хватило бы выдержки и терпения. Хотя, как цитирует Ван Гог Милле: «В искусстве надо жертвовать своей шкурой!» — возможно, мне это недоступно.

День траура по 118 морякам атомной подлодки «Курск». По TV — клипы с «Любэ», о подводниках. Не могу смотреть, плачу и переключаю! Не по-людски с ними поступили... С утра идёт дождь. Пасмурно и тоскливо, как и на душе...

И ещё от Ван Гога: «... Будущее всегда не похоже на то, чего ожидаешь; поэтому не стоит загадывать наперёд. Обратная сторона живописи состоит в том, что художнику, даже если его картины не продаются, всё равно нужны деньги на краски и модели, для того чтобы двигаться вперёд. В этом-то вся беда».

Однако в остальном живопись и, на мой взгляд, особенно живописание сельской жизни приносит успокоение даже тогда, когда в жизни много неприятностей и огорчений».

Я хочу сказать, что живопись заменяет художнику родину и что, занимаясь ею, он не испытывает тоски по родине, того странного чувства, которое угнетало Эннебо».

Приходил Кулаков — обсудить расстановку мебели в мастерских. Наталья Михайловна (жена Алимова) сегодня сообщила ему о тяжёлом состоянии Приёмыхова (в реанимации, рак). На даче Вадим Алексеевич будто чувствовал, что надо в Москву. Ожидают самое худшее со дня на день. Уже сделана операция, удалившая метастазы, но источник болезни, увы, не удалить...

Из Ван Гога: «В конце концов, человек живёт на свете не ради удовольствия, и вовсе не обязательно, чтобы тебе было лучше, чем другим».

Как меняются ощущения! В 1994 г., когда я начинала — сплошное ощущение неуверенности. В 1996 г., когда поступила в АЖ, на I курсе — усиление неуверенности. Но на II курсе — после «Ковчега», «Н-ов» и «Сергея» — что-то почувствовала, какую-то силу. Думала — поняла! Но не тут-то было! После III курса — неуверенность. После IV курса — ещё большая неуверенность! Даже ужас, что взялась за живопись! Понимая теперь красоту настоящей живописи — ужасно от собственной слабости и бессилия... Что будет на V и VI курсах?

«Не стоит загадывать наперёд».

24 августа 2000 г. (четверг)

(~ 14:11) Из писем Ван Гога:

«... я видел два собрания современных картин... Многие я нахожу **очень красивыми**, и тут я имею в виду, прежде всего, работы колористов или тех, кто пытается таковым быть, кто ищет повсюду светлые, перламутровые сочетания. Но, на мой взгляд, это не всегда **настоящее**; это слишком желанно, и я предпочитаю видеть простой мазок и менее аффектированный, менее сложный цвет, одним словом, больше простоты, мудрой простоты, которая не боится смелой техники. Рубенса я нахожу красивым именно потому, что у него такая бесхитростная манера, именно потому, что он работает простейшими средствами...»

«Но фотография — это всегда неизменно условные глаза, носы, рты, восковые, гладкие, холодные. В них всегда есть что-то мёртвое.

А вот живописные портреты живут собственной жизнью, исходя непосредственно из души художника, чего не может дать никакая машина. Чем больше видишь фотографий, тем яснее это становится».

И ещё под моё настроение:

«Когда я не могу работать и двигаться вперёд, я ужасно огорчаюсь, и вынужденное бездействие прямо-таки душит меня».

Вчера Серёжа встречался с Оскоцким и отдал ему подборку последних стихов. Вечером Оскоцкий позвонил и сказал, что стихи ему очень понравились и что (кроме трёх: об Анне Зверевой, «Весна — 2000» и ...) все остальные подходят, что выделит для них целую полосу. Ура!

[Ван Гог: «чёрный вынужден составить = кармин + прусская синяя».]

9 ноября 2000 г. (четверг)

(~ 14:20) Уже ноябрь.

Чем больше событий, тем реже пишу, т. к. много дел и безделиц.

Перечитала последние записки.

Приёмыхов умер почти тогда же.

Я вот случайно дома — болит сердце.

Решила записать кое-что.

Вероника родила мальчика 7 ноября ~ в 23:00 — Серёжа стал дедушкой. Я его спрашиваю: как ты себя ощущаешь как дед? А он говорит, что и отцом ещё до конца себя не почувствовал. Я же сказала, что уже устала быть матерью.

Имя внучку ещё не придумали, есть вариант — Владик, но не окончательный.

Летние стихи Сергея опубликовали в октябрьском номере «Литературных новостей», об этом Оскоцкий сообщил по телефону. Сергей обрадовался, и мы пообещали прийти на следующий день в ЦДЛ, на вечер Твардовского, который должен был вести Оскоцкий.

В фойе сразу увидели Валентина Дмитриевича. Ещё раз подтвердив, что Серёжины стихи ему нравятся, особо отметил про кота, что ему сейчас знакомо по дому. Предложил через полгода опять принести подборку.

Серёжа говорит, что он чувствует, как писать, и знает. Что у него уже совсем другое осознание стихов.

Последнее про ноябрь (про кавказца) понравилось Вадиму Григорьевичу Черняку.

Увлёкся «Знаками зодиака» венгра Белы Риго, переводит. Сначала хотел остановиться на «Льве» и «Рыбах». Теперь уже готов «Овен». Взялся за «Тельца». Подстрочники я переписала у Лолы Звонарёвой на «отдыхе» в Туапсе. В Туапсе, вернее, на Приморской базе Новомихайловского, мы оказались по зову Лолы и пробыли там с 29 августа по 15 сентября. Очень сумбурный отдых. Но он в некоторых отношениях полезен: интересные встречи-знакомства (Сергей Георгиев, челябинцы), не говоря уж об Аннинских, Воскобойникове и Анне Леонидовне Хорошевич (историк).

Очень обаятельная Лида Нагаева. Чудные Алеевы — Наташа и «маленький», как она назвала мужа.

Сергей организовал сбор средств Георгиеву, когда его обокрали, и собрал очень много (в нашем понятии).

Я ничего за лето не сделала, хотя и пыталась... Давно не отпускает угнетённое состояние, из которого нет выхода, может, поэтому и сердце болит.

Много и бестолково работаю: всякие переезды, мебель, проверки, расчёты зарплаты, натурщицы, ксероксы и пр.

Но работа сдвинулась. Новые хорошие преподаватели: Анатолий Владимирович Кузнецов и Юлия Германовна Суховецкая (живопись и рисунок).

18 февраля 2001 г. (воскресенье)

(~ 17:00) Сергей сегодня вторично (т. к. к пятнице — 16 февраля — ещё было не прочитано) созвонился с А. Вознесенским. Звонил ему в Переделкино. Оба раза подходила Зоя Борисовна.

В целом отзыв о вышедшей «Книге легенд» положительный: «Хорошо. Много новых имён и нужны примечания». Легенды ему понравились больше Венка сонетов. Сказал коротко, что они близки к постмодернизму.

Не имея энциклопедии искусства, мы предположили, что это новый виток классики, и оказались не так далеки от истины.

Рой заинтересовалась мнением Андрея Андреевича и предложила в «Истоках», дав первую страницу обложки, напечатать

этот отзыв. Сергей загорелся ещё узнать мнения Оскоцкого, Ковальджи и Казаковой, Аннинского и Липатова («Юность»).

Когда я услышала, что Сергей разговаривает с Вознесенским, шепнула: «Спроси о картинках...» Вознесенский очень лаконичен в отзывах, я поняла, что в целом хорошо, «органично сочетаются с текстом».

За последние месяцы самым интересным был вечер Ани Гедымин в ноябре. Полный Малый зал. Было интересно, и поэтому ничего не писала, хотелось слушать. Новое для меня: детские стихи (особенно об ужасиках — вампирах, ...) и проза, а также её поэма «Косари». Всё так хорошо, на таком уровне, что дух захватывает. Даже стыдно её похвалам за мои рисунки, т. к. они сделаны не в полную силу, а бегом. Кажется, что ещё успею переделать, потом. А «ПОТОМ» не бывает. И надо делать всё как в последний раз в жизни.

Выступали: Ковальджи, Исаева, А. Поляков, кто-то из «Кольца А»... — многих не знаю. Затем сидели в кафе. Туда добрался и Евгений Рейн, «патриарх русской поэзии» (как его назвал один из лизоблюдов, предложивший чуть ли не первый тост на вечере за него, на что кафе возмущённо затихло, и послышались выкрики: «Пьём за Анну!» — А «патриарх», поддержав, сказал: «Сегодня пьём только за Анну»).

Я сидела за столиком вдвоём с Ирой Фировой, Сергей за соседним с Сергеем Георгиевым и Виктором Луниным (который тоже выступал на вечере), с его или не его дамой. Сергей (мой) принёс нам тарелку с бутербродами, а им — не досталось. Но им досталось много вина и водки, т. ч. Георгиев периодически подходил и подливал нам. Всё это закончилось плачевно для моего Серёжи — по дороге домой его стало развозить (я думала, что он дурачится, но ошиблась), а дома, бедный, вскакивал ночью и стремглав нёсся босиком в туалет — сильно мутило.

Были и другие события, но менее яркие. Вечер альманаха «Истоки» (№ 9) в декабре, где выступали «гости» из Долгопрудного и Лобни, после чего, когда мы шли домой от метро, я всё

грозила больше не ходить на этот позор, где нечего слушать, и что Сергей не умеет вести, говорить и т. п.

Была выставка в ЦДХ к 2000-летию Христианства на двух этажах: второй этаж — живопись, третий этаж — графика, театр, монументальное искусство. Хотя я и записала 19 фамилий художников, которые мне понравились или которых я знаю, но сотни не записала. В целом винегрет из «Несения креста» и «Подвига священника». Без современных течений, только реализм. Живопись очень неоднородна — много «графоманов» в художественном смысле. В погоне за литературой теряются все живописные средства. Почти нет композиций. Пейзаж ещё живёт, но в стандартном виде. Кое-что из портретов и натюрмортов.

В январе Лола Звонарёва вывезла всех в Сергиев Посад на творческий вечер Ананичева в библиотеке.

И ещё один вечер «Истоков» — десятый — вёл опять Сергей, но вместе с Александром Щупловым. Поживее: Егорова, Мирошников, Агринский, Райберг (с новой, молодой женой!), Капьяр...

Я записывала ляпсусы типа: «Невиноватый волк, что волком народился!», «Ты больше, чем Благая весть...», «И с влагилицем красным калоши...», «Увы, глаза обращены назад...».

Серёжа читал, как все, три стихотворения: «Моё» («Я, пожалуй, ещё ничего не забыл...»), «Кавказец, бедняга...», «Зима, зима...»

И, конечно, Щуплов: «Вечность минус две зимы...», «Овруч», «Переворачиватель жизни».

25 февраля 2001 г. (воскресенье)

(~ 13:00) Сегодня конец масленицы — Прощёное воскресенье. Андрей с Танюхой вчера вечером уехали в Балашиху. Мы вдвоём, хотя нет — троём, ещё Чуча. Посмотрели по каналу «Культура» программу, вернее, вторую часть вчерашней «Театральной летописи XX века. Евгений Весник». И я задумалась, что и нам уже есть кого вспоминать.

Серёжа сразу после просмотра первой части (вчера) позвонил Евгению Яковлевичу. Подошла его жена Нонна Гавриловна. Евгений Яковлевич был дома и тоже смотрел TV. Серёжа передал ему благодарность, растроганность воспоминаниями о войне. И я увидела (впервые за девять лет), что, разговаривая по телефону, Серёжа прослезился. Вешая трубку, сказал, что Евгений Яковлевич смотрел фильм и растрогался, что так хорошо его «сделали», а он — вместе с ним...

И я вспомнила, как на дне рождения Евгения Яковлевича он рассказывал о поездках, театре, о походе Гриценко в «Анне Карениной» (Е. Я. коллекционирует походы). [Пишу лёжа, Чуча — под мышкой, поэтому неаккуратно.] Вот и первый рассказ о Е. Я. Веснике.

Другой — об А. А. Вознесенском. Я советую Сергею всё записывать для памяти. Например, как Сергей звонил Вознесенскому с просьбой разрешить опубликовать его реплику о «Книге легенд». Это интересно с психологической точки зрения. Сергей, ценя Вознесенского — поэта-новатора, профессионала, — вручил ему на вечере «Истоков» только что привезённую из типографии «Книгу легенд», и услышал в ответ: «Позвони через неделю!» Это было в четверг.

Через неделю Сергей звонит. Подошла Зоя Борисовна и сказала (было ~ 9:20), что А. А. ещё не вставал (несмотря на распорядок — время утренней прогулки).

Сергей перезвонил в пятницу. А. А. сказал, что ещё не прощёл, просил перезвонить в воскресенье.

В воскресенье Сергей с робостью опять набрал номер А. А. И вот Вознесенский сказал, что здорово, познавательно, много имён, интересны примечания... И в таком духе.

Я подсказываю: «Спроси о Венке сонетов!» Сергей спросил. А. А. сказал, что Венок ему понравился меньше легенд.

Я опять: «Спроси про картинки!» Сергей спросил. Вроде бы хорошо, гармонируют с текстом...

Вот и всё.

Вечером Сергей говорил с Рой, заинтересовавшейся мнением А. А., и вот — новая проблема: опять звонить... Для Сергея — очередной «напряг», т. к. ему неудобно лишний раз беспоко-

ить Вознесенского, но нужно спросить разрешения на публикацию.

В понедельник Сергей опять набирал номер Вознесенского, но его не было, позже Зоя Борисовна ходила за А. А., но связь разомкнулась, и... Сергей постеснялся перезванивать. Всё переживал. И лишь во вторник, набрав номер, сразу попал на А. А., зачитал ему отзыв, который сформулировал по их предыдущему разговору — и А. А. сразу согласился!

Сергей вздохнул спокойно, как камень с души свалился! Вот и вторая зарисовка.

Третий рассказ, пожалуй, об Аннинском. Когда мы жили на турбазе под Туапсе в сентябре 2000-го в соседних домиках (был слёт ДИМСИ).

Домики фанерные: одна дверь (со стеклом), рядом окно, небольшое крылечко. В комнате две железные кровати с провисшими панцирными сетками. Ночью прохладно. Поэтому я укутывалась: купили тёплые пушистые носки, надевала халат и кофту — во всём этом забиралась под одеяло из фланели, а может, тонкой шерсти и ещё накрывалась сверху покрывалом. Долго не засыпала — пока не согревалась. Сергей — более стойкий к холоду — редко, по моему настоянию, надевал футболку (засыпал сразу).

Вечерами были мероприятия с детьми в зале, затем прогулка к морю и сон.

Вот уже погасили свет. Тихо, только редко вскрикивает филин. Народ далеко (ближе к морю) — наш дом почти в конце лагеря, и звуки сюда не долетают. Только фонарь освещает «улицу» между домиками, и тени веток деревьев грецких орехов лежат на занавесках двери и окна. Сергей уже засопел, значит, спит. Я, натянув одеяло на нос, оставила только глаза. Скорее надышать, согреться и заснуть. Тревожно. [Мы же почти на границе с Чечнёй. Позже, уже в Москве, почти сразу по приезде услышали в новостях о случаях взятия заложников на Черноморском побережье Кавказа...]

Вдруг на дверной занавеске бесшумно возникает тень человека, которая растёт. За круглой головой уже вижу очертания рук, упёртых в бока — или что-то в руках? Оружие? Стук в дверь.

Хочется кричать. Сергей спросонья спрашивает: «Кто?» И слышу в ответ голос Льва Александровича Аннинского: «Ребята! Вы спите? Я уху вам принёс!» Я вскакиваю и распахиваю дверь. На крыльце стоит Л. А. со здоровой кастрюлей в руках: «Нас угостили удивительной ухой из хариуса. (Правда Сергей говорит, что было сказано: из форели.) Мы ели, ели, и Александра Николаевна сказала, чтобы с вами поделиться!» Протягивает мне кастрюлю и удаляется.

Я, ошарашенная, стою с кастрюлей. Сергей садится в кровати, готовый есть. Но чем? Ложек и вилок нет. Я наливаю ему стакан бульона, и он с удовольствием его выпивает и просит второй. Руками вылавливаю со дна куски рыбы и делю на двоих, стряхивая с них картошку.

Сидим: я за столиком у окна, Сергей на кровати — обсасываем каждую косточку. Действительно вкусно, нежно.

Утром, вымыв кастрюлю, возвращаю её А. Н. Оказалось, их угостил местный поэт, который специально для них готовил уху.

Сейчас Сергей прочёл новое стихотворение о конце зимы. Короткая строка. Как будто я его уже слышала. «Позвони Черняку, спроси». Сергей так и сделал. Вадим Григорьевич предложил поменять местами две последние строфы, а в целом — хорошо!

Вот это поэтический слух! Это врождённый главный редактор!

27 февраля 2001 г. (вторник)

(~ 9:20) Есть немного времени до работы. Вчера устала и не смогла записать яркие впечатления, хотя я была в двух мастерских. Утром — у Натальи Баженовой (матери Кости, нашего третьекурсника), которая приехала из Польши и привезла вызовы для студентов (Лены Косяченко и её подруги). Но главное — у Анатолия Владимировича КУЗНЕЦОВА. Его мастерская недалеко — на улице Вавилова, у рынка, куда мы с Ирой Фетисовой дошли пешком от метро «Профсоюзная».

На протяжении почти всего посещения я держала в руках и рассматривала дневники-зарисовки. Это собственноручно пере-

плетённые А. В. тетради по 400 страниц (об увиденном — в картинах, начиная со студенчества). Немного текста, порой даже не связанного с рисунками, как, например: «Сегодня болела голова» или «Снег этой зимой ещё не выпал» и т. п. Конечно, это просится в отдельное издание. Может, со временем так и будет. Первые рисунки ~ 1969–1973 гг. — более заштрихованные (всё выполнено пером и тушью), менее лаконичные, тоновые. Последние — силуэтные, многие без тона. Есть и натурные рисунки, «один к одному» (как сказал А. В.: «В «натурных» одна цель — сделать «1:1»). Есть и такие, в которых штриховка создаёт расплывчатость контура. А в некоторых глубокие тени, сделанные стократной штриховкой, становятся «бархатными». Темы разнообразные: Дагестанский дневник — которым А. В. гордится — с зарисовками деталей одежды, утвари, сторон быта (таких как укутывание женщинами круглым камнем-катком глиняных крыш после дождя), животных и, конечно, гор; Рязанские окрестности — откуда А. В. родом — где прошла юность и чувствуется радость воспоминаний о ней; все поездки, связанные со съёмками фильмов — «Экипаж» и др.

Смотрели живопись. На стенах — небольшие этюды Рязанщины, два автопортрета разных лет, портрет дочери и двойной портрет с ней же, недописанный портрет умершей жены с котом (на тёмном, почти чёрном фоне и с голубыми глазами кота)... На мольбертах — две большие, в разной стадии незаконченности, работы: 150 × 130 и 150 × 140 — любимые размеры А. В., почти квадраты: то ли упавшие, то ли падающие яблоки, летящие или квазиустойчивые женщины, лестницы, окна. Все картины А. В. называет «натюрмортами». Даже в названиях — например, «Натюрморт с девушкой». Фетисова пыталась возражать по поводу «неживой, мёртвой» природы, но А. В. воспринимает натюрморт как расстановку по желанию художника всего чего угодно — людей, луны, предметов, т. е. создание из реальных вещей своего мира.

Из всего виденного сложно что-то выделить, всё сделано качественно, тонко, красиво (в художественном смысле, а не в смысле красоты), гармонично, порой неожиданно. Условно есть отдельные периоды, но они переплетаются между собой:

тёмные — тональные натюрморты на лаке; падающие, неустойчивые натюрморты; летящие, бегущие, лежащие — с петухами, с орнаментами скатертей, платьев, занавесок, яблок, посуды...

А. В. показал часть своей коллекции драпировок — всяких тканей (даже изнанки с сочетанием цветов, тонов), которые он использует в работе. Ему их дарят, привозят, а бывает — выпрашивает у дочери. Всё это аккуратно поглажено и сложено в ящичке в шкафу.

Мебели в мастерской мало: большая массивная антресоль с работами разных размеров, в закутке за лестницей — диванчик для отдыха. С диванчика через красивое деревенское зеркало видно работы на мольберте. А. В. говорит, что иногда лежит и думает, как быть дальше с картиной. Длинный стол, надставленный с двух сторон для гостей, с ножками от этюдников...

Кроме размещённых на мольбертах, семь-восемь незаконченных работ стоят в стороне. А. В. их показал, начиная с самой последней — про карьер (кстати, в Дневнике была его зарисовка), далее — женщина, летящая над натюрмортом; осенняя листва с летящей или падающей женщиной...

Сначала он ярко «обозначает» композицию. Затем прописывает темнее, потом постепенно вытаскивает цвета, иногда затемняя снова, если высказывает что-то (по его выражению — «лессируя»). О лессировке с Фетисовой возникли разногласия: Ира её понимает в более узком смысле, как послойную, мелкими мазками, прозрачную живопись, а А. В. — как подкладку под цвета, создание среды...

Смотрели темперу: для создания среды — размывается водой. Его тётя, увидев несколько темперных работ о Рязанщине, назвала их «праздничными», что А. В. счёл за большую похвалу. Они действительно светлые (возможно, разбелённые): голубые, салатовые, желтоватые («сено с лошадкой»).

7 апреля 2001 г. (суббота)

(~ 19:00) Отхожу от вчерашнего стресса: стычка Сергея и Андрея. Сергей педант (в некоторых вопросах, в данном случае — порядка на кухне). Порядок был. Но стоял на плите

сотейник с остывшей капустой и кофейник с остатками кофе. Сергей пошёл в комнату к ребятам (Андрею и Татьяне, которая у нас живёт уже с февраля месяца). Хотя Сергей убеждает себя, что был спокоен, но я ему говорю: «Посмотри на своё лицо: губы сжаты, глаза — два буравчика, весь красный». Говорит — чеканит слова: «Убирать надо...» В ответ: «Когда захочу — убе-ру...» Далее: «Надо сразу...» — «Что ты меня учишь, как жить...» Андрей уходит. Сергей хватает рыжий сотейник (который я успела убрать в холодильник) и несёт в комнату к ребятам. Я бегу за ним, пытаюсь схватить за коричневую рубашку, но не могу, он выскальзывает... Андрей несёт сотейник назад. Всё как в плохом фильме. Нет конфликта, но много шума. Я уговариваю Сергея быть выше, умнее, уступать. Сергей считает, что уступать нельзя, иначе всё загадят.

Сергей всех завёл: себя, меня и ребят. А ведь была пятница — предвкушала два дня отдыха. До сих пор внутри дрожь и всё из рук валится.

Я согласна на всё: обмен, разъезд... лишь бы было тихо и мирно.

Сергей договорился до того, что если так, то его здесь не будет.

Мне всех жалко. Себя — радовалась, что все скандалы с Андреем позади; Андрея — что он несобранный, и все его будут шпынять, как Сергей; Сергея — у него стала дёргаться голова, я думала, что он (сидит напротив) читает стихи про себя и изредка дёргает головой вниз и вправо, а это оказался... нервный тик.

Ребята уехали на ночь к Татьяне в Балашиху. Сергей, чувствуя себя виноватым передо мной, вчера и сегодня пытается всё загладить добрыми словами, ласками. Но я чуть что — плачу... Маму вспоминала (как мы с ней дружно, хотя и немного, жили). Как она ждала меня с работы, приготовив «сюрприз» (это после операции): то раковину вымоет, то до магазина дойдёт и купит молока, то кашу сварит... По ТВ показали погибшую подлодку К-8 и фото моряков — я опять всплакнула... Вот такая суббота.

Вслед за А. В. Кузнецовым я всё-таки сделала книгу для рисунков (с обложкой из замши). Кое-что начала рисовать, но не каждый день, как он.

Ещё с Сергеем ходили на открытие Арт-салона, куда нас пригласил Кулаков. Были Нестерова, Звонарёва, Черецкая — от НГУ и все друзья Кулакова — художники, из которых я знала (кроме, конечно, Алимова и Кузнецова) Лукьянова, Медведева, Назаренко, сына (старшего) и жену (Галину Петровну), других в лицо не знала.

Кулаков был единственным, выставленным от МСХ, и — в самом центре зала основной экспозиции.

Побродили по всей выставке. Сергею понравились скульпторы: коты и ещё гимнастика с обручем.

Мне — Вайс (или Вейс).

Сегодня Сергей успел встретиться с Львом Александровичем Аннинским (у него день рождения — 67 лет!) и передать «птицу» (так мы называем ксилографию с обложки «Книги легенд»).

21 мая 2001 г. (понедельник)

(23:15) Уже и майские праздники прошли. Открыли дачный сезон 4–6 мая (посадили зелень да ведро картошки, которое дал Владимир Иванович). В. И. после операции на желудке: исхудал, но держится молодцом. По обыкновению угостил солёными огурцами.

Обновили био-туалет. Ничего. Посмотрим, что дальше. Как сказала тётя Ира (папина сестра), новостей в деревне много: сосед сзади отравился, сосед, кормивший собаку — сгорел... 4 и 5 мая не было электричества, пока Виктор, сын В. И., не нашёл окислившиеся контакты... На даче мне нравится!

Сергей побывал в Польше — в Варшаве — на Международном дне поэзии с Дударевым и Ананичевым.

Теперь я с фотоаппаратом. На выставке «Москва-Петербург» в Манеже отсняла 18 кадров с Кулаковым, Алимовым, Кузнецовым, Суховецкой, Медведевым, Максимовым, Суховецким.

1 мая съездили в Переделкино к Ане Гедымин. Погуляли. Опять не попали в музей Пастернака, но побывали на его могиле...

Я от НГУ плавала на теплоходе в Сосновый бор с Сергеем Александровичем Алимовым и Натальей Михайловной, Анатолием Владимировичем Кузнецовым и Ириной. После шашлыков из свинины и осетрины попили вина, поели. Хорошие фото. Познакомилась с Константином Кедровым.

Готовимся к V выставке Академии живописи НГУ в ЦДХ.

Я готовлю три работы: «Рекламная компания» (из Белорусского вокзала), портрет Шуры, «Двойная постановка» («Художник и модель, или Солнце в мастерской»).

Интересна реакция преподавателей: Кузнецов хвалит, а Кулаков требует дописать.

Графику по «Фаусту» — не успею. Попробую по Телюку — гравюры к «Легендам».

Волнуюсь за Андрееву защиту: филонит, ничего не делает.

Игра в семейную жизнь выйдет боком (и не с такими характеристиками ломались). Надо же за полгода до выпуска начать интересоваться кулинарными рецептами, заработками и чистотой в комнате...

Хотя и у Тани выпуск и экзамены в мединститут.

Испытываю внутренний дискомфорт: опять попала в колею (от чего я ушла из Министерства). Куча обязанностей и мало времени на своё творчество. Ужас! Мечтаю, что в 2002 году смогу всё или частично бросить.

Отмечали день рождения Кулакова в среду 16.V (т. к. 14 мая его не было в мастерской). Интересно. Кузнецов с Кулаковым сошлись во мнении, что мастерская может если не погубить, то и ничего не дать. Страшно одному сидеть в ней и не писать. Страшны одиночество и невостребованность.

Сейчас золотая пора: мы должны сделать много вещей и к выставке, и к просмотру! А писать «в стол», для себя, может не каждый!

29 июля 2001 г. (воскресенье)

(за 21:00)

Памяти Андрея Апухтина

*Рой комаров, слепней...
Июль. Деревня —
ни облачка над ней,
лишь голос певня
своим «ку-ка-ре-ку»
в жару тревожит,
вокзальному гудку
подобья множит...
От будущих потерь —
одна морока.
Куда ещё теперь
зовёшь, дорога?*

**28–29 июля 2001 г. Сергей Телюк.
Ильинский Погост**

Сегодня, когда мы ехали на «ласточке» из Ильинского Погоста в Москву (Сергей, я, Наташа Шумянкoва и Сергей Артамонов, двоюродный брат Андрея Апухтина), в 14:00 в Могилёве, так и не выйдя из комы (с 24–25 июля), умер в реанимации Андрей Апухтин.

Сообщил об этом Сергей Серебров, дозвонившийся до больницы в Могилёве, где лежал Андрей. И, по-видимому, ни дочь Андрея Юля, ни его жена Лена ещё ничего не знают...

Вчера вечером, разговаривая с Леной, мы всё надеялись на чудо. Не верилось, что может случиться самое плохое.

И только Сергей писал это стихотворение, у которого сегодня появилось название...

Коротко о:

— 24 мая Гриша Нестеров топал на меня ногами: «Вы лично у меня украли в прошлом месяце десять тысяч рублей». Пояс-

няю: табели на Кулакова, Алимова — не по их фактическому приходу, а больше...

Г. Г. Нестеров и А. И. Кочума (кабинет на двоих — что-то новое!) ну никак не достанут Кулакова, последнего декана из всех факультетов Университета, который ещё ни разу не менялся! Они считают, что 22 академических часа по 150 руб. (проездной на метро, один килограмм колбасы, < 20 литров бензина), т. е. 3300 руб. (~ 110 \$) — много мастеру Кулакову за два рабочих дня в неделю. Да и народному художнику, академику РАЖ Алимову 12 ч. × 150 руб. = 1800 руб. (~ 64 \$) многовато за один день, а это — 40 студентов (со всех курсов)!

Вероятно, и я знаю много лишнего, а именно:

— фиктивные данные при лицензировании и аккредитации Университета (даже есть копии некоторых документов — ну на всякий случай!).

И вообще неудобно, когда рядом люди умнее, талантливее, профессиональнее!

«Ушли»: троих из хозотдела (в один день); двоих из бухгалтерии (скромных, порядочных, воспитанных) — и всё около 24 мая.

Я с 25 мая слегла с давлением на больничном до выставки 31 мая. Кулаков говорил с Нестеровой: если уйдёт Телюк, то уйдём и мы все (это редко в НГУ, когда заступаются деканы, обычно «съедают» поодиночке, при всеобщем молчании).

В среду 31 мая состоялось открытие V выставки АЖ в ЦДХ (зал № 21). Были от нас: В. Оскоцкий, И. Нагаев, В. Лунин, родственники и друзья — Телюки: Татьяна Алексеевна и Юрий Пантелеймонович, тётя Нина, Н. Шумянкoва, С. Довгер с Ю., Г. и С. Мозалёвы, И. Фирова.

От Кулакова: Лошаков и искусствовед...

Мои работы: четыре графики из «Книги легенд» и живопись («У метро «Белорусская», «В мастерской», «Девушка в костюме Колумбины»).

Сергей в четверг или пятницу, 26 или 27 июля, разговаривал по телефону с А. А. Вознесенским — поблагодарил за отзыв на

«Книгу легенд», на что А. А. сказал: «Не стоит. Книга сильная (мощная) сама по себе».

Во вторник 31 июля едем в Гданьск через Калининград с Алеевыми, Аннинскими, Дударевым, Оскоцким...

1 сентября 2001 г. (суббота)

Прошёл месяц, но ушла жизнь:

20 августа в 15:00 умер Юрий Пантелеймонович, отец Сергея.

Последний раз мы виделись в воскресенье 12 августа — навещали в больнице, куда он попал, почувствовав себя плохо на даче. И вот уже три недели как врачи лечили его сердце, почти сняли отёк ног и живота.

Но в субботу 18 августа в 18:00 начался отёк лёгких, который невозможно было остановить.

В понедельник днём, часов в 14–15:00, к нам приехала на велосипеде Тоня и сообщила, что звонила Наташа — сестра Сергея — с известием, что всех родственников собирает врач, т. к. Ю. П. стало хуже. Мы начали собираться. И в Москве были к вечеру.

Но пока Сергей был в ванне, позвонила, рыдая, Татьяна Алексеевна с сообщением о смерти.

Когда Серёжа вошёл в комнату, я не знала, что и как передать: то ли попросить сесть и выслушать, то ли ещё что. И сказала: «Серёжа, как ты? Ничего? Серёжа, умер твой папа...» Сергей стоял у своей полки в «Хельге» и сразу напрягся. Далее — не помню последовательности. Но ночью Сергей шмыгал носом — плакал.

Похоронили Ю. П. рядом с его любимой Немчиновкой, на церковном кладбище в Ромашково, в одной оградке с отцом и дедом.

Поминки прошли в кафе «Орнамент» (Люсиновская, 53), было 25 человек.

20 же августа вечером Андрей сказал мне, что они с Татьяной решили подать заявление, что и сделали 31 августа. Свадьба будет 5 октября, скорее всего, у нас.

Были в Польше: Гданьск, Сопот, Гдыня — с 31 июля (билет в Калининград) по 10 августа (отъезд из Калининграда). 11 августа — уже в Москве.

Все подробности на фото.

Но хочется отметить:

— что после чтения стихов в Ратуше Гданьска (где, кроме Сергея, ещё выступали Дударев, Ананичев и Паскаль) Л. Аннинский, сидя на прощальном банкете и рассказывая что-то по истории славян, обратился к Сергею: «Ну, ты знаешь!» — так по-дружески и серьёзно! Сергей считает это неким профессиональным признанием;

— Ю. Дружников (чьи произведения обсуждались на конференции) также хвалил Сергея и Валеру Дударева за стихи.

С 27 августа я вышла из отпуска. Г. Г. Нестеров сказал, что зал у нас забирают, но дают другую аудиторию (как оказалось — длинную и узкую, очень неудобную для мастерской).

Созвонилась с Кулаковым, он не возражал, т. к. на «Белорусской» всем очень удобно.

Также Кулаков сообщил, что ему дали премию мэрии за 2001 год и серебряную медаль Академии художеств.

Однако до сих пор зав. кафедрами НГУ не отвезла документы на Кулакова (которые мы за неё давно подготовили) для присвоения ему звания народного художника. В общей сложности более полугода НГУ тянет с представлением, скорее это политика против Кулакова...

Я собираю материал для диплома. Тема — «Семья». Надо делать иллюстрации к «Знамкам зодиака». Но нет настроения.

23 октября 2001 г. (вторник)

(~ 21:00) В пятницу 19 октября ~ в 20:00 на 67 году жизни умер Саша Аронов.

Таня, его жена, сказала, что он не дошёл одного шага до своего кресла — обмяк, взгляд устремился в бесконечность. И умер.

18 ноября 2001 г. (воскресенье)

(~ 12:00) Я спросила Серёжу: чем поза отличается от индивидуальности, ведь и в том и в другом случае человек выдумывает.

Ответ был такой: темы все одни и те же. Новых тем практически нет. Человек, который не знает тему, встаёт в позу «знатока» и пишет не своим голосом (либо, передирая у кого-то, что чаще всего встречается, либо, подражая кому-то, иногда даже не зная об этом).

Индивидуальность — когда закрываешь автора, но по слогу, ритму, неким особенностям угадываешь, кто написал (Пастернак, Блок...). Он использует те же темы. Меняется только время. Пишет в том времени, когда живёт, и как сам его переживает.

Серёжа, среагировав на слова песни «Мне нравится, что вы больны не мной...», грустно заметил, что ему ещё не удалось так тонко передать любовные переживания, и процитировал: «...И не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами...»

1 февраля 2002 г. (пятница)

(12:20) Серёжа утром сказал: «Как летит время! Уже 1 февраля, скоро весна! Ещё недавно был ноябрь-декабрь. А тут грядёт весна — скоро дачный сезон откроем...»

На это я ответила: «В детстве дни были длинные. Месяцы и года тоже. А теперь — только мелькают».

Вчера в редакцию «Истоков» к Сергею заходил Щуплов — по поводу публикации одного талантливого парня из Крыма. Сергей рассказал Щуплову о своей идее: создать аналог Козьмы Пруткова — образ некоего героя Андре Тёмока (псевдоним), автора графоманистых, назидательных, ёрнических стихов... Щуплов подхватил идею и предложил добавить в биографию А. Т. деталь, что он сын Фестиваля 1957 года в Москве, его отец француз. Щуплов сказал, что у него кое-что есть для этого героя, и он не прочь стать соавтором, а вариант русского име-

ни предложил — взяв «Истоки» за январь 2002 года — Фёдор Экземпляров.

Сергей уже неделю с азартом «обкатывает» нового героя. Просеял свои стихи и отобрал из них те, которые после небольшой доработки войдут в первую подборку Андре: три стихотворения «Письма к писателю», «Намба сри», «Ожидание весны», со словами «...ляжки девиц, будто мелькают здесь и там...» (всё привожу по памяти, могу ошибиться), «Взять бы коня под уздцы...» и др.

Меня он подталкивает к рисункам: портрет героя, его дела, жизнь и всё-всё...

Я ещё «Зодиак» не закончила. 12 иллюстраций в основном готовы. Но их надо сравнить, обобщить + не начинала обложку. [Уже пропало три дня из-за болей в спине. Лежу. Что-то там защемило...] Надеюсь всё сделать за выходные дни (2–3 февраля).

На книгу переводов венгерского поэта Белы Риго «Знаки зодиака» автор прислал 250 \$ (по расчёту годичной давности), которые шли очень долго. В результате за 300 экз. придётся немного доплачивать вскладчину (~ 40 \$)...

Но Сергею всё равно приятно, что это первая книга не за наш счёт, хоть и переводов. Пусть в ней ещё куча людей: два стихотворения переведённые Виктором Луниным, Саша Ананичев с интервью, две статьи — Лолы Звонарёвой и Наташи Алеевой, и даже — в последнем абзаце у Лолы — рязанцы в виде «композитора Ермакова» («С какой стати?» — спросил Сергей у Лолы. — «Б. Р. его любит и знает», — был ответ). Это всё можно стерпеть, т. к. «паровоз» — переводы, точнее, вольные переводы «Знаков зодиака» — по сути, это стихи Сергея на заданную тему!! И он этому очень рад!

Я на «дурачком» дипломе. Пишу картину (120 × 200), которая мне самой не по душе, но сойдёт за диплом, и думаю, что вот-вот её закончу! А потом буду делать всё, что захочу... Благие намерения!

[Сижу на кровати. Болит спина. Хочется многое записать, но нет сил — попробую лёжа...]

Что нового за январь?

У Сергея. Был вечер «Истоков». Я не ходила, скучно там. Рой сдала позиции альманаха: больше всякой посредственности да по знакомству. Редко — интересный автор. Сергей на вечере прочитал два новых стихотворения.

По ошибке второй раз (до этого — летом) в «Литературных новостях» дали отзыв на «Книгу легенд». Тут уж прочли больше людей, и даже Наташа Рожкова позвонила и сказала об успехе, раз Лев Аннинский дал такой отзыв-эссе. Серёжа радовался.

Вообще он как ребёнок радуется всему хорошему, вернее, по-детски: повторяет, спрашивает, всё время говорит об этом и — ходит довольный. Это его стимулирует к работе. Подбадривает.

Во вторник 5 февраля в Музее Маяковского ему должны что-то вручать «по результатам Артиады 2001 года» — за «Книгу легенд».

Тут накладка. У меня в тот же день открытие выставки группы «Наши люди» в 17:00 (у него в — 18:00). Мы хотим успеть туда и туда.

«Наши люди»: Лена Акимова (IV курс), Лиза Колонова (уже закончила), Оля Самовская (ассистент), Нина Чистякова с Ирой Фетисовой (V курс), Димон Урусов (III курс) и я = семь человек. Всех объединяет мастерская Кулакова, Алимова и Кузнецова. В пресс-релизе каждому дали девиз (мне досталось «В тихом омуте черти водятся», а первоначальное «Старость в радость» — отмели). Основные принципы: не продажность; не салонность; пластика + композиция; красота обыденности, простоты.

Пригласить прессу дорого: 200–300 \$ (зал — 800 \$). Денег нет. Я понесу, вернее, Сергей — пять работ старья. Зато благодаря выставкам появился дополнительный стимул для работы.

У Андрея с Таней всё (тьфу-тьфу-тьфу) ничего. Таня ходит с округлившимся животиком. Сдала первую сессию. Ждём в апреле внука. С переездом — тихо.

7 февраля 2002 г. (четверг)

(13:30) Пока из-за болей в спине сижу дома, читаю: проглотила подсунутый Наташей Бесчеревных (сестрой Сергея) детектив Дарьи Донцовой «Сволочь ненаглядная», сейчас тружусь над книгой Юрия Дружникова «Дуэль с пушкинистами» (М., 2001). Последнее интереснее...

Вчитываюсь в «Дуэль...»:

«... Вся жизнь вольно или невольно наблюдая за многочисленными русскими писательскими жёнами, мы постепенно пришли к выводу, что они делятся (хотя, конечно, такое деление условно) на три категории.

Первая категория: жена-вдохновительница. Такая супруга — единомышленница, соавтор, первый читатель, советчик, стенографистка, машинистка, редактор, корректор, менеджер, литературный агент, etc. Примеры: Софья Толстая, Анна Достоевская, Надежда Мандельштам, Вера Набокова, Мария Синявская, другая Наталья — Солженицына... Если присовокупить ныне здравствующих писателей, набирается не так уж мало подобных жён.

Вторая категория: нейтральная жена. Не мешает, но и не помогает, не препятствует, но и мало или из вежливости интересуется, мирится с писательством, как с инвалидностью. По-видимому, самая распространённая категория.

Третья категория: жена мешающая, отвлекающая от литературы, тянущая вниз, требующая заняться чем-то более практичным, дающим больше денег. В конце, если нельзя продать, выбрасывающая на помойку архив мужа и быстро выходящая замуж за положительного военного или чиновника. Нам кажется, такая крайность — довольно редкое явление».

Я задумалась, спросила Сергея о себе, в надежде, что он отнесёт меня к первой — и оказалась права. Но при этом он не стал продолжать тему. А я про себя подумала о других жёнах и нашла кандидаток в третью категорию, включая жену Андрея Апухтина (хотя после его смерти она опомнилась) и других.

Однако я знакома (и наслышана) с жёнами первой категории: с женой Евгения Весника Нонной Гавриловной и виденной неоднократно (но не общались) женой Андрея Вознесенского Зоей Богуславской...

Ещё: «А что оставила жена поэта о других, даже о близких ему и ей людях?..»

Вот ключевая фраза моих записок! Наверное, именно чувство ответственности (?) заставляет меня писать эти строки о нас и нашей жизни. Возможно, для кого-то потом это будет важно и интересно. А может, и Сергей что-то использует в своих работах, будущих мемуарах и др.

Что же, мне хочется быть идеальной женой поэта? И да, и нет. Мне это всё самой ужасно интересно: наблюдать, анализировать и записывать (ведь память у меня плохая, а тут — будет к чему вернуться через годы).

Сергей всё созванивается с Лолой Звонарёвой по поводу вёрстки книги «Знаки зодиака». И Лола вдруг спросила, почему Валера Дударев читает одни и те же стихи. Сергей «мягко» объяснил это тем, что у него ещё мало житейского опыта, впечатлений, что он их скрупулёзно вынашивает.

Положив трубку, подошёл ко мне (я лежала в спальне с дружниковской «Дуэлью»). «Когда же Валера будет развиваться дальше? Почему он пишет-придумывает о старушках, деревнях и т. п.? Если так будет продолжаться, то он просто погибнет как поэт».

Сергея всегда раздражает поза, любая, какая бы она ни была — религиозная, деревенская...

5 февраля. В ЦДХ, в зале № 11 мы с Сергеем оказались лишь в 16:30, хотя я обещала прийти раньше, но задержалась «со спиной» у физиотерапевта. Этикетки ребята повесили, столы почти накрыли. Все авторы в сборе. Гости стали собираться к 17:00. Появилось ТВ с канала «Столица» — Анжелика Анжелевская. Стала меня спрашивать, что это за выставка.

Я пыталась объяснить, что выпускники и старшекурсники Академии живописи — семь человек — решили показать свои работы.

Она: те, у кого есть деньги?

Я: те, у кого есть что показать. Ну как импрессионисты в своё время объединились, чтобы показать свои работы. А у наших денег нет. Посмотрите на рамы — это не итальянский багет для продажи, как в соседних залах. У нас одни учителя (Кулаков, Алимов, Кузнецов), которые учат видеть красоту в обыденности и т. д. и т. п.

Познакомила с Кулаковым и Алимовым.

Вечером мне не удалось посмотреть репортаж, но утром в 10:00 по «Столице» было повторение.

И что я слышу: художники из Академии живописи Н. Нестеровой решили объединиться в группу «Наши люди» и как когда-то импрессионисты организовать выставку! Далее Самовская говорит два-три предложения о деревенской теме. Потом закадровый комментарий о красоте быта. Всё. Ни Кулакова, ни Алимова, ни наших фамилий — никого и ничего...

Очень трудно «чужому» (в смысле занятия) человеку, пусть даже хорошему журналисту, объяснить в двух словах о цели занятия живописью.

И приходится «цеплять на крючок», рассказывая о работах, сделанных не на продажу, об учителях (авторах-художниках «Бонифация», «Экипажа», «Сказке о царе Салтане»), об имеющемся уже высшем образовании (у пяти человек из семи), а также о потребности писать картины: у бывшего инженера — Оли Самовской; у кандидата медицинских наук, матери троих детей — Иры Фетисовой; у «качка», бойца без правил — Димы Урусова; у преподавателя истории в школе — Нины Чистяковой; у бывшего министерского работника — меня, любимой; у тусовщицы, фэнши современных групп — Лизы Колоновой; у преподавателя живописи и рисунка инвалидам (взрослым и детям) в спецшколе — Лены Акимовой. И когда Анжела Анжелевская пытается понять поступок этих людей, она только может ахать и восклицать: «Неужели?!»

30 июня 2002 г. (воскресенье)

26 июня прошла защита дипломной работы.

Председатель ГАК — Евгений Николаевич Максимов, зав. каф. живописи Суриковского института, академик-секретарь Академии художеств, чл. правления МСХ (монументальная секция).

Члены комиссии: В. А. Кулаков — з. д. и., С. А. Алимов — н. х., А. В. Кузнецов — н. х., А. Б. Суворов, Л. У. Звонарёва — д. чл. РАЕН, А. Г. Лупандина — канд. иск-я.

Гости: студенты, Сергей, жена Кузнецова (Ирина).

Я шла первая (далее — Саша Власова, Ольга Александрова).

Кроме диплома «У моря», рядом на мольбертах стояли композиции, написанные в Академии живописи: «Ковчег», «Рождество», «Завтрак», «Серёжа и Чуча», «Автопортрет», «В мастерской», «У метро «Белорусская».

Каждый из чл. ГАК отмечал понравившуюся ему композицию. «Ковчег» очень понравился Кулакову (тёмный квадрат входа, закрученные фигуры зверей, облака и небо); «Завтрак», «Автопортрет» и «Серёжа и Чуча» — Суворову; «У метро», «В мастерской» — Кузнецову; Максимов отмечал профессионализм работ. Все говорили хорошо. Не повторить. Даже было неудобно присутствовать при этом.

В самом конце — слово выпускнику. Не зная, что говорить, рассказала о трудностях: как поставила новые для себя задачи — написать яркую работу «кисточкой». И то и другое было ново + сложность с большим форматом. Помогали преподаватели: Кулаков с эскизом, Кузнецов с картиной (цвет платья бабушки — отблеск от земли — обобщающее красно-коричневое; а также руки правой группы и молодого человека), подсказывал, как сделать небо. Кстати, небо перекрашивали более всего — от серого до синего, бирюзового, с переходом от светлого с розовыми облаками на горизонте до насыщенного сине-фиолетового над головой. Конечно, картина получилась не до конца, но радость лета, жизни чувствуется: беззаботность отдыха, преемственность поколений, бесконечность природы, органичность человека и среды — это главное.

Объявили оценки: мне и Власовой — 5, Ольге — 4. Председатель комиссии — Максимов — хотел поставить всем «пятёрки», но преподаватели возразили, ведь в отличии от нас с Шурой, Ольга работала не сама, за неё практически всё написали Кулаков с Кузнецовым. И даже по завершении этого Вадим Алексеевич предупредил, чтобы Оля ничего не трогала — а то испортит!

После защиты — стол. Мы составили меню, разделили, кто что покупает и делает. Я — куриные ножки с картошкой, селедка, мидии, солёные огурцы, оливки; Шура — оливье и овощи; Оля — салат из свежих овощей + питьё.

Ольга — отдельный разговор. Начиная с того, что она не писала дипломную работу, точно также со столом — постоянно ныла, что не хочет кормить весь Университет, что денег нет и т. д. и т. п. Я даже с ней поругалась перед защитой, примерно за неделю: можешь вообще не участвовать в «банкете». Кулаков всегда ожидал от неё чего угодно, называл сумасшедшей — очень переживал. Мне же она говорила, что, по её мнению, защита нужна, прежде всего, для собственного престижа Кулакову, и что он всё равно напишет за неё дипломную работу, а я зря целый год надрывалась, переделывала по несколько раз. Она же ничего не делала и в последний момент, в мае, принесла холст и эскизы (жуткие — виды города без композиций — на I курсе студенты делают лучше).

И самое ужасное, что её наглые высказывания сбылись в той части, что ей и впрямь сделали дипломную работу. Я её презираю.

За столом выступали все: от Максимова до родственников.

Председатель — первым, поздравил всех. Далее — преподаватели. Называли нас коллегами, себя — старшими товарищами по профессии. Потом — дипломники: Шура, я.

Я никогда не выступала на сборах, а тут прорвало. Начала с доисторических времён: как я в Евпатории познакомилась с пенсионеркой, которая занималась живописью. И закончила Сергеем и общими тенденциями в искусстве: надо искать себя, свой язык (а не копировать) и свою тему — близкую, окружающую тебя, понятную тебе, создать свой мир.

Мне самой интересно, смогу ли я это сделать, и вообще — есть ли у меня этот мир. Это задача на сейчас и на потом.

Следующие события — два — произошли в один день, 17 апреля 2002 года:

— рождение внука, сына Андрея, которого назвали Александром;

— переезд на новые квартиры: я с Сергеем на ул. Михайлова, 49-1-30; Андрей с Таней — на ул. Юных Ленинцев, 109-1-9 — практически одинаковые (однокомн., на третьем этаже пятиэтажек, с совм. с/у, тел., балк.). Различия: у нас дом кирпичный, у них — панельный, метраж соотв. 17 и 20, в середине (одно окно) и угловая (два окна в комнате), ходьбы от метро ~ 10 мин. и ~ 20 мин, у нас Кусковский парк в 20-ти минутах ходьбы, у них — Кузьминский парк в пяти...

Не хочу писать подробно об обмене, это сейчас несущественно. Единственный вывод, что, оказывается, есть люди, готовые обмануть всех (и друзей, и знакомых) ради 1 тыс. \$. Это и было проделано с нами соседкой по даче Сергея Демидова москвичкой Ириной Евгеньевной Лобзовой, вкрадчивой, тихой, елейной — как Иуда или Иудушка Головлёв, — считающей себя правой и обижающейся на то, что мы были недовольны тем (Сергей так прямо и сказал, что имеет к ней моральные претензии), что она нас «кинула»...

26 сентября 2002 г. (четверг)

(~ 14:00) Заглядываю: когда писала последний раз? Почти три месяца назад! Так редко пишу. Лихорадочно вспоминаю события за эти три месяца.

Приём в МСХ.

17 сентября, в секцию Монументально-декоративного искусства. Накануне, в понедельник 16-го, — развеска. Дали стремянку и — вперёд.

Нас шесть человек: Лена Косяченко — диплом о неполном высшем (четыре курса) 2000 г.; Оля Самовская и Лиза Коло-

нова — выпуск 2001 г.; я, Оля Александрова, Шура Власова — выпуск 2002 г. Кулаков с председателем отбирали работы для развески, у меня четыре: «Ковчег», «Автопортрет», «Зелёный н-т», «У метро» + монументальный проект кафе «Ковчег» (четыре развёртки + две перспективы). Рекомендовали нас преподаватели: Кулаков, Алимов и Суворов. Кроме нас было ещё четыре человека. Но на секцию прошли девять человек, одну девочку (не нашу) сняли. Мы прошли единогласно.

Правление же было в четверг 19 сентября. Мы пришли к 15:00 (всё на Старосадском), как договаривались — резать колбасу. Если на секции было человек 15, то правление — человек ~ 50. Все смотрели работы, затем поднялись наверх совещаться и решать разные вопросы. За это время мы «накрывали поляну». Ольга Александрова — асс в этом.

16 декабря 2002 г. (понедельник)

Быстро сверну тему: в застольном разговоре два художника (рыжий и бородатый), хваля «Ковчег», пообещали: «Веселитесь пока («позвездите» — как сказала бы Вика), вот принесёте работы на выставку — тогда посмотрим!...»

Через месяц выкупила билет:

— взнос в секцию — 50 \$ и 100 руб.;

— взнос 1000 руб. + 200 руб. — лишь с полочки в ноябре, 17-го.

Щуплов отказался от участия в Экземплярове, мотивируя тем, что это (материал, который передал ему Сергей) не совсем то, что он хотел и как представлял (очень серьёзно).

Сергей отдал книгу на рецензию для послесловия В. Г. Черняку, а затем — Л. А. Аннинскому!!! Договорились, что за рецензией придём к Аннинским в гости и посидим, поговорим.

Далее Сергей хочет дать рукопись Лоле Звонарёвой.

9 декабря прошла отбор на ПЕРВОМ выставкомее!!! Приехали с Сергеем в Старосадский к 12:00 с пятью работами («Ковчег», «Белорусский вокзал», «Конкурс», «Домик в деревне», «Поутру»),

показала четыре (Кулаков сказал: «Конкурс» — не показывать»), отобрали две: «Домик...» и «Поутру».

Выставка в Манеже посвящена 70-летию МСХ (~ с 20 декабря 2002 года). Радостно, что эти две работы самостоятельные.

16 мая 2003 г. (пятница)

(14:00) Впечатление, что время всё больше и больше сжималось. 14 и 15 мая был такой сгусток и плотность, что казалось, сейчас взорвётся. Сегодня уже 16 мая, но до сих пор его давление не уменьшилось.

Возможно, апогей был вчера. Но ощущение концентрированности не оставляет. Он ведёт (а в этом я опять убеждаюсь). Случается, что ни по какой теории вероятности не должно произойти. Ловятся не единицы процентов, а десятые, сотые доли процента.

Но не всё дано и нам с Сергеем. Мы так до конца и не поняли речь А. А. Вознесенского, когда говорили с ним в ЦДЛ. Его глаза «говорили», руки писали, а звуки и, казалось бы, самые доступные для понимания слова оказались недостижимыми для восприятия — подвела болезнь. И, может быть, суждено остаться загадкой надписи благодарности («Спасибо за Δ-ку») в его книге. За что? Почему нам?

Может, нужна была такая передача энергии как эстафеты. Должно было ЭТО произойти — и произошло. Возможно, понимание ещё впереди, и мы его ещё не стоим. Но есть ощущение, даже какая-то уверенность, что и А. А. это почувствовал, и сделал всё, что должен был сделать.

Выводы — впереди! Сначала факты.

Сергей купил два билета в Зал Чайковского на 14 мая 2003 года, на юбилейный вечер А. А. Вознесенского.

До этого Сергей, после выхода книги «Предначертание», через ЦДЛ передал А. А. два экземпляра. Через некоторое время пробовал звонить в Переделкино, но телефон не отвечал. Мы думали, что, может быть, после ограбления их дома они там не живут. Кто-то даже сказал, что А. А. болеет. И Сергей оставил попытки узнать, получили ли они (А. А. и З. Б.) книгу. Но

где-то ~ в конце апреля по TV, в новостях культуры, мы увидели А. А., здравствующего и бодрого. Сергей снова позвонил 22 апреля. И — всё удалось.

А. А. сказал, что на неделю уезжает в Париж и чтобы Сергей перезвонил ему потом, через неделю.

«Потом», попадая на З. Б. и перезванивая в указанные часы, 30 апреля Сергей услышал от А. А. поздравление (!) с хорошей книгой и записал продиктованный отзыв (из-за нечёткой дикции переспрашивая слова по несколько раз).

Получилось вот что:

Мое отношение к «Предначертанию» было изначально трепетным, потому что по форме книга похожа на «Треугольную грушу», но, слава Богу, это только внешнее сходство...

Сергей Телюк мастер интересный. В его книге скрыта лукавая современность, и вообще «Телюк» я бы читал как Telelook, т. е. современное визуальное мышление. Дальше пойдут «глюки» — это не от Глюка, композитора былых времен, а современное видение молодёжи.

Что пожелать Сергею?

Не отказываться от звучания своего имени. Быть более визуальным. Желая ему, технарю по образованию, продолжать быть геометром в блоковском смысле слова. Предначертательным геометром.

Оформив записанное, Сергей 1 мая ещё раз связался с А. А. по телефону — прочитал текст. А. А. «выловил» опущенные слова о ГЛЮКАХ: «А где же ГЛЮКИ?» Сергей тут же добавил их, и, конечно же, поблагодарив за внимание, предложил свою помощь в чём-либо. На что А. А. пригласил нас 14 мая в Зал Чайковского!

Мы тогда ещё не представляли себе состояние Андрея Андреевича...

...И вот у нас два билета, самые дешёвые, по 60 руб., и букет цветов: три герберы с зеленью — за 200 руб., на все наши деньги.

Сергей, на занятые, будучи в Зале с 18:00 (за час), купил шеститомник и две книги «Треугольная груша»!!!

Поясняю. В первом разговоре с Сергеем по телефону А. А. спросил-сказал, что книга «Предначертание» такого же формата, как «Треугольная груша»(!). Мы не знали формата. Поэтому стали искать книгу по знакомым интеллектуалам. Но у всех она была не отдельным изданием, а в сборниках. Видели только карикатуру на неё — со скульптурой рабочего и колхозницы, выметающих книгу. И тут — такая удача! Конечно, строили планы, что сумеем, как на предыдущем концерте в Зале, подойти и подписать книги, а может, и отзыв, надеялись, что спустимся в партер на свободные места... Но этого в тот раз не должно было случиться.

К нам присоединилась Лола Звонарёва. Но даже её едкие замечания не испортили нашего ощущения праздника. Конечно, были и знакомые: Кирилл Ковальджи, Лена Исаева, Нина Краснова. Был бомонд: Рейн, Ахмадулина, Мессерер, Чурикова, Познер, Киселёв (ведущий, TV) и «все из телевизора», как выразился Сергей, рассказывая Ане Гедымин, что было на юбилее.

Выступали многие и многие, но не те, кого я ждала — поэтов со своими стихами и стихами А. А. (кроме Вишневого).

Общее впечатление: действие, длившееся без ведущего с 19 до 23:00, — затянута... Но главное — щемящее чувство ПРОЩАНИЯ. В некоторые моменты, глядя на увеличительные экраны, я не понимала, улыбается или чуть ли не плачет А. А., окидывая взглядом зал.

Упрямо не сидел, упрямо двигался — неуклюже, медленно. Упрямо поднимал цветок, упавший к ногам, в замедленном движении, под аплодисменты — столь решительному действию (для его состояния). Упрямо складывал листки, тексты и двумя руками убирал в карман белого пиджака. Просто невыносимая музыка симфонического оркестра — как реквием по живому. Кто и зачем решил это играть!

Когда после П. П. Бородина к А. А. выстроилась очередь с цветами, мы отправили Сергея с цветами в партер (куда пересесть не представлялось возможным). Но Максим Галкин, как оказалось, шедший за Бородиным, продолжил концерт после того, как А. А. увели под руки. Сергей «осел» в партере с дамой в красном. Мы же с Лолой пошли вниз и стояли в партере у

левого бокового входа с сумками, набитыми книгами. Но в конце А. А. не вышел. И вся очередь понесла цветы З. Богуславской, в первый ряд. Сергей поступил так же и пришёл к нам расстроенным.

Мы спустились в метро. Лола поехала к себе — мы к себе.

Подспудно дошли до совпадений:

— у А. А. «Треугольная груша» — третья книга, у Сергея «Предначертание» — тоже третья;

— у Маяковского шесть томов сочинений, у А. А. — так же.

Лена Исаева перед началом вечера сказала, что завтра — 15 мая — в Малом зале ЦДЛ вручают премию «Венец» от Московского банка и СП Москвы, в т. ч. и Вознесенскому.

А ранее на 15 мая Краснова и Ковальджи пригласили нас в галерею «Кентавр» на презентации их книг в 19:00.

Мы решили, что после юбилея А. А. вряд ли в таком состоянии поедет в ЦДЛ, ведь только вечер шёл четыре часа! А подготовка, а волнения! Но вдруг... И если есть хотя бы один шанс из 1000, надо будет попробовать подписать отзыв о «Предначертании»...

Дома, разбирая тома А. А. и «Треугольную грушу», мы искали и читали стихи, услышанные на вечере. Сергей был счастлив, но со щемящим чувством приближающейся потери. Казалось, уже ничего не изменить. Всё так и останется.

15 мая мы с утра никуда не пошли, сидели дома и ждали вечера. Вручение «Венца», как было написано в программке ЦДЛ, в 17:00. Мы вышли в 15:45, чтобы приехать пораньше. В ЦДЛ же оказалось, что начало в 18:00. Мы сели на банкетке в холле. Постепенно стали появляться: Римма Казакова, Валентин Оскоцкий, Евгений Весник, позже — его жена с подругой. Мы сфотографировались с Весниками, поговорили с Оскоцким.

Все прошли в зал. В холле остались мы — смотрели на вход. Но А. А. нет!

Я оборачиваюсь и вдруг вижу... за спиной Сергея, у входа в зал ресторана, стоит А. А. в белом пиджаке, один. Я говорю

Сергею, и мы идём к А. А. (первоначально Сергей, как он потом сказал, растерялся, да и я тоже).

Никого, кроме дежурных и продавцов книг.

А. А. надел очки, которые достал из большущей толстой коричнево-чёрной ручки. Движения осторожные, но спокойно-уверенные. Прочитал листок с отзывом о «Предначертании», поставил пропущенные кавычки на слове «Телюк». Я, чтобы не мешать, не быть назойливой, немного отошла и сфотографировала их в этот момент, потом ещё раз.

Когда Сергей убрал листок, мы стали говорить о вчерашнем вечере, о книгах — шеститомнике и «Треугольной груше». Как мы её искали у друзей и нашли... на вечере. И что теперь она у нас есть.

А. А. слушал и выразительно смотрел. Вдруг стал говорить. Тихо, с шипящими — я напрягла слух, но не могла различить слова в потоке звуков...

Сергей что-то отвечал, но я не помню, что.

А. А. подписывал книги. Глаза ужасно выразительные: большие, круглые, широко раскрытые, чуть уставшие — смотрели в упор, но с таким потоком энергии!

Как из-под земли возникла Римма Казакова, зацепилась лёгким белым шарфом за молнию моей сумки и сразу не отцепилась: «Отцепите меня!» Сергей стал отцеплять. Римма сказала А. А., что его пропустят вначале. Сергей — отцепил. Я, чтобы как-то сгладить неловкость, предложила сфотографировать её с А. А. Она ответила: «Не время!» И повела А. А. к Малому залу, но, не доходя, куда-то ушла. А. А. опять остался один, у ступенек Малого зала. Тут к нему подошёл молодой ~ 30–35 лет мужчина, думаю, поэт. Что-то говорил. Я отвернулась. Потом увидела их рукопожатие. А. А. пошёл в зал, где ждали камеры, корреспонденты, зрители...

Мы ещё стояли минут 20–25, смотрели само вручение: сначала Евгению Веснику, затем А. А. — после чего ушли.

Остальное в этот день было уже неважно. Мы были наполнены, как чаша, и боялись это в себе расплескать, хотя ужасно хотелось этим с кем-то поделиться, но так, чтобы этот кто-то нас

понял. Поэтому мы молчали. Только подтвердили Лоле и Нине, что всё удалось. И это «всё» тоже не имело особого значения.

Что-то главное было уже в нас. Мы переглядывались и улыбались, зная общий секрет. Объяснить ничего нельзя. Всё было в нас. А что? Мы ещё сами не поняли.

1 сентября 2003 г. (понедельник)

Если раньше интервалы были три месяца, то теперь уже более восьми (не считая майских записей о Вознесенском)...

После выставки в Манеже были: выставка к 8 марта в Белом зале секции МСХ, книга «Предначертание» с рисунками, избрание (моё) в правление МСХ, поездка в Польшу (Гданьск-Сопот).

В Польше новые встречи и знакомства, по крайней мере, у меня: Наташа Стремитина (Австрия), Владимир Бондаренко («День литературы»), Лена Устинова («Москва»), Володя Березин (?) и др. Были и старые знакомые: Щуплов, Воскобойниковы (из С.-Пб.) и ещё — Аннинские.

Уже после Польши были у Аннинских на даче в Переделкино, которую они только год как получили. Провели вместе один хороший день: разговаривали, гуляли, а уже ближе к вечеру заехал Бондаренко с женой.

На даче положили доски наверх — получилась мастерская. И так удобно и уютно работать: натянула три холста для композиций и написала три этюда из окон! Ходили в гости к Серебровым. Видели Лену и Юлю Апухтиных. Юля так ничего за год и не сделала. А пора участвовать в молодёжных выставках.

Пригласили участвовать в выставке «Москва глазами молодых». Отвезла две работы — «Гололёд» (х. м., 120 × 90) и «Полутру» (х. м., 65 × 90). В среду открытие в 15:00. Поеду, но могут и не повесить, т. к. «Москвы мало» в моих работах. Зато получу каталог прошлогодней выставки, где мой «Белорусский вокзал», точнее, «У метро».

Сергей в Польше выступал с докладом об... Ане Гедымин. Сказали, что опубликуют в материалах конференции.

В деревне он успел: а) написать отзыв на книгу Воскобойникова о С.-Пб.; б) истории Влодова переложить на бумагу; г) прочёл «Изгоя» Александра Потёмкина и по заказу Игоря Михайлова пишет отзыв в объёме 12 страниц.

Очень понравилась атмосфера Переделкина, и мы хотим зимой поехать с Аней Гедымин на каникулы в Дом творчества. Вместе встретить Новый год.

А почему бы не подать заявление на дачу? Аннинские стояли восемь лет. Может, лет через десять (если союзы и дачи ещё будут существовать) что-нибудь и получится.

5 сентября 2003 г. (пятница)

(~ 21:00) На террасе за чаем, когда Лев Александрович и Сергей беседовали о своём, Александра Николаевна рассказала мне, почему у неё такое плохое зрение.

Во время войны в Москве было очень голодно. А. Н. болела и просила у мамы отдать ей крошки от полученного пайка хлеба (показала размер кусочка ~ 6 × 10 см). Но мама, оказывается, подъела крошки. Врач направил А. Н. «на подкормку» в бывшее здание библиотеки имени Некрасова (на улице Горького, в глубине Пушкинской площади) — там давали щи из крапивы и кашу на воде.

От плохого питания зрение упало.

Слышала по радио, что сегодня умер писатель-фантаст Кир Булычёв...

Как время всё меняет! Перечитывая начало этих записок, подумала:

- 1) я стала строже к Андрияке (прошёл восторг дилетанта?)...
- 2) Серёжа, наоборот, стал больше ценить Вознесенского, прочитав его в объёме и поняв, что мастера надо рассматривать в его эпохе (времени)...
- 3) не изменилось лишь то, как Серёжа пишет и читает мне новые стихи, всё так же спрашивая: «Ну как?»

Сейчас Серёжа увлётся рассказиками, вернее, пересказиками историй Влодова. В данный момент сидит на кухне, редактируя последние, про Хрущёва, Пастернака и поэзию. Если вначале Серёжа несколько раз ездил к Влодову домой, то последнюю неделю они созваниваются вечером и с 21 до 22:00 Серёжа слушает Влодова, делая пометки (дома Влодов никакую запись вести не разрешает?!). Я его прошу ставить дату на записях, ведь я все черновики собираю.

Серёжа предложил Г. В. Рой в «Истоки» заметку о книге Воскобойникова (о С.-Пб.) и маленькую главку из неё. Вроде бы она согласилась, спросив: «А кто заплатит?» Серёжа успокоил, что главка маленькая и одной странички хватит. Кажется, убедил!

Зато сегодня она (Г. В. Р.) позвонила нам, не хотим ли мы пойти в сад «Эрмитаж» на юбилей — 50-летие Владимира Вишневого. Мы сначала думали поехать в деревню делать полы в домике (на первом этаже доски ещё не прибиты). Но погода дождливая, холодно. Решили пойти к Вишневному...

Кстати, завтра, 6 сентября, у памятника Маяковскому будут с 16:00 читать стихи в честь дня города. Нам — к 17:00. И можно часик послушать Аню Гедымин, Шацкова, Краснову, Мнацаканяна и др. (Сергей не участвует, т. к. не вписался в тусовку «Лит. газеты»).

Ещё: обе мои работы повесили на выставке «Москва глазами молодых». Гостей на открытии было немного. От союзов — никого. Выступали клерки: от мэра, правительства Москвы и т. п.

Только что Серёжа прочитал Влодову две новые зарисовки (о Хрущёве и «Лимоны е?»). Тот кое-что подправил, но Серёжа не всё принял.

Оказалось, что «лимоны» — это деньги, которые отбирали у писателей, а «предбанник» — пёстрый зал, где обделывали «писательские» дела. И, в принципе, эти две зарисовки связаны. Влодов сидел на бульваре у Лит. института, чтобы идти «трясти» студентов на переменках (отбирать деньги).

19 ноября 2003 г. (среда)

(22:55) Наши забили гол: сборная Уэльса — сборная России, **0:1!!!** Если мы выиграем, то попадём в финальный турнир чемпионата Европы по футболу, если нет, то — мимо!

Серёжа закончил рассказы о Влодове. Первый вариант отдал читать Аннинскому. Через неделю Л. А. позвонил сам и сказал, что в «Дружбу народов» этот материал не пойдёт, т. к. резковато, да и память ещё жива (в части Передреева!). Надо попробовать в «Литературные вести», «Московский литератор»...

Пока не знает, что делать с рассказами. (Наверное, придётся издавать за свой счёт.)

Аня Гедымин 6 ноября провела творческий вечер в Малом зале + фуршет в кафе (~ 500 \$).

Всё прошло спокойно и динамично одновременно. Сергей тоже выступил, рассказал о посвящённом Анне докладе в Гданьске-Сопоте, который он прочёл летом на конференции.

Аня читала мои любимые стихи! Все! Жаль, что памяти у меня нет, а то бы я их все выучила.

Друзья и профи выступали много, но быстро.

На фуршете мы сидели с Виктором Луниным. Приятно беседовали, попивая красное вино и периодически чокаясь с Аней, которая обходила столы.

Рядом за столиками сидели: мама Ани с друзьями и родственниками; А. Добрынин с маньеристами; В. Оскоцкий со старшим поколением; Аня с Мнацаканяном и др.

7 декабря 2003 г. (воскресенье)

Во-первых, проголосовали...

Во-вторых, полчаса разговаривала с немного подвыпившим Влодовым по телефону (пока Сергей мылся).

Сначала обсуждали их Котю и нашего Чучу. Как Котя нападет на Влодова, как он ему много лет рассказывает одну и ту же сказочку про шубку, даже пропел: «Придёт серенький коток...»

Затем спросил, знаю ли я Липатова? (Я видела его в прошлом году: пожилой, высокий, сутулый.)

Влодов. — Я ему звоню. Сейчас обругал, что не берёт трубку. Берёт — жена. Я с ней не разговариваю. Вообще с жёнами не говорю. Липатов обижается, мол, она женщина хорошая. А мне то, что? Она кто: поэт, писатель, художник? На фига мне хорошая женщина? Сам не берёт трубку, скрывается. Я его отругал. Липатов передо мной заискивает. Я — гений, талант. Поэтому он меня не любит.

Я, вообще, из поэтов больше всех люблю — себя. Из прозы — «Дон Кихот» Сервантеса. Это как Библия: там всё есть. Из музыки — Вагнера. Из философов — Ницше. Из художников — Босха.

А что ты сейчас пишешь?

Я. — Улицу, людей.

Влодов. — Я как-то видел Крыса большого, с человека, и ангела на перекрёстке — разошлись. Это — картина. Сильно. В молодости, как-то в Пушкинском, здоровая очередь на... как его... ну, девочка на шаре...

Я. — Пикассо?

Влодов. — Ну, да... Ну, что это — девочка на шаре. Это и я так смогу. Ушёл в другой зал — и попал в зал Рембрандта.

Стоял. Смотрел, как лицо написано. Краски светятся. Это — гений. А что Пикассо?

Из художников признаю Босха. На его одной картине видно очередь, выходящую из дома. У людей — хоботы, большие уши и т. д. И лишь один во фраке и цилиндре стоит, читает газету. Вот это да! Очень понравилось.

А ты как считаешь?

Я. — В чём-то согласна, в чём-то нет. А вы Брейгеля любите?

Влодов. — Я сказал кого — Босха. Вообще я с жёнами не говорю, а с тобой — говорю...

Объявили итоги голосования на 21:00: 3,29% от всего населения страны.

1) Единая Россия = 36,46 %;

2) ЛДПР = 15,61 %;

3) КПРФ = 13,26 %;

4) Родина = 7,27 %;

5) Яблоко = 3,91 %;

6) СПС = 3,60 %...

Против всех = 4,72%.

2 января 2004 г. (пятница)

(10:15, «Переделкино») Мы добрались до «Переделкино». Ехали с Аней Гедымин, её сыном Данилой (~ 3 класс) и Сашей Кормашовым на двух машинах: Аня с сыном в одной машине, а мы втроём в другой. Они заехали за нами 30 декабря часов в 19–20:00 на Михайлова. Наложив коту Чуче три миски «мокрой» (консервы) и одну миску сухой еды + миска воды + два лотка для туалета (с гранулами от запаха), мы с сумкой одежды, большим пакетом с едой и вином, маленьким пакетиком с тапочками и документами погрузились. Пока Серёжа закрывал квартиру, я сбегала за фотоплёнкой и «алка-зелтером».

На выезде из Москвы (у МКАД) нашу машину зажали два трейлера (взяли в коробочку) и поцарапали дверцы со стороны Саши. Остановились. Правый трейлер, который подсекал нас, уехал. И гаишники сказали, что «сами виноваты», и отпустили второй трейлер. Саша расстроился: первая авария за 20 лет. Это было первое приключение. Второе ждало нас уже в Доме творчества. Мы подъехали к корпусу в полной темноте. Пошли на разведку. Оказалось, что буквально за пять минут до нашего приезда выключили свет. Нам дали ключи: я и Сергей — № 28, у Ани — № 14, Саши — № 15. У нас путёвка была на три дня (до 2 января). У Ани — до 9 января. Наши номера — на втором этаже, справа и слева от лестницы, за ними туалеты и души. Комнаты несколько больше, чем другие: с маленьким настольным холодильником на журнальном столике, письменным столом и лампой на нём, диваном и полуторной кроватью, двухстворчатым платяным шкафом, дорожкой посередине, в углу у двери умывальник. Видела одного таракана. При свечах мы «освоили» пространство, я всё разложила, и пригласили к себе ребят «попить мускату» (благо мы взяли его целую трёх-

литровую коробку). Аня с Данилой ушли спать раньше, выпив один стаканчик, я — пару, остальное Сергей с Сашей «добили».

Завтрак здесь с 9 до 10:00. Мы проснулись в 9:30. Бегом умылись и оделись. Кормят много: пшённая каша (я съела с удовольствием), запеканка с курагой (уже не смогла), кофе и паштет... После завтрака пошли гулять вдвоём.

Из ворот — налево. На другой стороне дороги — «поле Пастернака», над которым (Серёжа рассказал) по одной из версий развеяли прах Лили Брик. Сейчас его обнесли забором, бетонным снизу и металлическим сверху — говорят, землю купил сын Олега Табакова, провёл коммуникации и будет строить или продавать (кстати, за нашим столом пожилая писательница сообщила, что ресторан со столовой откупили Инна Чурикова с Глебом Панфиловым и назвали «Дети солнца»)... Перешли дорогу и пошли к ручью мимо дачи Вознесенского, дома-музея Пастернака. Периодически нас обгоняли легковушки — за водой, на ручей. Позже я видела объявление на дверях нового корпуса (мы жили в старом), что вода из ключа требует кипячения перед употреблением.

Было около 0°. Дорога в буграх и скользкая. Дошли до железных ступенек к ключу, но спускаться не стали. Внизу журчала незамёрзшая вода, мужчина наполнял пятилитровые пластиковые бутылки, подросток оттаскивал по две штуки вверх к машине. Мы постояли минут пять и пошли назад. Была среда 31 декабря 2003 года. Музей опять был закрыт: часы работы — с 10 до 16:00 (в четверг, пятницу, субботу и воскресенье). Но праздник — и неясно, как он работает в эти дни. Мы вернулись, перешли шоссе и направились по улице Серафимовича в сторону музея К. И. Чуковского, вдоль забора Дома творчества, с разрисованными столбиками (героями сказок К. И. Чуковского — крокодилами и прочее). Дошли до калитки к новому корпусу и повернули к себе.

С 14 до 15:00 обед. Готовят вкусно, порции большие и разнообразные. У столовой стоит бильярд с креслами и столиками, в углу — бар с караоке. Много молодёжи, студенческого возраста. В будни в столовой питалось всего шесть человек. К празднику и каникулам — почти всё занято, даже в две смены. Мы сиде-

ли за столиком № 2, места: Сергей — 1, писательница — 2, Саша — 3, Данила — 4, Аня — 5, я — 6. Аня ездит сюда уже десять лет по два раза в год и знает всех по именам: дежурных по корпусам, директора, официанток, постоянных жильцов...

Мы поздравляли наших официанток с Новым годом сувенирами.

День прошёл никак. Мы ожидали праздника в столовой, но оказалось, что ничего не будет. И всё равно мы решили надеть вечерние наряды: Аня — то, что было на ней на её вечере (до пола чёрная юбка и чёрная с вырезом блузка), я — новую чёрную миди юбку (годе) и блузку, которую прислала Таня Хохлова из Варшавы.

Договорились, что отмечать Новый год будем у Ани. Аня позвала меня как художника помочь нарядить гирляндами комнату. Мы лазили по столам, стульям, кроватям и цепляли, связывали, засовывали, забрасывали гирлянды. Я даже принесла наш подарок Даниле — светящуюся гирлянду — и раньше времени отдала, чтобы украсить комнату. Перламутровый «дождик» на люстре, гирлянды на окне, огоньки на стене, ёлочка на холодильнике, со свечами вокруг — вышло нарядно.

Пришёл Вадим Григорьевич Черняк — поздравил нас, мы — его. Он принёс в подарок Сергею ежедневник, а мне — набор открыток «Плёт», и по обезьянке, символу 2004 года. Мы — пряник.

По дороге на ужин встретили жену Ю. Влодова Людмилу. Она спросила, где мы встречаем Новый год, и решила к нам присоединиться. Устроили общий стол в № 14. В 23:45 поздравили Черняка с днём рождения. Аня всем подарила сувениры, нам — свечи. Сидели, фотографировались, гуляли, запускали петарды, ходили в гости в новый корпус. Там я общалась с Людой Влодовой. Она рассказывала о котах, о музее Дикого, где они жили, и пр. Спать легли после трёх ночи.

1 января проснулись в 9:30. Спать здесь здорово! И днём тоже! Мы после завтрака думали пойти к Аннинским, но, не дозвонившись 31-го и 1-го утром, не решились (как оказалось позже, Сергей перепутал цифры их телефона). Решили поспать и до обеда отсыпались. Кстати, Сергей и сейчас спит.

Всю ночь люди веселились, что-то взрывали, кричали, плясали, пили под лестницей и везде! Я старалась всё сфотографировать. Никого из известных писателей мы не видели. Только Аня показала какого-то «композитора», который здесь постоянно живёт и пишет песни. Все пожилые с ним заигрывают, чтобы он написал и на их стихи тоже. Фамилию не помню.

После обеда мы решили погулять. Взяли фотоаппарат и кошелёк. Дошли до конца улицы Серафимовича, на перекрёстке встретили двоих лыжников и спросили про музей Окуджавы (зная, что он находится напротив дачи Аннинских). Нам сказали, что недалеко: идти по улице Маркса до «Кремлёвской стены» (дачи Церетели), вдоль неё направо, и — налево по указателю музея (улица Довженко). Там мы уже знали. У ворот Аннинских расчищен снег, позвонили, открыли крючок на калитке и по тропинке пошли к дому. Лев Александрович, открыв дверь, махал нам с крыльца.

Л. А. занимался: печатал на компьютере, а Александра Николаевна варила супчик и пюре из пакетика. Оказывается, у них в гостях были средняя дочь с подружкой, которые гуляли в лесу. Они писали фэнтези (трёхтомник) и уже был заказчик.

Серёжа пошёл с Л. А. в магазин за едой и шампанским. Они ждали друзей к 19:00. Мы были ~ в 17:00. Посидели на кухне, попили шампанское, кагор с водой, чай — кто что хотел. Кагор с водой предложила А. Н.

Л. А. пошёл к компьютеру в кабинет, я в коридоре смотрела библиотеку, рассортированную А. Н. по темам: барды, кино, искусство, философия, история и т. д.

Я спросила Л. А. как пришла мысль написать книги о родителях. Он сказал, что уже 25 лет как готов материал. Его подтолкнула к этому А. Н. И он стал звонить родственникам родителей, записывал, спрашивал, составлял древо...

В военных архивах отказывали, говорили, что списки призывников с Мосфильма 1941 года секретны. Ему удалось уговорить офицера показать их. И он, переписав Ф. И. О., занялся розыском... Некоторые оказались в другом эшелоне. Но нашёлся и свидетель, который тоже попал под бомбёжку. И он рассказал (хотя дочь долго не пускала к старому отцу, боясь

за его здоровье), что помнит солдата, описал его внешность и вспомнил частушку, довольно редкую, которую он пел. Именно такую пел отец Л. А....

Конечно, всё, что рассказывал Л. А., не опишешь. Надеюсь прочесть в книге, которую должны вот уже скоро привезти из типографии.

А. Н. рассказывала, как им досталась эта дача.

Они давно уже были первыми в очереди. И первый раз им, предложив, сказали, что позвонят позже, когда придёт время оформлять и переезжать... Но всё затихло. А через некоторое время они узнали, что дачу отдали более старшему (старому) писателю.

Второй раз дача ушла к Георгию Владимову, который уже жил в Германии. Но приехал в Россию за премией и стал просить дачу (от Союза, бесплатную). Ему помогали Л. А. и А. Н. В результате он получил дачу, которую обещали Аннинским. А. Н. до сих пор неизвестно, знал ли об этом Владимов.

Дача Луговского — уже третья обещанная... И Аннинские не стали ждать оформления, а сразу въехали...

3 марта 2004 г. (среда)

(~ 13:00) Я опять болею гриппом (на этот раз желудочным).

Закончу о Новомодном празднике.

Мы просидели у Аннинских до ухода дочери с подружкой, которых и проводили на станцию «Переделкино».

На следующий день 2 января мы с Серёжей гуляли вдоль «поля Пастернака» и обратили внимание, что из музея вышли молодые люди и бодрым шагом прошли мимо нас, причём говорили не по-русски (кажется, по-французски).

Мы сразу свернули в музей! Нам очень обрадовались. Там, кроме нас, никого из посетителей не было, лишь чуть позже подошла пожилая пара, и мы все вместе прослушали экскурсовода. Купили фотографии интерьера (т. к. не взяли фотоаппарат).

Впечатление от музея: достаточно скромно. Уютно на террасе и «холодно» в рабочем кабинете. Может, так нужно для

творчества или именно для Пастернака. А может быть, жена Пастернака не умела навести уют.

Уехали мы после обеда. К ужину были дома.

Чем больше событий — тем меньше времени писать о них.

21 января (в день 10-летия нашего венчания) в ЦДЛ был наш вечер по поводу выхода книги «Предначертание». Пригласили самых близких. Я сделала выставку графики к книгам Серёжи. Очень радовались, что вечер вёл Кирилл Ковальджи, что на вечере были и выступили «мой» художники — Сергей Александрович Алимов и Анатолий Владимирович Кузнецов, критик Лев Александрович Аннинский (жаль, что болела его жена Александра Николаевна!), поэты Саша Щуплов, Аня Гедымин, Нина Краснова, Витя Лунин, бард Вадим Егоров и другие. Устроили фуршет в подвале, где кафе-буфет. Много знакомых и друзей. Много цветов, слов... Хозяйка ЦДЛ сказали, что это один из лучших вечеров.

У Сергея не взяли «Однажды в XX веке» в журнал, зато начали печатать в «Истоках». Сегодня он повёз Жуховицкому материал (свою статью о Саше Аронове, которая вышла у Оскоцкого) для Интернета.

А вообще — готовит следующую часть «Однажды...» для публикации.

Я жду выставки на Кузнецком мосту, 11 — к 50-летию нашей секции. Помогаю с организацией и готовлю свои работы.

Звонила Андрею. Конечно, он устаёт. Таня — молодец! Вышла учиться в медицинский. Саша приболел, сидит дома (хотя с октября 2003-го, т. е. с полутора лет, в садике, как и его отец — ведь и мы отдали Андрея в садик в таком же возрасте).

21 октября 2004 г. (четверг)

Из разговора с Никитой Маховым (по телефону).

19 октября состоялся «Круглый стол», на котором выступал Н. М. Через день он позвонил обсудить результаты. Из разговора узнала интересное:

— Н. Махову после написания монографии о Голубкиной предложили защитить кандидатскую при Суриковском институте;

— критик Сергей Епихин очень резкий, так что выступления Н. Махова можно считать комплиментами;

— у профессора Суриковского Назаренко были две работы: «Казнь декабристов» и «Емельян Пугачёв», о которых говорили... Но она не живописец;

— Наталья Нестерова, безусловно, живописец;

— зав. каф. иск. Суриковского Киселёв говорил, что Н. М. может прочитать курс о Голубкиной, но часов не дали — болото;

— Наумов организовывал выставки в галерее на Садовом кольце. Затем «внедрился» на Басманную, в залы фонда культуры, где провёл акции под названием «Музей». Там регулярно проводились круглые столы. Были выставки Попова (снимал круглый стол на видео), Кросицкого, Гороховского (снимал на видео и дал копию Н. М.), Марковникова;

— выставка 50-летия Н. Толстой — компиляция Армани 1960-х (из кед, болтов). У Н. Т. — симпатичная дамская живопись;

— Виктор Умнов — нонконформист;

— хорошие работы в периферийных музеях, например, в Кирове удивительные работы Лубенникова и Абакумова;

— галерея на Старом Арбате проводила семинар для молодых художников. Приглашает специалистов выступать на темы о проблемах мирового искусства. С видео, сканером и другой техникой (40–50 мест);

— предлагают лекции в МСХ («Искусство постсимволизма второй половины XX века»): 1) «Эволюция живописи как история её мимикрии в тотальный кич» (очерк Н. М.), 2) психоанализ постновейшей живописной практики, 3) культурология художественных образов, 4) новая пластика, 5) «Теория абстрактного искусства, или тенденции мирового абстракционизма» (есть такая статья у Н. М.), 6) постсимволизм, 7) проблемы монументального искусства, 8) духовная роль натюрморта 1960-х (н-т был духовнообразующим звеном у Вейсберга, Гросницкого, Краснопевцева, Тюленева, Турецкого, Плотникова, (беспредметника), Рогинского, Кулакова и др.

— главное в лекции — основные положения, а потом уже примеры;

— приглашал Володя Опара на выставки Гольдмана;

— альбом Попова с выжимками из выступлений на круглом столе, в том числе и Н. М.;

— хорошо бы опубликовать тексты с круглого стола, а то друзья говорят, его идеи из выступлений уже используют другие искусствоведы.

26 февраля 2005 г. (суббота)

Сергей загорелся Нулёвым. За вчера и сегодня — четыре стихотворения о президенте и Думе, женщинах, знакомках и супруге. Пишет, читает Черняку и Влодову (кстати, это Влодов придумал название «К знакомкам» и предложил поменять «К жене» на «К супруге»).

Спешит скорее сформировать новую книгу и дать её на прочтение для отзыва. Отзывы разных людей интересны, тем более Аннинского, Вознесенского, Фирсова...

На ходу придумывает разделы.

Случайно возникло:

*Что-то чешется в носу —
Есть хочу я колбасу...*

Первая строка — Сергея, вторая — моя.

Тут же у Сергея возникла идея создания раздела «Слоганы» — на темы попсы и всего, что раздражает.

Нашу книгу «Сказаний-легенд», переработанных летом Сергеем и с моими иллюстрациями, мы так и не увидели (хотя уже дважды издатель «вёз» её к нам). Только на этой неделе он опять (третий раз с сентября) сказал, что она готова... Мы уже махнули рукой... Сергей пробовал предлагать её другим издательствам. Пока тишина. Не берут, но и не отказывают.

Я пишу мало, хотя в работе несколько холстов: «Поколение «Рерси», портрет Володи Щегинина... Больше занимаюсь бумагами, как в АЖ, так и в МСХ.

Многое организовано: вечера на выставках. В октябре на молодёжной — круглый стол и выступление Вадима Егорова. В декабре на персональной выставке Василия Бубнова — выступление Риммы Казаковой, а на выставке графики — выступление Льва Аннинского. В феврале на групповой выставке — выступление Сергея Мнацаканяна. Но с начала года деньги на выступления перестали выделять, теперь будем привлекать только на общественных началах...

Сегодня Сергей получил оплату за квартиру — стало полегче. В январе ему не платили, в феврале — 1000 руб. от Рой. Да и мне с января в МСХ не платят (нет денег). Так что живём на мою зарплату. Шумянковой долг не отдали (1530 \$). Периодически мы что-то накапливаем, но как деньги заканчиваются — тратим.

27 октября 2005 г. (воскресенье)

У Сергея уже 22 слогана с названием «Нулёвики», т. к. они написаны от имени Агента Нулёва. Кое-что мы вместе подправили. Он не хочет их никому показывать (разве что Черняку) и поставит в конце «Нулёвского» раздела.

Днём мы гуляли в Кускове с Чучей. Дома мы сажаем его в мою старую сумку (как торба), а у леса вытаскиваем — и мне на плечо. Но всё равно надеваем шлейку, а то испугается, рванёт на дерево, где его не достанешь. После прогулки Чуча сразу бежит к кормушке, а потом — спать. Шёрстка у него становится шелковистой и даже темнее, без пыли.

Мы гуляем по дорожке через футбольную площадку (от нас за ж/д), далее прямо до пяточка с художниками у канала, затем вправо к горке, параллельно ж/д к футбольной площадке и домой. От дома до ж/д — 930 шагов × 0,5 м ~ 500 м. Прогулка на 1,5 часа. Все оглядываются на Чучу, когда он сидит у меня на плече. Он смотрит по сторонам или дремлет (тогда я его страхую, чтобы не упал).

23 февраля ездили к Серёжиной маме. Ели салат, пили чай с тортом. Пирог с яблоками, плюшки из творога, пирожки с

капустой — всё на вынос домой. Татьяна Алексеевна рассказывала о своих лекциях в школе, про трудовой фронт во время войны, про встречу пенсионеров на празднике. Она член Совета ветеранов, умеет говорить, держать аудиторию... Плюс ко всему следит за собой: делает зарядку утром, принимает горячий душ, выходит на прогулки, посещает врачей без очереди, регулярно готовит целебную массу (с лимонами, кагором, столетником, мёдом, курагой). Стараётся одеваться если не модно (вещи ей покупает или отдаёт дочь Наташа), то аккуратно, даже лучше, чем я, хотя я — не пример.

9 апреля 2005 г. (суббота)

Днём Сергей ездил к Римме Казаковой — отвозил распечатку новой книги «И отчалит кораблик, привет!..» Уже есть отзыв Леонида Жуховицкого (на раздел «Однажды в XX веке»), а вчера отвёз экземпляр Льву Александровичу Аннинскому (в «Дружбу народов», где тот отмечал свой день рождения, который был 7 апреля). Я передала фотографии с выступления Л. А. в МСХ (вставила их в альбомчик) и каталог Вадима Алексеевича Кулакова к выставке в залах РАХ на Пречистинке, 21.

Серёжа хотел показать рукопись ещё и Андрею Вознесенскому. Позвонил, но его жена — Зоя Богуславская — сказала, что он болеет, ходит по врачам. Жаль, ведь ему было бы, наверное, приятно прочитать в предисловии свой отзыв о предыдущей книге Сергея.

Звонили Анечке Гедымин. Она рассказала, как съездила в Суздаль. Встала в субботу утром и решила, что устала от Москвы — захотелось побыть одной. Села за руль и уехала (её Саша не смог поехать из-за неотложных дел).

Мне хочется каких-то перемен, что-то поменять: квартиру, одежду...

Пропала ясность цели. Когда училась, всё было просто: получить диплом, вступить в Союз художников.

Сейчас по-другому. После моего активного участия в жизни секции монументалистов Союза художников многое увидела и

переоценила. Конечно, я была идеалисткой. Но я не ожидала, что дела так запущены!!

В частности, в Московском Союзе художников (МСХ — беру нашу секцию). Руководство — правление с председателем — пожилые художники. Они мастера, но как руководители — никакие. Боятся современных технологий (Интернета и пр.). Хотят скорее получать деньги: прямо сегодня. Не думают о перспективе, бренде МСХ, наработках имиджа, связях с членами секции, другими Союдами и разными структурами — сверху донизу.

Организация выставок примитивна, т. к. уволены искусствоведы, которые создавали экспозиции выставок, работали на имидж, писали статьи, историю. Теперь же задействуются чаще всего одни и те же, награждаемые, имеющие доступ к раздаче мастерских...

Да, выбор руководителей небольшой, но есть, например, Дёмин (хотя он невоспитанный и резкий)...

Что делать? Продолжать активно работать или плюнуть на всё, ведь главное — продолжать писать. Но что? Последние работы меня не устраивают — может, темы не те, а может, не так написано. Скорее и то, и другое.

Заниматься коммерческой живописью не буду (работаю медленно и мало, а мне уже 53 года). Надо писать то, что важно. А что важно? Хочется обратиться к портретам или композициям с Аннинским и Аней Гедымин, Чучей, натюрмортам...

11 апреля 2005 г. (понедельник)

Впервые я сижу дома из-за правого тазобедренного сустава. Было больно наступать 5 апреля, когда тащила альбом с секционными фотографиями сначала на работу на «Белорусскую», а затем в МСХ на Старосадский. Да ещё на каблуках (хотя и небольших — 4 см.). В метро наступала двумя ногами на каждую ступеньку. Гомеопат Олег Агринский, знакомый Сергея, сказал, что надо отлежаться неделю и пить назначенные им лекарства. Вот я и сижу с 6 по 11 апреля = 6 дней. Дома нога не болит. Завтра пойду на работу — проверю.

3 апреля 2007 г. (вторник)

Прошло два года, а тема та же: сижу дома с радикулитом...
Есть время кое-что записать.

О Серёже. Главное: в 2006-м вышла очередная (уже четвёртая) книга его стихов «И отчалит кораблик, привет!..» Этим мы отметили Серёжино 50-летие с презентацией в Малом зале ЦДЛ и фуршетом в нижнем кафе.

Вечер вёл Лев Александрович Аннинский. Рядом за столиком сидел и Кирилл Ковальджи. В точности порядок не помню, но выступали: Л. Аннинский, К. Ковальджи, Л. Звонарёва, А. Гедымин, С. Мозалёв (однокурсник), А. Ананичев, Н. Шумякова (моя однокурсница), конечно, А. Шацков с письмом от министра культуры А. Соколова (?!), Л. Влодова (Осокина), С. Георгиев, В. Попов, А. Смогул. Из-за болезни не смог придти Саша Щуплов (о нём дальше).

Сам Серёжа читал немного. Ему очень хотелось, чтобы стихи читали друзья (без речей) и получился бы концерт. Поэтому и афиша в ЦДЛ была «Телюки и К°». Правда, выступающие всё равно говорили «речи», но и читали свои стихи, пели песни. Я сидела на первом ряду и фотографировала.

В кафе сидели за столиками по четыре человека, только за нашим — больше (А. Н. и Л. А. Аннинские, Л. Звонарёва с мужем А. Ананичевым и сыном, Вероника). Вдруг появившаяся Ирина Ракина пела песни, которые все подхватывали. Через несколько дней многие собрались у Ани Гедымин (посидеть, попеть — так всем понравилось).

С книгой и вечером мы влезли в долги (кафе обошлось в 1000 \$). Да ещё мне в октябре 2005-го дали мастерскую на Фрязевской, 13. Правда, ключи передали лишь в конце января 2006-го. Мастерская, мягко говоря, вся уделанная, даже, я бы сказала загаженная. Несколько дней выносила хлам, доски, отмывала жир, но об этом тоже потом...

Так вот, осенью 2005-го Серёжа устроился работать в фирму «Макси Пост» разносчиком корреспонденции, в основном, рекламной продукции (журналов и пр.). По нашим меркам он стал прилично зарабатывать (13–15 тыс. руб.). Хотя приходится

носить тяжести, зато голова свободная. Конечно, устаёт. За день находится — вечером лежит. Через некоторое время, кажется с 1 сентября 2006-го, организовали бригады (всего три) и его назначили бригадиром, т. е. он до обеда выдаёт наряды 6–7 членам бригады, а после — выходит сам на маршрут. За это доплачивают 3–4 тыс. руб., бывают и премии 1–2 тыс. руб. Таскает меньше, но голова занята больше.

Писать стал меньше (~ одно стихотворение в месяц). Меня это очень волнует. Я тут разговаривала с Аней Гедымин, Олегом Агринским — у них так же. Периодами совсем не пишется! Предлагаю Серёже хоть на время бросить работу, но он хочет доработать до отпуска в августе, а там — видно будет.

О Щуплове. Саша умер в начале августа 2006-го, когда мы были в Польше. Он тоже брал билет в Польшу, но сдал из-за своего неважного самочувствия. Перед нашим отъездом, позвонив мне, спрашивал насчёт шофёра, который смог бы его возить в Москву в редакцию один-два раза в неделю. Я ему пообещала найти кого-либо из студентов. А для начала нашла по Интернету телефоны частных извозчиков и сообщила, когда он перезвонил.

В феврале этого года ДИМСИ организовало вечер его памяти. Смотрели фото (проектор), вспоминали. Серёжа тоже рассказал о нём. Мы принесли фотографии 15 × 20 (с негативов, штук 12), самые интересные — в Польше, в ЦДЛ. Читали его стихи, говорили о последней книге «Стихи для тех, кто не любит читать стихи».

У Саши были и инфаркт, и инсульт. И даже после этого, хотя и болел, ездил в мае 2006-го с ДИМСИ.

Тане Хохловой в 2006-м в шутку говорил, что если не возьмёте в Польшу, то будете «подлецами» и тогда он «не простит».

Одну из фотографий я сделала в двух экземплярах и оставшаяся теперь стоит на бабушкином буфете-комоде, рядом с другими (А. Апухтина, А. и Л. Аннинских, Р. Казаковой и А. Вознесенского). На этой фотографии Саша и Серёжа сидят за деревянным столом в открытом кафе в Сопоте. Я помню этот день очень хорошо. Мы пошли гулять со всеми по набережной из студенческого общежития Гданьского университета, где

жили, к центру Сопота. И когда все решили идти на «самый большой в Европе» пирс (500 м), мы — я, Серёжа и Саша — поступили по-другому (вход платный, средства ограничены, да и мы с Серёжей там уже были): пошли вверх по центральной улице. Но, немного пройдя, Саша сказал, что ему надо перекусить и выпить лекарства. Поэтому решили зайти в кафе. Саша взял шаурму, а мы колбаски — и по бокалу пива. Всё было очень аппетитно и красиво, день не жаркий, но солнечный, народ гуляющий (отдыхающий), много детей. Было какое-то спокойствие на душе. Хорошо и просто. Я много фотографировала, но именно этот момент, вернее, состояние — чувствую до сих пор. Мы пошли дальше. Нам встретились студенты в рыцарских доспехах, подрабатывавшие фотографированием с отдыхающими. Саша сразу принял их игру: взял меч, встал в позу, попросив меня «щёлкнуть» на его фотоаппарат (жалю, что не «щёлкнула» ещё и на свой). Серёжа колебался. Но потом тоже встал с «рыцарями». Теперь это один из его любимых снимков...

Саша не был на нашем вечере. Серёжа сказал, что вроде видел его в конце зала (заходил и ушёл). Но я думаю, вряд ли, т. к. Саша уже болел и выезжал редко, по делу.

Серёжа с Лолой Звонарёвой осенью ездили на могилу Саши. Долго искали, замёрзли, но нашли. Мы хотим ехать с Аней Гедымин, когда после зимнего перерыва начнём ездить на «ласточке»...

P.S. Саша обещал после нашего возвращения из Польши подарить и подписать свою новую книгу... Мы нашли её по Интернету и купили. Саша был хороший поэт. Помнится, я сказала на вечере в Польше, что из мужской поэзии после Серёжи, конечно, он — первый (видно было, ему это приятно). Да оно так и есть. А в женской — Аня Гедымин. Я их люблю, очень!

О мастерской и МСХ. В январе 2006-го сменился председатель нашей секции: вместо Валерия Викторовича Башенина её возглавил Василий Александрович Бубнов (бывший председатель МСХ). Стало поживее. Появились деньги от сдачи-пересдачи площадей, которые у нас когда-то оттяпала секция проектирования, отказавшаяся в 2005–2006 годах отдавать арендную

плату. Бубнову удалось договориться, и долг вернули. Теперь можно, и делаем, и сделали:

— сайт секции (вызвался Максим Коломин, молодой художник);

— цифровое фотографирование (Вера Кальченко: CD и альбомы!!);

— купили компьютер, правда, бухгалтеру, а под Интернет отдали старый (!!);

— купили проектор для выставок (демонстрировать сайт, слайды и пр.);

— опять ведём фотоальбомы.

Кроме того, к 75-летию МСХ будут проводиться выставки в галереях не относящихся к нам: «Феникс» и «Ростокино» — что ново.

Правда, Бубнов не хотел Кулакова в замы (только Дёмина), но — не прошло...

В мастерской:

— май-июнь — ремонт (потолок, стены, электрика, сантехника, кухня и ванна; остались — пол и кое-что по мелочам).

Работаю два-три раза в неделю: суббота + будни.

Долго вынашивала (несколько лет), а написала за три дня «Незрячих». Показала на выставке на Кузнецком мосту, 11. Равнодушных не было. Подходили: Наседкин с Тюленевым (всё понравилось), Терехович, Кузнецов (советовал убрать надпись «Выход»), Махов (не советовал убирать надпись — в Европе наоборот всякие надписи используют), многие др.

М. Терехович (искусствовед) на следующий день после развески принесла мне яркий шёлковый платок: «чтобы не было мрачной живописи, а появился цвет!» В семье Ирины и Александра Люсьей Ирина любит собак: «А что, собачка тоже слепая? Не туда ведёт».

Жаль, что за два года многое не записала:

— как ездили с Люсьей в Мальборк и гуляли по Гданьску, а после этого по Интернету перебрасывались фотографиями с их дочкой Ксюшей («Ксю»);

— встречались с Аннинскими и Таней Хохловой в «Гнезде глухаря» в конце 2006-го, на концерте Александра Суханова.

Олег Агринский не смог придти из-за проблем с ногой (позже ложился в больницу, похудел на 40 кг);

— вечер «Истоков» 29 марта 2007 года, в д/р Сергея (вели: Серёжа, Аня Гедымин и Кирилл Ковальджи, ушедший пораньше). Пришёл Олег Агринский с костылём. Читал грустные стихи: об уходе из жизни, что надо вовремя уходить (?!)... С чувством. Я сидела с Викой (которую не видела два года), слушала невнимательно, но многие меня коробили рифмами, примитивностью. О чём я так и написала Олегу по электронной почте. Он же ответил, что эти люди были искренними, в отличие от многих, пишущих хорошо, но формально. И я согласилась, мне стало стыдно.

Олег подарил (отдал) Сергею свой цифровой фотоаппарат, отсняв часть кадров на выступлении. И ушёл, хотя мы звали его в кафе напротив, но долго сидеть ему было тяжело! Пошли в кафе я, Серёжа и Аня: две бутылки шампанского, шашлык, три салата, орешки да ещё интерьер «Бахчисарайского фонтана» — мы всё отсняли и отослали Олегу (ему понравилось);

— 8 марта звонил Лев Александрович Аннинский, поздравлял меня с д/р — было приятно. А 31 марта мы поздравляли Александру Николаевну Аннинскую с её д/р. Договорились после Пасхи (8 апреля) захватить к ним.

А. Н. дважды попадала в больницу в Польше: один раз упала с лестницы, повредив руку и голову (потеряла сознание). Другой раз — с микроинсультом. Но там, пока не приехал Л. А. и не привёз самое необходимое, её даже не кормили и не давали пить, хотя она просила у сестры воды, т. к. нет гражданства! Отношение нечеловеческое!

Теперь А. Н. пьёт по восемь таблеток в день, иначе падает давление. Неоднократно лежала на обследовании и лечении в больнице. Я однажды навещала её на Загородном шоссе (напротив места, где мы раньше жили на Б. Черёмушкинской).

Конечно, с болезнью А. Н. несколько изменилась, стала замедленной (заторможенной), менее восторженной, говорит, что забывает слова... Но такая же добрая и внимательная, отзывчивая. Дописала свою книгу о родителях. (У нас есть три книги Аннинского о родителях.) Очень жаль, что А. Н. болеет.

Л. А. очень тяжело, он как-то сказал, что только сейчас почувствовал свой возраст, когда заболела А. Н.

— Сбор в мастерской 3 января 2007 года Мозалёвых и Щетиных на новоселье. Салаты, тосты, смотрели значки и марки. Оказывается, Сергей Мозалёв стал собирать марки с мостами, даже сделал электронный каталог! А у меня обнаружили три марки, которых у него нет! Подарила! Смотрели старые книги, разглядывали пластинки. Подарили: чайник, блюдо, чашки — всё пригодилось.

— Сбор в мастерской 5 января 2007 года: Анатолий Владимирович Кузнецов с Ириной Ленниковой (женой), Оля Самовская, Ирина Фетисова и мы с Сергеем. Пели старые песни по маминому песеннику. Разговаривали.

А. В. Кузнецову после обследования в декабре 2006-го поставили плохой диагноз — рак предстательной железы уже с метастазами в позвоночнике! Полгода, по словам Ирины, от болей не мог нормально спать. Ещё осенью решил снизить нагрузку, бросить Славянскую академию. А когда установили диагноз — вообще хотел уйти от нас (из АЖ Н. Нестеровой) и ВГИКа, чтобы никого не видеть! Ирина сказала, что наша встреча была очень важным, переломным моментом после отчаяния и безысходности, слёз — возвратом к жизни, работе, людям. Во время встречи он решил остаться... Успокоился, насколько это возможно. Стал ездить работать в свою мастерскую!!!

Сейчас по понедельникам он приходит в АЖ чуть позже, после процедур в больнице (химии и переливаний).

Ужасно не справедливо! Жалко! Нет слов!

В феврале потащила Кулакова к Нестеровой пробивать каталог Кузнецову: макет и фото — Вера Кальченко и Виктор Луганский, а типография — Нестерова (~ 155 тыс. руб.). Оплата типографии в октябре, на основании того, что в декабре 2007-го Анатолию Владимировичу исполнится 70 лет, а он зав. кафедрой живописи. Третий тиража — юбиляру (остальные будем продавать)!

— Я теперь (с 1 марта 2007-го) не зам. декана. В октябре написала заявление с просьбой о переводе в администраторы с понижением оклада. Зайцева не приняла, сказав, что ново-

го человека — Ольгу Кужеватову — надо проверять в течение семестра. Прошёл семестр — Оля справилась. Я опять написала заявление, подписала его у Кулакова. Вышел приказ. Теперь я оформляю дипломы и прочее.

Своё заявление я мотивировала состоянием здоровья (болит нога, сустав правого бедра и иногда трясётся голова). Голову проверила на магнитно-резонансном обследовании — профессор сказал, что нет даже возрастных изменений, что это нервы! Я успокоилась и больше никуда не пошла. Подлечила зубы, проверилась у гинеколога и маммолога.

— Второй год занимаюсь цветами. Оказалось, интересно наблюдать за их ростом и развитием. Да ещё красиво в саду. Сделала клумбы, дорожки. Посадила всё, что дали Лена Сереброва, Света Довгер, купила у бабок и в магазинах. Сделаем за домиком зону отдыха — со столом, скамейкой, плитками, навесом и цветами. Посадили каштан (осень 2005-го), жасмин (осень 2006-го). Сергей сделал лестницу на второй этаж, в мансарду-мастерскую, тропинку, отмостку (спереди и у входа). Ранее — забор и ворота с калиткой. В общем, всё в порядке!

— Эта зима была самая тёплая! Я сделала снимок с балкона 13 января, на Старый новый год — кругом черно, снега нет! Немного было в феврале. Но в марте уже «плюс», к концу — до + 15°! Правда, в апреле обещают ночные заморозки, а днём всего +5°. Но март — солнце и + 10–17°! Чудно. С обувью — проблема. Долгов почти нет: осталось отдать 100 \$ Сидоровой (у неё перезаняли в декабре 2006-го, чтобы отдать 1000 \$ Шумянской). В зарплату обнулили. Правда, Нестерова совсем плохо платит: сегодня 3 апреля, а ещё за февраль денег не выдавали. Тяжело! Хорошо, что в МСХ мне (тьфу-тьфу-тьфу) выплаты не задерживают! Спасибо им!

О Вадиме Григорьевиче Черняке. Сейчас живёт дома, на «Павелецкой». Серёжа иногда заезжает к нему — выгуливает, т. к. один он не выходит. Сыновья почти не ездят, может быть, из-за того, что В. Г. отказался переводить-завещать квартиру на них? Бойтся: тогда его «упекут в больницу или ещё куда». Хотя его жена Лена после приступа В. Г. взяла всё на себя: нашла врачей, больницу, платила (сначала 100 \$ в день, позже в

другой больнице — 1000 \$ в месяц). Ей пришлось сдать квартиру В. Г., при этом выбросив кое-что из старой мебели (отчего он, вернувшись, расстроился). Да и теперь к нему приходит женщина готовить и убирать...

О Влодове. Звонит ежедневно: утром в 9–10 часов, днём один-три раза, вечером один-два раза. Я иногда по ошибке говорю Серёже: «Звонил Аронов». Он понимает, кто.

Основные вопросы: что Чуча, кого видели из собак и кошек, что по TV, когда будем дома?

Видно, переживает, что о нём забыли. Считает, и отчасти по праву, себя лучшим поэтом. Гением. Делает вид, что ему всё равно, печатают его или нет. Но сразу рассказывает, если где-то что-то появляется или планируется. Однажды в течение дня прочитал два раза одно и то же стихотворение и одинаковыми словами его прокомментировал. Его жена Людмила брала у Серёжи рекомендацию в Союз, куда вступила, и теперь везде пропагандирует Влодова. Наконец-то. Лучше всего, когда жена — продюсер мужа.

Только с Серёжей это невозможно: он сердится, когда я что-то советую, влезаю. Он сам рассылает «Сказания» по издательствам, но пока безуспешно! Черняк сказал ему, что им достигнут хороший уровень, и при издании книг должны платить ему, а не наоборот. Но сейчас всё — бизнес, которым стала и литература. Что продаётся, то и печатается.

Сергей же, во-первых, пишет не на потребу, а по велению сердца и души. Во-вторых, он не тусуется с нужными людьми. В-третьих, не пишет о себе статьи-дифферамбы и, выступая, не читает «программных» стихов. Слово «поэт» считает возможным, лишь когда не ты сам, а тебя назовут им. И ценит, что Лев Аннинский, Андрей Вознесенский, Римма Казакова называют его поэтом!

Об Ане Гедымин. За прошедшие два года у неё вышла книга, и был вечер, публиковалось много стихов, подборок! В январе она позвонила из Переделкина: «Хочу, чтобы вы знали, мы с Сашей расстались!» Конечно, думаю, переживала. Но против себя идти не может, она не человек компромиссов! Мы её любим такую, какая она есть!

Сейчас перешла в другой журнал, где друзья и лучше атмосфера, деньги — те же. А в старом разлад и распад, увольнения.

О Вите Лунине. Последний раз виделись на вечере памяти Щуплова. Фотографировались: он в ушанке, Серёжа в кепке. Оба такие милые и чудные. А я (в шляпе) с Ниной Красновой (в бейсболке) — смешные дамы.

Он, наконец-то, ушёл из семьи. Мучился, не отваживался, жена сама сказала, что больше не может... Пока снимают жильё. Счастлив!

Витя, пожалуй, после ухода многих детских писателей сейчас самый главный. Он это чувствует, но не «звездит». При появлении — его сразу приглашают на сцену, объявляют, замечают. На этот Новый год я придумала всем сделать сувениры: фото с календариками 2007-го. Получилось штук 50, а может быть, больше. И вот уже четыре месяца раздаём. Недавно — Агринскому и Воронкиной. Ещё остались для Сергея Георгиева и Серебровых. Лунин получил свой календарик на вечере. Все радуются и удивляются.

О Татьяне Иосифовне Воронкиной. Уже в этом марте 2007-го Т. Н. дважды выдёргивала нас в театр на переведённые ею пьесы.

Сначала в МХАТ (малая сцена) на «Кошки-мышки» (ходили, правда, без неё, потому что болела). Чудесно! Трогательно! До слёз. Эркень о жизни двух старух, сестёр.

Второй раз — в Московский областной театр (с 1 марта обещали закрыть), в «Кузьминках». На «Семью Тоттов», уже — с ней! Тоже Эркень, о сумасшествии войны. Сидели в первом ряду, прямо на сцене. В конце спектакля в кульминационный момент даже один круг проехали...

Я видела, как Т. И. вытирала слёзы после спектакля.

А нам она подарила книгу Эркеня с милой закладочкой (с кошкой наверху и мышкой внизу). Я прочла взахлёб за два-три дня. Очень понравилось. Буду звонить, поблагодарю!

8 апреля — Пасха! Поедем к Татьяне Алексеевне. Андрей, Вероника — работают. Внуки — растут. Таня уже на четвёртом курсе Медицинского!

15 сентября 2008 г. (понедельник)

Кажется, я начала приходить в себя после гонки на двух работах, даче, в доме, у родственников, друзей...

Кажется, появляется время подумать или, как у Александра Аронова, «остановиться, оглянуться».

Кажется, опять появляется тяга к творчеству. При нехватке времени, когда хочется отдохнуть, приходилось заставлять себя «творить» к выставкам, с соответствующим результатом (например, «Дом на набережной»)...

Но ещё много обязательности, куда я отношу (кроме сред в МСХ, где я сижу как секретарь выставочной комиссии) и лечение зубов, болезни, и оплату мастерской, и стройку на даче, и посещения родственников, друзей (хотя я их всех очень люблю) — она отнимает у меня много времени от себя, картин, размышлений о работе над ними...

А всего-то — ушла из Академии живописи. Жаль потери связи с Кузнецовым, Кулаковым и Алимовым в неформальной обстановке, в которой можно поговорить по душам. Но время идёт быстрее во второй половине жизни и, как оказалось, в геометрической прогрессии.

Сейчас отлёживаюсь со спиной (радикулит). Хочется отлежаться так, чтобы надоело. Пока не надоело, только глаза болят от TV.

Первая большая радость: попала на выставку немецких экспрессионистов группы «МОСТ» в ГМИИ им. Пушкина, которая открылась на прошлой неделе. И уже в пятницу утром я туда попала (теперь как художник, за 50 руб.). Старалась смотреть быстро, чтобы не успели заболеть суставы от топтания. Больше смотрела на работы, мельком — на этикетки, пространные тексты не читала.

Когда подходила, не верилось, что иду в музей — было ожидание радости...

В большом зале с живописью пошла по часовой стрелке. Карл Шмидт-Ротлуф, Отто Моллер, Макс Пехштейн, Эрнст Людвиг Кирхнер — кажется, такая последовательность — и круг замкнулся. Чтобы запомнить, я сложила первые буквы имён,

и получилось «КОМЭ» — почти КАМЮ. Самое яркое, что запомнила — это крепкие композиции. При этом у одного художника (вопреки объяснявшему мне в 1990-х Андрею Талю) и пуантилизм, и корпусная, и в протирку с просвечиванием белого холста, и экспрессия с ломаным рисунком, и в тоне, и грязно, но уравновешено, чётко и непонятно... Нет рамок и ограничений — это и есть главное в стиле этих художников. Но композиция (может, это подсознательно) есть всегда, и этим иногда картина «вытаскивается» из хаоса красок, линий... Ещё — ритм, не везде, но часто, особенно в ксилографии. И главное — свобода изъяснения, без оглядки, даже в подражании кому-то, пусть Ван Гогу, Матиссу, Сезанну, Гогену, примитиву племён... Хочется — делают.

И не важен рисунок, в живописи часто «никакой», например, в «Девушке перед зеркалом» К. Ротлуфа — схема девушки. Но плюсов больше: есть эмоции, чувства, что важнее всего. Свежесть.

Ксилографии над лестницей + другая графика — опять свобода в резке линий, опять композиция и использование фактуры дерева... Очень, очень хорошие ксилографии: Э. Кирхнера — «Автопортрет», 1906, «Танцовщица с поднятой юбкой», 1909, портрет К. Ротлуфа, 1909 (обложка); Э. Хеккель — «Стоящий ребёнок», 1911, «Деревья», 1904; К. Ротлуф — «Солнце», 1914, «Женщина за столом», 1914, «Девушка перед зеркалом», 1914; О. Мюллер — «Обложка, посвящённая М. Пехштейну, 1912!!

Подумала, что надо сделать Сергею обложку — ксилографию. Сергей почти год пишет эссе, мемуары, а стихи — мало.

26 октября 2008 г. (воскресенье)

Новый «тусовочный» год начался с приглашений Лолы на различные вечера.

16.10.2008 (четверг) в «Доме Булгакова» на «Маяковской» был творческий вечер Л. А. Аннинского, но без Л. А... Когда мы вернулись домой, я позвонила Аннинскому узнать, не случилось

ли что. Оказалось, о вечере была договорённость на субботу, а сегодня они с Александрой Николаевной ходили в театр.

Я в этот день ездила в Бутово, т. к. по четвергам дежурю у постели Татьяны Алексеевны, Серёжиной мамы (она болеет с начала года: с сентября не выходит на улицу, с октября — встаёт только в туалет). Оттуда приехала к 19:00 на вечер. Здесь мы с Серёжей бывали, но не в музее, а в здании через двор, напротив, в кафе, на бардовском выступлении Виктора Попова.

На верхней ступеньке лестницы «Дома Булгакова» (внутри), ведущей в помещения, лежал большущий пушистый чёрный кот, которого я окрестила Бегемотом, хотя музейщики звали его как-то по-другому. Он, свернувшись калачиком, перегородил собой проход.

Вечер вела Лола Звонарёва. Из знакомых встретили Нину Краснову. Она села на первый ряд, чтобы фотографировать, и звала нас, но мы расположились сзади, у буфета. С Ниной, на первом ряду, сидела Лера Дружникова, совсем не изменившаяся с наших первых встреч в 2001-м и 2005-м, и дети Дружниковых (Лена и Григорий).

Долго ждали Аннинского... Начали в 19:30 с бардессы. Потом постепенно выступили все, кто хотел. Основной темой была одна из книг Л. А. «Русский человек на любовном свидании». У нас есть эта книга с дарственной надписью. Книга-загадка, где только в конце каждого эссе упоминается имя поэта, о котором шла речь.

21.10.2008 (вторник) были в Библиотеке зарубежной литературы, на вечере памяти Юрия Дружникова. Там было объявлено о создании Фонда имени Ю. Дружникова.

Вела Лола Звонарёва. Начало положили Лера Дружникова, дочь Лена — читала отрывок из мемуаров отца, а Григорий рассказывал, как реагируют студенты колледжа на то, что он сын Ю. Дружникова. Потом выступили Алла Большакова, Лев Аннинский, друзья-подруги по «МК»... И вдруг Лола с характеристикой «друзья семьи Дружниковых» объявила (не предупредив заранее) Сергея... Он аж покраснел, втянул голову в плечи, встал и побрёл, будто на казнь. Серёжа после работы сидел, расслабившись, отдыхал душой и не был готов... Выйдя,

начал даже не заикаться, а мычать... Выдавил что-то насчёт первого знакомства в Гданьске... Состояние было жуткое.

Мы не пошли на фуршет не только от огорчения, но и по необходимости — к нам должен был заехать Сергей Смыслов за ключами от нашей квартиры на Михайлова, 49. Он уже полтора месяца работает в Болгарии и поэтому, будучи в Москве проездом, попросился пожить у нас.

Вечером я и два Сергея сидели за бутылкой «Наполеона», колбаской, фруктами и беседовали «за жизнь». Засиделись. В 23:30 Сергей Смыслов уехал на такси, забыв два мобильника.

23.10.2008 (четверг) были опять в «Доме Булгакова», на вечере Дружникова и Леры, которая написала мемуары, находящиеся в печати...

Народ пришёл почти тот же, что и на первые два вечера. Серёжа «реабилитировался» своим выступлением про Аронова и Черняка, работавших с Ю. Д. в «МК». И прочёл два стихотворения: «Ах, эти ножки...» и «Век XX почил...» — настроение стало лучше.

29 октября 2008 г. (среда)

Вчера были в Малом зале ЦДЛ на творческом вечере Валентина Дмитриевича Оскоцкого. Мы его очень долго не видели, т. к. он уже более двух лет тяжело болеет (на диализе). Живёт на даче. Внешне несколько осунулся, не улыбается. На всех фото, которые я успела снять после вечера, на лице — страдание... По-человечески его очень жалко. В. Д. определённо сказал, что представленная книга «Мозаика памяти» — последняя, и он исчерпал все темы...

Выступавшие за ним не хотели верить этому, убеждали, просили, говорили, что он нужен, что больше некому прямо и честно всё назвать своими именами...

Собравшиеся в зале зрители (уж большинство — точно) были почтенного возраста. Зал, полный интеллигенции, в наше время большая редкость, режет глаз. Сейчас все сборища — шоу, тусовки и т. п. — рассчитаны на молодых людей и потакают их вкусам (уровню)... И вдруг — разговор о судьбе литературы, русского языка, демократических ценностях, пути развития России...

25 ноября 2008 г. (вторник)

В понедельник в пять утра умер Чуча... Он лежал в кресле под моей пуховой кофтой (т. к. у него были холодные лапки) и позвал нас (так мы поняли) очень низким, грудным голосом. Затем несколько раз чихнул (по-видимому, выпустив воздух из лёгких) и затих. Серёжа закрыл ему веки. Мы его ласкали, гладили и называли самыми нежными словами. Вид у него был спокойный, даже умиротворённый. Мы завернули его в простыню, оставив видной головку. Так он и лежал в маленькой комнате. Затем переложили в новую, чистую простыню. Вызвали Ритуал. Договорились о персональной кремации. Урна будет в конце недели. Хотим отвезти в деревню, где ему нравилось...

Ещё неделю назад, на фото от 18 ноября, он гулял на балконе. У него оказался гепатит и, как мы думаем, инсульт (подволакивал заднюю ножку).

Помянули душу Чучи остатками водки и кагором: пусть она будет в кошачьем раю! Серёжа поставил за него свечку в церкви.

9 декабря 2008 г. (вторник)

Вчера, 8 декабря, в 14:00 в забытьи, за месяц до 81-летия, скончалась Татьяна Алексеевна Телюк (Серёжина мама). Мне сообщила об этом приехавшая дежурить сестра Серёжи Наташа Бесчеревных, урождённая Телюк. Татьяна Алексеевна «дождалась» её приезда...

Похороны будут в среду, 10 декабря ~ в 11:00 на церковном кладбище в Ромашково, где похоронен и муж Т. А. — Юрий Пантелеймонович, умерший в августе 2001-го.

26 декабря 2008 г. (пятница)

24 декабря в больнице Склифосовского прощались с Олегом Михайловичем Петровым — просто хорошим, умным человеком, который помогал мне и Андрею выживать в 1981–1990 годах (Андрею — к тому же — получить диплом).

24 февраля 2009 г. (вторник)

21 февраля у Наташи Шумянской дочка Таня родила девочку. Всё прошло нормально, в срок, и все здоровы.

Вчера, 23 февраля, позвонила Анатолию Владимировичу Кузнецову, поздравила с Днём защитника Отечества. Голос бодрый, обрадованный, как всегда доброжелательный. Перед ним поговорила с Ириной Ленниковой (женой) о его самочувствии. Она рассказала, что в январе и начале февраля было совсем плохо. Тогда А. В. давали непроверенные (экспериментальные) лекарства, но не отслеживали кровь — резко стало хуже: заболели кости, поднялась температура, ухудшились зрение, движения рук (последние два для художника — трагедия). Она пошла к врачу. Оказывается, молодой врач просто... не смотрел результаты анализов. Он тут же отменил всё и назначил химиотерапию. Сейчас немного полегче. 22 февраля бывшая студентка А. В. возила его в мастерскую, где они разбирались с работами, а затем — домой.

Нестерова с каталогом тянет (Кулаков думает, что из-за экономического кризиса). Она подписала договор, но бухгалтерия не оплачивает! Сейчас Нестерова в Америке. Кулаков звонил ей, и она обещала разобраться, когда вернётся.

Ирина сказала, что уже оплатила бумагу в типографии. Стремится успеть выпустить каталог, чтобы А. В. подержал его в руках. (Как же она должна себя ругать за то, что в 2007-м вместо его каталога выпустила свой, хотя диагноз уже был известен!) Я предлагала ей сдвинуть выставку на Кузнецком мосту, 11, поменяться с кем-нибудь на более ранний срок. Но она боится, что он догадается о своём состоянии (будто он не догадывается!). Хотя надежда умирает последней!

Мы договорились, что я к ним заеду после 2 марта (у нас общее собрание секции, и я готовлю отчёт выставочной комиссии за три года). Собрание отчётно-выборное. Будут частично менять состав правления.

Нам раздали перечни членов правления и ревизионной комиссии, чтобы каждый мог вычеркнуть не менее трёх человек и вписать, кого считает достойным. Конечно же, я вычеркнула

Александра Дёмина (председателя жилищной комиссии) за его плутовство, хамство. Затем — Александра Корноухова, по его просьбе. И ещё — Андрея Сироткина за его бесполезность, хотя в жилищной комиссии он на месте, а там можно работать и не будучи членом правления.

Добавила молодых: Антона Работнова и Азама Атаханова, хотя и сомневаюсь в его организаторских способностях, но надо попробовать, т. к. он хороший человек, художник, и незаменим как куратор выставок.

27 февраля 2009 г. (пятница)

Завтра последний день зимы и — весна!

Вчера ездила к Сергею Александровичу Алимову, с которым договаривались встретиться ещё в зимние каникулы...

К 13:00 приехала на «Киевскую». Вышла из метро и стала переходить площадь по переходу. Вдруг на середине пути, у разрыва металлического ограждения, на меня с крутым поворотом выскакивает тёмно-зелёная иномарка, толкает передней фарой в руку, делает зигзаг и, не останавливаясь, отъезжает. Я иду дальше. Вижу, что машина останавливается за переходом. К ней подходит кавказец, видно, знакомый водителя. Они спокойно болтают. Я так давно не была здесь, не видела махину Торгового центра, «задаввшего» площадь (просто кошмар!). А недалеко — дом-корабль (гигантомания)... И кругом кавказцы.

На Брянской улице, в угловом доме, на девятом этаже — мастерские художников. Вход во двор через проходную. Подъезд № 3. Написано, что в нём находятся мастерские №№ 10–20, а мне нужна № 21, значащаяся в подъезде № 4. Но я-то знаю: мастерская Алимова здесь. Звоню по сотовому — в целях безопасности коды не работают. Сергей Александрович спустился вниз, открыл.

Я привезла «альбомчик» с 300 фото (с негативов и цифровые) за весь срок нашей совместной работы, вернее, с того времени, когда у меня появился первый современный фотоаппарат: выставки МСХ в «Манеже», отмечание Гос. премии и его 70-летия, ГАК...

Пили чай. С. А. рассказывал об операциях на глаза летом 2008-го. Когда в клинике Фёдорова сняли повязку на следующий день после операции левого глаза (помутнел хрусталик) — появилось ощущение свежего, прозрачного, яркого дня, чёткости деталей и жизнерадостности (хотя накануне всё было грязным, пыльным, мутным — ощущение несвежести). Обрадованный, решил на операцию правого глаза... Поговорили о МОСХ, здоровье Кузнецова, подготовке к выставкам, посвящённым Гоголю...

Под конец С. А. подписал книжки (№№ 2–4 я специально захватила с собой из дома):

1) «Дорогому Саше Волкову от автора иллюстраций. С. Алимов. 26.02.09» («Необыкновенные приключения школьника Бобки, который изобрёл летающий стул» Сергея Макарова),

2) Просто расписался на буклете выставки к его 70-летию в ЦДХ (2008 г.),

3) «Дорогой Ире. С благодарностью и любовью. С. Алимов» (роман-газета № 3(106), 2008 г. с Надеждой Тэффи «На Красной горке»),

4). «Дорогим Ире и Серёже. С. Алимов» («Господа Головлёвы», М., «Художественная литература», 1980 г.).

Кстати, С. А. сказал, что на площади его также сбивала машина, причём он упал и ушибся (но виноватым считает себя).

Ещё мы вспоминали «золотой век» Академии живописи на «Белорусской»: студентов, которые очень хотели учиться. И учились у Кулакова, Кузнецова, Алимова + Реформатской + преподававшего некоторое время рисунок Александра Борисовича Суворова (офортиста из Суриковского института). Все много рисовали, писали, выставлялись, бегали по выставкам, разговаривали о живописи, театре, книгах. В праздники собирались вместе, первоначально в мастерской Кулакова на Палихе.

С. А. благодарил меня (?!), я его — и мы долго прощались, договариваясь о будущих встречах. Так я и не записала его на диктофон. С. А. сказал, что его уже записывала одна из учениц (?) и сдала плёнки в библиотеку (ВГИК?). Я спросила, а распечатали ли их? «Нет», — ответил он.

3 марта 2009 г. (вторник)

Не откладывая, в воскресенье 1 марта поехала к А. В. Кузнецову в мастерскую на улице Вавилова. Хотелось увидеться, чем-то помочь.

На «Профсоюзной» купила три фиолетовых ириса, четыре жёлтых + два сиреневых + два красных тюльпана, и травку — всё-таки первый день весны!

Дверь открыла Ира. На втором этаже ещё одна дверь, заперта. Ира позвонила Анатолию Владимировичу, и он открыл нам этаж. Я сразу протянула цветы — он их передал Ире. Но она сказала, что цветы для него!

Стали разбирать картины. Нужно было уточнить названия, материал, размер, год для ~ 50 работ, чтобы включить в каталог. Сначала мы суетились, мешали друг другу (А. В. ворчал, что мы всё делаем не так). Но потом приспособились: И. доставала работы, показывала (если большие, то вдвоём со мной), я записывала...

Некоторые оказались неподписанными. А. В. их подписывал и диктовал мне названия, которые вызывали определённые трудности, т. к. было много натюрмортов с вазами, яблоками, цветами... А. В. отвергал всё, что мы предлагали, и давал своё (некоторые повторялись, несмотря на возражения И.). Я записывала особые приметы в скобках и замеряла нашедшейся у меня рулеткой.

Весь пол был заставлен картинами (в два этажа), снятыми со стеллажей над дверью. Работы стояли аккуратно, т. к. у А. В. любимые размеры повторяются (квадраты или почти квадраты). Когда перебрали запланированное, осталось шесть частично неопознанных работ — А. В. сказал: «Всё! Хватит!»

Мы помыли руки. Вскипятили воду и, заварив чай, грели его на свече в прозрачном заварочном чайнике. На маленьком столике у диван-кровати, накрытом красивой натуральной салфеткой с узорной вышивкой, появились шпроты, творожный сыр, салат. Салат очень мелко нашинковал сам А. В.: сельдерей, яблоко, зелень, морковь... Вкусно. А. В. открыл бутылку коньяка «Кёнигсберг» (хотя была и початая). Мы выпили за весну, за здоровье: А. В. по чуть-чуть, мы с Ирой по 2/3 стопки.

Пока мы мыли и убрали посуду, А. В. полулежал на диване с чайным компрессом на глазах — они слезились и почти не открывались от сильной рези и «песка». Когда мы занимались картинками, А. В. смотрел вниз (так было легче). После «химии» его лицо немного отекло: щёки, нос, подбородок — как будто пчёлы покусали...

Ира сказала, что им на «Университет» (в другую сторону) и чтобы я их не ждала. Расцеловались, распрощались.

19 мая 2009 г. (вторник)

Всё-таки пишу редко...

Что произошло за это время?

О Кулакове. В четверг 14 мая Вадиму Алексеевичу исполнилось 70 лет. Это был его присутственный день в АЖ. После стоматолога решила поехать подарить заранее заготовленные фотоальбомы:

- 1) 400 шт., скопившихся за наше время работы,
- 2) 100 шт. — открытие выставки в РАХ.

В АЖ не было Кузнецова (неважно себя чувствовал). Все студенты и «старички» (Самовская, Кужеватова...) желали юбиляру здоровья, творческих успехов. Один первокурсник пожелал: «работать и работать...» На что Кулаков ответил: «Мы своё отработали, теперь — ваша очередь». (В тот же день, 14 мая, вечером позвонила Кузнецову. Он обрадовался. Поговорили об успехах в лечении и договорились встретиться. Хочется записать его на диктофон...)

15 мая отвлечение Кулакова проходило в секретариате МСХ на Старосадском. Я не пошла.

Аннинские. В субботу (или пятницу) созвонились с Львом Александровичем Аннинским. Александра Николаевна сильно ослабла. Но каждый день в 11:00 Л. А. выгуливает её около дома. Возил даже на концерт памяти Окуджавы в Переделкине, где он сам выступал (видели по TV, правда, частично). Говорит, что их на экране показывали вместе два раза. Мы с Серёжей хотели договориться о встрече, чтобы отвезти фотоальбом (~ 100 шт.), который я давно приготовила, и последний каталог январской

выставки Монументалистов на Кузнецком мосту, 11. Встречу решили отложить до тепла (сейчас пасмурно и +8°)...

Сегодня (19 мая), опять после стоматолога, сижу (лежу) читаю книгу Аннинского «Лёсик... Лёська», где Л. А. уже студент. И встречаю знакомые имена.

Игорь Виноградов, с которым мы познакомились во время Краковской международной конференции в 2002-м. Оказывается, Л. А. знает его с 1953-го, со второго курса МГУ:

«На кафедре легко взошёл высокий, сухой, быстрый студент с худым жёстким лицом, в очках, которые казались удивительно уместными в его облике».

(Почти ничего не изменилось, кроме возраста.)

«Виноградов — «Новый мир». Жёны, работающие в музее Толстого. Дружеские отношения. Поездки в Закавказье. Жёны, перестающие со мной здороваться из-за моей статьи о Виноградове (?). Разрешение конфликта и примирение во время варшавской встречи».

Из Варшавы в Краков мы ехали в «Интерсити» вместе, в соседних купе. Я ходила фотографировать всех участников. Есть и фото, где Аннинские сидят в одном купе с Виноградовым, который на конференции был представлен как главный редактор «Континента».

И ещё. Я вычитала, что после первого курса в 1952-м Аннинский (после колхоза) поехал отдыхать с мамой в Крым в КАСТРОПОЛЬ! Я давно не слышала этого названия, с 1973-го. Туда мы с Волковым попали по протекции его мамы Марии Васильевны как в послесвадебное путешествие, т. к. само торжество состоялось в феврале (мой третий курс), когда было не до этого, а после летней сессии — поехали. Мария Васильевна Волкова договорилась через своё министерство какой-то промышленности (она была главным специалистом), связанное с производством телевизоров, что нас встретят в Симферополе и отвезут в какой-нибудь дом отдыха. Проехав почти всё побережье (в знак благодарности везли здоровущий цветной телевизор — роскошь по тем временам!), добрались до Кастрополя, где нас и приютили. Причём первые дни мы провели в телевизионном зале, где стояли в ряд раскладушки,

человек на 20: мужчины, женщины, дети — все вместе. Постепенно, по мере отъезда отдыхающих, люди расселялись... И мы со временем переехали в корпус, стоявший, как и другие, на крутом склоне (выше всего — столовая с телевизионным залом, куда приходилось подниматься три раза в день, где, ожидая еду, играли в настольные шахматы с фигурами по поясу или наслаждались видом на море). Часто ходили на «дикий» пляж, через какой-то заброшенный д/о с вазонами и скользкими камнями. Уж не на них ли забирался Лев Аннинский за соломенной шляпой? Лёсик.

Серёжа пишет по плану свои мини-воспоминания. Об Апухтине и Аннинских я уже прочитала. Кое-что ему пригодилось из моих записей.

5 октября 2009 г. (понедельник)

29 сентября, во вторник, в больнице № 29 (в Лефортове) умер Юрий Влодов, предположительно от рака лёгкого.

Похоронили его в субботу, 3 октября, на кладбище «Ракитки» по Калужской дороге. Отпевали в кладбищенской церквушке. Кроме Людвиги Влодовой (Осокиной), ездили Сергей, Аня Гедымин, Нина Краснова, Володя Цапин...

25 сентября гостили в Правде у Серёжиной сестры Наташи, по случаю её Дня рождения. Я узнала, что Татьяна Алексеевна умерла от рака груди, а в лёгких уже были метастазы.

Делаю свой каталог-альбом у Владимира Николаевского. Говорит, что работы ведутся уже на стадии типографии, и через две-три недели всё будет готово, т. е. до 20 октября. Ждём-с... Он обойдётся нам «всего» в 134 тыс. руб. за 500 экз. (36 страниц).

Сергей заканчивает свои мини-мемуары, осталась последняя глава о Татьяне Алексеевне. В общем-то, после смерти своей мамы, в декабре прошлого года, Сергей решил писать эти «новеллы». В следующем году будем издавать его книжку (стихи + мемуары).

6 ноября 2009 г. (пятница)

9 октября были готовы каталоги, и Серёжа их вывез на машине. Первое впечатление, когда увидела свой альбомчик на столе у Николаевского: показался «мутным». Но я ничего не сказала. Всё остальное понравилось. За прошедшее время (почти месяц) уже роздано больше 100 экз. Художники, искусствоведы говорят, что очень хороший, фирменный и т. д. Я уже к нему привыкла, даже мне он стал очень нравиться — такой эстетский.

С 13 октября созванивалась с Павлом Храмцовым (Выставочный зал на Кузнецком мосту, 20) по вопросам, касающимся выставки А. В. Кузнецова. Что с TV (подал ли он заявку)? Как дела с пиаром и пресс-релизом? К сожалению, его ответы: «Да, я знаю» — ни к чему не привели.

19 октября на трёх машинах завезли более 300 работ Кузнецова. 20 октября Кулаков помогал делать А. В. экспозицию, хотя по состоянию Кузнецова (плохо с глазами) скорее, наоборот, Кулаков делал экспозицию, а А. В. иногда помогал.

Ира Ленникова потом кое-что переделала. Повесила «в арках» автопортрет А. В., «Сенокос» и всё пыталась всунуть яркую работу, для совета призвав друга А. В., меня... Друг сказал, что ни в какие ворота не лезет: «Вешай, но тогда сними все остальные, их всё равно будет не видно».

Открытие было 22 октября в 18:00 (с 17:00 — заезд гостей). В этот же день на Кузнецком мосту, 20 прошло заседание выставочной комиссии МСХ с рассмотрением плана выставок на 2010 год. Все освободились рано (до 17:00). Поэтому некоторые (в т. ч. Глухов), «отметившись» перед выставкомом, потом уже не появлялись. А те, кто появились, ждали целый час.

В экспозицию вошло 156 работ. На встречу с А. В. пришли студентки, врачи, педагоги, друзья! В дальнем зале поставили два стола, и после осмотра были устроены посиделки. Выставку я посещала несколько раз, не считая дня завоза (меня взяли хранителем для приёма и выдачи работ).

На открытии было мало сказать много, очень много народа: молодёжь из ВГИК, Академии живописи Н. Нестеровой и Славянской академии; хорошие и очень хорошие художники; просто зрители.

К 14–15:00 привезла каталоги Оля Кужеватова, благодаря которой Нестерова всё-таки дала 150 тыс. руб. на типографию, затянув с этим делом со времени моей первой докладной записки (весной 2007-го!). Но ещё выпуск был задержан из-за Иры Ленниковой, которая при подготовке персональной выставки на Кузнецком мосту, 20 в октябре 2007-го влезла с изготовлением своего макета к Вере Кальченко и Виктору Луганскому, приостановив работу над каталогом Кузнецова (он сам регулярно ездил к ним). В 2009-м же сил у А. В. не было: ему привозили макет, а цвет исправляла на компьютере И. Ленникова. Пробы были плохие, и А. В. говорил: «Лучше никакого каталога, чем такой!» Это стоило ему многих сил, и я до сих пор считаю, что И. Л. должна была сначала сделать каталог А. В., а уж потом свой!

Очередь за автографами к Кузнецову стояла до самого открытия. Свадебным генералом был Мессерер. После вступительной части все пили и ели. Много помогали студенты: таскать картины в машины и обратно, накрывать столы и т. д.

Главное, что А. В. был доволен и выставкой, и каталогом.

В День Единения 4 ноября мы с Серёжей водили Щетининых (Мозалёвы были в Париже) на выставку Кузнецова, и я, что могла, рассказывала о работах. Потом посидели в баре-ресторане «Заправка» у метро «Кузнецкий мост».

Самое трудное с моим каталогом — это подписывать. Хочется писать разное, но я не писатель. Только близким могу что-то придумать, а продумать подписи удалось разве что двоим.

А. В. Кузнецову: «Дорогому Анатолию Владимировичу — любимому учителю, Мастеру и просто хорошему Человеку от его ученицы Ирины с радостью 19.10.09».

В. А. Кулакову: «Дорогому Вадиму Алексеевичу — Мастеру сотворения своего мира, как на холсте, так и в жизни с любовью от подмастерицы Ирины Телюк 19.10.09».

Было две «массовых» раздачи: первая — на вечере в ЦДЛ у Нины Красновой на «Эоловой арфе»; вторая — на вечере в «Известиях» у Гриши Певцова и Лолы Звонарёвой. Не хочется раздавать просто так, абы кому. Лишь друзьям, близким и интересующимся (кто спрашивает).

В воскресенье 1 ноября были у А. Н. и Л. А. Аннинских на «Проспекте Вернадского» (с 18:00 до 21:00). Принесли мой альбомчик, каталог Кузнецова с его автографом и фотоальбом за 2008–2009 года с фото Аннинских (100 шт.). Л. А. испёк яблоки, привезённые из Ясной Поляны — очень вкусные, с сахаром и корицей. Всё съели под французское полусладкое вино. Потом пили чай со свежим «Ленинградским» тортом. Говорили о том о сём.

Вчера, 5 ноября, были на творческом вечере Гриши Певцова, нового друга Лолы Звонарёвой. Как говорится: опять 25! Его ведут по стопам Саши Ананичева: «делают» вечера, издают книги за рубежом (Болгария), собирают общество, пытаются поднять авторитет. Вроде бы немолодой... Для чего ему это? Зато знает французский язык. Завидую.

Виделись с Фаридой и Борисом Евсеевыми. В четверг 12 ноября — вечер в Чеховской библиотеке. Обязательно пойдём. Очень приятные люди.

20 ноября 2009 г. (пятница)

Всё забываю записать стихок, который «декламирует» игрушечный бычок с сердечком в «руках-копытцах», подаренный мне Серёжей на Новый 2009 год — Год Красного Быка:

*Если грустно одному,
Не с кем поиграть,
Позови меня: «Му-Му!»,
По спине погладь.*

*Ты подаришь мне цветочек —
Расскажу тебе стишочек!*

Серёжа закончил книгу. Отправил её по Интернету Ане Гедымин для редактирования. Она уже (за одну ночь!) прочла — ей очень понравилось, особенно родословная...

На отзывы-впечатления у него есть договорённости с Л. Аннинским, К. Ковальджи и С. Казначеевым...

Надеемся, что когда в январе мы расплатимся с долгами за мой альбомчик, приступим к его книге...

Кормушка, которую повесил Серёжа, работает всюю: снуют синицы, с самого рассвета до темноты. Воробьи ещё не освоились, прилетают редко, наверное, так будет до первых морозов и снега. Они бывают наскоками, стайками, и пропадают надолго, не съели даже 1 кг пшена — в то время как синицам 1 кг семечек хватает на два дня (под близлежащими деревьями, на земле и асфальте всюду валяется шелуха, которую клюют голуби).

Мне взбрело в голову к выставке графики сделать работы с сухими листьями. Нарвала и высушила листья клёна, дуба, каштана, тополя, рябины. Наклеила их ПВА в разных конфигурациях на цветную бумагу (плотностью ~ 200–240):

1) сразу пришло решение с тополем: листья треугольные, и если их сложить кончиками внутрь, то получается колесо с хвостиками, как цветок;

2) с листьями дуба было два решения: аллея деревьев или клин улетающих птиц (выбрала второе);

3) с каштаном — получилось отражение;

4) т. к. рябиновых листьев было мало (3 шт.), то и думать нечего — снежинка;

5) хуже с кленовыми — большие и разнопёрые, от зелёного до грязно-бордового — радуга осени.

Сейчас иду приклеивать, затем красить (ещё не решила, как).

23 ноября 2009 г. (понедельник)

В день, когда сделана предыдущая запись, произошло несчастье. В подъезде, где живёт Андрей с семьёй, в подвальном магазинчике произошёл взрыв баллона с газом (?!). По-видимому,

продавцы-работники — кавказцы — там же жили и готовили на газу. А квартира Андрея на третьем этаже, как раз над магазином. Об этом происшествии прошла информация по TV и Интернету.

В субботу, где-то в 2:30 ночи, — звонок (мы легли спать в начале первого). Женский голос представился: «Это врач скорой помощи. Мы везём к вам вашего сына с женой». Тут взял трубку Андрей: «Мама не волнуйся, мы все живы! Рассказывать долго, приеду — расскажу».

В 3:00 сигнал по домофону: «Это мы». Входят чумазые и пропахшие гарью: Андрей в джинсах, перепачканных сажей, и чёрной кофте, Таня в чужой куртке, под которой «белая» (была такой) кофта. Сашу отвезли в Филатовскую больницу.

По рассказам ребят всё происходило так. Андрей пришёл с работы в начале двенадцатого ночи, расстроенный и заведённый скандалом: начальник из-за прогулов напарника (запившего после поражения сборной России по футболу от сборной Словении и, следовательно, нашим «пролётом» мимо чемпионата мира в Африке) в качестве наказания решил перевести их на дальнюю точку, где маленький заработок, не дающий прокормить семью. Андрей с Таней сидели на кухне и обсуждали. Вдруг дом трянуло. И началось. Они бросились собирать документы, одевать Сашу. Собрав сумки, открыли дверь на лестницу — там темнота, жар и гарь, лёгкие обожгло. Кинулись к окну, открыли — тоже жар. Стали кричать и звать на помощь. Милиция, которая оказалась под окнами, кричала им в ответ: «Держитесь!» Танечка вспомнила про респираторы, которые ей продали в аптеке вместо масок от гриппа. Они их надели. Жар увеличивался. В полутьме Саша бегал по квартире, крича: «Мы умрём!»

Решили прорываться сами. Намочили и обмотали головы: Сашу — банным полотенцем, Андрея — Таниным халатом, Таню — ещё чем-то. Вышли на лестницу. Стали спускаться на ощупь: Андрей пытался зажечь зажигалку, но кислорода не было, и она не горела. Первым шёл Андрей, нащупывая дорогу, затем Таня, держа за руку Сашу. Так дошли донизу, крича и зовя на помощь. Тут Андрей наткнулся на запертую

решётку (обжёг руки). И пришёл в ужас! Он уже не соображал, что это решётка под лестницей первого этажа, где хранились коляски. И тут, по-видимому, их услышали пожарники и буквально за шиворот выдернули Андрея на улицу, а Таню за плечи направили к выходу. Слава Богу, вышли! Стояло много скорых: грудничковая, детская, «кардио» и др. Сашу забрали в детскую, а Андрея с Таней хотели везти во взрослой. Андрей резко отказался и заявил, что поедет только с сыном! Его просили вести себя адекватнее. Но Андрей стоял на своём, и врачи сдались. Их троих повезли в Филатовскую, где они «сдали» Сашу «на профилактику». Его положили в реанимацию, сказав, что если всё будет хорошо, то скоро переведут в палату. Сами ребята отказались от госпитализации, и та же скорая отвезла их к нам.

Андрей и Таня были заведённые, на грани истерики. Возбуждённо рассказывали о пожаре в подробностях. Приняли душ, мы дали свою одежду. Сели на кухне, Андрей попросил выпить — достали настойку черноплодки на водке. Андрей восхищался Танечкой, её самообладанием. Я спросила: «А где документы?» Они их бросили: Таня — на кухне, Андрей — в коридоре...

Андрей то смеялся, то обнимал Таню, и вдруг, закрыв лицо руками, зарыдал. А через какое-то мгновение — засмеялся. Потом решил вернуться на пожар, посмотреть, что с домом, может быть, забрать документы. Уехал. Вернувшись, рассказывал, что милиционеры с фонариком проводили его до квартиры...

В их подъезде погибли три человека, в т. ч. и их сосед. А 14 (по некоторым данным 17) человек пострадали и попали в больницы, в т. ч. Саша.

На первом этаже, в квартире над магазином — воронка, через которую и шли жар, дым, копоть... В доме от взрыва появились трещины.

Ребят сначала на два дня разместили в гостинице «Кузьминки». Потом продлили их пребывание там на неделю. Они собирались в воскресенье, 22 ноября, с жильцами и ходили по инстанциям, требуя экспертизы и гарантий, что дом не «сложится».

Вчера по TV КВН-щики пели частушки, с которыми мы полностью согласны:

*Эх, у нас в стране разруха,
Эх, у нас в стране бардак.
Видно, президент России,
Что-то делает не так.*

2 декабря 2009 г. (среда)

Из фильма о Варламе Шаламове (по памяти):

«Праведник в конце жизни оказался у Бога. И Бог показал ему всю его жизнь в виде следов на песке вдоль берега моря. И сказал, что всегда был рядом с ним. И действительно, со следами праведника были и другие... Но в самые трудные моменты жизни — оставались только одни следы. Тогда праведник спросил Бога: «Почему же ты оставлял меня в самые трудные моменты?» И Бог ответил: «Я не оставлял тебя, просто в самые трудные моменты я нёс тебя на руках...»

У ребят всё по-прежнему, живут в гостинице «Кузьминки». (Единственный осадок остался у нас с Сергеем — что-то они не всё нам рассказывают: 1) случайно узнали, что Вероника с мамой — Ириной Михайловной, первой женой Серёжи — дали им денег, как и обещали нам. Но на мой наивный вопрос: «Сколько?» Таня уклончиво ответила: «На кровать Саше хватит» (?); 2) говорили, что ремонт полов будут делать за их счёт! Вчера вечером оказалось, что полы им уже стелят за счёт города; 3) про гостиницу: то на два дня, то на неделю, теперь вроде ещё продлят — при этом ребята просят найти съёмную квартиру, но не хотят звонить моей сестре, которая готова взять их в большую комнату бесплатно.

Надеемся, что всё нормализуется.

К сожалению, мы в финансовой дыре. Долги за мой альбом: Н. Шумянской — 30 тыс. руб. (до конца года), О. Кужеватовой — 40 тыс. руб. (до 22 января 2010 г.). Поэтому помогать пока что можем только: сидеть с Сашей в гостинице, и обзавивать друзей-знакомых насчёт квартиры...

II. Неоконченное

2 января 2010 г. (суббота)

Об Анатолии Владимировиче Кузнецове. 25 декабря была у него дома (на Соколе) на дне рождения — 73 года. А. В. ослабел. Периодически уходил от стола пить и закапывать (в глаза) лекарства, после чего 15 минут отлёживался. Позже сказал: «Выпивайте скорее, я долго не продержусь». Назвал себя «химическим заводом».

Я много фотографировала и снимала, радуясь, что со звуком, т. к. А. В. с его сокурником Эдуардом Степановичем Зарянским вспоминали своё путешествие по северным рекам на плоту — 600 км! — это в счёт практики.

Рассматривали фото (в подаренном мной альбоме — 200 шт. + 500 на CD) с выставки на Кузнецком мосту, 11.

Последней пришла Слава, дочь А. В. (молодая располневшая женщина), которая занимается компьютерными играми.

Ирина сказала мне единственной (по секрету), что сегодня они подали заявление в ЗАГС. «На такой красивой женщине грех не жениться!» — передала она слова А. В. Перед уходом Ирина подарила всем «девочкам» маленьких уточек, парных — на счастье.

И сказала, что А. В. даже ездил во ВГИК, ставил постановки студентам. На АЖ — уже сил не хватает. Анализы плохие, хотя врачи говорят, что лечение идёт нормально (?!). Ещё она сказала по телефону, что А. В. хочет отобрать и подарить трём ученицам по своей работе, и я вхожу в их число (а также Оля Кужеватова). Но это произойдёт позже, возможно, на Рождество. (А мы на Рождество поедem вместе со Щетиниными и Мозалёвыми на два дня — с шестого по восьмое января — в «Переделкино».)

В гостях досиделись до 22:00. А. В. устал, конечно, но был доволен.

(9–20.07.2010. Ильинский Погост)

План рассказа о жизни Ирины Телюк

I. Детство. 1952–1959

Рождение (Китай). Родители. На ул. Землячки. Переезд на Ленинский проспект (1959). Летом в деревне («помощники»: копка картошки). Одежда. Игры. Пчёлы. Животные. Магазины.

II. Школа. 1959–1966

В 1-й класс. Отъезд в Румынию. Отпуска в России. Возвращение на Ленинский из Румынии. Школа № 52.

III. Юность. 1966–1969

Переезд на ул. Телевидения. Вступление в ВЛКСМ (1966). Перевод в школу № 625. Учёба. Мат. олимп. в МГУ. Выпускные.

IV. Работа. 1969–1970

Попытки пост. в институты. Учёба на курсах машинописи при МИДе. Работа в ЦНИИИнформ на Фрунзенской. Подготовительные курсы.

V. Институт. 1970–1975

Поступление в МИЭМ.

Картошка на 1 курсе. Сессии. Олимп. по начерталке. Стройотряд под Лотошино. Знакомство с Владом. Концерты. Учёба. Сельхоз отр. 1972. 7 ноября. Замужество (III курс). Кастрополь (г. Ифигения). Беременность. Разъезд с родителями. Сессии. Рождение Андрея. Болезнь Влада.

VI. Молодой специалист. 1975–1980

Диплом. Распределение. Преддипл. практика. Защита и Госы. Работа в МИЭМ. Семья. Мама Мария и папа Геня. Рига. Ростов Великий (1979). Уход из МИРЭА в ХНО. Отдел АСУ.

VII. Развод. 1981

Олимпиада. Работа Влада в Райкоме ВЛКСМ. 7 ноября. День рождения Андрея 29/I. Развод. Вызов в Райком. Съезд Влада. Переезд в 2-х комн. кв. Помощь сослуживцев. Родители. Отношения с Владом.

VIII. Разведёнка. 1981–1992

Жизнь в отделе АСУ + командировки.

Ухажёры.

Летние отпуска в спортлагерях.

Смерть родителей. На Б. Черёмушкинскую, 2–1–159. Ильинский Погост. Оформление наследства. Сестра (смерть Крайнева, ссоры). Отношения с Андреем. Перестройка — сэконд хэнд, книги...

IX. Любовь. 1992–н/вр.

Груша. Встреча Сергея. Старый Оскол. Свидания в Коломенском. Съезд и сдача квартиры Сергея. Стычки с Андреем. Домашнее хозяйство.

X. Творчество. 1994–н/в

Выступления и публикации Сергея. Новые друзья (Мозалёвы, Щетинин, ...). Крым. Учёба в ЗНУИ. Работа в НГУ Н. Нестеровой 1993–2008. Апухтин. Учёба в АЖ. Наставники-мэтры. Первые выставки (ЗНУИ, ...).

Книги Сергея, иллюстрации.

XI. Жизнь.

Вступление в МСХ. Член правления. Секр. выст. ком. Мону-менталисты. Мастерская. Польша.

Домик в деревне. Родители и родня Сергея. Смерть родителей Сергея. Женитьба Андрея. Размен. Рождение Саши. Пожар в дер. и Андр. Сестра. Пенсия...

I. Детство. 1952–1959

1. Китай

1.1 — Два свидетельства о рождении:

1) г. Порт-Артур, Китай (1952–1968);

2) г. Москва (с 1968 г.).

1.2 — Командировка родителей в Китай (город — ?). Коммуналка. Ожидание сына Александра — в честь Сашки Мусатова, а у Мусатовых сын Виктор — в честь моего папы (Вити Горячева). Обещание покупки (маме) платья и туфель.

1.3 — Рождение дочери. «Отказ» забирать из роддома. Агитация коммуналки. Выбор имени «Ольга» — оказалась «Ирина».

1.4 — Болезнь ушей. «Искусственница»: диспепсия, дизентерия. Кормление чечевицей. На память от врача: пагодка, божки (последних — сестра раздарила подругам). Отъезд из Китая. Происшествие на границе: нет билетов, голод...

2. Ул. Землячки

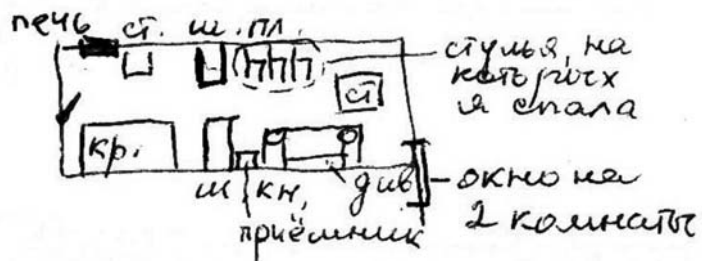
2.1 — Первые воспоминания: коммуналка на ул. Землячки, д. 11, кв. 1. Деревянный двухэтажный дом: крыльцо, лавочка справа, деревянная лестница со скрипом и крутая, дверь, обитая ватином, куча звонков.

Кухня: кран с холодной водой, столы 10-ти семей, плита, керосинки, керогазы.

Коридор: комнаты, туалет и ванна справа, поперечный коридор к нам, налево ~ 3 семьи, направо ~ 3 семьи. Полуподвал. 2-й этаж татар.

2.2 — Комната: 11 кв. м, я спала на трёх стульях. Мылись в бане на набережной, с тазом.

2.3 — Соседи. Справа от нас дядя Стёпа, парикмахер в бане, и тётя Дуся, уборщица в бане. Наставницы — Варвара и Ольга Бесфамильные. (Мытьё расчёсок. Коллекция картинок с конвертов, в жестяных коробочках: цветы, города, портреты, праздники.)

2.4 — Папа слушает футбол: Понедельник. Болел за «Торпедо».

2.5 — Гости — к нам. Прунтовы Люба и Боря, выбор принцессы с накидушкой от подушек на голове, прятки.

2.6 — Мы — в гости: к Прунтовым — в подвале плохо помню, в пятиэтажке на Новый год срезали конфеты и мандарины ночью (родители подсматривали). Строительство из констр. домиков, крепостей, гаражей... Графин с вращающ. балеринкой из Германии. Походы на ВДНХ — бутерброд из булочки за 7 коп. с двумя горячими сосисками. Прогулки по павильонам и сбор реклам. В один из посл. раз (мне лет 13–14) в открытом кафе ели шашлыки с дядей Юрой и папой;

к Мусатовым — на Аэропорте (?). Овальная железная дорога с заводным механическим паровозиком и вагончиком;

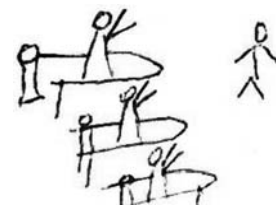
(?) — стереокартинки городов др. стран, животных и пр.

2.7 — Двор. Барак для рабочих. Потом построили пятиэтажку и Госрадиоцентр, который горел, и мы выносили вещи. Сарай с дровами и погребам.

Игры: горка, залитая зимой. «Секретики». Кораблики — спички по весне. Прогулки с сестрой в библиотеку и Третьяковку.

2.8 — Дом пионеров. Куда ходила Ната — не помню. «Ракушка» с лавочками, где были по праздникам концерты.

2.9 — В Ильинский погост. Рано утром папа впереди с чемоданом и сумкой, мама с нами на Казанский вокзал на метро. Много билетёрш: отрывали билетики и бросали в высокие урны, стоя на островках, отделённых перилами.

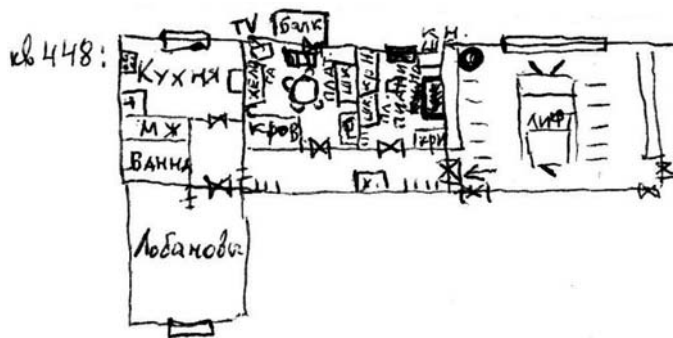
3. Ленинский проспект, д. 82, кв. 448 (15 подъезд) и Ильинский погост

3.1 — Как проходил переезд в 1959 г. с Землячки на Ленинский, не помню — скорее всего, я была в деревне, как всегда

на всё лето. Папе в МИДе предлагали отдельную квартиру, но мама испугалась: «Как же без соседки?»

3.2 — В новой квартире были одни соседи! Лобановы Александр Петрович (МИД), Людмила Александровна (детсад), Зина и Саша — в одной комнате ~ 25–30 кв. м. У нас было две комнаты: детская, при входе справа, и родителей, за нашей. Большой коридор, где стояли холодильники, велосипед соседей и пр. Большая кухня. На кухне стояло два стола, над которыми висели полочки.

Когда у нас только что появилась полочка, Л. А., желая похвалить, сказала маме: «Какая у вас хорошая полочка». Мама не расслышала, кушая свежую булку, и ответила: «Да, хорошие булочки!»

3.3 — В детскую комнату перевезли всю старую мебель: железную кровать родителей (на которой стала спать Ната, а теперь она — на Ильинском Погосте), платяной шкаф с зеркалом (выбросили при съезде родителей на Фили, когда я вышла замуж), книжный шкаф (в котором остались папины книги по истории, марксизму-ленинизму и журнал «Коммунист»), мне железную кровать купили ещё на Землячке, в угловом мебельном на Павелецкой, у Зацепы (магазин снесли вслед за рынком, при реконструкции площади). Новыми были только квадратный стол и пианино, т. к. Ната стала учиться в музыкальной школе № 52, у метро «Университет».

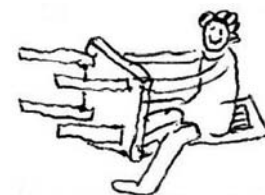
В родительской появились: немецкая «Хельга», трёхстворчатый платяной шкаф, деревянная полуторная кровать, круглый

стол с пятью стульями, с зелёными кожаными сидениями (теперь в деревне). Старыми остались: диван с валиками и сундуки с чемоданами. Главное — балкон, с которого мы пускали бумажные самолётики! Репродукция картины Шишкина «У истоков...», преподнесённая папе к 40-летию Октября. И ч/б телевизор «Рубин» — на тумбе, с цветной плёнкой для цвета, голубая/зелёная.

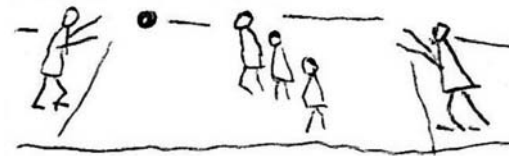
3.4 — Игры.

Дома мы с соседом Сашей (моложе меня на 1–2 года) играли в танкистов, залезая под железные кровати. Взрослые нас выгоняли. Тогда мы переворачивали стулья на спинки и изображали машины.

На улице весной и осенью любимыми были в городе:

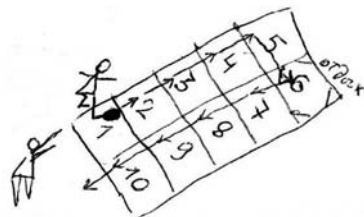
а). «Вышибалы». Когда двое вышибал пытались мячом выбить бегущих между ними ребят. Можно было поймать мяч руками («свечу»), и у тебя появлялась защита на одно попадание.

б). «Козёл». Прыгать через отскакивающий мяч у стены дома.

в). «Классики». Игрок бросает битую (баночку из-под гуталина, заполненную для тяжести землёй) на клетку «1» и на одной ноге, не задевая линий клеток, гонит битую 1 → 10. Отдохнуть на двух ногах можно только на клетке «6».

Пройдя без нарушений: бросает на клетку «2» и т. д.

При нарушении — прыгает другой игрок.

г). Штандер.

д). Лапта.

е). Салочки.

ж). Красное-чёрное.

з). Прыгалки: нагонялы (поодиночке, групповые).

и). Прятки.

Зимой в городе: лепка из снега крепости (для игры в снежки), бабы, горки. Каток во дворе на гагах (коньки надевали прямо в квартире), катание на санках, лыжи. Катки: в «Лужниках» и «Люкс» на Спортивной (на фигурках — в более старших классах, до 7 кл.).

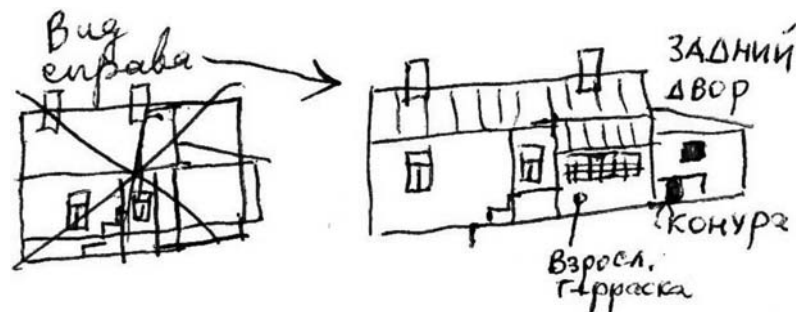
3.5 — TV: передачи «Спокойной ночи малыши», мультики (пока не купили TV — смотрели у Лобановых), КВН, «Голубой огонёк», «В мире животных», «Клуб кинопутешествий». В кинотеатры не ходила, кроме единственного раза ~ на «Капитана Немо» в к/т «Прогресс» (1-я ул. Строителей, ныне театр Калягина — ?).

3.6 — Ильинский Погост. На лето меня отправляли в деревню Ильинский Погост (вернее, село, которое в разговорах мы всегда называли «деревней». Сейчас — это уже сельское поселение).

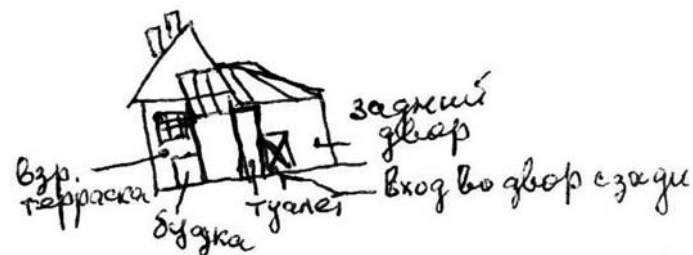
В Ильинку (так иногда папа говорил для краткости) ехали на поезде, с пересадкой в Куровской на другой поезд — по кольцевой Москвы, и через одну остановку, «Нерскую», был Ильинский Погост. Паровоз дымил и тащил вагоны, в которых открывались двери и окна (снизу). Мы высовывали головы и часто в глаза попадали иголки. Нас почти всегда встречали наряженная бабушка Мария Ивановна (наряды, причёски, губки,

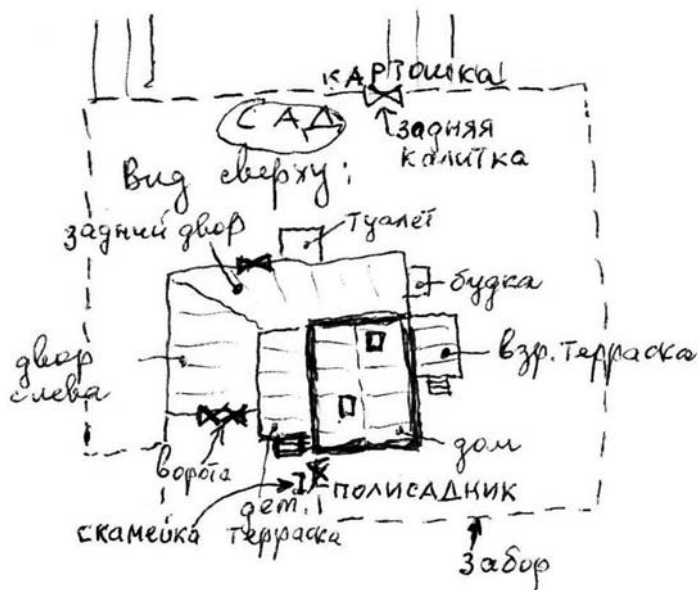
сумочка, каблочки, всегда без платков) и дедушка Павел Васильевич (с палочкой, т. к. хромал). Везли много еды: мясное, сладкое, крепкое, вкусненькое. Родители всю жизнь помогали, ежемесячно посылая деньги: от 10 руб. и более + на дрова + на краску и др. Папа очень любил и уважал родителей. Ему было интересно с ними. Привозил друзей.

3.6 А — Дом в деревне

Вид сзади:

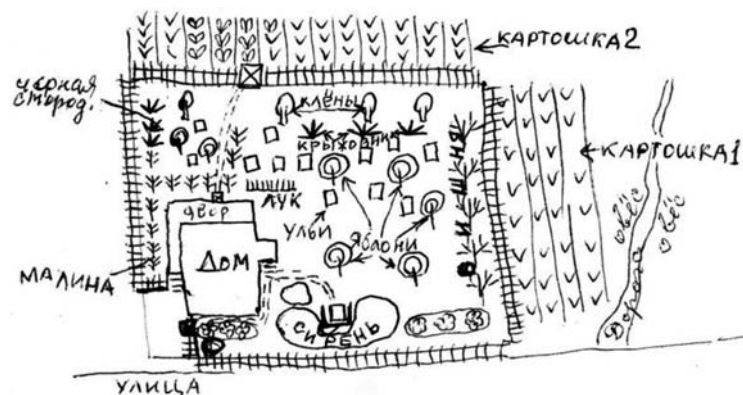

3.6 Б — Планировка дома

- I — Взрослая терраска.
- II — Детская терраска.
- III — Чулан.
- IV — Задняя комната.
- V — Передняя.
- VI — Двор.
- VII — Подклеть (под чуланом III).

3.6 В — Участок: палисадник, сад, огород

Огорода как такового в деревне не было. Была картошка. Сначала она росла справа от дома, за забором. Тогда наш дом был крайним на улице, за ним до ж/д было овсяное поле, через которое крест-накрест шли пыльные дороги, по ним ездил лошадь с телегой, возившая бидоны. Мы иногда катались, но телега ужасно тряслась.

С этой картошкой-1 связана история. Мы, дети, решили помочь взрослым и, взяв бельевые и двуручные корзины, пошли копать картошку. Грядки тянулись вдоль всего забора. Не помню, сколько грядок мы перекопали, но, собрав достаточное количество, понесли взрослым, которые, довольные, пели на взрослой терраске. Когда мы с корзинами подошли к крыльцу и взрослые поняли — случилась немая сцена. Был август, и картошка ещё не выросла, была мелкой — 4–5 см! Но нас не ругали за порыв — смеялись: «Помощники!»

Потом рядом построили дом, и картошку-2 стали сажать за садом. Окучивали все, и всегда по несколько раз за лето.

3.7 — На Ильинский Погост съезжались родные. Кроме нас четверых, ещё сестра папы тётя Ира с мужем дядей Костей и двумя сыновьями — Лёшей и Шуриком (Скороходовы). Из Рязани брат дедушки — дядя Саша с женой тётей Наташей и внучкой Ирой. Кроме того, заезжали, приходили Прунтовы, Мусатовы, Крайневы, родные дяди Кости и др. Спали везде (даже на улице, когда без дождя и тепло). Дети — на «детской

терраске» на полу (теперь она у тётки Иры). Стелили два матраца к стене: посередине — либо тётка Ира, либо мама; а потом — девочки слева, мальчики справа (поперёк матрасов). Взрослые — на всех кроватях, на полу. Дедушка — на печке.

3.8 — Ели дети отдельно, как правило, утром — манную кашу, или на детской терраске, или в саду, за детскими столиками.

Взрослые ели на взрослой терраске или в беседке в сирени, где подставляли ещё маленький сервировочный столик для самовара, кастрюль и пр. При любой возможности вечерами взрослые сидели с гитарой и пели (с вином). На гитаре играли: дедушка (цыганочку, старинные песни, романсы — «Белая акация», «Едет барин с поля», «Летела сорока» и др.); папа (цыганочку, песни из к/ф); дядя Костя (романсы).

У деда был бас, у бабушки — высокий (?). Мама — второй голос, тётка Ира — первый-второй, папа — второй голос, дядя Костя (?). Раскладывали по голосам, со вступлениями и концовками. Бабушка в юности пела в церкви, на клиросе, и голос у неё был поставлен. Слух был у всех. Мы подпевали знакомые песни, когда нас не гнали спать.

3.9 — Была традиция ежегодно всей семьёй ходить в Поповский лес на «Ямку», устраивали пикник с гитарой. «Ямка» была постоянной. Все садились кружком, свесив ноги, дети бегали, бросали ножички, собирали грибы.

Однажды дядя Костя объявил: «Кто за полчаса найдёт самый большой белый гриб, тот получит столько денег, сколько уместится на его шляпке». Все дети разбежались. Лёша выиграл: принёс белый гриб (небольшой) и большой гриб белого цвета (!) со шляпкой-воронкой. Дядя Костя дал ему 10 рублей!

После посиделок под мох на дне ямки закапывали свежую газету, а предыдущего года — забирали.

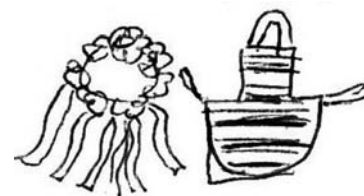
3.10 — Я боялась дяди Кости, старалась обходить его и не оставаться в одной комнате, т. к. он щипался и делал этим больно. Но почему-то я стеснялась жаловаться.

3.11 — Иногда дети устраивали домашние концерты. Репертуар был постоянный:

а). Басня «Ворона (я — на стуле) и лисица (Ната)»;

б). Украинский танец (я и Ната) с веночками и лентами на голове и в фартуках с настроенной тесьмой, сделанных вместе с мамой;

в). Татарский танец (я и Ната) под такой текст:

1 куплет (она):

Светит месяц, луна горит зарёй.

Где ты, где ты татарин молодой?

2 куплет (он):

Вот я, вот я, татарочка моя.

Давай с тобой станцуем, станцуем гопака.

3 куплет (она):

Нет, не буду с тобой я танцевать,

Нет, не буду с тобой я щеголять!

(Далее танцуют);

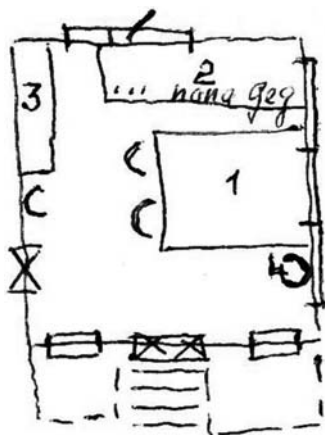
г). Матросский танец под «Яблочко» (па — присядка, обратная косичка...);

д). Сценка из деревенской жизни: охрана сада дедом.

(Яблоки в садах мало у кого были, в основном огородах. У нас всегда просили. Но некоторые воровали, в основном, дети. Поэтому дедушка в августе спал в саду, с ружьём-двустволкой.)

Лёша («дедушка») выходил в тулупе с ружьём, собакой и ложился спать. Храпел. Тут вылезали все мы и таскали яблоки. Когда Лёша-дед просыпался, то яблок уже не было. Играли в задней комнате, а за печкой были кулисы. Взрослые сидели на стульях и тахте.

I — Взрослая терраска (была пристроена после покупки дома в 19... г.).

1 — большой массивный стол с фигурными ножками и массивной столешницей ~ 25 см, под которую не влезали колени;

2 — матрас на ножках, где сидели мужчины по старшинству (от окна): дед, папа и др.;

3 — полка для чайной посуды;

4 — стул бабушки М. И., рядом всегда ставили самовар, который она разливала сама, только в тонкие круглые стаканы, сливая себе «первач» и разбавляя водой «другач» (для всех остальных).

Над — висели небольшие портреты Будённого, Ворошилова и «Ходоки у Ленина».

В единственную форточку на терраске, под которой была будка, где жили на цепи собаки (Алай, Берта, Белка, ...) мы (дети и мама) тайком от бабушки бросали сахар. Нам было их жалко, т. к. собак держали в строгости: отпускали только с нами в лес по грибы, кормили остатками еды и мытьём от жирной посуды. Кстати, котам — Барсикам — везло не больше: гоняли со стульев, диванов, кроватей (не дай Бог!); самое вкусное — блюдце молока, а для того, чтобы они ловили мышей, по всему дому были вырезаны лазы (под дом, во двор, на улицу).

II и III — Детская терраска и чулан.

Детская терраска была пристроена позже взрослой, поэтому в ней сохранилось окно в переднюю комнату, через которое взрослые часто наблюдали за нами, особенно бабушка М. И. А мы — дети — использовали его иначе: помню, там между рам на вате жил стриж со сломанным крылом, которого кормили мухами.

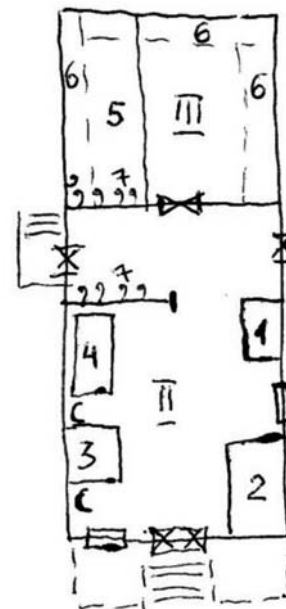
1 — шкаф, пристроенный к стене, с крупами, банками и др.;

2 — канаве, короткое, на котором не умещались ноги;

3 — квадратный раскладной стол, где мы рисовали, читали, играли;

4 — кровать (позже), где потом любила отдыхать бабушка М. И., а раньше стелили матрасы детям на полу.

На детской терраске отмечали 16-летие Наты — 7 августа 1962 г. Были приглашены друзья Лёши и Шурика: Коля Лопатников, Миша Цыбисов... На стол разрешили купить сидр в больших бутылках, как шампанское 8–10° крепости. Я крутила патефонную ручку, заводила и меняла пластинки (мне было десять лет, и меня считали маленькой). После застолья — танцы перед домом, и мальчики, пришедшие в чёрных брюках и белых рубашках, сняли рубашки, т. к. стало жарко (это был вызов обществу!). Я тогда сестре к совершеннолетию подарила пластинку (78 оборотов): с одной стороны — песня «Чай вдвоём», а с другой — ? И ещё дарили книги, которые покупали в местном магазине детских товаров («канцтовары» ?).

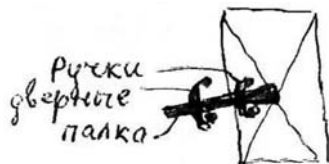
5 — лежанка из досок с матрасом, где любил спать дед. Под лежанкой стояли жбаны с мёдом, ящики с рамками, скарб для пчёл, чемоданы и пр.

6 — полки, где стояла старая обувь, мелочи...

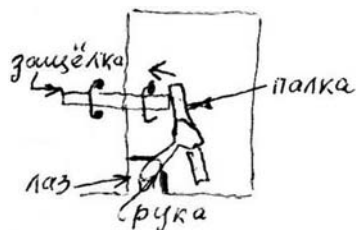
7 — вешалки со старой одеждой.

На детскую терраску можно было попасть без ключей, зная хитрости, чем дети и пользовались, когда подросли и бегали на свидания:

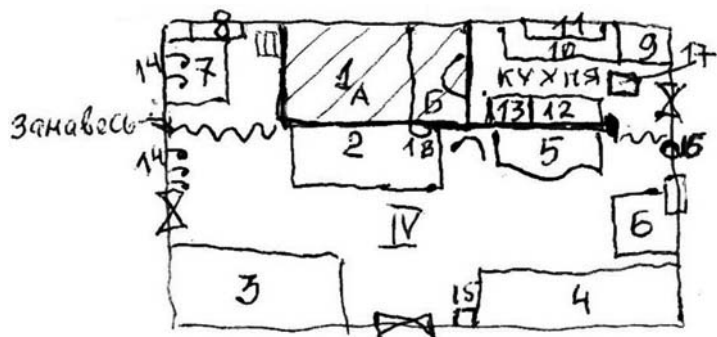
1) из сада, подойдя к задней двери двора (которая закрывалась на палку), надо было раскачивать дверь, пока палка под своей тяжестью не выскальзывала на землю;

2) далее, пройдя двор, подняться на крылечко, и через лаз для кошки другой палкой отодвинуть деревянную защёлку — и ты дома!

IV — Задняя комната. Комнату называли то задней (т. к. она за передней), то кухней.

1 — главная печь, или русская печь с лежанкой (А) и горнилом (Б). Её перестроили в 19..., сделав под горнилом ещё и плиту (малую печь, на которой можно было готовить). Зимой это — «центр вселенной». Топили один раз в день, и в горниле готовили всё: томленое молоко, щи, пироги, сушили грибы и яблоки... Плиты и эл. плиток тогда не было. Для разогрева пользовались керогазом или примусом, для которых покупали керосин с привозных машин — в железные бидоны черпаком в один литр (машина приезжала раз в неделю, керосин экономили).

Подспорьем для разогрева еды были... самовары (не электрические). Бабушка варила яйца, разогревала пироги. Труба прикреплялась к круглой отдушине в печи (1В) для вывода дыма.

После того как самовар вскипал, под крышку клали яйца в марле, и они варились. У бабушки было несколько самоваров: ведёрный (10 литров) — для стирки, помывки; средний (5 литров) и маленький медный (2–3 литра) — для чая. За самоварами ухаживали и мы — надраивали их тёртым красным кирпичом до блеска. Ходили все мыться в общую баню на фабрику, в Митрохино. Женщины — по субботам, мужчины — по воскресеньям (?). И вот однажды возвращаются все женщины с детьми и видят в саду картину (мужчины решили пошутить): от бочки на углу до ступенек взрослой терраски выстроены все самовары (а их тогда было штук семь), и все дымят! Пожалуйте к чаю! Где теперь эти самовары? Медный с подносом утащила в Москву Ната (на память), какие-то распаялись, и их

выбросили, часть продал Лёша — может, у тёти Иры и пылится где-то один? С появлением электрических бабушка легко перешла на маленький эл. самовар, а также на эл. плитки, плиту с баллонами...

Печь стали топить только для обогрева...

Вторая роль печи: лежанка с матрасиком, подушками — для сна и отдыха. Много вылечила она простуд, радикулитов и прочих болезней. Недаром дед обожал там спать и зимой, и летом. Ещё на лежанке был... клуб, где собирались до четырёх человек — поговорить, поиграть в шашки, карты, погадать, почитать... Недаром моим подругам, побывавшим в деревне — Вале Сидоровой и Наташе Петровой (Шумянковой), — запомнились печь да самовар с пирогами М. И. (мы ездили в зимние каникулы кататься на лыжах).

Ещё позади печи были печурки для сушки варезек и носок (но не мокрых, т. к. они «горели» и палились).

7' — за печкой был кованый сундук, на который можно было встать и залезть на печь или просто стоять, если все места заняты, и общаться у кафельной стенки (вертикальная деревянная лесенка на печь была не очень удобна).

2 — стоял посудный шкаф с полкой наверху, где валялись книги по садоводству, пчеловодству, старые журналы и газеты. Я имела глупость найденные на ней газеты 1812 года и журналы, кажется, «Огонёк» или «Нива», отдать в музей школы, где они и сгинули.

Много мебели было куплено у бежавшего в 1917 году француза (вместе с бельём) и перевезена из Москвы на телегах в деревню (куда из-за болезни деда тифом пришлось переехать в 1924 году — ?). Вся мебель была с «излишествами» (что сегодня опять в моде), окрашенная тёмной морилкой: посудный и платяной шкафы, комод, столы, диванчик, стулья, картины...

В посудном шкафу, внизу, аккуратно в полотняных мешочках лежали крупы и сахар, выше — тарелки и блюда, ещё выше — чашки, соусницы, сахарницы и др., совсем наверху — рюмки. На каждой полке — кружевные салфетки. Среди посуды была и Кузнецовская (блюда, на которых студили варенья, ещё что-то) — сейчас она у тёти Иры.

3 — платяной шкаф был с верхним пальто, платьями. Внизу два выдвижных ящика деда, с инструментами (у тёти Иры).

4 — матрас на ножках.

5 — «шкапчик» — так говорила бабушка и хранила в нём подсолнечное масло, уксус, горчицу, хрен, водочку, которая выпивалась перед едой умеренно, для аппетита. Причём бабушка обязательно в свою 50-граммовую рюмку клала одну чайную ложку мёда! Водочка покупалась чаще четвертинками. Даже когда их не было, попросив разлить, затыкали пробкой из скрученной газеты. Теперь он у нас (т. к. тётя Ира его выбросила), Андрей его частично подреставрировал. Над ним долго висели часы с кукушкой и гирьками в виде еловых шишек. На «шкапчике» стоял самовар, за ним — медный поднос.

6 — квадратный стол с откидными крыльями (у тёти Иры).

7" — сундук, в котором бабушка хранила одежду (наверное, у тёти Иры).

8 — полочка над сундуком, где всегда стояла заправленная керосиновая лампа (на случай отключения света, что периодически случалось).

14 — вешалки.

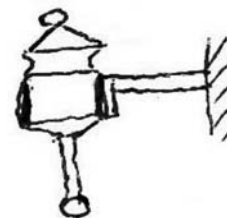
15 — радиотрансляция.

16 — маленькое зеркало (от француза) в тёмной деревянной раме. Оно у нас в домике на втором этаже.

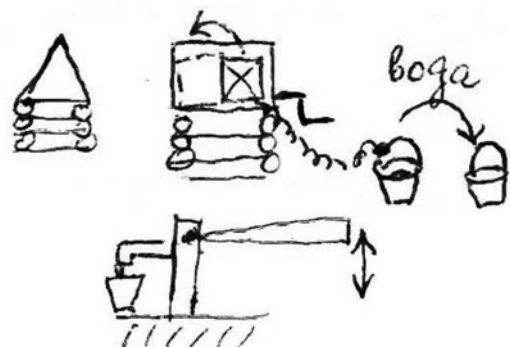

В отделённой перегородкой части комнаты была кухня с самым необходимым:

9 — маленьким ручным медным умывальником, который потом меняли несколько раз на большие металлические и пластмассовые.

10 — столом для готовки с полкой внизу, где всегда стоял большой жбан на три-четыре ведра с водой из колодца (пока в саду не было скважины, носили воду с уличного колодца рядом с Шибаяевыми, которым и сейчас все пользуются).

Когда в саду у антоновки установили поршневой колодец с рычагом, чтобы налить ведро воды, надо было 10–12 раз нагнуться и качнуть. Потом сделали скважину у взрослой терраски и поставили на глубине ~ 2-метрового кирпичного колодца насос «Адыгель», и всё упростилось: включил в сеть — и потекло.

Качание воды поршнем было всеобщей обязанностью: кто сколько мог, особенно когда дело касалось полива. Мальчишки качали мышцы то левой, то правой рукой. Я висла на рычаге или наваливалась пузом, папа (как точный и рациональный человек) прокопал канавки по саду — оросительные каналы — и качал туда (но если честно, то вода, огибая две-три яблони, по дороге впитывалась...).

11 — полочка над столом — с мисками, кастрюлями и сковородами, горшки.

12 — столик с мраморной столешницей для керогаза или примуса.

13 — газовая плита с баллоном (появилась позже).

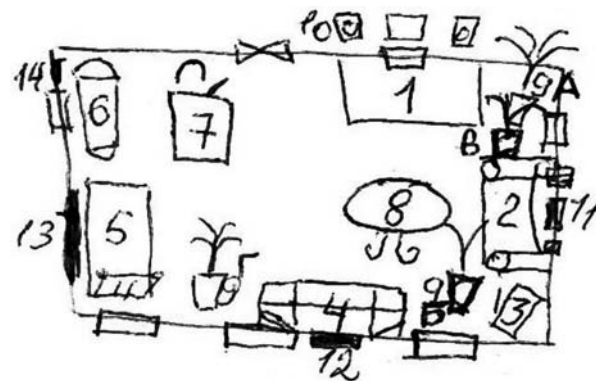
17 — лаз в подпол, через который есть выход под терраску и в сад.

В углу у печи справа (под заслонками трубы) стояли ухваты для чугунов и горшков, кочерги разных размеров. На шостоке

(столике) печи всегда стоял чугунок с тёплой водой, варёной картошкой (для собаки).

Проходы с кухни и за печку закрывали шторы. Лежали салфетки, скатерти. Стены обклеены обоями. Над диванчиком — две декоративные полочки, над «шкапчиком» — декоративная полочка для полотенца, они у нас в Москве.

V — Передняя комната (переднюю и заднюю комнаты разделяла бревенчатая стена, поэтому дом называли «пятистенок»). В ней было пять окон (одно — на детскую терраску).

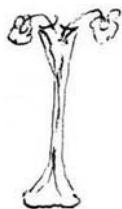

Передняя — парадная комната, и бабушка М. И. её всегда выделяла и отличала. Это была её гордость, т. к. она выдерживалась в городском духе, с хорошей мебелью, картинами, коврами, люстрой с драконами.

1 — комод с двумя большими и двумя маленькими ящичками — с бельём, покрывалами, скатертями...

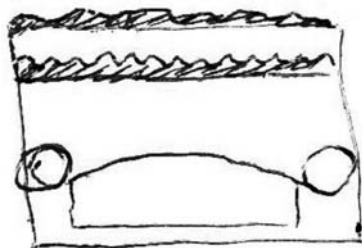
В маленьком ящичке лежала старинная шляпка бабушки, синяя, с сеточкой наверху и бантом сбоку — я её всегда с удовольствием мерила. На комодe стояла большая фотография

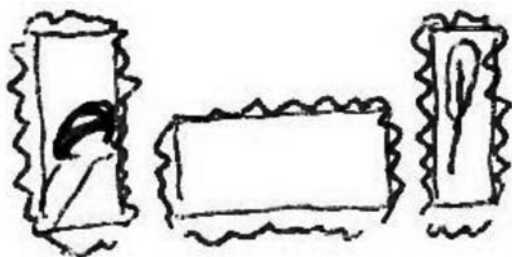
папы, мамы и Наты в красивой деревянной раме. Меня там ещё не было, но мама сказала, что я была уже в проекте (она была беременная) — Ната это фото утащила к себе. Стояли две высокие вазочки, тонкие, салатные, с искусственными цветами. Лежала шитая ришелье скатерть-салфетка.

10 — над комодом — три фото: центральное — несколько молодых человек, в т. ч. дедушка в форме чиновника, бабушка и др.; два портрета молодых бабушки и дедушки в овальных паспарту.

2 — диван с круглыми валиками по бокам и полочкой над спинкой.

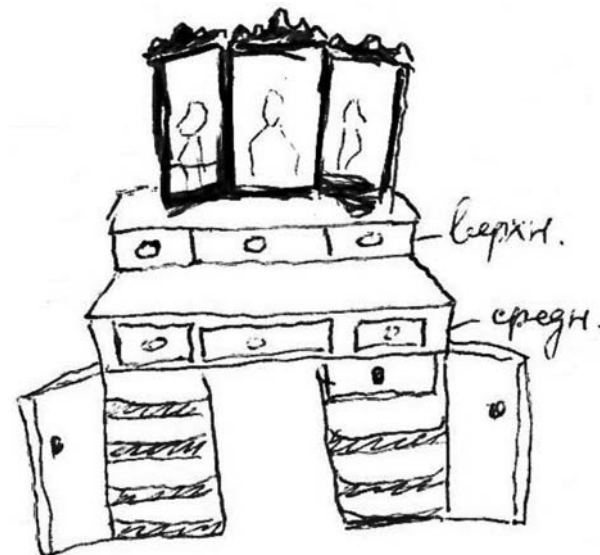

11 — над диваном висели три маленькие картины — пейзажи француза ~ 1903 года (фамилия неразборчива). Две вертикальные тётя Ира отдала мне, когда я стала учиться живописи, а среднюю оставила себе.

3 — этажерка с Дулёвскими фарфоровыми фигурками, подаренными племянницей, которая там работала: белый медведь, две колхозницы на отдыхе, со снопами и крынкой молока.

4 — трюмо с тремя зеркалами и кучей ящичков. В верхних были расчёски, заколки, невидимки, гребешки и т. д. В средних — фотографии. В закрывающихся — документы. Наверху лежали дорожки с вышивкой ришелье и стояли одеколоны, духи, помады, пудры («Красная Москва», «Ландыш», «Красный мак» и др.).

12 — над трюмо висела графика: старая цыганка в чёрном гадает за столом молодой красавице, за ними — молодой кавалер в шляпе с пером и со шпагой (что-то испанское).

5 — железная полуторная кровать с шишечками и занавесочками на спинках.

13 — над железной полуторной кроватью висел ковёр с розами в центре.

6 — маленькая бабушкина железная кровать (за печкой), тоже с чехлами на спинках.

14 — над бабушкиной кроватью — картина ~ 60 × 80 см, в золотой раме, с видом Италии и прогуливающейся знатью. Бабушке кто-то сказал, что её надо чистить срезанной половинкой лука — от этого картина темнела с каждым годом всё больше.

8 — у дивана стоял овальный столик с причудливыми ножками, тётя Ира перенесла его в беседку, затем предложила нам — мы обрадовались. Теперь он в домике, и мы выносим его на веранду.

9 — цветы напольные. Олеандр в кадке, который летом выносили на улицу и ставили у взрослой терраски, справа от лесенки, он вымахивал высотой 2–2,5 м, цвёл пышно, розовыми цветками. Фикус в кадке (Б) с рассечёнными большими листьями (говорят, вырос из косточки) доставал до потолка. Столетник (В), центральный ствол под два метра, с тьмой отростков у основания, использовался бабушкой в лекарствах от простуды (сало, столетник, какао, мёд). Фу! Я бегала от бабушки и пряталась под столы, кровати. Ёлочка (аспарагус?) в деревянной кадке, высотой ~ 2м, которую на Новый год наряжали флажками, ёлочными игрушками, бумажными куколками, мишками, хлопучками, обкладывали землю ватой и ставили деда Мороза и Снегурочку, а на «макушку» — палку-подпорку — надевали звезду.

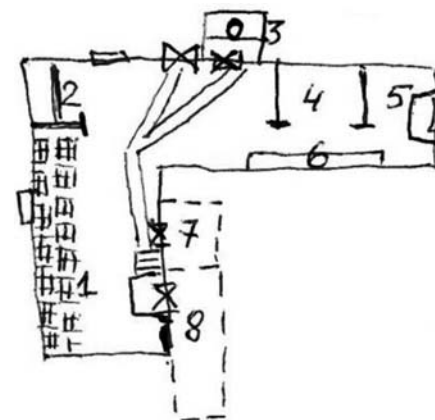
На окнах цветов не было. Но за напольными надо было ухаживать еженедельно: протирать листья от пыли (это мне

приходилось делать по субботам, перед мытьём полов, ожидая папу — ведь тогда был один выходной).

Во всех комнатах были половики-дорожки, которые тоже приходилось вытрясать по субботам. Полы мыли двумя водами: черновой и начисто. Параллельно протиралась пыль, замачивались половички у дверей. На меня это легло, когда все старшие внуки, повзрослев, разъехались и не приезжали на каникулы, а я, младшая, продолжала ездить до 1968 года.

7 — печь голландка. Обогревала переднюю. В сильные морозы её нужно было топить дважды. Когда просыпались поутру, не хотелось вылезать из-под одеял — так было холодно. Мне нравилось сидеть во время вечерней топки с бабушкой или дедушкой при открытой дверце и смотреть на огонь. Иногда из печи выстреливали угольки (для чего возле дверцы на полу лежал лист железа), тогда бабушка или дедушка хватали его голыми руками (!) и быстро возвращали на место. Бабушка рассказывала мне сказку про гусей-лебедей, а дедушка больше молчал. Свет в комнате не жгли и было уютно и тихо.

VI и VII — Двор и подклеть.

1 — дрова в один или два ряда складывали у стены до потолка. Заказывали их у лесника. Привозили частично распиленные брёвна, и надо было нанимать кого-то или самим

пилить в размер и колоть. Когда в деревне было много мужчин, это делалось собственными силами. Дед П. В. сам вставал у козел с двуручной пилой и звал кого-то из мальчиков — Лёшу или Шурика (они пилили по очереди, а когда подросли, обходились без деда). Папа тоже участвовал в этом. Мы же помогали таскать уже расколотые поленья на двор и укладывать их в штабеля то вдоль, то поперёк поленицы, чтобы она не развалилась.

То, что дрова лежали у стены, чуть не сыграло злую штуку в 2009 году, ведь у соседей двор почти примыкал к нашему, не доходя 1,5 м. И когда полыхнул соседний дом (В. И. Шумова) и загорелся двор с дровами и углём, огонь чудом не перекинулся на наш. И хотя прибежавшие люди, а затем пожарные поливали наш двор водой из бочек, уже дымились брёвна, а мы с Шуриком стояли и смотрели. Подошла какая-то женщина: «Кажется, ваш двор загорается!» А что мы могли? Но Бог миловал!

2 — насест для кур. В детстве у бабушки всегда было ~ 10 куриц и петух. Закупали маленьких цыплят на рынке копеек по 50, с учётом, что часть погибнет от жары, болезни или коршун унесёт. Их сажали днём в клетку и выставляли на улицу, накрыв марлей от солнца.

Мы тут же выбирали любимчика. Очень приятно было держать жёлтый комочек в ладонях. В клетку им ставили блюдце с водой, по которому они ходили и часто его опрокидывали, и надо было следить, чтобы они не остались без воды и не сдохли. Кормили их варёной пшёнкой кашкой. Подрастая, цыплята становились длинноногими, менялось оперение и терялись умильность и трогательность. Взрослые куры

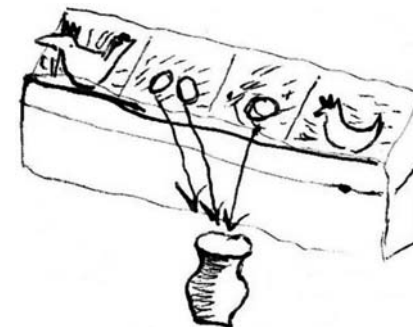

гуляли днём на улице у дома и щипали травку, так что возле дома всегда был куриный помёт, и надо было быть осторожным, чтобы не вляпаться. Куры и петухи соседей гуляли тут же по улице, и чтобы не путать, хозяйки метили их краской на шею или спине: у кого синяя, у кого красная... Были и клевачие петухи, которые бросались на детей, и мы их боялись. К вечеру петух вёл кур во двор, на насест.

Они взлетали сразу или постепенно поднимались по лесенке наверх (~ 2 м) — и сидели там всю ночь.

6 — нестиль куры предпочитали на специальной завалинке во дворе, выложенной игольником и разделённой на отсеки, куда подкладывалось фальшивое яйцо из извести, чтобы лучше неслись. По утрам бабушка проверяла ячейки, складывая яйца в глиняную крынку, и оставляла в кухне под столом. У нас всегда были свежие яйца.

В конце концов, после смерти деда бабушка сократила число кур и петухов до 3-х (да и внучата выросли и не приезжали). Почему 3-х? 1 курица + 1 петух + 1 гермафродит, который взлетал на забор, кукарекал, затем, вышагивая со шпорами на ногах, направлялся нести яйца. Их долго не резали (по-моему, они умерли естественной смертью).

3 — туалет с входом через двор был очень удобен тем, что не надо бежать через сад-огород под дождём, ночью, в холод. До него от крыльца лежали доски, и ноги оставались чистыми (если не вступить в помёт). Но и следить за ним требовалось лучше — чтобы был чист и без запаха. Чистили через дырку из сада холодной осенью, специальной лопатой — в ведро, и закапывали в ямах на огороде. Мыли его еженедельно по субботам, меняли газеты на сидении, полу.

4 — стойло для коровы (лошади) — не использовалось по назначению. Там хранился игольник, сено, корзины, ульи и т. д.

5 — мастерская деда П. В. Загадочное тёмное помещение с маленьким окошечком, у которого стоял стол-верстак. Кругом на полках лежали, висели, стояли железки. Под столом и рядом на полу, в деревянных ящиках размещались «нужные» вещи. Там было тихо и темно в любое время. Я даже побаивалась: в тёмных углах была паутина, а я страх как боюсь пауков (если я в туалете где-нибудь видела паука, то в него уже не заходила).

7 — подклеть. Ещё загадочнее для меня была подклеть: холодная комната, тёмная, сырая, с вырытыми в земле ямами — для льда или ещё чего-нибудь. Там хранили картошку и другие овощи, банки. Зимой антоновские яблоки, переложённые стружкой, лежали в деревянных ящиках в чулане, и там особо ими пахло — так они хранились до Нового года!

8 — под детской терраской находилось пыльное помещение, куда было не интересно лазить. Валялись доски, ящики...

Палисадник — клумба гладиолусов и один георгин перед окнами (и всё!). Перед домом было много сирени, которая разрослась в заслон, где и находилась беседка. Сирень трёх цветов: белая, сиреневая, тёмно-сиреневая махровая. В углу справа — флоксы и золотые шары.

О беседке — отдельно: деревянный, врытый в землю стол с лавками с трёх сторон (врытыми), с крышей из хмеля, на подпорках. В жару там спали бабушка и дедушка (для чего боковые лавки были широкими). Когда летом приезжали гости — обедали, вечером пили чай. Было тесно и весело. Щи наливались в большие глубокие тарелки для мужчин, для женщин и детей — в маленькие глубокие. Перед первым — по стопочке под селёдочку с лучком, яйцом, помидором, огурчиком в подсолнечном масле. Второе — картошка с тушёной или макаронами с котлетами, компот. Много укропа.

Вечером на приставном столике вместо большой кастрюли — самовар. На столе — варенье: яблочное, вишнёвое, крыжовниковое (малиновое берегли на зиму для лечения) и мёд. Для особого шика дед угощал мёдом с сотами. Я, объевшаяся мёда, его не ела. Конфеты (карамель), редко — пирог с яблоками; пряники, баранки, сушки — были всегда. Я обожала соевые конфеты по 1 руб. 50 коп. «Кавказские» или «Домино». Дедушка В. П. давал мне как любимой внучке 15 коп. тайком от других, и я бегала к клубу (старому), напротив которого был магазин. В бумажном газетном кульке я несла конфеты и прятала дома. Ещё любимым лакомством была варёная сгущёнка: нам каждому варили по банке, и потом кто как мог, ел. Лёша съедал быстро. Ната за ним. Шурик — по настроению: мог съесть быстро, как и брат, а мог тянуть. Я смаковала каждую чайную ложечку, беря понемногу и облизывая по десять раз. В результате у меня оставалось полбанки, когда все заканчивали есть. Я закрывала крышечку и убирала банку на полку, позже периодически возвращаясь к ней. Бывало, в ней сгущёнка уменьшалась до меня или Ната просила поделиться.

Ритуальным было ежевечернее парное молоко. За ним ходили с бидончиком или трёхлитровой банкой: Шурик и Лёша ездили на велосипеде, я — пешком. Брали после вечерней дойки ~ в 21:00, сначала у соседей через дом — Никоновых, где тётя Валя держала корову, позже — у Лопатниковых и др. На терраске ставили на стол, доставали сушки, хлеб. Каждый пил сколько хотел: Лёша и Шурик по два-три стакана, мы по одному — больше не влезало. Сушки ломались в кулаке и бросались в молоко, где их внутренности размягчались при твёрдой корочке. Шли спать.

Остатки молока кипятились для манной каши или молочной вермишели (реже — гречки с молоком).

Ещё любили перекусить куском чёрного хлеба, намазанного маслом и посыпанного песком!

Сад. — Яблони: грушовка, коричневый, белый налив, апорт, антоновка — около десяти штук, разбросанных по саду. Яблоки до спелости рвать не разрешалось — только подбирать упавшие. Ранние сорта (коричневый, грушовка) брали в лес для перекусывания вместе с чёрным хлебом, зелёным луком, огурцами и солью. Под ними (яблонями) стояли ульи с пчёлами (о них позже). По правому краю была вишня, высокая, не допрыгнуть (были урожайные годы, и варенья всем хватало на зиму). По левому — малина, где жужжали пчёлы и было опасно, но она была такая высокая (~ 2 м), что я ходила внизу, пригибаясь, и высматривала ягоды. Малину собирали все. К кастрюлям за ручки привязывали верёвки, и их вешали на шею, а ягоды собирали двумя руками.

Собранную малину сушили, перебирали на столе взрослой терраски и варили в медном тазу, снимая пенки на блюдечко, которое подавали к ближайшему чаю. После того как капелька с ложки переставала стекать по блюдцу и получалась «пуговка», варенье для охлаждения разливалось по большим круглым и овальным блюдам, а уж потом, остывшее, аккуратно перекаладывалось в баночки с указанием года и ягод. Сверху (закруч. крышек тогда не было) варенье закрывалось золотой фольгой на бумаге от заранее собранных пачек чая, и горлышко перевязывалось нитками.

Были кусты чёрной смородины и крыжовника, но мало. Для защиты от северного ветра сзади в саду росли четыре высоких и разветвлённых клёна (не канадских). Мы лазили по ним. На ветку прикручивалась толстая резинка (5–8 см в диаметре), и мы прыгали вниз.

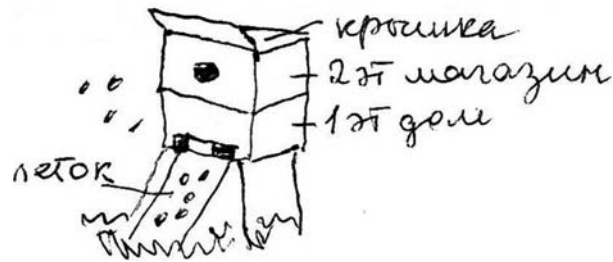

Пчёлы. Был случай, когда роившийся клубок пчёл «приземлился» наверху клёна. Что делать? Хромой дед забрался на ветку с палкой, а бабушка держала роёвню. При стряхивании пчёл рой упал не в роёвню, а деду на голову (притом он был без сетки на голове). Жалея пчёл, что они могут улететь, дед накрыл голову фартуком и вслепую спустился на землю, где бабушка и тётя Ира стряхнули рой с головы в роёвню куриным крылом.

Конечно, деда искусили сотни пчёл. Он выпил четвертинку и залез на печку, пролежав там до утра — остался цел.

В лучшие времена держали 20 ульев. Под яблонями мы пригибались, но иногда ловили пчелу волосами, тогда — писк и визг. Я очень боялась. Ульи были двухэтажные (первый этаж — дом, в нём зимовали, и для этого оставляли рамы с вощиной; второй этаж — магазин, при заполнении рам изымали, и ставили пустой).

На леток плюхалась тяжёлая пчела с взятком (мёдом) и ползла в дом, где её встречали сторожа.

Р. С. ПРОЩАНИЕ

Сергей Телюк

Не знаю, смогу ли я ёмко и одновременно в достаточной мере полно и внятно рассказать о том, что происходило в последние месяцы жизни Ирины.

Но попробую...

Новый 2010 год, как и предыдущий, мы встретили у моей сестры в подмосковном посёлке близ железнодорожной станции «Правда». Всё было по обыкновению мило, по-домашнему (именно это больше всего и нравилось Ирине при посещениях Наталии и Вадима).

Некая размеренность и приятная предсказуемость ощущались и в дальнейшем, ведь мы, заранее договорившись с Мозалёвыми и Щетиниными, забронировали на 6–8 января места в «Переделкино», где на само православное Рождество к нам присоединились отдохавшие там же Аня Гедымин и Инна Кабыш, с мужем.

А между празднествами и по их завершении мы работали: Ирина в преддверии выставки «Мир живописи и скульптуры» (ЦДХ, Крымский вал) писала новые картины «Ночной дозор» и «Каштанчик», порой беря с собой в мастерскую внука Сашу; я же занимался составлением книги «Смешение времён».

У Ирины уже были сложности с проходимостью кишечника, но творчество и приятные встречи помогали отвлечься от ожидания середины января, когда предстояло УЗИ...

В худшее не хотелось верить, хотя где-то в конце декабря Олег Агринский предупредил меня, что, возможно, это онкология...

И даже обнаруженная в результате УЗИ опухоль в сигмовидной кишке ещё не предвещала надвигавшегося кошмара, т. к. требовала дополнительных исследований, которые мы незамедлительно и сделали в Институте проктологии. После чего мне предстояло созвониться с лечащим врачом Ирины хирургом Назимом Абдулахаевичем Шодиевым, оказывается, работавшим, кроме районной поликлиники ещё и в вышеупомянутом Институте...

И вдруг: «У вашей жены рак», — донеслось из телефонной трубки.

Мы с Ириной находились в одной комнате, и, стараясь скрыть свою растерянность за непринуждённостью интонации, я закруглил разговор. Продолжился он на следующий день, в более-менее приемлемой обстановке.

Как оказалось в дальнейшем, предоставляемая информация выдавалась мне не сразу в полном объёме, а дозировано... Но независимо от этого я с самого начала предупреждал посвящённых о недопустимости извещения Ирины о настоящем диагнозе... С врачом же было условлено, что у неё запущенная доброкачественная опухоль, грозящая неминуемо скорой полной непроходимостью (как мне разъяснил Агринский — это сопровождается жуткими болями) и требующая хирургического вмешательства...

SMS (Кужеватовой): Оля, ты будешь на правлении сегодня? Ирина. 04.02.2010, 13:18:17.

Ирина решила лечь на операцию в начале февраля, после открытия 29 января на Крымском валу выставки «Мир живописи и скульптуры». Именно к этому времени и готовились две последние картины «Ночной дозор» и «Каштанчик». А также, в качестве члена правления, ей предстояло заниматься организацией этого мероприятия от МСХ. К тому же она заметно нервничала и перед госпитализацией сделала модную причёску...

В первые недели пребывания в Институте проктологии Ирину ожидала череда предоперационных обследований. Несмотря на больничное окружение, она держалась молодцом, сумев даже в такой обстановке найти себе «подружку», с её лёгкой руки заинтересовавшуюся живописью. А для меня именно тогда обозначилось начало кошмара, эхо которого неизменно звучит во мне до сих пор, ибо выяснилось, что Ирина опухоль давно «выстрелила» — и теперь печень обширно поражена метастазами, причём с низкой степенью дифференциации...

Хорошо, что мы не виделись каждодневно. За какие-то пару недель 20 килограммов моего «живого веса» — как корова языком слизала. Не желая верить в невозможность совместного продолжения наших жизней, я метался подобно дикому зверю, посаженному в клетку, но выхода не было. И даже Олежек Агринский, которому мы как врачу всецело доверяли, сказал: «Это конец, осталось шесть-восемь месяцев...»

SMS: Меня отпускают завтра утром до вторника. Ирина. 19.02.2010, 12:05:01.

В субботу 20 февраля я приехал в больницу сразу после завтрака...

Дома Ирина, конечно, чувствовала себя комфортнее, спокойнее. К тому же в те дни по её предложению мы взяли у кого-то из художников котёнка. Он, оказавшийся более крупным и подвижным, чем Чуча (проживший у нас около 15,5 лет, до кончины на исходе ноября 2008-го), всё равно был принят в члены нашей семьи под именем Чусик («Чу» — Чуча, «С» — Сергей, «И» — Ирина, «К» — кот). Никакие боли Ирину не беспокоили, и она удивлялась тому, что вторым этапом предстояло лечить печень. Однако, были поставлены свечи в церкви и именно тогда я услышал: «Если умру, то хоть Чусик останется...»

Состоявшаяся в пятницу 26 февраля операция прошла успешно. Профессор Александр Михайлович Кузьминов и ассисти-

ровавший ему знакомый нам Назим Абдулахаевич Шодиев сделали всё, что могли...

SMS: Спокойной ночи. Ирина. 04.03.2010, 20:54:47.

В тот момент Ирину больше всего радовало, что наружу из полости не вывели трубки (хотя у остальных прооперированных, которые лежали в палате, они были)...

Ей снова стали сниться сны. Первый насторожил меня: она видела себя на зелёной лужайке в деревне, играющей с нашим прежним котом Чучей. Второй — успокоил: в нём мы покупали абонементы в бассейн, куда обычно ходили с ноября по апрель...

Когда в один из приходов я, ухаживая, сменял ей носки, возникло ощущение, что только от одного этого она испытывала истинное удовольствие...

Ирину навещали и Света Довгер, и Таня (жена сына Андрея), я уж не говорю о художниках, беспрестанно звонивших по мобильнику...

На дворе стояла весна. Раннее утро её Дня рождения выдалось солнечным и безмятежным.

SMS: Я тебя люблю. Ирина. 08.03.2010, 06:50:40.

В этот вдвойне знаменательный день мы с Аней Гедымин навестили Ирину, и она даже «прогулялась» с нами по больничному коридору. Чуть позже к ней приезжали моя сестра Наталия с мужем Вадимом. Цветов с шоколадками оказалось столько, что досталось и соседкам по палате, и медперсоналу.

10 марта я, заранее договорившись с Сергеем Мозалёвым насчёт его служебной машины, приехал забирать Ирину из больницы. При этом ей на руки выдали липовую выписку, а мне — втихаря — фактическую...

Полостная операция и само нахождение в больнице не могли пройти бесследно. Чуть ли не на следующий день после возвращения домой, в гостях у живущей в соседнем подъезде Натальи Шумянской, Ирина поделилась с подругой: «Хорошо,

что успели издать альбом...» (Живопись / Ирина Телюк. — М., Виртуальная галерея; 2009.) И до конца марта по собственной инициативе она рисовала графики наших ежедневных замеров температуры и давления, кроме того, мы взвешивались. Самое интересное, что в этот период её показатели были стабильно хорошими или улучшались, а мои оставляли желать лучшего (особенно по части веса)...

Заживление послеоперационного шва проходило нормально, но потихонечку начала беспокоить печень...

Ирина вошла в Интернет и, изучив и распечатав материалы по раку и циррозу печени, показала всю эту безнадёгу мне. В ответ я сказал, учитывая творческую натуру Ирины и стараясь исключить всевозможные фантазии на заданную тему, что в её болезни врачи и сами толком не могут разобраться. И что предстоят консультации...

В Институте проктологии и поликлинике (куда мы встали на учёт) предлагали самую жёсткую химиотерапию, при этом в разговорах с врачами явно звучало, что шансов практически нет (читай: всё в руках Всевышнего!). В итоге смысл был таким: первые два курса пробные (общая продолжительность — около месяца), а если лечение не пойдёт, то далее мы остаёмся один на один с прогрессирующей болезнью и неспособным к борьбе, полностью отравленным химией организмом. Это всё я уяснил главным образом из разговоров с Агринским, который вдруг (после ознакомления с последними УЗИ и анализами) согласился попробовать гомеопатию, впрочем, также с надеждой на Бога.

Приняв во внимание вышеизложенное, без права на пассивность, при полном доверии и нежелании Ирины быть подопытным животным, я отказался от «химии», решив продолжать обследования и консультации. Во-первых, это не «сидение на месте», а «поиски выхода», что важно в психологическом плане, во-вторых, мир — не без чудес...

Ирине же я передал слова Олега: «Мы ещё поборемся!»

19 апреля она вышла на работу в МСХ, по сути, включившись в неё дома, почти сразу после выписки из больницы (тогда она ещё мечтала написать галерею портретов друзей и новые

работы, составив график, включавший в себя издание второго каталога к 8 марта 2012 года, своему 60-летию).

До этого мы своим ходом уже ездили в гости к Лене и Сергею Серебровым (на Нагорную), на восьмилетие Ирининою внука Саши (в Кузьминки) и несколько раз совершали двух-трёхчасовые прогулки в Кусково.

А на Первомайские праздники как обычно открыли дачный сезон в Ильинке, пробыв там полторы недели.

Но параллельно со всем этим во второй половине апреля мы два раза (я — четыре) побывали в Онкологическом центре на Каширке.

Операция оказалась невозможной. В правой (большей) доле печени количество метастаз не просчитывалось, а в левой их было больше десятка, разбросанных фактически равномерно...

И хотя Ирина не знала подробностей, в последней поездке, по дороге *туда*, она на какое-то время резко переменялась в лице, будто всё поняла. Было невыносимо больно смотреть на неё, но вопреки всему в ту самую секунду моё сердце не разорвалось, и я после паузы (по-моему, непродолжительной) постарался отвлечь её разговором...

В конце мая мы консультировались ещё один раз (опять-таки по моей инициативе и благодаря помощи Олега Агринского) — в Больнице имени Н. В. Склифосовского, насчёт пересадки печени. Несмотря на отрицательный результат, порадовало то, что явного прогресса в развитии болезни не обнаружили. С этого момента я, забросив все свои дела, не только сопровождал Ирину на работу, но и старался постоянно находиться рядом с ней.

Кроме работы в МСХ, Ирина занималась рисунками к «Сказаниям о праславянах». Дело в том, что у нас в это время шли предварительные переговоры с «Октопусом» об издании «Сказаний» и «Легенд» под одной обложкой. А так как иллюстративно эти книги оформлялись по-разному, Ирина решила

первую часть переделать под вторую, в технике ксилографии (восемь карт и восемь рисунков).

И ещё, хотя уже в начале июня Ирина стала терять силы и вес, мы до последнего лелеяли надежду на поездку в Гданьск, на очередные литературные чтения. И только после фотографирования на визы, занявшего в общей сложности часа два и состоявшегося лишь благодаря Ирининым волевым качествам (для здорового человека фотомастерская находилась в десяти минутах ходьбы, у метро «Рязанский проспект»), стала ясна абсурдность этого намерения.

В конце июня очередное УЗИ показало начало распада метастаз. Олег подвёл итог: «Чудес не бывает. Теперь у неё всё в последний раз...»

К этому времени завершилась работа в МСХ, и Ирина, как обычно, взяла отпуск до конца лета (с заключительного мероприятия, открытия выставки на Старосадском, она смогла дойти лишь до «Китай-города», далее я поймал «частника»).

Наши двух-трёхчасовые прогулки в Кусково (последняя — 20 июня) и полуторачасовой круг по микрорайону постепенно уходили в туманное прошлое. Сил хватало только на «малый круг», блаженный часик сидения на скамеечке детской площадки соседнего двора, да и подниматься пешком на третий этаж становилось всё труднее.

Договор с «Октопусом» мы подписали 1 июля. Я специально привозил его домой, чтобы Ирина (по её предложению книгу назвали «Предчувствие Руси») это сделала собственноручно, ведь грядущее издание должно было стать результатом наших жизней в унисон. Она всегда говорила: «Мне нравится, что у меня муж — поэт»...

Тогда же, в церкви, в очередной раз обращаясь с мольбой к Небесам, я увидел, как мои свечи согнулись дугой, хотя стоящими рядом, в основном более тонкими свечами, ничего подобного не происходило. Это был Знак...

Но, слава Богу, силы для поездки в обожаемый Ириной Ильинский Погост оставались (о чём я ещё с февраля многократно просил Небеса): лето — её любимая пора...

«Боишься?» — спросил меня Олег, когда я попросил его осмотреть Ирину.

Естественно я боялся выезжать за город, не имея достаточного представления о её состоянии, ведь с нашим диагнозом мы были никому не нужны. Даже участковый терапевт, чья безалаберность и непрофессионализм привели к тому, что мы упустили начало болезни, как сквозь землю провалился (ни слуху, ни духу). Хотя он мог помочь морально своими редкими посещениями и советами, которые, возможно, ни для кого, кроме Ирины, не имели бы значения...

6 июля нас навестили Аня Гедымин и Олег Агринский. Олержек дал рекомендации, перечень необходимых лекарств и «добро» на поездку (на следующий день он мне сообщил, что ЭТО должно произойти в период с 12 по 19 августа)...

SMS (Тане, жене сына): *Счастливо. Мы едем в деревню. Ирина. 08.07.2010, 09:37:22.*

Первоначально в Ильинку собиралась в полном составе и семья Иринино сына Андрея (с её внуком Сашей), но в последний момент они передумали, решив вместо Подмосковья отдыхать в Крыму. И, понимая ситуацию, с нами на четырёхдневный выезд выехала Ирина подружка со студенческих времён Наталья Шумянкova.

В те дни, по-моему, уже установилась 40-градусная жара. И даже в пригороде ничего невозможно было делать часов с 11:00 до 20–21:00.

Утром Ирина с Наташей ещё могли чем-то заниматься, а потом переходили в специально затемнённую прохладную комнату в «старом» доме, где, проводя время в различных делах, беседах и отдыхе, оставались фактически до вечера (именно в этих условиях на следующий день после приезда Ирина начала вести записи воспоминаний о своей жизни). Когда жара немного спадала, я ставил раскладушку на пятачке между домами, в тени «старого» дома и яблонь, куда Ирина и перебиралась. Именно там у неё возник замысел картины, которую она уже не могла

написать: дерево без листьев, а вместо плодов — облака. И вообще, после отъезда Наташи, когда темнело, она любила, лёжа в саду, считать звёзды в ночном небе. А где-нибудь в полночь мы выходили на улицу и прогуливались под руку метров 50 в сторону центра деревни и обратно.

Несколько разнообразили течение дней навещавшие нас Зоя с Сашей (Скороходовым, двоюродным братом Ирины), два Сергея (Артамонов и Серебров), соседи...

Кстати, Сергей Артамонов через знакомых помог найти телефон Александра (травника, друга Андрея Апухтина). Тот с радостью откликнулся на мой звонок, и 15 июля я съездил за ним на нашей «ласточке» в Давыдово. Саша был удивлён тонусом, в котором находилась Ирина. По его признанию, он впервые видел человека столь жизненно активного при таком положении дел (я считаю это главным результатом своих умолчаний о сути болезни). Да он и сам излучал энергию и уверенность, оставив множество трав и снадобий с подробным описанием очередности и схем их приёмов.

SMS: *Таня, где вы? Ирина. 17.07.2010, 09:48:23.*

SMS: *Андрей, где вы? Мама. 17.07.2010, 09:51:23.*

SMS: *Мы едем в поезде. Завтра в 11 будем в Москве. Таня. 17.07.2010, 09:54:18.*

Перед рассветом 21 июля у Ирины случился прострел, и мне пришлось делать инъекцию (впервые в жизни!) анальгина. Естественной ответственности сопутствовала боязнь своим неумением причинить боль любимому человеку, но на этот раз, слава Богу, обошлось.

Утром я позвонил Саше, и выяснилось, что его знакомые врачи в отпусках, хотя и так было ясно, что «все дороги ведут» в Москву.

Далее всё происходило с некой калейдоскопичностью. Наташа Шумянкova по телефону заказала скорую помощь, с которой приехала (показывая дорогу) Аня Гедымин. Врачи, задав несколько вопросов, измерили давление и, посадив Ирину в

специальное кресло, понесли в машину, где она легла и ей сделали укол, а рядом села Анечка...

Заперев дом и забрав Чусика, я отправился в Москву на «ласточке». Меня встретили три женщины: Ирина, Аня, Наташа. И почти одновременно с моим приходом раздался телефонный звонок Аннинского (оказалось, что ещё вчера он выслал по Интернету статью для «Предчувствия Руси», которую обещал написать две недели назад, перед нашим отъездом в деревню). Зная ситуацию, Лев Александрович боялся опоздать и потому раньше условленного срока выполнил обещанное — я передал трубку Ирине...

В тот же день нам доставили противопролежневый матрас, функциональную кровать, в собранном виде занявшую добрую половину свободного пространства комнаты, и купленный в складчину с Натальей Шумянковой передвижной кондиционер, без которого никак нельзя было обойтись (в Москве стояла жара до 41° в тени).

В последующие две недели Ирина изредка вставала и самостоятельно передвигалась по квартире. Именно в это время она передала Ольге Кужеватовой все дела по МСХ и, предварительно договорившись о завершении работы, собственные рисунки к «Сказам», полностью подготовленные для ксилографий в «Предчувствии Руси».

В процессе ухода за Ириной я продолжал использовать мази для лечения её поясницы (осознавая, что тут дело не в простреле, а в метастазах) и уже начал колоть трамал...

Когда Ирина окончательно слегла, она как-то сказала: «Тебе тяжело, но и мне неприятно ощущать себя в таком положении». А в разговорах с подругами: «посмотри, как он похудел» (имея в виду меня) и «жаль, что я не сердечница». Но стоило мне однажды дать слабину и проявить чрезмерную мягкость в интонации, как тут же последовало: «Почему ты разговариваешь со мной, как с ребёнком?»

Конечно, было бы туго без её подруг: по институту (Наталья Шумянкова), инженерной работе (Светлана Довгер и Ираида

Фирова), НГУ Н. Нестеровой и МСХ (Ольга Самовская, Ольга Кужеватова и Ирина Фетисова). Приходя к нам пусть на непродолжительное время, они не только разнообразили течение Ирининых дней, но и мне давали возможность сделать что-то вне дома или просто отдохнуть, ведь самыми беспокойными были ночи, и поэтому накапливалась усталость. Со временем даже непродолжительная отлучка в продуктовый магазин стала вызывать тревогу: «Ты куда? Будь осторожен! Если с тобой что-нибудь случится — я умру...»

Ирина: Как похудели грудь и ноги!

Ирина: Да врачи сами не могут разобраться в моей болезни!

Больше всех нам помогала Наташа Шумянкова, которая (она и сейчас живёт в соседнем подъезде) в экстренных ситуациях всегда приходила по первому зову Ирины, всё-таки боявшейся, что я могу растеряться.

И невозможно не сказать о профессиональном участии Олега Агринского и Ириной невестки Тани (хотя была ещё одна Таня, племянница Ирины, оказывавшая посильную медицинскую помощь). Я считаю, что в первую очередь в результате их стараний Ирина до последнего, конечно, насколько это было возможно, находилась в контакте с окружающим миром (даже смотрела телевизор), общалась с подругами и вообще на два месяца дольше прожила на этом свете.

Благодаря советам и лекарствам Олега удалось избежать много больших мучений (например, сильного токсикоза), не прибегая к химиотерапии. И хотя наши «добрые» врачи после отказа от предлагаемого ими лечения предрекали, что Ирина скоро вся пожелтеет и долго не продержится — в лучшем случае до июня, — ничего подобного не случилось.

А Татьяна, к тому времени недавняя выпускница мединститута, помогала разнообразить схемы применения обезболивающих лекарств, дабы не привыкал организм. И в результате, когда однажды Ирина проспала сутки после приёма маленькой

таблетки слабо действующего наркотика, она отказалась от его дальнейшего употребления...

Ирина: Видно, моя программа закончилась...

И всё-таки всему есть конец...

19 августа, в день, когда-то названный Олегом Агринским последним в жизни Ирины, она, зная, что я, подобно ей, вечерами, перед сном, мысленно молю Бога о чуде выздоровления, попросила меня: «Скажи Ему, что я устала».

Что я и сделал, обратившись: «Господи, если невозможно исцеление — не мучай её...»

И утром 20 августа услышал от Ирины: «Надоело лежать — пора вставать!»

Это означало, что в результате завершения распада мета-стаз боли в печени прекратились, и надо ждать внутреннего кровоизлияния.

В середине дня она говорила по телефону своему учителю Анатолию Владимировичу Кузнецову (давно болевшему и умершему от рака 26 августа): «Я вас очень люблю...»

А некоторое время спустя, в её последнем телефонном разговоре, когда позвонила секретарь МСХ Наталья Николаевна Крылова, я услышал: «Он рядом, не отходит от меня».

Ирина: Я всегда хотела, чтобы моего второго мужа звали Серёжа. И вообще моя жизнь стала налаживаться только после того, как я крестилась — в связи со смертью родителей и желанием вновь встретиться с ними...

В воскресенье 22 августа в 23:25, находясь во сне, Ирина скончалась.

В завершение я не могу не дать небольшую подборку стихотворений, связанных с Ириной. Первые два, ранних, она называла: «мой». А два последних были написаны, когда её не стало...

1.

Ирине Телюк

Интуитивно, по звуку, на говор, словно младенец, не знающий слов, я уловлю позывные любимой из миллионов подобных миров. Это несложно. Прислушаться надо. Тихо войти в приоткрытую дверь. И ощутить за порогом тревогу и нестерпимость грядущих потерь. И содрогнуться от невозможности в рьяных попытках себя оправдать за безучастность, за невнимательность, за неумение сопереживать.

2.

Ирине Телюк

Я, пожалуй, ещё ничего не забыл, но ведь это — как будто из жизни иной: нужен чувствам хотя бы малейший посыл — и припомню тогда всё, что было со мной.

Где-то там, среди вокзалов моих городов, среди походных палаток, сплетенья дорог, среди занудных дождей и разгульных ветров — я тебя повстречал и расстаться не смог.

Там призывно (ты слышишь?) гудят поезда. И друзья на перроне нас преданно ждут... Только грустное дело — уже никогда мы с тобой не вернёмся на этот маршрут.

3.

Нет, чудеса не обещались, но пожелания сбылись — два одиночества сошлись, и до сих пор не разлучались.

Они песчинками Вселенной
соприкоснулись на века, —
по крайней мере, им пока
так верится в их жизни тленной.

Продолжить мне совсем несложно.
Представь себе, у них семья!
Допустим, это ты и я...
Смеёшься?! А ведь всё возможно.

4.

От взгляда к слову трудно перейти
(что проку в подготовке к представленью?!),
подобие щенячьему скуленью —
желание любимых обрести.

Из немоты рванувшись, как из пут,
и слыша вместо говора мычанье,
я погружался в прежнее молчанье,
предпочитая этот атрибут.

Не самоедство, душу теребя,
а естество повторами глумилось,
когда однажды вдруг всё случилось...
И прозвучало: «Я нашёл тебя!»

5.

Памяти Ирины...

Но не спасёт вечерняя пора...
Всё ощутимей безысходный морок
(непросто жить, когда в тени за сорок).
В Москве стояла дикая жара.

О, Небо, ты не терпишь болтовни!
Поэтому, сколь ни трудна дорога,
не торопи, продли ещё немного,
хоть на чуть-чуть её земные дни!

Потрескивая в смирной тишине,
свеча вдруг изогнулась перед ликом.
И в мареве священном, полудиком
Бог прошептал: «Она нужнее мне...»

6.

Памяти Ирины...

Что за мороку мне придумал Бог?
Ведь с горем тут вовек не разминуться.
Ах, если бы уснуть и не проснуться!
Но путь змеится — катится клубок.

Нетленна отмеряющая нить.
Я помню, значит, ей не оборваться, —
в мечтах не раз придётся возвращаться
(без этого попробуй-ка прожить).

И явь, как сон. И лишь тебя всё нет,
хотя подчас блаженство может сниться...
Нет, нашей встрече больше не случиться.
Ты в прошлом. А на нём, увы, запрет.

тем по-своему изящные фигуры ритмично заполняют площадь листа. Динамика противоборства не разрушает, а, напротив, подкрепляет единую драму, единое действие, единый смысл происходящего. Независимо от того, сшибаются ли люди в смертном поединке или набегают (отбегают) в дружном строю. Независимо от того, кто там «свой», а кто «чужой», ибо лица людей даны лаконично, и все они — участники единой драмы. Независимо от того, «чья возьмёт».

И если павшего погребают, — образ его, светящийся во мраке, отлетает ввысь, храня то «предощущение дороги», без которого в этой фатальной закольцованности судеб — *не обойтись*.

Лев Аннинский

«УКАЗУЮЩИЙ ПЕРСТ». — Журнал «Вышгород», Таллинн, 2010, № 6

Сергей принёс книгу («Смешение времён». — С. Т.) на литературную встречу с журналом «Вышгород», которую организовала в Доме-музее М. Булгакова 13 сентября 2010 — сразу после Меневской конференции в Сергиевом посаде — Лола Звонарёва, тоже постоянный наш автор, доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы. Мы с Лолой чуть опаздывали и сразу же, разложив книги и журналы, начали вечер.

В заполненном до отказа небольшом полутёмном зальчике мне почему-то не попались на глаза давно знакомые лица, свои, «вышгородцы»: Татьяна Воронкина, Борис Евсеев, Сергей Телюк... Я «узнавала» их у микрофона. Сергей не выступал, он подошёл ко мне в самом конце. Я обрадовалась, спросила: «А Ирины нет?» Он протянул мне книгу и строго-печально сказал: «Ирины нет»...

И только через час я поняла смысл этих горьких слов, когда открыла книгу и прочла дарственную надпись: «на память об Ирине»... До этого я видела их только вместе. В Варшаве и Гданьске, на книжных ярмарках в Москве, в Венгерском культурном центре... Сергей — прозаик (мы публиковали его пересказы устных миниатюр Юрия Влодова «Однажды в XX веке»: «Вы-

«ВСПОМИНАЯ ИРИНУ ТЕЛЮК». — Альманах «Литературные знакомства», Москва, 2010, № 2–3

22 августа 2010 года ушла из жизни талантливая художница, замечательный друг, заботливая, любящая жена Ирина Телюк. Её любили, ценили, ею восхищались художники и поэты, студенты и академики. Без неё мир стал менее уютным и добрым. Но память о её особом таланте и мягком обаянии живёт в наших сердцах. Вспоминая Ирину Телюк, мы публикуем отзвывы авторитетного живописца Вадима Кулакова (из предисловия к альбому «Ирина ТЕЛЮК. Живопись». — С. Т.), литературоведа и писателя Льва Аннинского (из предисловия к «Предчувствию Руси». — С. Т.), подборку стихов московского поэта Сергея Телюка, ещё при жизни высоко оценивших творческий и душевный дар этой замечательной женщины.

Лола Звонарёва

«БЕЗ ЧЕГО НЕ ОБОЙДЁМСЯ?» — Журнал «Дружба народов», Москва, 2010, № 12

...Я имею в виду художницу Ирину Телюк, недавно ушедшую из этой жизни и оставившую яркое живописное и графическое наследие. Её ксилографические иллюстрации к сказам и легендам о Руси Праславянской («Предчувствие Руси». — С. Т.) замечательно выявляют их дух и смысл со своей, изобразительной стороны. Мускулистый штрих. Мощные и вместе с

шгород» 6, 2007; 1–2, 2009), поэт, переводчик (с венгерского у нас в № 3–4, 2008 стихотворений Домокоша Варги, которые вошли в книгу «Смешение времён»). Ирина — член Московского союза художников (живопись, графика). Она иллюстрировала и книги Сергея. В оформлении обложки его новой книги использован эскиз к холсту Ирины Телюк «У моря». В 2009 году в той же «Виртуальной галерее» издан её альбом «Живопись» и 4 декабря подарен мне — «с любовью от Ирины»...

Людмила Глушковская

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ (Периодика). — Журнал «Новый мир», Москва, 2011, № 3

Вослед за стихами московского поэта здесь (журнал «Вышгород», Таллинн, 2010, № 6. — С. Т.) помещён его маленький мемуар о покойной жене — редкого таланта художнице, изящно иллюстрировавшей — помимо прочего — прозаические и стихотворные книги Серёжи. Её не стало в прошлом году. Кончается этот этюд просто и тихо: «В начале следующего года (1994-го. — П. К.), сразу после Рождества, я женился на Ирине. А едва дождавшись Крещения, двадцать первого января, мы обвенчались в Церкви Ризоположения на Донской, недалеко от метро «Шаболовская».

Господи, как же мало и как много им выпало быть вместе!

Павел Крючков

Алфавитный указатель имён, упомянутых в книге

- Абакумов Михаил 283, 457
 Абдулов Александр 153
 Августинович Наталья 332, 374, 413, 426
 Агасси Андре 166
 Агафья (Михайловна) 195
 Агринский Олег 101, 152, 385, 386, 389, 418, 461, 463, 466, 470, 525–527, 529–532, 535, 536
 Айвазовский Иван 260
 Айтматов Чингиз 153
 Акесоло-Алонсо Валерий 389
 Акесоло-Алонсо Ольга 389
 Акимова Елена 433, 436
 Аксёнов Василий 405
 Алеев Игорь 416, 429
 Алеева Наталия 110, 416, 429, 432
 Александр (травник) 322, 323, 533
 Александров Александр 401
 Александров Владимир 304, 328, 376
 Александров Константин 363, 373, 412
 Александрова (соседка В. Высоцкого) 337
 Александрова Зинаида 76
 Александрова Ольга 437, 438, 440
 Алексей II 152
 Алешковский Юз 257
 Алёхин Алексей 289
 Алимов Сергей 308, 309, 320, 330–332, 340, 351, 361, 362, 367, 372–374, 376, 390, 406, 407, 413, 425, 426, 428, 433, 440, 456, 471, 477, 478
 Аллилуева Светлана 131
 Амелин Максим 101
 Ананичев Александр 94, 100, 107, 109, 110, 114, 349, 402, 407, 408, 410, 418, 425, 430, 432, 436, 437, 462, 485
 Ананьев Андрей 389
 Ананьева Елена 389
 Анастасия (младшая дочь Ивановых-Аннинских) 98
 Андерсен Ханс 89, 403
 Андрияка 367, 447
 Андрияка Сергей 163, 164, 190, 196
 Анжелевская Анжелика 435, 436
 Анискович Лидия 110
 Анненков Юрий 211
 Анпилов Андрей 403
 Анпилов Виктор 170
 Антокольский Павел 11
 Апухтин Андрей 117–119, 162, 163, 166, 224, 234, 243, 244, 250, 251, 254, 255, 258, 262, 263, 266, 271, 272, 275, 277–279, 281–283, 287, 293, 295, 306, 310–312, 322, 323, 329, 332, 379, 412, 427, 434, 463, 482, 493, 533
 Апухтина Елена 287, 427, 446
 Апухтина Юлия 119, 427, 446
 Ардагаст 379
 Аристотель 17
 Армани 457
 Аронов Александр 28, 33, 34, 37, 59, 62, 79, 104, 113, 138, 143, 144, 164, 172, 178, 248, 251, 253, 256, 257, 261, 263, 265, 268, 271, 272, 274, 276, 285, 291–293, 296–298, 300–302, 306, 308, 309, 310, 312, 316, 317, 323, 325, 327, 330, 335, 336, 376, 386, 430, 456, 469, 471, 474
 Артамонов Сергей 119, 427, 533
 Артём 291
 Артёмов Владислав 60, 277, 290, 298
 Арчил 321, 323
 Аршаруни Алёна 59
 Асиновский Олег 296
 Астафьев Виктор 373
 Астаханов Азам 477
 Атилла 323

Ахмадулина Белла 67, 443
 Ахматова Анна 172, 275, 311, 327, 335
 Ахрамкова Татьяна 85
 Бабенко Сергей 190
 Бабкина Наталья 188, 198, 199, 223, 228, 231
 Бажанова Зоя 11
 Баженов Константин 421
 Баженова Наталья 421
 Базиль Фредерик 201
 Байдуков Георгий 217
 Байрон Джордж 74
 Бакст Лев 361
 Балычев Иван 180, 181
 Балычев Семён 23, 180
 Балычева Татьяна 180, 184
 Балычева (урождённая Павлова) Праксovia 180, 181
 Баранова-Гонченко Лариса 60, 290
 Бардовский Владимир 341
 Баркашов Александр 347
 Барто Агния 76
 Баснин Леонид 111
 Башенин Валерий 464
 Башкирцева Мария 22
 Беггров Александр 270
 Бедоев Шалва 283
 Бек Татьяна 28, 58, 59, 246, 247, 277, 285, 288, 289
 Белза Святослав 343
 Беличенко Юлия 231
 Белова Валентина 230, 299
 Беляев Михаил 137, 200
 Беляков Александр 217
 Беляков Алексей 332
 Беляков Михаил 217
 Белякова Мария 216
 Бенуа Александр 401
 Бережков Владимир 386
 Березин Владимир 446
 Берестов Валентин 76, 145, 312, 316, 317
 Берковский Виктор 145, 312
 Бернадский Валентин 401
 Бертье Луи 85
 Бесфамильная Варвара 495
 Бесфамильная Ольга 495
 Бесчеревных Вадим 263, 307, 385, 525, 528
 Бесчеревных Владислав 132, 155, 307, 385
 Бесчеревных (урождённая Телюк) Наталия 120, 126, 132, 155, 183, 233, 234, 262, 263, 275, 277, 307, 385, 411, 429, 434, 460, 482, 525, 528
 Бибаева Наталья 272
 Билибин Иван 160
 Бисмарк Отто 15
 Битов Андрей 67
 Блок Александр 10, 431
 Бобров Александр 60, 288, 290, 301
 Богаевский Константин 270
 Богатова Наталья 176–178
 Богачёв Пётр 273
 Боголюбов Алексей 270
 Богуславская Зоя 69, 139, 344, 416, 419, 420, 435, 441, 442, 444, 460
 Бойс Йозеф 405
 Большакова Алла 104, 473
 Бондаренко Владимир 446
 Бондаренко Сергей 93, 275, 277, 279
 Бондарчук Сергей 118, 258
 Боннар Пьер 256
 Борель Пётр 401
 Борис 166, 179, 199
 Борисов Олег 197
 Борисов Юрий 369, 389, 428
 Борисов-Мусатов Виктор 210
 Боровой Константин 25, 167, 192
 Бородин Павел 443
 Босх Иероним 225, 226, 450
 Боткин Василий 212
 Бочкарёв Сергей 160
 Бояринов Владимир 61, 308, 350
 Брежнев Леонид 379
 Брейгель Питер 409, 450
 Брик Лиля 452
 Бродский Иосиф 297
 Брынцалов Владимир 253
 Брынцалова Наталья 253
 Брюллов Карл 224
 Брюсов Валерий 371
 Буанарроти Микеланджело 194

Бубнов Василий 152, 464, 465
 Булычев И. 181
 Булычёв Кир 447
 Бунин Иван 311
 Бурьян Александр 155
 Бурьян Николай 155
 Бурьян (урождённая Ермилова) Зоя 154, 155
 Бутовецкий Давид 241
 Бухаров Александр 180, 187, 189, 190, 208, 225, 226, 306
 Быков Дмитрий 243, 245, 406
 Быков Роман 39
 Былинский Андрей 273
 Вагнер Рихард 450
 Вайнер Аркадий 382, 383
 Вайс Юрий 425
 Валентин 309
 Валентина (Георгиевна) 373, 374
 Валерий 243
 Ван Гог Винсент 256, 412–415, 472
 Ван Гог Тео 412
 Ван Донген Кес 256
 Ванина Елена 136, 275, 279, 313, 315, 317, 369, 389, 467, 484, 490, 525
 Ванханен Наталья 40
 Варга Домокош 113
 Вартанян Наталья 243
 Васильев Георгий 257
 Васильев Фёдор 270, 401, 405
 Василькова Ирина 110
 Васин Вячеслав 40, 61, 174, 200, 205, 206, 209, 213, 237, 238, 243, 245, 247, 368
 Васнецов Аполлинарий 401
 Васнецов Виктор 174, 185, 401, 405
 Вацек Даниэль 175
 Вашингтон Джордж 180, 208
 Вейдеманис Эгиль 273
 Вейсберг 457
 Верейский Орест 211, 275
 Вернадский Георгий 17
 Весник Евгений 28, 81–83, 352–358, 373, 386, 418, 419, 435, 444, 445
 Весник Нонна 81, 352–358, 386, 419, 435
 Визбор Юрий 42, 328
 Виктор Анатолій 51, 60, 62, 137, 179, 237, 246, 247
 Викторов Павел 401
 Викторов Сергей 273
 Виноградов Игорь 93
 Вишневский Владимир 443, 448
 Влади Марина 64, 334, 335
 Владимов Георгий 455
 Власов Юрий 253
 Власова Александра 291, 299, 324, 327, 360, 426, 437, 438
 Влодов Юрий 62, 138, 139, 448–450, 453, 458, 469, 482
 Вожняк Веслав 91, 398
 Вознесенский Андрей 28, 66–70, 77, 139, 172, 236, 305, 314, 328, 329, 331, 333, 335–339, 341, 343, 344, 369, 378, 386, 416, 417, 419, 420, 428, 429, 435, 441–446, 458, 460, 463, 469
 Волгин Игорь 330
 Волков Александр 133, 439, 456, 478, 487–489, 493, 530, 532
 Волков Александр (теннисист) 175
 Волков Андрей 42, 45, 133, 167, 169, 179, 181, 185, 191, 198, 206, 208–214, 217, 222, 223–225, 229, 231, 242, 245, 249, 250, 252, 253, 257, 258, 261, 263, 278, 279, 282, 285, 286, 295, 299, 302, 307, 315, 329, 351, 367, 369, 370, 371, 377, 387–390, 399, 412, 418, 423, 424, 426, 433, 439, 456, 470, 475, 486–488, 492, 493, 509, 528, 532
 Волков Владислав 370, 481
 Волков Геннадий 492
 Волкова Мария 481, 492
 Волкова (урождённая Блинова) Татьяна 133, 418, 424, 426, 433, 439, 456, 470, 487–489, 528, 532, 533, 535
 Володзько-Буткевич Алиция 89, 395
 Вольтер 222
 Воробьёв Константин 239
 Воробьёва Галина 161, 205, 217, 236, 245, 275, 277, 279, 323
 Воронкина Татьяна 94, 96, 113, 402, 470
 Воронкова Вера 350

Воскобойников Валерий 94, 402, 416, 446, 447
 Врубель Татьяна 358
 Высоцкая Наталья 40
 Высоцкий Владимир 64–70, 303, 310, 328, 334, 336, 338
 Высоцкий Никита 64, 303, 310, 328, 336, 338
 Высоцкий Стефан 89, 394
 Выштынецкий 277
 Вьюяр Эдуард 256
 Габрилович Алексей 162
 Гаврилин Виктор 301
 Гавриляченко Сергей 360, 363
 Гагарин Юрий 72
 Гайдар Егор 25–27, 167, 192, 218, 223–225, 227, 229
 Галинская Татьяна 204, 230
 Галич Александр 347
 Галкин Максим 443
 Галушко Павел 312
 Галушко Павлик 312
 Галуцкий Александр 306, 324
 Галя-«наймитка» 185
 Ганнибал 374, 376
 Гапоненко Тарас 272
 Ге Николай 186, 212
 Гедымин Анна 14, 28, 29, 51, 52, 56, 96, 116, 138, 151, 247, 313, 314, 316, 326, 330, 338, 339, 341, 342, 345, 348, 364, 368, 369, 375, 378, 382, 383, 385, 389, 391, 392, 399, 406, 417, 426, 443, 446–450, 453, 454, 456, 460, 462–464, 466, 469, 482, 486, 525, 528, 532–534
 Гедымин Данила 51, 392, 450, 452, 453
 Гедымин Марина и Юрий 51
 Гейдель Ирина 311
 Геннадий 292, 310
 Георгиев Геннадий 325
 Георгиев Сергей 93, 408, 416, 417, 462, 470
 Герасимов Сергей 347, 379
 Германарих 303, 306, 323, 328
 Геродот 17
 Герра Ренэ 104
 Гёте Иоганн 74
 Гиленко Виктор 145, 295, 296
 Гладышев Александр 374, 375
 Глазков Николай 295
 Глазунов Илья 194
 Глинка Александр 130, 162
 Глинка Алексей 130, 162
 Глинка Борис (сын Глинки Александра) 130, 162
 Глинка Борис (сын Глинки (Волжского) Александра) 129, 130, 162
 Глинка Валентин 130, 162
 Глинка (Волжский) Александр 130, 162
 Глинка Глеб 129, 162
 Глинка Лилия 129, 162
 Глинка Татьяна 130, 162
 Глинка (урождённая Телюк) Мария 87, 123, 124, 129–131, 162
 Глинская (урождённая Панкратова) Людмила 134, 275, 279, 281, 282, 315, 369
 Глинский Владимир 36, 134, 275, 279, 281, 315
 Глоба Тамара 382, 384
 Гловюк Сергей 176–178
 Глоцер Владимир 380
 Глушковская Людмила 113
 Гобарев Виктор 135, 160, 208, 258
 Говоркова Екатерина 78
 Говорухин Станислав 218
 Гоген Поль 244, 256, 472
 Гоголь Николай 356
 Годына Мария 332
 Гойя Франсиско 198, 211
 Голицына Клара 332
 Головин Александр 260
 Головкин Анатолий 63
 Голубкина 457
 Гольдман 458
 Гончаров Андрей 410
 Гончаров Фёдор 401
 Гончаров Юрий 39, 112, 135, 137, 198, 200, 209, 211
 Гончарова Наталья 305, 403
 Гопман Владимир 380
 Горбачёв Михаил 253
 Горбунов С. 137

Гордеева Екатерина 196
 Гордин Жан 300, 301
 Гороховский 457
 Горячев Александр 501
 Горячев Павел 498, 516, 518
 Горячев Виктор 181, 351, 493
 Горячева Ирина 501
 Горячева Мария 498, 504, 505, 508
 Горячева Наталья 501
 Горячева (урождённая Балычева) Анна 181, 351
 Гоуман 375
 Гофман Эрнст 89
 Грачёв Павел 253
 Грибина Мария 381
 Грибоедов Александр 84, 366
 Гримм Якоб и Вильгельм 89
 Грин Александр 401
 Гриньков Сергей 196
 Гришечкин Вячеслав 196
 Гриценко Николай 419
 Грозный Иван 402
 Гроссман Василий 78
 Гросницкий 457
 Груздев Александр 350
 Грымов Юрий 363
 Губерман Игорь 145, 253
 Гусев Николай 306
 Гусев Павел 358
 Гусев Юрий 273
 Гусман Юлий 223
 Гутионтов Павел 63
 Давидовский Игорь 103
 Дагуров Владимир 93, 244, 245, 326
 Даль Владимир 258, 310
 Дanelия Георгий 118
 Дега Эдгар 201, 202, 256
 Дегтярёв Пётр 60, 61, 247, 252, 256, 263, 290, 291
 Делакруа Эжен 194
 Дементьев Андрей 80, 151
 Демидов Сергей 135, 137, 161, 198, 211, 245, 248, 249, 256, 258, 259, 262, 275, 275, 276, 279, 281, 282, 315, 388, 399, 407, 409, 439
 Демидова Елизавета 259
 Демидова Марина 248, 275
 Дени Морис 256
 Державин Гаврила 19
 Дёмин Александр 465, 477
 Джугашвили (Сталин) Иосиф 128, 130, 131
 Дидунов Алексей 49, 300
 Дикий Алексей 453
 Димилова Надежда (урождённая Телюк) 128
 Дмитриев Николай 49, 146–148, 325
 Добрицына Ольга 273
 Добрынин Андрей 137, 245, 247, 263, 313, 314, 341, 449
 Добужинский Мстислав 270
 Довгер Светлана 191, 199, 216, 242, 245, 249, 253, 257, 262, 276–278, 282, 283, 299, 302, 309, 324, 369, 387, 389, 428, 468
 Довгер Сергей 253, 268
 Долгорукий Юрий 210, 376, 401
 Долина Вероника 113, 164
 Домье Оноре 294
 Донцова Дарья 434
 Дорин Александр 326
 Достоевская Анна 434
 Достоевский Фёдор 10, 11, 330
 Другова Наталья 129
 Дружников Григорий 473
 Дружников Юрий 104, 105, 153, 434, 473, 474
 Дружникова Валерия 104, 473, 474
 Дружникова Елена 473
 Друнина Юлия 80, 236, 240
 Дубовский Николай 270
 Дударев Валерий 49, 61, 83, 84, 100, 106, 107, 109, 110, 151, 291, 301, 313, 316, 323, 326, 341, 347, 349, 365, 368, 425, 429, 430, 435
 Дуся 495
 Дьяконицын Лев 272, 363
 Евангелист Марк 401
 Евгения (Михайловна, ЗНУИ) 223
 Евгения (Михайловна, соседка Высоцких) 337
 Евграфова Екатерина 214, 215

Евсеев Борис 112, 113, 485
 Евсева Фарида 113, 485
 Евтушенко Дмитрий 256, 272
 Евтушенко Евгений 144, 145, 172, 236, 274, 275, 284, 295, 355, 356
 Егоров Вадим 113, 114, 316, 322, 324, 325, 328, 329, 368, 369, 384, 386, 456, 459
 Егорова Ирина 418
 Егорова Татьяна 329
 Екатерина (сослуживица С. Довгер) 262
 Екатерина (средняя дочь Ивановых-Аннинских) 98
 Елена (Георгиевна) 303
 Елена (старшая дочь А. А. Ермилова) 155
 Ельцин Борис 38, 65, 81, 156, 200, 218, 227, 253, 257, 331, 356, 357, 405
 Епихин Сергей 457
 Ергольская Татьяна 195
 Ерёмина Елена 49, 301
 Ермаков Александр 94, 402, 432
 Ермакова Ирина 176, 177
 Ермилов Алексей Алексеевич 154, 155
 Ермилов Алексей Гаврилович 153, 154
 Ермилов Николай 153, 154
 Ермилова Мария 154
 Ермилова Пелагея 153
 Ерофеев Венедикт 34
 Ерофеев Виктор 70, 333
 Ерофеев О. 284
 Ершова Елена 246, 247
 Есаулов Иван 93
 Есенин Сергей 172, 184, 402
 Ефанов Василий 273
 Ефремов Олег 220
 Ёлкина 370
 Жиленко Ирина 112
 Жириновский Владимир 218, 224, 227, 253, 368
 Жирмунская Тамара 52, 341
 Жуков Александр 325
 Жутковский Борис 283
 Жуховицкий Леонид 63, 77, 113, 139, 145, 295, 296, 312, 328, 456, 460
 Заболоцкий Николай 11
 Завгаев Доку 199
 Заводовская Дарья 216, 224, 242, 244, 275, 279, 388, 389
 Заводовская Ольга 216, 217
 Зайцев 467
 Зайцев Алексей 39
 Залепина Елизавета 255
 Зарянский Эдуард 490
 Заходер Борис 76
 Зверев Анатолий 271
 Зверева Анна 407, 415
 Звёздкин Юрий 273
 Звонарёва Лола 28, 86, 93, 94, 96, 101, 103, 110, 112, 114, 115, 152, 341, 347, 349, 351, 380, 381, 389, 402, 416, 418, 425, 432, 435, 437, 440, 443, 444, 446, 462, 464, 473, 485
 Зеленцов Павел 206, 231, 282, 307, 390
 Зигмунд III 393
 Зиновьев Александр 380
 Зиновьев Виктор 110
 Золотухин Валерий 84, 365
 Золя Эмиль 201
 Зоценко Михаил 311
 Зоя 533
 Зубова Наталья 223, 324
 Зуев Виктор 93
 Зуев Владимир 64, 334, 335, 337, 338
 Зуев Игорь 325, 375
 Зулфикаров Тимур 176
 Зыбинов Юрий 216, 217
 Зыкина Людмила 334
 Зюганов Геннадий 27, 168, 170, 224, 227, 253, 257, 267, 370, 376
 Ибнер Вера 239
 Ибрагимовы Марина и Нурислан 93
 Иванов Александр 115, 270, 409
 Иванов Геннадий 60, 290
 Иванов Тимофей 256
 Иванов-Аннинский (Аннинский) Лев 7, 94, 96–99, 105, 400, 402, 416, 417, 420, 421, 425, 429, 430, 433, 440, 446, 447, 449, 453–456, 458–460, 462, 463, 465–467, 469, 472, 473, 480–482, 485, 486, 534

Иванова-Аннинская Александра 5, 7, 21, 94, 96–99, 105, 400, 402, 416, 421, 429, 446, 447, 453–455, 463, 465–467, 473, 480–482, 485
 Ивашкина (урождённая Деева) Татьяна 324
 Иващенко Алексей 257
 Ивеншев Николай 93
 Игнатюк (Ленин) Михаил 127
 Иголкина Ирина 161, 217
 Ийеш Дюла 113
 Иконников Василий 401
 Ильин Иван 218
 Ильф Илья 294
 Инна 371
 Иноземцев Игорь 129
 Иноземцев Николай Николаевич 129
 Иноземцев Николай Сергеевич 128
 Иноземцева (урождённая Телюк) Нина 123, 128, 153
 Инчин Василий 273
 Иодковский Эдмунд 39, 98, 115, 135, 409
 Иодловский Николай 369
 Иордан 303
 Ирванец Александр 112
 Ирина (урождённая Гнусарёва) 136
 Ирина (урождённая Иноземцева) 129, 153
 Ирина (урождённая Окорокова) 36, 489
 Исаева Елена 14, 51, 52, 176, 177, 235, 243, 245, 313, 316, 350, 351, 369, 373, 417, 443, 444
 Исхаков Роман 42, 200, 242, 272
 Йоко 177
 Кабкова Елена 262, 263, 267–269, 291, 309, 322, 323, 331, 332, 340
 Кабыш Инна 14, 51, 52, 245, 273, 313, 314, 316, 392, 406, 525
 Казаков Кирилл 341
 Казакова Римма 52, 61, 77, 100, 101, 153, 283, 301, 341, 381, 386, 417, 444, 445, 459, 460, 463, 469
 Казанцев Алексей 350
 Казанцев Евгений 291
 Казначеев Сергей 93, 486
 Кайдановский Александр 210
 Калинец Игорь 58, 112
 Калугин Игорь 358
 Кальченко Вера 465, 467, 484
 Калягин Александр 498
 Камбурова Елена 315
 Каплан Фаня 273
 Капляр Александр 418
 Карамзин Николай 17
 Караулов Андрей 197
 Кардовский Дмитрий 401
 Карина (натурщица) 299
 Карл Великий 17, 19
 Карпов Владимир 284
 Карханина Анна 110, 111
 Карханина Людмила 110
 Катаев Валентин 151
 Катанова Людмила 327, 350, 375
 Катин Пётр 60, 247, 290
 Кафельников Евгений 175, 206, 208, 257
 Квасневская Иоланта 107
 Кедрин Дмитрий 332
 Кедров Константин 426
 Керн Анна 135
 Кибрик Евгений 401
 Ким Юлий 253, 382, 384
 Кириенко Сергей 379
 Кириллов Алексей 273
 Кириллов Андрей 165, 169, 292, 293
 Кириллов Виктор 169
 Кириллова (урождённая Ильина) Татьяна 169, 283, 292, 293, 535
 Кирхнер Эрнст 471, 472
 Киселёв Евгений 443, 457
 Кислицын Игорь 283
 Клементьева Ксения 401
 Климов (Климов-Южин) Александр 137, 174–179, 191, 237, 243, 247, 254, 263, 273, 316, 344, 348, 364, 368, 383, 389
 Климова Татьяна 176
 Клинт Густав 361
 Клинт Иван 288
 Клодт Николай 401
 Ключевский Василий 186

Ковальджи Кирилл 49, 116, 381, 385, 417, 443, 444, 456, 462, 466, 486
 Кодышинец Александр 326
 Кожедуб Олеся 93
 Кожин Вадим 7, 8, 61
 Козаков Михаил 297
 Козлинский Владимир 401
 Козлов Алексей 229
 Козловцев Александр 231, 307
 Коковцев Владимир 186
 Колаксар 159, 266
 Колганов Леонид 137, 237
 Колобова Ольга 257, 291, 389
 Коломин Максим 465
 Колонова Елизавета 324, 360, 367, 403, 406, 433, 436, 439
 Кондратьева (урождённая Балычева) Татьяна 180, 184
 Корень Василий 401
 Корин Павел 409
 Коринт Ловис 186
 Коркия Виктор 137, 247, 272, 275, 279
 Кормашов Александр 450, 452, 453
 Корнетов Виктор 237, 238
 Корнилов Борис 172
 Корнилов Владимир 288
 Корноухов Александр 477
 Коровин Константин 270
 Коровин Сергей 260
 Коротков Сергей 246, 247
 Короткова М. А. 273
 Короткова М. Д. 273
 Косенков Александр 176, 177
 Костаки Георгий 283
 Косыгин Алексей 407
 Косяченко Елена 283, 291, 299, 321, 327, 381, 421, 439
 Кочеткова Ирина 66, 216, 227, 234, 254, 279, 338, 351, 400
 Кочума А. И. 428
 Кравцов Альберт 237, 238
 Кравченко Алексей 401
 Крайнев 492
 Крайнева (урождённая Горячева) Наталья 118, 169, 170, 193, 213–215, 242, 255, 292, 293, 495, 503, 505, 512, 519

Крайневы 501
 Красников Геннадий 49
 Краснов Альберт 289
 Краснова Нина 47, 49, 51, 52, 66, 83, 151, 152, 242, 243, 289, 301, 313, 314, 327, 334, 336, 338, 341, 343, 347–349, 365, 366, 368, 378, 381, 389, 443, 444, 446, 448, 456, 470, 473, 482, 485
 Краснопевцев Дмитрий 457
 Краснопёров Вячеслав 190
 Краснопольский Валерий 137
 Крестовский Александр 255
 Кромина Наталья 370
 Кросицкий 457
 Кросс Эдмон 256
 Кругликова Елизавета 401
 Крылов Владимир 326
 Крылов Порфирий 272
 Крылова Наталья 536
 Крымов Николай 186
 Крючков Павел 542
 Ксенофан 17
 Кудияров Сергей 153
 Кужеватова Ольга 468, 480, 484, 489, 490, 526, 534
 Кузнецов Анатолий 29, 30, 44, 360, 363, 373, 416, 421–423, 425, 426, 433, 436–438, 456, 465, 467, 471, 476, 478–480, 484, 490, 536
 Кузнецов Николай 185
 Кузнецов Юрий 375, 376
 Кузнецова-Бенуа Мария 185
 Кузнецова Людмила 309
 Кузьмин Валентин 179
 Кузьминов Александр 527
 Куксов Юрий 325
 Кулаков Вадим 44, 152, 263, 266–269, 271, 274, 286, 299, 306, 308, 309, 320, 322, 324, 330–332, 340, 342, 347, 359–363, 367, 370, 372, 373, 376, 381, 382, 403–405, 410, 413, 425, 426, 428, 430, 433, 436–438, 440, 457, 460, 465, 467, 468, 471, 476, 478, 480, 482, 484
 Кулакова Галина 359, 360, 363, 373, 425
 Куняев Станислав 301, 374–376

Купреянов Николай 270
 Куприянов Вячеслав 101
 Куприянов Михаил 273
 Куприянова Татьяна 348
 Куреева Нина 260, 261
 Курнакова 278
 Курносова Евгения 334
 Курье Джим 206, 208
 Кустодиев Борис 224
 Кушнер Александр 288
 Кюри (Мария и Пьер) 298
 Лавров Валентин 380
 Лазарева Анна 243
 Ландау Лев 78
 Лансере Евгений 401
 Ларионов Глеб 127
 Ларионов Игорь 273
 Ларионов Михаил 403
 Ларионов Николай 127
 Ларионова Вера 127
 Ларионова Лариса 127
 Ларионова Надежда 127
 Ларионова (урождённая Телюк) Евгения 123, 127
 Лебедева Елена 271, 306
 Лебедев-Кумач Василий 10
 Лебедь Александр 253
 Левитан Исаак 163, 260
 Лемон 124, 128
 Ленникова Ирина 426, 437, 467, 476, 479, 484
 Леннон Джон 209
 Лентулов Аристарх 244
 Леонардо да Винчи 211
 Лермонтов Михаил 172, 238, 325, 335
 Либерман Макс 186
 Ливень Алёна 190
 Лигачёв Егор 331
 Липатов Виктор 49, 100, 151, 417
 Лиховид Георгий 332
 Лобанов Александр 496–498
 Лобанов Александр Петрович 496, 498
 Лобанова Зинаида 496, 498
 Лобанова Людмила 496, 498
 Лобзова Ирина 439
 Лоза Юрий 291

Лолита 306
 Лопатников Николай 505
 Лопатниковы 520
 Лоррен Клод 211
 Лосев Сергей 243
 Лошаков 428
 Лубенников Иван 457
 Луганский Виктор 467, 484
 Луговской Владимир 455
 Лужков Юрий 66, 200, 253, 305, 328, 329, 337
 Лукин Борис 93
 Лукьянов Мирон 373, 381, 425
 Лукьянов Степан 322, 361
 Лунин Виктор 94, 96, 115, 152, 392, 402, 417, 428, 432, 449, 456, 470
 Лупандина А. Г. 437
 Любимов Юрий 65
 Любимова Татьяна 303
 Любовь (первая жена А. А. Ермилова) 155
 Людмила (подруга В. Рукиной) 243, 245, 313, 350, 387
 Людмила (урождённая Ермилова) 154
 Людмила (урождённая Кондратьева) 229
 Люкшина Мария 342
 Люсый Ирина и Александр 93, 465
 Люся 292, 293
 Люся (сослуживица С. Довгер) 277
 Мадай 160, 266, 293, 310
 Макаревич Андрей 162
 Макаров Сергей 478
 Макашов Альберт 77, 367
 Маковский Владимир 401
 Максимов Евгений 425, 437, 438
 Максимов Галина 113
 Малевич Казимир 129, 259, 283
 Малютин Владимир 110
 Малютин Сергей 270
 Мамыкин 64, 335
 Мандельштам Иосип 172
 Мандельштам Надежда 434
 Мане Эдуар 201, 203, 234
 Мария (жена Н. А. Ермилова) 154
 Мария (старшая дочь Ивановых-Аннинских) 98

Марк 269
 Марке Альбер 256
 Марковников 457
 Мартов Владимир 126, 132, 133
 Мартов Сергей 132, 133
 Мартова (урождённая Телюк) Вероника 36, 37, 126, 132, 133, 166, 179, 187, 191, 199, 200, 216, 224, 230, 233, 234, 243, 269, 282, 316, 320, 324, 344, 462, 470
 Маршак Самуил 76, 380
 Матвеева Новелла 382
 Матисс Анри 256, 472
 Матусовский Михаил 209
 Матюхина Екатерина (Катя, сослуживца С. Довгер) 276
 Махов Никита 456–458, 465
 Маяковский Владимир 10, 59, 74, 76, 85, 241, 244, 248, 271, 276, 371, 410, 433, 444, 448
 Медведев Никита 360–363, 373, 381, 425
 Медведев Рой 380
 Межиров Александр 288
 Мень Александр 410
 Меркурьев Василий 118
 Мессерер Борис 443, 484
 Мещанинов Вадим 190
 Милешникова Марина 332
 Милле Жан 413
 Милош Чеслав 358, 359
 Миро Хоан 256
 Мирошников Андрей 418
 Митурич Пётр 401
 Михаил 271
 Михайлов Игорь 100
 Михалков Никита 26, 28, 207, 217, 219, 363, 366
 Михалков Сергей 76, 284, 402
 Михозлс Соломон 78
 Мнацаканян Сергей 47, 49, 58, 59, 66, 152, 172, 246, 248, 256, 257, 272, 298, 448, 449, 459
 Модильяни Амедео 311
 Мозалёв Сергей 87, 135, 153, 173, 210, 243, 245, 282, 284, 317, 323, 369, 382, 389, 428, 462, 467, 484, 490, 493, 525
 Мозалёва Галина 136, 317, 382, 428, 467, 484, 490, 493, 525
 Мозалёва Светлана 243, 317, 369
 Моллер Отто 471
 Молчанов 245
 Мольер 225, 340
 Мольченко Елена 85, 411
 Момот Евгений 306
 Моне Клод 201, 256
 Мордюкова Нона 153
 Морозов Владимир 134, 135, 282
 Морозов Николай 135
 Морозова Ирина 375
 Морозова Нина 107
 Морозова Татьяна 135
 Моцарт Вольфганг 170, 225
 Мусатов Александр 351, 493, 495, 501
 Мусатова Мария 351, 352, 495, 501
 Муссалитина Елена 152
 Мюллер О. 472
 Мягков Андрей 220
 Мятлев Инен 295
 Набоков Владимир 28, 331, 372
 Набокова Вера 434
 Навроцкий Александр 108
 Нагаев Игорь 94, 141, 142, 400, 402, 428
 Нагаева Лидия 400, 416
 Надежда (урождённая Бурьян) 155
 Назаренко 457
 Назаренко Татьяна 425
 Назаров Юрий 373
 Насадкина Ольга 216
 Наседкин 465
 Наташка 37
 Наумов 457
 Невинный Вячеслав 220
 Недогонов Алексей 137
 Некрасов Николай 199
 Некрасов Сергей 190, 225, 226
 Немцов Борис 25, 192
 Немчиновы Михаил и Степан 123
 Нестеров Григорий 427, 428, 430
 Нестерова Наталья (НГУ) 44, 161, 243, 257, 262, 267, 268, 291, 299, 308, 322, 360–362, 370, 371, 373, 389, 425, 428, 436, 467, 468, 476, 484

Нестерова Наталья (художница) 271, 373, 457
 Нечипоренко Юрий 93
 Николай 179
 Никонovsky 520
 Никитин Сергей 296, 384
 Никитина Любовь 94, 150
 Никитина Татьяна 384
 Ниточкин Сергей 296
 Ницше Фридрих 450
 Новикова (урождённая Цыганова) Надежда 199, 277, 292
 Новогловский Ян 402
 Новосельский Ежи 89, 394
 Носик Борис 311
 Носков Владимир 51
 Огнев Андрей 255
 Одоевцева Ирина 311
 Ожегов Сергей 258, 310
 Окуджава Булат 10, 26, 145, 328, 382, 383, 402, 480
 Оленников Виктор 332
 Ольга (знакомая Н. Бесчеревных) 262, 263
 Ольховский Андрей 175
 Орлова Ольга 167, 179, 191, 198, 206, 217, 242, 250, 252, 261, 279, 282, 285, 307, 415, 340, 370, 371, 387
 Орлова Светлана 110
 Оскоцкий Валентин 61, 106, 114, 115, 408–410, 415, 417, 428, 429, 444, 449, 456, 474
 Осокина Людмила 453, 462, 469, 482
 Оссовский Пётр 283
 Островский Александр 85
 Осьмёркин Александр 24, 183, 194
 Ошанин Лев 47, 209
 Павлова Роксана 277
 Паладина Светлана 216, 217
 Панфилов Глеб 452
 Папанов Анатолий 356
 Паскаль Константин 93, 430
 Пастернак Борис 164, 172, 186, 245, 275, 298, 335, 339, 426, 431, 448, 452, 455
 Пастернак Леонид 24, 163, 164, 174, 183, 185–188, 192–194, 210, 221, 256
 Пате 231
 Пашков Г. В. 123
 Пашков Иван 161
 Пашков Николай 327
 Певцов Григорий 485
 Пензин Виктор 401
 Передреев Анатолий 449
 Переславский Константин 111
 Перетяка Нина 104
 Петлюра Симон 125
 Петров Владимир 260
 Петров Вайло 104, 111
 Петров Олег 257, 302, 389, 475
 Петрова Наталья (урождённая Другова) 129
 Петрушкин Владимир 323
 Петрушкина Екатерина 283
 Пехштейн Макс 471, 472
 Пикассо Пабло 361, 450
 Пиков Михаил 401
 Писсарро Камиль 232, 256
 Пименов Юрий 163
 Пластов Аркадий 24, 183, 194
 Плисецкая Майя 207
 Плотников 457
 Поварова Юлия 74, 339
 Познанская Наталия 113, 327
 Познер Владимир 443
 Полевой Борис 151
 Поленов Василий 174, 185, 224
 Поляков Анатолий 47, 160, 174, 179, 235–239, 243, 245–247, 276, 389, 417
 Поляков Юрий 152, 383, 386
 Понаровская Ирина 268
 Понедельник Виктор 495
 Пономарёва Татьяна 93
 Попов Александр 298
 Попов Виктор 116, 315, 327, 350, 374, 375, 385, 389, 457, 458, 462, 473
 Попов Михаил 93
 Попова (урождённая Прунтова) Клавдия 220
 Потёмкин Александр 447
 Приёмыхов Валерий 413
 Примаков Евгений 339, 370
 Пронин Владимир 363, 364

Прунтов Борис 495, 501
 Прунтов Юрий 351, 495, 501
 Прунтова Любовь 165, 170, 242, 245, 279, 281, 495, 501
 Прунтова Наталья 351, 352, 501
 Пуговкин Михаил 153
 Пуни Иван 283
 Пуссен Никола 211
 Пустовитовская Ирина 261, 307
 Пустовитовский Владимир 41, 174, 261, 272, 307, 341, 373
 Путин Владимир 379
 Пушкин Александр 21, 28, 34, 79, 172, 175, 194–196, 252, 256, 298, 307, 335, 345, 373–376, 471
 Рабин Исхак 169
 Рабин Оскар 271
 Радзинский Эдуард 288
 Радонежский Сергей 161, 183, 184
 Райберг Владимир 49, 271, 313, 315, 322, 323, 326, 341, 347, 418
 Ракина Ирина 176, 177, 462
 Распутина Маша 355
 Рац Вера и Владимир 267, 277
 Рац Наталья 267
 Ревалд Джон 202, 232, 234
 Редон Одилон 256
 Рейн Евгений 178, 283, 288, 417
 Рембрандт ван Рейн 450
 Ремизов (Ре-Ми) Николай 401
 Ремизова Александра 349
 Ренуар Огюст 201, 232, 256
 Репин Илья 174, 185, 210
 Реформатская Мария 341, 478
 Риго Бела 94, 95, 402, 416, 432
 Рильке Мария 186
 Роботнов Антон 477
 Ровенских Александр 350
 Рогинский 457
 Роден Огюст 186
 Родионов Андрей 229, 278
 Рожкова Наталья 316, 325, 326, 389, 433
 Розанов Александр 349
 Розовский Марк 409
 Рой Анна 151
 Рой Галина 48–51, 77, 148, 151, 235, 236, 238, 239, 241, 243, 246, 254, 259, 276–278, 284, 288–291, 300, 301, 309, 310, 313, 315, 316, 324, 328, 341, 347, 349, 355, 368, 373, 385, 416, 433, 459
 Роксана (Павловна) 277
 Романов Михаил 131
 Романовы 162
 Рост Юрий 283
 Ростовцева Инна 93
 Ростовы 39, 284
 Ростропович Мстислав 13
 Ротлуф Карл 471, 472
 Рошин Михаил 350
 Рубенс Питер 414
 Рублёв Андрей 161
 Рудаков Константин 401
 Рукина Виктория 179, 243, 245, 309, 313, 350, 387, 466
 Руссель Ксавье 256
 Рыбаков Борис 17, 258
 Рыбалтовская Наталья 313, 324, 327, 350, 369, 387
 Рыбин Михаил 126
 Рыжков Владимир 368
 Рюрик 162, 227
 Рябушинский Михаил 114
 Рязанов Эльдар 34
 Ряшенцев Юрий 406
 Саакян Ашот 331
 Саврасов Алексей 260
 Саед-Шах Анна 137, 247
 Сальери Антонио 170
 Само 377
 Самовская Ольга 324, 361, 381, 403, 406, 407, 433, 436, 439, 467, 480, 534
 Сампрас Пит 206, 208
 Сапгир Генрих 40
 Сарьян Мартирос 401
 Саханов Александр 63
 Сварожич 248
 Сверчкова Наталья 72
 Светличная Светлана 341
 Светлов Михаил 78
 Северный 403
 Северянин Игорь 10, 172

Сезанн Поль 28, 200, 201, 256, 345, 346, 472
 Семен Войчех 108
 Сенчева Галина 130, 233, 247
 Сервантес Мигель 450
 Серебров Сергей 119, 427, 470, 530, 533
 Сереброва Елена 468, 470, 530
 Серебрякова Зинаида 211
 Серёгин Сергей 256
 Серёжа 267
 Серов Валентин 174, 260
 Сёмина Людмила 402
 Сидоров Валентин 283
 Сидорова Валентина 160, 165, 166, 169, 170, 172, 249, 250, 252, 265, 275, 377, 468, 508
 Сидорова Ксения 160, 170
 Сильовьев Владимир 152
 Сильвестров Валентин 69
 Симаковский Игорь 341
 Симонова Майя 66, 67, 341
 Синявская Мария 434
 Сироткин Андрей 477
 Скил 248
 Скобцева Ирина 118
 Скороходов Александр 339, 350, 501, 505, 516, 519, 520, 533
 Скороходов Алексей 166, 220, 251, 339, 349, 350, 352, 501–503, 505, 508, 516, 520
 Скороходов Константин 501, 502
 Скороходова Ираида 214, 219, 242, 339, 349, 350, 352, 425, 501, 502, 508, 509, 512, 514, 521
 Смирнов Александр 211
 Смирнова Наталья 44, 159–162, 165, 185, 205, 210, 223, 248, 250
 Смогул Александр 273, 364, 383, 462
 Смоктуновский Иннокентий 258
 Смыслов Сергей 86, 307, 315, 390
 Смылова Светлана 390
 Соболев Борис 66, 334, 335
 Соколов Александр 151, 462
 Соколов Леонид 255
 Соколов Михаил 272
 Сокольский Сергей 341, 350
 Солженицын Александр 153
 Солженицына Наталья 65, 434
 Соловьёв Владимир 186, 220
 Соловьёв Леонид 223
 Сологуб Фёдор 222
 Соломин Юрий 373
 Солоухин Владимир 314
 Солянина Веста 114
 Сомов Константин 401
 Сорин Игорь 341, 347–349
 Сорокин Иван 273
 Сорокин Павел 129
 Сорокина (урождённая Телюк) Анна 129, 389
 Сорокина Арина 349
 Сполитак Екатерина 77, 315
 Станиславский Константин 127
 Старовойтова Галина 347, 368
 Старшинов Николай 28, 49, 80, 81, 235–241, 243, 245, 273–275, 277, 284, 290, 307, 313, 314, 320, 361, 366, 392
 Степан 495
 Степанова Екатерина 325
 Степашин Сергей 370
 Стожаров Владимир 272
 Страбон 17
 Стрельцова Татьяна 213
 Стремитина Наталья 253, 446
 Строкань Сергей 176
 Суворов Александр 437, 440, 478
 Суворов Пётр 272
 Суворова Анна 273
 Судковский Руфин 269
 Сумарокова Юлия 230
 Суриков Василий 224
 Суханов Александр 465
 Суханов Максим 33, 291, 292
 Суханова Василиса 33
 Суханова Соня 33
 Суханова Татьяна 33, 291, 296, 297, 300, 301, 309, 376
 Суховецкая Юлия 416, 425
 Суховецкий Алексей 273, 425
 Сухотина-Толстая Татьяна 186, 191, 194, 195, 201, 204, 206–208, 212, 219, 221

Сыркина Флора 261, 318–320
 Сычёва Валерия 49, 301
 Табаков Олег 207, 220, 452
 Таланкин Игорь 118
 Таль Андрей 64, 65, 287, 288, 302, 303, 306, 337, 341, 472
 Таль Римма 338
 Танеев Сергей 221
 Танич Михаил 153
 Таратута Елена 63, 468
 Тарпищев Шамиль 197
 Татьяна (вторая жена А. А. Ермилова) 155
 Татьяна (младшая дочь А. А. Ермилова) 155
 Татьяна (натурщица) 299
 Твардовский Александр 10, 335
 Телюк Адам Адамович 123, 124, 128
 Телюк Адам Алексеевич 122–124, 131
 Телюк Александр Адамович 123, 124, 128
 Телюк Александр Борисович 121, 130, 233, 247
 Телюк Александр Германович 128
 Телюк Алексей 122
 Телюк Алексей Адамович 123, 125
 Телюк Борис 123, 129, 131
 Телюк Герман 128
 Телюк Кира 125, 126, 131
 Телюк Лидия 128
 Телюк Михаил 123, 125
 Телюк Надежда 123, 124, 126, 129–131, 247, 377
 Телюк Нина 129, 233, 242, 245, 313, 389, 428
 Телюк Пантелеймон 123–126, 131
 Телюк Сергей Александрович 130
 Телюк Серёжа 121, 131, 233
 Телюк (урождённая Анискевич) Мария 124, 131
 Телюк (урождённая Ермилова) Татьяна 121, 131, 153, 169, 233, 300, 302, 307, 342, 377, 385, 389, 397, 411, 428, 429, 460, 470, 473, 475, 482
 Телюк (урождённая Петрова) Анна 129, 131
 Телюк (урождённая Трубникова) Апполинария 120, 125, 131
 Телюк Юрий 120, 125, 131, 169, 231, 233, 247, 284, 302, 307, 342, 377, 384, 385, 397, 411, 428, 429, 475
 Темченко Александр 90, 391, 397, 399
 Теплицкий Владимир 242, 245, 271, 309, 389
 Тепляков Владимир 327, 348
 Терехович Марина 465
 Тетерский Сергей 94
 Тёрнер Уильям 194, 332
 Тимкина Татьяна 403
 Тихомирова Галина 332
 Тищенко Вячеслав 296
 Ткаченко Александр 66, 69, 328
 Толстая Софья 221, 222, 225, 434
 Толстой Алексей 114, 310, 407–409
 Толстой Иван 221
 Толстой Лев 24, 83, 185–188, 191, 192, 195, 204, 206, 212, 221, 222, 325, 368
 Толстой Сергей 222
 Томилина Александра 403
 Тризна Леонид 252
 Трифонов Юрий 289
 Трофимов Александр 49
 Трунькин Дмитрий 191, 307
 Тулеев Аман 253
 Тургенев Иван 10, 212
 Турецкий 457
 Тышлер Александр 259–261, 307, 308, 317, 318
 Тэффи Надежда 478
 Тюленев Лев 457, 465
 Тютчев Фёдор 172
 Тяжлов Анатолий 276
 Угольников Игорь 191
 Уильямс Теннеси 85
 Уланова Галина 28, 311
 Ульянов (Ленин) Владимир 84, 127, 365
 Умнов Виктор 457
 Урусов Дмитрий 433, 436
 Усанов Евгений 402
 Усанова Елизавета 342, 402
 Усачёва Марина 237

Устинова Елена 93, 446
 Утрилло Морис 256
 Фаворский Владимир 161, 165, 248, 401
 Фадеев Александр 259
 Фальк Роберт 346, 347
 Фатюшин Александр 83–85, 365, 366, 371, 372, 386, 410, 411
 Федюхина Елена 277
 Федеяева Татьяна 269
 Феликс 259, 263
 Феллини Федерико 363
 Феодосевич 84
 Фет Афанасий 172, 194, 195
 Фетисова Ирина 360, 362, 381, 406, 407, 421–423, 433, 436, 467, 534
 Фёдоров Иван 401
 Фёдоров Николай 186
 Фёдоров Павел 129
 Фёдоров Святослав 253, 478
 Филарет (Романов-Юрьев Фёдор) 131
 Фирова Ираида 161, 217, 242, 258, 262, 275, 276, 279, 281, 313, 315, 324, 350, 385, 389, 399, 417, 428
 Фирсов Владимир 60, 61, 290, 309, 324, 344, 350, 374, 375, 377, 387, 458
 Фирсова Людмила 61
 Флоренский Павел 342
 Фоменко Николай 196
 Фомин Сергей 254, 262, 337, 338, 387, 390, 399
 Фомина Ирина 253, 254, 262, 337, 338, 387, 390, 399
 Фукидид 17
 Фурцева Екатерина 407
 Хаберманн Гуго 304
 Хакамада Ирина 379
 Харитонов 126
 Харитонов Андрей 190
 Харламов Алексей 401
 Харламов Сергей 183, 184
 Харламова Ольга 93
 Хармс Даниил 73, 76, 339, 340, 380
 Харьков Георгий 154
 Харьков Игорь 155
 Харьков Олег 155
 Харькова (урождённая Ермилова) Валентина 153, 154
 Хасбулатов Руслан 199
 Хеккель Э. 472
 Хигер Борис 380
 Хитрук Фёдор 361, 367
 Хлебников Велимир 295
 Хлебников Павел 332
 Хмельницкий Борис 153
 Ходасевич Валентина 304, 305
 Ходасевич Владислав 271
 Холодный Микола 39, 112
 Хомчик Галина 382, 384
 Хорошевич Анна 416
 Хохлов Александр 86, 88, 90, 91, 93, 390, 393, 394, 398
 Хохлова Татьяна 86, 88, 89, 91, 93, 103, 390–395, 399, 453, 463, 465
 Храмцов Павел 482
 Хрущёв Никита 283, 448
 Хрящёв Илья 330
 Цапин Владимир 84, 313, 342, 365, 482
 Цветаева Марина 172, 275
 Цепяева Наталья 277
 Церетели Зураб 454
 Цибирняк 226
 Цицерон Марк 17
 Цыбин Владимир 61, 290
 Цыбисов Михаил 505
 Чайковский Пётр 83, 343, 441, 442
 Чарушин Евгений 401
 Челышев Евгений 380
 Чепурию Константин 350
 Черёцкая 425
 Черникова Елена 93
 Чернов Андрей 63
 Чернов Юрий 49
 Черномырдин Виктор 25, 26, 167, 192, 218, 223, 224, 227
 Чернышевский Николай 194, 199
 Черняк Алексей 63, 279, 281
 Черняк Вадим 62, 63, 113, 138, 145, 153, 275, 277, 279–282, 330, 351, 352, 386, 416, 421, 440, 453, 458, 468, 469, 474
 Черняк Сергей 62

Чертков Владимир 221	Шишкин Иван 163, 186, 260
Чесноков Андрей 175, 206, 208	Шишков Юрий 363
Чехов Антон 220	Шифрин Ефим 207
Чехонин Сергей 401	Шмидт Мария 219
Чёрный Саша 403	Шодиев Назим 526, 528
Чикин Павел 49, 340, 350, 373, 386	Шопен Фредерик 92, 393, 399, 410
Чикина Ирина 49, 340, 350, 386	Шотов Михаил 325
Чирков Андрей 197, 327	Штыров Сергей 312
Чистякова Нина 321, 330, 433, 436	Шумов Виктор 120, 329, 425
Чичёв Виктор 324	Шумов Владимир 117, 120, 310, 329, 379, 425
Чичибабин Борис 245	Шумова Антонина 120, 429
Чкалов Валерий 217	Шумянкowa Натaлья 166, 231, 254, 275, 279, 281, 324, 327, 369, 379, 428, 459, 462, 476, 489, 508, 528, 532–535
Чубайс Анатолий 384	Шумянкowa Татьяна 166, 279, 309, 324, 369, 379, 476
Чуковский Корней 76, 339, 340, 380, 452	Шустов Евгений 104, 109
Чулович Виктор 273	Щедрин Валерий 118, 293
Чупров Александр 186	Щепотьева Елена 375
Чурикова Инна 443, 452	Щетинин Владимир 135, 161, 167, 173, 204, 205, 209, 211, 216, 243, 250, 275, 279, 282, 313, 315, 317, 369, 389, 458, 467, 484, 490, 493, 525
Чухонцев Олег 288, 406	Щуплов Александр 49, 94, 99, 101, 115, 149, 150, 326, 392, 400, 418, 431, 446, 456, 462–464, 470
Шагал Марк 344	Эйк Ян 211
Шагаров Андрей 118, 162, 163, 166, 234, 244, 250, 276, 277	Энгр Жан-Огюст 194
Шакун 253	Эренбург Илья 78, 294
Шаламов Варлам 489	Эркень Иштван 113, 470
Шалапин Фёдор 402	Юкина Любовь 93
Шамардин Анатолий 313, 327	Юсипов Анатолий 291, 299, 323, 324, 327, 370, 371
Шаров Владимир 295	Яблочкина Александра 127
Шаталов Александр 288, 289	Явлинский Григорий 25, 26, 167, 192, 218, 224, 227, 253, 368
Шахотько Евгения 299, 330, 363	Яковлев Евгений 243
Шацков Андрей 49, 60, 61, 151, 152, 235, 237, 239, 243, 276, 284, 288, 290, 296, 298, 299, 313, 314, 316, 326, 327, 374, 375, 377, 387, 389, 448, 462	Яковлев Павел 294
Шверник Николай 64–66, 68, 70, 303, 328, 335, 337, 347, 348, 350, 364	Яковлева Елена 294
Шевандрова Ирина 273	Якушева Валентина 247
Шевцов Игорь 255	Якушин Сергей 244
Шекспир Уильям 319, 340	Ярмольник Леонид 196
Шемякин Михаил 332, 363, 364	
Шехтер 371	
Шибяевы 510	
Шилов Александр 194	
Шиманович Леонид 100	

<i>Л. Аннинский. Неразделимые</i>	5
---	---

Часть первая

<i>С. Телюк. ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН</i>	31
--	----

Часть вторая

<i>И. Телюк. ИРИЗДАТ</i>	157
------------------------------------	-----

<i>I. Дневник</i>	159
<i>II. Неоконченное</i>	491

P. S.

<i>С. Телюк. ПРОЩАНИЕ</i>	523
-------------------------------------	-----

Вместо послесловия	540
<i>Л. Звонарёва</i>	540
<i>Л. Аннинский</i>	540
<i>Л. Глушковская</i>	541
<i>П. Крючков</i>	542

Алфавитный указатель имён, упомянутых в книге	543
---	-----

Литературно-художественное издание

Ирина и Сергей Телюк

ПРОЩАНИЕ
Автобиографический роман
на два голоса

Редактор *Анна Гедымин*
Макет *Виктория Челядинова*
Корректор *Татьяна Новикова*

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.ru

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.ru
svirin@zebrae.net

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт в Интернете: www.chpk.ru;
E-mail: sales@chpk.ru;
Тел.: 8 (495) 988-63-87.

Август 1994 года, г. Евпатория

26 октября 1995 года

19 декабря 1995 года.
С Александром Бухаровым в ЦДХ («Иришка, учись!»)...

16 сентября 1995 года. С Андреем Шагаровым
и Андреем Апухтиным (и котом Чучей)...

16 января 1996 года. С Николаем Старшиновым, а также Валерий
Краснопольский (16.11.2012) в ЦДЛ...

17 мая 1996 года. В гостях у Демидовых (Лизы, Марины, Сергея), второй справа – Сергей Бондаренко...

14 декабря 1996 года. С Александром Климовым-Южиным и Петром Дектярёвым в ЦДЛ...

17 мая 1996 года. С Галиной Воробьёвой в РосЦИТО...

4 июня 1996 года, Немчиновка. С Александром Телюком (Аликом) и Галиной Сенчевой...

Январь 1997 года. С Галиной Рой и Валерией Сычёвой в редакции альманаха «Истоки», а также с Владимиром Тепляковым (30.05.2003, ЦДЛ)...

13 февраля 1997 года. Александр Аронов

29 апреля 1997 года. С Сергеем Алимовым
и Вадимом Кулаковым в ЦДХ...

27 февраля 1997 года. Вадим Черняк

13 мая 1997 года. С Татьяной Бек в ЦДЛ...

1 марта 1998 года

1 марта 1998 года

15 мая 1997 года. С Андреем Добрыниным в Политехническом...

12 ноября 1998 года. С Андреем Шацковым и Владимиром Фирсовым в МГО СП России...

11 апреля 1998 года. Людмила и Владимир Глинские

Лето 1998 года, Ильинский Погост. Андрей Апухтин

10 апреля 1999 года. С Александром Фатюшиным, только что сыгравшим купца Самсона Сильча Большова в «Банкроте» (за кулисами Филиала театра имени Маяковского)...

23 ноября 1999 года. Во время и после (дома) презентации в ЦДЛ «Книги второй. Страны родной»...

16 декабря 1999 года, г. Сероцк (Польша). Вернисаж...

14 декабря 1999 года, г. Варшава. В Варшавском университете...

Январь 2000 года. С Любовью Кузьминичной, Любашей и Сергеем Смысловыми...

Сентябрь 2000 года, г. Туансе. Слёт ДИМСИ...

15 апреля 2001 года. Среди родителей, детей, внуков и правнуков: с Вадимом и Владиславом Бесчеревных, Сергеем Мартовым (стоят), Натальей Бесчеревных, Юрием Пантелеймоновичем и Татьяной Алексеевной Телюк, пятимесячным Владиком и Вероникой Мартовыми...

30 мая 2001 года. С Ниной Борисовной Телюк, Натальей Шумянской, Татьяной Алексеевной и Юрием Пантелеймоновичем Телюк, Галиной и Сергеем Мозалёвыми, а также Игорь Нагаев и Валентин Оскоцкий в ЦДХ на вернисаже V выставки Академии живописи университета Натальи Нестеровой...

*Апрель 2001 года, г. Варшава. Портрет работы
Евгения Шустова (г. Варшава)*

*Август 2001 года, г. Гданьск. Портрет работы Евгения Шустова
(г. Варшава)*

6 июля 2001 года. Со Светланой Довгер и Олегом Михайловичем Петровым...

16 апреля 2002 года. Накануне переезда...

2 мая 2002 года. С внуком Сашей (родился 17 апреля), Таней и Андреем...

11 мая 2002 года. С Ириной Ленниковой и Анатолием Кузнецовым во время организованной университетом Натальи Нестеровой субботней прогулки на теплоходе «Николай Бауман»...

26 июня 2002 года. До и после защиты диплома...

25 июля 2002 года, г. Краков. С Игорем Виноградовым и Львом Ивановым-Аннинским в Зале заседаний Ягеллонского университета, где учился Николай Коперник...

17 февраля 2003 года. С Лолой Звонарёвой и Белой Риго...

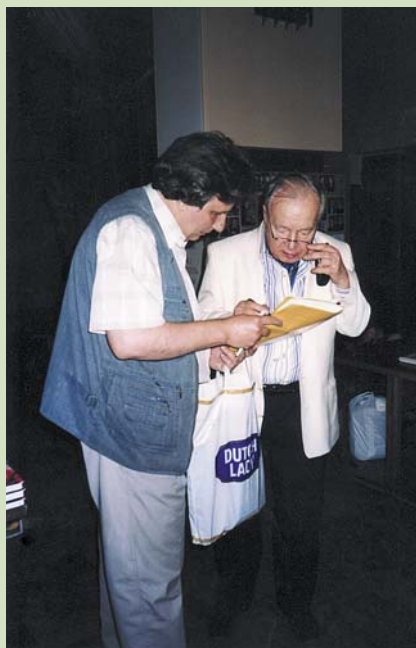
14 мая 2003 года. С Ниной Красновой, Кириллом Ковальджи, Еленой Исаевой и Лолой Звонарёвой перед началом вечера в честь 70-летия Андрея Вознесенского в Зале имени Чайковского...

15 мая 2003 года.
С Андреем Вознесенским, и Нонной и Евгением Весник в ЦДЛ...

15 мая 2003 года. С Игорем Михайловым, Валерием Дударевым
и Сергеем Мнацаканяном в галерее «Кентавр»...

31 июля 2003 года, г. Сопот. С Александром Шупловым...

*18 августа 2003 года, Ильинский Погост.
С Владимиром Ивановичем Шумовым...*

22 августа 2003 года, Ильинский Погост. Мастерская в мансарде...

2 сентября 2003 года. Дома...

11 ноября 2003 года. Юрий Влодов

Среди преподавателей Академии живописи университета Натальи Нестеровой (в т. ч. Сергей Алимов, Ольга Муратова, Вадим Кулаков, Анатолий Кузнецов, Ольга Самовская, Андрей Панченко), а также с Еленой Цыплаковой (16.07.2004) после выдачи дипломов выпускникам...

21 января 2004 года (день 10-летия нашего венчания). После (с Вадимом Егоровым) и во время (Виктор Попов) презентации в ЦДЛ книги «Предначертание»...

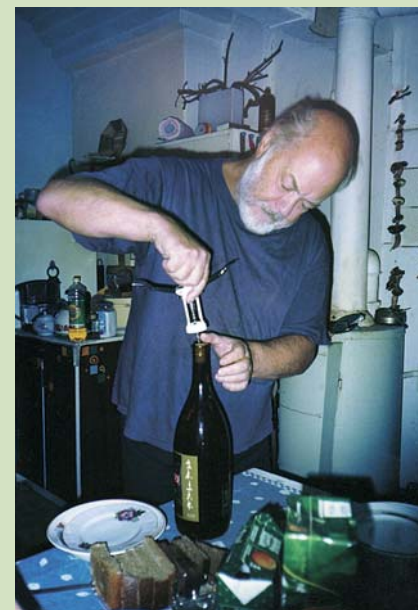

8 августа 2004 года, Ильинский Погост. Домик в деревне...

19 сентября 2004 года, Переделкино. В гостях у Александры и Льва Ивановых-Аннинских...

10 декабря 2004 года. С Риммой Казаковой в МСХ на Старосадском...

2 и 3 августа 2005 года, г. Сопот.
С Ренэ Герра и Юрием Дружниковым...

8 марта 2005 года. С Любовью
Прунтовой в Кускове...

15 марта 2005 года. С Валерием
Золотухиным в ЦДЛ...

26 января 2006 года. В ЦДЛ перед творческим вечером Валентина Оскоцкого...

1 апреля 2006 года. Николай Зельманович и его фотография однокашников на традиционной встрече выпускников МАДИ...

31 марта 2006 года. С Ираидой Фировой, Натальей Шумянской и Светланой Довгер после презентации книги «И отчалил кораблик, привет!..» в ЦДЛ...

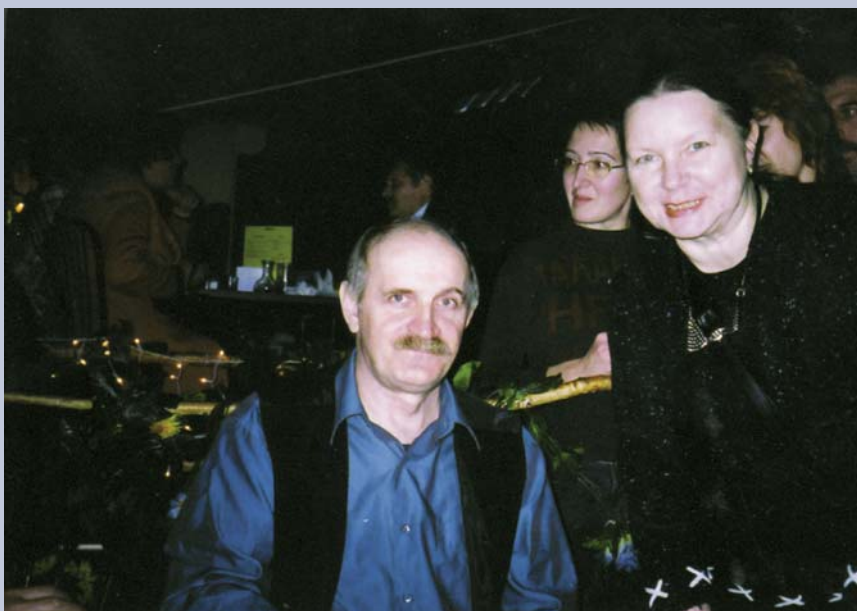
15 апреля 2006 года. С Александром Смогулом...

16 ноября и 8 декабря 2006 года. С Сергеем Никитиным и Александром Сухановым в «Гнезде глухаря»...

5 января 2007 года. С Ириной Фетисовой, Анатолием Кузнецовым, Ольгой Самовской и Ириной Ленниковой (новоселье в Ириной мастерской)...

5 августа 2007 года, г. Сопот. С Ниной Перетякой...

15 сентября 2007 года, Лашино. С Клавдией Васильевной Поповой (урождённой Прунтовой) в день её 100-летия...

15 сентября 2007 года, Ильинский Погост. Бабье лето...

16 октября 2007 года. Подготовка к фуршету...

15 сентября 2007 года, Ильинский Погост...

10 октября 2007 года. Перед интервью на радио «Голос России»...

16 октября 2007 года. С Василием Бубновым и Вадимом Кулаковым во время открытия персональной выставки в МСХ на Старосадском...

16 октября 2007 года. После открытия персональной выставки в МСХ на Старосадском...

16 октября 2007 года. Там же с внуком Сашей, Вадимом Егоровым и Олегом Агринским (вверху: слева – Борис Евсеев, в центре – Виктор Лунин и Алесь Кожедуб)...

17 октября 2007 года. На персональной выставке Ирины в МСХ на Старосадском...

20 октября 2007 года. Там же (вверху – с Татьяной Сухановой около портрета её мужа Александра Аронова)...

30 ноября 2007 года. С Людмилой Глушковской и Татьяной Воронкиной в Культурном, научно-информационном центре Венгерской Республики...

21 февраля 2008 года. С Еленой Черниковой на «Народном радио» (прямой эфир)...

26 декабря 2007 года. С Лолой Звонарёвой и Ольгой Кужеватовой на кафедре Академии живописи в университете Натальи Нестеровой («За 70-летие Анатолия Кузнецова!»)...

9 марта 2008 года...

24 марта 2008 года. С Инной Кабыш, Анной Гедымин, Владимиром Костровым и Владимиром Дагуровым в Минкульте по случаю Дня поэзии и выхода одноимённого альманаха...

23 апреля 2008 года. С Олегом Хлебниковым, Александром Сахановым и Леонидом Жуховицким на поминках Вадима Черняка в ЦДЛ...

17 июня 2008 года, Ильинский Погост. С Еленой и Сергеем Серебровыми...

20 июня 2008 года. С Марией Реформатской в Академии живописи университета Натальи Нестеровой...

17 января 2009 года. С Александрой и Львом Ивановыми-Аннинскими на выставке «Московские монументалисты. XXI век» на Кузнецком Мосту, д. 20 (у Ирининой работы «Прощание»)...

9 июля 2008 года. С Анатолием Кузнецовым в его мастерской...

9 февраля 2009 года. С Ивайло Петровым в ЦДЛ...

26 февраля 2009 года. Сергей Алимов в своей мастерской...

14 и 24 августа 2009 года, Ильинский Погост

7 июля 2009 года. С Татьяной и Александром Хохловыми...

1 сентября 2009 года. С внуком Сашей (первый раз в первый класс)...

1 января 2010 года, Правда. Новый год у Бесчеревных...

7 января 2010 года. С Еленой Ваниной, Сергеем Мозалёвым, Владимиром Щетининым и Галиной Мозалёвой (внизу) в «Переделкино»...

6 января 2010 года. С Анной Гедымин на Рождество в «Переделкино»...

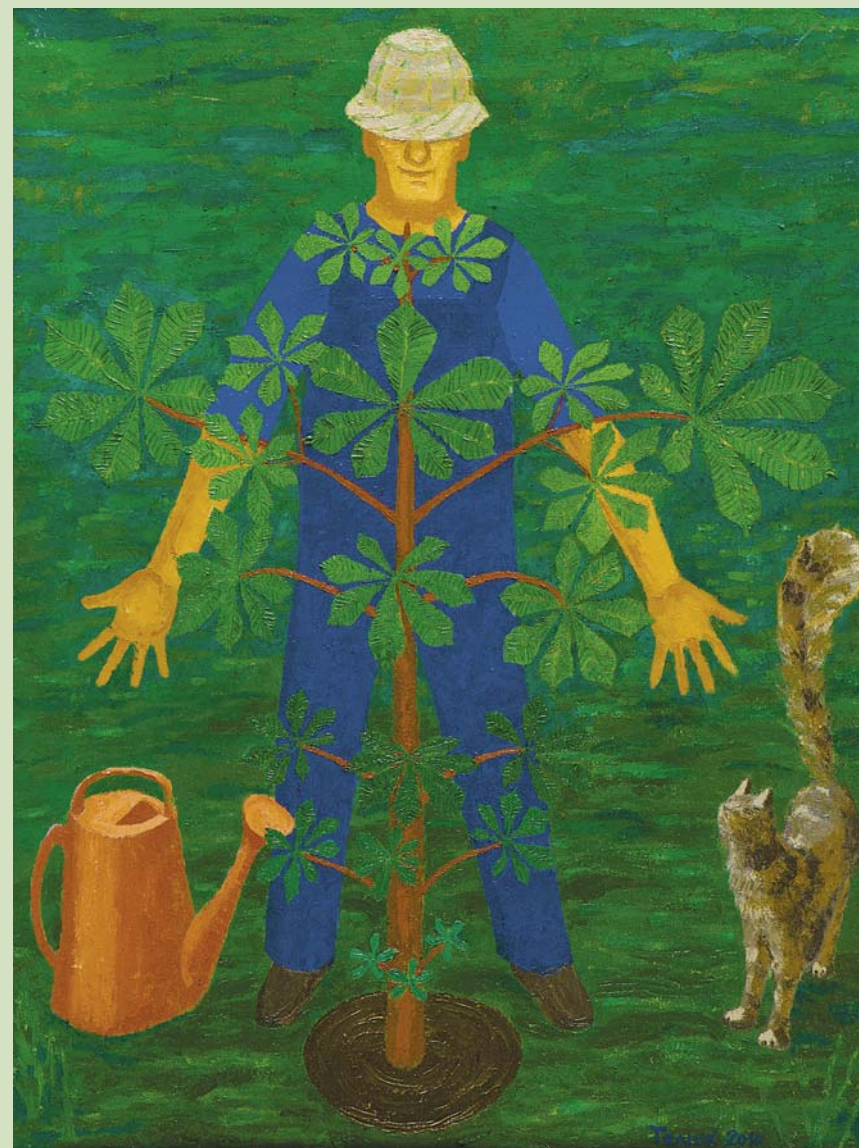
10 января 2010 года. С внуком в мастерской при подготовке к выставке...

29 января 2010 года. После открытия выставки «Мир живописи и скульптуры» в ЦДХ (на фоне своих двух последних работ)...

«Ночной дозор». 2010. Холст, масло, 69 × 50

«Каштанчик». 2010. Холст, масло, 90 × 75

10 марта 2010 года. Во время выписки...

31 марта 2010 года

9 апреля 2010 года. С Сергеем Серебровым на Нагорной...

17 апреля 2010 года. С Сашей и Татьяной Волковыми
(на восьмилетии внука)...

18 апреля 2010 года. С Ираидой Фировой в Кускове...

1 мая 2010 года, Ильинский Погост

15 мая 2010 года

15 мая 2010 года

25 мая 2010 года, Ильинский Погост

25 мая 2010 года, Ильинский Погост (с Чусиком)

7 июня 2010 года. С Василием Бубновым на открытии очередной выставки в МСХ на Старосадском...

20 июня 2010 года. В Кускове...

Дорогой брат Степан!
Спешу поздравить тебя добро-
го здравия и всего наилучшего
вблизи. увидевши же тебя, что
и уже более года было и было
сродно неужь или нет ни
кого, а также и твоя краин-
лишка, говорят только можно
вспомнить, идем поэтому
дорогой брат Степа позаботься
или купишь его только, чтобы
известно безведной приехать
купи или не купиле куда деши
вышше или привезу, а ты купи
сейчас по слову только не вкисавай
ехать в Стайки к Степану Боду-
кши и попроси его оти или про-
дасть безведной приехать, а если
у него нетт то у его Шуринови есть
пожалон ешу и его семейству передай

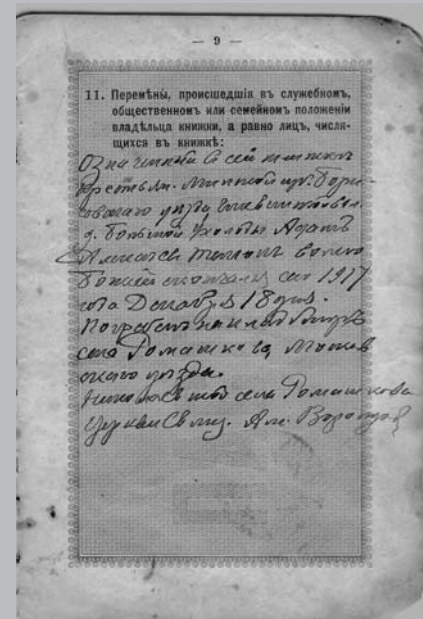
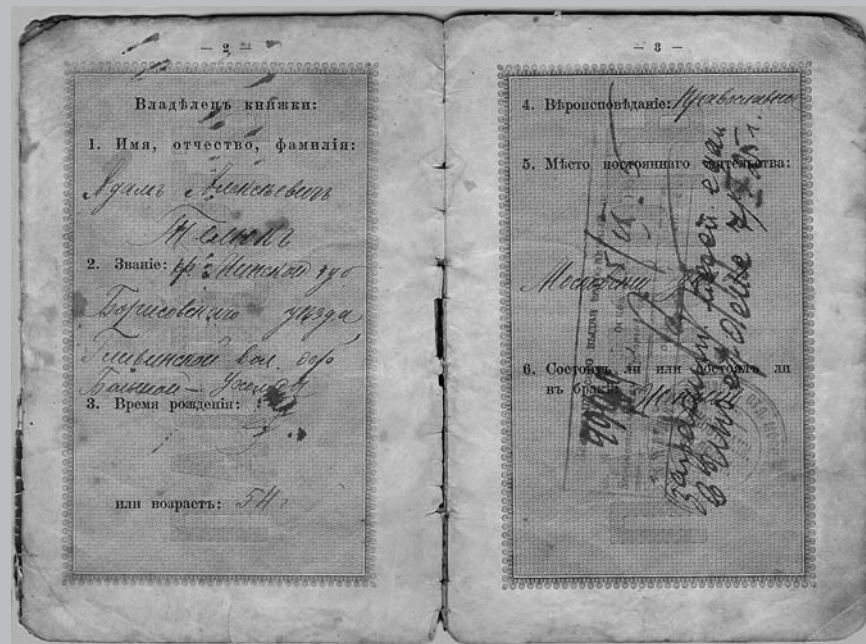
Письмо Адама Алексеевича Телюка (прадедушки)
брату Степану в Большую Ухолуду (Белоруссия)

Съ примишено меду у шкелья сьомъ
 скамьло фрессы, а што надо не под
 дымной ведр примысьи какъ се
 чюдъ мисной фотъ перетусла
 ны Степанъ знаетъ што значить
 чистый. Пожмицисетья дорожн
 братъ не втлазри позаводекъ
 меновити мюю просебу сфо
 ди въ стайкы къ Степану
 зачто прешного буду два
 годаренъ. Поманъ твоему
 всему семейству брату сьртно
 Ивану Сьртелуру и великъ зна
 камышъ и рогонъшъ мтад
 братъ А. А. Мешковъ

Къто памуртъшъ мш Иванъ денъ
 ш ед ешу носнат двинадцать
 рубльи, котрые десяти руб драмъ къ
 нити самоваръ, а два рубль за то, што
 продержанъ

Адресъ мой по Александров
 ской океанъ. дорожн Виктория
 ской гостыи собственнй дама
 А. А. Мешковъ

Оборот письма Адама Алексеевича брату Степану в Большую Ухолоду (Белоруссия)

Страницы бессрочной паспортной книжки Адама Алексеевича, первоначально выданной 26 июля 1914 года (за два дня до начала Первой мировой войны и за пять дней до всеобщей мобилизации в армию Российской империи). Позднее книжкой пользовалась прабабушка...

Июнь 1911 года, полустанок «20 верста» Брестской дороги
(ныне станция «Баковка»). Алексей Телюк (стоит второй справа)
среди игроков футбольной команды...

1914 год. Он же, Алексей
Адамович Телюк (справа)...

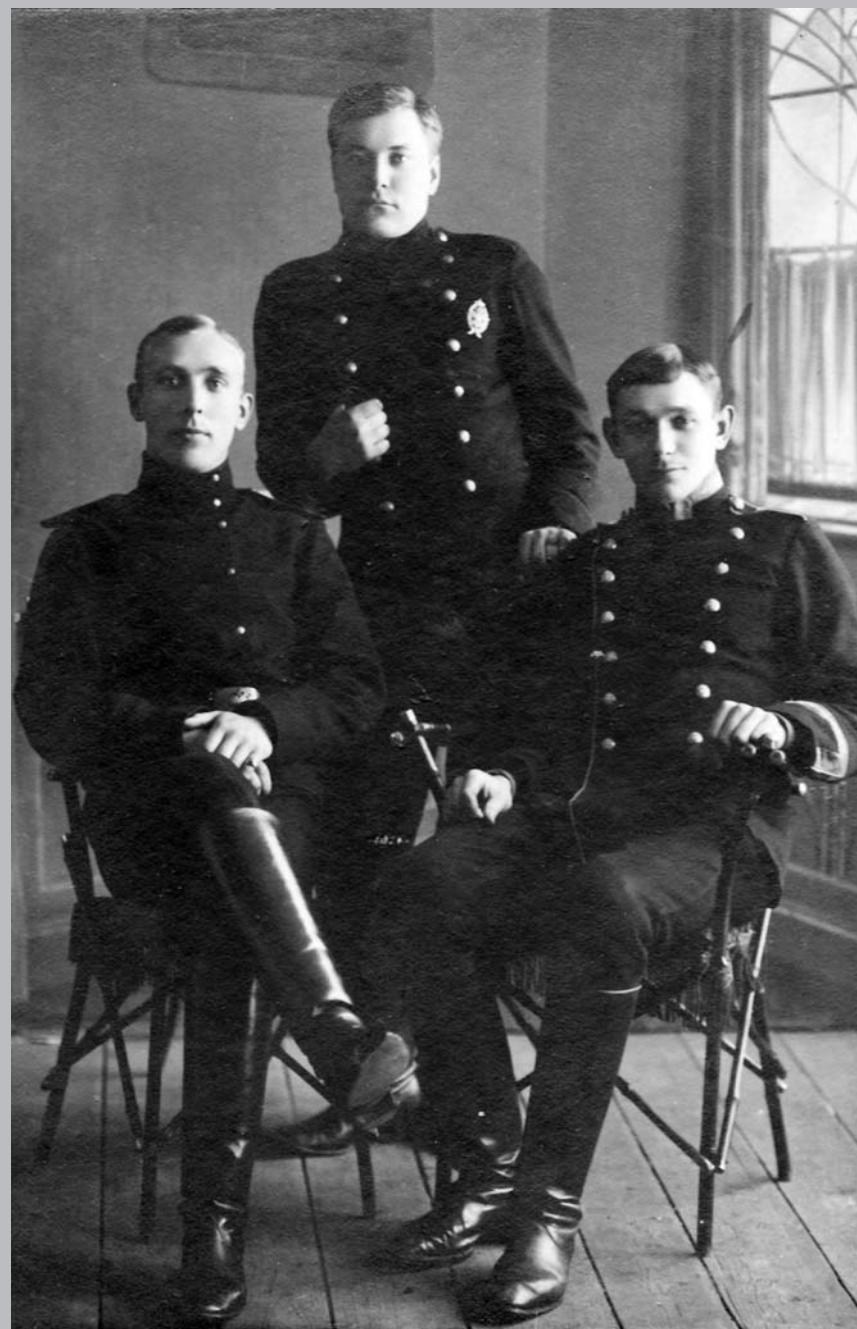

г. Сидней. Он же в Австралии...

Начало XX века, г. Москва. Пантик (дедушка)...

1 февраля 1915 года, г. Борисов. Он же, Пантелеймон Адамович Телюк (слева)...

1918 год. Александр Адамович Телюк на Кавказском фронте...

Начало 1920-х годов, г. Москва. Он же в послевоенное время...

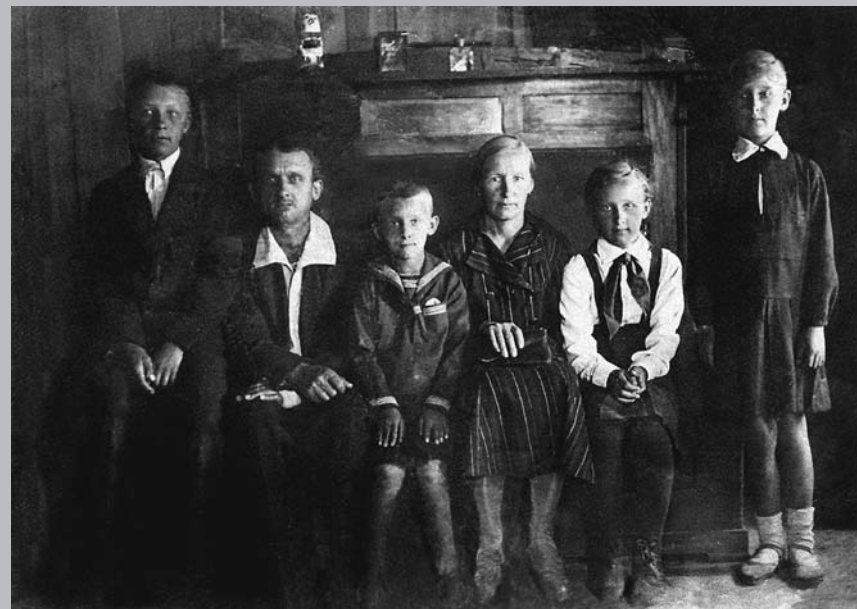
*1920-е годы. Борис Адамович Телюк,
срочная служба в Рабоче-крестьянской Красной армии...*

*Начало 1930-х годов, Немчиновка. Братья Адам Адамович,
Борис Адамович и Пантелеймон Адамович...*

Начало 1930-х годов, Немчиновка. Лариса, Надежда, Евгения Адамовна (урождённая Телюк) и Вера Ларионовы, Борис Александрович Глинка, Мария Адамовна, Надежда Адамовна и Мария Антоновна (прабабушка, урождённая Анискевич) Телюк, Николай и Нина Адамовна (урождённая Телюк) Иноземцевы...

Конец 1930-х годов, Рассудово. Пелагея Кирилловна и Алексей Гаврилович Ермиловы со своими старшими детьми Николаем, Зоей, Валентиной и Татьяной (мама)

1950–1980-е годы, Немчиновка. Молодое поколение (Александр Телюк (Алик), Алексей и Александр Глинки, Анна, Нина (крёстная) и Герман Телюк), а также сёстры Надежда Адамовна и Нина Адамовна...

22 сентября 1936 года, г. Москва. Аполлинария Николаевна (урождённая Трубникова) и Пантелеймон Адамович Телюк со своими детьми Кирой и Юрой (папа)

25 октября 1946 года,
Германия...

Лето 1951 года,
Немчиновка.
В гостях...

23 декабря 1957 года,
г. Москва. Мне почти
1 год и 9 месяцев
(ул. Новопесчаная,
д. 23, во дворе)...

Весна 1971 года. В лодке-восьмёр-
ке «Водника» (вверху – второй
справа, внизу – справа) во время
одной из тренировок перед побед-
ным чемпионатом Москвы...

11 июля 1977 года. Аполлинария
Николаевна Телюк (бабушка)...

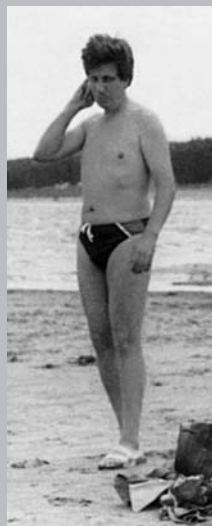
Начало 1960-х годов, г. Москва. С мамой, папой и сестрой Наталией...

Весна 1982 года.
С двухлетней дочкой
Вероникой...

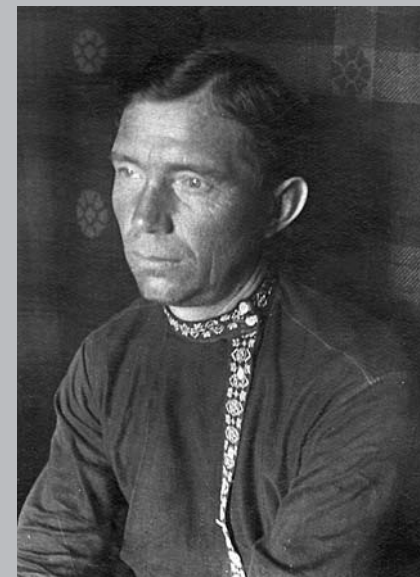
29 марта 1986 года. С Сергеем Мозалёвым,
Владимиром Щетининым и Владимиром
Морозовым (мой 30-й день рождения)...

Конец июля 1992 года, г. Старый Оскол. На фестивале поэзии и авторской песни «Оскольская лира» с Владимиром Цапным и Романом Исаковым (вверху слева), Владимиром Пустовитовским (вверху справа), Ириной Пустовитовской и Анной Лазаревой (внизу), а также Ириной, тогда ещё Волковой (вверху и внизу справа)...

1917 год. Мария Ивановна Горячева (бабушка, урождённая Прунтова) с сыном Виктором

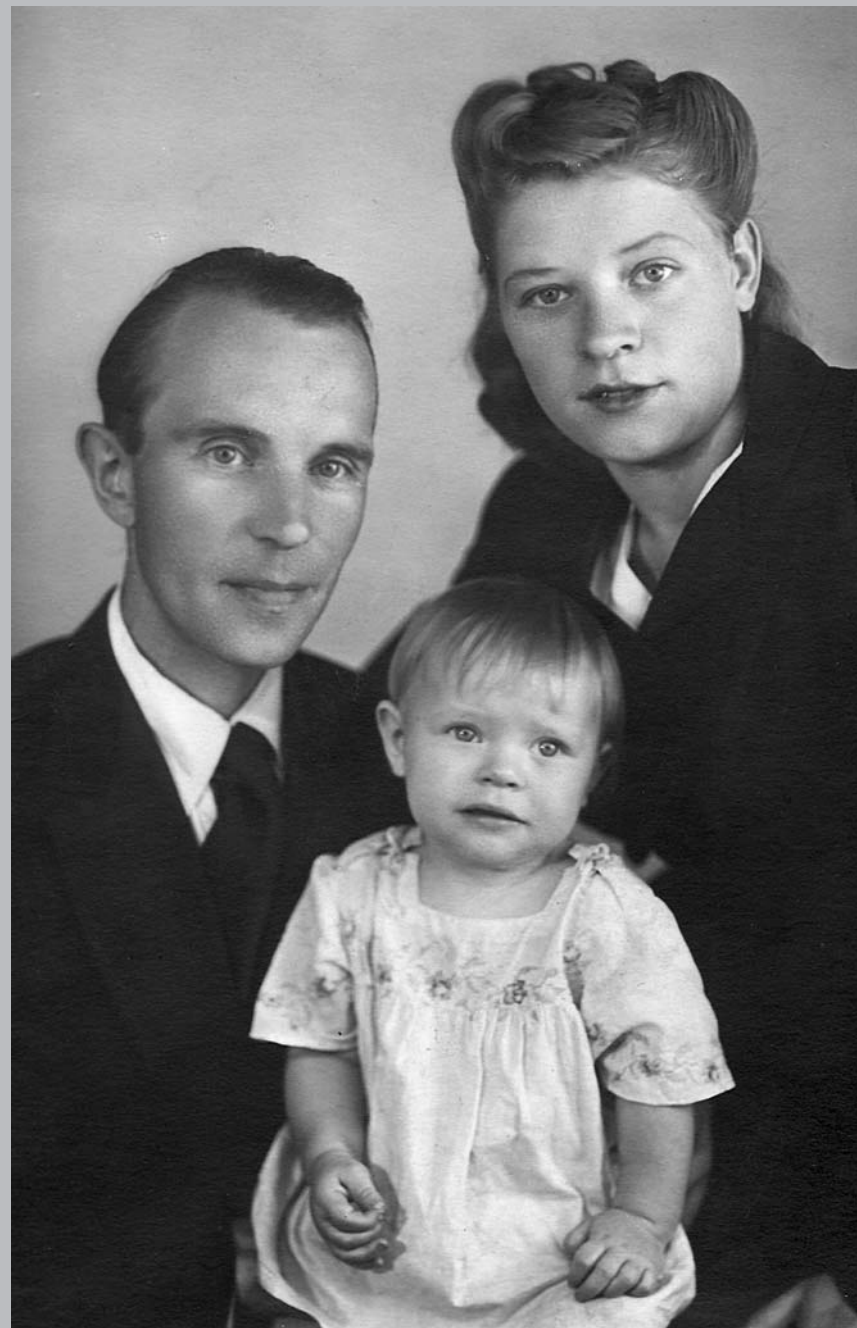
1934 год. Павел Васильевич Горячев (дедушка)

1934 год. Дом на Ильинском Погосте (ныне ул. Новая, д. 11)

Август 1945 года, Ильинский Погост. Мария Ивановна и Павел Васильевич Горячевы

Август 1947 года, г. Москва. Анна Семёновна (урождённая Балычева) и Виктор Павлович Горячевы со старшей дочерью Наташей

Весна, лето 1952 года, г. Дальний (Китай). Ирина...

Лето 1952 года, г. Дальний (Китай). С мамой...

Весна 1953 года, г. Москва. С папой на Землячке...

Лето 1953 года, Ильинский Погост. С двоюродным братом Сашей Скороходовым в саду около дома...

1957 год. С Ольгой и Варварой Александровнами Бесфамильными на Землячке...

Лето 1953 года, Ильинский Погост. В Поповском лесу...

1954 год, г. Москва. В кв. 1. на ул. Землячки (ныне Большой Татарской), д. 11...

1958 год. Дом на Землячке (вход на первый и второй этажи – справа, в конце заборчика, где и сделана фотография с сёстрами Бесфамильными; вход в полуподвал – слева, под козырьком: там жила и семья Жильцовых, чья дочь Света стала диктором ТВ), пятиэтажка на дальнем плане была построена незадолго до расселения...

*1 сентября 1959 года, г. Москва. Спокой перед выходом в школу
(первый раз в первый класс)...*

*1957 год,
Ильинский Погост*

1960 год, г. Бухарест (Румыния)

*1961 год, г. Бухарест (Румыния). На балконе Юлия Стаханова
и мама...*

1956 год, Ильинский Погост. С тётёй Наташей (женой дедушкиного брата из Рязани), бабушкой Марией Ивановной, мамой Анной Семёновной, дедушкиным братом из Рязани Александром Васильевичем, дедушкой Павлом Васильевичем Горячевыми и сестрой папы Ираидой Павловной Скороходовой, а также с сестрой Наташей, троюродной сестрой Ирой (внучкой дедушкиного брата из Рязани) Горячевыми и двоюродными братьями Сашей и Лёшей Скороходовыми

1964 год, Ильинский Погост. С бабушкой и дедушкой...

1963 год, г. Москва. Отъезд в деревню на летние каникулы (одна!)...

1 мая 1964 года, Ильинский Погост

1966 год. На ВДНХ...

1970 год. МИЭМ, студенчество,
картошка...

На студенческой встрече Нового
1976 года...

1976 год. За грибами с однокурсницей Натальей Петровой...

Апрель 1974 года. С трёхмесячным сыном Андреем...

Август 1976 года. С сыном...

*1980 год. Анна Семёновна и Виктор Павлович Горячевы с дочерьми
Ириной и Натальей, внуком Андрюшей (сыном Ирины)
и внучкой Танечкой (дочерью Натальи)*

1989 год

Не припомню уже, где именно впервые увидел их вместе... но помню, что увидев, сразу осознал неразлучность этой пары. Она и он. Неразделимо.

Впрочем, у неё были некоторые преимущества быть замеченной. Стать и обаяние приковывали взгляд. Но взгляд натывался на та-

кую доверчивую серьёзность её лица, на такую открытую доброту, что ни о какой игре или кокетстве не могло быть и речи.

В нашем общении как-то естественно на первое место вышел Сергей; что же до Ирины, то я, честно сказать, придерживался некоторой дистанции, боясь увлечься. С Сергеем же никакой дистанции не чувствовал (хотя по возрасту годился ему и ей в отцы)... К суждениям Сергея я с любопытством прислушивался, вникал в них и его тексты. Ирина же тихо красовалась поодаль в обрамлении своих изящных картинок...

И если павшего погребают, – образ его, светящийся во мраке, отлетает ввысь, храня то «предощущение дороги», без которого в этой фатальной закольцованности судеб – не обойтись. (Июль 2010 г.)

Что продиктовало мне эти финальные слова о погребении павших? Смертные диагнозы врачей, упавшие одновременно на Сергея и на меня, и предсказавшие вдовство нам обоим? Предчувствие...

Последнее, потрясшее меня, послание Ирины Сергею – из больницы. Через 10 дней после запоздалой, безнадёжной уже операции. Короткая эсэмэска:

Я тебя люблю. Ирина.

Если знать обстоятельства, когда это написано, – можно подумать, что, смертельно обречённая, она просит о защите.

Но если знать её характер, то понимаешь, что не о защите просит она, а своей любовью хочет поддержать Сергея, не дать ему отчаяться, – защитить его.

Лев Аннинский

ПРОЩАНИЕ

Ирина и Сергей
ТЕЛЮК

Ирина и Сергей
ТЕЛЮК

ПРОЩАНИЕ

Автобиографический роман
на два голоса

Это издание наряду с «Трёхкнижием» и «Однажды в XX веке» представляет серию из трёх книг, специально подготовленную Сергеем Телюком

ISBN 978-5-906339-24-9

9 785906 339249